

ПРАВО И ПРАКТИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ НИИ ИСТОРИИ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА И КУБАНСКОЙ КОЛЛЕГИИ АДВОКАТОВ АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ - М.: НИИ ИЭП, 2022. - №1. - 237 с.

Главный редактор: Шахкелдов Фридрих Григорьевич – доктор юридических наук, доцент.

Редакционная коллегия

Андриановская Ирина Ивановна - доктор юридических наук, профессор;
Астафьева Ольга Николаевна – доктор философских наук, профессор;
Бочкарева Екатерина Александровна - доктор юридических наук, профессор;
Баркова Элеонора Владиленовна – доктор философских наук, профессор;
Выпханова Галина Викторовна – доктор юридических наук, профессор;
Гайдамашко Игорь Вячеславович – академик РАО, доктор психологических наук, профессор;
Горлова Ирина Ивановна – доктор философских наук, профессор;
Го Сяоли – доктор филологических наук, профессор;
Дашин Алексей Викторович – доктор юридических наук, профессор;
Дмитренко Андрей Петрович – доктор юридических наук, профессор;
Епифанов Александр Егорович – доктор юридических наук, профессор;
Жаворонкова Наталья Григорьевна – доктор юридических наук, профессор;
Жеребцов Алексей Николаевич – доктор юридических наук, профессор;
Залиханов Михаил Чоккаевич – академик РАН, доктор географических наук, профессор;
Иншакова Агнесса Олеговна – доктор юридических наук, профессор;
Камышанский Владимир Павлович – доктор юридических наук, профессор;
Карев Борис Анатольевич – доктор педагогических наук, профессор, академик РАО;
Кибильник Алексей Григорьевич – доктор юридических наук, профессор;
Курдюк Петр Михайлович – доктор юридических наук, профессор;
Леванова Елена Александровна – доктор педагогических наук, профессор;
Лозовский Денис Николаевич – доктор юридических наук, профессор;
Ломов Станислав Петрович – академик РАО и РАХ, доктор педагогических наук, профессор;
Меретуков Гайса Мосович – доктор юридических наук, профессор;
Мирошник Светлана Валентиновна – доктор юридических наук, профессор;
Ображиев Константин Викторович – доктор юридических наук, доцент;
Овсянникова Татьяна Анатольевна – доктор философских наук, профессор;
Попова Юлия Александровна – доктор юридических наук, профессор;
Рыжаков Михаил Викторович – академик РАО, доктор педагогических наук, профессор;
Садохин Александр Петрович – доктор культурологии, профессор;
Сапфирова Аполлиария Александровна – доктор юридических наук, профессор;
Снигирёва Ирина Олеговна – доктор юридических наук, профессор;
Соловей Юрий Петрович – доктор юридических наук, профессор;
Турицын Игорь Викторович – доктор исторических наук, профессор.
Фендоглу Хасан Тахсин – доктор юридических наук, профессор;
Шадже Азамат Мухамчериевич – доктор юридических наук, профессор.

Адрес редакции: 119192, Москва, Мичуринский проспект 16, к.267. Тел. +7 (495) 227-24-13. E-mail: info@helri.com; pip@helri.com; Сайт: www.helri.com

ISSN 2411-2275

© «Право и практика»; Авторы публикаций.

LAW AND PRACTICE

SCIENTIFIC JOURNAL OF HISTORY, ECONOMICS AND LAW RESEARCH INSTITUTE AND OF KUBAN COLLEGIUM OF ADVOCATES OF THE BAR OF KRASNODAR REGION. - M.: HELRI, 2022. - № 1. - 237 p.

Editor-in-chief:

Shahkeldov, Friedrich G. - Doctor of Law, Associate Professor.

Board of editors:

Andrianovskaya, Irina I. - Doctor of Law, Professor;
Astafieva, Olga N. - Doctor of Philosophy, Professor;
Bochkareva, Ekaterina A. - Doctor of Law, Professor;
Barkova, Eleonora V. - Doctor of Philosophy, Professor;
Vypkhanova, Galina V. - Doctor of Law, Professor;
Gaidamashko, Igor V. - Doctor of Psychology, Professor, the Corresponding Member of the Russian Academy of Education;
Gorlova, Irina I. - Doctor of Philosophy, Professor;
Go Syaoli - Doctor of Philology, Professor;
Dashin, Alexey V. - Doctor of Law, Professor;
Dmitrenko, Andrey P. - Doctor of Law, Professor;
Epifanov, Alexander E. - Doctor of Law, Professor;
Zavoronkova, Natalya G. - Doctor of Law, Professor;
Zherebtsov, Alexey N. - Doctor of Law, Professor;
Zalikhonov, Mikhail Ch. - Doctor of Geography, Professor, the Academician of the Russian Academy of Sciences;
Inshakova, Agnessa O. - Doctor of Law, Professor;
Kamyshansky, Vladimir P. - Doctor of Law, Professor;
Karev, Boris A. - Doctor of Pedagogics, Professor;
Kibilnik, Aleksey G. - Doctor of Law, Professor;
Kurdyuk, Petr M. - Doctor of Law, Professor;
Levanova, Elena A. - Doctor of Pedagogics, Professor;
Lozovsky, Denis N. - Doctor of Law, Professor;
Lomov, Stanislav P. - Doctor of Pedagogy, Professor, the Academician of the Russian Academy of Education, the Academician of the Russian Academy of Arts;
Meretukov, Gaysa M. - Doctor of Law, Professor;
Miroshnik, Svetlana V. - Doctor of Law, Professor;
Obrazhiev, Constantin V., - Doctor of Law, Associate Professor;
Ovsyannikova, Tatiana A., - Doctor of Philosophy, Professor;
Popova, Julia A. - Doctor of Law, Professor;
Ryzhakov, Mikhail V. - Doctor of Pedagogy, Professor, the Academician of the Russian Academy of Education;
Sadokhine Alexander P. - Doctor of Cultural Studies, Professor;
Sapfirova, Apollinaria A. - Doctor of Law, Professor;
Snigiryova, Irina O. - Doctor of Law, Professor;
Solovey, Yuri P. - Doctor of Law, Professor;
Turitsyn, Igor V. - Doctor of History, Professor;
Fendogli, Hasan Tahsin - Doctor of Law, Professor;
Shadzhe, Azamat M. - Doctor of Law, Professor.

ISSN 2411-2275

© «Law and practice»; Authors of the publications

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРАВО

РОСЕНКО М.И., СОКОЛОВ Н.Н., ПЕРЕГУДОВ Я.С. К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	5
УПОРОВ И.В., ТАМАЗОВА А.Д., ГОЛУБИХИНА Н.В. КОНЦЕПЦИЯ, ПРИЗНАКИ И ОСНОВАНИЯ НАСТУПЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	11
ПЕТРЕНКО М.Н. НРАВСТВЕННЫЙ ПРЕДЕЛ ПРИМЕНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ	17
ДРУЖИНИНА А.В., ЯКОВЛЕВА-ЧЕРНЫШЕВА А.Ю., ФАРОИ Т.В. АДАТЫ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ У НАРОДОВ КАВКАЗА В СОСТАВЕ РОССИИ	22
ЧЕРКЕСОВА Л.И. ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1810-1906 ГГ.)	26
СВЕЧНИКОВА В.В. РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО КОНТРОЛЬ И НАДЗОР В СФЕРЕ НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	33
УПОРОВ И.В., ШЕУДЖЕН Н.А., ТАТЛОК А.К. ПРАВОВАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИЦИИ И СЛЕДСТВЕННО-РОЗЫСКНЫХ СТРУКТУР В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II (ДО УСТАВА БЛАГОЧИНИЯ 1782 ГОДА)	36
ФЕДОРЕНКО С. А., СМЕТАНА Н. В. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ «КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ» В КИТАЕ	44
ПОКРОВСКАЯ Н.В. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ ВТО И ЕАЭС	47
ГЛАЗУНОВА И.В. АНАЛИЗ ОПЫТА АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ 2003-2010 ГГ. КАК ИНСТРУМЕНТ ПОИСКА ФОРМ И МЕТОДОВ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	52
ЛУКЬЯНОВА Д.Д., ОГНЕВА Е.А. К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННЫХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	58
КОВТУН О.А., ТЕРЕЩЕНКО Н.Д., НЕТИШИНСКАЯ Л.Ф. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНСТИТУТА ПРЕДВЫБОРНОЙ АГИТАЦИИ В УСЛОВИЯХ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ	63
ЛЕОНОВ Д.В. АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ЗА ПРИНЯТИЕ НЕПРАВОМЕРНЫХ АКТОВ	67
СТЕПЕНКО В.Е., МОРОЗОВ В.Е. АТТЕСТАЦИЯ МИЛИТАРИЗОВАННЫХ СЛУЖАЩИХ В КОНЦЕПЦИИ РЕГУЛИРОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ	71
СМОРЧКОВА Л.Н. РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ПУБЛИЧНЫМ ИМУЩЕСТВОМ	77
СОКОЛОВА О.В., ИСАЕВА Н.В. СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	82
СОЛОВЬЕВА С.В. К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ	85
МОРОЗОВ В.Е. АЛГОРИТМИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ В СИСТЕМЕ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ ОЦЕНКИ ВОЗДЕЙСТВИЯ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ)	91
АКИМОЧКИН В.И., ПОЗНЯК В.Д. ДОВЕДЕНИЕ ДО САМОУБИЙСТВА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ	95
МАСЛОВ А.А., ЧОЧУЕВА З.А. УСТАНОВЛЕНИЕ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ УБИЙСТВА, СОВЕРШЕННОГО ПРИ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЕ	101
ФОМЕНКО Д.Д. О ПОНЯТИИ И МЕХАНИЗМЕ ОРГАНИЗАЦИИ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ	106
БАХМАДОВ Б.Д. ИСТИНА И ДОСТОВЕРНОСТЬ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	109

СОЛОВЯНЕНКО Н.И. АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ЗАЩИТЫ ПРАВ В СФЕРЕ ЦИФРОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	114
ГАВРИЛОВА Ю.А., ГАВРИЛОВА В.Д. КОНКУРЕНЦИЯ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: ОТЕЧЕСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ЭПОХУ ДЕВАЛЬВАЦИИ ЦЕННОСТЕЙ И ГЛОБАЛЬНЫХ РИСКОВ	119
КУДРЯВЦЕВА Л.В., БЫЗОВА Е.А. АНТИМОНОПОЛЬНЫЙ КОМПЛАЕНС: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ	125
КОПЫЛОВА М.Д., ЗАВГОРОДНЯЯ Л.Е., РЯБЧЕНКО А.Г. БАНКРОТСТВО ТРАНСПОРТНЫХ КОМПАНИЙ	129
АЛЕКСИКОВА О.Е., МЕЛЬНИК Е.А., МАЛЯВКИНА Н.В., ЯСТРЕБОВ А.Е. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА НАСЛЕДСТВЕННОГО ДОГОВОРА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	134
ВИЛЬДАНОВА М.М. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ «ЗЕЛЕНОГО» ФИНАНСИРОВАНИЯ И ИНЫХ «ЗЕЛЕНых» ФИНАНСОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ	140
БОЧКАРЕВА Е.А., ВОРОНЕНКО Е.В. ТРАНСФОРМАЦИЯ ФИНАНСОВО-КОНТРОЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ	148
ВОЛКОВА В.В. НЕЗАВИСИМАЯ ПРОВЕРКА КАК МЕРОПРИЯТИЕ В РАМКАХ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УПОЛНОМОЧЕННОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОРГАНА	154
ФАРИКОВА Е.А. СУБЪЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ И АУДИТА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	157
КУКАРСКАЯ К.В. ОТКРЫТИЕ ЭСКРОУ СЧЕТА, КАК ГАРАНТИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ЗАСТРОЙЩИКОМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПЕРЕД УЧАСТНИКОМ ДОЛЕВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА	163
ШЕРЕМЕТЬЕВА Н.В., ГОМЗЯКОВА Е.М. НАИМЕНОВАНИЕ МЕСТА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ТОВАРОВ ИЛИ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ УКАЗАНИЕ?	166
КОНЧАКОВ А.Б., МАГЕРЧУК В.А. К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТАХ И НАСЛЕДОВАНИИ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК	172
ПОПОВА Л.И. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	176
КУПИРОВА Ч.Ш. К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РЕАЛИЗАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ РОДИТЕЛЯМИ СВОИХ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ	183
АФАНАСЬЕВ М.А., МИШИНА Н.В., КУРТЫНОВ И.В. ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ (ПЕРСОНИФИЦИРОВАННЫЙ) УЧЕТ И ВЫПЛАТА ПОСОБИЙ ПО БЕЗРАБОТИЦЕ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ: НОВОВВЕДЕНИЯ В ЗАКОНЕ И ПРАКТИКА	187
ЯКОВЕНКО Н.А. НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПЕНСИОННЫЕ ФОНДЫ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В РОССИИ	191
САВЕНКОВА М.И. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ	196

ФИЛОСОФИЯ

БАРКОВА Э.В. ОРГАНИЧЕСКИЙ СИНТЕЗ КУЛЬТУР КАК ВОЗМОЖНОСТЬ НЕВОЗМОЖНОГО: К ЭКОФИЛОСОФСКОМУ ПРОЧТЕНИЮ «ЗАПАДНО-ВОСТОЧНОГО ДИВАНА» ГЕТЕ	201
РАУ И. ЯЗЫК, МОРАЛЬ И СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ	206
ПОПОВ С.И., ПОПОВА Н.С., ПОРХАЧЕВ В.Н. МАТЕРИАЛИЗМ, ИДЕАЛИЗМ И ПОСТИЖЕНИЕ ЯВЛЕНИЙ КУЛЬТУРЫ	214
МАЛОВ А.В., МАКАТОВ З.В. К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА	219

КОСТИН П.А. ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СОВЕТСКОГО ПАРТИЙНО- ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА НА РУБЕЖЕ 1980-Х-90-Х ГГ.	223
МАРКИН М.О., ФОМЕНКО М.В. ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО НА ПРОБЛЕМУ ДУХОВНОСТИ ЧЕЛОВЕКА И ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА	229
БЕЗВЕСЕЛЬНАЯ З.В. ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ	234

**РОСЕНКО М.И., СОКОЛОВ Н.Н., ПЕРЕГУДОВ Я.С.
К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Ключевые слова: правовое государство, принципы правового государства, право, государство, гражданское общество, верховенство права, исторические особенности российского государства.

В статье рассматриваются проблемы формирования правового государства с учетом исторических особенностей и современных реалий, исследуются актуальные проблемы в условиях формирования правового государства в РФ. Основываясь на понятиях права и правового государства, исследуется правовое регулирование в различных сферах жизнедеятельности общества, выявлены пробелы в законодательстве, а также изучены вопросы недостаточной правовой культуры и правосознания граждан, установлены некоторые аспекты их взаимосвязи и взаимообусловленности. Авторы полагают, что Россия успешно развивается как демократическое и правовое государство. Но это становление еще не преодолело всех проблем. К основным можно отнести отставание законодательства от уровня развития общественных отношений и недостаточно высокий уровень зрелости гражданского общества и правовой культуры граждан. Пробелы в законодательстве затрудняют, а порой делают просто невозможной защиту социальных интересов граждан в условиях возникновения новых общественно опасных деяний, за совершение которых законодательством не предусмотрены меры юридической ответственности. Правовое государство немыслимо без правовой культуры граждан и их правосознания высокого уровня, и их повышение - задача каждого из нас.

**ROSENKO, M.I., SOKOLOV, N.N., PEREGUDOV, Y.S.
TO THE QUESTION OF THE FORMATION OF A LEGAL STATE IN MODERN RUSSIA**

Key words: rule of law, principles of rule of law, law, state, civil society, rule of law, historical features of the Russian state.

The article examines the problems of the formation of the rule of law, taking into account the historical characteristics and modern realities, examines topical problems in the conditions of the formation of the rule of law in the Russian Federation. Based on the concepts of law and the rule of law, legal regulation in various spheres of the life of society is investigated, gaps in the legislation are identified, and issues of insufficient legal culture and legal consciousness of citizens are studied, some aspects of their relationship and interdependence are established. The authors believe that Russia is successfully developing as a democratic and legal state. But this development has not yet overcome all the problems. The main ones include the backlog of legislation from the level of development of public relations and the insufficiently high level of maturity of civil society and the legal culture of citizens. Gaps in the legislation make it difficult, and sometimes simply impossible, to protect the social interests of citizens in the face of the emergence of new socially dangerous acts, for which the legislation does not provide for legal liability. A rule of law state is unthinkable without the legal culture of citizens and their high-level legal awareness, and their improvement is the task of each of us.

Россия, пройдя длительный исторически самобытный путь развития, повидав за тысячелетнюю историю самых разных государей – варягов и русских, деспотов и «демократов», реформаторов и ретроградов, избранных и получивших власть по наследству, харизматичных и бездарных, поменяв несколько форм правления, выбрала демократический курс развития. И на данный момент в нашем обществе очень актуальным стало выявление проблем, препятствующих становлению правового государства. Данная проблема актуальна не только в России, но и во всем мире, т. к. большинство стран избрали принципы правового государства в качестве основополагающих и прилагают усилия для их осуществления. Но этот процесс оказался весьма длительным и сложным, в каждой стране проходит с переменным успехом, и поэтому говорить о реальном существовании правового государства в какой-либо стране очень рано. Также вопрос о правовом характере государства более всего относится не к теоретическому, а к практическому понятию, т.к. воплощение в жизнь принципов правового государства ведет к улучшению жизни общества, его нравственному оздоровлению, соблюдению прав и свобод человека, защите от произвола и злоупотребления властью должностными лицами.

Недостаточно только признать государство правовым на законодательном уровне, необходимо воплотить эти принципы. И, хотя сделано уже немало, необходимо констатировать, что наше общество ещё не достигло той зрелости, когда все осознают, что не только государство должно заботиться о благополучии своего народа, но и граждане, ведя активную социальную деятельность, должны сами заботиться о своей обеспеченности. К факторам, способствующим достижению такого уровня понимания, можно отнести воспитание глубокого уважения к Конституции и закону, формирование высокой правовой культуры и правосознания. Без этого невозможно создать цивилизованное общество, построить правовое государство. Правовое государство является основополагающим принципом Конституции Российской Федерации. Но достижение этой цели зависит от решения таких проблем как несовершенство законодательства и пассивность гражданского общества.

Целью статьи является исследование актуальных проблем в условиях формирования правового государства в РФ. Основываясь на понятиях права и правового государства, изучаются пробелы законодательства страны, а также вопросы, связанные с низкой активностью граждан в участии жизни страны.

Прежде чем перейти к исследованию проблем, сопровождающих становление правового государства в нашей стране, необходимо сначала понять подлинную суть данного феномена.

Во время Первой мировой войны автором, наиболее известным в немецкой армии и среди интеллектуалов, был Фридрих Ницше – ярый критик христианства. В своей книге «Антихрист» он писал: «Что хорошо? – Всё, что повышает в человеке чувство власти, волю к власти, самую власть. Что дурно? – Всё, что происходит из слабости. Что есть счастье? – Чувство растущей власти, чувство преодолеваемого противодействия... Слабые и неудачники должны погибнуть: первое положение нашей любви к человеку. И им должно ещё помочь в этом...» [1, гл.2]. Как известно, после войны демократические достижения Веймарской республики были быстро сnivelированы Третьим рейхом, который, как не парадоксально, вначале также строился как правовое государство. Национал-социализм в нем подчинил закону все аспекты социальной, экономической, культурной и религиозной жизни, но закон стал олицетворять один человек. Однако принцип верховенства права не был реализован, поскольку нарушались все права, как человека, так и гражданина. Провозглашение государственной идеологии правового государства и ее реализация оказались абсолютно не имеющими ничего общего.

В современной юридической литературе дано множество определений правового государства. Так М.И. Байтин называет правовым государство, пределы и ветви власти которого, формирование, полномочия, функционирование его органов регламентированы правом, и высшее назначение которого состоит в признании, соблюдении и защите прав и свобод человека и гражданина [2, с. 402]. М.В. Огнева указывает, что правовое государство является результатом определенной формы связи государства и гражданского общества, воплощенной, прежде всего, в правосудной системе, законодательной практике и организации общественного самоуправления [3, с. 10]. Авторы другого учебника отмечают: «Правовое государство представляет такую форму организации и деятельности государственной власти, которая строится во взаимоотношениях с индивидами и их различными объединениями на основе норм права. При этом право играет приоритетную роль лишь в том случае, если оно выступает мерой свободы всех и каждого, если действующие законы реально служат интересам народа и государства». При этом отмечается, что правовое регулирование в тоталитарном государстве является антиподом того, что осуществляется в государстве правовом [4, с. 299].

Суммируя все эти понятия, мы можем сделать вывод, что основу правового государства составляют идеи о выдвигании личности на первое место в системе ценностей и ограничении правом пределов деятельности системы органов государственной власти. Таким образом, чтобы государство было правовым, оно должно основываться на следующих принципах: демократический режим деятельности государства; разделение властей; реальность прав и свобод личности; верховенство правового закона; связанность государства правом; правовой характер отношений между государством и обществом; взаимная ответственность государства и личности.

В соответствии с Основным Законом: «Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления» [5]. Нашему государству потребовалось довольно-таки длительное время, чтобы начать развиваться в данном направлении. Первые признаки правового государства начинают появляться со времен Петра I, который опираясь на западный правовой опыт, пересмотрел используемые традиции и обычаи и сделал принцип законности ведущим. Екатерина II, вдохновленная идеями мыслителей эпохи Просвещения, созвала Уложенную комиссию и попыталась соединить закон и волю монарха. Во время правления Александра I неоднократно представлялись идеи о представительном учреждении парламентского типа, правда безрезультатно – все ограничилось созданием Государственного Совета для рассмотрения законов, учреждений и уставов, что еще раз показывает, что монархия в России и правовое государство полностью несовместимы. Лишь в начале XX века при Николае II появляется представительный орган в виде Государственной Думы, которая не могла оказывать сдерживающего влияния на царскую власть. Начальный период деятельности Временного правительства был ознаменован принятием ряда законопроектов,

расширявших права и свободы граждан, но развитие это направление ему не удалось в силу отсутствия политической воли и реальных сил.

В ходе революции и гражданской войны право и закон подверглись процессу обесценивания. Тяжелая ситуация, военное положение мешали развитию гражданственности и демократии. Идея верховенства закона возникла в условиях обновления законодательства и государственной системы в период с середины 1980-х до начала 1990-х гг. Были внесены изменения в Конституцию СССР 1977 года и РСФСР 1978 года, принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную был провозглашён Декларацией о государственном суверенитете РСФСР, а также закреплён в Конституции.

Политическая ситуация 1990-х – 2000-х гг., несомненно, свидетельствует о движении России в сторону правового государства.

Нельзя отрицать тот факт, что сегодня с правовой точки зрения многое сделано для строительства правового государства: 12 декабря 1993 года была принята Конституция РФ, сформирована значительная часть законодательства, создана система власти, судебная система, которая способна на защиту прав и интересов личности. Но мы не можем сказать, что в современной России процесс становления правового государства завершен. На практике мы продолжаем сталкиваться с такими явлениями, когда чиновник стоит выше закона, с проявлениями коррупционных факторов. Но справедливости ради, необходимо отметить, что эти явления не носят массового характера. Да и можно ли это считать только правовой проблемой [6; 7]? Ведь сколько за всю историю России вводилось разных законов и наказаний, даже жестких, чтобы успешно бороться с этим злом. Но, исходя из природы человека, наверное, реалистичнее не мечтать о полном искоренении данных правонарушений, а стремиться к их ограничению, используя влияние личностных качеств человека, его любви к Родине, к своим соотечественникам. Очень интересен опыт в решении этого вопроса в Грузии, который позволил данной стране за год перейти с 176-го места на 44-ое место в рейтинге стран по борьбе с коррупцией [8].

Современные цифровые технологии (камеры на дорогах, наблюдающие за соблюдением правил дорожного движения, терминалы для обработки информации и выдачи документов, лицензий, регистрации и т. д.) позволили достичь высоких результатов в борьбе с коррупцией. Таким образом, мы на практике увидели, что внедрение современных информационных технологий – действительно эффективная антикоррупционная мера. В настоящий момент большинство развитых стран активно используют цифровые технологии для раскрытия данных и предупреждения коррупции [9]. Но здесь главное сохранить баланс между необходимым и достаточным, и не допустить превращения данного контроля в тотальную слежку. Возможные проблемные вопросы механизмов преодоления коррупции в процессе реализации антикоррупционных мер при применении цифровых технологий описаны в исследовании С.Адамчик [10]. По-прежнему решение данного вопроса зависит от идеологии государства, его правовой политики, культуры и религии, т. к. важно обеспечить гарантированность защиты персональных данных, частных прав или права на частную жизнь. На существующие проблемы в этом плане указывает в своем исследовании Н.Касперская [11].

Кроме того, актуальной проблемой современности является необходимость совершенствования законодательства в связи с переходом к цифровой экономике [12, с. 15], в сфере информационной безопасности, минимизации угроз несанкционированного вторжения в информационно-телекоммуникационные сети, искусственного интеллекта. Что касается правового регулирования сферы малого бизнеса, несмотря на предпринятые меры по усовершенствованию законодательного поля, предприниматели не чувствуют себя полностью защищенным, что не позволяет им полностью раскрыть свой потенциал.

Для свободного развития малого и среднего бизнеса необходимо совершенствовать нормативно-правовые и экономические условия, устранить избыточность государственного регулирования за предпринимательской деятельностью; снизить налоговую нагрузку на малый, а особенно на начинающий бизнес; способствовать дальнейшему развитию государственных программ поддержки малого и среднего бизнеса; и защиты малых и средних предприятий от недобросовестной конкуренции, внедрению норм способствующих честному ведению бизнеса на

основе ответственности всех участников процесса, в том числе государства, т.к. «правовой властью она становится тогда, когда сама подчиняется праву, связана правом» [13].

Бурное развитие науки и технологии в XX веке привело к тому, что наука и, в частности, биология и медицина получила колоссальные возможности вмешиваться в существование биологических объектов и человека. Возможность редактировать гены создает некоторые новые правовые проблемы, а также вынуждает юридически пересмотреть ранее существовавшие вопросы, которые в конечном итоге не решены [14; 15]. К таким можно отнести правовой статус эмбриона, генетическое достоинство человека, гражданская ответственность за ущерб, связанный с редактированием зародышевой линии и эмбриона, биобанки и хранение биоматериалов, а также генетическая информация, статус которой в нашей стране еще не определен. Важно учитывать, что генетическая информация – и эту точку зрения поддерживает Европейский суд по правам человека – относится не только к персональным данным, но и представляет собой элемент тайной, частной жизни лица, составляет личную и семейную тайну. Поэтому, являясь нематериальным благом, она должна получать защиту, чтобы не допустить причинение вреда в ситуации ее распространения и использования в неправомерных целях. Да, на сегодняшний момент эта тема в нашей стране, по сравнению с другими, пока существенного развития не получила, но сфера биотехнологий и генетики настолько стремительно развивается, что оставаться в стороне от этого вопроса XXI века невозможно.

Государственная Дума приняла ФЗ от 20.05.2002 № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека», которым введен временный – пятилетний – запрет на клонирование человека. На практике указанный закон действовать не мог, поскольку ни в одной из статей УК РФ, ответственность, на которую есть ссылка в документе, не предусматривается. Иными словами, клонирование человека у нас было запрещено, но ненаказуемо.

Пока временный мораторий на создание человеческих клонов сохраняется и в зарубежном законодательстве. В 1998 году Совет Европы разработал дополнительный протокол «О запрете на клонирование человеческих существ», где запрещается «любое вмешательство с целью создания человеческого существа, генетически идентичного другому человеческому существу, живущему или умершему» [16]. Протокол подписали 27 стран из 46, входящих в Совет Европы. В Германии за нарушение этого закона могут лишить свободы на 5 лет, а во Франции – до 20 лет [17]. В 2003 году конгрессом США был введен временный запрет на клонирование человека и на государственное финансирование исследований в этой сфере. Похожий закон с 2000 года действует и в Японии [18]. В 2005 году Организация Объединенных Наций призвала страны – члены ООН принять законодательные акты, запрещающие все формы клонирования человека, так как они «противоречат достоинству человека» и направлены против «защиты человеческой жизни» [19]. Но эта временная мера не дает окончательного решения данной проблемы.

Необходимо также осознавать, что успешное становление правового государства зависит не столько от правовых норм, сколько от таких аспектов деятельности самих граждан как наличие политико-правовой культуры граждан, уважение ими Конституции и закона. К сожалению, сегодня мы сталкиваемся с такими негативными явлениями, как правовая безграмотность, правовой нигилизм. Общий уровень правовой культуры граждан имеет уровень ниже среднего. Особую озабоченность вызывают тенденции к пассивной позиции среди молодежи. Возможно, это связано с социально-экономическими переменами в стране, с нравственным и духовным кризисом. Сейчас очень сильно распространены такие тенденции в обществе, когда люди только выражают свое недовольство по тем или иным проблемам в стране, но не вносят конструктивных предложений. А ведь именно народ, согласно Конституции РФ, является источником власти, который может влиять на развитие страны через представительную и непосредственную демократию.

Одна из форм нашего политического участия – это голосование избирателей на выборах. В современной России от решения избирателей зависит будущее страны. Как отмечает исследователь С.И. Беленцов, «...успешному решению задач, связанных с возрождением России, преодолением ее нынешних бед и невзгод, будут способствовать активная гражданская позиция, патриотические чувства, высокая духовность и социальная ответственность молодежи» [20, с. 45]. Однако в последнее время мы наблюдаем, что практика проведения выборов различных уровней указывает на электоральную пассивность молодого избирателя. Отчужденность молодежи от

политики в российском обществе ученые объясняют следующими факторами: общество само является причиной снижения деятельностной активности молодого поколения и развитию политическое отчуждения в молодежной среде. Второй фактор – интересы молодежи сосредоточены, в настоящее время, на проблемах поддержания своего существования и выживания в современных условиях. Третий фактор в том, что молодежь, с одной стороны, не видит необходимости что-либо кардинально менять в сложившемся укладе жизни, а с другой – не рассматривает политическую деятельность в качестве значимой для себя, находя более перспективные способы и сферы самоутверждения и личной самореализации. Четвертый фактор – в последнее время отмечается усиление принципиальной несовместимости интересов, потребностей и ценностных ориентаций молодежи с политикой, а также тенденции усиливающегося отчуждения от органов государственной власти на всех уровнях, общественных и государственных структур и институтов [21].

Также существуют такие формы политического участия граждан, как правотворческая инициатива, обращения граждан в органы государственной власти и органы местного самоуправления, отзыв депутата или выборного должностного лица, если он не оправдал доверие избирателей и др. Поэтому проблемы, связанные с организацией правового воспитания, являются актуальными, так как быстрое реагирование, профессиональный подход и положительное решение данного вопроса позволит поднять престиж права, воспитать уважение к закону, создать условия для развития гражданской и правовой активности. По данной позиции очень четко высказался К. Ясперс: «Свобода возникает только с изменением человека. Ее нельзя создать посредством институтов, насильственно введенных в сообщество не претерпевших изменения людей; она связана с характером коммуникации между готовыми измениться людьми. Сила внутривластной свободы изначально вырастает только из политического самовоспитания народа, конституирующего себя в качестве политической нации» [22, с. 170].

На основании изложенного можно сделать вывод, что, несмотря на длительный и исторически сложный путь, Россия стала успешно развиваться как демократическое и правовое государство. Но это становление еще не преодолело всех проблем. К основным можно отнести отставание законодательства от уровня развития общественных отношений и недостаточно высокий уровень зрелости гражданского общества и правовой культуры граждан. Пробелы в законодательстве затрудняют, а порой делают просто невозможной защиту социальных интересов граждан в условиях возникновения новых общественно опасных деяний, за совершение которых законодательством не предусмотрены меры юридической ответственности. Правовое государство немыслимо без правовой культуры граждан и их правосознания высокого уровня, и их повышение – задача каждого из нас. Реформирования системы ценностей всего общества, ее становление на базе демократических начал – сложная задача, и при том, что «особая нагрузка и ответственность по трансформации правосознания (как профессионального, так и массового) и поддержанию баланса движущих начал социума (свобода, власть, закон, общая цель) ложатся на публичную власть» [13], только при активном участии граждан, их высоком правосознании возможно точное следование основным принципам, целям и ценностям, заложенных в Конституции Российской Федерации.

Литература и источники

1. Ницше Ф. Антихрист // URL://<https://www.livelib.ru/quote/66866-antihrist-fridrih-nitsshe> (дата обращения 28.12.2021)
2. Байтин М.Н. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Изд. 2-е, доп. М., 2005.
3. Огнева М.В. Закономерности трансформации правового государства в теории и действительности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
4. Теория государства и права: Учебник / Под ред. А.С. Пиголкина. М., 2006.
5. Конституция РФ с изменениями, принятыми на Общероссийском голосовании 1 июля 2020 года + сравнительная таблица изменений. М.: Эксмо, 2020. 96 с.
6. Панченко А. М., Скворцова А.Ф., Канина И.А. Возможно ли победить коррупцию в России? // Вестник ГУУ. 2015. №8.
7. Кузнецов Г. Метафизика коррупции // URL://https://www.znak.com/2016-11-22/korupciyu_v_rossii_ne_pobedit_po_mozhno_prevratit_ee_v_korupciyu_light (дата обращения: 28.12.2021)
8. Ахмирова Р. Каждый вор и взяточник – как на ладони // Собеседник. 2020. №33.
9. Булгаков И.Т. Правовые вопросы использования технологии блокчейн // Закон. 2016. № 12. С. 80–88.
10. Адамчик С. Цифровая революция и современное национальное государство // URL://<https://www.nowoczesnamysl.pl/2020/10/07/rewolucja-cyfrowa-a-nowoczesne-panstwo-narodowe-totalna-inwigilacja-cyfrowy-oboz-koncentracyjny-czy-szansa/> (дата обращения: 28.12.2021)
11. Касперская Н. Никаких особых способов защиты биометрии нет // РИА Новости // URL: <https://ria.ru/20211006/kasperskaya-1753227872.html> (дата обращения: 28.12.2021)

12. Актуальные проблемы предупреждения преступлений в сфере экономики, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей / А. П. Суходолов [и др.] // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т.11. № 1. С. 13–21.
13. Зорькин В.Д. Аксиологические аспекты Конституции России. Выступление Председателя КС РФ В.Д. Зорькина 3 октября 2008 года, Армения // URL://http://www.ksrf.ru/ru/news/speech/pages/ViewItem.aspx?ParamId=1 (дата обращения 28.12.2021).
14. Dijke I, Bosch L, Bredenoord AL, Cornel M, Repping S, Hendriks S. The ethics of clinical applications of germline genome modification: a systematic review of reasons. Hum Reprod. 2018; 33(9):1777-1796. // https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/30085071/ (дата обращения 28.12.2021)
15. Araki M, Nojima K, Ishii T. International regulatory landscape and integration of corrective genome editing into in vitro fertilization. Reprod Biol Endocrinol. 2014;12:108. Published 2014 Nov 24. // https://rbej.biomedcentral.com/articles/10.1186/1477-7827-12-108 (дата обращения 28.12.2021)
16. Дополнительный Протокол к Конвенции о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением биологии и медицины, касающийся запрещения клонирования человеческих существ ETS N 168 (Париж, 12.01.1998 г.) // URL://http://docs.cntd.ru/document/901947041 (дата обращения 28.12.2021)
17. Закон Франции от 06.08.2004 № 2004-800 «О биоэтике» // URL:// https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?dateTexte=&categorieLien=id&cidTexte=JORFTEXT000024323102&fastPos=2&fastR (дата обращения 28.12.2021)
18. Закон Японии от 12.04.2000 № 146 «О регулировании технологии клонирования людей» // URL:// https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=412AC0000000146 (дата обращения 28.12.2021)
19. Декларация ООН о клонировании человека, принятая резолюцией 59/280 Генеральной Ассамблеи от 08.03.2005 // URL://https://undocs.org/ru/A/RES/59/280 (дата обращения 28.12.2021)
20. Беленцов С.И. Социально-гражданское воспитание в России в конце XIX – начале XX веков. Курск: Юмэкс, 2002. 64 с.
21. Низамов Р. Р. Электоральная активность молодежи: понятие и современное состояние // Молодой ученый. 2017. № 35(169). С. 62-64.
22. Ясперс К. Смысл и назначение истории / Пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

References and Sources

1. Nicshe F. Antihrist // URL://https://www.livelib.ru/quote/66866-antihrist-fridrih-nitsche (data obrashcheniya 28.12.2021)
2. Bajtin M.N. Sushchnost' prava (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dveh vekov). Izd. 2-e, dop. M., 2005.
3. Ogneva M.V. Zakonomernosti transformacii pravovogo gosudarstva v teorii i dejstvitel'nosti: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2012.
4. Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik / Pod red. A.S. Pigolkina. M., 2006.
5. Konstituciya RF s izmeneniyami, prinyatymi na Obshcherossijskom golosovanii 1 iyulya 2020 goda + sravnitel'naya tablitsa izmenenij. M.: Eksmo, 2020. 96 s.
6. Panchenko A. M., Skvorcova A.F., Kanina I.A. Vozmozhno li pobedit' korruptsiyu v Rossii? // Vestnik GUU. 2015. №8.
7. Kuznecov G. Metafizika korruptcii // URL://https://www.znak.com/2016-11-22/korruptsiyu_v_rossii_ne_pobedit_no_mozhno_prevratit_ee_v_korruptsiyu_light (data obrashcheniya: 28.12.2021)
8. Ahmirova R. Kazhdyy vor i vzyatochnik - kak na ladoni // Sobesednik. 2020. №33.
9. Bulgakov I.T. Pravovye voprosy ispol'zovaniya tekhnologii blokchejn // Zakon. 2016. № 12. S. 80–88.
10. Adamchik S. Cifrovaya revolyuciya i sovremennoe nacional'noe gosudarstvo // URL:// https://www.nowoczesnamysl.pl/2020/10/07/rewolucja-cyfrowa-a-nowoczesne-panstwo-narodowe-totalna-inwigilacja-cyfrowy-oboz-koncentracyjny-czy-szansa/ (data obrashcheniya: 28.12.2021)
11. Kasperskaya N. Nikakih osobyh sposobov zashchity biometrii net // RIA Novosti // URL: https://ria.ru/20211006/kasperskaya-1753227872.html (data obrashcheniya: 28.12.2021)
12. Aktual'nye problemy preduprezhdeniya prestuplenij v sfere ekonomiki, sovershaemyh s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh setej / A. P. Suhodolov [i dr.] // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2017. T.11. № 1. S. 13–21.
13. Zor'kin V.D. Axiologicheskie aspekty Konstitucii Rossii. Vystuplenie Predsedatelya KS RF V.D. Zor'kina 3 oktyabrya 2008 goda, Armeniya // URL://http://www.ksrf.ru/ru/news/speech/pages/ViewItem.aspx?ParamId=1 (data obrashcheniya 28.12.2021).
14. Dijke I, Bosch L, Bredenoord AL, Cornel M, Repping S, Hendriks S. The ethics of clinical applications of germline genome modification: a systematic review of reasons. Hum Reprod. 2018; 33(9):1777-1796. // https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/30085071/ (data obrashcheniya 28.12.2021)
15. Araki M, Nojima K, Ishii T. International regulatory landscape and integration of corrective genome editing into in vitro fertilization. Reprod Biol Endocrinol. 2014;12:108. Published 2014 Nov 24. // https://rbej.biomedcentral.com/articles/10.1186/1477-7827-12-108 (data obrashcheniya 28.12.2021)
16. Dopolnitel'nyj Protokol k Konvencii o zashchite prav cheloveka i chelovecheskogo dostoinstva v svyazi s primeneniem biologii i mediciny, kasayushchisya zapreshcheniya klonirovaniya chelovecheskih sushchestv ETS N 168 (Parizh, 12.01.1998 g.) // URL://http://docs.cntd.ru/document/901947041 (data obrashcheniya 28.12.2021)
17. Zakon Francii ot 06.08.2004 № 2004-800 «O bioetike» // URL:// https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?dateTexte=&categorieLien=id&cidTexte=JORFTEXT000024323102&fastPos=2&fastR (data obrashcheniya 28.12.2021)
18. Zakon Yaponii ot 12.04.2000 № 146 «O regulirovanii tekhnologii klonirovaniya lyudej» // URL:// https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=412AC0000000146 (data obrashcheniya 28.12.2021)
19. Deklaraciya OON o klonirovanii cheloveka, prinyataya rezolyuciej 59/280 General'noj Assamblei ot 08.03.2005 // URL://https://undocs.org/ru/A/RES/59/280 (data obrashcheniya 28.12.2021)
20. Belencov S.I. Social'no-grazhdanskoe vospitanie v Rossii v konce XIX – nachale HXX vekov. Kursk: YUmeks, 2002. 64 s.
21. Nizamov R. R. Elektoral'naya aktivnost' molodezhi: ponyatie i sovremennoe sostoyanie // Molodoy uchenyj. 2017. № 35(169). S. 62-64.
22. Yaspers K. Smysl i naznachenie istorii / Per. s nem. M.: Politizdat, 1991. 527 s.

РОСЕНКО МАРИЯ ИВАНОВНА - доктор политических наук, профессор кафедры "Конституционное и административное право" Юридического института Севастопольского государственного университета (mariyair@mail.ru).

СОКОЛОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ - магистрант Юридического института Севастопольского государственного университета (sokolov@mail.ru).

ПЕРЕГУДОВ ЯРОСЛАВ АНДРЕЕВИЧ - студент Юридического института Севастопольского государственного университета (peregudov@mail.ru).

ROSENKO, MARIA I. - Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Law Institute of Sevastopol State University (mariyair@mail.ru).

SOKOLOV, NIKOLAY N. - Master's student of the Law Institute of Sevastopol State University.

PEREGUDOV, YAROSLAV A. - student of the Law Institute of Sevastopol State University.

УПОРОВ И.В., ТАМАЗОВА А.Д., ГОЛУБИХИНА Н.В.
КОНЦЕПЦИЯ, ПРИЗНАКИ И ОСНОВАНИЯ НАСТУПЛЕНИЯ
КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Ключевые слова: конституция, ответственность, правонарушение, должностное лицо, санкция, закон, суд.

Исследуется ряд аспектов института конституционно-правовой ответственности в России. Авторы анализируют нормы Конституции России, федеральных и региональных законов, регулирующие данный институт, научные труды по заявленной проблематике. Выделяются основные признаки этого вида юридической ответственности, обосновываются предложения по его совершенствованию, в том числе в части установления конституционно-правовой ответственности не только в отношении высших должностных лиц федерального и регионального уровней, но и иных лиц в сфере публичной власти, повышению роли Конституционного Суда России при наложении соответствующих санкций. Отмечается, что еще по многим позициям отсутствуют устоявшиеся подходы. Авторы акцентируют внимание на том, что важнейшей характеристикой конституционной ответственности является основание ее наступления, то есть соответствующее правонарушение (в литературе оно именуется обычно как «конституционное правонарушение», «конституционный деликт»). В данной связи рассмотрены основания конституционной ответственности высших органов государственной власти и управления. В частности, авторы полагают, что должны быть приняты действенные меры по обеспечению исполнения решений Конституционного суда РФ. Причем сам суд мог бы выступить с соответствующей законодательной инициативой. Так, есть основания ставить вопрос об установлении сроков исполнения решений суда и, в случае их нарушения, Государственная дума должна нести определенную ответственность. Возможно, как вариант, Президент России может сделать сначала одно или два предупреждения, а при их игнорировании, очевидно, следует ставить, как крайнюю меру, вопрос о роспуске ГД ФС РФ.

UPOROV, I.V., TAMAZOVA A.D., GOLUBIKHINA, N.V.

CONCEPT, SIGNS AND REASONS FOR THE OFFENSIVE CONSTITUTIONAL LEGAL RESPONSIBILITY

Key words: constitution, responsibility, offense, official, sanction, law, court.

A number of aspects of the institution of constitutional and legal responsibility in Russia are investigated. The authors analyze the norms of the Constitution of Russia, federal and regional laws regulating this institution, scientific works on the stated problems. The main features of this type of legal responsibility are highlighted, proposals for its improvement are substantiated, including in terms of establishing constitutional and legal responsibility not only for senior officials of the federal and regional levels, but also for other persons in the sphere of public authority, increasing the role of the Constitutional Court of Russia when imposing appropriate sanctions. It is noted that there are still no well-established approaches in many positions. The authors emphasize that the most important characteristic of constitutional responsibility is the basis for its onset, that is, the corresponding offense (in the literature it is usually referred to as "constitutional offense", "constitutional delict"). In this regard, the grounds for the constitutional responsibility of the highest bodies of state power and administration are considered. In particular, the authors believe that effective measures should be taken to ensure the execution of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. Moreover, the court itself could come up with an appropriate legislative initiative. Thus, there are grounds for raising the issue of setting deadlines for the execution of court decisions and, in case of their violation, the State Duma must bear certain responsibility. Perhaps, as an option, the President of Russia may first issue one or two warnings, and if they are ignored, obviously, the question of dissolving the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation should be raised as a last resort.

Более чем четвертьвековой период функционирования Конституции России [1] показывает, что ее действие сопрягается со значительным объемом вопросов, требующих дополнительного теоретического осмысления, в числе которых, как справедливо отмечается в литературе, институт конституционно-правовой ответственности [2, с. 112]. В этой связи следует заметить, что вопрос о наличии собственных специфических средств обеспечения норм конституционного права стал обсуждаться достаточно давно. И если иметь в виду отечественную правовую науку, то еще в 1970-х гг. рядом ученых предпринимались попытки выделить категорию «государственная ответственность» (Ю.П. Еременко, Ф.М. Рудинский, С.А. Авакьян, Т.Д. Зражевская и др.). Вместе с тем, в советском государстве, в силу особенностей государственно-политического устройства СССР, не представлялось возможным прямо ставить проблему конституционно-правовой ответственности органов государственной власти и должностных лиц, занимающих высокие посты. В частности, согласно ст. 108 Конституции СССР 1977 г., высшим органом государственной власти являлся Верховный Совет СССР. И разумеется, что никакой речи о роспуске этого органа власти ввиду нарушения им конституционных норм быть не могло, поскольку тогда отсутствовал орган внешнего конституционного надзора и контроля, в результате чего положения конституции часто не соблюдались и нарушались, превращая Основной закон в «демократический фасад» [3].

Лишь со второй половины 1980-х гг. стало возможным открыто дискутировать по разным аспектам проблематики, связанной с конституционной ответственностью. Появилось немало соответствующих работ (авторы Н.А. Боброва, О.Н. Дерова, С.Л. Гайдук, Е.Н. Горлова, Д.В. Ирошников, А.А. Кондрашев, С.В. Маслова, М.А. Мокосеева, Ж.И. Овсепян, И.М. Силивеев, А.И. Станкин, В.В. Степанова, М.П. Темникова, Е.Ю. Филатов, С.И. Шишкин и др.). Тем не менее, еще

много вопросов в данной сфере являются дискуссионными и нуждаются в уточнениях [4]. И в этом смысле необходимо, прежде всего, отметить, что отсутствие мер конституционно-правовой ответственности применительно к большинству норм действующей российской конституции далеко не всегда компенсируется соответствующими санкциями, содержащимися в актах иных отраслей права. В этой связи нельзя не согласиться с тем, что традиционные виды правовой ответственности, даже направленные на охрану конституционных норм, не обретают свойств конституционно-правовой ответственности [5, с. 35].

Между тем, уже является общепризнанным, что конституционное право, как ведущая отрасль права, также характеризуется наличием собственного института юридической ответственности, который, в свою очередь, оказывает влияние на развитие иных видов ответственности в направлении, определяемом прежде защитой конституционных прав и свобод россиян. Вот почему конституционные нормы должны обладать специфической правовой защитой в тех случаях, когда нарушаются механизмы воздействия конституционного права на функционирование традиционных форм юридической ответственности, поскольку применение только лишь узкоотраслевых мер юридической ответственности не соответствует уровню и масштабу конституционного права, как ведущей отрасли права [6, с. 76].

Вместе с тем, эта явно доминирующая точка зрения пока еще не находит адекватного отражения в правоприменительной практике, соответственно, «прямые нарушения Конституции редко сопровождаются какими-либо санкциями против нарушителей» [7, с. 32]. Здесь, конечно, имеется прямая связь с правовым нигилизмом, прежде всего со стороны должностных лиц, отвечающих за конкретные участки публичной (государственной и муниципальной) деятельности, и эта проблема была и остается актуальной для России. Здесь эту проблему в данном контексте мы не рассматриваем, учитывая, что на этот счет имеется немало научных трудов, авторами которых являются Т.Н. Акимова, С.А. Берзегова, Ю.Ю. Бугаенко, С.В. Бурмистров, О.Р. Гулина, А.А. Гуревич, Н.М. Добрынин, Р.Н. Донченко, М.А. Месилов, А.М. Смирнов, И.Н. Сысоев, К.Г. Федоренко, Ш.Г. Утарбеков и др., а лишь констатируем, что ее решение во многом зависит от укрепления охранительных гарантий прямого действия конституционных норм.

В этой связи нужно заметить, что в России имеет место тенденция негативного характера, суть которой заключается в том, что увеличивается количество деяний (действия, решения), не подпадающих, несмотря на явное причинение определенного вреда общественным отношениям, под квалифицированные признаки правонарушения ни одного из традиционных видов юридической ответственности. В частности, к таковым деяниям относятся неисполнение законов федеральными и региональными органами публичной власти; принятие законодательных и иных нормативных правовых актов, противоречащих конституционным нормам, равно как нормам федеральных конституционных и федеральных законов; непринятие должных мер и в целом неисполнение органами публичной власти и должностными лицами решений соответствующих судов [8, с. 3]. Очевидно сюда же следует отнести также органы и должностные лица муниципальных образований. Кроме того, нередко наблюдается неспособность властных и управленческих структур должным образом решать социальные задачи, в частности, речь идет о неисполнении национальных проектов, других государственных и муниципальных программ.

Так, в 2020-2021 гг. наблюдается снижение уровня доходов российских граждан, нет ожидаемого роста количества новых рабочих мест [9], и мы полагаем, что объяснять такого рода явления лишь сложной ситуацией, связанной с эпидемией коронавируса, нельзя, тем более, что такие явления и ранее имели место. Для примера в литературе приводится имевшее место в 1990-е гг. оставление без применения каких-либо мер ответственности действий, направленных на искажение конституционного пространства посредством заключения договоров между федеральным центром и рядом субъектов Федерации - тогда отсутствие четкого законодательства не давало ответа на вопрос о «пределах суверенизации» субъекта Федерации, соответственно не было ясно, какие и к кому применять меры юридической ответственности, и на каком основании [6, с. 78]. И уже в 1998 г. П.В. Крашенинниковым высказывалась мысль о том, что необходимо установить конституционно-правовые санкции за умышленное неподчинение федеральных органов власти правовым актам [10], поскольку в таких случаях ответственность не может быть в полной мере обеспечена иными видами юридической ответственности, среди которой применяется, и то редко, лишь дисциплинарная ответственность.

Некоторая ясность в этом отношении была внесена принятым в 1999 г. ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [11] (в более поздних редакциях), где, в частности, в ст. 3, 19, 26, 29.1 устанавливается конституционно-правовая ответственность глав субъектов Федерации (отрешение Президентом России, отзыв главы субъекта Федерации в соответствии с законом субъекта Федерации). Так, в числе основания отзыва определены: нарушение федерального и/или регионального законодательства, факт совершения которого установлен соответствующим судом; неоднократное грубое без уважительных причин неисполнение своих обязанностей, установленное соответствующим судом. Важная норма была введена в этот закон в 2005 г. в ч. 4 ст. 26: «Федеральные законы, договоры о разграничении полномочий и соглашения, определяющие полномочия органов государственной власти субъекта Российской Федерации, должны устанавливать права, обязанности и ответственность органов государственной власти субъекта Российской Федерации» [11].

Вместе с тем юридическое сообщество России, сделав вполне обоснованный вывод о том, что конституционно-правовая ответственность является самостоятельным видом юридической ответственности, направленным на защиту конституционно-правовых отношений [12, с. 2], и в качестве таковой, повышающей эффективность конституционно-правовых норм, пока так и не находит достаточных общих подходов в определении самого понятия конституционно-правовой ответственности, в том числе это касается терминологии, например, дискутируются правильность терминов «конституционная» ответственность или «конституционно-правовая» ответственность. На наш взгляд, между ними нет принципиальной разницы.

Дискуссионным является более важный вопрос - о сущности и понятии конституционной ответственности, что, в свою очередь, обуславливается сложностью и неоднозначностью общетеоретических основ категории «юридическая ответственность». Выделяются две основные концепции конституционно-правовой ответственности. Согласно первой концепции, под ответственностью понимается обязанность претерпевания виновным в совершении правонарушения ряда ограничительных мер [13, с. 4 и др.]. Согласно другой концепции, конституционная ответственность представляет собой принудительную реализацию санкции правовой нормы, как последствия совершенного конституционного правонарушения [14, с. 218]. При этом отмечаются и другие аспекты. К примеру, по мнению А.А. Кондрашева, конституционная ответственность отражает правовую связь, возникающую вследствие несоблюдения правовой нормы участниками нарушенного правоотношения, на основании чего возникает требование к виновному подвергнуться государственному или общественному осуждению, в том числе в виде определенных ограничений [15, с. 27]. Однако такое логическое рассуждение применимо ко всем видам юридической ответственности.

Интересной представляется точка зрения Т.Д. Зражевской, которая, характеризуя конституционную ответственность и имея в виду ее сущность, полагает, что здесь речь идет об установлении в демократическом правовом государстве системы реальных гарантий от чрезмерной концентрации власти и предотвращении злоупотребления властными полномочиями [16, с. 26]. И с этим нельзя не согласиться. Н.М. Колосова цель конституционной ответственности видит в защите Конституции [17, с. 86], а по мнению В.А. Виноградова, конституционная ответственность предполагает обязанность субъекта конституционно-правых отношений отвечать за несоответствие своего юридически значимого поведения тому, которое предписано ему этими нормами, в том числе правоограничениями в рамках мер государственного принуждения [12, с. 2].

Отметим точку зрения Д.Ю. Завьялова, который считает, что выборы также могут являться формой реализации конституционной ответственности, поскольку если действующее выборное должностное лицо вновь баллотируется на ту же должность и проигрывает выборы, то это говорит о недоверии ему со стороны избирателей. Соответственно, наступление такого последствия позволяет классифицировать поражение на новых выборах действующего должностного лица в качестве меры конституционной ответственности [8, с. 82]. С такой позицией трудно согласиться, так как, по нашему мнению, конституционная ответственность должна наступать за конкретно формулируемые деяния и решения. И в этом смысле в литературе резонно ставится вопрос о необходимости отграничения политической ответственности и конституционно-правовой ответственности [18, с. 26] и, соответственно, выделении политических санкций [19, с. 67].

Указанные и другие суждения дают основание полагать, что конституционно-правовая ответственность обладает основными признаками, присущими иным видам юридической ответственности, но, вместе с тем она не может быть полным аналогом других видов ответственности. Как нам представляется, ей присущи следующие признаки: а) это ответственность субъектов права со специальным конституционно-правовым статусом, то есть должностных лиц, а также федеральных и региональных органов государственной власти, указанных как в Конституции России, так и в конституциях (уставах) субъектов Федерации; б) она наступает за деяние в форме как действия (виновное исполнение своих властных полномочий), так и бездействия (неисполнение своих властных полномочий); в) деяние, служащее основанием конституционной ответственности, должно быть виновным (психологическое отношение субъекта конституционно-правовой ответственности к совершенному деянию в форме умысла или неосторожности), противоправным (деяние должно противоречить предписаниям правовых норм, регламентирующих порядок осуществления публичной власти), общественно вредным, что выражается в посягательстве деяния на защищаемые правом общественные отношения в сфере осуществления публичной власти; г) санкция за конституционное правонарушение должна быть установлена в нормах конституционного уровня.

Важнейшей характеристикой конституционной ответственности является основание ее наступления, то есть, соответствующее правонарушение (в литературе оно именуется обычно как «конституционное правонарушение», «конституционный деликт»). По мнению В.О. Лучина, конституционный деликт представляет собой «деяние субъекта конституционно-правовых отношений, не отвечающее должному поведению и влекущее за собой применение мер конституционной ответственности» [20, с. 12]. Согласно другой точке зрения, под конституционным деликтом следует понимать противоправное, виновное деяние органа публичной власти (должностного лица), которое причинило либо создало опасность причинения вреда общественным отношениям в сфере осуществления публичной власти, и за которое законодательством предусмотрена конституционно-правовая ответственность [21, с. 24]. С таким подходом мы вполне солидарны.

Если обратиться к конкретным нормам, регулирующим конституционную ответственность, то отметим, прежде всего, ряд положений Конституции России, как источника конституционной ответственности. Так, в ст. 111 и 117 закрепляются такие санкции конституционной ответственности, как выражение недоверия Правительству РФ Государственной Думой ФС РФ. Далее, источником конституционной ответственности нужно считать ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» [22]. В этом акте, в соответствии с ч. 9 ст. 5, Президент России наделен правом отменять акты Правительства РФ в случае их противоречия Конституции, федеральным конституционным законам, федеральным законам, указам и распоряжениям Президента России. Согласно ст. 27, Председатель Правительства РФ несет персональную ответственность перед Президентом России за осуществление возложенных на Правительство РФ полномочий.

Однако в этом акте, на наш взгляд, вопросы конституционной ответственности отрегулированы явно недостаточно. И это при том, что в самом законе при перечислении принципов деятельности Правительства РФ указывается «ответственность» (ст. 3), однако ответственность ни Председателя Правительства РФ, ни его заместителей, ни министров не конкретизируется (для сравнения заметим, что в ст. 93 Конституции России довольно подробно регулируется институт отрешения от должности Президента России). Аналогично можно говорить о ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» и ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации», где предусматривается досрочное прекращение полномочий сенаторов и федеральных депутатов, и представлены основания для досрочного прекращения, однако все основания не связываются с профессиональной деятельностью сенаторов (депутатов), то есть, с деятельностью в сфере публичной власти.

Несколько необычно регулируется вопрос о конституционной ответственности в ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» [23] - в части, касающейся обязанности государственных органов и должностных лиц по приведению законов и иных нормативных актов в соответствие с Конституцией Российской Федерации на основании решения Конституционного Суда Российской Федерации (ст. 80). Так, в п. 1 и 2, где говорится об обязанности федеральных

органов власти устранять пробелы и противоречия в правовом регулировании, выявленные КС РФ, нет упоминания об их ответственности в случае невыполнения указанной обязанности. В результате, ряд решений КС РФ федеральными органами власти не исполняются годами. Так, в последнем отчете КС РФ (за 2020 г.) по этому поводу указывается на неисполнение решения КС РФ Правительством РФ и ГД ФС РФ, принятого еще в июне 2010 г. (!). Но в Отчете КС РФ только лишь констатируется: «Однако до настоящего времени никаких дополнительных сведений о работе по подготовке, разработке соответствующих нормативных актов ни со стороны Правительства РФ, ни со стороны Государственной Думы не поступало» [24]. При этом ничего не говорится о конституционной ответственности за бездействие указанных федеральных органов публичной власти. Такая ситуация представляется недопустимой – ведь получается, что сам федеральный законодатель проявляет правовой нигилизм. Мы полагаем, что должны быть действенные меры по обеспечению исполнения решений КС РФ. Более того, и сам КС РФ мог бы выступить с соответствующей законодательной инициативой. В частности, есть основания ставить вопрос об установлении сроков исполнения решений КС РФ, и, в случае их нарушения, ГД ФС РФ должна нести определенную ответственность. Возможно, как вариант, Президент России может сделать сначала одно или два предупреждения, а при их игнорировании, очевидно, следует ставить, как крайнюю меру, вопрос о роспуске ГД ФС РФ.

В этом контексте лучше обстоят дела применительно к региональным органам государственной власти. Согласно п. 3 и 4 ст. 80 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», если по истечении 6 месяцев после опубликования решения КС РФ законодательным органом государственной власти субъекта Федерации не будут приняты меры в связи с решением КС РФ, то применяется механизм ответственности, предусмотренный федеральным законодательством, а главе субъекта Федерации отводится срок в 2 месяца (как представляется, здесь также не хватает четкости регулирования с точки зрения баланса отражения вопросов конституционной ответственности федеральных и региональных органов публичной власти). В этом же законе в ст. 56 перечисляются основания для отстранения судьи КС РФ от участия в рассмотрении дела, в том числе в случаях, если судья ранее в силу должностного положения участвовал в принятии акта, являющегося предметом рассмотрения, когда имеются иные обстоятельства, которые могут вызвать сомнение в объективности и беспристрастности судьи. Мы полагаем, что данные положения также относятся к институту конституционной ответственности, солидаризуясь в этом отношении с точкой зрения о том, что субъектами ответственности могут быть суды [25; 26].

Указанная в ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» ссылка на «федеральное законодательство» применительно к конституционной ответственности органов государственной власти субъектов Федерации означает ссылку на ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [11], ряд норм которого ранее были нами прокомментированы. Добавим еще несколько суждений. Так, в ст. 3.1 устанавливается ответственность органов государственной власти субъектов Федерации за нарушение Конституции России, федерального и регионального законодательства, за принятие актов, которые противоречат действующим законам и повлекли за собой наступление негативных последствий, в том числе: массовые и грубые нарушения прав и свобод человека и гражданина; создание угрозы единству и территориальной целостности Российской Федерации; национальной безопасности Российской Федерации; единству правового и экономического пространства Российской Федерации [11]. Как указывалось, выше, в такого рода случаях Президент России может отрешить от должности главу субъекта Федерации.

В соответствии со ст. 9 этого же закона, предусмотрена такая мера конституционной ответственности, как досрочное прекращение полномочий регионального законодательного органа власти по инициативе главы субъекта Федерации. При этом указываются соответствующие основания применения такой санкции, прежде всего, принятие законов, противоречащих Конституции России, федеральным законам, конституциям (уставам) субъектов Федерации и неустранение противоречий в течение шести месяцев со дня вступления в силу судебного решения. В этой же статье закрепляется полномочие Президента России распустить законодательный орган субъекта Федерации в случае, если последний после предварительного

предупреждения, не устраняет противоречия в изданном акте (аналогичные нормы содержатся в проекте ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», внесенного в ГД ФС РФ в ноябре 2021 г. [27]).

На наш взгляд, прописанная в этом законе процедура отрешения от должности главы субъекта Федерации и роспуска законодательного органа субъекта Федерации нуждается в корректировке: учитывая, что указанные санкции являются экстраординарными, представляется необходимым, чтобы они применялись на основании заключения Конституционного Суда России. Кроме того, нужно отметить, что как данный федеральный закон, так и законы субъектов Федерации, определяя конституционную ответственность глав и законодательных органов субъектов Федерации, не регулируют ответственности иных органов и должностных лиц в системе государственной власти субъектов Федерации. Мы полагаем, что эти направления должны стать приоритетными в дальнейшем развитии института конституционно-правовой ответственности.

Литература и источники

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 30.11.2021 г.).
2. Олимпиев А.Ю. К вопросу о понятии, сущности и видах конституционно-правовой ответственности // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. № 3. С. 112-117.
3. Доклад Д.А. Керимова на Втором Съезде народных депутатов СССР «О проекте Закона о конституционном надзоре в СССР» // Правда. 1989. 22 декабря.
4. Евченко Л.А. Некоторые проблемы конституционно-правовой ответственности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 5-4. С. 31-34.
5. Лучин В.О. Ответственность в механизме реализации Конституции // Право и жизнь. 1992. № 1. С. 34-39.
6. Зражевская Т.Д. Функции конституционности в правовом государстве // Юридические записки: Сборник научн. тр. Воронеж, 2002. Вып. 15. С. 73-99.
7. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М.: Норма, 2007. 784 с.
8. Завьялов Д.Ю. Конституционная ответственность как особый вид юридической ответственности: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. Волгоград, 2002. 213 с.
9. Святова О.В. и др. Решение проблемы бедности как основа региональной социально-экономической политики // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2021. № 2. С. 59-64.
10. Крашенинников П.В. Что ни хутор, то свой Карл Маркс // Российская газета. 1998. 27 октября.
11. Федеральный закон от 06.10.1999 N 184-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 30.11.2021 г.).
12. Виноградов В.А. Проблемы охраны (защиты) Конституции РФ и конституционно-правовая ответственность // Конституционное и муниципальное право. 2003. № 1. С. 2-4.
13. Ответственность за нарушения законодательства о выборах и референдумах: основания и санкции / Под ред. В.В. Игнатенко. Иркутск, 1996. 186с.
14. Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М.: Дело, 1998. 280 с.
15. Кондрашев А.А. Конституционно-правовая ответственность субъектов Федерации: вопросы теории и проблемы реализации // Журнал российского права. 2000. № 2 (62). С. 25-34.
16. Зражевская Т.Д. Проблемы правовой ответственности государства, его органов и служащих // Государство и право. 2000. № 3. С. 26-28.
17. Колосова Н.М. Конституционная ответственность – самостоятельный вид юридической ответственности // Государство и право. 1997. № 2. С. 86-91.
18. Логвинова И.В. К вопросу о конституционно-правовой ответственности // Юридические исследования. 2016. №5. С.24-33.
19. Беджанова Т.Е., Хануммеседу О.О. К вопросу о понимании конституционно-правовой ответственности // Закон и право. 2019. № 7. С. 64-68.
20. Лучин В.О. Конституционные деликты // Государство и право. 2000. № 1. С. 12-19.
21. Авдеенкова М., Дмитриев Ю. Конституционно-правовая ответственность в России // Право и жизнь. 2002. № 45. С. 5-45.
22. Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 N 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 30.11.2021 г.).
23. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 N 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 30.11.2021 г.).
24. Информационно-аналитический отчет об исполнении решений КС РФ в 2020 году «Об исполнении решений Конституционного Суда Российской Федерации, принятых в ходе осуществления конституционного судопроизводства, в 2020 году» (подготовлен Секретариатом КС РФ) // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации / http://www.kstrf.ru /ru/Info/Maintenance/Documents/Report_2020.pdf (дата обращения: 12.11.2021г.).
25. Трофимова С.А., Трофимов И.Б. Проблемы конституционно-правовой ответственности и совершенствование конституционно-правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 2. С. 83-89.
26. Темникова М. П. К проблеме субъектов конституционно-правовой ответственности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 1. С. 50-53.
27. Проект федерального закона № 1256381-7 «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 30.11.2021 г.).

References and Sources

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // SPS «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya: 30.11.2021 g.).

2. Olimp'ev A.YU. K voprosu o ponyatii, sushchnosti i vidah konstitucionno-pravovoj otvetstvennosti // *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry*. 2020. № 3. S. 112-117.
3. Doklad D.A. Kerimova na Vtorom S"ezde narodnykh deputatov SSSR «O proekte Zakona o konstitucionnom nadzore v SSSR» // *Pravda*. 1989. 22 dekabrya.
4. Evchenko L.A. Nekotorye problemy konstitucionno-pravovoj otvetstvennosti // *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2020. № 5-4. S. 31-34.
5. Luchin V.O. Otvetstvennost' v mekhanizme realizacii Konstitucii // *Pravo i zhizn'*. 1992. № 1. S. 34-39.
6. Zrazhevskaya T.D. Funkcii konstitucionnosti v pravovom gosudarstve // *Yuridicheskie zapiski: Sbornik nauchn.tr. Voronezh*, 2002. Vyp.15. S.73-99
7. Baglaj M.V. Konstitucionnoe pravo Rossijskoj Federacii. M.: Norma, 2007. 784 s.
8. Zav'yalov D.Yu. Konstitucionnaya otvetstvennost' kak osobyj vid yuridicheskoj otvetstvennosti: avtoref. diss. ...kand. jurid. nauk. Volgograd, 2002. 213 s.
9. Svyatova O.V. i dr. Reshenie problemy bednosti kak osnova regional'noj social'no-ekonomicheskoy politiki // *Vestnik Kurskoj gosudarstvennoj sel'skohozyajstvennoj akademii*. 2021. № 2. S. 59-64.
10. Krashennikov P.V. CHto ni hutor, to svoj Karl Marks // *Rossijskaya gazeta*. 1998. 27 oktyabrya.
11. Federal'nyj zakon ot 06.10.1999 N 184-FZ (red. ot 11.06.2021) «Ob obshchih principah organizacii zakonodatel'nyh (predstavitel'nyh) i ispolnitel'nyh organov gosudarstvennoj vlasti sub"ektov Rossijskoj Federacii» // *SPS «Konsul'tant Plyus»* (data obrashcheniya: 30.11.2021 g.).
12. Vinogradov V.A. Problemy ohrany (zashchity) Konstitucii RF i konstitucionno-pravovaya otvetstvennost' // *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*. 2003. № 1. S. 2-4.
13. Otvetstvennost' za narusheniya zakonodatel'stva o vyborah i referendumah: osnovaniya i sankcii / Pod red. V.V. Ignatenko. Irkutsk, 1996. 186s.
14. Umnova I.A. Konstitucionnye osnovy sovremennogo rossijskogo federalizma. M.: Delo, 1998. 280 s.
15. Kondrashev A.A. Konstitucionno-pravovaya otvetstvennost' sub"ektov Federacii: voprosy teorii i problemy realizacii // *Zhurnal rossijskogo prava*. 2000. № 2 (62). S. 25-34.
16. Zrazhevskaya T.D. Problemy pravovoj otvetstvennosti gosudarstva, ego organov i sluzhashchih // *Gosudarstvo i pravo*. 2000. № 3. S. 26-28.
17. Kolosova N.M. Konstitucionnaya otvetstvennost' – samostoyatel'nyj vid yuridicheskoj otvetstvennosti // *Gosudarstvo i pravo*. 1997. № 2. S. 86-91.
18. Logvinova I.V. K voprosu o konstitucionno-pravovoj otvetstvennosti // *Yuridicheskie issledovaniya*. 2016. № 5. S. 24-33.
19. Bedzhanova T.E., Hanummesedu O.O. K voprosu o ponimanii konstitucionno-pravovoj otvetstvennosti // *Zakon i pravo*. 2019. № 7. S. 64-68.
20. Luchin V.O. Konstitucionnye delikty // *Gosudarstvo i pravo*. 2000. № 1. S. 12-19.
21. Avdeenkova M., Dmitriev YU. Konstitucionno-pravovaya otvetstvennost' v Rossii // *Pravo i zhizn'*. 2002. № 45. S. 5-45.
22. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 06.11.2020 N 4-FKZ «O Pravitel'stve Rossijskoj Federacii» // *SPS «Konsul'tant Plyus»* (data obrashcheniya: 30.11.2021 g.).
23. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 21.07.1994 N 1-FKZ (red. ot 01.07.2021) «O Konstitucionnom Sude Rossijskoj Federacii» // *SPS «Konsul'tant Plyus»* (data obrashcheniya: 30.11.2021 g.).
24. Informacionno-analiticheskij otchet ob ispolnenii reshenij KS RF v 2020 godu «Ob ispolnenii reshenij Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii, prinyatyh v hode osushchestvleniya konstitucionnogo sudoproizvodstva, v 2020 godu» (podgotovlen Sekretariatom KS RF) // *Oficial'nyj sajt Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii* / http://www.ksrf.ru /ru/Info/Maintenance/Documents/Report_2020.pdf (data obrashcheniya: 12.11.2021g.).
25. Trofimova S.A., Trofimov I.B. Problemy konstitucionno-pravovoj otvetstvennosti i sovershenstvovanie konstitucionno-pravovoj politiki // *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*. 2016. № 2. S. 83-89.
26. Temnikova M. P. K probleme sub"ektov konstitucionno-pravovoj otvetstvennosti // *Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik*. 2018. № 1. S. 50-53.
27. Proekt federal'nogo zakona № 1256381-7 «Ob obshchih principah organizacii publichnoj vlasti v sub"ektah Rossijskoj Federacii» // *SPS «Konsul'tant Plyus»* (data obrashcheniya: 30.11.2021 g.).

УПОРОВ ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, Краснодарский университет МВД России (uporov.i@mail.ru).

ТАМАЗОВА А.Д. - кандидат юридических наук, Краснодарский университет МВД России (tamazova@mail.ru).

ГОЛУБИХИНА Н.В. - кандидат юридических наук, Краснодарский университет МВД России (golubikhina@mail.ru).

UPOROV, IVAN V. - Doctor of History, Ph.D. in Law, Professor, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

TAMAZOVA A.D. - Ph.D. in Law, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

GOLUBIKHINA, N.V. - Ph.D. in Law, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

УДК 340.132

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-1-17-22

ПЕТРЕНКО М.Н.

ПРАВСТВЕННЫЙ ПРЕДЕЛ ПРИМЕНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Ключевые слова: теория права, власть, государственное принуждение, пределы принуждения, нравственность, справедливость, обоснованность, соразмерность.

В статье рассматривается проблема применения государственного принуждения, которое не должно превышать известных пределов. Одним из важнейших является нравственный предел, основанный на соответствии объективизированного государственного принуждения требованиям справедливости. Показано, что разработка категории справедливости хотя и не привела к выработке всеобъемлющего и универсального определения, однако способствовала выделению в ней ключевых структурных элементов, которые можно обозначить как обоснованность и соразмерность. Отмечается, что изучение и строгое соблюдение нравственного предела применения государственного принуждения в правотворческой, правоприменительной и правоинтерпретационной обеспечивает высокую легитимность власти, безопасность общества и государства, защищенность прав, свобод и законных интересов человека. Проведенное исследование позволило установить, что определенность корреспондирует обоснованности государственного принуждения, разумность – его соразмерности, а в целом они соответствуют структурным элементам справедливости, как предельнообразующего фактора нравственного предела применения государственного принуждения.

PETRENKO, M.N.

THE MORAL LIMIT OF THE STATE COERCION

Key words: theory of law, power, state coercion, limits of coercion, morality, justice, validity, proportionality.

The article deals with the problem of applying state coercion, which should not exceed known limits. One of the most important is the moral limit, based on the compliance of objectified state coercion with the requirements of justice. It is shown that the development of the category of justice, although it did not lead to the development of a comprehensive and universal definition, however, contributed to the identification of key structural elements in it, which can be designated as validity and proportionality. It is noted that the study and strict observance of the moral limit of the use of state coercion in law-making, law enforcement and law interpretation ensures the high legitimacy of power, the security of society and the state, the protection of human rights, freedoms and legitimate interests. The conducted research made it possible to establish that certainty corresponds to the validity of state coercion, rationality - to its proportionality, and in general they correspond to the structural elements of justice, as the limiting factor of the moral limit of the use of state coercion.

В контексте исследуемой научной проблемы, прежде всего, важно отметить, что государственным принуждением является нормативно регламентированное, социальное (возникающее между членами общества и обществом) отношение, при котором действующее от имени общества государство в лице его должностных лиц ограничивает самостоятельные деяния принуждаемого лица (лиц) за счет преобладания в легально доступном им властном ресурсе (то есть ресурсе, за счет использования которого возможно осуществление власти над подвластным: административный, силовой, финансовый и др.). Важнейшим свойством государственного принуждения, понимаемого в предложенном ключе, является признание значимости для принуждающего лица (общества) поведения принуждаемого, основанного на собственной воле. Этим государственное принуждение отличается от государственного силового воздействия (власти в форме силы) – второй формы реализации государственной власти, дифференцируемой в зависимости от источника подчинения подвластного, где подвластным оперируют безразлично к желаниям и воле последнего. В приведенном значении государственное принуждение предполагает использование метода убеждения.

С другой стороны, принуждение может выступать и на надгосударственном уровне. В данном контексте отметим, к примеру, дискредитацию выдающейся фигуристки из России К. Валиевой путем выдвижения против нее обвинений в предполагаемом неправомерном применении запрещенных медицинских препаратов, сопровождавшуюся (в разгар олимпийских выступлений) отвлечением её от тренировочного процесса в ходе слушаний дела, организованных в отношении неё органами спортивной юрисдикции. В итоге, неправомерные манипуляции предсказуемо сказались на качестве выступлений фигуристки [1]. Принципиально важным в сложившейся ситуации является назначение в роли мишени рядом стран западного мира несовершеннолетнего лица. Ребенка. Этот пример иллюстрирует одну из отличительных черт вступившего в постиндустриальную эпоху современного нам мира – переосмысление важности многих категорий, которые ранее считались незыблемыми, в том числе неприкосновенности детей, их «некомбатантного» статуса. Небрежение наследием прошлого, избыточная радикальность и поспешность в его переоценке объективно перечеркивают достижения гуманизма, легко отбрасывая современный мир в развитии на сотни лет назад.

Важнейшим фактором, защищающим общество от скоропалительных действий и дегуманизации, является общественная нравственность. Она представляет важность не только в международных отношениях и правоотношениях в сфере спорта, но и в значительно более распространенных ситуациях – в случаях применения государственного принуждения, то есть в противостоянии всему государственному аппарату одного или нескольких лиц. Существование государственного принуждения в установленных для него пределах (экономических, политических, но, прежде всего – нравственных) обеспечивает защиту прав и свобод, законных интересов человека и общества, тогда как их игнорирование во всех случаях несет делигитимационные риски для государства и подрыв общественной безопасности. Прежде всего, здесь следует отметить риск превращения государственного принуждения в свою противоположность – бесправие и произвол [5, с. 169].

Между тем нравственность, на что абсолютно обоснованно указано О.И. Цыбулевской, является сложной категорией, что определяется как её особым характером, сочетающим объективные и субъективные, абсолютные и относительные, а также иные факторы, так и её темпоральной обусловленностью [2, с. 351] Несмотря на то, что вопросы определения данной категории относятся к предмету этики, последняя также не дает однозначного ответа на вопрос об основных свойствах и признаках, содержании нравственности [3, с. 6-19], одной из основных причин чего является крайняя широта категории, в частности отмеченная А.А. Гусейновым [4, с. 342].

Для юридического знания нравственность приобретает основное значение применительно к праву, в связи с чем нам для определения концептуального содержания нравственности уместным кажется искать категорию, связывающую и нравственность, и право. Такой категорией, по верному замечанию О.И. Цыбулевской, является справедливость [6, с. 219]. Хотя разработка данной категории не позволила дать ей всеобъемлющее и универсальное определение, она, однако, способствовала выделению в ней структурных элементов (И. П. Жаренов, М. М. Магомедрасулов, Н.В. Макарейко, Д. Финнис и др.), которые, дабы избежать излишнего умножения сущностей, можно обозначить обоснованностью и соразмерностью.

Под обоснованностью, как аспектом справедливости, следует понимать применение меры государственного принуждения лишь в рамках нравственно оправдываемого обществом спектра воздействия на лицо или лиц за совершение правонарушения или продуцируемую опасность. Причем указанный спектр должен быть формально определен обществом, то есть найти свое отражение в законодательстве. Говоря иначе, обоснованность – это основанность меры государственного принуждения на праве в том смысле, что воздействие на лицо должно укладываться в диапазон нравственно оправданного воздействия на лицо за совершение им правонарушения или создаваемую опасность. Последнее находит свое отражение, например, в установленных законодателем пределах санкции статьи. Основным назначением соразмерности является применение конкретной меры государственного принуждения, из числа соответствующих условию обоснованности (входящих в спектр нравственно оправданного воздействия), с индивидуализирующими данный конкретный случай обстоятельствами. Иными словами, соразмерность выступает в роли «тонкой настройки» государственного принуждения.

Применение государственного принуждения не должно являться как избыточным и допускать чрезмерную жесткость (жестокость) по отношению к принуждаемому лицу или лицам с точки зрения доминирующих в обществе подходов, так и слишком мягким, не соответствующим общественному пониманию должного воздействия на лицо (возмездия лицу). Это обосновано тем, что ни первое, ни второе не соответствует справедливости в связи с необоснованным распределением выгод и тягот, как для принуждающего лица, так и для непосредственно принуждаемого лица (лиц). Кроме того, это способно породить тенденции делегитимации государства. Напротив, соблюдение определяемых справедливостью границ применяемого государственного принуждения обеспечивает его соответствие общественной нравственности, минимизирует или снимает возможные делегитимационные тенденции в отношении государства и способствует защите прав, свобод и законных интересов человека и общества, которые без государства реализованы быть не могут.

Следует обратить внимание на соотношение между собой категорий обоснованности и соразмерности. Несмотря на их тесную связь, они различны и не являются однопорядковыми элементами. Концептуально обоснованность заключается в соотношении деяния (продуцируемой лицом угрозы) и влекомого им применения меры государственного принуждения, в то время как в основе соразмерности – соотношение меры государственного принуждения и личности того, на кого оно направлено.

Исключив соразмерность из числа критериев меры государственного принуждения, необходимо сделать вывод о невозможности соблюдения нравственного предела применения государственного принуждения: отказ от соотношения деяния (угрозы) и индивидуальных характеристик лица, к которому планируется применение меры государственного принуждения (даже из числа определяемого обоснованностью спектра нравственно-оправданного воздействия) само породит несправедливость и перенесет последующее за таким решением действие за пределы нравственности.

Игнорируя обоснованность, мы исключаем объективную сторону дела, последствия деяния (угрозы), ориентируясь лишь на индивидуальные характеристики лица. В результате даже за тяжелейшие умышленные преступления лицо вполне может ограничиться минимальной мерой государственного принуждения или вовсе освободиться от него по причине множественных положительно индивидуализирующих его факторов, что также не соответствует справедливости.

Только во взаимодействии обоснованности, устанавливающей общие нравственные границы меры государственного принуждения, и соразмерности, позволяющей индивидуализировать воздействие на лицо в границах нравственно определенного диапазона

возможных мер воздействия, возможно наиболее полное достижение справедливости и, следовательно, соответствие нравственности (включенности в образуемые ей границы) применения государственного принуждения.

В данной связи, под нравственным пределом государственного принуждения мы предлагаем понимать нашедшую отражение в законодательстве границу осуществления государственного принуждения, отграничивающую справедливое, то есть укладывающееся в нравственно обоснованные рамки воздействия на лицо при каких-либо типичных обстоятельствах (обоснованность) и соотносимое с индивидуализирующими обстоятельствами конкретной ситуации (соразмерность) воздействие, от несправедливого, то есть несоответствующего требованиям справедливости (обоснованности и соразмерности) воздействия.

Интерес представляет соотношение пределобразующего фактора – справедливости с категориями определенности и разумности. Иными словами, должна ли справедливость требовать определенности, в том числе нормативной, и отвечать требованиям разумности?

Определенность является магистральным признаком законодательства и правовой системы в целом. По верному замечанию Н.А. Власенко: «По существу право – это согласованное решение общества жить по определенным правилам, поэтому и существо права – в придании общественной жизни заданности, скоординированности и порядка» [7, с. 11-12]. Применительно к государственному принуждению определенность обеспечивает прозрачность отношений для нравственной оценки, выступает гарантом защищенности прав, свобод и интересов человека, а, следовательно, соответствует справедливости. Обоснованность государственного принуждения, как составной элемент справедливости, зиждется на определенности, неотделим от неё и является её выражением применительно к реализации государственного принуждения.

Применительно к разумности следует отметить, что её не следует сводить к механической рациональности, своеобразному экономическому расчету. В современном обществе разумность неразрывна с гуманизмом, снижающим уровень механичности регулирования, его рациональности в пользу ценности прав и свобод человека. В ряде случаев результат регламентации утрачивает рациональность, но становится разумным. Например – такая мера принуждения как предусмотренное отечественным законодательством об административных правонарушениях предупреждение едва ли может считаться рациональной, поскольку на её реализацию тратятся ресурсы, не восстанавливающиеся за счет взыскания штрафа, но гуманизм требует именно такого подхода, а не экономически рационального понуждения принуждаемого лица к оплате штрафа. Говоря иначе разумность не тождественна рациональности в представленном смысле и включает в себя гуманность, что соответствует справедливости как нравственной категории и свидетельствует о рассмотренной выше соразмерности как проявлении разумности.

Следовательно, определенность корреспондирует обоснованности государственного принуждения, разумность – его соразмерности, а в целом они соответствуют структурным элементам справедливости, как пределобразующего фактора нравственного предела применения государственного принуждения. Дефект каждой из указанных категорий – определенности, соразмерности, обоснованности или разумности влечет искажение баланса соблюдения прав общества и принуждаемого лица дисбаланс при применении государственного принуждения, в том числе юридической ответственности [8, с. 41-134] и, следовательно, нарушение прав и свобод человека и общества, делигитимацию государства. Препятствовать возникновению дефектов в нормативных правовых актах, затрагивающих вопросы принуждения, а также устранять уже существующие дефекты может проведение предварительной, то есть до принятия нормативного правового акта, а также текущей, то есть проведенной в ходе мониторинга действующей нормативной правовой базы, экспертизы нормативных правовых актов.

Отметим, однако, что нравственный предел применения государственного принуждения не является единственным пределом применения государственного принуждения. На его реализацию влияют экономические, политические и иные факторы, которые к тому же с течением времени изменяются вплоть до своей противоположности (например, от религиозности в имперской России до атеизма Советской России).

В юридической науке вопрос структуры консолидированных (объединенных) пределов применения государственного принуждения практически не затрагивается, а между тем, он может

представлять не только теоретический, но и практический интерес: достоверно представляя какие факторы определяют меру применения государственного принуждения, возможно своевременно (или даже превентивно) корректировать применяемое государственное принуждение. Такой результат сложно недооценить, ведь это позволяет не только укрепить безопасность государства, но и лучше защитить права человека, являющегося высшей ценностью современного государства [9, с. 42-47].

В данном контексте можно выделить:

1) экономические факторы: например, экономическая модель применения государственного принуждения (принуждаемые лица могут как не привлекаться к труду без добровольного согласия, так и отрабатывать затрачиваемые на их содержание средства) и другие факторы, устанавливающие объем ресурсов, выделенных для применения государственного принуждения;

2) политические факторы: например, легитимность назначающего применение государственное принуждение и применяющего его органа власти; электоральная поддержка каких-либо решений, связанных с применением государственного принуждения и другие факторы, устанавливающие политически допустимое применение государственного принуждения от политически недопустимого в конкретный момент времени;

3) нравственные факторы: рассмотренные ранее важнейшие факторы, разграничивающие нравственное, то есть оправданное с позиций общественной нравственности и безнравственное – то есть не отвечающее указанному критерию, применение государственного принуждения. К нему следует отнести, помимо собственно нравственных факторов, также:

3.1) религиозные факторы: например, возможность применения государственного принуждения с позиций доминирующей и (или) существующих в обществе философских и религиозных учений;

3.2) культурно-идеологические факторы: например, соответствие применяемого государственного принуждения светским культурным воззрениям или идеологии, нерелигиозным традициям и обычаям.

Каждый из них, а также иных общественно-значимых в текущий момент времени факторов (которым может быть неограниченное множество), выступает в роли детерминанты применения государственного принуждения, определяя со своих позиций сферу допустимого и недопустимого применения государственного принуждения в конкретный момент времени. Взаимное наложение проекций данных сфер выявляет систему пределов применения государственного принуждения, в которой пределы различных пределообразующих категорий могут совпадать и не совпадать, причем как полностью, так и частично. Наиболее близкая визуальная аналогия указанной системы пределов представляет собой клубок ниток, в котором некоторые нити (пределы) идут параллельно и плотно друг к другу, некоторые пересекаются и значительно отстают друг от друга, вместе образуя рельефный, с возвышенностями и углублениями шар, внутри которого, применительно к рассматриваемому вопросу, находится сфера допустимого применения государственного принуждения, а снаружи – область беспредела.

Для исключения нарушения прав, свобод и законных интересов принуждаемого лица верно относить к допустимому применению государственного принуждения лишь то, что входит в зону допустимого воздействия для всех пределов его применения государственного принуждения одновременно, то есть не пересекается ни одним пределом.

Таким образом, под пределами применения государственного принуждения предлагается понимать нормативно закрепленную и сформированную общественно-значимыми факторами консолидированную границу применения государственно-принудительного воздействия, в пределах которой оно одновременно соответствует предъявляемым к нему данными факторами требованиям.

Следует также отметить, что вопросы пределов применения государственного принуждения, вообще, и нравственных пределов применения государственного принуждения – в частности, требуют большего внимания со стороны исследователей и ученых. Их всесторонний, междисциплинарный анализ обладает не только теоретической, но и практической значимостью, поскольку позволит совершенствовать правотворческую и правоприменительную деятельность на пути защиты прав, законных интересов и свобод человека, безопасности общества и государства.

Литература и источники

1. Долгополов Н. МОК придумал как "помочь" Валиевой // Российская газета. 2022. 18 февраля.
2. Цыбулевская О.И. Нравственный аспект ограничения прав человека // Юридическая техника. 2018. №12.
3. Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика: учебник. М.: Гардарики, 2000.
4. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001.
5. Темрезов Т.Б. Цели наличия пределов в праве: теоретические и практические аспекты // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 2.
6. Цыбулевская О.И. Нравственные основания современного российского права. Дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2004.
7. Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании: монография. М.: ИНФРА-М, 2014.
8. Кушнир И.В. Дисбаланс юридической ответственности в законодательстве Российской Федерации. Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2021.
9. Петренко М.Н. Государственно-правовое принуждение на современном (постиндустриальном) этапе общественного развития // Право и практика. 2020. №3.

References and Sources

1. Dolgoplov N. MOK pridumal kak "pomoch" Valievoj // Rossijskaya gazeta. 2022. 18 fevralya.
2. Sybulevskaya O.I. Nrvstvennyj aspekt ogranicheniya prav cheloveka // Yuridicheskaya tekhnika. 2018. №12.
3. Gusejnov A.A., Apresyanyan R.G. Etika: uchebnik. M.: Gardariki, 2000.
4. Filosofskij slovar' / pod red. I. T. Frolova. 7-e izd., pererab. i dop. M.: Respublika, 2001.
5. Temrezov T.B. Celi nalichiya predelov v prave: teoreticheskie i prakticheskie aspekty // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. 2020. № 2.
6. Sybulevskaya O.I. Nrvstvennye osnovaniya sovremennogo rossijskogo prava. Dis. ... dokt. yurid. nauk. Saratov, 2004.
7. Vlasenko N.A. Razumnoost' i opredelyonnost' v pravovom regulirovanii: monografiya. M.: INFRA-M, 2014.
8. Kushnir I.V. Disbalans yuridicheskoy otvetstvennosti v zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii. Dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2021.
9. Petrenko M.N. Gosudarstvenno-pravovoe prinuzhdenie na sovremennom (postindustrial'nom) etape obshchestvennogo razvitiya // Pravo i praktika. 2020. №3.

ПЕТРЕНКО МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ – соискатель Саратовской государственной юридической академии (petmn@list.ru)
PETRENKO, MIKHAIL N. – Applicant of the Saratov State Law Academy (petmn@list.ru).

УДК 340.141

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-1-22-26

ДРУЖИНИНА А.В., ЯКОВЛЕВА-ЧЕРНЫШЕВА А.Ю., ФАРОИ Т.В. АДАТЫ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ У НАРОДОВ КАВКАЗА В СОСТАВЕ РОССИИ

Ключевые слова: адат, обычное право, правовая культура, народы Кавказа, Конституции Республик, социальные проекты, коренные народы.

Многонациональный состав населения Российской Федерации, а также наличие у части населяющих ее народов обычного права (адаты) тесно интегрированного в правовую систему ряда национальных республик требуют всестороннего изучения данного феномена. В статье проведен анализ норм законодательства и социальных проектов, включающих нормы адатов. Сделан вывод о существенном влиянии адатов на формирование правовой культуры у народов Кавказа, находящихся в составе России. Отмечается перспективность научных мероприятий, которые формируют дополнительный интерес у молодежи к изучению норм обычного права, его сравнению с действующим законодательством, позволяют провести сравнительный анализ исконных ценностей, закрепленных в адатах, с ценностями, навязываемыми западной культурой, что, в конечном счете, способствует формированию развитого правосознания и правовой культуры у населения, прежде всего, в республиках Кавказа в составе России. Обоснована целесообразность переноса опыта республик Кавказа по применению норм обычного права на другие субъекты Федерации, в которых проживают коренные народы, в том числе на территории Сибирского федерального округа.

DRUZHININA, A.V., YAKOVLEVA-CHERNYSHEVA, A.YU., FAROI, T.V. ADATS AS A METHOD OF FORMING LEGAL CULTURE AMONG THE PEOPLES OF THE CAUCASUS IN RUSSIA

Key words: adat, customary law, legal culture, peoples of the Caucasus, Constitutions of the Republics, social projects, indigenous peoples.

The multinational composition of the population of the Russian Federation, as well as the fact that some of the peoples inhabiting it have customary law (adat) closely integrated into the legal system of a number of national republics require a comprehensive study of this phenomenon. The article analyzes the norms of legislation and social projects, including the norms of adats. The conclusion is made about the significant influence of adats on the formation of legal culture among the peoples of the Caucasus, which are part of Russia. The perspective of scientific events that form an additional interest among young people in the study of customary law, its comparison with the current legislation, allow a comparative analysis of the primordial values enshrined in adats, with the values imposed by Western culture, which ultimately contributes to the formation of a developed legal awareness and legal culture among the population, first of all, in the republics of the Caucasus as part of Russia. The expediency of transferring the experience of the Caucasian republics in the application of customary law to other subjects of the Federation in which indigenous peoples live, including the territory of the Siberian Federal District, has been substantiated.

Вопросы формирования и повышения уровня правовой культуры населения Российской Федерации на протяжении длительного времени находятся в центре внимания ученых и практиков. Однако при проведении исследований по данной тематике далеко не всегда учитывается тот факт, что процесс формирования правовой культуры в России осложняется рядом факторов, включающих многонациональность нашей страны и обширность ее территории. В

преамбуле Конституции РФ подтверждены многонациональность нашей страны, соединенность ее народов общей судьбой, право на их равноправие и самоопределение [1].

В законодательстве северокавказских субъектов РФ, прежде всего в актах Республик подтверждается целостность нашего государства, делается акцент на обычаи и традиции, которые составляют основу исторического и культурного наследия народов Кавказа. Так, в ст. 6 Конституции Республики Дагестан, принятой 10 июля 2003 года закреплено, что «Республика Дагестан признает и уважает национально-культурную и историческую самобытность народов Дагестана, создает условия для сохранения и развития их культурных и исторических традиций» [2]. В ст. 3 Конституции Республики Ингушетия (27 февраля 1994 г.) провозглашено, что «обеспечение каждому человеку достойной жизни, гражданского мира и согласия в обществе, сохранение и защита исторического и культурного наследия народов, их национальной самобытности – высшая цель государства» [3].

В Конституции Чеченской Республики, принятой 23 марта 2003 года, говорится: «подтверждая лучшие традиции народов Чеченской Республики и всей Российской Федерации, чья память предков, передавших нам любовь и уважение к земле отцов, веру в добро и справедливость, провозглашаем и принимаем Конституцию Чеченской Республики» (преамбула). А часть 2 ст. 3 этой же Конституции гласит: «Создание условий, обеспечивающих каждому человеку достойную жизнь и свободное развитие, гражданский мир и согласие в обществе, сохранение и защита исторического и культурного наследия народов, их национальной самобытности – высшие цели Чеченской Республики [4].

В статье 16 Конституции Республики Северная Осетия-Алания (12 ноября 1994 года) закреплено, что «Республика Северная Осетия-Алания строит свои отношения с Республикой Южная Осетия в соответствии с федеральным законодательством на основе этнического, национального, историко-территориального единства, социально-экономической и культурной интеграции» [5].

В Конституции Карачаево-Черкесской республики от 05 марта 1996 года в преамбуле закреплено: «уважая права и законные интересы каждого народа, заботясь о сохранении и самобытном развитии всех народов, проживающих на территории Карачаево-Черкесии и стремясь обеспечить их благополучие и процветание, а также, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, принимаем Конституцию Карачаево-Черкесской Республики». А в ч. 2 ст. 10 данного акта установлено, что «обеспечение каждому человеку достойной жизни, гражданского мира и согласия в обществе, сохранение и защита исторического и культурного наследия народов, их национальной самобытности – высшая цель Карачаево-Черкесской Республики» [6].

Исторически сложилось, что народы Кавказа имеют свою систему обычаев и норм (обычного права). Это объясняется многовековым применением на их территориях особых обычаев и традиций. Обширная и целостная система обычаев и традиций официально регулировала, вплоть до начала 1930-х годов, все стороны жизни народов Кавказа, причем не только частноправовые (гражданские, семейные, торговые), но и публично-правовые отношения (в сфере совершения правонарушений и наказаний за них, взаимоотношений между членами традиционного общества и с представителями самого общества) [7, 8].

Современное законодательство республик Кавказа в составе РФ подчеркивает важность издревле сложившихся норм. Например, в ст. 37 Конституции Республики Ингушетия установлено, что «в Республике Ингушетия граждане имеют право на вступление в брак и построение семейных отношений на основе национальных традиций и обычаев» [3]. В ч. 4 ст. 35 Конституции Чеченской Республики закреплено, что «общепризнанные традиции и обычаи народов Чеченской Республики – уважение к старшему, женщине, людям различных религиозных убеждений, гостеприимство, милосердие – священны, охраняются Конституцией Чеченской Республики и законами Республики» [4]. Часть 3 ст. 35 Конституции Республики Адыгея от 10 марта 1995 года закрепляет, что «почтительное отношение младших к старшим и уважительное отношение старших к младшим – священный долг каждого» [9]. Часть 5 ст. 33 Конституции Кабардино-Балкарской Республики от 1 сентября 1997 г. гласит: «распространение информации, несовместимой с морально-нравственными и национальными традициями и устоями народов Кабардино-Балкарской Республики, преследуется по закону» [10]. В научной литературе также

отмечается, что «игнорировать обычное право или, что еще хуже, бороться с его применением бесполезно и даже опасно» [11, с. 7].

Основными адатами у народов Кавказа до сих пор считаются: забота о родителях и престарелых членах семьи (уважение старших); забота о детях, оставшихся без попечения родителей; уважение и почитание гостей (гостеприимство); помощь ближнему; выкуп невесты; милосердие к животным и т.д. [12] Конечно, многие адаты, содержащие общепризнанные нравственные ценности, в частности, запрещающие кровную месть, убийства, воровство и пр., уже давно интегрированы в законодательство, но, тем не менее, не утрачивают своего значения для народов Кавказа в составе России.

В Республиках Кавказа реализуются социальные проекты, основанные на адатах. Так, в Чеченской Республике действует, культ «почитания» старших, не оставления без семейной опеки детей-сирот, инвалидов. Поэтому здесь официально отсутствуют детские дома и дома престарелых. Есть реабилитационные центры для лиц, попавших в трудные жизненные ситуации, но в них граждане не живут постоянно. Они лишь временно посещают эти центры с целью получения юридической, социальной и психологической помощи. Кроме деятельности реабилитационных центров, в Чеченской Республике в содействии стабильности общества, в укоренении отношений, основанных на адатах, активное участие принимают средства массовой информации. По телевидению транслируются выступления имамов, фильмы, направленные на укрепление стабильности чеченского общества.

В настоящее время становится все более признанной мысль о том, что обычное право для молодежи в республиках Кавказа должно являться нравственным ориентиром в поступках и действиях. В связи с этим, особый интерес представляют социальные проекты, формирующие у молодых людей нравственные идеалы и ценности, основанные на адатах. К примеру, с 2009 года и по настоящее время в Кабардино-Балкарии реализуется проект «Куначество», который предполагает проживание ребенка в возрасте 14-16 лет («кунака») в «принимающей семье» в течение недели, ознакомление с традициями, бытом, участие в жизни семьи. Проект учит подростков дружбе и взаимопониманию, оказывать помощь нетрудоспособным членам семьи, прививает им уважение к старшим.

В Ингушетии уже несколько лет действует школа ингушских адатов, где обучаются на бесплатной основе ученики старших классов общеобразовательных школ (девушки и парни обучаются отдельно), для которых квалифицированными педагогами в течение трех месяцев читается специальный курс об адатах и их роли в жизни общества и конкретного человека. Главная цель создания такой школы – ознакомить и укрепить у обучающихся содержащиеся в адатах нравственные ценности. По окончании курса слушателям выдаются специальные сертификаты. Курирует проект социальный отдел администрации Сунженского района и Сунженский районный Совет депутатов. Этот социальный проект широко освещается в социальных сетях, прежде всего, в Instagram, что особенно популяризирует его среди молодежи.

В Дагестане при научно-исследовательском институте юридического факультета Дагестанского государственного университета действует лаборатория обычного права, в рамках которой обучающиеся изучают адаты, сравнивают их с действующим законодательством. Благодаря инициативе сотрудников этой лаборатории в учебные планы были введены такие дисциплины, как: «История государства и права Дагестана», «Государственное (конституционное право) Республики Дагестан».

В последние годы, к сожалению, редко организуются научные мероприятия, посвященные обычному праву, адатам, как нормативным регуляторам отношений на Кавказе в составе России. Но в 2011-2012 г. были проведены конференции, где юридическим сообществом непосредственно обсуждались вопросы применения обычного права в современных условиях. Так, в Нальчике в 2011 году состоялась Международная научная конференция «Правовой мир Кавказа: прошлое, настоящее, будущее». Среди организаторов данной конференции были: Институт государства и права РАН, Северо-Кавказское отделение Российской академии юридических наук, Международная черкесская ассоциация. В рамках конференции был представлен сборник документов «Антология памятников права народов Кавказа». Всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы развития государственности народов Кавказа» состоялась в Махачкале в 2012 г. Такие научные мероприятия формируют дополнительный интерес у молодежи

к изучению норм обычного права, его сравнению с действующим законодательством, позволяют провести сравнительный анализ исконных ценностей, закрепленных в адатах, с ценностями, навязываемыми западной культурой, что, в конечном счете, способствует формированию развитого правосознания и правовой культуры у населения, прежде всего, в республиках Кавказа в составе России.

Таким образом, правовая культура у народов Кавказа построена на основе системы адатов (обычаев) – исторически сложившихся правил поведения, основанных на коллективной справедливости, понятиях добра и честности, связи поколений. Именно адаты до интегрирования законодательства в правовые системы народов Кавказа играли там решающую роль в формировании правовой культуры. В настоящее время и законодательство, и правоприменение в республиках Кавказа в составе РФ учитывают нравственные ценности и идеалы, закрепленные в адатах.

По нашему мнению, опыт республик Кавказа по применению норм обычного права нужно распространить и на другие субъекты Федерации, в которых проживают коренные народы (прежде всего, это народы, проживающие на территории Сибирского федерального округа: буряты, булагаты, сартулы, сонголы, хоринцы, долганы, кеты, нганасаны, чулымцы, эвенки, энцы, бухарцы, коми, манси, ненцы, сибирские казаки, сибирские татары, сиртя, ханты, чалдоны, селькупы, тофалары, долганы, мегинцы, сахаляр, чукчи, эвенки, эвены, юкагиры, якуты), у которых издревле существовала своя система норм обычного права.

Литература и источники

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 01.07.2020. № 31. ст. 4398.
2. Конституция Республики Дагестан (принята Конституционным Собранием 10 июля 2003 г.) // СПС КонсультантПлюс.
3. Конституция Республики Ингушетия (принята 27 февраля 1994 г.) // СПС КонсультантПлюс.
4. Конституция Чеченской Республики (принята 23 марта 2003 г.) // СПС КонсультантПлюс.
5. Конституция Республики Северная Осетия-Алания (принята Верховным Советом Республики Северная Осетия 12 ноября 1994 г.) // СПС КонсультантПлюс.
6. Конституция Карачаево-Черкесской Республики от 5 марта 1996 г. // СПС КонсультантПлюс.
7. Дружинина А.В., Маньковский И.А. Обычай как неотъемлемая часть традиционной правовой культуры некоторых народов Российской Империи в XIX веке // Государство и право в XXI веке. 2016. № 2. С. 4-8.
8. Свечникова Л.Г., Фоминская М.Д., Дзидзоев А.Д. Адат, шариат и российское законодательство в праве народов Северного Кавказа (конец XVIII- первая треть XIX вв.): монография. Ставрополь: Северо-Кавказский социальный институт, 2009.
9. Конституция Республики Адыгея (принята на XVI сессии Законодательного Собрания (Хасэ) - Парламента Республики Адыгея 10 марта 1995 года) // СПС КонсультантПлюс.
10. Конституция Кабардино-Балкарской Республики от 1 сентября 1997 г. N 28-РЗ (принята Парламентом Кабардино-Балкарской Республики 1 сентября 1997 г.) (в редакции, принятой Конституционным Собранием 12 июля 2006 г., республиканских законов от 28 июля 2001 г. N 74-РЗ, от 2 июля 2003 г. N 61- РЗ, от 12 июля 2005 г. N 52-РЗ, от 13 июля 2006 г. N 48-РЗ) // СПС КонсультантПлюс.
11. Ливеровский А.А. Перспективы претворения шариата и адата в современной России // Юридический вестник ДГУ. 2012. №2. С. 5-19.
12. Харсиев Б.М.Г. Ингушские адаты как феномен правовой культуры. Автореф. дисс. ... канд. философ. наук. Ростов-на-Дону, 2003.

References and Sources

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008 №6-FKZ, ot 30.12.2008 №7-FKZ, ot 05.02.2014 №2-FKZ, ot 01.07.2020 N11-FKZ) // SZ RF. 01.07.2020. №31. st. 4398.
2. Konstituciya Respubliki Dagestan (prinyata Konstitucionnym Sobraniem 10 iyulya 2003 g.) // SPS Konsul'tantPlyus.
3. Konstituciya Respubliki Ingushetiya (prinyata 27 fevralya 1994 g.) // SPS Konsul'tantPlyus.
4. Konstituciya Chechenskoj Respubliki (prinyata 23 marta 2003 g.) // SPS Konsul'tantPlyus.
5. Konstituciya Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya (prinyata Verhovnym Sovetom Respubliki Severnaya Osetiya 12 noyabrya 1994 g.) // SPS Konsul'tantPlyus.
6. Konstituciya Karachaev-Cherkesskoj Respubliki ot 5 marta 1996 g. // SPS Konsul'tantPlyus.
7. Druzhinina A.V., Man'kovskij I.A. Obychaj kak neot'emlemaya chast' tradicionnoj pravovoj kul'tury nekotoryh narodov Rossijskoj Imperii v XIX veke // Gosudarstvo i pravo v XXI veke. 2016. № 2. S. 4-8.
8. Svechnikova L.G., Fominskaya M.D., Dzidzoev A.D. Adat, shariat i rossijskoe zakonodatel'stvo v prave narodov Severnogo Kavkaza (konec XVIII- pervaya tret' XIX vv.): monografiya. Stavropol': Severo-Kavkazskij social'nyj institut, 2009.
9. Konstituciya Respubliki Adygeya (prinyata na XVI sessii Zakonodatel'nogo Sobraniya (Hase) - Parlamenta Respubliki Adygeya 10 marta 1995 goda) // SPS Konsul'tantPlyus.
10. Konstituciya Kabardino-Balkarskoj Respubliki ot 1 sentyabrya 1997 g. N 28-RZ (prinyata Parlamentom Kabardino-Balkarskoj Respubliki 1 sentyabrya 1997 g.) (v redakcii, prinyatoj Konstitucionnym Sobraniem 12 iyulya 2006 g., respublikanskih zakonov ot 28 iyulya 2001 g. N 74-RZ, ot 2 iyulya 2003 g. N 61- RZ, ot 12 iyulya 2005 g. N 52-RZ, ot 13 iyulya 2006 g. N 48-RZ) // SPS Konsul'tantPlyus.
11. Liverovskij A.A. Perspektivy pretvoreniya shariata i adata v sovremennoj Rossii // Yuridicheskij vestnik DGU. 2012. №2. S. 5-19.
12. Harsiev B.M.G. Ingushskie adaty kak fenomen pravovoj kul'tury. Avtoref. diss. ... kand. filosof. nauk. Rostov-na-Donu, 2003.

ЯКОВЛЕВА-ЧЕРНЫШЕВА АННА ЮРЬЕВНА – доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела научных исследований Сочинского филиала Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Сочи (ayach@mail.ru).

ФАРОИ ТАТЬЯНА ВАЛЕРЬЕВНА – кандидат юридических наук, доцент, кафедра теории и истории государства и права Сочинского филиала Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Сочи.

DRUZHININA, ANNA V. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Legal Disciplines of the International Innovative University, Sochi (aanwar@list.ru).

YAKOVLEVA-CHERNYSHEVA, ANNA Yu. – Doctor of Economics, Associate Professor, Chief Research Officer, Scientific Research Department, Sochi branch of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi.

FAROI, TATIANA V. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law of the Sochi Branch of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi (tfaroi@mail.ru)

УДК 342.58(47)

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-1-26-32

ЧЕРКЕСОВА Л.И.

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1810-1906 ГГ.)

Ключевые слова: Государственный совет Российской империи, Госсовет, совещательный орган, законосовещательный орган.

На фоне конституционных преобразований России и придания Государственному совету Российской Федерации статуса конституционного государственного органа, обращает на себя внимание историко-правовой аспект функционирования совещательных органов с аналогичным наименованием. Одним из старейших органов власти и первым с подобным наименованием был созданный Александром I и кардинально преобразованный в период «великих потрясений» Николаем II Государственный совет Российской империи. В статье рассматриваются основные вехи эволюции статуса и полномочий Госсовета Российской империи, принципов и механизмов их реализации в период с 1810 по 1906 гг. Показано, что законосовещательная деятельность Госсовета не являлась, да и не могла являться ограничительной в отношении мнения императора, тогда как его влияние на Госсовет фактически было абсолютным. Решения Госсовета для императора по существу носили рекомендательный характер. Обоснован вывод о том, что реальные эффективность и значимость Госсовета в процессах функционирования системы государственной власти Российской империи были не высоки и не реализовали потенциал проекта реформы М.М. Сперанского. Формально, как и планировалось, Госсовет был создан, однако функционально он не только не был наделен полномочиями, позволявшими в той или иной мере систематизировать и контролировать законодательный процесс, но и не имел соответствующей политической силы.

CHERKESOVA, L.I.

HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE ACTIVITIES OF THE STATE COUNCIL OF THE RUSSIAN EMPIRE (1810-1906)

Key words: State Council of the Russian Empire, State Council, advisory body, legislative advisory body.

Against the background of the constitutional transformations of Russia and giving the State Council of the Russian Federation the status of a constitutional state body, attention is drawn to the historical and legal aspect of the functioning of advisory bodies with the same name. One of the oldest bodies of power and the first with such a name was the State Council of the Russian Empire created by Alexander I and radically transformed during the period of "great upheavals" by Nicholas II. The article discusses the main milestones in the evolution of the status and powers of the State Council of the Russian Empire, the principles and mechanisms for their implementation in the period from 1810 to 1906. It is shown that the legislative activity of the State Council was not, and could not be, restrictive in relation to the opinion of the emperor, while his influence on the State Council was actually absolute. The decisions of the State Council for the emperor were essentially advisory in nature. The conclusion is substantiated that the real efficiency and significance of the State Council in the processes of functioning of the state power system of the Russian Empire were not high and did not realize the potential of M.M. Speransky. Formally, as planned, the State Council was created, but functionally, not only was it not endowed with the powers to systematize and control the legislative process to one degree or another, but it also did not have the appropriate political power.

Организация государственной власти в России существенно трансформирована поправками в Конституцию Российской Федерации 2020 года [1]. Одним из ее элементов, в частности, стала конституционная легитимизация государственного органа – Государственный Совет Российской Федерации (далее – Госсовет РФ) [2], правовой статус которого определен Федеральным законом о Государственном Совете Российской Федерации [3].

В данном контексте отметим, что Госсовет в российской истории не представляет собой нечто абсолютно новое. Государственный институт с подобным наименованием, хотя и различными компетенциями, функционировал в стране на протяжении более двух столетий. Впервые законосовещательный Государственный совет был образован в Российской империи в 1810 году [4]. С 1906 года по 1917 год Госсовет работал уже в качестве верхней палаты российской Государственной Думы [5], с 1991 года – как совещательный при Президенте РСФСР [6] (в том же 1991 году – межреспубликанский совещательный орган СССР [7]), а с 2000 года – как совещательный орган при Президенте РФ [8]. Факт закрепления конституционного статуса Госсовета РФ на фоне преобразований государственной власти объективно актуализирует вопросы изучения дореволюционной истории подобного органа в Российской империи, созданного Александром I и реализовавшего замыслы М.М. Сперанского по изменению системы

государственной власти. Тем более, что цели создания Госсовета Российской империи 1810 года определяли «утверждение и распространение единообразия и порядка в государственном управлении» [9, 10]. Подобная постановка, особенно публичность принимаемых данным учреждением решений, исходя из современных реалий, в некотором роде созвучны идее конституализации Госсовета РФ, в задачи которого входит «обеспечение согласованного функционирования системы органов и взаимодействия органов публичной власти» [11].

М.М. Сперанский в своей реформе Госсовету Российской империи отводил ключевую, доминирующую роль в системе органов государственной власти, по существу наделяя его объединяющими и координирующими функциями, чтобы Госсовет, объективно и комплексно анализируя весь массив поступающих дел, мог вырабатывать взвешенные и эффективные предложения для державной власти [12; 9, с. 112-113].

В записке к проекту реформы М.М. Сперанский, в частности, отмечал, что законодательская деятельность, основанная лишь на личном доверии Государя, не отвечает требованиям единства и единообразия. В силу этого, законодательство Российской империи приобрело бессистемный и внутренне весьма противоречивый характер. И действительно, правители России неизменно испытывали необходимость в советниках по всем государственным вопросам и, как следствие, создавали при себе различные советы [13, с. 3]. Историю создания и функционирования подобных советов впервые глубоко проанализировал помощник статс-секретаря Госсовета П.Н. Даневский. При этом историю высших совещательных учреждений России он разделил на два этапа – «учреждения временные (с древнейших времен до 1 января 1810 г.)» и «образование Госсовета как учреждения постоянного» [13, с. 4].

Временные совещательные учреждения в российской политической истории имели различные наименования. В древнейшие времена это была Боярская Дума. При Петре Великом в 1705 году учредили Ближнюю Канцелярию, а с 1711 года – Правительствующий Сенат. При императрице Екатерине I с 1726 года работал Верховный Тайный Совет. При Анне Иоановне в 1731 год был создан Кабинет Её Императорского Величества, при Императрице Елизавете Петровне в 1741 году – Конференция, при Императоре Петре III в 1762 году – Совет при Высочайшем Дворе. В том же году при Екатерине II был учрежден Правительствующий Сенат, а при ее внуке Александре Павловиче с 1801 года действовал Совет Императора.

И только в 1810 году совещательный орган подучил статус постоянного «образования, свойственного публичному установлению» (органа публичной власти) и наименование – «Государственный Совет». Император Александр Павлович в своей речи на первом собрании Госсовета Российской империи в Зимнем дворце обозначил причины, побудившие его к созданию совещательного органа, и указал, что «Госсовет будет составлять сосредоточение всех дел высшего управления» [13, с. 55-57]. Планировалось посредством создания Госсовета систематизировать законодательство, придать публичность принимаемым решениям и тем самым повысить доверие к самодержавию. Поскольку реформа М.М. Сперанского реализована была частично, то в результате Госсовет стал не передаточным звеном между Госдумой и Государем, а единственной площадкой, где обсуждались законопроекты, т.е. законосовещательным органом [14, с. 483].

При этом не только положения Основных законов (статья 50) и Учреждения Министерств (статья 161) [15, с. 216], но и анализ полномочий Госсовета, установленных пунктом 29 Манифеста «Образование Государственного Совета» от 1 января 1810 года (позднее - Учреждением Совета 1842 года и Сводом законов 1892 года) (далее – Манифест), указывают, что функционально он тяготеет к законодательной власти, поскольку большинство его функций (7 из 10) связаны с законодательской деятельностью, и реализация их предполагает конкретный результат, а именно:

- рассмотрение всего массива проектов законов и иных нормативных правовых актов, в том числе предложений по изменению действующего законодательства;
- разъяснение законодательства и практики его применения;
- рассмотрение законодательных предложений при чрезвычайных ситуациях;
- рассмотрение вопросов отчуждения государственного имущества в частную собственность (в том числе субсидирование); о компенсационных выплатах за изъятие частной собственности на государственные нужды.

Госсовет также рассматривал ежегодные сметы государственных доходов и расходов и заслушивал отчеты всех министерств, что, с одной стороны, дает основания полагать наличие у него контрольных функций. Однако, при отсутствии права воздействия (влияния) на процессы функционирования министерств, реализации ими своих полномочий, с другой стороны – можно говорить только о некоей мониторинговой составляющей. Также Госсовет обладал полномочием по выдаче заключений по гражданским и уголовным делам, которые затем утверждались монархом, по существу являясь независимым экспертом в отношении судебной власти.

Несмотря на функционально усеченный вариант Госсовета (в сравнении с изначально предполагаемым), М.М. Сперанский его деятельность оценивал весьма положительно, указывая в отчете за 1810 год, что основная цель его создания достигнута, и это ни что иное, как существенный вклад в «переход от самодержавия к истинным формам монархии» (парламентской монархии) [16, с. 4-5]. «Никогда в России законы не были рассматриваемы с большей зрелостью, как ныне, никогда Государю самодержавному не представляли истины с большей свободой...» [17, с. 4, 18, с. 25]. В данном контексте отметим, что сегодня многие исследователи рассматривают образование Государственного совета как результат предыдущего политического развития России и нововведение, наряду с другими реформами начала XIX века, знаменовавшее собой «начало нового этапа в становлении российского конституционализма». В это время в общественной жизни России собственно и появляется конституционный вопрос в полном смысле этого слова. Однако по заведенной в России традиции большинство намечавшихся мер, которые могли бы способствовать эволюции российской политической системы от самодержавия в сторону конституционной монархии, не были реализованы.

Бесспорно, что факт упорядочения процедуры принятия законопроектов с введением обязательного коллективного их обсуждения для тех времен означал серьезный прогресс. Однако самодержавие такое положение не устраивало, поскольку Госсовет в какой-то мере мешал произволу министров [19, с. 85], учитывая, что его мнение зачастую предопределяло решение Государя в ключевых вопросах внутренней и внешней политики [20, с. 82]. Министрам в этой ситуации были удобны ограничения компетенции Госсовета, содержащиеся в Манифесте (пункт 30), согласно которым не подлежали рассмотрению дела, по которым министрам предоставлялось право прямого доклада Государю, а также дела, которые министры были вправе решать самостоятельно. При этом, учитывая расплывчатость данных формулировок, допускалось неоднозначное их толкование и возможность широты применения.

Вследствие этого у министров всегда была возможность по своему усмотрению, основываясь на данных положениях Манифеста, при проведении законодательных предложений, обходить процедуру рассмотрения их Госсоветом. В XIX веке регулярно издавались законы без одобрения Госсовета и, соответственно, прослеживалась большая значимость Кабинета Министров в законотворческих процессах [21, с. 16; 22, с. 159-160]. Как отмечал Г.А. Евреинов, при отсутствии реальных ограничений, органы власти Российской империи игнорировали основные законы и зачастую «испрашивали Высочайшего соизволения» по законопроектам при отсутствии мнения Госсовета, а иногда и собственную позицию возводили в ранг закона. Все это демонстрировало высокий уровень политического влияния на государственное управление министерств [23, с. 5-6, 10-11].

Однако в данном контексте полагаем недопустимым и абсолютное принижение роли Госсовета в законодательных процессах. Именно на площадке Госсовета зачастую и происходили серьезные политические дискуссии, поскольку он не всегда являлся безмолвным исполнителем воли Государя. Законопроекты активно обсуждались и зачастую претерпевали существенные изменения. И именно по этой причине царь, не желая противодействия Госсовета по спорным вопросам, как правило, проводил их через Кабинет Министров (в частности, «Положение об усиленной и чрезвычайной охране», «Временные правила о печати» и многие другие законопроекты [24, с. 246]).

Примеров незаконного прохождения законопроектов множество, это образование новых министерств (например, Главное управление торгового мореплавания и портов [26, с. 290], Министерство торговли [27, с. 54, 28, с. 46]), утверждение программ стратегического развития страны (например, торгово-промышленной политики [29, с. 60-63]), все ограничительные меры, ущемляющие права различных категорий граждан (национальных меньшинств, иностранцев,

крестьян и т.д.), всевозможные персонифицированные преференции и льготы Правительством законодательно закреплялись как временные без прохождения Госсовета, а действовали на протяжении десятков лет. С.Ю. Витте, например, в отношении законопроекта об ограничении прав евреев писал, что законодатели опасались публичности в данном вопросе, поскольку были убеждены, что Госсовет законопроект не поддержит и, более того, выскажется нелицеприятно в отношении министров. Такого рода законопроекты проходили через Кабинет Министров, а в случае возможных рисков - через особые совещания или напрямую докладом Государю [25, с. 211]. В итоге, несоблюдение установленной процедуры принятия законопроектов негативно влияло на эффективность государственного управления, а также формировало в умах населения страны идеологию самопроизвола и анархии [30, с. 136].

Однако даже С.Ю. Витте, являясь противником нарушения законодательно установленной процедуры прохождения законопроектов, зачастую прибегал к ее нарушению. Например, в 1897 году таким образом провели денежную реформу. Впрочем, надо отдать должное С.Ю. Витте, который изначально пытался получить одобрение Госсовета. В 1896 году она рассматривалась департаментами Госсовета и вызвала противодействие, большое количество вопросов. При этом также было высказано мнение о том, что данная реформа может быть реализована только после реформы Государственного банка [31, с. 350]. С.Ю. Витте неоднократно выступал на заседаниях Госсовета, пытаясь аргументировано обосновать необходимость проведения денежной реформы, однако цель не была достигнута [32, с., 28, 130-131; 33, с. 226]. В результате, понимая бессмысленность данного процесса, он убедил императора провести проект о денежной реформе посредством обсуждения и поддержки на заседании Финансового комитета (где сам был председателем) с участием председателя Госсовета и трех его членов, и судьба реформы была решена положительно. «Его Императорское Величество, как самодержавный государь может решить дело и подписать указ в каком угодно смысле, по докладу министра» [34, с. 112-115].

Заметим также, что даже при внесении законопроектов в Госсовет министры зачастую воздействовали на его решения, предварительно заручившись поддержкой императора по рассматриваемому вопросу, и озвучивая «Высочайшее мнение» (как письменно изложенное, так и устно), тем самым нейтрализовали противников [35, с. 72; 36, с. 98; 37, л. 18]. Высочайшая резолюция была неоспорима и воспринималась Госсоветом как абсолютная истина (по сути, как специальный закон), в то время как смысл данной резолюции излагался министром заинтересованным и в том понимании, которое ему необходимо [14, т.2. с. 485].

При наличии вышеизложенных обстоятельств, министры все же достаточно серьезно относились к вопросу прохождения дел в Госсовете (практически во всех министерствах существовали подразделения и должностные лица, ответственные за подготовку материалов для рассмотрения), поскольку царь, как правило, ориентировался на его мнение. Хотя в этом случае для министров была лазейка – любой законопроект мог рассматриваться Госсоветом в два этапа: предварительный (в виде предложений о подготовке законопроекта - концепции) и окончательный (непосредственно сам законопроект). При этом в случае, если концепция была одобрена, то успех самого законопроекта был предрешен и зависел только от того, насколько убедителен будет министр при докладе о том, что предлагаемый законопроект - это лучший вариант реализации концепции. А уж это министры умели это делать блестяще [29, с. 28-29].

Вышеуказанное говорит о том, что значительная часть законодательной деятельности рассматриваемого периода истории Российской империи, при наличии законно установленной процедуры, осуществлялась без должной правовой и экономической оценки предлагаемых законодательных новелл и соотнесения с реальными потребностями государства и общества, т.е. бессистемно, стихийно, в угоду идеям отдельно взятых личностей, которые, реализуя свои возможности влияния на императора, получали его согласие [23, с. 20-21]. В этой связи совершенно очевидно, что министры, используя подобные механизмы и методы, исключали возможность приоритета высшей идеи справедливости и правды, дискредитируя не только Госсовет, но и государство в целом, негативно влияя на процесс его развития.

Изложенные факты демонстрируют насколько результаты деятельности Госсовета, его решения зависели от воли императора. Основная причина такой ситуации – абсолютная приверженность идее самодержавия, институту монархической власти, тесно взаимосвязанной с религией (монарх посредством Церкви получает Божье благословение на правление и именуется

Божьим «Помазанником», неся перед Богом ответственность за свой народ) [38]. При этом даже критики деятельности Госсовета обвиняли в происходящем министров, различные государственные учреждения, должностных лиц, но не императора, неверные решения которого могли быть обусловлены только заблуждениями (недостаточной осведомленностью), сформированными его окружением. Отношение императора к такого рода «игрищам» министров никем не оценивалось, однако очевидно, что он не только не пресекал их, а, наоборот, даже потворствовал, что основывалось на желании сохранить за собой максимальный уровень монархической власти (самодержавия).

Данная ситуация также была обусловлена персональным составом Госсовета. Формировался Госсовет императором из пожизненно назначаемых им лиц и министров - по должности. Манифестом было обозначено, что в его состав должны входить люди с большим опытом и знающие законодательство [39, с. 6]. При этом ни процедура назначения, ни какие-либо ограничения по возрасту, сословию, образованию и иным критериям законодательством предусмотрены не были. Это предоставляло широкие возможности, но в реальности назначения осуществлялись по ходатайству высших должностных лиц государства и, соответственно, в основном из числа дворянства, олицетворявшего опору самодержавия [40, с. 292].

Кроме того, законсовещательная деятельность Госсовета не являлась, да и не могла являться ограничительной в отношении мнения императора, тогда как его влияние на Госсовет фактически было абсолютным. Решения Госсовета для императора по существу носили рекомендательный характер. Он мог одобрить мнение Госсовета, либо принять свое решение по рассматриваемому вопросу. Более того, регламентация порядка взаимодействия Госсовета и императора законодательно закреплена не была, а создавалась прецедентами. В результате, на практике Госсовет должен был согласовывать: создание Особой комиссии (Особого совещания), возврат законопроекта разработчикам (министру), необходимость привлечения к работе независимых экспертов и т.д. А 15 мая 1857 года был издан запрет на внесение в Госсовет законопроектов, отменяющих, либо изменяющих действующее законодательство, без предварительного согласия Государя [41]. Учитывая степень влияния мнения императора на решения Госсовета, последний по существу являлся органом, «содействующим монарху в осуществлении его законодательных функций» [42, с. 56]. При этом невозможно не отметить и положительный аспект наличия Госсовета – разделение ответственности императора с коллегиальным органом.

Еще одним значительным недостатком деятельности Госсовета являлось отсутствие у него права законодательной инициативы. Госсовет – орган совещательный, в силу своих полномочий осуществлявший рассмотрение, анализ и обсуждение предлагаемых министрами изменений законодательства Российской империи, достаточно глубоко погружавшийся в соответствующую тематику. Безусловно, в процессе реализации данных полномочий Госсовет выявлял не только недостатки внесенных предложений, но и необходимость законодательных преобразований в целом, которые, в силу определенных обстоятельств, министрами игнорировались, либо не были выявлены. Вполне логично при таких обстоятельствах предоставить было бы Госсовету право инициировать процесс подготовки законопроектов, что гармонично сочеталось бы с его совещательным значением. Данная позиция высказывалась, в частности, Н.М. Коркуновым, который усматривал алогизм в действиях Госсовета при невозможности инициировать законотворческий процесс, однако отмечал, что на практике Госсовет нередко изменяет вносимые на обсуждения законопроекты [42, с. 55-56, 74].

Все изложенные выше особенности функционирования Госсовета служили основанием для регулярной критики его деятельности. Велись бурные дискуссии по вопросам выборности в Госсовет, конкретизации предмета дел, не входящих в компетенцию Госсовета (четкого разграничения полномочий), а также предлагалось издание законов отнести к исключительной компетенции Госсовета [43, с. 43; 44, с. 304; 22, с. 158; 45, с. 77-81]. Газета «Московские ведомости» (1898 год) охарактеризовала Госсовет следующим образом. Госсовет – это учреждение, через которое законопроекты поступают Государю, однако не способное стать законодательным. Не имеющий ни власти, ни политической направленности, не призванный выражать мнение какой-либо группы лиц Госсовет, по сути, совещательный орган при монархе

[46, с. 24]. В последующем особенно активно за обновление Госсовета высказывались сторонники столыпинских реформ (которые не были осуществлены в полном объеме).

Таким образом, Госсовет, как орган, способствующий единообразию и порядку в государственном управлении, посредством единения законодательной, судебной и исполнительной власти и донесения мнения общественности до державной власти, в имперской России в полной мере по существу не состоялся, что, безусловно, требовало (и привело) соответствующей реакции императора и движения в направлении существенных преобразований для усиления политической и практической значимости данного органа.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что реально эффективность и значимость Госсовета в процессах функционирования системы государственной власти Российской империи на протяжении рассматриваемого столетия были не высоки и не реализовали потенциал проекта реформы М.М. Сперанского. Формально, как и планировалось, Госсовет был создан, однако функционально он не только не был наделен полномочиями, позволявшими в той или иной мере систематизировать и контролировать законодательный процесс, но и не имел соответствующей политической силы и, как следствие, стал «денщиком, прислужником» при монархе. В этой связи, его наличие не оказало существенного влияния на принципы государственного управления.

Литература и источники

1. Закон Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11. ст. 1416.
2. Указ Президента Российской Федерации от 01 сентября 2000 г. № 1602 «О Государственном Совете Российской Федерации». // СЗ РФ. 2020. № 36. ст. 3633.
3. Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 50 (часть III). ст. 8039.
4. Манифест от 1 января 1810 г. «Образование Государственного Совета» // URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/gossovet.htm> (дата обращения: 08.01.2022).
5. Манифест от 20 февраля 1906 г. «Об изменении учреждения Государственного Совета и о пересмотре учреждения Государственной Думы» // URL: <https://russportal> (дата обращения: 03.01.2022).
6. Указ Президента РСФСР от 19 июля 1991 г. № 12 «О Государственном совете при Президенте РСФСР» // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 31. Ст. 1028.
7. Закон СССР от 5 сентября 1991 г. № 2392-1 «Об органах государственной власти и управления Союза ССР в переходный период» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 37. Ст. 1082.
8. Указ Президента Российской Федерации от 1 сентября 2000 г. № 1602 «О Государственном совете Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 36. ст. 3633.
9. Сперанский М.М. Введение к Уложению государственных законов. 1809 г. - М.: Изд. «Русская мысль», 1905. - 359 с.
10. Сперанский М.М. Записка «О необходимости учреждения Государственного Совета» // РГИА. Ф. 1148. Оп. 1. 1810 г. Д. 16. Л.Л. 1-3.
11. Конституция Российской Федерации. Статья 83.
12. РГИА. Ф. 1148. Оп. 1. Т. 1. Д. 3. Л.Л. 9-43.
13. Даневский П.Н. История образования Государственного Совета в России. СПб., 1859. // URL: <https://www.prlib.ru/item/416835> (дата обращения: 05.02.2022).
14. Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1908.
15. Градовский А.Г. Высшая администрация России в XVIII столетии. СПб., 1866.
16. Конституционные проекты в России XVIII–XX века. М., 2000.
17. Шильдер Н.К. Император Александр I. Т. 3.
18. Латник В.Н. Лекции по истории русского права. СПб., 1912.
19. Тургенев Н.И. Россия и Русские. М., 1907. Т.1.
20. Сафронов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII–XIX столетий. Л., 1988.
21. Исторический обзор деятельности Комитета Министров. Е. IV. СПб., 1902. // URL: https://minfin.gov.ru/document/?id_4=133156-istoricheskii_obzor_deyatelnosti_komiteta_ministrov._t_4._spb._1902, (дата обращения: 10.02.2022).
22. Романовский В.Е. Государственные учреждения древней и новой России. М., 1911.
23. Евреинов Г.А. Реформа высших государственных учреждений России и народное представительство. СПб., 1905.
24. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978.
25. Витте С.Ю. Воспоминания. Т.2. М., 1960.
26. Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1898-1899. СПб., 1899.
27. Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903 - 1919. Кн. 1. М., 1992.
28. Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904 - 1914 гг. Л., 1987.
29. Корелин А.П., Степанов С.А. С.Ю. Витте - финансист, политик, дипломат. М., 1998.
30. Половцев А.А. Дневники // Красный архив. 1923. Т. 3.
31. Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1896 -1897 годов. СПб., 1897.
32. Материалы по денежной реформе 1895-1897 г. г. Пг.-М., 1922. Вып. 1.
33. Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981.
34. Дневники Половцова // Красный архив. М.-Л., 1931. Т. 3.
35. Коркунов Н.Н. Русское государственное право. Т. 2. СПб., 1893.

36. Кочаков Б.М. Государственный совет и его архивные материалы// Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. 1941. Вып. 8.
37. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 583. Оп. 1. Д. 968.
38. Мемуары графа А.Х. Бенкендорфа, глава «1831 год»: Николай I: «За ваше поведение в ответе перед Богом - Я». // URL:<http://dugward.ru/library/benkendorf.html> (дата обращения: 14.02.2022).
39. Высочайший манифест об образовании Государственного совета. СПб., 1810.
40. Деев А.Ю. Государственный совет Российской империи, 1894–1905 гг. Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2002.
41. П.С.З. Собр. 2-е Т. 32. Отд. 2 № 31845; С.З. изд. 1892. Т. 1 Ч. 2 кн. V. Учреждение министерств. Ст. 162.
42. Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 2. СПб., 1893.
43. Щеглов В.Г. Государственный совет России в первый век его образования и деятельности. Ярославль. 1903.
44. Щеповский В.В. Государственный совет в России. // Вестник Европы. 1898. № 5.
45. Коганов Б.М. Государственный совет и его архивные материалы // Ученые записки ЛГУ. 1941. № 73.
46. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». М., 1898.

References and Sources

1. Zakon Rossijskoj Federacii ot 14 marta 2020 g. № 1-FKZ o popravke k Konstitucii Rossijskoj Federacii «O sovershenstvovanii regulirovaniya otdel'nyh voprosov organizacii i funkcionirovaniya publichnoj vlasti» // SZ RF. 2020. № 11. st. 1416.
2. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 01 sentyabrya 2000 g. № 1602 «O Gosudarstvennom Sovete Rossijskoj Federacii». // SZ RF. 2020. № 36. st. 3633.
3. Federal'nyj zakon ot 8 dekabrya 2020 g. № 394-FZ «O Gosudarstvennom Sovete Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 2020. № 50 (chast' III). st. 8039.
4. Manifest ot 1 yanvarya 1810 g. «Obrazovanie Gosudarstvennogo Soveta» // URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/gossovets.htm> (data obrashcheniya: 08.01.2022).
5. Manifest ot 20 fevralya 1906 g. «Ob izmenenii uchrezhdeniya Gosudarstvennogo Soveta i o peresmotre uchrezhdeniya Gosudarstvennoj Dumy» // URL: <https://russportal.ru> (data obrashcheniya: 03.01.2022).
6. Ukaz Prezidenta RSFSR ot 19 iyulya 1991 g. № 12 «O Gosudarstvennom sovete pri Prezidente RSFSR» // Vedomosti SND RSFSR i VS RSFSR. 1991. № 31. St. 1028.
7. Zakon SSSR ot 5 sentyabrya 1991 g. № 2392-1 «Ob organah gosudarstvennoj vlasti i upravleniya Soyuza SSR v perekhodnyj period» // Vedomosti SND SSSR i VS SSSR. 1991. № 37. St. 1082.
8. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 1 sentyabrya 2000 g. № 1602 «O Gosudarstvennom sovete Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 2020. № 36. st. 3633.
9. Speranskij M.M. Vvedenie k Ulozheniyu gosudarstvennyh zakonov. 1809 g. - M.: Izd. «Russkaya mysl'», 1905. - 359 s.
10. Speranskij M.M. Zapiska «O neobходимosti uchrezhdeniya Gosudarstvennogo Soveta» // RGIA. F. 1148. Op. 1. 1810 g. D. 16. L.L. 1-3.
11. Konstituciya Rossijskoj Federacii. Stat'ya 83.
12. RGIA. F. 1148. Op. 1. T. 1. D. 3. L.L. 9-43.
13. Danevskij P.N. Istoriya obrazovaniya Gosudarstvennogo Soveta v Rossii. SPb., 1859. // URL: <https://www.prilib.ru/item/416835> (data obrashcheniya: 05.02.2022).
14. Lazarevskij N.I. Lekcii po russkomu gosudarstvennomu pravu. SPb., 1908.
15. Gradovskij A.G. Vysshaya administraciya Rossii v XVIII stoletii. SPb., 1866.
16. Konstitucionnye proekty v Rossii XVIII–XX veka. M., 2000.
17. Shil'der N.K. Imperator Aleksandr I. T. 3.
18. Latnik B.H. Lekcii po istorii russkogo prava. SPb., 1912.
19. Turgenev N.I. Rossiya i Russkie. M., 1907. T.1.
20. Safronov M.M. Problema reform v pravitel'svennoj politike Rossii na rubezhe XVIII- XIX stoletij. L., 1988.
21. Istoricheskij obzor deyatelnosti Komiteta Ministrov. E. IV. SPb., 1902. // URL: https://minfin.gov.ru/document/?id_4=133156-istoricheskij_obzor_deyatelnosti_komiteta_ministrov_t_4_spb_1902, (data obrashcheniya: 10.02.2022).
22. Romanovskij V.E. Gosudarstvennye uchrezhdeniya drevnej i novej Rossii. M., 1911.
23. Evreinov G.A. Reforma vysshih gosudarstvennyh uchrezhdenij Rossii i narodnoe predstavitel'stvo. SPb., 1905.
24. Zajonchkovskij P.A. Pravitel'svennyj apparat samodержавnoj Rossii v XIX veke. M., 1978.
25. Vitte S.Yu. Vospominaniya. T.2. M., 1960.
26. Otchet po deloproizvodstvu Gosudarstvennogo soveta za sessiyu 1898-1899. SPb., 1899.
27. Kokovcov V.N. Iz moego proshlogo. Vospominaniya 1903 - 1919. Kn. 1. M., 1992.
28. Shepelev L.E. Carizm i burzhuaziya v 1904 - 1914 gg. L., 1987.
29. Korelin A.P., Stepanov S.A. S.Yu. Vitte - finansist, politik, diplomat. M., 1998.
30. Polovcev A.A. Dnevnik // Krasnyj arhiv. 1923. T. 3.
31. Otchet po deloproizvodstvu Gosudarstvennogo soveta za sessiyu 1896 - 1897 godov. SPb., 1897.
32. Materialy po denezhnoj reforme 1895-1897 g. g. Pg.-M., 1922. Vyp. 1.
33. Shepelev L.E. Carizm i burzhuaziya vo vtoroj polovine XIX veka. Problemy torgovo-promyshlennoj politiki. L., 1981.
34. Dnevnik Polovcova // Krasnyj arhiv. M.-L., 1931. T. 3.
35. Korunkov N.N. Russkoe gosudarstvennoe pravo. T. 2. SPb., 1893.
36. Kochakov B.M. Gosudarstvennyj совет и его архивные материалы// Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. 1941. Вып. 8.
37. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 583. Оп. 1. Д. 968.
38. Мемуары графа А.Х. Бенкендорфа, глава «1831 год»: Николай I: «За ваше поведение в ответе перед Богом - Я». // URL:<http://dugward.ru/library/benkendorf.html> (дата обращения: 14.02.2022).
39. Высочайший манифест об образовании Государственного совета. СПб., 1810.
40. Деев А.Ю. Государственный совет Российской империи, 1894–1905 гг. Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2002.
41. П.С.З. Собр. 2-е Т. 32. Отд. 2 № 31845; С.З. изд. 1892. Т. 1 Ч. 2 кн. V. Учреждение министерств. Ст. 162.
42. Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 2. СПб., 1893.
43. Шчеглов В.Г. Государственный совет России в первый век его образования и деятельности. Ярославль. 1903.
44. Щеповский В.В. Государственный совет в России. // Вестник Европы. 1898. № 5.
45. Коганов Б.М. Государственный совет и его архивные материалы // Ученые записки ЛГУ. 1941. № 73.
46. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». М., 1898.

ЧЕРКЕСОВА ЛАРИСА ИВАНОВНА – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН (L5060412@mail.ru)

CHERKESOVA, LARISA I. – Ph.D. in Law, Leading Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

СВЕЧНИКОВА В.В.

**РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА,
РЕГУЛИРУЮЩЕГО КОНТРОЛЬ И НАДЗОР В СФЕРЕ НАУКИ И ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

Ключевые слова: административное право, история права, контроль и надзор в сфере образования, правовое регулирование высшего образования, управление высшим образованием

В статье рассматриваются особенности правовой регламентации контроля и надзора в сфере высшего образования и науки в дореволюционный период. Анализируются особенности управления высшим образованием и наукой, надзор и контроль в данной сфере. Показано, что складывание высших учебных заведений в России происходило во второй половине XVII века, при этом они находились первоначально под юрисдикцией церковной власти (под управлением и контролем Синода). В XVIII веке, в связи с учреждением Академии наук и университета, высшее образование постепенно обрело светские черты. Западноевропейские права и свободы университетов и особенности управления этими учреждениями оказали значительное влияние на формирование модели контроля и надзора за высшим образованием в России, однако увеличение числа высших учебных заведений (обусловившее сложности контроля) и ретроградная политика министерства не позволили в полной мере имплементировать в отечественную систему управления университетами лучшие достижения европейского опыта.

SVECHNIKOVA, V.V.

**RETROSPECTIVE ANALYSIS OF PRE-REVOLUTIONARY LEGISLATION REGULATING CONTROL AND SUPERVISION
IN THE FIELD OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION**

Key words: administrative law, history of law, control and supervision in the field of education, legal regulation of higher education, management of higher education

The article examines the features of the legal regulation of control and supervision in the field of higher education and science in the pre-revolutionary period. The features of management of higher education and science, supervision and control in this area are analyzed. It is shown that the formation of higher educational institutions in Russia took place in the second half of the 17th century, while they were originally under the jurisdiction of church authority (under the control and management of the Synod). In the 18th century, in connection with the establishment of the Academy of Sciences and the University, higher education gradually acquired secular features. Western European rights and freedoms of universities and the specifics of the management of these institutions had a significant impact on the formation of a model of control and supervision of higher education in Russia, however, the increase in the number of higher educational institutions (which led to the complexity of control) and the retrograde policy of the ministry did not allow to fully implement it into the domestic management system. universities the best achievements of European experience.

Приступая к анализу законодательства, регламентирующего надзор и контроль в сфере, которая является предметом исследования настоящей статьи, необходимо определиться с периодизацией рассматриваемого в работе временного интервала. Не вызывает сомнений, что наиболее распространенным подходом в таких случаях в доктрине права является деление всей отечественной истории развития законодательства на три последовательных этапа: досоветский, советский и постсоветский [1, с. 53] (соответственно, за пределами рассмотрения статьи находятся второй и третий этап). Автор солидаризуется с высказанным мнением Г.Т. Алимова, Н.М. Ладнушкиной и других ученых, полагающих, что в рамках первого периода (до 1917 года), можно выделить следующие подпериоды: первый – с восемнадцатого века до начала девятнадцатого и второй – с начала девятнадцатого века до революционных событий 1917 года [2, с. 8].

Рассматривая становление системы надзора и контроля в сфере науки и высшего образования в XVIII веке необходимо указать на наметившийся постепенный уход образовательных учреждений из сферы церкви и придание такому контролю и надзору, в большей степени, светского характера. В подавляющем большинстве случаев, в создаваемых образовательных учреждениях эти функции находились в ведении монархов. В качестве примера можно указать на Академию наук, созданную в конце первой четверти восемнадцатого века. По сути, Академия находилась под непосредственным управлением монархов, вплоть до принятия устава, который вступил в действие только через 20 лет после учреждения Академии [2, с. 8].

Первоначально, в соответствии с Проектом положения об учреждении Академии наук и художеств 1724 года, предполагалось наделить надзорными и контрольными функциями четырех человек. Основной контроль распространялся, преимущественно, на финансовые отношения: «Ученые люди, которые о произведении наук стараются, обычайно мало думают на собственное свое содержание, того ради потребно есть, чтоб Академии кураторы непременно определены были, которые бы на оную смотрели, о благосостоятельстве их и надобном приуготовлении старались, нужду их императору при всех оказиях предлагали и доходы в своем ведении имели. Надлежит учинить директора и двух товарищей и одного камисара над деньгами» [3, с. 31].

Стоит отметить наличие в России успешного опыта строительства высшей школы на базе религиозных учреждений, находившихся под управлением Синода, например, Киево-Могилянскую академию (1632 г.), которая была позже преобразована в духовную семинарию, Славяно-греко-латинскую академию (1687 г.). Однако император, критически оценивая уровень развития науки и образования в России, безусловно, осознавал необходимость активного участия государства в строительстве высшего образования. Без такого влияния, опиравшегося, в первую очередь, на опыт европейских стран, догнать ушедшие вперед страны Запада было, конечно, невозможно [4, с. 269].

Необходимо указать на достаточно передовой опыт организации управления высшим образованием, который возник в Западной Европе в XII-XV веках. Несмотря на первоначальный религиозный характер таких учреждений, в дальнейшем сам способ управления можно охарактеризовать как самоуправление. Наиболее интересна, для целей настоящей работы, так называемая болонская модель управления и контроля за университетами, которая возникла в средневековой Европе. В соответствии с нею, студенты получили власть над профессорами с точки зрения пропусков, штрафов, компенсаций и «управления обучением». Эта уникальная система просуществовала до конца четырнадцатого века, когда доходы от платы за обучение стали дополняться зарплатой. В конце концов управление и контроль разделились между профессорами и ректором-студентом [5, с. 7].

В России светский характер управления и самоуправления высших учебных заведений изначально отсутствовали. Как было отмечено выше, находясь под управлением и контролем Синода, заведения лишь постепенно стали переходить под юрисдикцию светской власти. Автор настоящей статьи разделяет мнение Е.А. Тарабановской, полагающей возможным внедрение в научный оборот термина *этатизм* при исследовании проблем управления образованием в России [6, с. 365]. Именно под воздействием идеи государственности проходил второй этап дореволюционного развития управления и, соответственно, надзора и контроля, разрабатывались уставы высших учебных заведений и уставы Академии наук.

Регламент академии наук и художеств 1747 года, по сути, распространялся как на саму академию, так и на Санкт-Петербургский университет (это предписание дублировалось и в последующих нормативно-правовых актах, регулирующих деятельность Академии и Университета). В соответствии с данным правовым актом, управленческие, а также надзорные и контрольные функции над этими двумя учреждениями находились в ведении канцелярии, которая являлась отдельным департаментом при Академии и подчинялась только президенту. Штат лиц, осуществлявших попечительские и контрольные функции, по сравнению с 1724 годом, был значительно расширен – теперь он составлял около 20 человек. Высшей контролирующей инстанцией выступал Император. Похожие управленческие решения нашли свое отражение и в последующем: в Регламенте Академии наук 1803 года, в Уставе Санкт-Петербургской Академии наук 1836 года (в Уставе 1836 года в числе контрольных органов появилось Правительство) [7, с. 27].

Начало XIX века также характеризуется реформами Александра I, который в 1802 году учредил Министерство народного просвещения. Сразу после этого были приняты два очень важных нормативно-правовых акта – «Предварительные правила народного просвещения» (1803 года) [8, с. 235] и «Устав учебных заведений, подведомых университетам» (1804 года) [9, с. 58]. Именно они заложили основу системы высшего образования и науки и определили основные принципы надзора и контроля в данной сфере.

Территория Российской Империи была разделена на 6 учебных округов – Московский, Петербургский, Казанский, Харьковский, Виленский, Дерптский. Во главе каждого округа находился университет (стоит учитывать также факт отсутствия в тот период времени трех университетов, создание которых произошло позже). Надзорные и контрольные функции возлагались непосредственно на сами университеты; профессорско-преподавательский состав должен был осуществлять инспекторский и методический контроль за приходскими училищами, уездными и гимназиями. Таким образом, была создана вертикальная контролирующая и надзорная структура [19, с. 192].

В соответствии с «Предварительными правилами народного просвещения», высшим надзорным и контролирующим органом в отношении университетов являлось Главное правление

училищ, во главе которого стоял министр народного просвещения. По числу округов назначались так называемые «попечители», занимавшиеся надзором на вверенной им территории.

В 1804 году вводится в действие Устав Московского университета, который послужил типовым документом для утверждения других уставов. Рассмотрим основные особенности в сфере надзора за высшим образованием, которые были установлены данным правовым актом. Во-первых, устав предоставлял университету достаточную автономию (даже не свойственную европейским университетам того времени), что выражалось, например, в том, что управление учреждением находилось под надзором и контролем общего собрания всех преподавателей, ректора и правления; в структуру университета, вместе с факультетами включались также различные научные учреждения. Во-вторых, влияние высшего надзорного и контрольного органа сохранялось в виде заседателя в правлении университета, назначаемого попечителем округа. Однако функции данного лица были весьма ограничены, в частности, на него возлагалась обязанность сообщать о нарушениях в работе правления университета (в который входили ректор и деканы) и предоставлять попечителю округа на утверждение расписание занятий [11, с. 61]. В-третьих, как уже указывалось, сам университет выступал контрольным и надзорным органом, руководство и надзорные функции которого распространялись на начальное и средне-профессиональное образование (в современном понимании) в соответствующем округе. Именно университеты выступали тем органом, который осуществлял цензуру издаваемых книг. На высшее учебное заведение возлагались (частично) и судебные функции в отношении студентов и профессорско-преподавательского состава [12, с. 33].

Постепенно, с 20-х годов XIX века, автономия университетов значительно утрачивается, возрастают контрольно-надзорные функции вышестоящих органов, происходит ужесточение контроля за профессорами и другими сотрудниками университетов. Начало этому процессу положил министр народного просвещения М.Л. Магницкий, настаивавший одно время даже на ликвидации одного из высших учебных заведений, по причине вредности университета для подрастающего поколения. Происходило усиление роли попечителей университетов (которая ранее была просто номинальной). А при учреждении нового университета в Киеве в 1833 году был принят так называемый «временный устав», который, вопреки действующему «Уставу», сильно нивелировал ранее предусмотренные академические права и свободы [12, с. 34].

Специальных правовых актов, регламентирующих сферу науки, как таковых, в этот период не существовало. В Регламенте Академии наук 1803 года в числе учреждений и органов, которые контролировали научную деятельность Академии указывалось правительство [13, с. 5]. Необходимо также отметить Устав Санкт-Петербургской Академии наук 1836 года, в соответствии с которым контроль и надзор за открытиями, сделанными академиками находился в ведении правительства. В свою очередь, согласно уставу, академия контролировала университетскую науку [7, с. 68].

Подводя итог проведенному в настоящей работе исследованию, представляется возможным сформулировать следующие выводы.

1. Возникновение высших учебных заведений в России происходило во второй половине XVII века, при этом они находились первоначально под юрисдикцией церковной власти (под управлением и контролем Синода). Высшее образование в XVIII веке, в связи с учреждением Академии наук и университета, постепенно обретало светские черты.

2. Западноевропейские права и свободы университетов и особенности управления такими учреждениями оказали значительное влияние на формирование модели контроля и надзора за высшим образованием в России, однако увеличение числа высших учебных заведений (обусловившее сложности такого контроля) и ретроградная политика министерства не позволили, в полной мере, имплементировать в отечественную систему управления университетами лучших достижений европейского опыта.

3. Возникшие в начале XIX века в России правовые полномочия университетов в отношении надзора и контроля в сфере общего образования, являются интересным и заслуживающим внимания законодателя направлением возможного развития соответствующих современных правовых предписаний.

Литература

1. Гусева А.А. Конвергенция исторических и современных факторов модернизации российского законодательства об образовании. Дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2012.

2. Алимов Г.Т., Ладнушкина Н.М., Пашенцев Д.А., Фёклин С.И. Контроль и надзор в сфере образования: Монография. М.: Книгодел, 2020.
3. Проект положения об учреждении Академии наук и художеств, 1724 г. // Уставы Академии наук / отв. ред. Г. К. Скрыбин. М., 1975.
4. Капралова Е.В Голованова В.Ф. Политико-правовое регулирование высших учебных заведений в дореволюционной России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 4 (1). С. 269-274.
5. Goodchild L.F., and Wechsler (1989). The History of Higher Education. (2nd ed.) Boston, MA: Pearson Custom Publishing.
6. Тарабановская Е.А. Этатизм и система управления образованием в России в первой половине XIX века // Фундаментальные исследования. 2014. №6. С.365-366.
7. Уставы Академии наук / отв. ред. Г. К. Скрыбин. М., 1975.
8. Предварительные правила народного просвещения // Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т.1. Царствование императора Александра I. 1802-1825. СПб., 1875. Ст. 360.
9. Устав учебных заведений, подведомых Университету // Сборник постановлений по МНП. Т. 1. СПб., 1864.
10. Калинина Е.А. Школьная реформа Александра I и «Положение об училищах» 1804 года // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 11. С. 192-202.
11. Уставы Императорских Московского, Харьковского и Казанского университетов от 5 ноября 1804 г., 17 января 1805 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения: Т.1. СПб., 1864-1904.
12. Волосникова Л.М. Университетский устав Российской империи 1804 г.: режим академической свободы // История государства и права. 2006. № 4. С. 33-37.
13. Регламент Императорской Академии наук. - В Санктпетербурге: при Императорской Академии наук, 1803 года. СПб., 1803.

References and Sources

1. Guseva A.A. Konvergenciya istoricheskikh i sovremennykh faktorov modernizatsii rossijskogo zakonodatel'stva ob obrazovanii. Dis. ... kand. jurid. nauk. Belgorod, 2012.
2. Alimov G.T., Ladnushkina N.M., Pashencev D.A., Fyoklin S.I. Kontrol' i nadzor v sfere obrazovaniya: Monografiya. M.: Knigodel, 2020.
3. Projekt polozheniya ob uchrezhdenii Akademii nauk i hudozhestv, 1724 g. // Ustavy Akademii nauk / отв. ред. Г. К. Скрыбин. М., 1975.
4. Kapralova E.V Golovanova V.F. Politiko-pravovoe regulirovanie vysshikh uchebnykh zavedeniy v dorevolucionnoy Rossii // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2011. № 4 (1). S. 269-274.
5. Goodchild L.F., and Wechsler (1989). The History of Higher Education. (2nd ed.) Boston, MA: Pearson Custom Publishing.
6. Tarabanovskaya E.A. Etatizm i sistema upravleniya obrazovaniem v Rossii v pervoy polovine XIX veka // Fundamental'nye issledovaniya. 2014. №6. S.365-366.
7. Ustavy Akademii nauk / отв. ред. Г. К. Скрыбин. М., 1975.
8. Predvaritel'nye pravila narodnogo prosveshcheniya // Sbornik postanovlenij po ministerstvu narodnogo prosveshcheniya. T.1. Carstvovanie imperatora Aleksandra I. 1802-1825. SPb., 1875. St. 360.
9. Ustav uchebnykh zavedenij, podvedomykh Universitetu // Sbornik postanovlenij po MNP. T. 1. SPb., 1864.
10. Kalinina E.A. SHkol'naya reforma Aleksandra I i «Polozhenie ob uchilishchah» 1804 goda // Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2012. № 11. S. 192-202.
11. Ustavy Imperatorskikh Moskovskogo, Har'kovskogo i Kazanskogo universitetov ot 5 noyabrya 1804 g., 17 yanvarya 1805 g. // Sbornik postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya: T.1. SPb., 1864-1904.
12. Volosnikova L.M. Universitetskij ustav Rossijskoj imperii 1804 g.: rezhim akademicheskoy svobody // Istoriya gosudarstva i prava. 2006. № 4. S. 33-37.
13. Reglament Imperatorskoj Akademii nauk. - V Sanktpeterburge: pri Imperatorskoj Akademii nauk, 1803 goda. SPb., 1803.

СВЕЧНИКОВА ВЕРА ВИКТОРОВНА – преподаватель кафедры прикладного права РТУ МИРЭА – Российского технологического университета (vera-7272@ya.ru)

SVECHNIKOVA, VERA V. - Lecturer, Department of Applied Law, RTU MIREA - Russian Technological University.

УДК 343.1(019)«1762/82»

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-1-36-44

УПОРОВ И.В., ШЕУДЖЕН Н.А., ТАТЛОК А.К.

ПРАВОВАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИЦИИ И СЛЕДСТВЕННО-РОЗЫСКНЫХ СТРУКТУР В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II (ДО УСТАВА БЛАГОЧИНИЯ 1782 ГОДА)

Ключевые слова: полиция, следственно-розыскные полномочия, экспедиция, благочиние, указ, реформа, государство, порядок.

Рассматриваются особенности правового регулирования полицейских полномочий следственно-розыскного характера в екатерининскую эпоху (1762-1782 г.), то есть до принятия известного Устава благочиния, или полицейского. Анализируются нормы указов, «Наказа», материалы Уложенной комиссии, научные публикации по заявленной теме. Показано, что взгляды императрицы на устройство полиции были включены в «Наказ» в виде специальной главы (Глава XXI) под названием «О благочинии, называемом инако полицией», которая являлась дополнением к «Наказу», подписанному Екатериной II 28 февраля 1768 г., на основании более обширного по объему проекта Наказа Главной полиции, подготовленного под руководством петербургского полицеймейстера Н. Чичерина, и других поступивших предложений в рамках деятельности Уложенной комиссии. Отмечается, что склонная в начале своего правления к идеям европейского просвещения Екатерина II стремилась, соответственно им, поставить и следственно-розыскное дело (проекты обсуждались в Уложенной комиссии). Однако, в итоге, первоначально изъятые от полиции следственно-розыскные полномочия были возвращены и расширены.

UPOROV, I.V., SHEUDZHEN, N.A., TATLOK, A.K.

LEGAL EVOLUTION OF THE POLICE AND INVESTIGATIVE STRUCTURES DURING THE REIGN OF CATHERINE II (BEFORE THE REGULATION OF THE DEANCY OF 1782)

Key words: police, investigative powers, expedition, deanery, decree, reform, state, order.

The features of the legal regulation of the police department of an investigative and search nature in the Catherine's wall (1762-1782), that is, before the adoption of the adopted Charter of the deanery, or policeman, are considered. Analysis of the norms of decrees, "Order", materials of the Legislative Commission, scientific publication on the stated topic. It is shown that the views of the Empress on the organization of the police were included in the "Order" in the form of a special chapter (Chapter XXI) entitled "On deanery, otherwise called the police", which was an addition to the "Order", signed by Catherine II on February 28, 1768. , on the basis of a more extensive draft of the Order of the Main Police, prepared under the guidance of the St. Petersburg police chief N. Chicherin, and other proposals received as part of the activities of the Legislative Commission. It is noted that, inclined to the beginning of her participation in European enlightenment, Catherine II sought to quickly organize an investigative and search case (the projects were discussed in the initiative of the Legislative Commission). However, in the end, the original request exemptions were returned and extended.

В период правления Екатерины II, как известно, были созданы основы уголовного судопроизводства в России, которые по ведущим принципиальным позициям сохранились и в Своде законов Российской империи 1832 г., оставаясь действующими вплоть до известных реформ первой половины 1860-х гг. Именно при Екатерине II на системном уровне был определен правовой статус органов полиции, получивший достаточно подробное правовое регулирование, в том числе в части осуществления уголовно-процессуальных функций.

В этом контексте наиболее важным был, разумеется, Устав благочиния, или полицейский 1782 г., которому и уделяется основное внимание в научных исследованиях по истории российской полиции. Между тем, после вступления Екатерины II на престол до издания Устава благочиния, или полицейского, прошло ни много ни мало двадцать лет, в течение которых в части следственно-розыскного (полицейского) дела (в уголовно-процессуальной сфере) был принят целый ряд специальных актов. Кроме того, некоторые вопросы работы полиции регулировались законами более общего характера (прежде всего, Учреждениями для управления губерний 1775 г.). В данной связи представляется необходимым выявить основные тенденции правового регулирования следственно-розыскных (полицейских) полномочий в период екатерининского правления (мы исключаем из исследования «тайные» канцелярии по делам о преступлениях против государства).

Концептуальные основы деятельности полиции были сформулированы в известном «Наказе» Екатерины II 1767 г. [1], в котором, среди прочего, определялись принципы правовой политики и правовой системы российского государства. До этого молодая императрица, судя по всему, еще не сформировала четкого представления о том, как должна быть организована полиция и каковы должны быть ее основные функции, но имела намерение навести порядок, полагая реформирование полицейского, уголовно-процессуального и уголовного законодательства в качестве первоочередных задач, в силу их общего неудовлетворительного состояния. Например, в судопроизводственной сфере, помимо императорской власти и Сената, «широкими и в разной степени определенными судебными полномочиями обладали около 60 правительственных учреждений» [2, с. 69].

10 февраля 1763 г. был издан Указ императрицы «О порядке производства уголовных дел по воровству, разбою и пристанодержательству» [3]. В этом акте во «всенародное известие» объявлялся порядок производства следственно-сыскных мероприятий при совершении наиболее часто встречающихся преступлений. В его вводной части подробно разъяснялось для чего нужен данный закон. Одна из причин – «великое число от нескорого решения дел, что происходит большею частью от несыску оговорных и по другим разным околичностям» [3]. Из-за этого под караулом скапливалось много преступников и обвиняемых, причем «некоторые, будучи и на связках, уходят от приставников, подвергая оных крайнему нещастию и наказанию, сами ж обращаются на прежния свои злодейства» [3]. По той же причине «правые, неповинно терпящие оклеветания, страждут, снося бедственное изнурение» [3].

По форме данный закон представлял собой инструкцию о том, каким именно образом нужно проводить следствие. Предписывалось, в частности, «всех пойманных воров и разбойников в тюрьмах и острогах под караулом более месяца не держать, и для того об оных и дела решить непременно, считая от дня приводу таковых в судебное место в месяц ... Когда ж приводные вору или разбойники, становщики, пристанодержатели с первых своих допросов или с очных ставок во всем на них показуемом покажут справедливо, то таковым, не чиня не только пыток, ниже пристрастных распросов, решить дело по законам; и для того при первых им распросах делать довольныя увещевания, объявляя, что истинное их признание в винах избавит их при распросах от истязания и пыток». Если «приводные» «запирались», следовало, «имея довольныя на приведенных подозрении во изыскании истинной, приводных уже пытатъ со осторожностью и

разсмотрением, и когда с пыток утвердятся без всякой отмены, то, во-первых, учинить большей повальной обыск» [3]. Основной посыл заключался именно в соблюдении срока проведения следствия и постановления судебного решения. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в столь детально изложенном порядке производства следствия не указывались органы и должностные лица, которые должны «сыскать», «приводить», пытать, допрашивать подозреваемых в совершении преступлений, составлять протоколы и проводить другие следственно-розыскные действия.

С изданием в марте 1683 г. «Наказа сыщикам беглых крестьян и холопов» был учрежден институт сыщиков со значительными полномочиями (ему обязаны были содействовать воеводы и прочие местные учреждения). Координирующую роль при этом выполнял Приказ сыскных дел. Очевидно сыщиков и следует считать истоком формирования профессиональной полицейской службы (институт сыщиков был затем упразднен в 1702 г., но реанимирован, причем повсеместно, в 1711 г. [4, с. 12]).

При создании регулярной полиции в петровскую эпоху (известный Указ от 25 мая 1718г.) охрана общественного порядка и борьба с преступностью была лишь одной из функций полицмейстерских канцелярий (контор). О следственно-розыскных полномочиях полиции речь тогда не шла, а на местах, согласно Инструкции (наказу) воеводам от 27 января 1719 г., указанную функцию выполняли органы власти общей компетенции – съезжие, губные избы под началом воевод (затем губернаторов); кроме того, полицейские функции правоохранительного характера в уездах выполняли судебные канцелярии и земские комиссары. В Регламенте Главного Магистрата (16 января 1721 г.) полиция, среди прочего, также должна была заниматься охраной общественного порядка и борьбой с преступностью, но без разделения на более узкие полицейские учреждения. С 1730-х гг., когда на местах стали создаваться полицмейстерские канцелярии (конторы), в Москве в связи со сложной криминогенной обстановкой был учрежден еще и Сыскной приказ. В 1744 г. специальным указом временно допускалось «предопределять» армейские команды «для искоренения воров и разбойников». Указом от 1 мая 1746 г. в Санкт-Петербурге была учреждена Экспедиция по делам воров и разбойников.

Как отмечает И.М. Чирскова, основной объем непосредственной работы в годы правления Елизаветы Петровны по борьбе с преступностью, имея в виду следственно-розыскные полномочия, выполняли упомянутые сыщики, полномочия которых были подтверждены в 1743 г. [5]. 19 ноября 1756 г. был издан Указ «Об определении главных сыщиков для сыску и искоренения воров и разбойников, и беглых людей» [6], где более развернуто (по сравнению в отмеченным выше Наказом сыщикам 1683 г.) определялся статус сыщиков, в частности, перечислялись губернии, куда назначался «главный сыщик» (один на несколько губерний), которому все местные власти обязаны были оказывать содействие «без всякого замедления». К Указу прилагалась подробная Инструкция главному сыщику. Полиция в этом Указе даже не упоминалась.

Как видно, «полиция еще не представляла собой достаточно развитый в структурном и численном отношении государственный орган, способный эффективно выполнять функции по охране общественного порядка и уголовного преследования» [4, с. 13]. Не удивительно, что конгломерат различных органов и учреждений, занимавшихся правоохранительной деятельностью и не составлявших единую систему, не мог удовлетворить Екатерину II. Она предприняла ряд шагов по улучшению дел.

В 1763 г., помимо отмеченного выше Указа от 10 февраля, были изданы еще два акта. Первый из них – Указ от 4 июля 1763 г. о создании в Санкт-Петербурге Особой розыскной экспедиции и ее полномочиях, которые в своей основе явствуют из названия Указа [7]. Этим актом Экспедиции выводилась из Главной полицмейстерской канцелярии, становясь самостоятельным учреждением, находящимся в ведении Юстиц-коллегии. Экспедиции предписывалось не только следствие производить, но и «к сыску ж и поимке злодеев и оговоренных ими людей ... неослабное старание прилагать», в том числе «по требованию оной от воинских и Полицейских команд чинить скорое и всевозможное вспоможение, дабы все такие злодеи, через строгое оных взыскание, с лучшим успехом истребляться могли» [7]. Как отмечается в литературе: «следственно-розыскные и судебные функции постепенно изымались из ведения полиции; разделение административных и судебных функций было одним из принципов, выдвигаемых философами-просветителями,

передовой политико-правовой теории XVIII в.» [8, с. 42]. На это, очевидно, и ориентировалась Екатерина II.

В другом акте с очень длинным названием (Манифест от 15 декабря 1763 г.) решались организационно-структурные вопросы [9]. Этим законом был упразднен Розыскной приказ при Московской губернской канцелярии. Вместо него учреждалась Особая экспедиция для розысков воров и разбойников (позже - Розыскная экспедиция), функционировавшая до принятия Устава о благочинии, или полицейском 1782 г. и ведавшая розыском не только в Московской губернии, но и в приписанных к ней двенадцати воеводских канцелярий других регионов. Тем самым закреплялся следственный тип уголовного процесса. Розыск становился его составляющей, а «полицмейстерские канцелярии в отношении задержанных полицией преступников проводили только дознание, передавая их затем для следствия и суда Юстиц-коллегии в Петербурге и Розыскной экспедиции Московской губернской канцелярии в Москве» [10, с. 83]. Тем самым пошел процесс разделения полицейских функций (в основном административная юрисдикция) и следственно-розыскных функций (по современной терминологии – подразделения общественной безопасности, уголовный розыск, следственный аппарат).

Однако указанные меры законодательного характера относились к столичным регионам, в остальной России ситуация оставалась прежней, то есть, следственно-судебные функции (по нынешней терминологии включая и дознание) могли выполнять разные органы и должностные лица. И здесь, возвращаясь к екатерининскому «Наказу», нужно заметить, что подоспевшая активизация деятельности Уложенной комиссии, на наш взгляд, обусловила приостановку императрицей конкретно-законодательной деятельности в рассматриваемой сфере в пользу поиска концептуальных решений, которые она попыталась оформить в «Наказе». В значительной части этого сочинения налицо влияние трактатов Ш. Монтескье «О духе законов», Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях», «Энциклопедии» Д. Дидро и д'Аламбера и работ других европейских мыслителей. Вместе с тем «Наказ» был самостоятельным произведением, адаптировавшим либеральные идеи к российскому абсолютизму. В литературе отмечается, что имелся радикальный проект Екатерины II, который сохранился в подготовительных записках к «Наказу», где предусматривалась, в частности, постепенная отмена крепостного права [11, с. 32]. Однако многие положения «Наказа» в духе европейской демократии оставались красивыми фразами, поскольку в действительности Екатерина II оставалась на позициях незыблемости самодержавия, о чем говорят, в частности, следующие ее мысли (ст. 9 «Наказа»): «Государь есть самодержавный; ибо никакая другая, как только соединенная в его особе власть, может действовать сходно с пространством столь великого государства» [1].

Очевидно, Екатерина II пыталась создать внешний образ просвещенной императрицы и, возможно, искренно стремилась к преобразованиям европейского типа, однако реальность прямо противоречила этому. И эта реальность (неограниченное самодержавие, опиравшееся на привилегированное дворянство, владевшее землей и крестьянами, государственный режим, исключавший всякую возможность какого-либо свободомыслия) оказалась сильнее [12, с. 14]. Так, меры, подобные аресту Н.И. Новикова или ссылке А.Н. Радищева, довольно жесткие уголовно-процессуальные нормы и др., отражали стремление сохранить сложившиеся отношения в неизменном виде.

Как бы то ни было, «Наказ», если иметь в виду правовую составляющую, содержал ряд позиций, отталкиваясь от которых, в последующем были приняты важные решения, в том числе была усовершенствована система правоохранительных органов. В плане административно-деликтного и уголовно-процессуального права, а нормы именно этих отраслей регулировали следственно-розыскные полномочия полиции и других органов, в «Наказе» (ст. 123, 194) содержались, например, рассуждения о том, что «употребление пытки противно здравому естественному рассуждению: само человечество вопиет против оной и требует, чтоб она была вовсе уничтожена. Мы видим теперь народ, гражданскими учреждениями весьма прославившийся, который оную отменяет, не чувствуя отсюда никакого худого следствия: чего ради она не нужна по своему естеству ... Обвиняемый, терпящий пытку, не властен над собою в том, чтоб он мог говорить правду ... пытка есть надежное средство осудить невинного, имеющего слабое сложение, и оправдать беззаконного, на силы и крепость свою уповающего» [1] (в этом вопросе императрица была в целом последовательна, и приняла в дальнейшем меры к

ограничению, а затем отмене этой следственной меры, хотя еще недавно, как отмечалось выше, она допускала применение пытки («с оторожностью»).

Но более важным для нас является то, каким образом «Наказ» повлиял на правовое развитие статуса полиции, который позже был закреплен в Уставе благочиния, или полицейском. В этом смысле необходимо отметить, что взгляды императрицы на устройство полиции были включены в «Наказ» в виде специальной главы (Глава XXI) под названием «О благочинии, называемом инако полицией». Данная глава являлась дополнением к «Наказу», подписанным Екатериной II 28 февраля 1768 г., на основании более обширного по объему проекта Наказа Главной полиции (действительное название значительно длиннее [13]), подготовленного под руководством петербургского полицеймейстера Н. Чичерина, и других поступивших предложений в рамках деятельности Уложенной комиссии.

В указанном проекте Чичерина значительное внимание уделялось организационно-управленческим вопросам деятельности полиции, которая рассматривалась, прежде всего, как орган городского управления. Так, в части решения кадровой проблемы предлагалось «набирать в полицейские надзиратели и служители из отставных от военной службы»; но это предложение было не ново - такой подход определялся еще с петровских времен. Предлагались разные варианты финансирования полиции, например, для небольших городов – казенные средства, а в Санкт-Петербурге и Москве - за счет «квартирных денег», получаемых от налога на соответствующей территории города. В этом документе полиция как государственная структура должна была подразделяться на специализированные направления: архитектурная, квартирная, пожарная, провиантская. Определялась и общая цель полицейской деятельности, которая заключалась в «сохранении доброго порядка в государстве». Основным объемом проекта представлял собой своеобразный проект современного кодекса об административных правонарушениях. Но в целом конкретики по функциям полиции мало, в основном речь идет о том, какими качествами должны обладать «служители полиции», чем они должны быть обеспечены (в том числе «довольным содержанием», дабы не могли быть «созрваны искушением»). О каких-либо сыскных и следственных полномочиях полиции в этом обширном проекте не говорилось.

При обсуждении законопроектных предложений во время заседания Уложенной комиссии звучали и иные предложения по совершенствованию полицейской деятельности. В частности, в предложениях от Главного Магистрата ставился вопрос о том, что полицейские органы должны находиться только в ведомстве городских магистратов (при этом делалась ссылка на главы X и XIII Главного Магистрата), однако, как указывается в записке, в некоторых местах полиция подчиняется губернским, провинциальным и воеводским канцеляриям [14]. О конкретных функциях и полномочиях полиции также ничего не говорилось.

В литературе делается предположение, что «полицейскую» Главу XXI «Наказа» (ст. 527-566) де-факто написали Н.И. Новиков и С.Е. Десницкий – первому из них императрица поручила подготовить записку об опыте организации деятельности в европейских странах, а второй был приглашен Новиковым как помощник, знаток английского языка [15, с. 112] (некоторым подтверждением этому является необычный стиль изложения данной главы – в виде кратких, в 1-2, реже 3 и более строк тезисов). В этой главе немало общих рассуждений, созвучных суждениям в других главах «Наказа» (например, ст. 542: «Весьма потребно те случаи, в которых надлежит наказывать, от тех отделять, в коих только исправлять надобно» [1]). Отметим некоторые более конкретные мысли. В ст. 528 раскрывается понятие полиции - это «порядок вообще в государстве»; к «попечению» полиции принадлежит «все то, что служит к сохранению благочиния в обществе» (ст. 530). Особенности деятельности полиции показаны в ст. 536 «Полиция беспрестанно занята подробностями или мелочами: посему дела, которых исследование требует очень долгого времени, не свойственны рассматриванию и разбору сего правления. Во многих местах дела по прошествии известного означенного числа дней отсылаются в те судебные правительства, к которым оные принадлежат» [1]. Учреждения полиции следует разделить на два рода – полицию градскую и полицию земскую (ст. 548, 549).

Далее в ст. 552-560 «Наказа» формулируются задачи, стоящие перед полицией задачи, и «в сих частях должно прилагать тщание». В частности, в таких задачах относились: «чтоб порядок был» при проведении церковных служб; надзор за «целомудрием нравов» («стеснение роскоши, отвращение пьянства, пресечение запрещенных азартных игр и т.п.); забота о здоровье населения

(«безвредность воздуха, чистота улиц, рек, колодезей» и т.п.); «бдение» за качеством «жит», то есть, съестных и питейных запасов); «безопасность и твердость зданий» (наблюдение за соблюдением строительных правил); наблюдение за соблюдением мер и весов – «чтоб никакого обмана чинено не было»; наблюдение за тем, чтоб «наемные слуги и поденные работники ... должную плату верно получали» от работодателей; помощь нищим, но при этом «работать просящих милостыни», если ноги-руки целы.

Как видно, предполагался достаточно обширный объем задач (и соответствующих функций), и практически все они относятся к текущему гражданскому управлению. И только одна задача касается «силовых» функций полиции, и то вкуче с другими. Так, согласно ст. 557: «Спокойство народное требует, чтобы предупреждены были внезапные случаи и другие приключения, как-то: пожары, воровство и проч. И так предписываются для сохранения сего спокойствия известные правила, например, гасить огонь в положенные часы; запирают ворота в домах; бродяг и людей, никакого вида о себе не имеющих, заставляют работать или высылают из города. Запрещают носить оружие людям, к тому не имеющим права, и проч. Запрещают недозволенные сходбища или собрания, разноску и раздачу писем возмутительных или поносительных» [1].

Вместе с тем, в заключительных статьях Главы XXI «Наказа» упоминается и о следственно-сыских полномочиях полиции. Так, в ст. 562, 563 и 566 указывается: «Где пределы власти полицейской кончатся, тут начинается власть правосудия гражданского ... Например. Полиция берет под стражу вора или преступника; она делает ему допрос; однако произведение дела его препоручает тому судебному месту, к которому его дело принадлежит ... Полиция открывает преступления, оставляя в прочем судить дела другим правительствам, и отсылает им оные» [1].

Но на этих следственно-сыских полномочиях в сфере борьбы с преступности по отношению к полиции внимание императрицей не акцентируется. Тогда она еще не придавала им значения, но позже ее позиция изменилась. Возможно, на это повлияла осложнившаяся в стране обстановка в связи с войной с Турцией, по причине которой из Москвы пришлось часть военных команд отправить к местам боевых действий, и тем самым не стало патрулей, охранявших порядок в Санкт-Петербурге и Москве. Екатерина II 28 декабря 1768 г. сделала Распоряжение для искоренения грабежей, разбоев и беспорядков в Москве [16], предписывая обратиться к знатным персонам Москвы, предложив им собрать средства и делегировать своих людей для охраны порядка в городе. Этим людям следовало обмундировать, вооружить и передать в ведомство полиции. Очевидно, такое решение показывало кризисное состояние дел в сфере борьбы с преступностью и охраны общественного порядка.

Данные события, а затем и пугачевское восстание, которое не смогли предотвратить ни полицейские, ни розыскные органы, подтолкнули правящую элиту к более активным усовершенствованиям правоохранительной деятельности. Так, в Учреждениях для управления губерний (1775 г.) [17] полицейская тема была развернута довольно подробно. В этом акте нашли отражение ряд положений «Наказа», некоторые нормы из петровской эпохи, но появились и существенные новеллы. Данный этап историко-правового развития полиции исследован в литературе достаточно подробно, поэтому остановимся лишь на некоторых позициях.

Организационно была осуществлена децентрализация управления полицией – Главная полицмейстерская канцелярия упразднена, а руководство полицией переходило к губернаторам (губернским правлениям). В городах полицейские функции («полиция градская») возлагались на городничего (в столице – Обер-полицмейстер). Создавалась «сельская полиция» в лице Нижних земских судов и земских исправников (капитанов), которые избирались из уездных дворян. Функции полиции по-прежнему были обширными (почти как определенные в «Наказе»), при этом добавляются функции, предусматривающие следственно-судебные функции.

Так, согласно ст. 232, 243, 244 Учреждений «буде явится дело такого рода, что многое число людей допросить надлежит, из одного, или из разных селений, или жилищ, то Нижний Земский Суд должен ехать из одного места в другое, дабы не забирать людей излишне, и их не отлучить от домов, работ, ремесла и прокормления, и по зрелому и точному рассмотрению всех обстоятельств на месте, Нижний Земский Суд заключит приговор, который по самой истине и вследствие законов учинить надлежит ... буде где в уезде окажется насильство, то Земский Капитан тотчас на месте о том исследывает без многого письменного производства, но

единственно в ясность приводит, учинился ли такой-то случай, или нет; и свидетелей допрашивает ... Бude где в уезде окажется скопище воров, или беглых людей, то Земский Капитан ... не теряя времени, приложит всевозможное старание воров иметь в тех местах в уезде, где находятся, в чем каждое селение обязано подать руку помощи» [17].

О совершенных преступлениях и предпринятых действиях исправник обязан был сразу информировать уездный суд (по уголовно-процессуальным вопросам) или губернское начальство (по розыскным делам). Аналогичным образом законодатель регулировал следственно-розыскные полномочия для городничих. Как видно, в правоохранительной сфере полицейские органы обладали значительными полномочиями, включая как следственно-розыскные меры, так и полномочия выносить «приговоры» по незначительным правонарушениям (ст. 110 Учреждений). Соответствующие полицейские учреждения вводились на территории России поэтапно, штат каждого губернского правления, включая расходы на содержание полиции, определялся специальными указами. Первоначально полиция на новых организационных началах создавалась в европейской части России, а затем в Сибири, на Украине и других территориях. При этом особенности социально-экономического развития российских окраин вносили определенные коррективы в проведение полицейской реформы. Например, в Прибалтике создавалась особая волостная полиция в сельской местности, а в городах полицейские учреждения подчинялись магистратам [18, с. 32]. В Сибири, как известно, не было дворянского землевладения, соответственно не могло быть уездных дворянских собраний, которые в европейской России избирали членов нижних земских судов. В этой связи порядок формирования нижних земских судов был изменен. Здесь исправник и заседатели должны были определяться путем назначения наместническим (губернским) правлением из отставных военных офицеров. Столичные полицейские учреждения также подверглись изменениям. Так, в 1780 г. Московский обер-полицмейстер был выведен из подчинения Главной полиции и подчинен генерал-губернатору.

Вместе с тем, несмотря на реорганизацию полицейского дела, эффективность его реформирования в целом не отвечала уровню развития в России государственно-правовых отношений, и довольно скоро назрела потребность в углублении полицейской реформы [19, с. 40]. М.И. Сизиков полагает, что Екатерина II стремилась создать преданный ей полицейский аппарат, который помогал бы ей, в случае обострения общественно-политической ситуации в стране, сохранить власть, памятуя «трагический опыт Петра III» [20, с. 3]. В целом, сложились потребность в усилении следственно-розыскных полномочий в едином органе - полиции, и эти полномочия при необходимости можно было использовать для карательных целей. И такой акт появился – Устав благочиния, или полицейский [21], изданный 8 апреля 1782 г. Этот закон имеет особое значение в развитие правового статуса полиции, поскольку он аккумулировал в себе как предшествовавший законодательный опыт, так и практический опыт реализации ранее принятых актов в сфере правоохранительной деятельности. Уставом именно на полицию были возложены следственные и розыскные функции (при этом упразднялись розыскные экспедиции). Тем самым Устав «заложил прочные основы процессуальных норм дознания и расследования преступлений, которые возлагались на полицию» [22, с. 54]. И указанные направления в дальнейшем постепенно становились приоритетными в правовом статусе полиции.

Таким образом, нужно признать, что данный закон по форме представляет собой высокий уровень систематизации и юридической техники. Но определенная им эволюция следственно-розыскных (полицейских) структур показывает, что в абсолютистском (недемократическом) государстве власть стремится концентрировать «силовые» полномочия в одном учреждении, - с тем, чтобы иметь бóльшие возможности для поддержания существующего государственного строя.

Литература и источники

1. Наказ Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / Под ред. Н.Д. Чечулина. СПб.: Типогр. императ. Акад. наук, 1907. 334 с.
2. Омельченко О.А. К истории судебной политики просвещенного абсолютизма в России // Вопросы истории права и правовой политики в эксплуататорском государстве: Сб. статей / Отв. ред. И.А. Исаев. М., 1989. С. 69-108.
3. Указ именной от 10.02.1763 г. «О порядке производства уголовных дел по воровству, разбою и пристанодержательству» // ПСЗ-1. № 11750.
4. Матиенко Т.Л. Особенности организации и правового регулирования общеуголовного сыска в первой половине XVIII в. // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 7. С. 11-15.
5. Чирскова И.М. Сыск и наказания "воров" и "разбойников" в правовой культуре периода царствования Елизаветы Петровны // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2020. № 8. С. 35-51.

6. Указ Сенатский от 19.11. 1756 г. «Об определении главных сыщиков для сыску и искоренения воров и разбойников, и беглых людей» // ПСЗ-1. №10650.
7. Указ Сенатский от 04.07. 1763 г. «О бытии в Санктпетербурге особой Розыскной Экспедиции до Высочайшей конфирмации штатов; о решении подлежащих ей дел по своим определениям, кроме сомнительных; об исполнении ее решений о колодниках с утверждения Губернской Канцелярии, и об отсылке пойманных в Санктпетербурге и в уезде воров и разбойников из Главной Полиции и других мест прямо в оную экспедицию» // ПСЗ-1. № 11871.
8. История органов внутренних дел / Под общ. ред. В.В. Гошуляка. Пенза: ПГУ, 2018.216 с.
9. Манифест от 15.12.1763 г. «О постановлении штатов разным присутственным местам ... о небытии Сибирскому и Розыскному Приказам...» // ПСЗ-1. № 11989 (название сокращено ввиду его громозкости).
10. Шмонин А.В. Следственный аппарат исполнительных органов в сфере внутренних дел Российской империи (XVIII в.) // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 4 (48). С. 79-86.
11. Москвина А.Г. Идейные аспекты государственных преобразований в Российской империи во второй половине XVIII в. // Административное право и процесс. 2011. № 1. С. 31-33.
12. Мулукаев Р.С. Политический режим и органы внутренних дел в дореволюционной России // История государства и права. 2009. № 22. С. 12-15.
13. Выбранному, в силу Высочайшего Ее Императорского Величества 1766-го году декабря 14-го дня Манифеста, от Главной полиции депутату Наказ для представления в Комиссию о сочинении проекта Нового Уложения, в котором заключаются требования оной полиции законов, надлежащих до полицейской должности» // Сборник Русского исторического общества. Т. 43. СПб.: Типогр. А. Траншеля, 1885. С. 296-362.
14. От Главного Магистрата избранному от одного к Комиссии сочинения проекта нового Уложения депутату оного Магистрата господину Дурасову Наставление // Сборник документов Русского исторического общества (РИО). Т. 53. СПб., 1885. С. 237-298. С. 242.
15. Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. Вторая половина XVIII века / под ред. С. А. Покровского. М.: Госюриздат, 1959. 638 с.
16. Распоряжение Екатерины II от 28.12.1768 г. для искоренения грабежей, разбоев и беспорядков в Москве // Сборник Русского исторического общества. Т. 10. СПб.: Типогр. Акад.наук, 1872. С. 322-323.
17. Учреждения для управления губерний Всероссийской империи от 07.11.1775 г. // ПСЗ-1. № 14392.
18. Тимошевская А.Д. Особенности организации полиции в национальных регионах Российского государства (XIX - начало XX вв.). Дисс. канд. юрид. наук. М., 1998. 207 с.
19. Пинигин М.Г. Организационно-правовые основы деятельности полиции в России по «Уставу благочиния или полицейскому» (1782-1862 гг.). Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 180 с.
20. Сизиков М.И. Полицейская реформы Екатерины II. Тюмень: ТЮИ, 1997. 27 с.
21. Устав благочиния, или полицейский, от 08.04.1782 г. // ПСЗ-1. №15379.
22. Феднева Н.Л. К вопросу об истории разработки «Устава благочиния, или полицейского» // Международный журнал конституционного и государственного права. 2017. № 2. С.51-55.

References and Sources

1. Nakaz Ekateriny II, dannyj Komissii o sochinenii proekta novogo Ulozheniya / Pod red. N.D. Chechulina. SPb.: Tipogr. imperat. Akad. nauk, 1907. 334 s.
2. Omel'chenko O.A. K istorii sudebnoj politiki prosveshchennogo absolyutizma v Rossii // Voprosy istorii prava i pravovoj politiki v ekspluatatorskom gosudarstve: Sb. statej / Otv. red. I.A. Isaev. M., 1989. S. 69-108.
3. Ukaz imennyj ot 10.02.1763 g. «O poryadke proizvodstva ugovolnyh del po vorovstvu, razboju i pristanoderzhatel'stvu» // PSZ-1. № 11750.
4. Matienko T.L. Osobennosti organizacii i pravovogo regulirovaniya obshcheugolovnogo syska v pervoj polovine XVIII v. // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2012. № 7. S. 11-15.
5. Chirskova I.M. Sysk i nakazaniya "vorov" i "razbojnikov" v pravovoj kul'ture perioda carstvovaniya Elizavety Petrovny // Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya. 2020. № 8. S. 35-51.
6. Ukaz Senatskij ot 19.11. 1756 g. «Ob opredelenii glavnyh syshchikov dlya sysku i iskoreneniya vorov i razbojnikov, i beglyh lyudej» // PSZ-1. №10650.
7. Ukaz Senatskij ot 04.07. 1763 g. «O bytii v Sanktpeterburge oboj Rozysknoj Ekspedicii do Vysochajshej konfirmacii shtatov; o reshenii podlezhashchih ej del po svoim opredeleniyam, krome somnitel'nyh; ob ispolnenii ee reshenij o kolodnikah s utverzheniya Gubernskoj Kancelyarii, i ob otsylke pojmannyh v Sanktpeterburge i v uezde vorov i razbojnikov iz Glavnoj Policii i drugih mest pryamo v onuyu ekspediciyu» // PSZ-1. № 11871.
8. Istoriya organov vnutrennih del / Pod obshch. red. V.V. Goshulyaka. Penza: PGU, 2018.216 s.
9. Манифест от 15.12.1763 г. «О постановлении штатов разным присутственным местам ... о небытии Сибирскому и Розыскному Приказам...» // PSZ-1. № 11989 (nazvanie sokrashcheno vvidu ego gromozdkosti).
10. Shmonin A.V. Sledstvennyj apparat ispolnitel'nyh organov v sfere vnutrennih del Rossijskoj imperii (XVIII v.) // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2018. № 4 (48). S. 79-86.
11. Moskvinina A.G. Idejnye aspekty gosudarstvennyh preobrazovanij v Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XVIII v. // Administrativnoe pravo i process. 2011. № 1. S. 31-33.
12. Mulukaev R.S. Politicheskij rezhim i organy vnutrennih del v dorevolucionnoj Rossii // Istoriya gosudarstva i prava. 2009. № 22. S. 12-15.
13. Vybrannomu, v silu Vysochajshego Ee Imperatorskogo Velichestva 1766-go godu dekabrya 14-go dnya Manifesta, ot Glavnoj policii deputatu Nakaz dlya predstavleniya v Komissiyu o sochinenii proekta Novogo Ulozheniya, v kotorom zaklyuchayutsya trebovaniya onoj policii zakonov, nadlezhashchih do policejskoj dolzhnosti» // Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. T. 43. SPb.: Tipogr. A. Transhelya, 1885. S. 296-362.
14. Ot Glavnogo Magistrata izbrannomu ot onogo k Komissii sochineniya proekta novogo Ulozheniya deputatu onogo Magistrata gospodinu Durasovu Nastavlenie // Sbornik dokumentov Russkogo istoricheskogo obshchestva (RIO). T. 53. SPb., 1885. S. 237-298. S. 242.
15. Yuridicheskie proizvedeniya progressivnyh russkih myslitelej. Vtoraya polovina XVIII veka / pod red. S. A. Pokrovskogo. M.: Gosyurizdat, 1959. 638 s.
16. Rasporjazhenie Ekateriny II ot 28.12.1768 g. dlya iskoreneniya grabezhej, razboev i neporyadkov v Moskve // Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. T. 10. SPb.: Tipogr. Akad.nauk, 1872. S. 322-323.
17. Uchrezhdeniya dlya upravleniya gubernij Vserossijskoj imperii ot 07.11.1775 g. // PSZ-1. № 14392.
18. Timoshevskaya A.D. Osobennosti organizacii policii v nacional'nyh regionah Rossijskogo gosudarstva (HIIH - nachalo HKH vv.). Diss. kand. yurid. nauk. M., 1998. 207 s.
19. Pinigin M.G. Organizacionno-pravovye osnovy deyatel'nosti policii v Rossii po «Ustavu blagochiniya ili policejskomu» (1782-1862 gg.). Dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2003. 180 s.
20. Sizikov M.I. Policejskaya reformy Ekateriny II. Tyumen': TYUI, 1997. 27 s.

21. Ustav blagochiniya, ili policejskij, ot 08.04.1782 g. // PSZ-I. №15379.

22. Fedneva N.L. K voprosu ob istorii razrabotki «Ustava blagochiniya, ili policejskogo» // Mezhdunarodnyj zhurnal konstitucionnogo i gosudarstvennogo prava. 2017. № 2. S.51-55.

УПОРОВ ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, Краснодарский университет МВД России (kiap_krdu@mvd.ru).

ШЕУДЖЕН НУРДИН АСЛАНОВИЧ - кандидат исторических наук, доцент, Краснодарский университет МВД России (kiap_krdu@mvd.ru).

ТАТЛОК АННА К - кандидат юридических наук, доцент, Краснодарский университет МВД России (kiap_krdu@mvd.ru).

UPOROV, IVAN V. - Doctor of History, Ph.D. in Law, Professor, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

SHEUDZHEN, NURDIN A. – Ph.D. in History, Associate Professor, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (kiap_krdu@mvd.ru).

TATLOK, ANNA K. - Ph.D. in Law, Associate Professor, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

УДК 340.158(510)«196/197»

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-1-44-47

ФЕДОРЕНКО С. А., СМЕТАНА Н. В.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ «КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ» В КИТАЕ

Ключевые слова: «культурная революция», «большой скачок», хунвейбины, преступления, законодательство, конституционные права и свободы, кампания «самокритики», социалистическое право.

В статье осуществлен историко-правовой анализ такого исторического события, как «культурная революция». Изучены причины появления данной политической кампании, регламентирующая её ход правовая база. Особое внимание уделяется хунвейбинам - одной из движущих сил данной кампании и итогам их деятельности. Рассматривается взаимодействие государства и хунвейбинов. Делается вывод, что государство в данный период не просто не могло гарантировать защиты прав граждан, но и систематически поощряло их нарушение сторонними лицами. Уникальность рассматриваемого явления заключается в том, что высшая власть Китая, управлявшая к рассматриваемому периоду страной уже не первый год, сохраняя государственность и правовую систему, собственноручно развязало классовый конфликт. В итоге, внеправовое и внесудебное использование масс в целях борьбы с политическими оппонентами привело к резкому росту преступности и многочисленным жертвам. При этом многие сферы жизни общества на долгие годы были заморожены.

FEDORENKO, S.A., SMETANA, N.V.

LEGAL ASPECTS OF CHINA'S "CULTURAL REVOLUTION"

Key words: "cultural revolution", "big leap", red Guards, crimes, legislation, constitutional rights and freedoms, "self-criticism" campaign, socialist law.

The article provides a historical and legal analysis of such a historical event as the "cultural revolution". The reasons for the emergence of this political campaign, the legal framework regulating its course are studied. Particular attention is paid to the Red Guards - one of the driving forces of this campaign and the results of their activities. The interaction between the state and the Red Guards is considered. It is concluded that the state during this period not only could not guarantee the protection of the rights of citizens, but also systematically encouraged their violation by third parties. The uniqueness of the phenomenon under consideration lies in the fact that the supreme power of China, which by the period under review had been ruling the country for more than a year, while maintaining statehood and the legal system, unleashed a class conflict with its own hands. As a result, the extralegal and extrajudicial use of the masses in order to fight political opponents has led to a sharp increase in crime and numerous victims. At the same time, many spheres of social life were frozen for many years.

Середина XX века для Китая стала довольно беспокойным периодом. Политическая кампания 1958-1960 гг., получившая название «Большой скачок», должна была укрепить промышленную основу страны и способствовать резкому подъему экономики. Ожидалось, что коллективный труд и применение новых технологий позволят Китаю, на 90 % являвшемуся аграрной страной, перейти к индустриальному обществу. Но, в результате, страна столкнулась с голодом. По некоторым данным, вследствие провала «большого скачка» погибло от 20 до 40 миллионов человек. Это обстоятельство, а также нарастающее напряжение между КНР и СССР, ослабили позиции Мао Цзэдуна, поставившего перед собой две цели – уничтожить оппозицию, мечтавшую о внедрении в экономику рыночных механизмов и занять бедствующие массы населения.

По мнению самого Мао Цзэдуна, начало «культурной революции» положила критическая статья Яо Вэньюаня «О новой редакции исторической драмы «Разжалование Хай Жуя» [1], опубликованная в 1965 году. 8 августа 1966 года XI пленумом Центрального комитета Коммунистической партии Китая было принято «Постановление о великой пролетарской культурной революции», в котором мы видим её цели и задачи: «Ныне мы ставим себе целью разгромить тех облечённых властью, которые идут по капиталистическому пути, раскритиковать реакционных буржуазных «авторитетов» в науке, раскритиковать идеологию буржуазии и всех других эксплуататорских классов, преобразовать просвещение, литературу и искусство, все

области надстройки, не соответствующие экономическому базису социализма, чтобы способствовать укреплению и развитию социалистического строя» [2].

Решение указанных задач стало главной целью хунвейбинов – отрядов студенческой и школьной молодежи. Считается, что хунвейбины появились в мае 1966 г., когда студенты Пекинского университета разгромили партком и ректорат. Мы можем найти одобрение их действий в Постановлении ЦК КПК о ВПКР от 8 августа 1966 года, но все же речи о законодательной регламентации их деятельности в нем не шла. При этом им позволялось действовать безнаказанно, что подтверждает, к примеру, обращение министра общественной безопасности КНР Се Фучжи к милиции: «Стоит ли арестовывать хунвейбинов за то, что они убивают? Я думаю так: убил, так убил, не наше дело ... Мне не нравится, когда люди убивают, но если народные массы так ненавидят кого-то, что их гнев нельзя сдержать, мы не будем им мешать... Народная милиция должна быть на стороне хунвейбинов, объединиться с ними, сочувствовать им, информировать их». В ходе «культурной революции» руками хунвейбинов было убито, по меньшей мере, 400 тысяч человек. За первый месяц их официальной деятельности из Пекина было изгнано 85 тысяч человек, убито – 1722. Данная статистика показывает, что нарушалось не только уголовное законодательство, но и основной закон страны - Конституция КНР 1954 г. [3], в которой прямо закреплено право граждан на свободу перемещения и неприкосновенность жилья (ст.90). Государство, косвенно развязав руки хунвейбинам, не могло гарантировать защиту данных прав.

Жертвами отрядов хунвейбинов становились школьные учителя, ученые, люди, получившие образование за рубежом, инженеры, священнослужители, сотрудники министерств и, наконец, случайные люди. Осенью 1966 года Министерство транспорта КНР предоставило им бесплатные поезда для поездок в другие регионы страны и обмена опытом. На наш взгляд, это очень интересный случай, когда массами людей, без всякой юридической регламентации их деятельности, совершаются тяжкие преступления, а органы власти вместо того, чтобы вмешаться и пресечь данные действия, поддерживают преступников и сочувствуют им. Активная деятельность хунвейбинов и потворство со стороны государственных органов привели к тому, что в стране парализовались научная и художественная сферы, были закрыты все книжные магазины. Единственной безусловно разрешенной книгой стал цитатник Мао. Были сожжены декорации и костюмы Пекинской оперы, к показу допускались только пьесы, написанные женой Мао – Цзян Цин. Здесь также можно проследить нарушения Конституции КНР 1954 г., где в ст. 87 провозглашалось, в том числе, право граждан КНР на свободу слова и печати, которое государство должно было обеспечивать путем предоставления необходимых ресурсов. Но, как можно судить по многочисленным ограничениям, данное право мало того, что не соблюдалось государством, оно грубо нарушалось.

Ситуация кардинально изменилась осенью 1967 г., когда Мао Цзэдун применил против хунвейбинов армию, изобличив их как «политически незрелых» и «некомпетентных».

Интересны некоторые аспекты политической борьбы, в период «культурной революции». Так, 16 мая 1966 г. было издано Сообщение Центрального Комитета Коммунистической Партии Китая [4], установившие в качестве первоочередной задачи разгром противников Мао Цзэдуна в КПК, средствах массовой информации, а также научных и культурных учреждениях. Получила новый ход кампания «самокритики». В её рамках членам партии необходимо было в письменной форме сознаться в грехах и ошибках перед партией. Эту процедуру прошел, в частности, и Лю Шаоци – один из основных оппонентов Мао Цзэдуна. В дальнейшем его позиция подвергнется критике, он фактически будет отстранен от работы и отправлен под домашний арест. Закончилась история Лю Шаоци заключением в тюрьму и смертью в 1969 году.

9 сентября 1976 г. умирает Мао Цзэдун. Перед смертью он признал, что «культурная революция», которая была задумана как политическая кампания, породила социальный хаос и трагедию. Конец «культурной революции» положило официальное заявление о её завершении на XI съезде КПК 1977 г. Виноградов А.В. в статье «XI Съезд КПК» указывает, что на данном съезде с четырехчасовым докладом выступил Хуа Гофэн [5, с. 39], сменивший Мао Цзэдуна на посту председателя ЦК КПК. В своём докладе он и обозначил завершение «культурной революции»: «Таким образом, первая Великая пролетарская культурная революция в нашей стране, длившаяся

одиннадцать лет, ознаменовалась разгромом «банды четырех» и провозгласила победу над ней» [6].

Интересным является факт отсутствия в материалах данного съезда как упоминания об издании постановления или иного акта, закрепившего окончание «культурной революции», так и его самого. В 1981 г. ЦК КПК выпустил резолюцию об истории партии, в которой говорилось об отказе от «культурной революции»: «Культурная революция..., которая стала причиной многих серьезных затруднений и тяжелых потерь, от которых пострадала Партия, государство и народ» [7, с. 448]. В настоящее время некоторые ученые считают данное десятилетие периодом «феодално-фашистской диктатуры» [8, с. 17].

Таким образом, период «культурной революции» обнажил проблемы, годами копившиеся в КНР [9]. Внеправовое и внесудебное использование масс людей в целях борьбы с политическими оппонентами привело к резкому росту преступности и многочисленным жертвам. Государство не просто не могло гарантировать защиты прав граждан, но и поощряло их нарушение сторонними лицами; многие сферы жизни общества на долгие годы были заморожены.

Уникальность рассматриваемого явления заключается в том, что высшая власть Китая, управлявшая к рассматриваемому периоду страной уже не первый год, сохраняя государственность и правовую систему, собственноручно развязало классовый конфликт, по своим масштабам соответствующий скорее кровавой гражданской войне, происходящей на территории не управляемой государственными органами власти и правовыми механизмами.

Необходимо отметить, что в дальнейшем власть сконцентрировала свои силы на восстановлении институтов, пострадавших в ходе «культурной революции», а также восстановлении в правах тех, кто подвергся чистке, что подтверждается волной массовых реабилитаций в начале 1980-х годов.

Литература и источники

1. Мао Цзэдун. Беседа с албанской военной делегацией (1 мая 1967 г.) // URL: <http://maoism.ru/17101> (дата обращения 17.10.2021)
2. Постановление Центрального Комитета Коммунистической партии Китая о великой пролетарской культурной революции: [принято XI пленумом ЦК КПК 8 августа 1966 г.] // URL: <http://library.maoism.ru/kpk8aug.htm> (дата обращения 15.10.2021)
3. Конституция Китайской Народной Республики: [федер. закон: принят 1-й сессией Всекитайского Собрания Народных Представителей 20 сентября 1954 г.] // URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/konstitutsii-mira/konstitutsiya-knr-1954-goda-chitat-skachat-konstitutsiyu-knr-1954-goda.html> (дата обращения: 17.10.2021)
4. Сообщение Центрального Комитета Коммунистической Партии Китая: [Политбюро ЦК КПК 16 мая 1966г.] // URL: <http://lib.ru/DIALEKTIKA/MAO/histor.txt>(дата обращения 15.10.2021)
5. Виноградова А.В. XI Съезд КПК// История Китая с древнейших времен до начала XXI века. М., 2016.
6. 中国共产党历次全国代表大会数据库 База данных всех прошедших съездов народных представителей Коммунистической Партии Китая // Официальный сайт коммунистической Партии Китая. 1997-2013. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64563/65449/4441886.html> (дата обращения 18.10.2021)
7. Resolution on CPC history (1949-1981). Beijing, 1981.
8. Овчинников Ю. М. Кампания дацзыбао и движение антимаоистского протеста в Китае (1978-1979) // Информационный бюллетень ИДВ АН СССР. М., 1981. № 24. Ч. 1. Вопросы истории, идеологии и внешней политики Китая, Японии, Кореи.
9. Отношения между Россией и Китаем: прошлое, настоящее, будущее. Материалы международной научной конференции (Москва, 4 июля 2019 г.) / Отв. ред. Турицын И.В., Дай Цзянбин, Разов П.В. М.: НИИ ИЭП, 2019.

References and Sources

1. Mao Czedun. Beseda s albanskoj voennoj delegaciej (1 maya 1967 g.) // URL: <http://maoism.ru/17101> (data obrashcheniya 17.10.2021)
2. Postanovlenie Central'nogo Komiteta Kommunisticheskoy partii Kitaya o velikoj proletarskoj kul'turnoj revolyucii: [prinято XI plenумом СК КПК 8 avgуста 1966 g.] // URL: <http://library.maoism.ru/kpk8aug.htm> (data obrashcheniya 15.10.2021)
3. Konstituciya Kitajskoj Narodnoj Respubliki: [feder. zakon: prinyat 1-j sessiej Vsekitajskogo Sobraniya Narodnyh Predstavitelej 20 sentyabrya 1954 g.] // URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/konstitutsii-mira/konstitutsiya-knr-1954-goda-chitat-skachat-konstitutsiyu-knr-1954-goda.html> (data obrashcheniya: 17.10.2021)
4. Soobshchenie Central'nogo Komiteta Kommunisticheskoy Partii Kitaya: [Politbyuro СК КПК 16 maya 1966g.] // URL: <http://lib.ru/DIALEKTIKA/MAO/histor.txt>(data obrashcheniya 15.10.2021)
5. Vinogradova A.V. XI S"ezd KPK// Istoriya Kitaya s drevnejshih vremen do nachala XXI veka. M., 2016.
6. 中国共产党历次全国代表大会数据库 База данных всех прошедших съездов народных представителей Коммунистической Партии Китая // Oficial'nyj sajt kommunisticheskoy Partii Kitaya. 1997-2013. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64563/65449/4441886.html> (data obrashcheniya 18.10.2021)
7. Resolution on CPC history (1949-1981). Beijing, 1981.
8. Ovchinnikov Yu. M. Kampaniya daczubao i dvizhenie antimaoistskogo protesta v Kitae (1978-1979) // Informacionnyj byulleten' IDV AN SSSR. M., 1981. № 24. Ch. 1. Voprosy istorii, ideologii i vneshej politiki Kitaya, Yaponii, Korei.
9. Otnosheniya mezhdru Rossiej i Kitae: proshloe, nastoyashee, budushchee. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, 4 iyulya 2019 g.) / Otv. red. Turicyn I.V., Daj Czyanbin, Razov P.V. M.: NII IEP, 2019.

ФЕДОРЕНКО СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых и процессуальных дисциплин Кубанского института социэкономки и права (филиала) Академии труда и социальных отношений.

СМЕТАНА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА – студент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

FEDORENKO, SERGEY A. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Legal and Procedural Disciplines, Kuban Institute of Sociology of Economics and Law (branch) Academy of Labor and Social Relations of Law (fedorenkosergey79@yandex.ru).

СМЕТАНА, NATALIA V. – student of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (smetanav@mail.ru).

УДК 341.018

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-1-47-52

**ПОКРОВСКАЯ Н.В.
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ ВТО И ЕАЭС**

Ключевые слова: экономическая интеграция, международное право, торговые барьеры, правила торговли.

В статье рассмотрены актуальные аспекты формирования правовой системы Евразийского экономического союза в контексте членства России во Всемирной торговой организации. На основе практики разрешения торговых споров ВТО сделан вывод о схожем, но не тождественном характере правовых систем ВТО и ЕАЭС, а также о возможных конфликтах правил регулирования торговли в данных интеграционных объединениях. Показано, что правовые нормы ВТО создавались в течение длительного периода времени и получили надежную проверку временем на практике, что позволило ЕАЭС заимствовать базовую терминологию ВТО в юридические тексты своих правовых актов. Помимо плодотворного опыта ВТО, ЕАЭС также стремится заимствовать апробированные практики интеграционных мер у других региональных межгосударственных объединений. К числу таковых, в первую очередь, необходимо отнести Европейский союз (ЕС), который выступает одновременно партнером и конкурентом ЕАЭС. Обоснован вывод о схожем, но не тождественном характере правовых систем ВТО и ЕАЭС. Между правовыми системами двух объединений прослеживаются конфликтные моменты в регулировании правил международной торговли, преодолеть которые возможно лишь при конструктивном взаимодействии.

**POKROVSKAIA, N.V.
COMPARATIVE ANALYSIS OF THE WTO AND EAEU LEGAL SYSTEMS**

Key words: economic integration, international law, trade barriers, trade rules.

The article deals with the current aspects of the Eurasian Economic Union legal system formation in the context of Russia's membership in the World Trade Organization. Based on the practice of resolving WTO trade disputes, the author made the conclusion about the similar, but not identical nature of the WTO and EAEU legal systems, as well as about possible conflicts of trade regulation rules in these integration associations. It is shown that the legal norms of the WTO were created over a long period of time and received a reliable test of time in practice, which allowed the EAEU to borrow the basic terminology of the WTO into the legal texts of its legal acts. In addition to the fruitful experience of the WTO, the EAEU also seeks to borrow proven practices of integration measures from other regional interstate associations. Among these, first of all, it is necessary to include the European Union (EU), which acts both as a partner and competitor of the EAEU. The conclusion about the similar, but not identical, nature of the legal systems of the WTO and the EAEU is substantiated. Between the legal systems of the two associations, there are conflicting moments in the regulation of the rules of international trade, which can only be overcome through constructive interaction.

После распада СССР на территории евразийского континента образовалось полтора десятка новых государств. Им надо было подтвердить или сначала утвердить свою политическую состоятельность (субъектность) и экономическую жизнеспособность, как ее материальную предпосылку, для того, чтобы определить свое место в мире, как части глобального сообщества. Все они оказались в сложном и противоречивом положении, которое в науке принято именовать «переходным» (transitional) обществом. Доказанная опытом нежизнеспособность прежней экономической модели развития, как замкнутой, фактически изолированной централизованной административной системы, по сути, оставила им всем лишь один выбор: включаться в мировое хозяйство, основанное (при всем разнообразии форм и уровней развития его участников) на рыночных принципах и международном разделении труда.

Фактической альтернативой стихийным социально-экономическим процессам дальнейшего распада, еще связанного во многих отношениях постсоветского пространства Евразии (за исключением республик Прибалтики, полностью порвавших с советским прошлым), стало образование Содружества Независимых Государств (СНГ). Выяснилось, что национальные хозяйства бывших союзных республик обладают ограниченным потенциалом реинтеграции на базе взаимной дополнителности и сравнительных преимуществ (теперь уже по критериям мирового рынка) и, тем более, на фоне явного технологического отставания (начиная с самой крупной и развитой из них – российской экономики) от передовых государств «дальнего зарубежья».

Вопрос о перспективах экономической реинтеграции оказался органично вплетенным в актуальную проблематику политической суверенности, государственного строительства, власти и собственности во всех новых государствах, включая и Россию. Перед постсоветскими государствами остро встала задача утверждения себя не только на глобальной арене, но и в

непосредственно окружающем геополитическом и геоэкономическом пространстве, со всеми его новыми возможностями и вызовами.

В результате этого на протяжении 1990-х годов довольно быстро определилась практика того, что было названо многоуровневой и разноскоростной интеграцией, – теперь уже на основе более узких, чем СНГ, объединений. Сначала Союзного государства России и Беларуси (1999 г.), затем ядра в составе России, Беларуси и Казахстана. В 2011 г. между ними начал действовать Таможенный союз. И, наконец, в 2014 г. этот процесс интеграции увенчался созданием ее более высокой формы – Евразийского экономического союза этих трех государств – ЕАЭС. Затем к нему одна за другой присоединились Армения и Киргизия.

29 мая 2014 г. в столице Казахстана Астане на заседании Высшего Евразийского экономического совета в составе президентов Беларуси, Казахстана и России подписан Договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) [3]. 26 сентября 2014 г. он был ратифицирован Государственной Думой РФ, 1 октября Советом Федерации и 3 октября подписан президентом В.В. Путиным. Затем 9 октября его ратифицировали парламенты Казахстана и Беларуси, после чего утвердили президенты обоих государств. На следующий день на саммите СНГ в Минске было подписано соглашение о прекращении деятельности Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). 10 октября в ЕАЭС была принята Армения. В мае – Киргизия. Официальная дата начала функционирования ЕАЭС – 1 января 2015 г.

Итак, ЕАЭС появился как еще одна региональная экономическая организация, каких – разного типа и уровней интеграции – уже много в мире. Но он явил собой и нечто оригинально новое. А именно усилие противопоставить прогресс на базе экономической интеграции «разводу» государств СНГ и распаду бывшего единого пространства постсоветской Евразии.

Уникальная особенность данного конкретного примера интеграции заключается в том, что в него либо в орбиту его влияния вовлекаются исключительно переходные общества. То есть такие, в которых процесс разделения основных сфер экономической деятельности все еще находится на разных стадиях незавершенности. Этим определяется специфика движения от первичной реинтеграции государств постсоветской Евразии на базе СНГ к ее более высоким уровням, самым последним из которых на сегодня оказался именно Евразийский экономический союз. Его цели и задачи изложены в официальных документах, начиная с Договора о Евразийском экономическом союзе. Союз учрежден как международная региональная экономическая организация, в которой обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, скоординированная, согласованная или единая экономическая политика. Соответственно, задачи интеграции подчиняются цели обеспечить экономический прогресс, устойчивое развитие, модернизацию и усиление конкурентоспособности национальных экономик на мировом рынке. На это нацелена постановка задач, формирование союзных экономических структур и механизмов, реализация конкретных проектов и решений. Наконец, достижению именно экономических целей подчинены задачи, сформулированные в Основных направлениях экономического развития ЕАЭС до 2030 г. (ОНЭР).

Создание ЕАЭС сформировало объективную необходимость в форсированном обеспечении совместной деятельности государств-участников в области экономической интеграции, для чего Союзу потребовалось создание эффективной и согласованной нормативно-правовой системы регулирования интеграционных мероприятий. Сегодня правовая система ЕАЭС представляет собой динамично развивающуюся совокупность правовых актов, центральное место среди которых занимают международные договоры. Общепризнанные принципы и нормы международного права являются органической частью правовой системы ЕАЭС.

В противовес более молодому региональному объединению ЕАЭС Всемирная торговая организация (ВТО) является международной структурой интеграционного характера, призванной обеспечить либерализацию международной торговли и содействовать устранению торговых барьеров между государствами. Правовая система ВТО представляет комплекс международных соглашений, центральное место среди которых занимает Соглашение об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г., называемое Марракешским соглашением по месту подписания [1]. Данному соглашению корреспондируют и подчиняются иные торговые соглашения, выполнение которых, за редкими исключениями, обязательно для всех государств-членов ВТО.

По своей сути, ВТО задает минимальные стандарты экономической интеграции государств в мировом масштабе, в то время как более высокие стандарты интеграции могут устанавливаться региональными соглашениями. Важнейшим аспектом деятельности региональных интеграционных объединений должен стать отказ от создания торговых барьеров между государствами, что выглядит достаточно проблематичным на фоне многочисленных прецедентов санкционного противостояния различных государств и их объединений. Так как ЕАЭС изначально был ориентирован на более глубокую степень интеграции государств евразийского региона (в сравнении с ВТО), то в его рамках существуют положительные стимулы для предоставления более выгодных режимов ведения торговли между членами Союза, чем по отношению к другим государствам-членам ВТО. Хотя данные меры ориентированы, в первую очередь, на упрощение таможенных процедур, их введение может создавать конфликтные ситуации по отношению к правилам ВТО.

Применение мер защиты внутреннего рынка стало приобретать актуальность в связи с тем, что государства-члены ЕАЭС, за исключением Беларуси, являются также и членами ВТО, следовательно, имеют ограниченные возможности для применения дополнительной таможенно-тарифной и нетарифной защиты. Это создает предпосылки для потенциального конфликта между нормами права ВТО и положениями правил ЕАЭС, применяемых для защиты внутреннего рынка государств-членов Союза. В настоящий момент в Таможенном союзе ЕАЭС организована и действует единая нормативная правовая база в области запретов и ограничений, а также мер нетарифного регулирования внешней торговли.

В условиях глобализации мировой экономики большую роль в регулировании нетарифных инструментов торговой деятельности играет именно ВТО. Усилия соглашений, достигнутых в рамках ВТО, направлены на формирование безбарьерной среды для международной торговли товарами. При этом вводимые государствами-членами ВТО меры по защите национального производителя должны быть согласованы с профильными органами ВТО. Правила международной торговли, предусмотренные правом ВТО, не препятствуют использованию отдельными государствами мер нетарифного регулирования внешнеэкономической деятельности.

В таких условиях использование антидемпинговых, компенсационных и специальных защитных мер, разрешенных ВТО, является одним из наиболее действенных способов защиты внутреннего рынка ЕАЭС от недобросовестной конкуренции и резко возросшего импорта товаров. В праве ВТО нормативное регулирование запретов и ограничений в торговле товарами закреплено в ГАТТ в статье XI «Общая отмена количественных ограничений».

Правовые нормы ВТО создавались в течение длительного периода времени и получили надежную проверку временем на практике, что позволило ЕАЭС заимствовать базовую терминологию ВТО в юридические тексты своих правовых актов. Так, в регулирующих актах ЕАЭС используются понятия «специфические субсидии», «демпинговая маржа», «общие исключения», «торговля услугами». Однако, помимо плодотворного опыта ВТО, ЕАЭС также стремится заимствовать апробированные практики интеграционных мер у других региональных межгосударственных объединений. К числу таковых, в первую очередь, необходимо отнести Европейский союз (ЕС), который выступает одновременно партнером и конкурентом ЕАЭС и с которым возможно как вести торговые войны, так и создать зону свободной торговли между двумя океанами – крупнейшую в мире.

Разработанный и действующий контроль над предельно допустимыми количествами ввоза продукции на территорию государства, а также вывоза с нее обеспечивают производственную гармонию внутри того или иного государства. Данное мероприятие помогает не исчезнуть отечественным производителям в неравной конкурентной борьбе на рынке товаров и услуг. Все вышеуказанное, безусловно, увеличивает уровень рентабельности в тех сферах хозяйственной деятельности, к которым применялись квоты. Для тех же организаций, которых квотирование не коснулось вовсе, характерным является конкурентное давление, которое приводит к дополнительным издержкам. Данные затраты приходится возмещать за счет средств потребителей, поднимая уровень цен на выпускаемые товары или же оказываемые услуги [6, с. 39].

Отмеченные обстоятельства обуславливают организацию ценовой политики у продукции отечественных производителей намного выше импортных товаров. На параметры квотирования,

которые определяются величиной и сроком ограничительных мер, воздействуют различные внешние факторы, в том числе экономическое положение государства, а также его внешнеполитический рейтинг.

Импортная квота применяется к числу ввозимой продукции или же к ее стоимостным параметрам. Сроки ее установки обычно ограничиваются одним годом. Данный критерий определяют для каждого иностранного государства в отдельности после проведения анализа и всевозможных консультаций с компетентными экспертами. При этом учитывают интересы каждой стороны сделки, акцентируя основное внимание на личной преимущественной выгоде. Экспортная квота представляет собой ограничение объема конкретного вида товара, который подлежит экспорту за границу. Объем экспортной квоты определяется отдельно для каждого вида товара. При расчете показателей берутся во внимание общие объемы товара, которые были вывезены за определенные промежутки времени и производственные объемы этого же товара за это же время. Искомое значение получают путем определения процентного отношения одного параметра к другому.

11 июня 2019 года Департамент защиты внутреннего рынка Евразийской экономической комиссии уведомил о публикации конфиденциальной версии проекта доклада «О результатах специального защитного расследования в отношении некоторых видов металлопроката, ввозимого на таможенную территорию Евразийского экономического союза». Орган, проводящий расследование, пришел к выводу о необходимости применения специальной защитной меры в форме специальной квоты сроком на 1 год для предотвращения угрозы нанесения серьезного ущерба металлургической отрасли ЕАЭС и выравнивания условий деятельности для металлургов ЕАЭС и иностранных производителей и/или поставщиков горячекатаного проката. Ставка специальной пошлины определена таким образом, чтобы восстановить соотношение с импортными ценами Европейского союза и США, имевшими место до начала применения в Европейском союзе и США торговых ограничений.

Объем специальной квоты предлагалось установить в размере 996,596 тыс. т как среднее значение объема импорта горячекатаного проката на ТТ ЕАЭС за 2015-2017 гг. Одновременно, учитывая, что наибольший объем (56%) импорта горячекатаного проката в 2015-2017 гг. приходился на толстолистовой горячекатаный прокат для производства труб (коды ТН ВЭД ЕАЭС 7208519100, 7208512009 и 7225404000), в рамках общей квоты на ввоз горячекатаного проката предлагается выделить отдельный объем квоты на ввоз товара, ввозимого в рамках указанных кодов ТН ВЭД ЕАЭС и предусмотреть распределение квоты между государствами-членами Союза [5, с. 85].

Специальное защитное расследование начато 7 августа 2018 г. Инициаторы – ПАО «Магнитогорский металлургический комбинат», ПАО «Новолипецкий металлургический комбинат» и ПАО «Северсталь». Объект расследования – горячекатаный и холоднокатаный прокат из углеродистых и прочих легированных сталей в листах и рулонах, прокат плоский оцинкованный, окрашенный, лакированный или покрытый пластмассой в листах и рулонах, а также прокат плоский, покрытый оловом, в листах и рулонах. Введение квоты должно ограничить поставки с Украины, которая является одним из основных экспортеров черных металлов на рынок РФ по итогам прошлого года. Согласно данным ФТС, в 2018 году Украина нарастила поставки черных металлов в Россию более чем на 25% в объемах, на 37% в стоимостном выражении. По данным ФТС, в 2018 году импорт черных металлов с Украины находился на уровне 2,5 млн тонн. В то же время аналитики выразили сомнения, что какой-либо импортер будет способен значительно потеснить российских металлургов на их рынке.

Члены ЕАЭС при торговле с другими государствами имеют право на введение и применение в одностороннем порядке мер нетарифного регулирования в соответствии с нормами Приложения № 7 к Договору о ЕАЭС. Получение тарифных преференций дает государству право на преференциальный режим, под которым можно понимать режим функционирования экономической деятельности, при котором государство с развитой экономикой предоставляет развивающимся странам освобождение от ввозных таможенных пошлин или ее снижение. Еще одним механизмом тарифных преференций является особый вид торговых отношений, при которых государство или группа государств, например ЕАЭС, предоставляют другим

государствам взаимовыгодные условия на основе тарифных соглашений, ведущих к образованию зоны свободной торговли между ними.

Основной принцип ВТО – это так называемая предсказуемость или же отсутствие произвольного применения государствами торговых мер. Как и в правовой системе ЕАЭС, правила ВТО предполагают, что решения о защите национального рынка должны приниматься после проведения всестороннего анализа, а также различных и многосторонних консультаций. Соглашение признает за каждым государством-членом ВТО право вводить санитарные и фитосанитарные меры при достаточном научном обосновании и опираясь на международные стандарты.

19 августа 2016 года панель арбитров ВТО приняла второе решение против России и признала незаконным запрет на ввоз живых свиней и свинины из Европейского союза. Панель арбитров ВТО постановила, что введенный Россельхознадзором в январе 2014 года со ссылкой на вспышки африканской чумы свиней в Эстонии, Латвии, Литве и Польше запрет нарушает одно из соглашений системы ВТО – Соглашение о применении санитарных и фитосанитарных мер [2].

Россией были продолжены диалоги с партнерами по ВТО в рамках семи споров:

1. Апелляционным органом ВТО была отклонена большая часть требований российской стороны в процессе рассмотрения апелляционных жалоб, связанных с запретом на импорт живых свиней и свинины из государств-членов Европейского союза;

2. Российской стороной была подана апелляционная жалоба на решение ВТО по вопросу о признании отдельных требований Европейского союза к России по российским антидемпинговым пошлинам на ввоз легких коммерческих автомобилей;

3. Готовится к рассмотрению иск России к украинской стороне касательно введения антидемпинговых пошлин на вывоз нитрата аммония из России;

4. Готовится к рассмотрению иск украинской стороны к России относительно ввода ограничений на ввоз разнообразных железнодорожных запасных частей;

5. Готовится к рассмотрению иск России к Европейскому союзу о проведении корректировки стоимости и расширении антидемпинговых мер, которые введены на ввоз сварных труб;

6. Украинская сторона обратилась в ВТО с исками в отношении России по вопросу введенных ограничений на транзит украинских товаров;

7. Российской стороной направлен запрос на консультации с Европейским союзом в связи с введением антидемпинговых мер, накладывающих ограничения на ввоз из России холоднокатаного листового проката [4, с. 36].

2 июля 2018 года Россия направила в Орган по разрешению споров запрос на проведение консультаций с США относительно пошлин на некоторые импортные изделия из стали и алюминия. Российская сторона утверждает, что американские дополнительные пошлины в размере 25% на импорт стали и 10% на импорт алюминиевой продукции не соответствуют положениям Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 г. и Соглашения ВТО по специальным защитным мерам.

Для компенсации потерь, связанных с пошлинами США на сталь и алюминий, Правительство России намерено в ближайшее время ввести ответные меры в отношении ряда американских товаров. По расчетам Министерства экономического развития Российской Федерации, общий объем российских ограничений может составить около 540 млн долларов США и затронет продукцию американского автомобилестроения, дорожной техники и другие товары, кроме продукции фармацевтической отрасли. На первоначальном этапе общая сумма дополнительных пошлин на американские товары составит около 93 млн долларов США. В своих решениях относительно американских дополнительных пошлин Россия и другие государства-члены ВТО действуют с опережением, поскольку они решили применить ответные меры [7, с. 152].

Приведенные примеры торговых споров с участием России, одновременно выступающей государством-членом и ВТО, и ЕАЭС, подчеркивают наличие проблемы согласования правил региональных интеграционных объединений (в качестве которого выступает ЕАЭС) с правилами либерализации международной торговли, принятыми в ВТО. Правовые системы двух интеграционных объединений схожи в части, касающейся прямых заимствований ЕАЭС

апробированных временем интеграционных практик ВТО, но могут также и вступать в явный или неявный конфликт, учитывая общую целевую установку ЕАЭС на создание более благоприятных условий торговли между государствами-членами Союза.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о схожем, но не тождественном характере правовых систем ВТО и ЕАЭС. Между правовыми системами двух объединений прослеживаются конфликтные моменты в регулировании правил международной торговли, преодолеть которые возможно лишь при конструктивном взаимодействии руководящих органов интеграционных структур в русле обеспечения единства международного права.

Литература и источники

1. Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации (Заключено в г. Марракеше 15.04.1994) (с изм. от 27.11.2014) // СЗ РФ. 10.09.2012. № 37 (Приложение, ч. VI). С. 2514-2523.
2. Соглашение по применению санитарных и фитосанитарных мер от 15 апреля 1994 г. // Приложение к Собранию законодательства Российской Федерации. 10.09.2012. №37. (ч.VI).
3. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 01.10.2019) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 16.01.2015.
4. Гончарова Н.Н., Дятлова Е.В. Модельное сходство международных интеграционных организаций на примере ВТО и ЕАЭС // Евразийский юридический журнал. 2021. № 7 (158).
5. Исполинов С.С. Прецедент в международном праве (на примере Международного суда ООН, ЕСПЧ, ВТО и Суда ЕАЭС) // Законодательство. 2017. № 1.
6. Кусанова О.М. Обязательства Российской Федерации в рамках ЕАЭС и ВТО в сфере максимального уровня импортного тарифа // Высшая школа. 2017. № 3.
7. Мога И.С. Особенности применения защитных мер в РФ в рамках членства в ВТО и ЕАЭС // Экономика и предпринимательство. 2018. № 10 (99).

References and Sources

1. Marrakeshskoe soglasenie ob uchrezhdenii Vsemirnoj trgovoj organizacii (Zaklyucheno v g. Marrakeshe 15.04.1994) (s izm. ot 27.11.2014) // SZ RF. 10.09.2012. № 37 (Prilozhenie, ch. VI). S. 2514-2523.
2. Soglasenie po primeneniyu sanitarnyh i fitosanitarnyh mer ot 15 aprelya 1994 g. // Prilozhenie k Sobraniyu zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 10.09.2012. №37. (ch.VI).
3. Dogovor o Evrazijskom ekonomicheskom soyuze (Podpisan v g. Astane 29.05.2014) (red. ot 01.10.2019) // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii www.pravo.gov.ru, 16.01.2015.
4. Goncharova N.N., Dyatlova E.V. Model'noe skhodstvo mezhdunarodnyh integracionnyh organizacij na primere VTO i EAES // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2021. № 7 (158).
5. Ispolinov S.S. Precedent v mezhdunarodnom prave (na primere Mezhdunarodnogo suda OON, ESPCH, VTO i Suda EAES) // Zakonodatel'stvo. 2017. № 1.
6. Kusanova O.M. Obyazatel'stva Rossijskoj Federacii v ramkah EAES i VTO v sfere maksimal'nogo urovnya importnogo tarifa // Vysshaya shkola. 2017. № 3.
7. Moga I.S. Osobennosti primeneniya zashchitnyh mer v RF v ramkah chlenstva v VTO i EAES // Ekonomika i predprinimatel'stvo. 2018. № 10 (99).

ПОКРОВСКАЯ НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА - кандидат юридических наук, Московский государственный лингвистический университет (nvpokrovskaja@gmail.com).

POKROVSKAIA, NATALIA V. – Ph.D. in Law, Moscow State Linguistic University.

УДК 342.9

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-1-52-58

ГЛАЗУНОВА И.В.

АНАЛИЗ ОПЫТА АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ 2003-2010 ГГ. КАК ИНСТРУМЕНТ ПОИСКА ФОРМ И МЕТОДОВ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Ключевые слова: административная реформа; административно-правовое регулирование; государственное управление; делегирование; институт гражданского общества; формы и методы регулирования; орган исполнительной власти; оценка качества; полномочия; стратегическое планирование.

Анализ опыта проведения отечественных административных реформ в 2003-2010 гг. позволяет выделить целый ряд новых и перспективных методов и механизмов достижения целей реформирования. Многие из этих инструментов достойны того, чтобы быть оценены на предмет использования в ходе продолжающегося в настоящее время реформирования государственного управления, обусловленного конституционными новеллами. Выделены два этапа административной реформы – 2003-2005 гг. и 2006-2010 гг. Показано, что в рамках второго этапа была поставлена принципиально новая цель реформы, состоявшая в повышении качества и доступности государственных услуг на основе создания эффективного, компактного, «сервисно-ориентированного» государства. Одновременно автор выносит на дискуссию вопрос о достаточности использования в числе административно-правовых инструментов государственного управления в настоящее время императивных методов регулирования.

GLAZUNOVA, I.V.

ANALYSIS OF THE EXPERIENCE OF ADMINISTRATIVE REFORM IN 2003-2010 AS A TOOL FOR SEARCHING FOR FORMS AND METHODS OF ADMINISTRATIVE LEGAL REGULATION

Keywords: administrative reform; administrative and legal regulation; public administration; delegation; institute of civil society; forms and methods of regulation; executive authority; Quality control; powers; strategic planning.

Analysis of the experience of domestic administrative reforms in 2003-2010. allows us to identify a number of new and promising methods and mechanisms for achieving the goals of reform. Many of these tools are worthy of being evaluated for use in the ongoing reform of public administration, driven by constitutional novelties. There are two stages of administrative reform - 2003-2005. and 2006-2010. It is shown that within the framework of the second stage, a fundamentally new goal of the reform was set, which was to improve the quality and accessibility of public services through the creation of an efficient, compact, "service-oriented" state. At the same time, the author brings up for discussion the question of the sufficiency of using mandatory methods of regulation among the administrative and legal instruments of public administration at the present time.

Практическое претворение в жизнь конституционных новелл, обусловленных внесением в 2020 г. поправок к Конституции Российской Федерации, касающихся системы исполнительной власти и осуществляемого ею государственного управления, неизбежно связывается с проведением новой административной реформы. При этом важное значение для ее успеха приобретает использование наиболее продуктивных форм и методов административно-правового регулирования экономической деятельности. Поиск надежной основы для разработки моделей инструментов государственного управления (форм, методов, механизмов) наиболее продуктивен при условии учета богатейшего опыта реформирования в предыдущие исторические периоды развития государства.

Советский период характеризовался презумпцией безусловной необходимости государственного управления, приоритет применения метода «власти-подчинения», как отмечается исследователями, тормозил развитие реальных производителей товаров, однако, что важно подчеркнуть, в кризисные периоды истории страны оказался единственно эффективным [1, с. 95-96].

Добротным фундаментом для создания моделей качественных инструментов современного администрирования, как представляется, может стать российский опыт проведения реформы в первом десятилетии XXI века. (Результатом этих событий была крупномасштабная смена общественного и государственного строя, всего уклада жизни [2, с. 17]). Административная реформа, являясь по сути производной от реформы конституционной, развивала достигнутые в результате конституционных преобразований изменения, соответственно, преобразования, реализуемые в рамках реформы 2003-2005 гг. и 2006-2010 гг., были связаны с развитием конституционных положений.

Важнейшую роль в разработке направлений реформирования государственного управления сыграл выбор руководством страны его теоретической модели под названием *модель «отзывчивой демократии»*. Государственная власть в такой модели позиционируется как осуществляющая деятельность «открыто, прозрачно, ставя во главу угла интересы граждан, доступная внешнему контролю, рационально организованная, ответственная и пользующаяся уважением в обществе» [3, с. 28; 4, с. 173]. Реализации такой концепции государственного управления предполагалось осуществлять с применением методов, отличных от известного советской системе метода «власти-подчинения».

Направления реформирования были сопряжены с функциями органов исполнительной власти (ОИВ). В связи с необходимостью обеспечения наиболее эффективных форм и методов реализации этих функций (управление) были намечены меры по структуризации системы этих органов.

Первый этап административной реформы (2003-2005 гг.) заключался в укреплении вертикали государственной власти, разграничении полномочий между ее различными институтами.

Приоритетные направления административной реформы в 2003-2004 годах были определены Указом Президента РФ: ограничение вмешательства государства в деятельность предпринимательского сообщества, в том числе отказ от избыточного государственного регулирования; развитие системы саморегулируемых организаций; разделение функций в сфере регулирования экономической деятельности, надзора и контроля, управления государственным имуществом и предоставления государственными организациями услуг гражданам и юридическим лицам; завершение процесса разграничения полномочий между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, оптимизация деятельности территориальных органов федеральных органов исполнительной власти. Таким образом, о ряде функций по оказанию услуг в официальных программных документах административной реформы говорилось уже в 2003 г. Законодательное

закрепление их осуществилось с принятием Федерального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг».

Следует подчеркнуть, что цель реформирования в этот период состояла не просто в сведении управленческих функций в единый реестр, но в эффективном распределении их между государственным и корпоративным секторами, федеральным и региональным уровнями управления, а также между конкретными звеньями системы федеральных органов исполнительной власти. В этот период актуализировалась и проблема кадрового обеспечения государственного аппарата.

Реализация реформы исполнительной власти коснулась взаимоотношений органов государственной власти и органов местного самоуправления (исполнительных органов муниципальных образований), учета ресурсного и информационного обеспечения единой системы органов исполнительной власти в пределах ведения Российской Федерации и в пределах совместного ведения России и ее субъектов [5, с. 150].

Серьезным шагом в реализации административной реформы явилась реорганизация системы и структуры федеральных органов исполнительной власти (ФОИВ) на основе функционального принципа. Эти изменения были нацелены на организационное разделение функций ФОИВ в целях, в том числе исключения дублирования функций и полномочий федеральных органов исполнительной власти.

Процесс разграничения полномочий реализовывался также и по вертикали органов исполнительной власти и органов местного самоуправления, в том числе путем ограничения их правосубъектности в части административно-правового управления территориальным развитием [6; 7, с. 14-16, 19]. В качестве примера такого регулирования может быть приведен Федеральный закон от 28.09.2010 № 244-ФЗ «Об инновационном центре «Сколково», который, помимо прочего, предусматривает возможность передачи исполнения части полномочий ФОИВ, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления (ОМСУ) и органов Фонда социального страхования Российской Федерации частному юридическому лицу – управляющей компании. В соответствии со ст. 5 указанного Закона, управляющей компании поручено решать на территории опережающего социально-экономического развития (ТОР) значительную часть вопросов, ранее относившихся к полномочиям ОИВ и местного самоуправления соответствующего муниципального образования.

В целях устранения ограничений вмешательства государства в экономическую деятельность субъектов предпринимательства, снижения административных барьеров были подготовлены изменения в ряд федеральных законов (например, в федеральные законы «О лицензировании отдельных видов деятельности», «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)», Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях). В частности, во исполнение такого приоритетного направления, как развитие системы саморегулируемых организаций (СРО) в области экономики (за исключением сферы финансового рынка), были подготовлены законопроекты о передаче саморегулируемым организациям некоторых государственных функций. В данном случае под саморегулированием понимается самостоятельная и инициативная деятельность, которая осуществляется субъектами предпринимательской или профессиональной деятельности и содержанием которой являются разработка и установление стандартов и правил указанной деятельности, а также контроль за соблюдением требований указанных стандартов и правил (ст. 2 Федерального закона от 01.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях»).

Одним из проблемных аспектов проведения первого этапа реформы, как отмечается в литературе, стало отсутствие партнерского диалога с институтами гражданского общества, достаточно слабая организация участия в реформировании экспертного сообщества и средств массовой информации. Ситуация начала меняться только к 2006 г., когда практическую реализацию получили инструменты участия гражданских объединений в проводимой реформе, в т. ч. в связи с созданием Объединенной рабочей группы по обеспечению участия гражданского общества в административной реформе.

Огромные масштабы изменений в сфере государственного управления, проведенные за период 2003-2005 гг. создали предпосылки для дальнейшей модернизации системы

государственного управления согласно Концепция административной реформы в Российской Федерации в 2006-2010 годах [8], ознаменовавшая начало проведения второго этапа административной реформы (в первой редакции период проведения реформы устанавливался 2006-2008 гг., позже продлен – по 2010 г.), который был политически ориентирован на построение эффективного государства. Согласно этой Концепции (с учетом изменений и дополнений, внесенных в Концепцию административной реформы в 2008 г. по распоряжению Правительства Российской Федерации от 09.02.2008 № 157-р), в качестве целей административной реформы в Российской Федерации в 2006-2010 гг. были установлены: повышение качества и доступности государственных услуг; прекращение избыточного государственного регулирования субъектов предпринимательства; повышение эффективности деятельности органов исполнительной власти. Достижение поставленных целей планировалось осуществить посредством применения специальных методов административно-правового регулирования.

Отметим, что сравнение поставленных на 2006-2010 гг. целей реформы с целями, которые были определены в начале проведения первого этапа административной реформы 2003-2005 гг., показывает, что продолжали оставаться не решенными такие проблемы, как ограничение вмешательства государства в экономическую деятельность субъектов предпринимательства, несовершенство деятельности ОИВ (при этом, если на первом этапе реформы акцент был поставлен на проблеме установления и разграничения функций и полномочий ОИВ, оптимизации их системы и структуры, то на второй этапе целью стало повышение эффективности их деятельности).

В 2006 г. была определена, кроме того, и принципиально новая цель проведения административной реформы, состоящая в повышении качества и доступности государственных услуг. Достижение этой цели сопряжено с воплощением идеи создания эффективного, компактного, «сервисно-ориентированного» государства. В данном случае термин «компактность» применительно к государству означает, что роль государства в жизни общества должна быть ограничена необходимостью обеспечения реализации прав и свобод (во всех сферах жизни, в том числе в сфере экономической деятельности).

Таким образом одним из приоритетов проводимой в России реформы отечественной системы государственного управления становится построение так называемого «сервисного» (сервисно-ориентированного) государства, в котором оказание государственных и муниципальных (публичных) услуг (государством или от его имени) гражданину, субъектам предпринимательства, предстает как его основная функция. (При этом легитимного определения понятия «сервисное государство», характеристик такого государства ни в нормативных правовых актах, ни в каких-либо официальных политико-правовых актах не содержится.)

В этой связи приведем справедливое, на наш взгляд, мнение о том, что государство и государственная власть выполняли и будут выполнять значительное число иных функций, которые нельзя свести исключительно к задачам оказания услуг [9, с. 40]. Ограничение же функций государства исключительно оказанием публичных услуг, служением индивиду, является преувеличением и даже лукавством.

Характерной особенностью реализации сервисной функции является внедрение стандартов и регламентов оказания государственных услуг, использование технологии «одного (или единого) окна» при взаимодействии получателей услуг и государства, целенаправленный переход к оказанию услуг в электронной форме. Необходимым шагом стало создание и внедрение административно-правовых по сути методов и механизмов формирования «перечня» (реестра) оказываемых государственных услуг и наделения соответствующими полномочиями органов, их оказывающих, а также разработка стандартов качества оказания услуг. При этом не исключается передача осуществления функции по предоставлению государственных и муниципальных услуг в негосударственный сектор. Вместе с тем использование такого механизма безусловно актуализирует необходимость разработки теоретических основ договорных форм сотрудничества органов государственной власти и ОМСУ с бизнес-сообществом, с негосударственным сектором для оптимизации порядка предоставления услуг, развития государственно-частного партнерства [9, с. 47].

Одним из результатов проведения второго этапа административной реформы стала разработка независимой системы оценки качества работы организаций, оказывающих социальные

услуги, и формировании публичных рейтингов их деятельности [10], на необходимость создания которой многократно обращали внимание ученые и специалисты-практики, общественные организации. Такими полномочиями были наделены общественные советы [11], которые могут создаваться (и фактически созданы) при всех органах исполнительной власти, общественные профессиональные организации (например, Союз юристов России участвует в проведении общественной аккредитации образовательных организаций высшего образования по направлению подготовки «Юриспруденция»).

Поскольку решение задачи построения в России сервисного государства не предполагало пересмотра уже существующей в ней государственно-правовой организации и изменения системы органов исполнительной власти, то вопросы совершенствования структуры ОИВ в этот период уступили место решению задачи повышения эффективности деятельности этих органов власти.

Реализация реформы исполнительной власти отразилась на взаимоотношениях органов государственной власти (федеральных и региональных) и органов местного самоуправления. В 2012-2014 гг. были разработан и введен в практику правовой механизм делегирования отдельных государственных полномочий ОМСУ, а также принципиально новый механизм перераспределения полномочий, предусматривающий передачу отдельных полномочий органов местного самоуправления органам государственной власти субъекта Российской Федерации [12; 13]. Эти два механизма в совокупности становятся основными способами так называемого «огосударствления» местной власти.

При этом оценка названным возможностям передачи полномочий между ОИВ субъекта РФ и ОМСУ оценивается специалистами по-разному – от осторожной констатации оформившейся в 2014-2016 гг. негативной тенденции к огосударствлению местного самоуправления до оценки модели перераспределения полномочий в качестве инструмента оптимального динамичного регулирования территориального управления и самоуправления, исходя из конкретных реальных потребностей общества [14, с. 85; 15, с. 11-13].

Одним из новых механизмов государственного регулирования для решения задач устойчивого социально-экономического развития государства и обеспечения национальной безопасности после принятия Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» становится стратегическое планирование.

Целесообразно в этой связи подчеркнуть, что в отличие от методов государственного регулирования административного характера, оказывающих всеобщее воздействие на объект управления (например, государственный контроль, государственная регистрация, лицензирование) («первичное» регулирование), при реализации государственных программ используется так называемое «вторичное» регулирование. Аналогичный подход «вторичного» регулирования (т. н. «регуляторная песочница») заложен в основанных на инновационных методах административно-правового регулирования механизмах, в том числе посредством установления административно-правовых режимов: особого правового режима осуществления экономической деятельности [16]; создания особых экономических зон [17], а также такого принципиально нового режима, как экспериментальный правовой режим для разработки и внедрения в Российской Федерации новых технологий [18].

Таким образом, проведенный анализ позволяет говорить об использовании для достижения целей административного реформирования в начале XXI века ряда специально разработанных методов и механизмов административно-правового регулирования. В этом контексте могут быть названы следующие из них: установление новых административно-правовых режимов; широкое применение механизмов разграничения, делегирования и перераспределения полномочий (между субъектами разных уровней управления, внутри системы федеральных органов власти, между государственными и негосударственными органами (организациями, объединениями)). Как о новации в административно-правовом регулировании социально-экономической деятельности можно говорить и о внедрении механизма стратегического планирования, особенность которого состоит в направленности регулирования на конкретный объект путем использования целого комплекса методов воздействия, в том числе административно-правовых. Существенно расширился спектр методов регулирования деятельности по оказанию государственных и муниципальных услуг (государственное управление в сфере оказания государственных услуг) посредством создания механизмом получения обратной связи и оценки качества этой

деятельности, в том числе через создание общественных организаций и органов, наделенных полномочиями по проведению такого контроля и оценки.

На сегодняшний день дискуссионным остается вопрос о наличии оснований для вывода о том, что парадигма государственного управления, государственно-властных отношений или общего подхода к административно-юрисдикционной деятельности изменились. Обоснованно поднимается вопрос о необходимости решения, в первую очередь, политико-правовой задачи по установлению цели государственного регулирования, и только потом определения способов ее (цели) достижения, которые надлежит облекать в правовую форму (в том числе, административно-правовую). Актуальным нам представляется также мнение о необходимости разработки правового прогноза от принятия актов административного права [19]. Вместе с тем, с учетом неординарных событий последнего времени, законодательной регламентации правового регулирования единой системы публичной власти справедливо поставить и вопрос о том, достаточным ли является использование в числе административно-правовых инструментов государственного управления императивных методов регулирования и необходимости разработки их расширенного арсенала.

Литература и источники

1. Запольский С.В. Предприятие и реформы управления экономикой: уроки прошлого // Публичное право сегодня. 2020. № 4. С. 93-104.
2. Проблемы социально-экономического и политического развития России/ Отв. ред. Н.Ю. Хаманева. М.: Юристъ, 2001.
3. Зайковский В.Н. «Сервисное государство»: новая парадигма или современная технология государственного управления? // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. Т. 10. № 24 (261). С. 18-28.
4. Комаровский В.С. Административная реформа в Российской Федерации// Полис. Политические исследования. 2005. № 4. С. 172-178.
5. Салищева Н., Абросимова Е. Административная реформа и административный процесс в России // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 3 (52). С. 149-162.
6. Глазунова И.В., Бондаренко А.А. Взаимодействие органов публичной власти города Москвы и муниципальных образований при реализации государственных полномочий (административно-правовой аспект) // Муниципальная академия. 2019. № 3. С. 16-20.
7. Петухов Р.В. Развитие территорий муниципальных образований: проблема баланса интересов // Доклад о состоянии местного самоуправления в Российской Федерации: Изменение баланса интересов государственной власти и местного самоуправления / Под ред. Е.С. Шугриной. М: Изд-во «Проспект», 2017. С. 14-25.
8. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.10.2005 № 1789-р (ред. от 10.03.2009) «О Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006 - 2010 годах».
9. Барциц И.Н. Понятие «публичная услуга» в контексте Федерального закона № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» и вне его// Государство и право. 2013. № 10. С. 40-51.
10. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики».
11. Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»// <http://pravo.gov.ru/>
12. Федеральный закон от 27.05.2014 № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»// <http://pravo.gov.ru/>
13. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
14. Зубарев С.М. К вопросу об огосударствлении местного самоуправления// Lex Russica. 2018. № 12 (145). С. 83-89.
15. Не барьер, а грань сопряжения: Научный доклад об актуальных проблемах и перспективах развития современной отечественной модели разграничения полномочий между региональным и муниципальным уровнями власти / В. В. Балытников, А. А. Горбылёв, Е. Н. Михайлов и др. М.: ИИУ МГОУ, 2019. 28 с.
16. Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации»// <http://pravo.gov.ru/>
17. Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации»// <http://pravo.gov.ru/>
18. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»// <http://pravo.gov.ru/>
19. Гришковец А.А. Проблема так называемого «административно-деликтного права»/ IX международная научно-практическая конференция «Право и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России». 04.06.2020. г. Москва, РАНХиГС. Доклад.

References and Sources

1. Zapol'skij S.V. Predpriyatie i reformy upravleniya ekonomikoj: uroki proshlogo // Publichnoe pravo segodnya. 2020. № 4. S. 93-104.
2. Problemy social'no-ekonomicheskogo i politicheskogo razvitiya Rossii/ Otv. red. N.Yu. Hamaneva. M.: Yurist", 2001.
3. Zajkovskij V.N. «Servisnoe gosudarstvo»: novaya paradigma ili sovremennaya tekhnologiya gosudarstvennogo upravleniya? // Nacional'nye interesy: prioritety i bezopasnost'. 2014. T. 10. № 24 (261). S. 18-28.
4. Komarovskij V.S. Administrativnaya reforma v Rossijskoj Federacii// Polis. Politicheskie issledovaniya. 2005. № 4. S. 172-178.
5. Salishcheva N., Abrosimova E. Administrativnaya reforma i administrativnyj process v Rossii // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2005. № 3 (52). S. 149-162.
6. Glazunova I.V., Bondarenko A.A. Vzaimodejstvie organov publichnoj vlasti goroda Moskvy i municipal'nyh obrazovaniy pri realizacii gosudarstvennyh polnomochij (administrativno-pravovoj aspekt) // Municipal'naya akademiya. 2019. № 3. S. 16-20.

7. Petuhov R.V. Razvitie territorij municipal'nyh obrazovaniy: problema balansa interesov // Doklad o sostoyanii mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii: Izmenenie balansa interesov gosudarstvennoj vlasti i mestnogo samoupravleniya / Pod red. E. S. SHugrinov. M: Izd-vo «Prospekt», 2017. S. 14-25.
8. Rasporjazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 25.10.2005 № 1789-r (red. ot 10.03.2009) «O koncepcii administrativnoj reformy v Rossijskoj Federacii v 2006 - 2010 godah».
9. Barcic I.N. Ponyatie «publichnaya usluga» v kontekste Federal'nogo zakona № 210-FZ «Ob organizacii predostavleniya gosudarstvennyh i municipal'nyh uslug» i vne ego // Gosudarstvo i pravo. 2013. № 10. S. 40-51.
10. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 07.05.2012 № 597 «O meropriyatiyah po realizacii gosudarstvennoj social'noj politiki».
11. Federal'nyj zakon ot 21.07.2014 № 212-FZ «Ob osnovah obshchestvennogo kontrolya v Rossijskoj Federacii» // <http://pravo.gov.ru/>
12. Federal'nyj zakon ot 27.05.2014 № 136-FZ «O vnesenii izmenenij v stat'yu 26.3 Federal'nogo zakona «Ob obshchih principah organizacii zakonodatel'nyh (predstavitel'nyh) i ispolnitel'nyh organov gosudarstvennoj vlasti sub'ektov Rossijskoj Federacii» // <http://pravo.gov.ru/>
13. Federal'nyj zakon «Ob obshchih principah organizacii mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii» // Spravochnaya pravovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
14. Zubarev S.M. K voprosu ob ogosudarstvenii mestnogo samoupravleniya // Lex Russica. 2018. № 12 (145). S. 83-89.
15. Ne bar'er, a gran' sopryazheniya: Nauchnyj doklad ob aktual'nyh problemah i perspektivah razvitiya sovremennoj otechestvennoj modeli razgranicheniya polnomochij mezhdru regional'nym i municipal'nym urovnymi vlasti / V. V. Balytnikov, A. A. Gorbylyov, E. N. Mihajlov i dr. M.: IU MGOU, 2019. 28 s.
16. Federal'nyj zakon ot 29.12.2014 № 473-FZ «O territoriyah operezhayushchego social'no-ekonomicheskogo razvitiya v Rossijskoj Federacii» // <http://pravo.gov.ru/>
17. Federal'nyj zakon ot 22.07.2005 № 116-FZ «Ob osobyh ekonomicheskikh zonah v Rossijskoj Federacii» // <http://pravo.gov.ru/>
18. Federal'nyj zakon ot 31.07.2020 № 258-FZ «Ob eksperimental'nyh pravovyh rezhimah v sfere cifrovyyh innovacij v Rossijskoj Federacii» // <http://pravo.gov.ru/>
19. Grishkovec A.A. Problema tak nazyvaemogo «administrativno-deliktnogo prava/ IX mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya «Pravo i biznes: pravovoe prostranstvo dlya razvitiya biznesa v Rossii». 04.06.2020. g. Moskva, RANHiGS. Doklad.

ГЛАЗУНОВА ИНЕССА ВЛАДИМИРОВНА - кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук.
GLAZUNOVA, INESSA V. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Senior Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (ginesa@mail.ru).

УДК 342.84

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-1-58-63

ЛУКЬЯНОВА Д.Д., ОГНЕВА Е.А.

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННЫХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: избирательная система, избирательный процесс, представительная демократия, выборы, современные избирательные технологии, цифровизация.

Статья рассматривает исторический опыт развития и функционирования российских представительных учреждений, эволюцию избирательного процесса (от вече до внедрения современных избирательных технологий). Исследуются избирательные технологии нового поколения. Авторы анализируют опыт использования современных избирательных технологий, проблемы их применения. Отмечается, что тормозящим фактором использования информационных технологий выступает отсутствие единого унифицированного нормативного правового акта, который бы регулировал вопросы использования их на выборах, устанавливал общий понятийный аппарат, содержал их полный перечень. Большое количество разрозненных правовых актов и отсутствие единого унифицированного кодекса способствуют росту избирательных споров, при том, что цифровые избирательные технологии по своей природе и так являются менее поддающимися государственному контролю (чем традиционные методы взаимодействия избирателей и власти). По мнению авторов, учитывая рассмотренные существующие риски, государственная стратегия в данной области должна включать меры по корректировке правовых положений в сфере доступа к информации, идентификации пользователей, меры по оценке и предотвращению рисков для демократических процессов, меры по обеспечению необходимой конфиденциальности.

LUKYANOVA, D.D., OGNEVA E.A.

ON THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF MODERN ELECTORAL TECHNOLOGIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Key words: electoral system, electoral process, representative democracy, elections, modern electoral technologies, digitalization.

The article examines the historical experience of the development and functioning of Russian representative institutions, the evolution of the electoral process (from the вече to the introduction of modern electoral technologies). Electoral technologies of a new generation are being investigated. The author analyzes the experience of using modern electoral technologies, problems of their application. It is noted that the inhibitory factor in the use of information technologies is the lack of a single unified regulatory legal act that would regulate the issues of their use in elections, establish a common conceptual apparatus, and contain a complete list of them. A large number of disparate legal acts and the lack of a single unified code contribute to the growth of electoral disputes, despite the fact that digital electoral technologies, by their nature, are less amenable to state control (than traditional methods of interaction between voters and authorities). According to the authors, taking into account the existing risks considered, the state strategy in this area should include measures to adjust the legal provisions in the field of access to information, user identification, measures to assess and prevent risks for democratic processes, and measures to ensure the necessary confidentiality.

Одним из основных критериев демократии является равный доступ граждан к участию в управлении государством посредством формирования государственных органов путем выборов и референдума. Существование современных демократических государств невозможно без внедрения и функционирования в них избирательных систем, которые являются фундаментом для построения государственных органов на федеральном, региональном и местном уровне.

Безусловно, для развития института выборов, государству необходимо не только знать, но и учитывать сложившийся исторический опыт развития избирательных систем.

При этом институтам власти необходимо заботиться о том, чтобы современный избирательный процесс строился на возможностях широкого применения информационных, коммуникационных технологий, которые основаны на ресурсах цифровизации и широкого спектра использования интернет пространства. Электронная демократия является основой для качественного формирования современной модели государственного управления и нового направления развития электоральных отношений.

Многолетний опыт формирования избирательного процесса в современной России является необходимым условием познания современных тенденций развития и поиска результативных политических решений.

Многие историки (Н.И. Костомаров, В.О. Ключевский и пр.) связывали появление представительной демократии еще со временами Древней Руси. Они рассматривали существовавшие в то время государства как волостные земли с центрами в крупных городах, называя их «вечевыми государствами». Задатками представительной демократии в России были народные собрания - вече, включавшие в свой состав всех свободных жителей местности и получившие наиболее широкое распространение во второй половине XI - XII вв. Такие собрания выполняли важные государственные и политические функции: решение вопросов об избрании князей и заключения с ними договоров, регулирующих условия правления; разбирательство судебных дел и контроль за сроками их исполнения; избрание некоторых властных должностей (воевод, посадников); обсуждение торговых отношений с другими областями. После татаро-монгольского ига в большинстве русских земель вече, как элемент народного представительства, перестало существовать.

Важным событием в политической жизни российского государства XVI–XVII веков было появление Земских соборов, сыгравших значительную роль в законотворческой деятельности. Земские соборы являлись представительными собраниями, решавшими важнейшие вопросы внутреннего государственного устройства и внешней политики. Реформы Петра I, повлекшие усиление централизации власти, становление абсолютной монархии упразднили возможность народного волеизъявления, Земские соборы перестали существовать. Однако отдельные избирательные процедуры сохранились. Так, нельзя не отметить попытку созыва съезда народных представителей для разработки свода законов Екатериной II. В своем «Наказе» императрица, руководствуясь идеями западноевропейских мыслителей эпохи просвещения, говорила о необходимости устройства русского общества сословно, при сохранении самодержавия. Однако попытка следования западноевропейским либеральным идеям не была успешной, созданная комиссия была ликвидирована [1, с. 173].

Отмена крепостного права послужила толчком к изменениям в российском обществе. Предпринятые в 1864 и 1870 годах земская и городская реформы позволили земствам и населению городов меньше зависеть от центра в хозяйственных вопросах. Важным аспектом для избирательной системы стала возможность выборов в органы местного самоуправления по трем куриям, а также введения городского управления – выборной Городской Думы. Однако участия в политической жизни страны эти структуры фактически не принимали.

Появление Государственной Думы в 1905 году, издание манифеста Николая II «Об усовершенствовании государственного порядка» положило начало нового этапа в развитии избирательной системы российского государства. В стране начала складываться многопартийная система, а у населения стали появляться реальные политические права. Несмотря на то, что российскому парламенту была отведена роль согласительного органа по отношению к самодержавию, такой опыт положил начало построению механизма власти, позволяющего наиболее полно учитывать интересы населения.

Новым этапом развития избирательной системы, наступившим после падения СССР и советской демократии, стало реформирование российского государства с 1993 года по 1995 год. Именно в этот период законодатель закрепляет важнейшие принципы выборов: всеобщее равное избирательное право при тайном голосовании. Порядок организации выборов Президента России, депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации также становится регламентирован законодателем [2, с. 10].

Основу вышеуказанных преобразований составили следующие нормативные акты:

- Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ;
- Федеральный закон «О выборах Президента Российской Федерации» от 10.01.2003 г. № 19-ФЗ;
- Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 22.02.2014 г. № 20-ФЗ; и другие.

В современной России избирательное законодательство является одним из самых меняющихся и нестабильных. Связано это с непрекращающимися демократическими преобразованиями, направленными на реализацию конституционных основ, с укреплением существующего политического режима, развитием гражданского общества, являющегося неотъемлемым атрибутом правового государства. Важную роль в этом процессе играет цифровизация. Цифровые площадки на сегодняшний день стали глобальной сферой для удовлетворения широкого спектра интересов населения, в рамках которой стала возможной реализация большинства конституционных прав граждан. Интернет становится важным способом осуществления власти народом и участия в политической жизни государства [3, с. 17]. В целом, в основе эволюции российского избирательного процесса лежит применение современных информационно-коммуникационных технологий, открывающих новые способы взаимодействия публичной власти с населением.

Россия на сегодняшний день уже имеет успешный опыт внедрения инноваций при проведении голосования. Выборы Президента РФ в 1996 году стали первым опытом внедрения электронных средств голосования. На 45 избирательных участках в городе Москва были использованы сканеры избирательных бюллетеней, которые позволили осуществить подсчет голосов избирателей, исключая человеческий фактор. Однако такой подсчет носил предварительный характер, поскольку не был закреплен законодательно [4, с. 148].

В период 90-х годов впервые законодательно были закреплены основы применения электронных возможностей в проведении выборов. Была создана государственная автоматизированная система «Выборы» (ГАС «Выборы»), которая представляет собой систематизированный механизм, предназначенный для сбора, передачи, обработки и хранения информации о выборах и результатах голосования, а также для решения задач, не связанных с выборами и референдумом. Создание данной системы стало серьезным шагом на пути цифровизации избирательного процесса.

В 2000-е годы в избирательный процесс активно продолжали внедряться новые технологические средства. Появился комплекс обработки избирательных бюллетеней (КОИБ), который предназначен для автоматизированного подсчета голосов избирателей, участников референдума при проведении выборов и референдумов всех уровней, в соответствии с действующим законодательством; печати протокола участковой избирательной комиссии, комиссии референдума об итогах голосования. В 2006 году стали применяться комплексы для электронного голосования (КЭГ), суть которых заключается в том, что избиратель не заполняет бумажный бюллетень, а голосует на сенсорном дисплее.

Избирательная система нуждалась в дальнейшем реформировании, направленным на демократизацию и открытость электоральных процессов. Перед государством стояла необходимость вовлечения избирателей в выборы, повышения прозрачности избирательных процедур. Безусловно, решение таких задач облегчает освоение научно-технических достижений.

В настоящее время есть все основания говорить о качественно новом этапе в развитии избирательной системы – этапе цифровизации и технологического переоснащения, о чем свидетельствует возрастающий интерес граждан к нетрадиционным формам голосования.

Одной из национальных целей Российской Федерации до 2030 года является цифровая трансформация, одним из направлений реализации которой выступает достижение «цифровой зрелости» в сфере государственного управления. В этой связи особого внимания заслуживает эксперимент 2019 года по проведению выборов депутатов Московской городской Думы седьмого созыва, законодательной основой которого стал Федеральный закон «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва». Наряду с традиционной формой

голосования, появилась возможность в трех избирательных округах города Москвы для волеизъявления граждан с помощью дистанционного электронного голосования (способ голосования с использованием специальных программ, без использования бумажного бюллетеня). Гражданину, решившему участвовать в роли избирателя посредством дистанционного электронного голосования, было необходимо предварительно подать электронную заявку, а также иметь подтвержденную учетную запись на портале «ГосУслуги». Порядок электронного голосования аналогичен традиционной форме: избиратель также ставит необходимый знак напротив выбранного кандидата, после чего бюллетень обрабатывается с помощью технологии блокчейн.

Важное значение в истории применений современных избирательных технологий имеет прошедшее с 25 июля по 1 июня 2020 года всенародное голосование по поправкам к Конституции. Конституция Российской Федерации является фундаментом для всей российской правовой системы, закладывая основы для функционирования государства и общества в целом. В этой связи перед конституционным законодателем, впервые наметившим столь серьезные текстуальные корректировки, стояла задача разработки комплексного и сбалансированного подхода для реализации таких преобразований.

Референдум по поправкам в Конституцию РФ 2020 года сам по себе являлся сложным организационным процессом, в котором особо важно соблюдение базовых демократических принципов голосования, а непростая эпидемиологическая обстановка внесла свои сложности в процедуру голосования, ведь помимо соблюдения указанных принципов, перед государством стояла задача обеспечения здоровья для населения. Законодатель впервые ввел возможность проведения общероссийского голосования с использованием дистанционного электронного голосования. Примечательно также, что впервые на законодательном уровне был раскрыт сам термин дистанционное электронное голосование. Обратим внимание на то, что ранее законодателем, наряду с традиционными формами голосования, был назван способ проведения выборов с помощью дистанционного электронного голосования, за исключением проведения референдумов по Конституции.

Дистанционное волеизъявление стало возможным в качестве экспериментальной площадки для жителей следующих регионов: Москва и Нижний Новгород. Согласно Постановлению Центральной избирательной комиссии РФ, возможность применения дистанционного электронного голосования устанавливается по решению избирательной комиссии субъекта РФ, согласованному с ЦИК России. Согласно данным опроса, проведенным Всероссийским центром изучения общественного мнения перед голосованием по поправкам к Конституции, более половины российских граждан предпочли голосование через интернет, а треть россиян отдали предпочтение электронному голосованию вместо традиционной формы [5, с. 22]. Удачный опыт применения современных технологий на выборах, повышение вовлеченности населения в избирательный процесс показывают государству важность развития данного направления.

Сентябрьские выборы 2021 года в Государственную Думу РФ предоставили возможность онлайн голосования сразу семи регионам страны. Такое масштабное использование нетрадиционных форм голосования было впервые в Российской Федерации. В этой связи перед государством стояла задача обеспечения гарантированных гражданам избирательных прав, обеспечение фундаментальных демократических принципов голосования.

Нельзя не учесть, что современные избирательные технологии влекут и угрозы конфиденциальности, целостности и доступности информации при её обработке в автоматизированной системе. Исчерпывающий перечень существующих актуальных угроз приведен в «Модели угроз и нарушителя безопасности информации, обрабатываемой в программно-техническом комплексе дистанционного электронного голосования» [6, с. 72].

Таким образом, можно заключить, что дальнейшая модернизация избирательного процесса невозможна без учета отечественного исторического опыта развития и функционирования представительных учреждений. Отмеченные этапы становления российской избирательной системы - от вече до внедрения современных избирательных технологий, - безусловно, учитываются государством для поиска результативных политических решений.

Дальнейшее развитие российской избирательной системы неразрывно связано с применением информационно-коммуникационных технологий. Использование современных

избирательных технологий не стоит рассматривать как способ разрешения существующих проблем в сфере избирательного права. Более актуальным будет рассмотрение их как метода усовершенствования и оптимизации избирательных механизмов. В основе внедрения любых инноваций в избирательные правоотношения лежат все те же фундаментальные принципы правового демократического государства.

Внедряемые современные способы голосования и подсчета голосов избирателей дают больше возможностей для реализации гражданами своего активного избирательного права. Повышение интереса к политической жизни у населения, большая явка граждан на голосовании, дают основания полагать, что происходящие изменения в избирательном процессе являются правильным вектором в развитии и укреплении демократии.

Тормозящим фактором использования информационных технологий выступает отсутствие единого унифицированного нормативного правового акта, который бы регулировал вопросы использования их на выборах, устанавливал общий понятийный аппарат, содержал их полный перечень. Большое количество разрозненных правовых актов и отсутствие единого унифицированного кодекса способствуют росту избирательных споров, при том, что цифровые избирательные технологии по своей природе и так являются менее поддающимися государственному контролю (чем традиционные методы взаимодействия избирателей и власти).

Мнения о необходимости принятия целостного унифицированного нормативного акта в области избирательного права все чаще высказываются учеными правоведами. По нашему мнению, целесообразно выделение отдельной главы в Федеральном законе № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», которая бы закрепила аспекты использования информационных технологий в избирательном процессе. Также мы видим актуальным систематизацию разрозненных Постановлений ЦИК в области внедрения информационных технологий в единый законодательный акт.

Специальный Комитет, занимающийся вопросами электронной демократии в Европе – SANDE, в своих рекомендациях государствам-участникам Совета Европы отмечает важность разработки государствами необходимых положений, регламентирующих правила использования и внедрения информационных технологий, включая должное образование для вовлечения всех слоев общества в развитие электронной демократии [7].

На наш взгляд, учитывая рассмотренные существующие риски, государственная стратегия в данной области должна включать меры по корректировке правовых положений в сфере доступа к информации, идентификации пользователей, меры по оценке и предотвращению рисков для демократических процессов, меры по обеспечению необходимой конфиденциальности.

Литература и источники

1. Савенкова В.Л. История развития народного представительства в дореволюционной России // Вестник Военного университета. 2018. № 4 (24).
2. Чимаров Н.С. Проблемы реализации правовых избирательных стандартов новых технологий голосования в Российской Федерации и зарубежных странах: конституционно-правовое исследование. Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. СПб., 2017.
3. Клычев Р.А. Информационно-коммуникационная сеть Интернет как средство реализации конституционных прав граждан // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 5.
4. Федоров В.И., Ежов Д.А. Эволюция электронного голосования в России: проблемы классификации и периодизации // Вестник Московского государственного областного университета. 2021. № 1.
5. Эволюция избирательного законодательства в современной России // Доклад Ассоциации независимого общественного мониторинга. М., 2021.
6. Горюнов В.С. История и перспективы развития избирательной системы Российской Федерации // Проблемы науки. 2019. № 1 (35).
7. Рекомендации Комитета министров Совета Европы CM/Rec (2009) 1 государствам-участникам Совета Европы по электронной демократии и пояснительная записка. Приняты Комитетом министров 18 февраля 2009г. на 1049-м собрании заместителей министров. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cikrf.ru/international/recommend.doc> (дата обращения: 02.09.2021).

Literature and Sources

1. Savenkova V.L. Istoriya razvitiya narodnogo predstavitel'stva v dorevolucionnoy Rossii // Vestnik Voennogo universiteta. 2018. № 4 (24).
2. Chimarov N.S. Problemy realizacii pravovyh izbiratel'nyh standartov novyh tekhnologij golosovaniya v Rossijskoj Federacii i zarubezhnyh stranah: konstitucionno-pravovoe issledovanie. Avtoref. dis. ...kand. yurid. nauk. SPb., 2017.
3. Klychev R.A. Informacionno-kommunikacionnaya set' Internet kak sredstvo realizacii konstitucionnyh prav grazhdan // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2020. № 5.
4. Fedorov V.I., Ezhov D.A. Evolyuciya elektronnoy golosovaniya v Rossii: problemy klassifikacii i periodizacii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. 2021. № 1.
5. Evolyuciya izbiratel'nogo zakonodatel'stva v sovremennoj Rossii // Doklad Associacii nezavisimogo obshchestvennogo monitoringa. M., 2021.
6. Goryunov V.S. Istoriya i perspektivy razvitiya izbiratel'noj sistemy Rossijskoj Federacii // Problemy nauki. 2019. № 1 (35).

7. Rekomendacii Komiteta ministrov Soveta Evropy CM/Rec (2009) 1 gosudarstvam-uchastnikam Soveta Evropy po elektronnoj demokracji i royasnitel'naya zapiska. Prinyaty Komitetom ministrov 18 fevralya 2009g. na 1049-m sobranii zamestitelej ministrov. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.cikrf.ru/international/recommend.doc> (data obrashcheniya: 02.09.2021).

ЛУКЬЯНОВА ДАРЬЯНА ДМИТРИЕВНА - аспирант кафедры конституционного, административного и уголовного права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Среднерусский институт управления – филиал (Россия, г. Орел) (2010913@rambler.ru).

ОГНЕВА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат юридических наук, доцент, кафедра конституционного, административного и уголовного права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Среднерусский институт управления – филиал (Россия, г. Орел).

LUKYANOVA, DARYANA D. – Ph.D. student, Department of Constitutional, Administrative and Criminal Law, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Central Russian Institute of Management - branch (Russia, Orel) (2010913@rambler.ru).

OGNEVA, ELENA A. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Constitutional, Administrative and Criminal Law, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Central Russian Institute of Management – branch (Russia, Orel) (ogneva-elena@yandex.ru).

УДК 342.849.2

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-1-63-67

КОВТУН О.А., ТЕРЕЩЕНКО Н.Д., НЕТИШИНСКАЯ Л.Ф.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНСТИТУТА ПРЕДВЫБОРНОЙ АГИТАЦИИ В УСЛОВИЯХ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Ключевые слова: конституционное развитие, закон о поправках к Конституции РФ, органы публичной власти, избирательное законодательство, информационное обеспечение выборов, информирование выборов, предвыборная агитация, информационные технологии, сроки агитационного периода, юридическая ответственность.

В статье исследуются вопросы совершенствования института предвыборной агитации в современных условиях развития конституционно-правовых и организационных основ функционирования органов публичной власти, а также рассматриваются социальные и информационно-технологические факторы, влияющие на формы и методы проведения предвыборной агитации, вопросы юридической ответственности за нарушение норм, регламентирующих данную стадию избирательного процесса. Новизна статьи состоит в том, что анализируются новеллы правового регулирования проведения предвыборной агитации, установленные после принятия Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», который определяет новый этап в развитии российского избирательного законодательства и сделан вывод об обоснованности и целесообразности внесенных изменений в соответствующие нормы.

KOVTUN, O.A., TERESHCHENKO, N.D., NETISHINSKAYA, L.F.

IMPROVING THE INSTITUTE OF PRE-ELECTION CAMPAIGN IN CONDITIONS OF CONSTITUTIONAL CHANGES

Key words: constitutional development, law on amendments to the Constitution of the Russian Federation, public authorities, electoral legislation, information support for elections, informing elections, election campaigning, information technology, terms of the campaign period, legal responsibility.

The article examines the issues of improving the institution of election campaigning in modern conditions of development of the constitutional, legal and organizational foundations for the functioning of public authorities, as well as social and information technology factors that affect the forms and methods of conducting election campaigning, issues of legal liability for violation of norms governing this stage of the electoral process. The novelty of this study lies in the fact that it analyzes the novelties of the legal regulation of the election campaign, established after the adoption of the Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 No. 1-FKZ "On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authority", which defines a new stage in the development of the Russian electoral legislation and a conclusion is made about the validity and expediency of the changes made to the relevant norms.

Предвыборная агитация, являющаяся важнейшей стадией избирательного процесса, выступает гарантией реализации гражданами Российской Федерации их конституционных прав на участие в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей, в том числе права избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме.

Институт предвыборной агитации в российском избирательном праве в начальный период своего становления включал незначительное количество правовых норм. С принятием Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [2] на законодательном уровне стал формироваться качественно новый институт информационного обеспечения выборов, включающий нормы, регламентирующие информирование избирателей и предвыборную агитацию, который прошел несколько этапов своего становления. Как отмечает С.А. Авакьян: «Избирательное законодательство нацеливает соответствующих участников избирательного процесса, прежде всего на обеспечение граждан достоверной и объективной информацией о выборах» [11, с. 277]. С момента принятия вышеуказанного федерального закона, нормы избирательного права,

регламентирующие предвыборную агитацию, постоянно развивались, дополнялись новыми положениями. Продолжают они совершенствоваться и в современный период конституционного развития российского государства, конституционно-правовых основ организации государственной и муниципальной власти.

Исследование института предвыборной агитации в настоящее время обоснованно и приобретает актуальный характер в связи с проведением в России конституционных преобразований, принятием Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 г. №1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [1], который направлен на усиление конституционных начал в формировании и деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, объединенных в единую систему публичных органов власти.

Законодатель определяет предвыборную агитацию как деятельность, осуществляемую в период избирательной кампании с целью побудить избирателей к голосованию за кандидата (кандидатов, список, списки кандидатов или против них). Посредством агитации происходит формирование политико-правового сознания электората, повышается активность их участия в процедуре голосования и, в конечном счете, агитация влияет на выбор избирателями народных представителей. Поэтому, нормы избирательного права, регламентирующие порядок проведения предвыборной агитации, должны предусматривать эффективные формы и методы ее проведения, учитывать социальные реальности и общественные интересы, практику широкого использования информационных технологий, достижения науки и техники, что будет способствовать усилению демократических начал в избирательных отношениях, обеспечит объективность и последовательность избирательной кампании, истинное народное представительство.

Нормативное закрепление информационного обеспечения выборов, выделение относительно самостоятельных групп правовых норм, определяющих правила проведения информирования избирателей и предвыборной агитации, было обусловлено участием в избирательном процессе значительного круга субъектов, применением новых форм и методов предвыборной агитации, расширением той информации, которая может быть или должна быть доведена до сведения избирателей, необходимостью установления требований и ограничений к данной информации. По мнению отдельных авторов, «предвыборная агитация, агитация по вопросам референдума является субинститутом института информационного обеспечения избирательного (референдумного) процесса, представляющим собой совокупность правовых норм, регламентирующих порядок агитационной деятельности в период избирательной кампании, кампании референдума» [12, с. 75].

Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5] внес ряд изменений в федеральные законы о выборах, об информации, информационных технологиях и о защите информации, касающихся порядка проведения предвыборной агитации, а также в нормативные акты, устанавливающие юридическую ответственность за нарушение правил агитации.

Прежде всего, следует отметить, что расширены методы предвыборной агитации, которая теперь может проводиться посредством изготовления и распространения, в том числе в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет», печатных, аудиовизуальных и других агитационных материалах. Законодателем был дополнен и урегулирован информационный ресурс, используемый при проведении предвыборной агитации, такой как «информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть «Интернет»», а «выпуск» и «распространение» печатных, аудиовизуальных и других агитационных материалов был заменен на «изготовление» и «распространение» указанных материалов.

Одновременно Центральная избирательная комиссия РФ наделена правом устанавливать особенности изготовления и (или) распространения агитационных материалов, с учетом требований российского законодательства о выборах. Соответствующие избирательные комиссии в порядке, установленном Центральной избирательной комиссией РФ, вправе обращаться в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи, с представлением о пресечении распространения в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», агитационных материалов,

изготовленных и (или) распространяемых с нарушением требований законодательства Российской Федерации о выборах и референдумах.

Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [3] и постановление Центральной избирательной комиссии РФ «О порядке обращения избирательных комиссий с представлением о пресечении распространения в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», агитационных материалов, информации, нарушающих законодательство Российской Федерации о выборах и референдумах» [9] урегулировали процедуру обращения соответствующими избирательными комиссиями в Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций с представлением о пресечении распространения в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», агитационных материалов, изготовленных и (или) распространяемых с нарушением требований законодательства Российской Федерации о выборах и референдумах, информации, распространяемой с нарушением законодательства Российской Федерации о выборах и референдумах и последовательный порядок действий указанного федерального органа исполнительной власти после такого обращения соответствующей избирательной комиссии с представлением о пресечении распространения агитационных материалов, изготовленных и (или) распространяемых с нарушением требований избирательного законодательства РФ.

15 июня 2021 года Центральная избирательная комиссия РФ и Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций заключили соглашение о сотрудничестве, которое предусматривает обмен сведениями в период подготовки и проведения выборов, а также взаимодействие при обращениях избирательных комиссий с представлением о пресечении распространения в Интернете агитационных соглашений, изготовленных или распространяемых с нарушением законодательства [10].

Федеральным законом «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [4] были расширены и ужесточены санкции за нарушение правил предвыборной агитации. Так, увеличен штраф для граждан, должностных лиц, юридических лиц за агитацию вне агитационного периода и в местах, где её проводить запрещено законодательством о выборах, за изготовление или распространение в период подготовки и проведения выборов печатных, аудиовизуальных и иных агитационных материалов с нарушением требований, установленных законодательством о выборах, за размещение печатных агитационных материалов в местах, где это запрещено федеральным законом, либо за размещение этих материалов на объектах без разрешения собственников или владельцев указанных объектов.

Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7] установил определенные требования для кандидата, являющегося физическим лицом, выполняющим функции иностранного агента, кандидата, аффилированного с выполняющим функции иностранного агента лицом.

Агитационный материал должен содержать информацию о том, что данный кандидат является физическим лицом, выполняющим функции иностранного агента, либо кандидатом, аффилированным с выполняющим функции иностранного агента лицом. Агитационный материал избирательного объединения, выдвинувшего на соответствующих выборах кандидата (в том числе в составе списка кандидатов), который является физическим лицом, выполняющим функции иностранного агента, либо кандидатом, аффилированным с выполняющим функции иностранного агента лицом, должен содержать информацию о том, что избирательным объединением выдвинут (в том числе в составе списка кандидатов) такой кандидат. Данная информация должна быть ясно видимой (ясно различаемой на слух) и занимать не менее 15 процентов от площади (объема) агитационного материала.

В случае участия в совместном агитационном мероприятии данной категории кандидатов их выступление должно предваряться (сопровождаться) информацией о том, что данный кандидат является физическим лицом, выполняющим функции иностранного агента, либо кандидатом, аффилированным с выполняющим функции иностранного агента лицом.

В размещаемых в периодических печатных изданиях агитационных материалах, во всех агитационных материалах кандидата, являющегося физическим лицом, выполняющим функции иностранного агента, кандидата, аффилированного с выполняющим функции иностранного агента

лицом, или избирательного объединения, выдвинувшего на соответствующих выборах такого кандидата или кандидатов, в том числе в составе списка кандидатов, должна помещаться информация об этом в обязательном порядке.

Законодатель конкретизировал срок с которого начинается агитационный период на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ по одномандатному избирательному округу для кандидата, выдвинутого в порядке самодвижения и кандидата, выдвинутого политической партией. В первом случае агитационный период начинается со дня представления кандидатом в окружную избирательную комиссию заявления о согласии баллотироваться, а во втором, со дня представления кандидатом в окружную избирательную комиссию необходимых документов, указанных в частях 1 и 4 статьи 43 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» [6]. Сложная ситуация, связанная с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой, вызвала необходимость обеспечить безопасность избирателей, обусловила целесообразность проведения голосования в течение нескольких дней. Одновременно возник вопрос о сроке прекращения предвыборной агитации при проведении многодневного голосования.

По общему правилу проведение предвыборной агитации прекращается в день, предшествующему дню голосования. Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [8] было установлено, что, если избирательная комиссия, организующая выборы, примет решение о проведении голосования в течение нескольких дней подряд, то в этом случае агитация прекращается в ноль часов по местному времени первого дня голосования.

Анализ современных норм российского избирательного законодательства, регламентирующих предвыборную агитацию как стадию избирательного процесса, позволяет сделать вывод о поступательном реформировании института предвыборной агитации с учетом развития информационных технологий, социальных условий, повышения политической активности электората, более активного участия граждан в выборах органов государственной власти и органов местного самоуправления, обеспечивая тем самым конституционные основы народовластия. Совершенствование избирательного законодательства позволяет обеспечить условия для соблюдения всеми участниками избирательного процесса правовых норм, регулирующих предвыборную агитацию, дает возможность пресечь действия недобросовестных участников избирательных кампаний, использующих информационные избирательные технологии, нарушающие российское законодательство о выборах.

Вместе с тем, многочисленные изменения избирательного законодательства, регламентирующего общественные отношения, в том числе в сфере предвыборной агитации, не исключают возможности возникновения на практике спорных вопросов [13, с. 26].

Литература и источники

1. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ // СЗ РФ. 2020. № 24. Ст. 2253.
2. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.
3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149 (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.03.2021 г.) // СЗ РФ. 2006. № 31. Ч. 1. Ст. 3448.
4. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 09.03.2021 г. № 37-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>
5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 09.03.2021 г. № 43-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>
6. О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 22.02.2014 №20 – ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>
7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 20.04.2021 г. № 91-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>
8. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30.04.2021 г. № 115-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>
9. О порядке обращения избирательных комиссий с представлением о пресечении распространения в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», агитационных материалов, информации, нарушающих законодательство Российской Федерации о выборах и референдумах: Постановление ЦИК РФ от 16 июня 2021 г. № 10/84-8 // Вестник ЦИК России. 2021. № 6.
10. Соглашение о порядке взаимодействия Центральной избирательной комиссии РФ, избирательных комиссий субъектов РФ, избирательных комиссий муниципальных образований, избирательных комиссий, организующих выборы в органы публичной власти федеральных территорий, и Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий

и массовых коммуникаций, ее территориальных органов // Официальный сайт ЦИК РФ: <http://www.cikrf.ru/activity/docs/agreements/government/soglashenie-sluzhba-po-nadzoru.php> (дата обращения 13.10.2021 г.)

11. Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособие: в 2-т. М., 2014. Т. 2.

12. Большаков С.В., Головин А.Г. Информационное обеспечение выборов и референдумов в Российской Федерации. М., 2007.

13. Ковтун О.А., Терещенко Н.Д. Роль Конституционного Суда РФ в формировании института информационного обеспечения выборов // Очерки новейшей камералистики. 2015. № 4.

References and Sources

1. O sovrshenstvovanii regulirovaniya otdel'nykh voprosov organizatsii i funkcionirovaniya publichnoy vlasti: Zakon RF o popravke k Konstitutsii RF ot 14.03.2020 g. № 1-FKZ // SZ RF. 2002. № 24. St. 2253.
2. Ob osnovnykh garantiyakh izbiratel'nykh prav i prava na uchastie v referendume grazhdan Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 12.06.2002 g. № 67-FZ // SZ RF. 2002. № 24. St. 2253.
3. Ob informacii, informacionnykh tekhnologiyah i o zashchite informacii: Federal'nyj zakon ot 27.07.2006 g. № 149 (s izm. i dop., vstup. v silu s 20.03.2021 g.) // SZ RF. 2006. № 31. CH. 1. St. 3448.
4. O vnesenii izmenenij v Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnykh pravonarusheniyah: Federal'nyj zakon ot 09.03.2021 g. № 37-FZ // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii <http://pravo.gov.ru>
5. O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 09.03.2021 g. № 43-FZ // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii <http://pravo.gov.ru>
6. O vyborah deputatov Gosudarstvennoj Dумы Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon RF ot 22.02.2014 №20 – FZ // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii <http://pravo.gov.ru>
7. O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 20.04.2021 g. № 91-FZ // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii <http://pravo.gov.ru>
8. O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 30.04.2021 g. N 115-FZ // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii <http://pravo.gov.ru>
9. O poryadke obrashcheniya izbiratel'nykh komissij s predstavleniem o presechenii rasprostraneniya v informacionno-telekommunikacionnykh setyah, v tom chisle v seti «Internet», agitacionnykh materialov, informacii, narushayushchih zakonodatel'stvo Rossijskoj Federacii o vyborah i referendumah: Postanovlenie CIK RF ot 16 iyunya 2021 g. № 10/84-8 // Vestnik CIK Rossii. 2021. № 6.
10. Soglashenie o poryadke vzaimodejstviya Central'noj izbiratel'noj komissii RF, izbiratel'nykh komissij sub"ektov RF, izbiratel'nykh komissij municipal'nykh obrazovaniy, izbiratel'nykh komissij, organizuyushchih vybory v organy publichnoy vlasti federal'nykh territorij, i Federal'noj sluzhby po nadzoru v sfere svyazi, informacionnykh tekhnologij i massovykh kommunikacij, ee territorial'nykh organov // Oficial'nyj sajt CIK RF: <http://www.cikrf.ru/activity/docs/agreements/government/soglashenie-sluzhba-po-nadzoru.php> (data obrashcheniya 13.10.2021 g.)
11. Avak'yan S.A. Konstitucionnoe pravo Rossii. Uchebnyj kurs: ucheb. posobie: v 2-t. M., 2014. T. 2.
12. Bol'shakov S.V., Golovin A.G. Informacionnoe obespechenie vyborov i referendumov v Rossijskoj Federacii. M., 2007.
13. Kovtun O.A., Tereshchenko N.D. Rol' Konstitucionnogo Suda RF v formirovanii instituta informacionnogo obespecheniya vyborov // Oчерки novejshej kameralistiki. 2015. № 4.

КОВТУН ОЛЬГА АНДРЕЕВНА – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Кубанского государственного университета (Olgakovtyn@rambler.ru)

ТЕРЕЩЕНКО НАТАЛИЯ ДМИТРИЕВНА – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Кубанского государственного университета (tereshenko23@mail.ru)

НЕТИШИНСКАЯ ЛЮБОВЬ ФЕДОРОВНА – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и предпринимательского права Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина (lfn2020@mail.ru).

KOVTUN, OLGA A. – Ph.D. in Law, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Kuban State University (Olgakovtyn@rambler.ru).

TERESHCHENKO, NATALIA D. – Ph.D. in Law, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Kuban State University (tereshenko23@mail.ru).

NETISHINSKAYA, LYUBOV F. – Ph.D. in Law, Associate Professor of the Department of International Private and Business Law of the Kuban State Agrarian University. I.T. Trubilin (lfn2020@mail.ru).

УДК 342.9

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-1-67-71

ЛЕОНОВ Д.В.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ЗА ПРИНЯТИЕ НЕПРАВОМЕРНЫХ АКТОВ

Ключевые слова: административная ответственность, должностное лицо, правовой акт, защита прав и свобод граждан.

Статья посвящена исследованию проблемы законодательной регламентации юридической ответственности должностных лиц за принятие актов, нарушающих права физических и юридических лиц. Автор предлагает установить административную ответственность для должностных лиц, по чьей вине были приняты правовые акты, признанные вступившим в законную силу судебным решением незаконными и нарушающими права и свободы граждан и организаций. Показано, что привлечение виновных должностных лиц к административной ответственности может существенно упростить дальнейшую защиту прав граждан в порядке гражданского судопроизводства. В таком случае у гражданина будет веское доказательство нарушения его имущественных и (или) личных неимущественных прав неправомерным актом, принятым должностным лицом. Более того, если факт административного правонарушения со стороны должностного лица будет установлен судом, в гражданском судопроизводстве он может быть признан преюдициальным, что существенно упростит восстановление физического или юридических лицом своих прав.

LEONOV, D.V.

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY OF OFFICIALS FOR THE ADOPTION OF UNLAWFUL ACTS

Key words: administrative responsibility, official, legal act, protection of the rights and freedoms of citizens.

The article is devoted to the study of the problem of legislative regulation of the legal responsibility of officials for the adoption of acts that violate the rights of individuals and legal entities. The author proposes to establish administrative responsibility for officials, through whose

fault legal acts which were recognized by a valid court decision as illegal and violating the rights and freedoms of citizens and organizations. It is shown that bringing guilty officials to administrative responsibility can significantly simplify the further protection of the rights of citizens in civil proceedings. In this case, the citizen will have strong evidence of a violation of his property and (or) personal non-property rights by an unlawful act adopted by an official. Moreover, if the fact of an administrative offense on the part of an official is established by the court, in civil proceedings it can be recognized as prejudicial, which will greatly simplify the restoration of rights by an individual or legal entity.

Юридические механизмы защиты прав физических и юридических лиц от неправомерных действий администрации могут обеспечивать превенцию нарушения законности в сфере государственного управления со стороны администрации только при условии реализуемого, а не декларируемого принципа ответственности должностных лиц, принимающих не соответствующие требованиям законодательства решения, либо совершающих незаконные действия (бездействие).

Идея о целесообразности реализации принципа ответственности должностных лиц за принимаемые ими решения неоднократно находила отражение в научной литературе. Однако механизм реализации этого принципа представлялся учеными по-разному. Так, И.В. Панова еще до принятия Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации предлагала установить гражданско-правовую ответственность должностного лица за вред, который был причинен его подчиненным [1, с. 153]. М.Я. Масленников полагал, что руководитель коллегиального органа, который не выразил своего мнения по поводу жалобы, что привело к принятию ошибочного решения по жалобе, должен нести персональную ответственность [2, с. 219-220]. Г.А. Колесников предлагает за принятие незаконных решений привлекать должностных лиц таможенных органов к дисциплинарной ответственности [3, с. 14].

Едва ли можно говорить о том, что признание судом неправомерных актов администрации противоречащими закону может служить действенной превенцией нарушения законности в будущем без персональной ответственности должностных лиц. И если за отдельные нарушения прав и свобод граждан со стороны должностных лиц установлена уголовная или административная ответственность, то за остальные нарушения должностные лица могут нести лишь дисциплинарную ответственность.

В то же время вряд ли есть основания полагать, что дисциплинарная ответственность в нынешнем ее законодательном воплощении предлагает широкий инструментарий для «провинившихся» перед гражданами должностных лиц. Данный вид ответственности пронизан дискреционным усмотрением, а процедура служебной проверки и решение вопроса о назначении взыскания носит в большинстве случаев внутриведомственный характер.

В условиях разнообразия взглядов на решение вопроса о реализации принципа ответственности должностных лиц в сфере принятия административных актов мы считаем необходимым обозначить свою точку зрения по данной проблеме. На наш взгляд, наиболее оптимальным воплощением принципа ответственности должностных лиц за принятие неправомерных правовых актов является *привлечение к административной, а не дисциплинарной ответственности*. Мы можем объяснить нашу позицию несколькими аргументами.

Во-первых, процедура привлечения к дисциплинарной ответственности гражданского служащего начинается со служебной проверки, которую инициирует представитель нанимателя или сам государственный гражданский служащий, в то время как возможность проведения служебной проверки по инициативе гражданина или организации, чьи права, свободы и законные интересы были нарушены, отсутствует. При этом существует ряд мотивов, которые в ряде случаев могут объективно препятствовать привлечению должностных лиц к административной ответственности: например, профессиональная солидарность, «честь мундира». Процедура привлечения государственных служащих к дисциплинарной ответственности оторвана от общественного контроля, а потому не может быть действенной для целей общей и специальной превенции неправомерной правоприменительной деятельности должностных лиц. Едва ли отчуждение самих потерпевших, а также гражданского общества от привлечения виновных должностных лиц может способствовать укреплению авторитета институтов государственной власти и местного самоуправления среди граждан Российской Федерации.

Во-вторых, как справедливо полагает А.В. Сергеев, именно с моральным, а не с материальным воздействием связана существующая в данный момент система дисциплинарных взысканий [4, с. 6]. Действительно, применение взысканий трех типов (замечание, выговор, предупреждение о неполном служебном соответствии) не может обеспечить материальную

мотивацию гражданских служащих к правомерной правоприменительной деятельности. Увольнение с гражданской службы, в свою очередь, является крайней мерой дисциплинарного воздействия, и во многих случаях ее применение будет избыточно суровой карой за ненадлежащее исполнение гражданским служащим должностных обязанностей. Таким образом, действующая система дисциплинарных взысканий не предполагает наличие адекватных мер воздействия, которые могли бы обуславливать материальную мотивацию правомерного поведения должностных лиц.

В-третьих, раздробленность правового регулирования системы государственной службы затрудняет регламентацию дисциплинарной ответственности для должностных лиц, проходящих государственную службу различных типов. Представляется, что ответственность должностных лиц за принятие неправомерных актов, нарушающих права, свободы и законные интересы граждан, должна быть основана на единых подходах вне зависимости от вида государственной службы.

В-четвертых, привлечение должностных лиц за принятие признанных судом неправомерными актов исключительно к дисциплинарной ответственности во многом противоречит целевому назначению данного вида юридической ответственности. Представляется, что основная цель дисциплинарной ответственности – это превенция дальнейшего совершения служебных проступков государственными служащими. То есть назначением дисциплинарной ответственности является выполнение охранительной функции преимущественно к отношениям государственной службы. Вместе с тем принятие неправомерных актов, совершение незаконных действий (бездействия) государственными служащими во многих случаях посягает не только на исполнение их служебных обязанностей, но и на права, свободы и законные интересы физических и юридических лиц. В таком случае принятие должностным лицом неправомерного акта по сути направлено не только против внутриорганизационных административных правоотношений, но и против внешних отношений государственных органов и органов местного самоуправления с физическими и юридическими лицами. В связи с этим, на наш взгляд, привлечение государственных служащих за принятие актов, нарушающих права и свободы физических и юридических лиц, к служебной ответственности не в полной мере отвечает выполнению юридической ответственностью охранительной функции.

В-пятых, привлечение должностных лиц государственных служащих к дисциплинарной ответственности во многом носит дискреционный характер. Даже в случае, если служебная проверка будет возбуждена, и по ее итогам будет принято заключение о наличии оснований для привлечения виновного должностного лица к дисциплинарной ответственности, решение вопроса о наложении на данное лицо дисциплинарного взыскания будет прерогативой представителя нанимателя. Такое положение дел делает вряд ли уместными рассуждения о реальных гарантиях привлечения к персональной ответственности государственных служащих, причастных к нарушению прав физических и юридических лиц.

В-шестых, существенные правовые пробелы института дисциплинарной ответственности государственных служащих во многом усложняют использование данного вида ответственности по отношению к должностным лицам, нарушающим права граждан и организаций. До сих пор на законодательном уровне не установлены формы вины применительно к дисциплинарным проступкам, отягчающие и смягчающие вину обстоятельства совершения дисциплинарного проступка, исчерпывающий перечень оснований для освобождения от дисциплинарной ответственности (в отличие от ответственности административной, по отношению к которой данные вопросы удачно или неудачно были урегулированы федеральным законодателем). Наличие данных обстоятельств существенно усложняет выбор дисциплинарного взыскания, соразмерного совершенному служебному проступку. Пока эти пробелы не устранены можно смело утверждать, что регулирование административной ответственности на законодательном уровне является более полным и детализированным, чем регулирование ответственности дисциплинарной. Представляется, что эти пробелы вполне могут быть восполнены путем внесения соответствующих изменений в законодательство о различных видах государственной службы.

Наконец, среди должностных лиц, принимающих неправомерные акты, которые могут быть признаны судом не соответствующими закону и нарушающими права граждан и организаций, могут быть те, привлечение которых к дисциплинарной ответственности просто

невозможно – например, если речь идет о лицах, занимающих выборные должности, либо о лицах, занимающих государственные должности и силу этого не относящихся к государственной службе.

Напротив, привлечение должностных лиц к административной ответственности за принятие незаконных решений позволит:

1) допустить возможность обращения граждан с заявлением о возбуждении дел об административных правонарушениях в отношении должностных лиц, принявших неправомерные акты (пункт 3 части 1 статьи 28.1. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях);

2) мотивировать гражданских служащих к надлежащему выполнению ими должностных обязанностей с помощью мер материального воздействия, в частности, применения наказания в виде административного штрафа;

3) унифицировать ответственность должностных лиц за принятие неправомерных административных актов вне зависимости от вида государственной службы.

Представляется, что установление административной ответственности за принятие незаконных актов может быть реализовано посредством внесения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях нового состава. Объективная сторона этого состава может быть отражена следующим образом: «Принятие должностным лицом государственного органа, органа местного самоуправления решения (в том числе, решения по жалобе), совершение действия (бездействия), которое повлекло нарушение прав, свобод и законных интересов физических или юридических лиц, при условии, что указанное решение, действие (бездействие) было признано судом незаконным в целом или в части». При этом данный состав, как представляется, должен быть дополнен примечанием следующего содержания: «Должностное лицо коллегиального государственного органа или органа местного самоуправления, голосовавшее против принятия решения (в том числе, решения по жалобе), признанного судом незаконным, освобождается от административной ответственности по настоящей статье».

Возбуждение дела об этом административном правонарушении должно осуществляться прокурором, а рассмотрение дела – районным (городским) судом. Для обеспечения информирования органов прокуратуры о фактах принятия должностными лицами незаконных актов мы считаем необходимым дополнить часть 6 статьи 227 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации положением, согласно которому копия решения о признании судом незаконным решения, действия (бездействия) должна быть направлена в орган прокуратуры по месту нахождения органа (должностного лица), которое приняло незаконное решение, совершило действие (бездействие) для решения вопроса о привлечении виновных должностных лиц к административной ответственности. Это позволит обеспечить информирование прокуратуры о фактах установленного судебным решением нарушения прав физических и юридических лиц со стороны органов и должностных лиц публичной администрации.

При этом у прокурора будет возможность не возбуждать дело об административном правонарушении, если им будет установлено, что в действиях (бездействии) должностного лица, принявшего незаконный акт, отсутствовали признаки вины в форме умысла или неосторожности (например, если нарушение закона при принятии административного акта было обусловлено обстоятельствами непреодолимой силы – стихийными бедствиями, катастрофами, эпидемиями и т.п.). Это позволит подвергать административному преследованию лишь тех должностных лиц, которые действительно приняли неправомерный акт при наличии признаков вины в форме умысла или неосторожности.

Привлечение виновных должностных лиц к административной ответственности может существенно упростить дальнейшую защиту прав граждан в порядке гражданского судопроизводства в целях возмещения труда. В таком случае у гражданина будет веское доказательство нарушения его имущественных и (или) личных неимущественных прав неправомерным актом, принятым должностным лицом. Более того, если факт административного правонарушения со стороны должностного лица будет установлен судом, в гражданском судопроизводстве он может быть признан преюдициальным, что существенно упростит восстановление физическим или юридическим лицом своих прав.

Особо отметим, что привлечение должностных лиц и к административной, и к дисциплинарной ответственности вряд ли можно считать нарушением конституционного принципа недопустимости повторного привлечения к ответственности за одно и то же противоправное деяние. На наш взгляд, виновное принятие должностным лицом, сотрудником государственного органа или органа местного самоуправления незаконного акта, совершение незаконного действия (бездействия) образует сложный юридический состав. С одной стороны, в данном случае действительно наличествует дисциплинарный проступок – неисполнение или ненадлежащее исполнения служебных обязанностей. Вместе с тем здесь можно говорить и о другом деянии – нарушении по умыслу или неосторожности прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц. И за эти деяния должностное лицо должно понести ответственность – дисциплинарную за покушение на служебные отношения, а уголовную (в случае наличия соответствующих последствий) или административную – за нарушение субъективных прав частных лиц. В противном случае вряд ли можно говорить о надлежащей реализации принципа неотвратимости наказания и выполнении охранительной функции механизмами юридической ответственности. Если указанный выше принцип не действует в отношении представителей власти, подрывается доверие граждан к самой власти в целом.

Государственные служащие, иные должностные лица не являются непогрешимыми в силу своего статуса и полномочий. Если их действия или бездействия посягают на высшую ценность Российской Федерации (права и свободы человека и гражданина), они должны неукоснительно нести персональную юридическую ответственность. В противном случае реальный авторитет государственных органов и органов местного самоуправления в обществе вряд ли будет укрепляться в дальнейшем. Административная ответственность должностных лиц за виновное принятие неправомερных актов (в тех случаях, когда акт виновного должностного лица не содержит признаков уголовно наказуемого деяния) может восполнить брешь в механизме превенции нарушения прав граждан со стороны власти. При наличии действенных способов защиты прав и свобод, которые может дать гражданам государство, создаются предпосылки для укрепления авторитета государственных институтов среди граждан Российской Федерации.

Литература и источники

1. Панова И.В. Внесудебный и досудебный порядок рассмотрения административных дел // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 7.
2. Масленников М.Я. Закон об обращениях граждан должен работать эффективно // Закон. 2007. № 11.
3. Колесников Г.А. Соотношение частных и публичных интересов в таможенном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010.
4. Сергеев А.В. Актуальные вопросы ответственности государственных гражданских служащих по административному праву: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

References and Sources

1. Panova I.V. Vnesudebnyj i dosudebnyj poryadok rassmotreniya administrativnyh del // Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii. 2013. № 7.
2. Maslennikov M.Ya. Zakon ob obrashcheniyah grazhdan dolzhen rabotat' effektivno // Zakon. 2007. № 11.
3. Kolesnikov G.A. Sootnoshenie chastnyh i publicznyh interesov v tamozhennom prave: avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2010.
4. Sergeev A.V. Aktual'nye voprosy otvetstvennosti gosudarstvennyh grazhdanskih sluzhashchih po administrativnomu pravu: avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk. M., 2005.

ЛЕОНОВ ДЕНИС ВАЛЕРЬЕВИЧ - кандидат юридических наук, преподаватель кафедры государственного и административного права Института технологий управления, МИРЭА – Российский технологический университет.
LEONOV, DENIS V. – Ph.D. in Law, Lecturer, Department of State and Administrative Law, Institute of Management Technologies, MIREA - Russian Technological University (leonov_d@mirea.ru).

УДК 342.951

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-1-71-77

СТЕПЕНКО В.Е., МОРОЗОВ В.Е.

АТТЕСТАЦИЯ МИЛИТАРИЗОВАННЫХ СЛУЖАЩИХ В КОНЦЕПЦИИ РЕГУЛИРОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Ключевые слова: аттестация, специальные функции, федеральные органы исполнительной власти, милитаризованные служащие, государственная служба, административная реформа.

Миссия института аттестации государственных служащих на современном этапе определяется не только как административно-правовое средство реализации публично-кадровой политики в государственном управлении, но и как организационно-правовой критерий определения степени соответствия государственного служащего занимаемой им должности государственной службы на основе оценки его профессиональной (служебной) деятельности. В статье авторами поднимается проблема отсутствия правовой характеристики специальных функций в федеральном государственном управлении. Исходя из перечня сфер осуществления

специальных функций, авторы приходят к выводу о соотношении развития аттестационных отношений милитаризованных служащих к совершенствованию специальных функций, что формулируется как концепция их правового регулирования.

STEPENKO, V.E., MOROZOV, V.E.

ATTESTATION OF THE MILITARIZED SERVANTS IN THE REGULATION CONCEPT OF SPECIAL FUNCTIONS OF THE FEDERAL EXECUTIVE AGENCIES

Key words: attestation; special functions; federal executive agencies; militarized servants; state service; administrative reform.

The mission of the institution of attestation of state servants at the present stage is defined as an administrative and legal means of implementing not only public personnel policy in public administration or an organizational and legal criterion for determining the degree of compliance of a civil servant with his state service position based on an assessment of his professional (official) activities. In this article, the authors raise the problem of the lack of a legal characteristic of special functions in federal public administration. Based on the list of areas for the implementation of special functions, the authors come to the conclusion about the relationship between the development of attestation relations of militarized employees and the improvement of special functions, which is formulated as the concept of their legal regulation

Необходимо отметить, что одним из факторов проведения административной реформы стала проблема «функциональной размытости» федеральных органов исполнительной власти (ФОИВ), которая за собой влечет несогласованность действий, дублирование полномочий, отсутствие взаимодействия. Предложенный способ формирования системы федеральных органов исполнительной власти на основе выделения специализированных функций органов был закреплен Указом Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 [1]. Основным критерием образования федеральных органов исполнительной власти являются осуществляемые ими функции. Однако и указанный правовой акт не смог определить все характеристики предложенных им же функций. В частности, это относится и к описанию «специальных функций в области обороны, государственной безопасности, защиты и охраны государственной границы РФ, борьбы с преступностью, общественной безопасности» (далее – специальные функции). Несмотря на отсутствие правовой характеристики специальных функций, на наш взгляд, данный вопрос следует анализировать посредством взаимосвязи соотношения дефиниций «полномочия» и «функции» ФОИВ, с одной стороны, и развития аттестационных отношений у «милитаризованных» служащих, как направления совершенствования специальных функций, – с другой. Полномочия связаны с осуществлением прав и обязанностей, которыми наделены ФОИВ или государственные служащие и которые могут, в силу правовых норм, реализовывать любые права в рамках исполнения обязанностей. Вместе с тем, функции характеризуют предметную направленность их деятельности и определяют их компетенции [2, с. 90].

Исходя из положений действующего законодательства, целевая направленность государственной службы, в том числе, заключается в обеспечении полномочий федеральных органов государственной власти, в систему которых относятся также ФОИВ [3]. Таким образом, развитие функциональной направленности ФОИВ непосредственно связано с профессиональным выполнением обязанностей должностными лицами, в том числе государственными служащими. При рассмотрении осуществления специальных функций и типологии государственной службы можно сделать вывод, что к последним относятся военнослужащие и служащие иных видов.

С учетом положений федерального законодательства, в категорию «военнослужащие» включаются государственные служащие в Вооруженных Силах Российской Федерации, в войсках национальной гвардии Российской Федерации, в воинских формированиях, а также в государственных органах [4]. Применительно к «государственным органам», речь идет, в первую очередь, о военнослужащих Службы внешней разведки, органах Федеральной службы безопасности, органах государственной охраны.

Необходимо отметить, что административно-правовое регулирование указанной категории военнослужащих имеет «секретный» характер и проводить исследование аттестации военнослужащих спецслужб не представляется возможным. Вместе с тем, из проведенного анализа правовых источников можно сделать вывод, что регулирование аттестационных отношений осуществляется посредством ведомственного правового регулирования с грифом «для служебного пользования». Например, в отношении сотрудников ФСБ РФ действует приказ ФСБ России от «09» января 2008 г. № 3/ДСП, который регулирует порядок прохождения военнослужащими аттестации. «Секретность» данного приказа неоднократно обжаловалась в порядке административного производства, но гриф «для служебного пользования» остается для подобных правовых актов до сих пор в силе [5]. Аналогично дело обстоит и с Федеральной

службой охраны. Правда, приказ ФСО России от «29» апреля 2005 года № 155 не подлежит применению [6].

Вторая категория военнослужащих государственных органов, на наш взгляд, осуществляет свою деятельность в органах военной прокуратуры и военно-следственных органах, где осуществляется самостоятельное административно-правовое регулирование. Между тем, в отношении военнослужащих военно-следственных органов СК РФ на сегодняшний день отсутствует действующий правовой акт, регламентирующий порядок прохождения аттестации, поскольку ранее приказ заместителя Председателя Следственного комитета Российской Федерации - руководителя Главного военного следственного управления от 21 апреля 2016 г. № 55 был признан не подлежащим применению судом из-за отсутствия регистрации в Министерстве юстиции РФ [7]. Также не существует правового акта, регламентирующего порядок прохождения аттестации военными прокурорами.

Несмотря на проблемы административного правового регулирования порядка прохождения аттестации, можно выявить особенности аттестационных отношений в военной сфере. Ориентируясь на нормативные положения подзаконных правовых актов, нужно признать, что аттестация военнослужащих является неотъемлемым и обязательным элементом понятия «прохождение военной службы». Безусловно, этим определяется значимость института аттестации и требование осуществления его научного анализа применительно к военнослужащим. При этом необходимо отметить, что понятие аттестации, равно как и аттестации военнослужащих, в правовом поле нигде не закреплено [8].

Между тем аттестация военнослужащих имеет ряд особенностей, которые заключаются в сочетании принципов единоначалия и коллегиальности при проведении аттестации. Если коллегиальность выражается в работе аттестационной комиссии, которая принимает решения на основе коллективного обсуждения большинством голосов, то принцип единоначалия при проведении аттестации исходит от командира (начальника), который наделен не только организационно-распорядительными и административно-хозяйственными функциями, но и также распорядительными полномочиями по отношению к своим подчиненным. Иными словами, на командира возлагается персональная ответственность перед государством за функционирование воинской части, структурного подразделения и каждого военнослужащего [9, с. 303].

Единоначалие, как принцип аттестации, понимается в трех аспектах:

- во-первых, при анализе работы подчиненного военнослужащего, руководствуясь объективной оценкой его деятельности, командир (начальник) самостоятельно формирует аттестационный лист и выносит его на заседание аттестационной комиссии;
- во-вторых, командир воинской части вправе (а в некоторых случаях обязан) утверждать аттестационные листы, ранее рассмотренные нижестоящей по отношению к его должностному положению аттестационной комиссией;
- третий аспект рождается при обжаловании военнослужащим результатов аттестации; его можно понимать как исключительное полномочие командира воинской части/ начальника структурного подразделения единолично отменить результаты аттестационной комиссии, потребовать корректировки формулировок в аттестационный лист, либо составить аттестационный лист заново [8].

Вместе с тем, правовые основы установления аттестационных отношений в Вооруженных Силах Российской Федерации и Росгвардии во многом схожи. Так, в ВС РФ ведомственным актом установлен порядок прохождения аттестации [10]. Сама аттестация назначается решением Министра обороны Российской Федерации, а в Росгвардии – главнокомандующим войсками национальной гвардии Российской Федерации [11].

Исходя из указанных правовых актов, ученые предлагают классификацию аттестаций военнослужащих, проходящих военную службу по контракту (в отношении лиц, проходящих военную службу по призыву, аттестация не проводится):

1. общая, которая проводится не реже чем через каждые 5 лет прохождения военной службы;
2. итоговая, которая может проводиться в двух случаях: в первом случае – не менее чем за 4 месяца до истечения срока военной службы, во втором – по окончании военно-учебного заведения, адъюнктуры, военной докторантуры;

3. конкурсная, проводимая в целях подготовки кадров на должности военной службы, либо для подбора кандидатов, направляемых на обучение на курсы или в высшие военные учебные заведения;

4. поощрительная, предназначенная для подготовки представления к награждению государственными наградами РФ, к присвоению очередных воинских званий досрочно и на одну ступень выше воинских званий, предусмотренных штатом для занимаемых аттестуемыми воинских должностей;

5. увольнительная - для оценки причин, которые могут служить основанием для досрочного увольнения военнослужащего с военной службы в связи с невыполнением условий контракта, несоблюдением общих требований федерального законодательства (например, запретов и ограничений) при прохождении военной службы; с учетом специального статуса военнослужащих для выдачи увольняемому военнослужащим рекомендаций на внеконкурсное зачисление в государственные образовательные организации.

В ряде случаев вряд ли можно говорить об универсальности поощрительной аттестации или существовании внеочередной аттестации, поскольку в указанных правовых актах для получения внеочередного воинского звания или назначения на высшую воинскую должность устанавливается прямой запрет на проведение аттестации. Кроме того, ученые сами справедливо высказывают суждение о том, что в качестве последствий аттестации для военнослужащих не является досрочное расторжение служебного контракта [12, с. 7].

При изучении аттестационных отношений в системе государственной службы иных видов мы обратим внимание на «ключевые» ведомства и категории служб, которые являются, на наш взгляд, основными в данном институте.

В системе управления внутренних дел в качестве критериев оценки сотрудников полиции целесообразно проанализировать опыт зарубежных стран. В Великобритании, к примеру, имеется ряд критериев для аттестации сотрудника полиции: образовательный критерий, личность и черты характера, осмотрительность, ответственность, инициативность, логичность, дельность, управленческие способности, старательность, этичность. В Германии аттестация сотрудников полиции проводится 1 раз в 3 года, а за основу проведения аттестации используется балльно-рейтинговая система оценки. Во Франции аттестация проводится по принципу единоначалия руководителем ведомства 1 раз в 2 года, а сама оценка складывается из общей оценки и балльно-накопительной и фиксируется в бланке индивидуальной аттестации. Во втором случае применяется 12-балльная шкала оценки на основании способностей и профессиональных компетенций полицейского: знания и умения, саморазвитие и адаптация к новым функциям, управленческие способности, умение работать в коллективе, коммуникация. В США проверка сотрудников полиции на соответствие замещаемой должности осуществляется ежегодно независимыми кадровыми комиссиями с обязательным использованием полиграфа. В Японии рейтинговая система оценки предполагает непрерывное аттестационное регулирование с помощью оформления мотивированного заключения непосредственным руководителем, структурированное в двух частях. В первой части указывается личное отношение к аттестуемому сотруднику, во второй – оцениваются документационные навыки госслужащего, исполнительская дисциплина, предприимчивость и качество обработки поставленных задач [13, с. 186].

В России аттестация сотрудников полиции также имеет свои особенности. Связаны эти особенности со спецификой административно-правового регулирования в МВД России. Служебные отношения в системе МВД России закреплены «единым» ведомственным правовым актом, в соответствии с которым также устанавливается детальная процедура проведения аттестации и ее классификация с соответствующими основаниями.

В отличие от аттестации военнослужащих, классифицировать аттестацию сотрудников полиции можно на общую и внеочередную. По общему правилу аттестация проводится 1 раз в 4 года, а после назначения сотрудника на новую должность или после отпуска по беременности и родам – не ранее чем через год после назначения (выхода с отпуска). Внеочередная аттестация проводится в случаях назначения на новую, в том числе вышестоящую, должность, увольнения из органов внутренних дел, а также если сотрудник не прошел специальную проверку на профессиональную пригодность. Любопытным представляется наличие мотивированного отзыва от непосредственного руководителя (начальника) – пожалуй, можно предположить, что в системе

МВД России учтен японский опыт проведения аттестации. Кроме профессиональных компетенций в отзыве должна быть дана оценка физической подготовки сотрудника. Следует отметить, что явка сотрудника полиции на заседание аттестационной комиссии не всегда является обязательной. Также особенностью проведения аттестации в системе МВД является категория лиц, которые вправе принять решение о проведении аттестации: на наш взгляд, специальным субъектом является Президент РФ в случае назначения лиц на высшие должности [14].

В уголовно-исполнительной системе РФ есть много схожих черт, присущих аттестации в системе МВД России, но регулирование аттестационных отношений является не только ведомственным. С учетом положений федерального законодательства общая аттестация сотрудника ФСИН проводится 1 раз в 4 года. Внеочередная аттестация проводится по тем же основаниям, что и в системе МВД России. Между тем неявка сотрудника, как и в Вооруженных Силах РФ запрещена [15]. В свою очередь, порядок проведения аттестации и критерии оценки сотрудника ФСИН закреплены в ведомственном правовом акте. Необходимо отметить, что критерии оценки обширны. Кроме профессиональной и физической подготовки, аттестационной комиссией должна быть оценена исполнительская дисциплина и эрудированность с творческим, интеллектуальным и культурным развитием [16].

Аналогичным образом построено административно-правовое регулирование аттестационных отношений в органах принудительного исполнения. С учетом положений федерального законодательства общая аттестация сотрудника ФССП проводится 1 раз в 4 года. Внеочередная аттестация проводится по тем же основаниям, что и в системе ФСИН и МВД России. Между тем явка сотрудника принудительного исполнения по уважительным причинам не является обязательной [18]. В свою очередь перечень уважительных причин в законодательстве и в ведомственных правовых актах не раскрывается, что, на наш взгляд, является пробелом в административно-правовом регулировании. Вместе с тем критерии оценки сотрудников ФССП аналогичны сотрудникам полиции с учетом положений ведомственного правового акта [18].

В Следственном комитете Российской Федерации ведомственным актом устанавливается собственная типология аттестаций. Первичная аттестация проводится по истечении 6 месяцев службы в органах СК РФ в отношении сотрудников, которые либо обучаются по юридической специальности, либо которые уже имеет высшее профессиональное образование, либо прошедшие военную службу по призыву, либо вышедшие с отпуска по беременности и родам. Общая (очередная) аттестация проводится 1 раз в 5 лет. Внеочередная аттестация проводится в случаях заявительного желания сотрудников, при представлении к госнаграде, после назначения на должности Президентом РФ или ненадлежащем исполнении служащими своих обязанностей. Итоговая аттестация проводится не менее чем за 3 месяца до истечения срока действия служебного контракта в отношении сотрудников, чей возраст является предельным нахождения на службе в следственных органах. Также особенностью проведения аттестации в органах СК РФ являются исключительные полномочия аттестационных комиссий, в ведении которых также относится проверка наличия конфликта интересов на государственной службе. Кроме того, установлен общий срок обжалования решения аттестационной комиссии – 3 месяца [19].

Аналогичным образом построены аттестационные отношения в органах прокуратуры. Типология во многом сходна с классификацией аттестаций СК РФ. Однако отличительной особенностью является отсутствие проведения итоговой аттестации прокурорских работников. Наоборот, установлен прямой запрет на проведение аттестации в отношении прокурорских работников за 1 год до достижения ими предельного возраста пребывания на службе, а также в отношении уже достигшего предельного возраста пребывания на службе прокурорских работников. Исключением являются работники, у которых имеются «существенные упущения» в работе. Вторым отличием является основания проведения внеочередной аттестации прокурорских работников. В случае «продвижения по службе» она возможна только в отношении лиц, претендующих на должности прокуратуры субъекта РФ, а также в случаях продления полномочий руководителей районных, городских и приравненных к ним прокуратур [20].

Исходя из анализа современного состояния аттестационного регулирования деятельности «милитаризованных» служащих, можно сформулировать следующие выводы и предложения:

1. Административно-правовое регулирование аттестационных отношений в системе военной службы носит неоднородный характер. Связаны они с секретностью ведомственных

актов ФСБ РФ, СВР и ФСО. Кроме того, на сегодняшний день отсутствует действующий правовой акт, регламентирующий порядок прохождения аттестации в военно-следственных органах и органах военной прокуратуры. В целом, в науке административного права достаточно хорошо проанализированы аттестационные отношения военнослужащих, хотя ученые сами справедливо высказывают суждение о том, что в качестве последствий аттестации для военнослужащих не является досрочное расторжение служебного контракта

2. В правоохранительной системе аттестационные отношения можно разделить на две группы: полицейские и прокурорско-следственные со своими особенностями. К первой группе можно отнести административно-правовое регулирование в системе МВД России, ФСИН и ФССП. Ко второй группе – аттестационные отношения прокурорских работников и служащих органов СК РФ.

3. В свою очередь, обязательные аттестационные требования к «милитаризованным» служащим, на наш взгляд, позволит в дальнейшем сформулировать правовую характеристику специальных функций ФОИВ.

Литература и источники

1. Указ Президента РФ от 09.03.2004 № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.03.2022 г.)
2. Корбутова О. М. Полномочия, гарантии и функции должностного лица // Инновационная наука. 2021. № 11-1.
3. Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.03.2022 г.)
4. Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.03.2022 г.)
5. Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 23.11.2017 № АПЛ17-431 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.03.2022 г.)
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.02.2020 № 9-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Таратухина» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.03.2022 г.)
7. Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 10.09.2020 № АПЛ20-287 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.03.2022 г.)
8. Горновский А.А. Аттестация военнослужащих как элемент прохождения военной службы: теоретико-правовой аспект // Военное право. 2017. № 5 (45). С. 39-54.
9. Корякин В.М. Военная администрация: учебник. М.: За права военнослужащих, 2015.
10. Приказ Министра обороны РФ от 29.02.2012 № 444 «О порядке организации и проведения аттестации военнослужащих, проходящих военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.03.2022 г.)
11. Приказ Росгвардии от 04.05.2017 № 130 «Об утверждении Порядка организации и проведения аттестации военнослужащих, проходящих военную службу по контракту в войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.03.2022 г.)
12. Горновский А.А. Аттестация военнослужащих и способы (формы) ее проведения // Военное право. 2016. № 3 (39).
13. Набиев В.В. О зарубежном опыте приема на службу и аттестации государственных служащих // Вестник Воронежского института МВД России. 2017. № 3.
14. Приказ МВД России от 01.02.2018 № 50 «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.03.2022 г.)
15. Федеральный закон от 19.07.2018 N 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.03.2022 г.)
16. Приказ Минюста России от 06.06.2005 № 76 «Об утверждении Инструкции о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.01.2021)
17. Федеральный закон от 01.10.2019 № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.03.2022 г.)
18. Приказ Минюста России от 30.03.2020 № 70 «Об утверждении Положения об аттестационной комиссии органа принудительного исполнения Российской Федерации и Порядка проведения аттестации сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.03.2022 г.)
19. Приказ СК России от 14.01.2016 № 4 «Об утверждении Положения об аттестационных комиссиях Следственного комитета Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.03.2022 г.)
20. Приказ Генпрокуратуры России от 11.03.2020 № 146 «Об утверждении Положения о порядке проведения аттестации прокурорских работников органов и организаций прокуратуры Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.03.2022 г.)

References and Sources

1. Ukaz Prezidenta RF ot 09.03.2004 № 314 «O sisteme i strukture federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti» // Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 18.03.2022 g.)
2. Korbutova O. M. Polnomochiya, garantii i funkcii dolzhnostnogo lica // Innovacionnaya nauka. 2021. № 11-1.
3. Federal'nyj zakon ot 27.05.2003 № 58-FZ «O sisteme gosudarstvennoj sluzhby Rossijskoj Federacii» // Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 18.03.2022 g.)

4. Federal'nyj zakon ot 28.03.1998 № 53-FZ «O voinskoj obyazannosti i voennoj sluzhbe» // Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 18.03.2022 g.)
5. Apellyacionnoe opredelenie Apellyacionnoj kollegii Verhovnogo Suda RF ot 23.11.2017 № APL17-431 // Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 18.03.2022 g.)
6. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 25.02.2020 № 9-P «Po delu o proverke konstitucionnosti punkta 1 chasti 1 stat'i 350 Kodeksa administrativnogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj grazhdanina A.N. Taratuhina» // Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 18.03.2022 g.)
7. Apellyacionnoe opredelenie Apellyacionnoj kollegii Verhovnogo Suda RF ot 10.09.2020 № APL20-287 // Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 18.03.2022 g.)
8. Gornovskij A.A. Attestaciya voennosluzhashchih kak element prohozheniya voennoj sluzhby: teoretiko-pravovoj aspekt // Voennoe pravo. 2017. № 5 (45). S. 39-54.
9. Koryakin V.M. Voennaya administraciya: uchebnik. M.: Za prava voennosluzhashchih, 2015.
10. Prikaz Ministra oborony RF ot 29.02.2012 № 444 «O poryadke organizacii i provedeniya attestacii voennosluzhashchih, prohodyashchih voennuyu sluzhbu po kontraktu v Vooruzhennyh Silah Rossijskoj Federacii» // Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 18.03.2022 g.)
11. Prikaz Rosgvardii ot 04.05.2017 № 130 «Ob utverzhenii Poryadka organizacii i provedeniya attestacii voennosluzhashchih, prohodyashchih voennuyu sluzhbu po kontraktu v vojskah nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii» // Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 18.03.2022 g.)
12. Gornovskij A.A. Attestaciya voennosluzhashchih i sposoby (formy) ee provedeniya // Voennoe pravo. 2016. № 3 (39).
13. Nabiev V.V. O zarubezhnom opyte priema na sluzhbu i attestacii gosudarstvennyh sluzhashchih // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2017. № 3.
14. Prikaz MVD Rossii ot 01.02.2018 № 50 «Ob utverzhenii Poryadka organizacii prohozheniya sluzhby v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii» // Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 18.03.2022 g.)
15. Federal'nyj zakon ot 19.07.2018 N 197-FZ «O sluzhbe v ugovolno-ispolnitel'noj sisteme Rossijskoj Federacii i o vnesenii izmenenij v Zakon Rossijskoj Federacii «Ob uchrezhdeniyah i organah, ispolnyayushchih ugovolnye nakazaniya v vide lisheniya svobody» // Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 18.03.2022 g.)
16. Prikaz Minyusta Rossii ot 06.06.2005 № 76 «Ob utverzhenii Instrukcii o poryadke primeneniya Polozheniya o sluzhbe v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii v uchrezhdeniyah i organah ugovolno-ispolnitel'noj sistemy» // Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 01.01.2021)
17. Federal'nyj zakon ot 01.10.2019 № 328-FZ «O sluzhbe v organah prinuditel'nogo ispolneniya Rossijskoj Federacii i vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» // Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 18.03.2022 g.)
18. Prikaz Minyusta Rossii ot 30.03.2020 № 70 «Ob utverzhenii Polozheniya ob attestacionnoj komissii organa prinuditel'nogo ispolneniya Rossijskoj Federacii i Poryadka provedeniya attestacii sotrudnikov organov prinuditel'nogo ispolneniya Rossijskoj Federacii» // Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 18.03.2022 g.)
19. Prikaz SK Rossii ot 14.01.2016 № 4 «Ob utverzhenii Polozheniya ob attestacionnyh komissiyah Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii» // Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 18.03.2022 g.)
20. Prikaz Genprokuratury Rossii ot 11.03.2020 № 146 «Ob utverzhenii Polozheniya o poryadke provedeniya attestacii prokurorskih rabotnikov organov i organizacij prokuratury Rossijskoj Federacii» // Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 18.03.2022 g.)

СТЕПЕНКО ВАЛЕРИЙ ЭФРЕМОВИЧ - доктор юридических наук, доцент, директор Юридического института, Тихоокеанский государственный университет (003177@pnu.edu.ru).

МОРОЗОВ ВИТАЛИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ - старший преподаватель кафедры «Государственно-правовые дисциплины», Тихоокеанский государственный университет (myself007@mail.ru).

STEPENKO, VALERY E. - Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Law Institute, Pacific State University.

MOROZOV, VITALY E. - Senior Lecturer, Department of State and Legal Disciplines, Pacific State University (myself007@mail.ru)

УДК 342.922

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-1-77-81

СМОРЧКОВА Л.Н.

РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ПУБЛИЧНЫМ ИМУЩЕСТВОМ

Ключевые слова: публичное имущество, государственная собственность, государственное управление, органы государственной власти, научные основы управления.

В статье поднимается проблема государственного управления публичным имуществом и необходимости совершенствования правового регулирования возникающих в процессе осуществления управленческой деятельности в этой сфере общественных отношений, что становится еще более актуальным в текущих сложных политико-экономических условиях. Автор предлагает обратиться к разработанным еще в советское время научным основам государственного управления, не потерявшим своей актуальности и на сегодняшний день. Показано, что управление публичным имуществом является одной из форм осуществления публично-правовым образованием своего права собственности. Собственник публичного имущества имеет возможность осуществлять свои полномочия в особой форме, присущей только полномочным органам государственной власти, а именно путем издания не только правоприменительных актов или актов административно-распорядительного характера, но прежде всего нормативных правовых актов, закрепляющих универсальное правовое регулирование.

SMORCHKOVA, L.N.

DEVELOPMENT OF STATE MANAGEMENT OF PUBLIC PROPERTY

Key words: public property, state property, public administration, public authorities, scientific foundations of management.

The article again raises the problem of state management of public property and the need to improve the legal regulation of public relations arising in the process of implementing managerial activities in this area, which becomes even more relevant in the current difficult political and economic conditions. The author proposes to turn to the scientific foundations of public administration developed back in Soviet times, which have not lost their relevance to this day. It is shown that the management of public property is one of the forms of exercise by a public legal entity of its property right. The owner of public property has the opportunity to exercise his powers in a special form inherent only to the authorized bodies of state power, namely by issuing not only law enforcement acts or acts of an administrative and administrative nature, but primarily normative legal acts that enshrine universal legal regulation.

Управление является универсальной и неотъемлемой характеристикой любой государственной власти, которая в свою очередь является одним из свойств любого государства. Критерием качества осуществления государственного управления является уровень внешней и внутренней защищенности интересов государства, публичных интересов общества, частных интересов граждан. Кризис любого характера обнаруживает недостатки государственного управления в самых жизненно важных сферах общественных отношений и заставляет переосмысливать систему и принципы его организации.

Еще в середине прошлого века преимущественно учеными-правоведами, а также представителями ряда других наук, общественных и естественных, были разработаны научные основы государственного управления. За базу была взята юридическая наука, главным образом такая ее отрасль как административное право, поскольку основные формы государственного управления подразумевают правовую составляющую и, как правило, имеют правовые последствия своей реализации. В 1968 г. сотрудниками Института государства и права Академии наук СССР была издана коллективная монография «Научные основы государственного управления в СССР», в которой были выявлены сущность и механизм государственного управления, предмет и метод науки управления, сформулированы принципы, методы и формы осуществления государственного управления [1].

Несмотря на то, что в основе советской экономической формации лежала государственная собственность на основные средства производства, многие выводы, касающиеся научных основ управления и организации управленческой деятельности, являются универсальными, они абсолютно актуальны и сейчас.

Управление можно охарактеризовать как многогранную организующую деятельность государства, осуществляемую через его органы. В науке административного права государственное управление рассматривается в широком смысле – как деятельность всех органов государства (и даже с привлечением общественных организаций), а также в узком смысле – как деятельность государственных исполнительно-распорядительных органов, составляющих аппарат государства. Такое понимание управления основано на анализе исторического развития управленческой деятельности в России.

Сущность управления как социальной функции государства и способы конкретного осуществления различных видов государственной деятельности состоят в организации тех сторон жизни общества, которые закрепляются правом и за которые перед обществом ответственно государство. Круг вопросов, по которым государство в лице его органов обеспечивает руководство делами общества, также определяется посредством права. Однако и в тех охранительных отношениях, в которых государство непосредственного управления не осуществляет, оно все равно использует свой аппарат. Государственное управление неразрывно связано с формированием и развитием правового института права собственности, как одного из базовых. Изменение сущности объектов государственного управления детерминирует трансформацию методологии, форм и принципов государственного управляющего воздействия как непосредственно в отношении публичного имущества, так и в целом на экономические отношения, что в большой степени обусловлено долей государства как собственника [2].

Уникальное историческое развитие российского государства свидетельствует о том, что не уровень экономического развития, а методы и формы государственного управления зависят от доминирующей в экономике страны формы собственности либо соотношения их в случае плюрализма. Так, тотальное господство государственной собственности в советский период породило и специфические формы государственного управления, основанного на четком административном планировании. Управление публичной собственностью в условиях перманентного развития рыночных отношений и относительная доля принадлежности основных средств производства Российской Федерации (федеральная государственная собственность), ее субъектам (государственная собственность субъектов Российской Федерации) или муниципальным образованиям (муниципальная собственность) претерпевают глубокие изменения и требуют применения совершенно иных подходов как к административно-правовому регулированию [3], так и к осуществлению государственного (муниципального) управления в данной сфере.

Управление публичным имуществом является одной из форм осуществления публично-правовым образованием своего права собственности. Собственник публичного имущества имеет возможность осуществлять свои правомочия в особой форме, присущей только полномочным органам государственной власти, а именно путем издания не только правоприменительных актов или актов административно-распорядительного характера, но прежде всего нормативных правовых актов, закрепляющих универсальное правовое регулирование. Публично-правовые акты, к числу которых относятся, прежде всего, концептуальные правовые документы, призваны определять политику государства, государственных и муниципальных образований в отношении управления публичным имуществом.

Нормативные документы каждого следующего уровня определяют компетенцию органов публично-правовых образований по управлению, то есть в отношении пределов использования и распоряжения объектами публичной собственности. Формирование концептуального подхода в сфере государственного управления требует пересмотра объема и содержания компетенции федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, уполномоченных управлять государственным (в том числе федеральным) и муниципальным имуществом, соответственно.

Объем участия государства и других публичных собственников в экономике страны в качестве равноправных субъектов – собственников имущества в определенной степени влияет на построение горизонтальных и вертикальных связей между многочисленными субъектами хозяйственных (экономических) отношений, что еще в большей степени усложняет структуру и систему рыночной экономики. В связи с этим государству, прежде всего, необходимо определиться с долей государственной собственности в общественном производстве.

А это не такая простая задача. С одной стороны, представляется верным взятый Правительством Российской Федерации [4] курс на выход государства из непрофильных активов и сокращение государственного присутствия в экономике, что позволит привлечь в бюджет дополнительные средства, особенно если приватизация высоколиквидных активов государства имеет социальную направленность [5, с. 73].

С другой стороны, стратегические задачи государства, включающие обеспечение его безопасности и обороноспособности, невозможно решить без опоры на отрасли народного хозяйства, выпускающие продукцию высокотехнологичного производства, устойчивого развития промышленного сектора и реальных отраслей экономики [6, с. 4], что в сложившихся условиях крайне сложной политической и экономической обстановки практически недостижимо без деятельного участия государства как активного субъекта, собственника государственного имущества.

Государство (государственно-правовое образование), выступая в качестве собственника имущества, имеет (может иметь) несколько ипостасей. Во-первых, оно выступает в форме держателя государственной казны. Только в отношении нераспределенного между предприятиями и учреждениями имущества, составляющего казну, государство правомочно осуществлять административные процедуры специально непосредственно уполномоченными на то органами государственной власти.

Во-вторых, государство (публично-правовое образование) выступает в качестве учредителя государственных предприятий и учреждений, закрепляя за ними свое имущество на ограниченном вещном праве – праве хозяйственного ведения или праве оперативного управления. В отношении имущества, закрепленного за государственными (муниципальными) предприятиями и учреждениями, любая централизованная управленческая деятельность публично-правового образования опосредована как волей этих юридических лиц, так и специально созданными правовыми механизмами, ее (волю) охраняющими и имеющими преимущественно гражданско-правовую природу. Более того, схема администрирования в сфере управления федеральной собственностью, закрепленной за федеральными государственными предприятиями и учреждениями, в свою очередь зависит от ведомственной принадлежности таких предприятий и учреждений и их административно-правовых отношений с вышестоящими органами государственного управления.

Действующее отраслевое российское законодательство предоставляет федеральным органам исполнительной власти определенные полномочия собственника в отношении

имущества, закрепленного за подведомственными им организациями. Объем правомочий, например, передаваемых государством как собственником федерального имущества тому или иному федеральному органу исполнительной власти в отношении федеральных государственных учреждений или унитарных предприятий, находящихся в его ведении, индивидуален, зависит от отрасли (сферы управления) и конкретно закреплен в Положении об этом органе.

В-третьих, государство выступает в качестве держателя имущественного взноса при создании им государственной корпорации для осуществления социальных, управленческих или иных общественно полезных функций. И хотя в соответствии с Федеральным законом от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» имущество, переданное Российской Федерацией, считается собственностью государственной корпорации, Счетная палата Российской Федерации и иные государственные органы в соответствии с законодательством Российской Федерации вправе осуществлять контроль за деятельностью государственных корпораций и принимать в отношении ее юридически значимые решения, а это значит, что государство и в данном случае является носителем конечной воли как собственник имущества.

Таким образом, публичное имущество, находящееся в собственности у Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований представляет в своей совокупности сложную систему, состоящую из объектов с разным правовым режимом, разным функциональным назначением и разным значением в экономической структуре государства. Управление публичным имуществом, как и любой другой сложной системой, должно основываться на системном подходе, всесторонне учитывающем связи, образующиеся между многоплановыми элементами системы, а также между системой и внешней средой. Да и собственно изначально требуется приведение совокупности объектов публичного имущества в структурированную систему в соответствии с формой права собственности, с правовым режимом такого имущества, а также с его функциональным назначением.

В то же время, к сожалению, необходимо констатировать, что современное состояние управления публичным имуществом и, прежде всего, федеральной собственностью, далеко от системного или сколько-либо упорядоченного, и уж тем более имеющего научную основу. Особенностью правового института публичной собственности является то, что он охватывает не только нормы гражданского права, но и нормы отраслей публичного права, регулирующих отношения собственности императивными методами: государственного, административного, финансового, при этом определяющую роль играют конституционные нормы. Но отсутствие единых управленческих подходов, единых форм осуществления управленческой деятельности, единых принципов правового регулирования вызывает правовые пробелы и коллизии, что вызывает проблемы в правоприменительной практике.

Одним из условий обеспечения эффективности государственного управления в любой области, и уж тем более в сфере управления публичным имуществом, является оптимизация государственных (муниципальных) функций. Государственные функции в отношении федеральной собственности, распределенные между федеральными органами исполнительной власти, а также корреспондирующие им государственно-властные полномочия, формируют межведомственную систему прав и обязанностей по отношению к ней. Последующее делегирование этих прав и обязанностей в соответствии с ведомственной иерархией обеспечивает комплексность и системность государственного управления федеральным имуществом не только по горизонтали, но, прежде всего, по вертикали.

Анализ специального законодательства по внутриведомственному делегированию полномочий теми федеральными органами исполнительной власти, на которые непосредственно возложены функции по управлению федеральной собственностью внутри своего ведомства, позволяет сделать вывод, что существующее состояние правового регулирования в этой сфере ни на правительственном, ни на ведомственном уровнях также нельзя признать удовлетворительным [7]. Система прав и обязанностей, четко определяющая круг и полноту полномочий федеральных органов по отношению к подведомственному федеральному имуществу, по сути, отсутствует, что в свою очередь порождает круг правовых проблем.

Во-первых, вызывает сомнения собственно легитимность осуществления функций по управлению имуществом нижестоящими органами управления, в том числе территориальными, входящими в систему федерального органа исполнительной власти и осуществляющими

непосредственно административное руководство линейными организациями, за которыми и закреплена федеральная собственность. Так, римские юристы при регулировании статусных отношений и необходимости наделения иного субъекта полномочиями говорили о безусловном соблюдении принципа: «Nemo ad alium plas juris transferre potest, quam ipse habet» – «никто не может передать другому больше прав, чем имел бы сам» [8, с. 197].

Во-вторых, не выведенная по вертикали система управления федеральной собственностью, закреплённой за предприятиями и учреждениями, имеющими ведомственную подчиненность, отсутствие последовательного делегирования прав и обязанностей в этой сфере между соподчиненными органами управления и определенная коллизийность с их административными полномочия порождают вопросы в порядке привлечения государства как собственника имущества к субсидиарной ответственности по обязательствам таких организаций.

В-третьих, отсутствие единой системы государственного управления публичным имуществом и непротиворечивой нормативной регламентации правового режима имущества государственных (муниципальных) организаций предполагает возможность использования субъективного подхода при принятии должностными лицами решений в отношении публичной собственности, а это можно расценивать как коррупциогенный фактор.

Таким образом, необходимо переоценить принципы и основы организации государственного управления публичным имуществом, состояние правового регулирования управления государственной собственностью в условиях рыночных отношений, а также формы и методы администрирования в данной сфере. В настоящий момент они претерпевают глубокие сущностные изменения и требуют соответствующего межотраслевого совершенствования. И совершенно очевидно, что эффективность концептуального реформирования управления публичным имуществом будет зависеть, прежде всего, от эффективности реформирования всей системы органов государственной власти в Российской Федерации, а также от слаженного участия в рыночных экономических отношениях всех субъектов, реализующих хозяйственную функцию государственных и муниципальных образований как собственников имущества.

Литература и источники

1. Научные основы государственного управления в СССР / под ред. А.Е. Лунева, М.И. Пискотина, Ц.А. Ямпольской / АН СССР. Ин-т государства и права. М.: «Наука», 1968. 440 с.
2. Щукина Т.В. Формы и методы административно-правового регулирования в социально-экономической сфере // Вопросы экономики и права. 2020. № 8. С. 34-40.
3. Сморгчова Л.Н. Совершенствование административно-правового регулирования в сфере управления имуществом в государственном секторе экономики // Право и практика. 2019. № 2. С. 57-62.
4. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года от 29 сентября 2018 года // URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71965871/>
5. Формы и методы государственного управления в современных условиях развития / под общ. ред. С.В. Запольского. М., 2017.
6. Закон. Обеспечение безопасности и реальной экономики / Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров, О.В. Гутников и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой. М., 2015.
7. Сморгчова Л.Н. Методологическая основа правового регулирования использования государственного имущества в интересах обороны страны и безопасности государства // Современное право. 2016. № 2. С. 31-36.
8. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998.

References and Sources

1. Nauchnyye osnovy gosudarstvennogo upravleniya v SSSR / pod red. A.Ye. Luneva, M.I. Piskotina, T.S.A. Yampol'skoy / AN SSSR. In-t gosudarstva i prava. M.: «Nauka», 1968. 440 s.
2. Shchukina T.V. Formy i metody administrativnogo-pravovogo regulirovaniya v sotsial'no-ekonomicheskoy sfere // Voprosy ekonomiki i prava. 2020. № 8. S. 34-40.
3. Smorchkova L.N. Sovershenstvovaniye administrativno-pravovogo regulirovaniya v sfere upravleniya imushchestvom v gosudarstvennom sektore ekonomiki // Pravo i praktika. 2019. № 2. S. 57-62.
4. Osnovnyye napravleniyaye deyatel'nosti Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii na period do 2024 goda ot 29 sentyabrya 2018 goda // URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71965871/>
5. Formy i metody gosudarstvennogo upravleniya v sovremennykh usloviyakh razvitiya / pod obshch. red. S.V. Zapolskogo. M., 2017.
6. Zakon. Obespecheniye bezopasnosti i real'noy ekonomiki / T.Ya. Khabriyeva, YU.A. Tikhomirov, O.V. Gutnikov i dr.; pod red. T.Ya. Khabriyevoy. M., 2015.
7. Smorchkova L.N. Metodologicheskaya osnova pravovogo regulirovaniya ispol'zovaniya gosudarstvennogo imushchestva v interesakh oborony strany i bezopasnosti gosudarstva // Sovremennoye pravo. 2016. № 2. S. 31-36.
8. Pokrovskiy I.A. Osnovnyye problemy grazhdanskogo prava. M., 1998.

СМОРЧКОВА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук (l.smorchkova@mail.ru).

SMORCHKOVA, LARISA N. – Doctor of Law, associate Professor, Leading Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia) (l.smorchkova@mail.ru).

СОКОЛОВА О.В., ИСАЕВА Н.В.

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹

Ключевые слова: экспорт образования, иностранные студенты, социально-правовое сопровождение, адаптация в образовательной среде.

Авторы статьи отмечают важность разработки действенной модели социально-правового сопровождения иностранных студентов в период их обучения. Ее созданию способствуют: выявление системных проблем и рисков в сопровождении иностранных студентов, а также сетевых возможностей различных подразделений вуза, отвечающих за его участие в процессах академической мобильности, а также реализующих образовательные программы юридической, социологической и иной направленности; разработка инструментария для изучения потребностей учащихся из других стран в социально-правовом сопровождении, в том числе, на основе их анкетирования; формирование программы мероприятий для специалистов образовательных организаций, работающих с иностранными студентами. Социально-правовое сопровождение должно строиться на таких принципах, как: систематичность, открытость, доступность, наглядность, практикоориентированность, взаимность. Отмечается, что заинтересованность иностранцев в понимании норм российского права, как инструмента для разрешения различных проблем, по мере их пребывания в стране, возрастает. Если на момент приезда в страну лишь 3,3 % опрошенных видели для себя проблему незнания законодательной базы РФ, то в процессе обучения количество лиц, нуждающихся в юридической помощи, явно стало больше. Иностранные студенты нуждаются в консультировании по вопросам медицинского права, медицинского страхования, вакцинации, получения права на постоянное проживание и вида на жительство, по основам трудового права и особенностям трудоустройства иностранцев в Российской Федерации. Также обучающиеся из других стран интересуются семейным, жилищным, предпринимательским, конституционным и миграционным правом.

SOKOLOVA, O.V., ISAIEVA, N.V.

SOCIO-LEGAL SUPPORT FOR FOREIGN STUDENTS IN RUSSIAN UNIVERSITIES: PROBLEMS AND PROSPECTS

Key words: export of education, foreign students, social and legal support, adaptation in the educational environment.

The authors of the article note the importance of developing an effective model of social and legal support for foreign students during their studies. Its creation is facilitated by: identification of systemic problems and risks accompanied by foreign students, as well as networking opportunities of various departments of the university responsible for its participation in the processes of academic mobility, as well as implementing educational programs of a legal, sociological and other orientation; development of tools for studying the needs of students from other countries in social and legal support, including on the basis of their questionnaires; formation of a program of events for specialists of educational organizations working with foreign students. Socio-legal support should be based on such principles as: systematic, openness, accessibility, visibility, practice orientation, reciprocity. It is noted that the interest of foreigners in understanding the norms of Russian law, as a tool for resolving various problems, increases as they stay in the country. If at the time of arrival in the country only 3.3% of respondents saw the problem of ignorance of the legislative framework of the Russian Federation, then in the process of training, the number of people in need of legal assistance has clearly increased. Foreign students need advice on medical law, health insurance, vaccination, obtaining the right to permanent residence and a residence permit, on the basics of labor law and the peculiarities of employment of foreigners in the Russian Federation. Also, students from other countries are interested in family, housing, business, constitutional and migration law.

Государственная политика в сфере экспорта образования сфокусирована на достижении следующих наиболее значимых целей: способствовать развитию международного сотрудничества в области образования, в том числе, повышению привлекательности и конкурентоспособности российского образования на мировом рынке образовательных услуг, обеспечению экономики России квалифицированными иностранными специалистами, а также укреплению «мягкой силы» РФ за счет формирования зарубежных элит [1, с. 149]. Задачей Федерального проекта «Экспорт образования», входящего в структуру национального проекта «Образование» [2], является увеличение не менее чем в два раза по сравнению с 2017 годом количества иностранных граждан, обучающихся в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по программам высшего образования. Планируется, что в конце 2024 года число иностранных студентов составит 425 тысяч человек. Выполнение этих планов требует серьезной финансовой поддержки, развития необходимой инфраструктуры [3], а также разработки и реализации модели социально-правового сопровождения иностранных студентов [4].

Вхождение иностранных студентов в социально-правовую среду вуза и страны в целом может сопровождаться, к сожалению, конфликтными ситуациями, напряженностью в отношениях между обучающимися как в вузе, так и в обществе в целом. Решение данных проблем немыслимо без создания (поддержания) комфортной среды пребывания иностранных студентов и должно соответствовать тем задачам, которые определены Концепцией государственной миграционной политики РФ на 2019-2025 годы (создание условий для адаптации к правовым, социально-

¹ Исследование выполнено в рамках поддержанного Федеральным государственным образовательным учреждением высшего образования «Ивановский государственный университет» гранта № 18-21-Д «Социально-правовое сопровождение иностранных студентов в российских вузах (на примере Ивановского государственного университета): практика и перспективы».

экономическим и иным условиям жизни в России иностранных граждан; совершенствование правовых, организационных и иных механизмов, обеспечивающих их пребывание на ее территории нашего государства) [5].

Гуманистическая направленность Конституции РФ требует акцентуации антропологического подхода при работе с иностранными студентами, человекомерности в решении их проблем. Антропологический подход ориентирует не только на формирование формально достойных условий обучения в вузе, пребывания в РФ, но и на овладение новыми знаниями и навыками, способствующими развитию достоинств личности иностранных студентов, которые могут быть реализованы не только в период обучения, но и при возвращении к себе на родину. Транслируя свой опыт и отношения в системе культурных, социальных и правовых ценностей страны пребывания, которыми он овладел при обучении в вузе, выпускник - иностранный студент, способствует формированию положительного имиджа как вуза, так и страны в целом.

На сегодняшний день вузы накопили как положительный, так и отрицательный опыт, который нуждается в осмыслении, выработке оптимальных и ориентированных на антропологический подход моделей социально-правового сопровождения иностранных студентов, которые позволят, во-первых, решить практико-ориентированную задачу – дать специалистам и соответствующим структурам образовательной организации, занимающимся международными аспектами деятельности вуза, должный алгоритм по эффективной работе с иностранными студентами. Во-вторых, будут способствовать формированию у иностранных студентов ценностного отношения к правовой системе РФ, включению (интериоризации) ценностей и смыслов права в индивидуальную картину мира, укреплению положительного социально-правового образа образовательной и социокультурной сред, в которых иностранные студенты рассматривают себя как равноправные участники. Результат – минимизация рисков социального конфликта с правовой средой и индивидуального конфликта с социокультурной средой, в которой находится иностранный студент в период обучения; формирование ценностной установки на равноправные взаимоотношения с участниками образовательной и социокультурной сред, принятие иностранным студентом норм и ценностей российского общества. В-третьих, матрица взаимодействия иностранных студентов, созданная государством, не персонифицирована, не учитывает индивидуальные особенности и потребности иностранных студентов. Поэтому требуется более глубокий уровень понимания проблем граждан иностранных государств, их взаимодействия со средой в период обучения. Основная задача – воспитание толерантности в процессе взаимодействия в образовательной среде.

Система мероприятий по социально-правовому сопровождению иностранных студентов может включать в себя следующие этапы: выявить системные проблемы и риски в сопровождении иностранных студентов, обобщить опыт работы международных служб вуза; разработать инструментарий для изучения потребностей иностранных студентов в социально-правовом сопровождении и провести их анкетирование; обосновать сетевые возможности содействия в решении проблем учащихся социально-правового характера (задействовать подразделения вуза, реализующие образовательные программы юридической, социологической направленности, а также обеспечивающие процессы академической мобильности, в частности, международные службы и др.); разработать программу мероприятий для специалистов образовательных организаций, работающих с иностранными студентами и участвующих в их социально-правовом сопровождении.

В Ивановском государственном университете обучается на образовательных программах различных направлений подготовки более 500 иностранных студентов из 35 стран. Большим количеством учащихся представлены такие страны, как Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан, Конго, Гвинея-Бисау, Афганистан, Вьетнам. Опрос 15 % иностранных студентов, обучающихся в ИвГУ, показал, что в первое время пребывания в стране 35 % студентов испытывали сложности, связанные с недостаточно свободным владением русским языком, 21 % - финансовые трудности. Для 10 % опрошенных проблемным вопросом оказалось оформление документов (медицинского полиса и др.), для 10 % – незнание культуры, традиций России, для 6,7 % – незнание миграционного регламента; 6,7% иностранных студентов столкнулось с настороженным отношением к окружающим, 5 % – с поиском места проживания и 3,3 % – с незнанием норм

поведения, законов РФ. Данные анкетирования свидетельствуют, что по прошествии определенного времени нахождения в России, иностранные студенты начинают испытывать большие потребности в разрешении социальных проблем. Так, на вопрос о видах помощи и поддержки, которую обучающиеся ждут от университета, 56,5 % указали на социальную поддержку, 47,7 % – на помощь в образовательном процессе, 28,2 % – на информационную поддержку, 23,1 % – на медицинскую помощь; 20,5 % нуждаются в психологической помощи и 17 % – в юридической.

Как мы видим, потребность в понимании права, как инструмента для разрешения различных сложностей, возникших в процессе пребывания в стране, возросла. Если на момент приезда в страну лишь 3,3 % опрошенных видели для себя проблему незнания законодательной базы РФ, то в процессе обучения количество лиц, нуждающихся в юридической помощи, явно стало больше. Иностранцы нуждаются в консультировании по вопросам медицинского права, медицинского страхования, вакцинации, в том числе от COVID-19, получения права на постоянное проживание и вида на жительство, по основам трудового права и трудоустройства иностранцев в Российской Федерации. Также обучающиеся из других стран интересуются семейным, жилищным, предпринимательским, конституционным и миграционным правом.

Самыми острыми проблемами социальной адаптации, по мысли исследователей, являются: трудности в освоении профессиональной терминологии; трудности межкультурного общения; отсутствие мотивации к участию в межкультурных мероприятиях. В этой связи учеными предлагается усилить организацию межличностного взаимодействия и взаимопонимания между преподавателями и студентами, включать иностранцев в практическую межкультурную общественную деятельность; создать специальное сообщество для иностранных студентов, которое поможет ускорить процесс внедрения студентов в новое социальное общество [6].

Данные опроса иностранных студентов, обучающихся в ИвГУ, показали, что 54 % опрошенных участвуют в научно-исследовательских и культурно-массовых мероприятиях, проводимых вузом или на его базе; 21 % – хотели бы стать участниками. Четверть опрошенных не имеет желания принимать участие в вузовских мероприятиях. На наш взгляд, это может тормозить процесс их социальной адаптации в среде вуза. Нежелание коммуницировать объясняется исследователями недоверием иностранных студентов к окружающим. Как отмечают Н.С. Тимченко, Ю.Ю. Кочетова, А.Ю. Бендрикова, важна информация о том, какие установки на взаимодействие с людьми другой культуры имеют студенты из другого государства, насколько ощущают они полноту собственного бытия в другой стране. Авторы пишут об определенной адаптивной асимметрии. Студент, перестраивая свое поведение, демонстрирует формальные изменения, но сохраняет внутреннее отчуждение относительно новой социальной среды [7, с. 182].

Для того, чтобы привлечь студентов из других стран к вузовской внеучебной жизни, необходимо определить фактор, который может повысить их мотивацию (заинтересованность). Например, Н.А. Харюшина [8] в качестве мотива, способствующего успешному протеканию социокультурной адаптации, называет мотив получения желаемой профессии. Поэтому, возможно, интерес к взаимодействию с вузовской средой во внеучебное время могут вызвать мероприятия профориентационного характера. Также особое внимание следует уделять информированности данной категории обучающихся. Анкетирование студентов показало, что основным источником информации является деканат (учебный офис), старосты и другие студенты (58 %), в меньшей степени преподаватели (16 %) и социальные сети, сайт вуза (15 %), самостоятельно ищут информацию 2 % опрошенных.

Принимающая сторона (вуз) должны выстраивать свою работу с данной категорией обучающихся, опираясь на такие принципы, как: 1) систематичность (правовое просвещение не может сводиться к «разовой акции»), 2) открытость (необходимо учитывать информационный запрос иностранных студентов, освещать актуальные для них темы, законодательные положения), 3) доступность (при подаче просветительского материала важно помнить о языковых возможностях обучающихся, особенно тех, кто только начал погружаться в изучение русского языка), 4) наглядность (создание методических источников в печатной форме, в том числе, с переводом на иностранный язык), 5) практикоориентированность (оказание юридической помощи иностранным студентам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, требующей правового разрешения; анализ конкретных правовых вопросов, с которыми столкнулись студенты,

обучающиеся в российском вузе). Основным принципом в организации работы по социальной адаптации иностранных студентов, полагаем, следует назвать принцип взаимности.

Не случайно С.А. Цыплакова, Н.В. Быстрова, О.Г. Выстороп, давая понятие социальной адаптации иностранных студентов, отмечают, что это процесс взаимодействия студентов, преподавателей и администрации, направленный на подготовку высококвалифицированных специалистов через развитие их социальных, межкультурных, коммуникативных, профессиональных и учебных компетенций при сохранении собственной культурной идентичности [6]. Но, к сожалению, иногда студенты из других стран полагают, что этот процесс может быть односторонним и активным субъектом видят только вуз, рассчитывая на решение социальных вопросов в большей степени от принимающей стороны. Полагаем, эффективность социальной адаптации зависит от обоюдного участия всех сторон (и вуза, и студента).

Литература и источники

1. Доклад Правительства Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации о реализации государственной политики в сфере образования. // GYRyAhoqmjgpAxeR8PRuu2zMB9NBFaA9.pdf (government.ru, дата обращения: 10.01.2022).
2. Паспорт национального проекта «Образование» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Гусейн-Заде Р.Г., Деревянченко А.А. Иностранные студенты в российских вузах // Знание. Понимание. Умение. 2021. № 1. С. 139-156.
4. Ибрагим И.А., Исаева Н.В., Мельникова Е.В. Социально-правовое сопровождение иностранных студентов в российских вузах // Русский язык и культура в международном образовательном пространстве: сб. материалов Международной научно-практической конф., Иваново, 25–26 мая 2021 года. Иваново: Ивановский государственный университет, 2021. С. 129-133.
5. О Концепции государственной миграционной политики РФ на 2019-2025 годы: Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 // СЗ РФ. 2018. № 45. Ст. 6917.
6. Цыплакова С.А., Быстрова Н.В., Выстороп О.Г. Исследование социальной адаптации иностранных студентов в вузе // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 65-1. С. 295-297.
7. Тимченко Н.С., Кочетова Ю.Ю., Бендрикова А.Ю. Академическая и средовая адаптация иностранных студентов медицинского вуза // Знание. Понимание. Умение. 2020. № 2.
8. Харюшина Н.А. Правовая адаптация иностранных студентов в России // Правотворчество, правоприменение и правосознание: состояние и перспективы развития: сб. докладов VII Всероссийской научно-практической конференции (Хабаровск, 28-29 мая 2022). Хабаровск, 2021. С. 253-254.

References and Sources

1. Doklad Pravitel'stva Rossijskoj Federacii Federal'nomu Sobraniyu Rossijskoj Federacii o realizacii gosudarstvennoj politiki v sfere obrazovaniya. // GYRyAhoqmjgpAxeR8PRuu2zMB9NBFaA9.pdf (government.ru, data obrashcheniya: 10.01.2022).
2. Pasport nacional'nogo proekta «Obrazovanie» (utv. prezidiumom Soveta pri Prezidente RF po strategicheskomu razvitiyu i nacional'nym proektam, protokol ot 24.12.2018 № 16) // Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus».
3. Gusejn-Zade R.G., Derevyanchenko A.A. Inostrannye studenty v rossijskih vuzah // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2021. №1. S. 139-156.
4. Ibragim I.A., Isaeva N.V., Mel'nikova E.V. Social'no-pravovoe soprovozhdenie inostrannyh studentov v rossijskih vuzah // Russkij yazyk i kul'tura v mezhdunarodnom obrazovatel'nom prostranstve: sb. materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konf., Ivanovo, 25–26 maya 2021 goda. Ivanovo: Ivanovskij gosudarstvennyj universitet, 2021. S. 129-133.
5. O Konceptcii gosudarstvennoj migracionnoj politiki RF na 2019-2025 gody: Ukaz Prezidenta RF ot 31.10.2018 №622// SZ RF. 2018. №45. St. 6917.
6. Cyplakova S.A., Bystrova N.V., Vystorop O.G. Issledovanie social'noj adaptacii inostrannyh studentov v vuze // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2019. № 65-1. S. 295-297.
7. Timchenko N.S., Kochetova Yu.Yu., Bendrikova A.Yu. Akademicheskaya i sredovaya adaptaciya inostrannyh studentov medicinskogo vuza // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2020. № 2.
8. Haryushina N.A. Pravovaya adaptaciya inostrannyh studentov v Rossii // Pravotvorchestvo, pravoprimenenie i pravosoznanie: sostoyanie i perspektivy razvitiya: sb. dokladov VII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Habarovsk, 28-29 maya 2022). Habarovsk, 2021. S. 253-254.

СОКОЛОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Ивановского государственного университета (olgasokolova.067@mail.ru).

ИСАЕВА НИНА ВАЛЕНТИНОВНА – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой конституционного права и прав человека Ивановского государственного университета (nina.isaewa@yandex.ru).

SOKOLOVA, OLGA V. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Dean of the Law Faculty of Ivanovo State University.

ISAewa, NINA V. - Ph.D. in History, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional Law and Human Rights of Ivanovo State University.

УДК 35.07:35.072.6

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-1-85-91

СОЛОВЬЕВА С.В.

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

Ключевые слова: государственный контроль, муниципальный контроль, субъекты муниципального контроля, механизм правового регулирования.

Принятый 31 июля 2020 года Федеральный закон № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» установил три вида контроля, одним из которых является муниципальный. Муниципальный контроль является частью общей регуляторной политики по реорганизации государственного контроля (надзора). Муниципальный контроль

реализуется в таких сферах общественной жизни как земельные отношения, благоустройство, архитектурных облик населенных пунктов, качество окружающей среды, развитие малого бизнеса и некоторых других. Однако виды муниципального контроля, включенного в единую систему регуляторной политики государства, пока не получили правового закрепления в едином правовом акте и их регулирование находится в разных правовых актах, в основном подзаконного, отраслевого характера. Некоторые виды муниципального контроля называются в федеральном законе об общих принципах организации местного самоуправления, при этом их правовое регулирование не определено. Означенные вопросы определяют направление данного исследования как необходимость комплексного системно-правового анализа муниципального контроля и его видов в едином механизме взаимодействия общей системы контрольно-надзорной деятельности государства.

SOLOVEVA, S.V.
FEATURES OF LEGAL REGULATION OF MUNICIPAL CONTROL

Key words: state control, municipal control, subjects of municipal control, the mechanism of legal regulation.

Federal Law No. 248-FZ "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation", adopted on July 31, 2020, established three types of control, one of which is municipal. Municipal control is part of the general regulatory policy for the reorganization of state control (supervision). Municipal control is implemented in such areas of public life as land relations, landscaping, architectural appearance of settlements, environmental quality, small business development and some others. However, the types of municipal control included in the unified system of regulatory policy of the state have not yet received legal consolidation in a single legal act and their regulation is in different legal acts, mainly of a subordinate, sectoral nature. Some types of municipal control are called in the federal law on the general principles of the organization of local self-government, while their legal regulation is not defined. The identified issues determine the direction of this study as the need for a comprehensive system-legal analysis of municipal control and its types in a single mechanism of interaction of the general system of control and supervisory activities of the state.

С введением Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [1] (далее – Федеральный закон № 248-ФЗ, Закон о государственном контроле) особенно остро встал вопрос о правовой природе и содержании муниципального контроля. Эффективность модели правового регулирования муниципального контроля определяется его местом в контрольно-надзорной деятельности государства и взаимосвязи с законодательством об административных правонарушениях в части возможности привлечения к ответственности.

Рассматривая вопрос о правовой природе муниципального контроля, следует отметить, что Конституция РФ [2] устанавливает, что народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Включение органов местного самоуправления в общую систему органов публичной власти фактически означает признание за ними возможности применения административно-властных функции, в том числе принудительного характера, что позволяет реализовать механизм муниципального контроля, правовую самостоятельность которому обеспечил Закон о государственном контроле.

Вместе с тем, следует отметить проблемные аспекты практической реализации муниципального контроля, которые имели место до принятия Федерального закона № 248-ФЗ, выразившиеся:

- в отсутствии единой концепции;
- в сложности применения процедур контроля органами местного самоуправления, ограниченными в своих ресурсах;
- в отсутствии установленного легального перечня видов контроля;
- в несовершенстве механизма взаимодействия между органами местного самоуправления и органами государственной власти в сфере контроля;
- в наличии проблем соотношения законодательства о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле и законодательства об административных правонарушениях [3, с. 372].

Обозначенные проблемные аспекты не способствовали эффективному функционированию муниципального контроля. Как отмечают некоторые авторы, принятый Закон о государственном контроле также не может решить наличия значительного числа проблем, скопившихся в последние годы в сфере контроля (надзора) [4].

Муниципальный контроль должен осуществляться в рамках исключительного государственного механизма, а органы местного самоуправления могут быть наделены отдельными государственными полномочиями в данной сфере. Федеральный закон № 248-ФЗ, определив основные направления реформирования муниципального контроля, частично разрешил некоторые из обозначенных проблем. В первую очередь, Федеральный закон № 248-ФЗ закрепил положение о том, что муниципальный контроль осуществляется в рамках полномочий органов местного самоуправления и только по вопросам местного значения.

Во исполнение данного положения в части 8 статьи 1 Закона о государственном контроле определено, что виды контроля (надзора) разного уровня устанавливаются федеральным законом, которым должны быть определены наименование вида контроля (надзора) с отнесением к федеральному, региональному контролю (надзору) или муниципальному контролю. Тем самым, Федеральный закон № 248-ФЗ, не перечисляя виды контроля (надзора), содержит только общие основания для его установления.

Важным нововведением стало создание единого реестра видов контроля (надзора) [5], в том числе муниципального, в который включаются сведения о видах контроля и осуществляющих его контрольных (надзорных) органах, а также и иные сведения. Следует отметить, что реестр о проведении государственного контроля (надзора) создан, и в него также включен муниципальный контроль, при отсутствии единого федерального закона о перечне видов муниципального контроля. При наличии данной правовой неурегулированности органы местного самоуправления исходят из общих полномочий, закрепленных за муниципальными образованиями Федеральным законом от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [6] (далее - Федеральный закон № 131-ФЗ), который, в том числе, определяет контрольные полномочия в определенных сферах по вопросам, отнесенным к компетенции местного самоуправления.

С целью приведения в соответствие федерального закона об общих принципах организации местного самоуправления и иного регионального законодательства с положениями Закона о государственном контроле, Федеральным законом от 11.06.2021 № 170-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [7] были внесены изменения, и в компетенции органов местного самоуправления было отнесено семь видов муниципального контроля, которые не являются новыми.

В соответствии с Федеральным законом № 131-ФЗ и внесенными изменениями, к видам муниципального контроля относятся:

- муниципальный контроль в сфере охраны и использования особо охраняемых природных территорий;
- муниципальный контроль в сфере благоустройства;
- муниципальный контроль на автотранспорте, городском наземном электрическом транспорте и в дорожном хозяйстве;
- муниципальный земельный контроль;
- муниципальный жилищный контроль;
- муниципальный лесной контроль;
- муниципальный контроль за исполнением единой теплоснабжающей организацией обязательств по строительству, реконструкции и модернизации объектов теплоснабжения.

Из ведения органов местного самоуправления были исключены: контроль за использованием и охраной недр, контроль за соблюдением законодательства в области розничной продажи алкогольной и спиртосодержащей продукции и контроль в области торговой деятельности.

Исключение последних и определение полномочий органов местного самоуправления в осуществлении муниципального контроля следует признать положительным аспектом правового регулирования. Однако в Федеральном законе № 131-ФЗ полномочия по осуществлению муниципального контроля не всегда называются путем прямого перечисления его видов, а используются разные формулировки «дорожная деятельность», «создание условий», «обеспечение условий», «содействие в развитии», «обеспечение выполнения работ», «участие в профилактике», «участие в предупреждении», содержание которых в законе не раскрывается.

На стадии работы над законопроектом о государственном контроле некоторые эксперты предлагали закрепить виды муниципального контроля в федеральном законе об общих принципах организации местного самоуправления, тем самым обеспечив взаимосвязь видов муниципального контроля с вопросами местного значения, установленными в Федеральном законе № 131-ФЗ, что возможно реализовать путем дополнения статьи 17.1 Федерального закона № 131-ФЗ общим перечнем видов муниципального контроля.

Несмотря на обозначенный проблемный аспект, положительным моментом следует назвать положение Федерального закона № 248-ФЗ о том, что определенный вид муниципального контроля осуществляется при наличии на территории муниципального образования соответствующих объектов. Очевидно, что реализация тех или иных видов муниципального контроля не всегда необходима. Например, нет необходимости в осуществлении лесного контроля в муниципальном образовании, где отсутствуют леса. Хотя порядок реализации данного механизма не приводится, Федеральный закон № 248-ФЗ указывает на необходимость разработки органами местного самоуправления положения по видам муниципального контроля, в котором муниципальные образования самостоятельно определяют виды такого контроля и механизм его реализации, что потребует принятие соответствующего мотивированного решения уполномоченного органа местного самоуправления.

Как показал системный анализ различных официальных сайтов муниципальных образований Краснодарского края, органы местного самоуправления по вопросам организации муниципального контроля продолжают руководствоваться постановлениями, положениями, принятыми до вступления в действие Закона о государственном контроле, но с учетом новых правил о муниципальном контроле и с учетом изменений, внесенных в закон об общих принципах организации местного самоуправления.

Так, Постановлением Администрации муниципального образования город Краснодар от 19.10.2009 № 3820 «Об утверждении положения об управлении муниципального контроля администрации муниципального образования город Краснодар» предусматриваются следующие виды муниципального контроля: муниципальный земельный контроль; имущественный контроль; проведение осмотра земельных участков; муниципальный контроль в сфере благоустройства территории муниципального образования город Краснодар; муниципальный контроль в сфере размещения рекламных конструкций на территории муниципального образования город Краснодар [8]. Тем самым данным постановлением закреплено только четыре вида контроля из семи, предусмотренных Федеральным законом № 131-ФЗ. Самостоятельными актами (положениями) закрепляется порядок организации каждого из видов контроля и общий план мероприятий на текущий год по их проведению.

Тем самым на сегодняшний день, основным правовым документом на уровне муниципального образования, определяющим вопросы порядка организации и проведения муниципального контроля, является положение о соответствующем виде муниципального контроля, которое утверждается представительным органом.

Одним из нововведений Закона о государственном контроле является отказ от использования административных регламентов осуществления муниципального контроля, что должно упростить его регулирование и устранить дублирование правовых норм. Как уже было отмечено, функционирование муниципальных контрольных органов определяется в соответствии с уставом муниципального образования и положением о конкретном виде муниципального контроля, которые определяют, в том числе, процедурный порядок реализации муниципального контроля. Кроме того, Федеральный закон № 248-ФЗ предусматривает возможность наделяния органов местного самоуправления отдельными полномочиями по осуществлению видов федерального и регионального контроля (надзора). Однако при такой передаче должны учитываться положения закона об общих принципах организации местного самоуправления и передаваемые полномочия не выходить за пределы компетенции муниципальных органов.

Проводя анализ правового регулирования муниципального контроля, следует рассмотреть некоторые процессуальные аспекты, введенные Федеральным законом № 248-ФЗ. Закон о государственном контроле более подробно, чем действующее законодательство раскрывает статус контрольно-надзорных органов, права и обязанности контрольного органа, определяет виды и порядок осуществления профилактических и контрольных мероприятий, создавая в целом новое понятие в контрольно-надзорной деятельности как контрольно-надзорное производство. Данные процессуальные положения являются обязательными и для органов местного самоуправления.

Как отмечают некоторые авторы [9, с. 7], одной из проблем осуществления муниципального контроля является сложность применения механизмов, заложенных в действующем правовом регулировании: в оформлении проведения проверок, согласовании их с органами прокуратуры, проведении контрольных мероприятий, подготовки отчетности, в связи с

чем органы местного самоуправления часто используют иные механизмы, «обходя» положения действующего законодательства о государственном контроле. Конечно, с учетом специфики организации местной власти, система муниципального контроля не должна быть излишне сложной для органов местного самоуправления и должна обеспечивать необходимую гибкость. Поэтому процедуры организации и проведения муниципального контроля необходимо осуществлять с учетом имеющихся ограниченных финансовых, кадровых и организационных возможностей муниципальных образований и Законом о государственном контроле предусмотрены некоторые изъятия из общего регулирования для муниципального контроля.

Федеральный закон № 248-ФЗ, устанавливая принцип приоритета профилактики при осуществлении контрольно-надзорной деятельности и определяя профилактические мероприятия в виде: информирования, обобщения правоприменительной практики, мер стимулирования добросовестности, объявления предостережения, консультирования, самообследования, профилактического визита, для органов местного самоуправления указывает на обязательность использования только двух мероприятий – информирование и консультирование. Остальные могут применяться в случае, если такое решение принято муниципальными органами.

Основным инструментом контрольно-надзорного органа, является контрольно-надзорное мероприятие, которое представляет собой комплекс взаимосвязанных действий. Контрольно-надзорные действия включают девять мероприятий, семь из которых осуществляются во взаимодействии с контролируемыми субъектами: контрольная закупка, мониторинговая закупка, выборочный контроль, инспекционный визит, рейдовый осмотр, документарная проверка, выездная проверка, а два мероприятия без взаимодействия - наблюдение за соблюдением обязательных требований и выездное обследование [10, с. 6]. Перечень видов контрольных мероприятий, которые применяются при осуществлении каждого вида муниципального контроля, устанавливается положением о виде контроля органом местного самоуправления самостоятельно с учетом его достаточности, а также с учетом организационных и кадровых возможностей муниципального органа контроля.

Также Федеральным законом № 248-ФЗ закрепляется обязательный порядок досудебного обжалования решений контрольно-надзорных органов через единую информационную систему. В соответствии с Федеральным законом от 30.12.2021 № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» с 1 марта 2022 года подача исковых заявлений в суд, а также оспаривание действий и решений органов государственной власти осуществляется через Единый портал государственных и муниципальных услуг [11]. Однако применение такого порядка обжалования на муниципальном уровне зависит от готовности органов местного самоуправления к его использованию. Частью 4 статьи 39 Закона о государственном контроле предусмотрено, что положением о виде муниципального контроля может быть установлено, что досудебный порядок подачи жалоб при осуществлении соответствующего вида муниципального контроля не применяется, если иное не установлено законодательством.

Еще одним концептуальным положением Федерального закона № 248-ФЗ является осуществление контрольно-надзорной деятельности в электронном виде – оформление документации, обмен информацией с контролируемыми субъектами, создание и использование разного вида реестров. Органы местного самоуправления как субъекты, реализующие муниципальный контроль обязаны соблюдать данное положение. Вместе с тем, необходимо учитывать и различия муниципальных органов по уровню технических возможностей использования цифровых технологий. С этой целью Законом о государственном контроле установлены переходные положения, предполагающие что, до 31 декабря 2023 года положением о виде муниципального контроля могут предусматриваться подготовка органами муниципального контроля в ходе осуществления муниципального контроля документов, информирование контролируемых лиц о совершаемых должностными лицами органов муниципального контроля действиях и принимаемых решениях, обмен документами и сведениями с контролируемыми лицами на бумажном носителе.

Рассмотрев особенности правового регулирования муниципального контроля и, несмотря на отсутствие единого федерального закона о видах муниципального контроля, следует отметить наметившуюся положительную динамику его реализации органами местного самоуправления.

Вместе с тем, реализация предусмотренных Федеральным законом № 248-ФЗ более упрощенных механизмов муниципального контроля потребует значительных финансовых и управленческих ресурсов органов местного самоуправления по освоению новых видов контрольно-надзорных мероприятий, налаживанию процессуального документооборота и единой информационной системы. Кроме того, отдельного рассмотрения требует взаимосвязь муниципального контроля с законодательством об административных правонарушениях, с позиции наделения контрольных органов полномочиями по привлечению подконтрольных субъектов к административной ответственности. В сфере реализации муниципального контроля на органы местного самоуправления распространяется как действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, так и законодательство субъектов Российской Федерации об административной ответственности и имеющиеся коллизии правового соотношения, не всегда дают возможность осуществления полноценного контроля за исполнением обязательных требований на местном уровне, что снижает эффективность его реализации.

В целом, проводимая регуляторная реформа вызывает необходимость поиска новых подходов к обеспечению связи законодательства о муниципальном контроле и законодательства об административных правонарушениях.

Литература и источники

1. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5007
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 16.02.2022).
3. Овчинников И.И., Писарев А.Н. Муниципальное право: учебник и практикум для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2022. 432 с.
4. Пахомов А. Муниципальный контроль в новом Федеральном законе «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»: новшества и особенности регулирования // Закон. – URL: <https://zakon.ru/Profile/Show/127815> (дата обращения: 15.02.2022).
5. ФГИС «Единый реестр проверок» // Официальный интернет-портал – URL: <https://proverki.gov.ru/portal> (дата обращения: 20.02.22)
6. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822
7. Федеральный закон от 11.06.2021 № 170-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 24 (Часть I). Ст. 4188.
8. Постановление администрации от 19.10.2009 № 3820 «Об утверждении положения об управлении муниципального контроля администрации муниципального образования город Краснодар» // Администрация муниципального образования город Краснодар. – URL: <https://krd.ru/administratsiya/administratsii-krasnodara/upravlenie-munitsipalnogo-kontrolya/norm-dok/polozhenie-u-m-k/> (дата обращения 20.02.2022)
9. Минин В.В. Анализ новой системы правового регулирования контрольно-надзорной деятельности // Административное право и процесс. 2021. №10. С. 68-72.
10. Кнотов А.В., Чаплинский А.В. Рейдовые осмотры и обследования как форма осуществления государственного и муниципального контроля // Российский юридический журнал. 2019. № 1. С. 110-123.
11. Федеральный закон от 30.12.2021 № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 1 (Часть I). Ст. 9.

References and Sources

1. Federal'nyj zakon ot 31.07.2020 № 248-FZ «O gosudarstvennom kontrole (nadzore) i municipal'nom kontrole v Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 2020. № 31 (chast' I). St. 5007
2. Konstitucija Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (data obrashcheniya 16.02.2022).
3. Ovchinnikov I.I., Pisarev A.N. Municipal'noe pravo: uchebnik i praktikum dlya vuzov. 4-e izd., pererab. i dop. M.: YUrajt, 2022. 432 s.
4. Pahomov A. Municipal'nyj kontrol' v novom Federal'nom zakone «O gosudarstvennom kontrole (nadzore) i municipal'nom kontrole v Rossijskoj Federacii»: novshestva i osobennosti regulirovaniya // Zakon. – URL: <https://zakon.ru/Profile/Show/127815> (data obrashcheniya: 15.02.2022).
5. FGIS «Edinyj reestr proverok» // Oficial'nyj internet-portal – URL: <https://proverki.gov.ru/portal> (data obrashcheniya: 20.02.22)
6. Federal'nyj zakon ot 06.10.2003 № 131-FZ «Ob obshchih principah organizacii mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 2003. № 40. St. 3822
7. Federal'nyj zakon ot 11.06.2021 № 170-FZ «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v svyazi s prinyatiem Federal'nogo zakona «O gosudarstvennom kontrole (nadzore) i municipal'nom kontrole v Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 2021. № 24 (Chast' I). St. 4188.
8. Postanovlenie administracii ot 19.10.2009 № 3820 «Ob utverzhdenii polozheniya ob upravlenii municipal'nogo kontrolya administracii municipal'nogo obrazovaniya gorod Krasnodar» // Administraciya municipal'nogo obrazovaniya gorod Krasnodar. – URL: <https://krd.ru/administratsiya/administratsii-krasnodara/upravlenie-munitsipalnogo-kontrolya/norm-dok/polozhenie-u-m-k/> (data obrashcheniya 20.02.2022)
9. Minin V.V. Analiz novoj sistemy pravovogo regulirovaniya kontrol'no-nadzornoj deyatel'nosti // Administrativnoe pravo i process. 2021. №10. S. 68-72.
10. Knutov A.V., Chaplinskij A.V. Rejdovye osmotry i obsledovaniya kak forma osushchestvleniya gosudarstvennogo i municipal'nogo kontrolya // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2019. № 1. S. 110-123.
11. Federal'nyj zakon ot 30.12.2021 № 440-FZ «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 2022. № 1 (Chast' I). St. 9.

СОЛОВЬЕВА СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия.
SOLOVEVA, SVETLANA V. – Ph.D. in Law, Associate Professor of the Department of Administrative and Financial Law of the North Caucasus Branch of the «Russian State University of Justice» (solovjova-svetlana@yandex.ru).

УДК 342.951

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-1-91-95

МОРОЗОВ В.Е.

**АЛГОРИТМИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ В СИСТЕМЕ ФЕДЕРАЛЬНОЙ
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ ОЦЕНКИ ВОЗДЕЙСТВИЯ
НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ)**

Ключевые слова: риск, управление рисками, программирование, прогнозирование, регуляторная реформа, машинное обучение, алгоритм.

Статья посвящена раскрытию сущности правового механизма по управлению рисками. Развитие функциональной направленности определено введением обязательных требований, которые установили концепцию работы федеральных министерств и ведомств. Так, установление регуляторной реформой требований к деятельности федеральной исполнительной власти предопределило особый порядок принятия нормативных правовых актов, что повлекло к изучению вопросов совершенствования их содержания. Взаимосвязь оценки воздействия и механизма управления рисками представляется возможным совершенствовать с помощью специального инструментария. Анализируя новеллу данного правового института в административном праве, автор приходит к выводу о необходимости обратиться к описанию процедуры управления рисками с помощью машинного обучения.

MOROZOV, V.E.

**THE ALGORITHMIC RISK-MANAGEMENT AT THE SYSTEM OF FEDERAL EXECUTIVE POWER (AN EXAMPLE OF
ASSESSMENT OF THE IMPACT OF REGULATORY LEGAL ACTS)**

Key words: risk, risk-management; programming; forecasting; regulatory reform; machine learning; algorithm.

The article is concentrated to disclosing the essence of the risk management mechanism. The development of the functional orientation is determined by the introduction of mandatory requirements that established the concept of the work of federal ministries and departments. Thus, the establishment of requirements for the activities of the federal executive power by the regulatory reform predetermined a special procedure for the adoption of regulatory legal acts, which led to the study of issues of improving their content. It seems possible to improve the relationship between impact assessment and risk management mechanism with the help of special tools. Analyzing the novelty of this legal institution in administrative law, the author arrives at the conclusion that it is necessary to define to the description of the risk management procedure to help with machine-learning algorithms.

Различные подходы оценки вероятности сегодня могут успешно использоваться при правовой оценке риска [1, с. 23]. При этом в качестве системных трудностей правовой оценки риска можно выделить ограниченность собственно правового инструментария оценки и, как следствие, необходимость использовать привлеченные знания о риске.

Теоретические положения в поиске подходов риск-менеджмента нашли свое отражение в таможенном деле. Так, в 1995 году в Австрии впервые в мире был создан стандарт по управлению рисками в таможенной службе [2, с. 3]. В начале 2000-х гг. многие международные организации (Всемирный банк, ОЭСР, ВТамО) провели обобщение опыта внедрения систем управления рисками в государственном секторе и выработали как общие рекомендации, так и конкретные модели построения схем принятия решений на основе «риск-ориентированного подхода» [3].

Государством для выполнения своей важнейшей функции, связанной с обеспечением безопасности общества, а также его индивидов, в 2015 г. одним из инструментов управления выступил риск-ориентированный подход был внедрен в сферу регулирования общественных отношений применительно к риск-ориентированному подходу в том числе в форме регулирования деятельности; стандартизации продукции либо работ (услуг); осуществления контрольных и надзорных полномочий [4, с. 7].

Действующее законодательство о регуляторной гильотине установило организационные и правовые основы установления и оценки применения нормативно установленных обязательных требований, связанных с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности. Однако соблюдение этих требований проверяется в рамках функции по контролю и надзору [5, с. 49]. Без внимания законодателя оставлена функция по принятию нормативных правовых актов, которые в том числе напрямую связаны с установлением обязательных требований для субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности.

Федеральным законом о регуляторной гильотине предусмотрен порядок установления и оценки применения содержащихся в нормативных правовых актах обязательных требований для

субъектов экономической деятельности [6]. Таким образом, устанавливаются специальные критерии при принятии нормативных правовых актов, в том числе федеральными органами исполнительной власти.

Безусловно, регуляторная реформа явилась новым этапом внедрения риск-ориентированного подхода при осуществлении государственных функций. Стоит отметить, что ранее он применялся только в контрольно-надзорной деятельности на основании с ч. 2 ст. 8.1 федерального закона о защите прав предпринимателей при госконтроле [7].

Риск-ориентированный подход также нашел свое отражение в стратегическом планировании. На основании пункта 8(4) Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ РФ (далее – Порядок оценки госпрограмм) при составлении государственных программ, которые имеют территориальную привязку, должны в подпрограммах по опережающему развитию приоритетных территорий формироваться исходя из предупреждения потенциальных рисков качеству жизни граждан на таких территориях. А при подготовке любого типа госпрограмм в порядке, предусмотренном пунктом 9 Порядка оценки госпрограмм должны быть разработаны дополнительные и обосновательные материалы, в которых дается анализ социальных и финансово-экономических рисков и происходит описание рисков на этапах реализации государственной программы, в том числе описание механизмов управления рисками и мер по их минимизации [8].

Между тем в статьях федерального закона о регуляторной гильотине при принятии нормативных правовых актов также можно наблюдать применение риск-ориентированного подхода, который выражается в следующем.

Во-первых, наличие риска причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям является основанием установления обязательных требований. При этом предварительно необходимо проводить оценку наличия риска, которая должна основываться на анализе объективной и регулярно собираемой информации об уровне причиненного охраняемым законом ценностям вреда (ущерба). Вторым условием внедрения обязательных требований является соразмерность затрат лиц, в отношении которых они устанавливаются (ст. 9 федерального закона о регуляторной гильотине) [6].

Во-вторых, это минимизация рисков при применении обязательных требований. Для данной цели федеральным законом о регуляторной гильотине предусмотрено две процедуры управления рисками: оценка регулирующего воздействия и оценка фактического воздействия.

На основании Правил проведения ОРВ в сводном отчете о проекте правового акта, имеющего высокую степень регулирующего воздействия, должна содержаться оценка риска причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям во взаимосвязи с рисками решения проблемы предложенным способом регулирования и рисками негативных последствий, в отношении которых они устанавливаются [9].

Оценка фактического воздействия обязательных требований проводится в целях анализа обоснованности установленных обязательных требований. То есть проводится оценка их применения, в рамках которой федеральный орган исполнительной власти готовит характеристику системы оцениваемых требований, в том числе анализ снижения (устранения) рисков с указанием конкретных рисков [10]. Таким образом, оценка фактического воздействия выносите проводится в целях принятия решения о продолжении применения нормативного акта или, в случае выявленных негативных последствий воздействия на регулирующую среду, отменить или изменить его.

Ранее учеными констатировалось, что анализ регуляторного воздействия включает саму оценку концепции проекта правового акта либо изменений в него, образующие следующие стадии: оценку регулирующего воздействия проекта акта, анализ начального периода внедрения нормативного акта в правовую среду, а также оценку фактического воздействия нормативного акта. Иными словами, без проведения оценки регулирующего воздействия нельзя проводить оценку фактического воздействия в отношении нормативных правовых актов [11, с. 255]. В настоящее время в науке административного права поднимается вопрос о внедрении машинного обучения. По мере развития технологий многие из задач, которые когда-то требовали искусственного интеллекта (ИИ), стали рутинной. Многие из этих задач были перенесены на машинное обучение (ML, MO) [12, с. 6-7]. Сегодня машинное обучение широко используется в

частном секторе, где его способность делать чрезвычайно точные прогнозы в сложных пространствах решений сделала его неотъемлемой частью систем рекомендаций потребителям, маркетинговым кампаниям и пр. Ценность машинного обучения заключается в его способности учиться самостоятельно. Учитывая преимущества этих алгоритмов, у государственных органов есть много возможностей воспользоваться ими.

Машинное обучение (далее – МО) – это класс искусственных методов разведки, особенностью которых не является непосредственное решение проблемы, а обучение во время процесса принятия решений прогнозируемых проблем. Для построения таких методов данные ученые применяют различные методы работы с данными в цифровом виде: математическая статистика, численные методы, методы оптимизации, теория вероятностей, теория графов.

Контролируемое машинное обучение автоматически выполняет и обновляет межстрановые сравнения и подробные рейтинги сложности по странам на основе новых данных, отобранных из рейтинговых значений, собственных источников. Кроме того, алгоритмы МО могут указать, какие части программного обеспечения, вероятно, потребуют улучшений путем установления или исключения новых (или предстоящих) юридических требований. Кроме того, МО может помочь определить условия, которые необходимы для внедрения или поддержания существующих юридически конкретизирующих действующих правовых актов.

Алгоритмы машинного обучения учатся на множестве нормативных актов страны и их изменений во взаимосвязи с правовым регулированием в зарубежных государствах. МО может, например, анализировать налоговые отчеты и предупреждать субъектов предпринимательской деятельности о том, когда и что рассмотреть при решении вопроса по соблюдению действующего законодательства и предупреждения наступления штрафных санкций. Объективные данные о сложности месторасположения предприятия, проанализированное МО, также может позволить учесть данные факторы при характеристике оценки воздействия [13, с. 132]. Между тем, при описании рисков воздействия нормативных правовых актов, на наш взгляд, могут быть учтены инструментарии машинного обучения. Приведем некоторые из них.

Безусловно, «дерево принятия решений» дает методологическое преимущество в форме структурированности и систематизации проблемы, итоговое решение принимается на базе логически-обоснованных выводов.

Технология «наивная байесовская классификация» является простой вероятностной классификацией, которая основана теоремой Байеса [14, р. 241]. На практике байесовские классификаторы используются, например, в определении спама, приходящего на электронную почту или распознавании эмоциональной окраски текста. В задачах установления юридических требований данные классификаторы могут быть задействованы при оценке воздействия вероятности возникновения и классификации значимости угрозы наступления бизнес-рисков в случае принятия нормативного правового акта и внесение изменений в него.

Метод логической регрессии известен благодаря статистической модели с последующим прогнозированием вероятности возникновения некоторого события путём его сравнения с логистической кривой [15, р. 293]. В качестве ответа логистическая регрессия выдаёт вероятность бинарного события (0 или 1). Практическое значение логистической регрессии заключается в том, что она выступает действенным статистическим методом предсказания событий, который содержит одну или несколько независимых переменных. Поэтому данная модель востребована, например, в задачах прогноза прибыли с продажи определенного товара и, соответственно, может определять долю убытков для субъекта предпринимательской деятельности вследствие наступления административных и гражданско-правовых последствий.

Алгоритмы кластеризации. Одним из основоположников теории кластерного развития в экономике является М. Портер. Согласно Портеру: «Кластер – это группа географически соседствующих взаимосвязанных компаний и связанных с ними организаций, действующих в определенной сфере, характеризующихся общностью деятельности и взаимодополняющих друг друга» [16, с. 168]. Основная задача кластеризации сводится к распределению множества объектов по заданным категориям таким образом, чтобы в каждой из категорий (кластере) оказались наиболее схожие между собой объектам и относится к широкому классу задач обучения без учителя. Проводить кластеризацию объектов можно используя различные алгоритмы машинного обучения: графовые алгоритмы кластеризации, алгоритм k-средних (k-means), EM-алгоритмы,

модели нейросетевого моделирования и др. В оценке воздействия нормативных правовых актов кластерный анализ целесообразно задействовать, например, при разработке ключевых направлений кластерной политики государства, разработке методов моделирования развития кластеров и мониторинге результатов их деятельности, оценке эффективности кластера в целом и отдельных его участников, оценке социально-экономической эффективности кластера с позиции реализации обязательных требований.

Использование инструментария машинного обучения в задачах анализа и прогнозирования экономической безопасности в совокупности с традиционными методами позволит дать более комплексную оценку происходящим явлениям. Профильным министерствам и ведомствам необходимо изучить вопрос целесообразности применения методов искусственного интеллекта и машинного обучения к социально-экономическим проблемам, которые эти институты уже решают другими способами. При этом необходимо проявлять особую осторожность, чтобы обеспечить результативность принимаемых решений, базирующихся на доказательной верификации и валидации методов машинного обучения. При соблюдении данного требования внедрение технологий машинного обучения в задачи оценок воздействия правовых норм будет создавать новые возможности для анализа и прогнозирования, а также исключать значительные риски принятия неэффективных решений [17, с. 92-105].

Следует отметить, что алгоритмы машинного обучения применялись, чтобы направлять полицейских в потенциально опасные районы. Они использовались местными властями в Чикаго (США), чтобы направлять инспекторов ресторанов в заведения, которые, вероятно, нарушают стандарты безопасности пищевых продуктов [18, р. 25].

Между тем не всегда внедрение систем машинного обучения при заданных алгоритмах является успешным. Например, в некоторых случаях американские суды отмечают, что при заданных алгоритмах необходимо обращать внимание на параметры с учетом прав человека [19].

В связи с изложенным, полагаем, что внедрение в систему управления рисками специальных алгоритмов для их прогнозирования позволит, во-первых, исключить человеческий фактор (коррупционные риски) в принятии решений; во-вторых, предсказывать риски наиболее точно и оперативно, чем при использовании статистических методов. Между тем основная проблема введения алгоритмического управления рисками заключается в исключении принципа прозрачности в принятии решений, с одной стороны, и рационального принятия решений с учетом приоритета прав и свобод человека, – с другой стороны.

Литература и источники

1. Крючков Р.А. Аналитическая стадия правового управления рисками // Правовые вопросы недвижимости. 2010. № 1.
2. Точин А.В. Управление таможенными рисками в Евразийском экономическом союзе // Таможенное дело. 2017. № 1.
3. Risk Management Guide, WCO, June 2003. // URL: <https://test0302.carecprogram.org/uploads/WCO-Risk-Management-Guide.pdf>
4. Калужный Ю.Н. Управление рисками причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям в сфере безопасности дорожного движения // Транспортное право. 2021. № 2.
5. Вахмистрова С.И., Вахмистров В.П. «Регуляторная гильотина» в нормативно-правовой практике МЧС России // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2020. № 4(49).
6. Федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» // Доступ из СПС «Консультант-плюс» (дата обращения: 14.03.2022 г.)
7. Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // Доступ из СПС «Консультант-плюс» (дата обращения: 14.03.2022 г.)
8. Постановление Правительства РФ от 02.08.2010 № 588 «Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации» // Доступ из СПС «Консультант-плюс» (дата обращения: 14.03.2022 г.)
9. Постановление Правительства РФ от 17.12.2012 № 1318 «О порядке проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической комиссии, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // Доступ из СПС «Консультант-плюс» (дата обращения: 14.03.2022 г.)
10. Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 № 2454 «Об утверждении Правил оценки применения обязательных требований, содержащихся в нормативных правовых актах, подготовки, рассмотрения доклада о достижении целей введения обязательных требований и принятия решения о продлении срока действия нормативного правового акта, устанавливающего обязательные требования, или о проведении оценки фактического воздействия нормативного правового акта, устанавливающего обязательные требования» // Доступ из СПС «Консультант-плюс» (дата обращения: 14.03.2022 г.)
11. Соколова О.С. Оценка фактического воздействия как новая технология нормотворчества. // Управление социально-экономическим развитием территорий: оперативное регулирование на текущие и стратегические вызовы. Сборник трудов конференции. Хабаровск, 2017.
12. Азимбаев Д.Ж., Куан И.А., Гулида И.В. Искусственный интеллект и машинное обучение // Вестник современных исследований. 2019. № 1.3(28).

13. Пискарев Д.М. Интеллектуальный анализ данных и машинное обучение как методы управления рисками соответствия // Инновации и инвестиции. 2019. №10.
14. Becker, B., Kohavi, R., Sommerfield, D. Visualizing the simple Bayesian classifier // In Fayyad, U., Grinstein, G., Wierse, A., eds.: Information Visualization in Data Mining and Knowledge Discovery. Morgan Kaufmann Publishers, San Francisco, 2001.
15. David, W. Hosmer, Stanley Lemeshow. Applied Logistic Regression, 2nd ed. New York, Chichester, Wiley. 2002.
16. Портер М. Конкуренция / пер. с англ. М.: Вильямс, 2010.
17. Митяков Е.С. Машинное обучение в задачах обеспечения экономической безопасности // Развитие и безопасность. 2020. № 4(8).
18. Cary Coglianese & David Lehr. Transparency and Algorithmic Governance // Administrative law review. 2019. ALR-71.3.
19. Alaska v. Lubchenco. URL: <https://cases.justia.com/federal/district-courts/district-of-columbia/dcdce/1:2010cv00927/142454/61/0.pdf?ts=1411523934>

References and Sources

1. Kryuchkov R.A. Analiticheskaya stadiya pravovogo upravleniya riskami // Pravovye voprosy nedvizhimosti. 2010. № 1.
2. Tochinn A.V. Upravlenie tamozhennymi riskami v Evrazijskom ekonomicheskom soyuze // Tamozhennoe delo. 2017. № 1.
3. Risk Management Guide, WCO, June 2003. // URL: <https://test0302.carecprogram.org/uploads/WCO-Risk-Management-Guide.pdf>
4. Kalyuzhnyj Yu.N. Upravlenie riskami prichineniya vreda (ushcherba) ohranyaemym zakonom cennostyam v sfere bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Transportnoe pravo. 2021. № 2.
5. Vahmistrova S.I., Vahmistrov V.P. «Regulyatornaya gil'otina» v normativno-pravovoj praktike MCHS Rossii // Pravo. Bezopasnost'. CHrezvychajnye situacii. 2020. № 4(49).
6. Federal'nyj zakon ot 31.07.2020 № 247-FZ «Ob obyazatel'nyh trebovaniyah v Rossijskoj Federacii» // Dostup iz SPS «Konsul'tant-plyus» (data obrashcheniya: 14.03.2022 g.)
7. Federal'nyj zakon ot 26.12.2008 № 294-FZ «O zashchite prav yuridicheskikh lic i individual'nyh predprinimatelej pri osushchestvlenii gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) i municipal'nogo kontrolya» // Dostup iz SPS «Konsul'tant-plyus» (data obrashcheniya: 14.03.2022 g.)
8. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 02.08.2010 № 588 «Ob utverzhenii Poryadka razrabotki, realizacii i ocenki effektivnosti gosudarstvennyh programm Rossijskoj Federacii» // Dostup iz SPS «Konsul'tant-plyus» (data obrashcheniya: 14.03.2022 g.)
9. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 17.12.2012 № 1318 «O poryadke provedeniya federal'nymi organami ispolnitel'noj vlasti ocenki reguliruyushchego vozdejstviya proektov normativnyh pravovyh aktov i proektov reshenij Evrazijskoj ekonomicheskoj komissii, a takzhe o vnesenii izmenenij v nekotorye akty Pravitel'stva Rossijskoj Federacii» // Dostup iz SPS «Konsul'tant-plyus» (data obrashcheniya: 14.03.2022 g.)
10. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 31.12.2020 № 2454 «Ob utverzhenii Pravil ocenki primeneniya obyazatel'nyh trebovanij, soderzhashchihysya v normativnyh pravovyh aktah, podgotovki, rassmotreniya doklada o dostizhenii celej vvedeniya obyazatel'nyh trebovanij i prinyatiya resheniya o prodlenii sroka dejstviya normativnogo pravovogo akta, ustanavlivayushchego obyazatel'nye trebovaniya, ili o provedenii ocenki fakticheskogo vozdejstviya normativnogo pravovogo akta, ustanavlivayushchego obyazatel'nye trebovaniya» // Dostup iz SPS «Konsul'tant-plyus» (data obrashcheniya: 14.03.2022 g.)
11. Sokolova O.S. Ocenka fakticheskogo vozdejstviya kak novaya tekhnologiya normotvorchestva. // Upravlenie social'no-ekonomicheskim razvitiem territorij: operativnoe regulirovanie na tekushchie i strategicheskie vyzovy. Sbornik trudov konferencii. Habarovsk, 2017.
12. Azimbaev D.Zh., Kuan I.A., Gulida I.V. Iskusstvennyj intellekt i mashinnoe obuchenie // Vestnik sovremennyh issledovanij. 2019. № 1.3(28).
13. Piskarev D.M. Intellektual'nyj analiz dannyh i mashinnoe obuchenie kak metody upravleniya riskami sootvetstviya // Innovacii i investicii. 2019. №10.
14. Becker, B., Kohavi, R., Sommerfield, D. Visualizing the simple Bayesian classifier // In Fayyad, U., Grinstein, G., Wierse, A., eds.: Information Visualization in Data Mining and Knowledge Discovery. Morgan Kaufmann Publishers, San Francisco, 2001.
15. David, W. Hosmer, Stanley Lemeshow. Applied Logistic Regression, 2nd ed. New York, Chichester, Wiley. 2002.
16. Porter M. Konkurenciya / per. s angl. M.: Vil'yame, 2010.
17. Mityakov E.S. Mashinnoe obuchenie v zadachah obespecheniya ekonomicheskoj bezopasnosti // Razvitie i bezopasnost'. 2020. № 4(8).
18. Cary Coglianese & David Lehr. Transparency and Algorithmic Governance // Administrative law review. 2019. ALR-71.3.
19. Alaska v. Lubchenco. URL: <https://cases.justia.com/federal/district-courts/district-of-columbia/dcdce/1:2010cv00927/142454/61/0.pdf?ts=1411523934>

МОРОЗОВ ВИТАЛИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ - старший преподаватель кафедры «Государственно-правовые дисциплины», Тихоокеанский государственный университет (Хабаровск) (myself007@mail.ru).
MOROZOV, VITALY E. - Senior Lecturer, Department of State and Legal Disciplines, Pacific State University.

УДК 343.2/.7

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-1-95-101

АКИМОЧКИН В.И., ПОЗНЯК В.Д.
ДОВЕДЕНИЕ ДО САМОУБИЙСТВА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Ключевые слова: самоубийство, попытка самоубийства, доведение до самоубийства, ответственность за доведение до самоубийства.

В большинстве современных стран самоубийство или покушение на самоубийство воспринимаются как острая социальная проблема, стоящая перед государством и негативно влияющая на общество в целом. Самоубийства и попытки самоубийств имеют серьезные эмоциональные, физические и экономические последствия. Люди, которые пытаются покончить с собой и выживают, могут получить серьезные травмы, которые выражаются в долгосрочных последствиях для их здоровья. В период с 1999 по 2020 год количество самоубийств в стране увеличилось на 33%, одновременно с увеличением количества подстрекательств к самоубийству, особенно с развитием социальных сетей. Нормы уголовного законодательства, предусматривающие ответственность за доведение до самоубийства, встречаются в законодательстве разных стран, поскольку проблема суицида является глобальной проблемой. Показано, что составы доведения до самоубийства имеют сходства и различия в каждой отдельной стране, даже в рамках одной и той же правовой системы. На основе проведенного сравнительно-правового анализа, авторы предлагают внести изменения в статью 110.2 УК РФ, дополнив ее новой частью: «Пропаганда или реклама, вне зависимости от способа, товаров и предметов в качестве средств совершения самоубийства».

AKIMOCHEKIN, V.I., POZNYAK, V.D.
DRIVING TO SUICIDE: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Key words: suicide, attempted suicide, incitement to suicide, liability for incitement to suicide.

In most modern countries, suicide or attempted suicide is perceived as an acute social problem facing the state and negatively affecting society as a whole. Suicide and suicide attempts have serious emotional, physical and economic consequences. People who try to commit suicide and survive can suffer serious injuries with long-term consequences for their health. Between 1999 and 2020, the number of suicides in the country increased by 33%, along with an increase in the number of incitement to suicide, especially with the development of social networks. The norms of criminal law providing for liability for incitement to suicide are found in the legislation of different countries, since the problem of suicide is a global problem. It is shown that the compositions of incitement to suicide have similarities and differences in each individual country, even within the same legal system. On the basis of a comparative legal analysis, the authors propose to amend Article 110.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, supplementing it with a new part: "Propaganda or advertising, regardless of the method, goods and objects as a means of committing suicide."

Суицид – с латинского «suicidium» – термин, содержащий местоимение sui (я) и глагол caedere (убивать), то есть преднамеренный акт лишения себя жизни. Такое явление, как самоубийство существовало на протяжении всей истории, во всех культурах и периодах времени. Причины, по которым люди думают о самоубийстве, столь же сложны и разнообразны, как и сами люди. Защита человека, его жизни и здоровья, как социальных ценностей, регламентируется нормами уголовного кодекса как Российской Федерации, так и зарубежных стран. Мировое сообщество рассматривает самоубийство как огромную проблему, стоящую перед современным социумом. Каждое самоубийство – это трагедия, которая сказывается на жизни семей, общин и целых стран и имеет долгосрочные последствия для близких погибшего. Самоубийство, как глобальный феномен, характерен для всех регионов мира. Ежегодно более 700.000 человек кончают жизнь суицидом. Но эта цифра не финальная – на каждое самоубийство приходится 10–20 попыток самоубийства. Согласно информационному бюллетеню ВОЗ «Самоубийство», самоубийства происходят не только в странах с высоким уровнем дохода: в 2019 году 77% всех самоубийств были совершены в странах с низким и средним уровнем дохода [1]. Пандемия Covid-19 только усилила факторы риска, связанные с самоубийствами. По всему миру растет статистика самоубийств, которые связывают с психическим состоянием населения, сталкивающегося с ограничениями в борьбе с пандемией.

В борьбе с суицидом принимаются меры как на национальном уровне, так и на международном. На международном уровне реализуется Программа действий ВОЗ по ликвидации пробелов в области психического здоровья (mhGAP), в рамках которой планируется к 2030 году снизить показатель самоубийств на 10% [2].

Суровая реальность самоубийств в России очевидна: согласно статистике, в 2020 году уровень самоубийств составлял 26,5 на 100000 населения по сравнению с 11,7 на 100000 во всем мире. По статистике мужских самоубийств Российская Федерация занимает лидирующие позиции.

В российском уголовном законодательстве доведение до самоубийства традиционно рассматривается как преступление. При этом еще в Уложении «О наказаниях уголовных и исправительных» 1845 года впервые появилась норма о доведении до самоубийства. Впоследствии сходные нормы содержались в советских Уголовных кодексах 1926 и 1960 гг. и в Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 года. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) содержит 3 статьи, относящихся к самоубийству: доведение до самоубийства (статья 110), склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (статья 110.1), организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (статья 110.2) [3].

С 2017 года статьи УК РФ излагаются в новой редакции, появляется квалифицированный состав доведения до самоубийства (часть 2 статьи 110) и увеличивается наказание за основной состав. Причиной, побудившей законодателя внести изменения, представляется участвовавшие случаи совершения суицида, сопряженных с воздействием на психику с помощью информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе через «Интернет»: так, определенным поводом для изложения текста в новой редакции, стало участие в смертельных виртуальных играх (в том числе в игре «Синий кит») детей, погибших при разных обстоятельствах с ноября 2015 года по апрель 2016 года.

К квалифицирующим признакам законодатель относит совершение деяния:

- а) в отношении несовершеннолетнего либо заведомо беспомощного или зависимого от виновного лица;
- б) в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности;

- в) в отношении двух или более лиц;
- г) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;
- д) в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, СМИ или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»).

Основной состав преступления включает в себя наказание в виде принудительных работ на срок до пяти лет либо лишение свободы на срок от двух до шести лет. Квалифицированный состав - лишение свободы на срок от восьми до пятнадцати лет.

Часть первая статьи 110 УК РФ рассматривает в качестве потерпевшего совершеннолетнее психически здоровое лицо. Во второй части статьи 110 УК РФ находится ограниченный круг лиц, которые могут выступать в качестве потерпевшего. Для признания преступления окончательным необходимым последствием является смерть человека, наличие причинно-следственной связи между деянием и последствием. Должно быть установлено, что именно из-за виновного поведения одного лица, произошёл суицид другого лица. В случае содействия совершению самоубийства, например, при помощи снабжения жертвы орудиями совершения самоубийства, необходимо, чтобы суицид был совершён именно при их непосредственном использовании.

Субъективная сторона рассматриваемого преступления предполагает совершение деяния с прямым или косвенным умыслом.

Нормы, устанавливающие уголовную ответственность за доведение до самоубийства, предусмотрены в законодательстве разных стран и имеют некоторые отличия. Представляется возможным сравнить нормы уголовного законодательства Российской Федерации с нормами уголовных кодексов стран романо-германской (Франция, Италия) и англо-саксонской правовых семей (Австралия, Канада, Новая Зеландия).

Для французского законодательства поворотным моментом в этом вопросе явилась Декларация прав человека и гражданина 1789 года. Согласно Декларации, свобода каждого человека «состоит в возможности делать все, что не наносит вреда другому» [4]. Таким образом, естественные права человека не ограничиваются до тех пор, пока не ущемляются права других лиц. После обнародования Декларации запрет на самоубийство и наказание за него не включены ни в Уголовный кодекс 1791 года, ни в Кодекс правонарушений и наказаний 1795 года.

Уголовный кодекс 1810 года и действующий Уголовный кодекс Франции также не упоминают о самоубийстве, как о преступлении. В то же время некоторые преступления, связанные с самоубийством, предусмотрены Уголовным кодексом Франции. Это касается, например, подстрекательства к самоубийству (статья 223–13) и пропаганды или рекламирования средств причинения себе смерти (статья 223–14) [5].

Подстрекательство к самоубийству, как преступление, вновь обрело популярность благодаря развитию социальных сетей, таких как Facebook, Twitter, TikTok, Instagram, Snapchat, общение в которых в части случаев приводит к подстрекательству к самоубийству.

Норма, устанавливающая ответственность за подстрекательство к самоубийству содержится в статье 223–13 УК Франции. Подстрекательство к самоубийству по своей сути состоит из акта провокации, который может быть направлен как на конкретного человека, так и на неопределённую группу людей. Для доказывания факта преступления потребуются либо показания третьего лица, либо аудиозапись или видеозапись. Маловероятно, что лицо, обвиняемое в подстрекательстве к самоубийству, будет осуждено лишь на основании заявлений жертвы.

Необходимо отметить, что за подстрекательством должен последовать результат, то есть самоубийство или попытка самоубийства. Если «жертва» не совершила самоубийства или не попыталась совершить его, преступления не будет. Что касается умысла, то действие должно быть совершено осознанно, исполнитель должен понимать предосудительный характер своего поступка, хотеть, чтобы лицо совершило самоубийство.

В статье 223–15 говорится о том, что, если преступление, связанное с подстрекательством к самоубийству, совершается посредством печатных или аудиовизуальных средств массовой информации, оно может преследоваться в соответствии с конкретными законами, регламентирующими деятельность средств массовой информации. Это преступление наказывается лишением свободы на срок до трех лет и штрафом в размере 45 000 евро. Предусмотренное наказание за подстрекательство к самоубийству увеличивается, если жертвой является несовершеннолетнее лицо в возрасте до пятнадцати лет. Это отягчающее обстоятельство

основано на том факте, что несовершеннолетний психологически слабее взрослого. В этом случае наказание составляет пять лет лишения свободы и штраф в размере 75 000 евро. Особенностью данного преступления является то, что к ответственности, в соответствии со статьей 223–15–1, могут быть привлечены юридические лица. Юридические лица, виновные в совершении преступления, несут дополнительное наказание в виде запрета на деятельность сроком на пять лет.

Статья 223–14 Уголовного кодекса Франции также относит к преступлению «пропаганду или рекламу, независимо от способа, товаров, предметов в качестве средств причинения себе смерти». Преступление пропаганды средств самоубийства построено вокруг возможности того, что третье лицо вмешивается в сферу личной свободы человека, планирующего совершить самоубийство, и возможности того, что его действия повлияют на волю человека. Третья сторона намеренно принимает на себя риск повлиять или спровоцировать акт суицида своими действиями, а именно пропагандой или рекомендацией (рекламой) средств и методов, способствующих совершению самоубийства. Под рекламой в данном случае понимается любая информация, предназначенная для того, чтобы у лица была возможность ознакомиться с результатом использования товара или услуги. Реклама должна быть посвящена продуктам, предметам, средствам и методам, которые пропагандируются как средства причинения смерти. Факт смерти лица, использующего товары, средства или методы не обязателен, достаточно факта рекламы или пропаганды. Это преступление наказывается лишением свободы на срок до трех лет и штрафом в размере 45 000 евро. Данное правонарушение не предусматривает отягчающих обстоятельств. Когда преступление совершается с использованием печатных или аудиовизуальных средств массовой информации, будут применяться положения закона «О печати» от 19 июля 1881 года.

Из всех анализируемых стран Италия показывает наименьший уровень случаев суицида: 5,5 на 100000 населения. Тем не менее, в этой стране феномену суицида и его предупреждению уделяется особое внимание [6]. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства устанавливается в статье 580 Уголовного кодекса Италии [7]. В соответствии с упомянутой нормой, ответственность наступает за подстрекательство другого лица к самоубийству или оправдание самоубийства, а также оказание содействия в его совершении и выполнении. Необходимым условием для преступления является совершение суицида подстрекаемым лицом, либо попытка совершения самоубийства, причинившая лицу тяжкий или особо тяжкий вред здоровью. Соответственно, если вред здоровью не был причинен или представляется незначительным, будет отсутствовать состав преступления.

Преступление может быть совершено в следующих формах:

- действия, направленные на формирование чужого решения, вызывающие ранее отсутствовавшие суицидальные намерения у других;
- деятельность, направленная на усиление уже имеющегося суицидального намерения;
- содействие самоубийству, например, предоставление средств для совершения самоубийства, создание благоприятных условий, выдача инструкций, помощь, и т. д.

Наказание, предусмотренное за данное преступление – лишение свободы на срок от пяти до двенадцати лет. В том случае, если самоубийства не происходит, срок лишения свободы сокращается и составляет от одного года до пяти лет при условии, что тяжкие или особо тяжкие телесные повреждения являются результатом попытки самоубийства.

Уголовный кодекс Италии предусматривает также отягчающие обстоятельства для данного преступления:

1) Действия, совершенные в отношении несовершеннолетнего лица.

2) Действия, совершенные в отношении психически больного человека или находящегося в состоянии умственной отсталости. При наличии данных обстоятельств наказание увеличивается.

Таким образом, если действия были предприняты в отношении лица, не достигшего четырнадцати лет, а также лица, не способного понимать и оценивать возможность наступления негативных последствий в случае совершения суицида (страдающее психическим расстройством или умственной отсталостью), будут применяться положения об убийстве.

В рамках системы общего права (англо-саксонской правовой семьи) целесообразно проанализировать законодательство Австралии, Канады и Новой Зеландии.

В Австралии ни самоубийство, ни попытка самоубийства после декриминализации в середине XX века, не являются преступлениями, но оказание помощи или подстрекательство другого человека к самоубийству является преступлением во всех штатах и территориях. Кроме того, оказание помощи или поощрение другого человека к попытке совершения самоубийства является правонарушением в Канберре, Северной территории, Новом Южном Уэльсе, Южной Австралии и Виктории. В большинстве штатов преступление будет совершено только в том случае, если подстрекательство привело к фактической попытке другого человека совершить самоубийство. В Тасмании, однако, нет явного требования, чтобы поощрение переросло в попытку; подстрекать другого к самоубийству просто незаконно. Подстрекательство к совершению самоубийства требует наличия причинно-следственной связи между преступным поведением и фактическим самоубийством или попыткой самоубийства жертвы (причинно-следственная связь является обязательным условием уголовной ответственности во всех штатах, кроме Тасмании) [8].

Наказания за подстрекательство к самоубийству сильно различаются в разных штатах. Максимальное наказание составляет пять лет лишения свободы в Новом Южном Уэльсе и Виктории, 10 лет в Канберре, пожизненное заключение в Квинсленде, Западной Австралии и Северной территории, а в Южной Австралии наказание определяется тем, была ли попытка самоубийства успешной (наказание- 14 лет лишения свободы) или неудачной (наказание- 8 лет лишения свободы). В 2005 году Федеральное правительство внесло в Уголовный кодекс Австралии новые преступления, связанные с самоубийством [9]. В настоящее время считается преступлением использование любой службы доставки для доступа, отправки или публикации материалов, которые советуют или подстрекают кого-либо к совершению самоубийства (подраздел 474.29 А(1)).

Для наличия преступления необходимы 3 элемента:

использование услуги перевозки для доступа, передачи, предоставления, публикации или распространения материалов;

материал должен прямо или косвенно подстрекать к самоубийству или советовать его совершение;

у лица должно быть намерение либо использовать сам материал для подстрекательства к самоубийству, либо передать его другому лицу для подстрекательства к самоубийству и рекомендации его совершения.

Подраздел 474.29 А (2), по существу, содержит аналогичные элементы, за исключением того, что материал должен пропагандировать или содержать инструкции по определенному способу совершения самоубийства.

Наказание за эти преступления не предусматривает тюремного заключения, но лицо может быть наказано максимальным штрафом в размере 110 000 долларов США (для физических лиц) и 550 000 долларов (для юридических лиц).

Подразделы 474.29 А (3)-(4) предусматривают, что, если служба перевозки используется для участия в публичном обсуждении или пропаганды реформы законодательства в отношении эвтаназии или самоубийства правонарушение не будет совершено, если лицо не намерено использовать материалы для пропаганды самоубийства.

В Канаде самоубийство является одной из ведущих причин смертности, особенно среди мужчин. В среднем около 4000 канадцев совершают самоубийства каждый год [10].

В течение многих лет самоубийство и попытка самоубийства считались преступлениями. Первый уголовный кодекс Канады был принят в 1892 году и содержал положения, касающиеся покушения на самоубийство и оказания помощи лицу, совершающему самоубийство.

По существу, эти два положения не менялись до тех пор, пока Уголовный кодекс не был полностью пересмотрен в 1954 году. Положение об оказании помощи в совершении самоубийства было очень похоже на положение, содержащееся в действующем Уголовном кодексе. Преступление, связанное с попыткой самоубийства, было исключено из канадского законодательства в 1972 году. Это изменение отразило мнение общественности о том, что проблему самоубийств следует решать с помощью инструментов здравоохранения и социальной политики, а не системы уголовного правосудия. Действующие положения Уголовного кодекса Канады о самоубийстве отражены в статье 241 и заключаются в следующем: каждый, кто (а)

советует лицу совершить самоубийство, или (b) помогает или подстрекает человека к совершению самоубийства, независимо от того, последует самоубийство или нет, виновен в преступлении и подлежит лишению свободы на срок не более четырнадцати лет [11].

Новая Зеландия унаследовала общее право Англии с его тяжелым религиозным подтекстом. Новая Зеландия в значительной степени опиралась на работу, проделанную в 1870-х годах в Англии, по кодификации уголовного законодательства, но единственными существенными изменениями, внесенными Новой Зеландией, было принятие закона о том, что самоубийство само по себе больше не было преступлением в 1893 году, а позже в 1961 году, что попытка самоубийства также больше не каралась уголовным законом (до этого попытка самоубийства наказывалась лишением свободы на срок до двух лет). Действующий Уголовный кодекс Новой Зеландии содержит статью 179 «Пособничество и подстрекательство к самоубийству». В соответствии с данной статьей, каждый подлежит лишению свободы на срок не более 14 лет, если подстрекает, советует или побуждает какое-либо лицо совершить самоубийство, если это лицо совершает или пытается совершить самоубийство вследствие этого; или помогает или поощряет любое лицо к совершению самоубийства. Преступление будет являться оконченным даже если лицо не совершает или не пытается совершить самоубийство в результате действий другого лица. В данном случае максимальное наказание, предусмотренное Уголовным кодексом, не превышает 3 лет лишения свободы [12].

В результате проведенного анализа можно отметить, что государства накопили и продолжают накапливать опыт регулирования ответственности за доведение до самоубийства. Нормы, устанавливающие ответственность за доведение до самоубийства, во многом схожи. Однако проведенный выше анализ позволяет выделить некоторые расхождения.

В отличие от стран романо-германской правовой семьи, страны англосаксонской правовой семьи (за исключением Австралии, в которой наличие упомянутого признака преступления остается на усмотрение штатов и территорий) не выделяют совершение (попытку совершения) лицом самоубийства как обязательное условие для признания преступления оконченным.

Французский законодатель в рамках ответственности по одной из норм выделяет привлечение к ответственности юридического лица, выражающееся в запрете деятельности на определенный срок. При анализе законодательств других стран схожих норм найдено не было, а в РФ юридическое лицо в принципе не может быть привлечено к уголовной ответственности.

Итальянское законодательство в случае совершения действий, направленных на доведение до самоубийства, в отношении лица, не достигшего возраста 14 лет, а также лица, страдающего психическим расстройством или умственной отсталостью, применяет положения об убийстве, а не о доведении до самоубийства. В законодательстве других рассмотренных стран, в том числе и в России, в таких случаях применяются положения о доведении до самоубийства.

Итальянский законодатель также выделил в качестве необходимого условия причинение тяжкого либо особо тяжкого вреда здоровью при попытке самоубийства. Данный критерий в законодательстве других стран отсутствует.

Австралия, в отличие от всех других стран, в качестве преступления выделяет использование службы доставки для обеспечения доступа к материалам, подстрекающим к самоубийству или их отправки и публикации.

Уголовные законодательства разных стран оказывают влияние друг на друга. В частности, изменения, вносимые в статью 110 УК РФ, основывались на опыте зарубежных стран в борьбе с данным преступлением. Это подтверждается пояснительной запиской к проекту закона: «Предлагаемый законопроект подход согласуется с международным и зарубежным опытом правового регулирования противодействия суицидам» [13].

В связи с этим представляется возможным внести изменения в статью 110.2 УК РФ, дополнив ее новой частью: «Пропаганда или реклама, вне зависимости от способа, товаров и предметов в качестве средств совершения самоубийства».

Литература и источники

1. Информационный бюллетень ВОЗ «Самоубийство» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/suicide>.
2. Программа действий ВОЗ по ликвидации пробелов в области психического здоровья mhGAP / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.euro.who.int/ru/health-topics/noncommunicable-diseases/mental-health/publications/2018/mhgap-operations-manual-2018>.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ / ред. от 01.07.2021 с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021 // СПС Консультант плюс.
4. Декларация прав человека и гражданина // Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский Союз, Соединенные Штаты Америки, Япония: учеб. пособие. 8-е изд., испр. и доп. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 117-119.
5. Уголовный кодекс Франции/ Пер. с фр. Науч. ред.: Головкин Л. В., Крылова Н. Е. (Пер., предисл.). СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. - 650 с.
6. Рейтинг стран мира по уровню самоубийств // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/suicide-rate>.
7. Итальянский уголовный кодекс 1930 г./ Пер. проф. М. М. Исаева. М.: Юриздат, 1941. 176 с.
8. Уголовный кодекс Австралии / Науч. ред. И.Д. Козочкин, Е.Н. Трикоз. / Перевод Е.Н. Трикоз. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002.
9. Поправки к Уголовному кодексу Австралии // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2005A00092>.
10. Официальный сайт правительства Канады // Самоубийства в Канаде: Основные статистические данные / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.canada.ca/en/public-health/services/publications/healthy-living/suicide-canada-key-statistics-infographic.html>.
11. Уголовный кодекс Канады / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes/country/38>
12. Уголовный кодекс Новой Зеландии / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.legislation.govt.nz/act/public/1961/0043/latest/DLM327382.html>
13. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» // СПС Консультант плюс.

References and Sources

1. Informacionnyj byulleten' VOZ «Samoubijstvo» // [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/suicide>.
2. Programma dejstvij VOZ po likvidacii probelov v oblasti psihicheskogo zdorov'ya mhGAP / [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://www.euro.who.int/ru/health-topics/noncommunicable-diseases/mental-health/publications/2018/mhgap-operations-manual-2018>.
3. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 g. № 63-FZ / red. ot 01.07.2021 s izm. i dop., vstup. v silu s 22.08.2021 // SPS Konsul'tant plus.
4. Deklaraciya prav cheloveka i grazhdanina // Konstitucii zarubezhnyh gosudarstv: Velikobritaniya, Franciya, Germaniya, Italiya, Evropejskij Soyuz, Soedinennye Shtaty Ameriki, Yaponiya: ucheb. posobie. 8-e izd., ispr. i dop. M.: Infotropik Media, 2012. S. 117-119.
5. Ugolovnyj kodeks Francii/ Per. s fr. Nauch. red.: Golovko L. V., Krylova N. E. (Per., predisl.). SPb.: YUrid. centr Press, 2002. - 650 s.
6. Rejting stran mira po urovnyu samoubijstv // [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/suicide-rate>.
7. Ital'yanskij ugolovnyj kodeks 1930 g./ Per. prof. M. M. Isaeva. M.: Yurizdat, 1941. 176 s.
8. Ugolovnyj kodeks Avstralii / Nauch. red. I.D. Kozochkin, E.N. Trikoz. / Perevod E.N. Trikoz. SPb.: Yurid. centr Press, 2002.
9. Popravki k Ugolovnomu kodeksu Avstralii // [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2005A00092>.
10. Oficial'nyj sayt pravitel'stva Kanady // Samoubijstva v Kanade: Osnovnye statisticheskie dannye / [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://www.canada.ca/en/public-health/services/publications/healthy-living/suicide-canada-key-statistics-infographic.html>.
11. Ugolovnyj kodeks Kanady / [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes/country/38>
12. Ugolovnyj kodeks Novoj Zelandii / [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://www.legislation.govt.nz/act/public/1961/0043/latest/DLM327382.html>
13. Poyasnitel'naya zapiska k proektu federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii v chasti ustanovleniya dopolnitel'nyh mekhanizmov protivodejstviya deyatelnosti, napravlennoj na pobuzhdenie detej k suicidal'nomu povedeniyu» // SPS Konsul'tant plus.

АКИМОЧКИН ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ - кандидат юридических наук, доцент; заведующий адвокатским кабинетом 77/3-1751.

ПОЗНЯК ВЛАДА ДМИТРИЕВНА - помощник адвоката (vladapoznyak@mail.ru)

АКИМОЧКИН, VLADIMIR I. – Ph.D. in Law, Associate Professor; Head of the lawyer's office 77/3-1751 (9230194@rambler.ru).

POZNYAK, VLADA D. - Assistant lawyer (vladapoznyak@mail.ru).

УДК 343.3

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-1-101-105

МАСЛОВ А.А., ЧОЧУЕВА З.А.

УСТАНОВЛЕНИЕ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ УБИЙСТВА, СОВЕРШЕННОГО ПРИ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЕ

Ключевые слова: преступление, убийство, наказание, квалификация, уголовно-правовая оценка, умысел, субъективная сторона, мотив.

В статье рассматривается проблема определения субъективных признаков убийства, совершенного с превышением пределов необходимой обороны. Правильная квалификация совершенного преступного деяния зависит от установления субъективных признаков преступления, в частности, разумно определить явное несоответствие обороны характеру и опасности нападения. Юридической оценке должны быть подвергнуты как субъект преступления, с присущими ему обязательными признаками и психофизиологическими особенностями, так и вина, а также ее форма, мотив, цель и эмоции. Также отмечено, что что в контексте отмеченных преступных событий сам субъект преступления вначале являлся потерпевшим, то есть лицом на права и законные интересы которого покушались нападением, и который пытался их защитить. Именно такое его положение в уголовно-правовом понимании должно свидетельствовать о меньшей его общественной опасности и выступать основополагающим критерием при оценивании поведения виновного.

Key words: crime, murder, punishment, qualification, criminal legal assessment, intent, subjective side, motive.

The article deals with the problem of determining the subjective signs of a murder committed in excess of the limits of necessary defense. The correct qualification of the committed criminal act depends on the establishment of the subjective signs of the crime, in particular, it is reasonable to determine the apparent discrepancy between the defense and the nature and danger of the attack. Legal assessment should be subjected to both the subject of the crime, with its inherent mandatory features and psychophysiological characteristics, and guilt, as well as its form, motive, purpose and emotions. It is also noted that in the context of the noted criminal events, the subject of the crime himself was at first the victim, that is, the person whose rights and legitimate interests were attacked by the attack, and who tried to protect them. It is this position in the criminal law sense that should indicate a lesser public danger and be the fundamental criterion in assessing the behavior of the perpetrator.

Сегодня смело можно утверждать, что по вопросу определения признаков субъективной стороны состава преступления мнения ученых расходятся. Единого подхода к пониманию указанных признаков не выработано. Если говорить в узком смысле, то субъективные признаки преступления можно охарактеризовать как внутреннюю составляющую действий лица, которая оказалась скрытной и преступной. То есть, в данном случае мы понимаем это как «внутреннюю психическую деятельность виновного, при помощи которой раскрывается неделимая связь сознания и воли лица с совершенным им преступным деянием».

В целом, в уголовно-правовой теории является общепризнанным мнение о том, что содержательной составляющей субъективной стороны преступления являются ее обязательные и факультативные признаки. Хотя и здесь мнения ученых расходятся. К обязательным признакам причисляют вину, к факультативным же – мотив, цель и эмоции.

Как известно, убийство, совершенное с превышением пределов необходимой обороны, российским законодателем отнесено к составам преступлений со смягчающими обстоятельствами. При оценке рассматриваемого деяния следует констатировать, что субъект преступления пребывает в напряженном нервном состоянии, вследствие чего его психическая деятельность не готова абсолютно полностью оценивать характер происходящего, в том числе и поведение посягающего, а потому он не может своевременно и быстро определить средство или метод для устранения возникшего конфликта. Ограниченность во времени и быстротечность происходящего посягательства не дают обороняющемуся возможности для принятия правильного пути преодоления возникшей преступной ситуации, что приводит к эксцессу.

С точки зрения законодателя, преступление, регламентированное ч.1 ст. 108 УК РФ, совершается умышленно. Умысел может быть как прямым, так и косвенным. Полагаем, что в ситуации самозащиты, вызванной посягательством, виновное лицо отдает себе отчет в том, что причинение смерти нападавшему не является обязательным следствием его действий. Также, вне зависимости от того, желает лицо такого результата, либо не желает, но оно сознательно допускает его. И как отмечает К. И. Попов, обязательным действием является установление цели такого убийства, под которой понимается защита жизни, прав и законных интересов [1, с. 127].

Дискуссии среди ученых по форме вины, с которой совершается преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 108 УК, также являются актуальными. Справедливым следует признать позицию А.И. Рарога, который указывает: «Вина есть психическое отношение лица в форме умысла или неосторожности к совершаемому им общественно опасному деянию, в котором проявляется антисоциальная, асоциальная либо недостаточно выраженная социальная установка этого лица относительно важнейших социальных ценностей» [2, с. 26]. Позиция С.В. Бородина и А.Ф. Истомина в большей степени сводятся к мысли о том, что убийство с превышением пределов необходимой обороны может совершаться только с наличием умышленной формы вины [3, с. 212]. При этом ученые соглашаются, что умысел здесь может быть прямым и косвенным.

Полагаем, что для максимально правильного определения виновности субъекта преступного деяния важно рассмотреть интеллектуальный момент вины. При защите от посягательства обороняющийся в точной степени должен осознавать характер, направленность и опасность действий, которые одновременно являются вынужденными и не соответствующими характеру и степени опасности нападения. Не исключаем при этом и фактор, свидетельствующий об ошибочности мнения виновного о характере посягательства и о действиях нападающего, относительно опасности самого насилия и причинения вреда жизни или здоровью. Полагаем, что все-таки такое ошибочное представление о происходящем событии, не может указывать на

эксцесс обороны, и поэтому преступное деяние следует оценивать по правилам «извинительной ошибки», что исключает ответственность обороняющегося.

Возникает вопрос о предвидении обороняющимся вредных последствий, которые могут быть причинены посягающему и об их объеме. В данном случае отсутствует четкое понимание возможности причинения смерти.

В рассматриваемых видах привилегированных убийств присутствует чаще всего аффектированный, то есть внезапно возникший умысел. А.И. Рарог считает такой умысел «не столько моментом, сколько психологическим механизмом возникновения намерения совершить преступление» [2]. Поводом к его возникновению являются неправомерные или аморальные действия потерпевшего в отношении виновного или его близких. При лишении жизни в результате самообороны, прямой умысел характерен для тех ситуаций, когда продолжительное противоправное поведение нападавшего уже сформировало определенную психотравмирующую ситуацию. В таких случаях речь может идти, конечно, о возможном внезапно возникшем умысле, когда виновный готовит себя к правомерной защите от преступных посягательств, не думая при этом о причинении смерти. В обратном случае, если виновное лицо лишь прикрывается необходимой обороной и использует нападение со стороны потерпевшего в качестве повода для совершения убийства, то такие мотивы и цели не свойственны ч. 1 ст. 108 УК. Они должны быть оценены другой уголовно-правовой нормой.

На наш взгляд, можно констатировать, что в большинстве случаев убийство при превышении пределов необходимой обороны может быть совершено с косвенным умыслом, неопределенным и внезапно возникшим. Однако такие факультативные признаки субъективной стороны как мотив и цель преступления не находят своего законодательного отображения в диспозиции ч.1 ст. 108 УК РФ. Для установления цели убийства при превышении установленных границ необходимой обороны, как ученые, так и практики обращаются к ст. 37 УК РФ, где указывается, что «цель необходимой обороны – это защита охраняемых интересов с вынужденным причинением вреда посягающему». При таком понимании цели необходимой обороны, ее следует рассматривать в качестве обязательного признака состава преступления, так как именно цель выступает в этом случае смягчающим обстоятельством. Обороняющийся преследует благую цель, но при этом для ее достижения выбирает опасный способ и совершает эксцесс обороны.

Эта цель определяет и мотивацию действий виновного, заключающуюся в настоятельной необходимости прекращения уголовного правонарушения с целью предотвращения причинения значительного вреда охраняемым интересам. Некоторые специалисты полагают, что мотивом причинения смерти следует считать месть за противоправное посягательство. Но мы считаем это мнение ошибочным, поскольку это говорит уже не о преступлении, предусмотренном ч.1 ст. 108 УК, а о совершенном простом убийстве.

При эксцессе обороны и его уголовно-правовой оценке немало важное значение имеет и само эмоциональное состояние обороняющегося, отражающее его сильное и внезапно возникшее душевное волнение в момент внезапного нападения. В правоприменительной практике встречаются и случаи, свидетельствующие о состоянии аффекта, которые в результате приводят к неправильной квалификации деяния. При этом, аффективное состояние виновного в нашем случае характеризует его внутреннее психическое состояние, не указывая на обязательность этого признака.

Состояние необходимой обороны признается оправданным, если виновным причиняется вред посягающему, но при этом оборонительные действия первого не должны выходить за пределы возможных мер. Превышение пределов необходимой обороны, причинившее смерть, является деянием общественно-опасным и противоправным. Именно поэтому оно находит отражение в уголовном законодательстве в качестве самостоятельного состава преступления. Извинительным моментом в рассматриваемом преступлении выступает то обстоятельство, что обороняющийся защищает законные права и интересы, а вред причиняется из-за нарушения допустимых границ защиты. Ч. 3 ст. 37 УК предлагает под превышением пределов необходимой обороны признавать умышленные действия лица, которые явно не соответствуют характеру и опасности посягательства. Как мы понимаем, границей при обороне лица является причинение именно такого вреда, который был вызван желанием предотвратить посягательство и соразмерен опасности нападения. Полагаем, что соразмерность эта в каждом индивидуальном случае будет

зависеть от ряда конкретных и присущих именно этой ситуации обстоятельств. И в зависимости от присутствующих в данном деле обстоятельств, вина обороняющегося может быть в форме или прямого, или косвенного умысла.

Немаловажную роль в преступлении, где одно лицо выступает одновременно в качестве и потерпевшего и виновного, совершившего противоправные действия, в причину присутствия экстремальных условий и невозможности поступить иным образом, играют субъективные признаки. Общей теорией уголовного права принято к субъективным признакам относить субъективную сторону и субъекта преступления.

Известно, что уголовное законодательство 1996 г. не использует термин «субъект». При этом используются другие понятия, подразумевающие субъект, к примеру: виновный; лицо, совершившее преступление; лицо, признанное виновным в совершении преступления; осужденный. Поэтому как в теории, так и на практике возникают вопросы при определении роли и значения субъекта преступления. К тому же, помимо названных терминов, уголовно-правовая наука также называет и личность преступника, выступающей одной из категорий криминологии. В этом случае различить эти два понятия легче: субъект преступления – это совокупность признаков, характеризующих вменяемое лицо способное нести уголовную ответственность; личность преступника, как более обширное понятие, характеризует признаки субъекта и те признаки, которые могут быть учтены при назначении наказания [4, с. 117].

Проведенное нами исследование позволяет нам выступить с предложением законодателю обозначить субъект рассматриваемого убийства в качестве специального. При убийстве с превышением границ необходимой обороны:

- во-первых, виновное лицо находится в состоянии необходимой обороны;
- во-вторых, защищающийся таким образом препятствует совершению насилия и причинения вреда жизни и здоровью, как себе, так и другим лицам, что позволяет ему присвоить признак специального субъекта.

Логично, что при умышленном лишении жизни другого человека мы не будем рассуждать о санкции, предусмотренной ч. 1 ст. 108 УК РФ. Здесь будет присутствовать общий субъект, и квалификация будет проводиться по убийству по чч.1-2 с. 105 УК РФ. Добавим, что за такое убийство ответственность несет не просто человек, находящийся в состоянии необходимой обороны, а субъект, достигший возраста 16 лет. Последнее обстоятельство означает, с нашей точки зрения, что лица, достигшие 14 лет и совершившие деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 108 УК, не могут быть привлечены к уголовной ответственности за простое убийство.

По правилам конкуренции, при квалификации учитывается норма с привилегированным составом. Но если отсутствует возрастной фактор, необходимый для применения ст. 108 УК, то вывод здесь один - отсутствует состав преступления. Фактически законодатель разрешил лицам, не достигшим 16 лет, необходимую оборону с причинением любого вреда посягающему. Такое решение представляется правильным, и в полной мере отвечает той современной российской криминальной обстановке, в которой дети, подростки остаются порой беззащитными, оставаясь один на один с насильниками, педофилами и садистами.

Согласно правоприменительной практике, до 1996 г. не было случаев, в которых к уголовной ответственности привлекались лица в 14-15 летнем возрасте за убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны. Однако есть и другая сторона. Некоторые авторы отмечают, что «повышая возраст, с которого возможно привлекать к уголовной ответственности за убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны до 16 лет, законодатель не учел современные тенденции акселерации и криминогенную обстановку в стране» [5].

Вместе с тем, закон не дает ответа, когда же считать лицо, достигшим возраста уголовной ответственности. Согласно правилу, закрепленному в ст. 9 УК, временем совершения преступления признается время совершения последствий. В отношении несовершеннолетних было дано специальное разъяснение Пленумом Верховного Суда РФ, согласно которому несовершеннолетний считается достигшим возраста уголовной ответственности на следующие сутки после дня своего рождения [6, с. 17].

Субъект, действующий в состоянии необходимой обороны, должен быть вменяемым, т.е. сознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

Это есть третье обязательное условие для субъекта преступления. Но важно учитывать особое душевное волнение виновного, на которого направлено преступное посягательство, его нахождение в экстремальных условиях, когда отсутствует время на принятие наиболее правильного решения. В том случае, если субъект признается ограниченно вменяемым лицом, которое во время совершения преступления в силу психического расстройства не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими (ст. 22 УК), он подлежит уголовной ответственности. Считаем правильным такое состояние учитывать смягчающим обстоятельством.

Результаты изучения научной литературы по рассматриваемому вопросу и исследования субъективных признаков убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны, позволяют обосновать следующие умозаключения:

1. Убийство при превышении пределов необходимой обороны, как мы установили, может совершаться с наличием умышленной формы вины, которая выступает в качестве прямого или косвенного умысла. Правоприменительная практика показывает, что названные убийства совершаются преимущественно с наличием косвенного умысла, который характеризуется как внезапно возникший и неконкретизированный. Обязательным субъективным признаком состава убийства с превышением пределов необходимой обороны является цель защиты, к которой стремится обороняющийся, но достигает он ее опасным способом, превышая допустимые границы обороны.

2. Субъект преступления по ч. 1 ст. 108 УК является специальным, с нашей точки зрения, и должен обладать следующими признаками: возраст и характер совершаемых действий. Вывод этот следует из того, что в контексте отмеченных преступных событий сам субъект преступления вначале являлся потерпевшим, то есть лицом на права и законные интересы которого покушались нападением, и который пытался их защитить. Именно такое его положение в уголовно-правовом понимании должно свидетельствовать о меньшей его общественной опасности и выступать основополагающим критерием при оценивании поведения виновного.

Литература и источники

1. Попов К.И. Актуальные вопросы ответственности за превышение пределов необходимой обороны: учебное пособие для вузов. М.: Издательство ОПТИМ, 2016.
2. Рарог А.И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. М., 2001.
3. Бородин С.В. Преступления против жизни. М., 1999.
4. Истомин А.Ф. Ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны (уголовно-правовые и криминологические аспекты). Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1995.
5. Кудрявцев В.Н., Кондрашков Н.Н., Лейкина Н.С. Личность преступника. М., 1975.
6. Тасаков С.В. Ответственность за убийство при смягчающих обстоятельствах по уголовному праву России. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. - Самара. 2000.
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Электронная система «Консультант плюс» <https://rg.ru/2011/02/11/nesovershennoletnie-dok.html> (дата обращения: 21.11.2021)

References and Sources

1. Popov K.I. Aktual'nye voprosy otvetstvennosti za prevyshenie predelov neobhodimoy obrorony: uchebnoe posobie dlya vuzov. M.: Izdatel'stvo OPTIM, 2016.
2. Rarog A.I. Sub"ektivnaya storona i kvalifikatsiya prestuplenij. M., 2001.
3. Borodin S.V. Prestupleniya protiv zhizni. M., 1999.
4. Istomin A.F. Otvetstvennost' za ubijstvo pri prevyshenii predelov neobhodimoy obrorony (ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty). Diss. ... kand. yurid. nauk. M., 1995.
5. Kudryavcev V.N., Kondrashkov N.N., Lejkina N.S. Lichnost' prestupnika. M., 1975.
6. Tasakov S.V. Otvetstvennost' za ubijstvo pri smyagchayushchih obstoyatel'stvah po ugovnomu pravu Rossii. Avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk. - Samara. 2000.
7. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 1 fevralya 2011 g. № 1 «O sudebnoj praktike primeneniya zakonodatel'stva, reglamentiruyushchego osobennosti ugovnoy otvetstvennosti i nakazaniya nesovershennoletnih» // Elektronnaya sistema «Konsul'tant plus» <https://rg.ru/2011/02/11/nesovershennoletnie-dok.html> (data obrashcheniya: 21.11.2021)

МАСЛОВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – доктор юридических наук, профессор кафедры «Уголовное право и процесс» Юридического института, Северо-Кавказская государственная академия.

ЧОЧУЕВА ЗУЛЬФИЯ АЗРЕТАЛИЕВНА – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой «Уголовное право и процесс» Юридического института Северо-Кавказской государственной академии (zulfiaebzeeva@mail.ru).

MASLOV, ALEXEY A. - Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Law Institute, North Caucasus State Academy.

CHUCHUEVA, ZULFIA A. – Ph.D.in Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure of the Law Institute of the North Caucasus State Academy (zulfiaebzeeva@mail.ru).

ФОМЕНКО Д.Д.

О ПОНЯТИИ И МЕХАНИЗМЕ ОРГАНИЗАЦИИ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ

Ключевые слова: правовое регулирование миграции, незаконная миграция, права мигрантов, организация, структура, планирование, реализация.

В статье изложены вопросы понятия и основные содержательные элементы организации незаконной миграции: структурирование, создание условий и реализация преступного замысла. Автор обосновывается вывод о том, что под организацией незаконной миграции следует понимать процесс, объединяющий как интеллектуальную деятельность, так и конкретные действия в целях осуществления незаконной миграции. Учитывая своего рода двойственность существующего подхода содержательной характеристики понятия «организации», во-первых, как непосредственно создание (конкретизация) структуры деятельности, и во-вторых, как создание необходимых условий для качественного функционирования этой структуры, автору представляется обоснованным, применительно к организации незаконной миграции, предметом организации определять не только структуру незаконной миграции, но и, соответственно, непосредственно структуру деятельности по созданию необходимых условий (то есть по обеспечению) ее практического функционирования. Обоснован вывод о том, что основной целью (целями) организации, как вида деятельности, является определение (конкретизация) основных структурных элементов незаконной миграции: прежде всего - это способ (способы) въезда (проникновения) мигрантов непосредственно на территорию России; создание (обеспечение) необходимых условий для незаконного нахождения и проживания на территории РФ, реализация возможности предоставления работы мигрантам; продолжающееся удержание мигрантов в незаконном состоянии.

FOMENKO, D.D.

ON THE CONCEPT AND MECHANISM OF ORGANIZING ILLEGAL MIGRATION

Key words: legal regulation of migration, illegal migration, rights of migrants, organization, structure, planning, implementation.

The article outlines the issues of the concept and the main content elements of the organization of illegal migration: structuring, creating conditions and implementing a criminal intent. The author substantiates the conclusion that the organization of illegal migration should be understood as a process that combines both intellectual activity and specific actions in order to carry out illegal migration. Considering a kind of duality of the existing approach of the content characteristics of the concept of "organization", firstly, as the direct creation (specification) of the structure of activity, and secondly, as the creation of the necessary conditions for the qualitative functioning of this structure, the author seems reasonable in relation to the organization of illegal migration, the subject of the organization is to determine not only the structure of illegal migration, but, accordingly, directly the structure of activities to create the necessary conditions (that is, to ensure) its practical functioning. The conclusion is substantiated that the main goal (s) of the organization, as a type of activity, is to determine (specify) the main structural elements of illegal migration: first of all, it is the method (s) of entry (penetration) of migrants directly into the territory of Russia; creating (providing) the necessary conditions for illegal stay and residence on the territory of the Russian Federation, the implementation of the possibility of providing work to migrants; continued detention of migrants in an illegal state.

В Уголовном кодексе Российской Федерации ст. 322.1, имеющая наименование «Организация незаконной миграции», по своему содержанию и сущности является нормой бланкетного характера, отсылающей к федеральным законам и подзаконным нормативным актам, регламентирующим процессы миграции населения. Однако уголовное законодательство не определяет понятия организации незаконной миграции. Очевидно, сама организация непосредственно связана с понятием, содержанием незаконной миграции. Поэтому правильное практическое применение анализируемых нормативных положений возможно при наличии единообразного подхода теоретического понимания сущности содержания, а также при выявлении и обозначении основных уголовно-криминальных признаков понятия организации незаконной миграции, и, соответственно, механизма ее совершения.

Следует констатировать, что однозначное толкование понятия «организация», именно как разновидности деятельности, в уголовном праве отсутствует. Анализируемое понятие также используется и в других отраслях, в частности, в криминалистике, например, в исследовании организации расследования. В силу существования многообразия теоретических подходов и неоднозначности определения сущности понятия, полагаем, что необходимо начать рассмотрение этого вопроса с анализа понятия организации в социальной деятельности.

Единообразный подход к определению сущности содержания понятия «организация», предполагает, соответственно, определение в целом объёма анализируемого понятия, его структуры, то есть основных элементов, и, что представляется объективно необходимым, наличие единого подхода к характеристике основных элементов. В современной науке среди специалистов, в отсутствие законодательно закреплённого определения сущности понятия организации именно как вида деятельности в уголовном праве, обосновываются различные подходы к интерпретации понятия организации, связь организации с управлением, что отмечалось известными учеными, исследовавшими теорию и практику рассматриваемого вопроса [1, с. 3].

Теорию организации и управления изначально разрабатывали ученые-экономисты, философы, социологи. Объясняется это практической потребностью развития и совершенствования промышленного производства, производительности труда и социальной

деятельности в XIX веке. Следует отметить, что примерно с этого исторического периода под организацией и управлением понимается не только процесс создания структуры системы, как совокупности взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, но и её качественное совершенствование, а также возможность поддержания функционирования в определенном (заданном) направлении. Организация выполняет функции выявления структурных элементов системы и ее качественного совершенствования [2, с. 30-31; 3, с. 45].

Структура системы – в нашем случае организации именно как социальной деятельности – это взаимосвязанные и, соответственно, взаимообусловленные составные части - элементы деятельности: предмет, цель, соответствующие действия, субъект и участники, осуществляющие действия, мотивация и другие аспекты деятельности. Создание или конкретизация структуры – это предмет организации. Организация выражается в формировании цели или в уяснении цели, данной извне, в расчленении процесса достижения цели между конкретными исполнителями, в создании условий для качественного выполнения действий, во взаимодействии и руководстве [4, с. 43].

Следует согласиться с обоснованным суждением, что организация и управление в совокупности могут быть определены как поступательно развивающийся единый процесс формирования структуры системы, направленный на её качественное совершенствование и поддержание в заданном состоянии [5, с. 32].

Из данного определения организации вытекает, что организация конкретного действия (системы действий) включает выявление непосредственно основных структурных элементов деятельности в их взаимосвязи, а также таких элементов как планирование, создание необходимых условий для качественного функционирования и руководства (управления) деятельностью.

«Организация», «организовывать» в русском языке имеют несколько значений. Чаще всего их значение определяется как создать, основать, подготовить, устраивать, привести в порядок, объединять, сплачивать людей для достижения определенной цели, создавать структуру какой-либо системы [6, с. 368-369; 7, с. 636-637]. Характерными признаками организации обозначаются наличие структуры, определённых задач и программы действий. Организаторская деятельность по своей сущности представляет собой единство создания самой структуры деятельности и управления, то есть непосредственного руководства этой деятельностью.

По мнению авторов, как в целом занимающихся теоретическими проблемами организации, так и исследованием анализируемых вопросов в смежных отраслях, структура организации как вида деятельности представляет собой совокупность определённых элементов, которые, в сущности, и образуют саму систему. Например, в процессе расследования, весь процесс организации можно структурно представить как единство определённых элементов системы – определение цели (то есть конкретизация предмета расследования), планирование расследования, наличие или создание необходимых условий именно для качественного производства следственных действий, а также взаимодействие следователя с участниками расследования, осуществление общего руководства следствием [8, с. 51-52].

Т.И. Нагаева по вопросу о термине «организация» в российском уголовном законодательстве приходит к выводу об использовании его в разных значениях: а) он применяется как для характеристики конкретных действий по подготовке определённых отдельных видов преступлений, предусмотренных уголовным законодательством; б) непосредственно для характеристики действий по организации самой этой деятельности [9, с. 39].

Полагаем, что это суждение вполне объясняет и понятие организации незаконной миграции. Последняя по действующему законодательству сама по себе не преступна, кроме одного из существенных, исходных элементов – незаконного пересечения государственной границы РФ. Организация как упорядочение деятельности по содержанию незаконной миграции охватывает оба названных варианта, как указывает Т.И. Нагаева.

Учитывая своего рода двойственность существующего подхода содержательной характеристики понятия «организации», во-первых, как непосредственно создание (конкретизация) структуры деятельности, и во-вторых, как создание необходимых условий для качественного функционирования этой структуры, представляется обоснованным, применительно к организации незаконной миграции, предметом организации определять не только структуру незаконной миграции, но и, соответственно, непосредственно структуру деятельности по созданию необходимых условий (то есть по обеспечению) ее практического функционирования.

Организация, как процесс, включает интеллектуальную деятельность (целеопределение, планирование и др.) а также, объективно необходимые организационно-подготовительные действия, направленные на создание соответствующих условий для реализации умственной модели задуманного. Применительно к организации незаконной миграции организационно-подготовительные действия являются материальным выражением организации. Наиболее распространенные организационно-подготовительные действия – это беседа (существует несколько видов беседы), ознакомление с объектом, проверка, ознакомление с процессом. Эти и другие действия направлены на установление определенных обстоятельств, сбор сведений, реализацию планов. Предметом указанных действий являются элементы незаконной миграции, ее реализация: готовность лица к миграции, оплата услуг, въезд, перемещение, передвижение на территории РФ. Всю совокупность указанных обстоятельств трудно перечислить и охарактеризовать. Можно выделить группы или блоки таких действий. К ним относятся:

- поиск лиц и подготовка их к незаконной миграции;
- пересечение границы;
- перемещение, проживание;
- работа и оформление документов или бездокументальное проживание;
- маскировка незаконной миграции.

В сочетании организационно-подготовительных действий и реализации умственной модели задуманного проявляется организация незаконной миграции.

Учитывая всё вышеизложенное, следует сделать вывод о том, что основной целью (целями) организации, как вида деятельности, является определение (конкретизация) основных структурных элементов незаконной миграции: прежде всего - это способ (способы) въезда (проникновения) мигрантов непосредственно на территорию России; создание (обеспечение) необходимых условий для незаконного нахождения и проживания на территории РФ, реализация возможности предоставления работы мигрантам; продолжающееся удержание мигрантов в незаконном состоянии; как вариант – возможно легализация части мигрантов за определенную плату и совершение других необходимых действий по созданию определённых условий их пребывания и, соответственно, перемещения на территории нашей страны.

Вместе с тем, также объективно необходимым для организатора представляется планирование (определение) совершения определённых действий по созданию обозначенных условий для незаконной миграции. Это может быть маскировка действий по обеспечению предоставления жилья, работы, установление необходимых связей со всевозможными координирующими органами и др.

Изложенное представляется характеризующим незаконную миграцию, которая осуществляется с целью найма рабочей силы. Что же касается вопроса организации криминальной миграции, то её содержание может быть, в целом подобным, но несколько иным.

Таким образом, следует констатировать, что, в целом, вне зависимости от цели и разновидности, организация незаконной миграции – это процесс, в своей совокупности объединяющий как интеллектуальную деятельность определённых субъектов, так и непосредственно выражающийся в конкретных действиях какого-либо определённого лица или группы лиц, направленных на определение (конкретизацию) необходимых действий, обеспечивающих создание условий для осуществления незаконной миграции, то есть, собственно, проникновение иностранцев на территорию нашей страны, а также пребывание (нахождение) на территории России, включая проживание, работу, возможное перемещение. Совокупность и количество конкретных взаимосвязанных необходимых действий по организации незаконной миграции зависят непосредственно от целевого назначения разновидности незаконной миграции. Как было упомянуто, это может быть найм рабочей силы, криминальная миграция, целевые установки которых представляются различными, поэтому и действия по организации также не являются полностью тождественными, хотя при этом отдельные действия могут совпадать. Рассмотрим эти действия.

Организация, как процесс, представляет сочетание различных элементов, двух групп элементов: умственной (интеллектуальной) деятельности и действий. Организация направлена на выявление (определение, конкретизацию) элементов деятельности, которую она организует. В нашем случае организация направлена на формирование незаконной миграции. Организация

состоит в конкретизации структурных элементов незаконной миграции: въезда (проникновения) на территорию нашей страны иностранных граждан или лиц без гражданства; перемещение их на территории РФ, проживание и содержание (обеспечение работой и др.).

Организация является образующим началом социальной деятельности. Образующим, так как процесс организации создает умственную модель деятельности. Это означает выявление (конкретизацию) основных структурных элементов незаконной миграции. Как известно, к ним относятся граждане (иностранцы), потенциально готовые мигрировать (переместиться) в Россию с определенной целью (работа, совершение преступления и др.). Чаще всего, таких граждан необходимо выявить. Значит, надо придумать способ выявления потенциальных мигрантов и действия, которые необходимо совершить для этого.

Из изложенного видно, что преступная деятельность по созданию условий, реализации образующего начала незаконной миграции осуществляется с использованием организационных средств и методов, то есть является организацией. Вот почему законодатель назвал ее организацией, приняв ст. 322.1 УК РФ. Именно организацией, то есть деятельностью, включающую структурирование, выявление и установление связей между основными структурными элементами незаконной миграции, упорядочение этих структурных элементов: въезд в РФ, перемещение, проживание и др. Изучение механизма организации незаконной миграции способствует правильному исследованию объективной стороны данного преступления.

Литература и источники

1. Терещенко В.И., Брусиловский Б.А. Совершенствование структуры научных и управленческих организаций. Киев, 1975.
2. Петров А.С. Что такое организация управления. М., 1967.
3. Керженцев П.М. Принципы организации. М., 1968.
4. Туманов Г.А. Организация как функция государственного управления // Советское государство и право. 1986. №1.
5. Зеленский В.Д. Организация расследования преступлений. Криминалистические аспекты. Ростов-на-Дону, 1989.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1988.
7. Словарь русского языка: В 4-х т. Т.2. К-О. М.: Русский язык, 1986.
8. Зеленский В.Д. Теоретические вопросы организации расследования преступлений. Краснодар, 2011.
9. Нагаева Т.И. Формы и виды преступного деяния. Автореф. ... дисс. докт. юрид. наук. М., 2012.

References and Sources

1. Tereshchenko V.I., Brusilovskij B.A. Sovershenstvovanie struktury nauchnyh i upravlencheskih organizacij. Kiev, 1975.
2. Petrov A.S. Chto takoe organizaciya upravleniya. M., 1967.
3. Kerzhencev P.M. Principy organizacii. M., 1968.
4. Tumanov G.A. Organizaciya kak funkciya gosudarstvennogo upravleniya // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1986. №1.
5. Zelenskij V.D. Organizaciya rassledovaniya prestuplenij. Kriminalisticheskie aspekty. Rostov-na-Donu, 1989.
6. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka. M.: Russkij yazyk, 1988.
7. Slovar' russkogo yazyka: V 4-h t. T.2. K-O. M.: Russkij yazyk, 1986.
8. Zelenskij V.D. Teoreticheskie voprosy organizacii rassledovaniya prestuplenij. Krasnodar, 2011.
9. Nagaeva T.I. Formy i vidy prestupnogo deyaniya. Avtoref. ... diss. dokt. jurid. nauk. M., 2012.

ФОМЕНКО ДАРЬЯ ДМИТРИЕВНА - аспирант кафедры уголовного права Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина г. Краснодар (zelenskayadd@mail.ru)

FOMENKO, DARYA D. – Ph.D. student of Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin

УДК 343.5

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-1-109-114

БАХМАДОВ Б.Д.

ИСТИНА И ДОСТОВЕРНОСТЬ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Ключевые слова: УПК РСФСР, УПК РФ, истина, достоверность, доказательства, цель доказывания, прокурор, следователь, дознаватель, суд.

Учение о доказательствах и доказывании, о материальной (объективной) истине, как о главной конечной цели уголовного судопроизводства, остается полем активных дискуссий в научной среде. Дискуссии сводятся в основном к вопросу о том, может ли быть установлена истина в уголовном процессе; какой должна быть истина в уголовном процессе (абсолютной, относительной, юридической). Не вдаваясь в тонкости данных дискуссионных вопросов, автор считает необходимым остановиться на их рассмотрении, исходя из требований закона, который видит задачи доказывания в установлении обстоятельств, предусмотренных ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Что касается установления истины в уголовном процессе, то закон о данной задаче умалчивает. Истина остается предметом философии и теории доказательств и доказывания.

BAKHMADOV, B.D.

TRUTH AND RELIABILITY IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Key words: Code of Criminal Procedure of the RSFSR, Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, truth, reliability, evidence, purpose of proof, prosecutor, investigator, inquirer, court.

The doctrine of evidence and proof, of material (objective) truth, as the main objective of criminal proceedings, of course, remains one of the controversial issues in the academic environment. Discussions are mainly reduced to the question of whether the truth can be established in

criminal proceedings; what should be the truth in criminal proceedings, absolute, relative, legal. Without going into the details of these issues, the author considers it necessary to dwell on the consideration of this issue based on the requirements of the law, which sees the tasks of proof in establishing the circumstances provided for in Article 73 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter CPC. The Code of Criminal Procedure of the RSFSR. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation). As for establishing the truth in criminal proceedings, the law is silent about this task. Truth remains the subject of philosophy and the theory of evidence and proof.

При производстве по уголовному делу дознаватель, следователь, прокурор и суд имеют дело с событиями прошедшего времени, которых они сами лично не видели, не наблюдали, не были к ним причастны. Им надлежит установить по каждому уголовному делу определенный законом круг обязательных обстоятельств, перечисленных в ст.73 УПК РФ, а именно:

- 1) событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления);
- 2) виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы;
- 3) обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого;
- 4) характер и размер вреда, причиненного преступлением;
- 5) обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния;
- 6) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание;
- 7) обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания.

Примерно такой же круг обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу при производстве дознания, предварительного следствия и разбирательстве уголовного дела в суде, приводился в ст.68 УПК РСФСР с некоторыми редакционными различиями.

Для чего устанавливаются или доказываются эти обстоятельства, какую цель преследуют дознаватель, следователь, прокурор, суд посредством этих обстоятельств? - Очевидно, что в данном случае преследуется цель, выяснить что на самом деле произошло, кто причастен к происшедшему событию, степень их вины и т.д., какова достоверность сведений об имевших место событиях, то есть установить материальную (объективную) истину.

Посредством чего и для чего устанавливаются перечисленные выше обстоятельства? - Они устанавливаются посредством показаний подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, заключения и показаний эксперта и (или) специалиста, вещественных доказательств, протоколов следственных и судебных действий, а также иных документов.

Ради достижения какой цели доказываются, устанавливаются эти обстоятельства? - Ответ краток. Цель - раскрытие, расследование деяния, достижение посредством достоверных фактов фактической достоверности для достижения материальной (объективной) истины.

Вопрос о материальной (объективной) истине в уголовном судопроизводстве остается дискуссионным. Суть проблемных вопросов сводится к следующему:

- 1) может ли быть установлена истина в уголовном судопроизводстве;
- 2) какой должна быть истина в уголовном судопроизводстве (абсолютной, относительной, юридической).

Автор не ставит целью анализ видов возможных материальных (объективных) истин (хотя логика подсказывает, что истина может быть только «истинной», а «недробленной»).

Действующий УПК РФ не содержит упоминания о необходимости установления истины в уголовном судопроизводстве. Вопрос об истине в уголовном судопроизводстве остается уделом теории доказательств и доказывания (доказательственного права России). Если подходить к вопросу об истине исторически, можно утверждать, что принцип материальной (объективной) истины нашел свою поддержку в доказательственном праве России, начиная с судебной реформы 1864 года в царской России и имел место в советский период [18]. В 1960 году был принят новый УПК РСФСР, в котором было закреплено положение о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела, которое, можно смело утверждать, выражало суть уголовного процесса и выступало в качестве главенствующего принципа уголовного судопроизводства, подчеркивая, что суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также смягчающие и отягчающие его ответственность обстоятельства (ст.20). Помимо того, в ч.2 ст.243 УПК РСФСР было закреплено положение о том, что председательствующий руководит судебным заседанием, принимая все предусмотренные УПК меры к всестороннему, полному и объективному

исследованию обстоятельств дела и установлению истины... Только единственное упоминание об истине [19].

Отсутствие упоминания об истине в действующем УПК, как о цели уголовного судопроизводства, подлежащей установлению (ст.73 УПК), позволяет сделать вывод о том, что истина не входит в предмет доказывания. Подтверждением тому служит и ст. 88 УПК где говорится, что доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных ст.73 УПК (а не в целях установления истины). Далее закон предписывает, что каждое доказательство должно оцениваться с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – с точки зрения достаточности для разрешения уголовного дела (ч.1 ст.88 УПК). Исходя из данного положения закона, некоторые авторы утверждают, что «результатом оценки доказательств по уголовному делу должно стать достижение истины, то есть достоверное установление всех элементов предмета доказывания (ст.73)» [1, с. 246]. Следовательно, достоверность и истина одно и то же? Определимся, что такое истина и что такое достоверность.

«Истина. 1. В философии: адекватное отображение в сознании воспринимающего того, что существует объективно. Стремление к истине. 2. То же, что правда. 3. Утверждение, суждение, проверенное практикой, опытом» [2, с. 257].

«Достоверный, - ая, - ое; -рен, -рна. (1 знач.) Достоверные сведения., не вызывающий сомнений. Достоверные сведения. 11 сущ. Достоверность,...» [2, с. 180].

Небольшой экскурс в историю судебной реформы XIX века для уяснения появления в законодательном порядке понятия истины и достоверности. 29 сентября 1862 года императором России Александром II были утверждены «Основные положения уголовного судопроизводства». Основываясь на этих положениях, составители Устава исходили из того, что «Цель уголовного судопроизводства есть обнаружение так называемой материальной истины относительно происшествия или деяния, признаваемого преступным, и наказание действительно виновного в совершении преступления или проступка. Посему в уголовном судопроизводстве все действия, предшествующие разрешению дела, должны быть направлены к получению удостоверения в действительном совершении преступления обвиняемым и в степени его виновности» [3, с. 750-751].

20 ноября 1864 года Указом императора России Александра II были утверждены четыре Судебных устава. Одним из этих Уставов был Устав уголовного судопроизводства, положивший начало кодификации Российского уголовно-процессуального права. «Основные положения... вошли в Устав в качестве основных принципов уголовного судопроизводства [4, с. 145].

Октябрьская революция 1917 года упразднила всю судебную систему России и прекратила в действие уголовного и уголовно-процессуального законодательства империи. В УПК РСФСР 1922 и 1923 годов не было предписаний насчет цели установления истины или достоверности доказательств в уголовном судопроизводстве. Вопросы установления истины в уголовном судопроизводстве рассматривались в научных трудах ученых и практических работников. По мнению авторов этих трудов, целью уголовного судопроизводства были: «а) обнаружение преступника; б) выяснение всех обстоятельств дела; в) установление мер социальной защиты, то есть установление мер, способных защитить общество, или вернее господствующий в обществе класс, от опасности, связанных с совершением преступлений вообще, и какого-либо данного преступления в частности» [5, с. 5].

Примерно такой же точки зрения придерживались и другие авторы учебников по уголовному процессу того времени [6, с. 13-14; 7, с. 12].

В 1958 году были приняты Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик [8], на основании которых в 1960 году был принят новый УПК РСФСР. Ни в Основах, ни в УПК не было сказано о целях уголовного процесса, но было закреплено положение о том, что задачами уголовного судопроизводства являются быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден (ч.1 ст.2). В 1983 году ч.2 ст.2 УПК была изложена в новой редакции: «Уголовное судопроизводство должно способствовать укреплению социалистической законности и правопорядка, предупреждению и искоренению преступлений,

охране интересов общества, прав и свобод граждан, воспитанию граждан в духе неуклонного соблюдения Конституции СССР, Конституции РСФСР и советских законов, уважения правил социалистического общежития».

В дальнейшем законодатель отказался от закрепления в УПК РФ 2001 года задач и целей уголовного судопроизводства. Взамен была включена ст.6 о назначении уголовного судопроизводства, суть которого заключалось в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и 2) в защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Исключение норм о задачах уголовного процесса, о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств уголовного дела в кругу ученых и практических работников было встречено с сожалением. Они высказывались за восстановление данных норм в УПК [9, с. 18-20]. Автор настоящей статьи также выступал за исключение из УПК ст.6 о назначении и предлагал дополнить УПК ст.1-1 о задачах уголовного судопроизводства; ст. 14 ч.1-1 о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела [10, с. 115-118; 11, с. 124-129].

В свое время Председатель Следственного Комитета РФ А.И. Бастрыкин входил с законодательной инициативой в ГД ФС РФ о дополнении УПК статьями об установлении объективной истины; о возложении на соответствующих должностных лиц обязанности принять все предусмотренные законом меры к всестороннему, полному и объективному выяснению обстоятельств, подлежащих доказыванию для установления объективной истины по уголовному делу [12]. Однако эта инициатива не нашла поддержку, проект был отклонен.

Тем не менее, хотя законодатель и отвергает истину, как цель уголовного процесса, в теории доказательств и доказывания установление истины занимает господствующее положение, и большинство авторов считают, что достижение истины остается конечной целью уголовного процесса. При этом они опираются на «проявления философской закономерности, состоящей в том, что мир познаваем», что суд постановляет обвинительный приговор будучи убежденным в виновности подсудимого, то есть руководствуется материальной истиной [13, с. 45-47]; что истина должна быть достоверной, что «...объективная истина в уголовном судопроизводстве представляет собой такое содержание наших знаний о совершенном преступлении, которое не зависит ни от следователя, дознавателя, прокурора и суда, ни от самого обвиняемого, подсудимого, если знания дознавателя, следователя, прокурора и судьи о совершенном преступлении – это субъективный образ объективного мира, то объективное в этом образе и есть объективная истина» [14, с. 224, 227]; что установление объективной истины является основной и конечной целью доказывания по уголовному делу, что под достоверностью доказательств понимается, что сведения полученные доказательствами подлежат оценке как соответствующие объективной истине... [15, с. 308, 312]; что... «целью доказывания в уголовном процессе остается установление истины, т.е. всестороннее, полное и объективное выяснение всех обстоятельств уголовного дела процессуальными способами и средствами, предусмотренными законом»; что достоверность доказательств означает «... доказательство должно соответствовать фактам, т.е. тому, что произошло в реальной действительности» [16, с. 433, 454].

Таким образом, изложенное позволяет прийти к выводу о том, что понятии истина и достоверность доказательств понятия схожие, можно сказать тождественные, что конечной целью уголовного процесса является установление достоверности, подразумевая под этим и истину в уголовном процессе, лишь с той разницей, что закон предполагает, что доказывание в уголовном процессе осуществляется в целях установления обстоятельств, предусмотренных ст.73 УПК, посредством относимых, допустимых, а главное достоверных и достаточных доказательств. Что касается установления истины в уголовном процессе, то закон о данной задаче умалчивает. Истина остается предметом философии и теории доказательств и доказывания.

Автор, в подтверждении и обосновании своего вывода, считает целесообразным привести для убедительности объемное высказывание дореволюционного ученого профессора Харьковского университета Владимирова Л.Е. из книги «Учение об уголовных доказательствах», которая начинается с определения уголовно-судебной достоверности:

«ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Уголовно-судебная достоверность есть такое стечение вероятностей, вытекающих из представленных на суде доказательств, которое способно привести судью к внутреннему

убеждению в том, что прошлое событие, составляющее предмет исследования, имело место в действительности.

ОСНОВАНИЯ

Цель уголовного суда заключается в наложении наказания на преступника. Для решения этой задачи необходимо предварительно удостовериться в виновности подсудимого. Вопрос о виновности состоит из трех частей: совершилось ли событие преступления, было ли оно деянием подсудимого и вменяем ли он? Все эти вопросы касаются восстановления обстоятельств прошлого индивидуального события. Уголовно-судебная достоверность есть, таким образом, фактическая достоверность, исследуемая для целей правосудия. В этом отношении по существу своему, она не представляет ничего особенного, сравнительно с той достоверностью, добывание которой нам одинаково нужно как для ведения ничтожнейших житейских дел, так и для констатирования величайших событий в истории человечества или уяснения труднейших вопросов в различных областях науки» [17, с. 36-37].

Литература и источники

1. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. / Л.Н. Башкатов и др.; отв. ред. И.Л. Петрухин, И.Б. Михайловская. М.: Проспект, 2012.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 70000 слов /под ред. Н.Ю Шведовой. 21-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. Яз. 1989.
3. Чельцов-Бebutov М.А. Курс уголовно-процессуального права. СПб., 1995.
4. Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н. проф. Л.В.Головко. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017.
5. Вышинский А.Я. Уголовный процесс СССР. М., 1927.
6. Строгович М.С. Уголовный процесс. М., 1946.
7. Чельцов М.А. Уголовный процесс. М., 1948.
8. Сборник Законов СССР. В 2 т. Т.2. М.: Известия Советов депутатов трудящихся. 1968.
9. Уголовный процесс: учебник для бакалавров / под ред. А.И. Бастрыкина, А.А. Усачева. М.: Издательство Юрайт, 2013.
10. Бахмадов Б.Д. Некоторые проблемные вопросы уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации // Вестник ЧГУ №1 (21). 2016.г. с.115-118.
11. Бахмадов Б.Д. К вопросу о соотношении задач и назначения уголовного судопроизводства // Право и практика. 2020. №3. с. 124-129.
12. Проект ФЗ РФ «О внесении изменений в УПК РФ в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу.
13. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма: ИНФРА – М, 2012.
14. Уголовно-процессуальное право: учебник для вузов /под общ. Ред. В.М. Лебедева. М.: Издательство Юрайт, 2013. с.224, 227.
15. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. 5-е изд., перераб и доп. М.: Издательство Юрайт, 2011.
16. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н. проф. Л.В. Головко. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017.
17. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула: Автограф, 2000.
18. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Утвержден постановлением ВЦИК РСФСР 15 февраля 1923 г. //СУ РСФСР. 1923. №7. Ст.106.
18. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (с постатейными материалами). М.: Юрид. лит, 1995.
19. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. М.: Проспект, 2022.

References and Sources

1. Ugolovno-processual'noe pravo Rossijskoj Federacii: uchebnik. 3-e izd., pererab. i dop. / L.N. Bashkatov i dr.; отв. red. I.L. Petruhin, I.B. Mihajlovskaya. M.: Prospekt, 2012.
2. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka. 70000 slov /pod red. N.Yu. Shvedovoj. 21-e izd., pererab. i dop. M.: Rus. Yaz. 1989.
3. Chel'cov-Bebutov M.A. Kurs ugolovno-processual'nogo prava. SPb., 1995.
4. Kurs ugolovnogogo processa / pod red. d.yu.n. prof. L.V.Golovko. 2-e izd., ispr. M.: Statut, 2017.
5. Vyshinskij A.Ya. Ugolovnyj process SSSR. M., 1927.
6. Strogovich M.S. Ugolovnyj process. M., 1946.
7. Chel'cov M.A. Ugolovnyj process. M., 1948.
8. Sbornik Zakonov SSSR. V 2 t. T.2. M.: Izvestiya Sovetov deputatov trudyashchihsya. 1968.
9. Ugolovnyj process: uchebnik dlya bakalavrov / pod red. A.I. Bastykina, A.A. Usacheva. M.: Izdatel'stvo YUrajt, 2013.
10. Bahmadov B.D. Nekotorye problemnye voprosy ugolovno-processual'nogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii // Vestnik CHGU №1 (21). 2016.g. s.115-118.
11. Bahmadov B.D. K voprosu o sootnoshenii zadach i naznacheniya ugolovnogogo sudoproizvodstva // Pravo i praktika. 2020. №3. s. 124-129.
12. Proekt FZ RF «O vnesenii izmenenij v UPK RF v svyazi s vvedeniem instituta ustanovleniya ob"ektivnoj istiny po ugolovnomu delu.
13. Shejfer S.A. Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugolovnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya. M.: Norma: INFRA – M, 2012.
14. Ugolovno-processual'noe pravo: uchebnik dlya vuzov /pod obshch. Red. V.M. Lebedeva. M.: Izdatel'stvo Yurajt, 2013. s.224, 227.
15. Kommentarij k Ugolovno-processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii / nauch. red. V.T. Tomin, M.P. Polyakov. 5-e izd., pererab i dop. M.: Izdatel'stvo Yurajt, 2011.
16. Kurs ugolovnogogo processa / Pod red. d.yu.n. prof. L.V. Golovko. 2-e izd., ispr. M.: Statut, 2017.
17. Vladimirov L.E. Uchenie ob ugolovnyh dokazatel'stvah. Tula: Avtograf, 2000.
18. Ugolovno-processual'nyj kodeks RSFSR. Utverzhen postanovleniem VCIK RSFSR 15 fevralya 1923 g. // SU RSFSR. 1923. №7. St.106.
18. Ugolovno-processual'nyj kodeks RSFSR (s postatejnymi materialami). M.: Yurid. lit, 1995.
19. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii. M.: Prospekt, 2022.

БАХМАДОВ БАУДИН ДАДАЕВИЧ – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Чеченского государственного университета, Заслуженный юрист Российской Федерации.

BAKHMADOV, BAUDIN D. – Ph.D. in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Faculty of Law of the Chechen State University, Honored Lawyer of the Russian Federation (bacmadov@mail.ru).

УДК 346.1

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-1-114-119

СОЛОВЯНЕНКО Н.И.

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ЗАЩИТЫ ПРАВ В СФЕРЕ ЦИФРОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ключевые слова: устойчивое развитие, правовое регулирование цифровой экономики, электронный бизнес, цифровая экосистема, цифровая платформа, электронный документ, электронная подпись, цифровой разрыв, онлайн разрешение споров.

В статье с позиций стратегии устойчивого развития произведен анализ юридических отношений, которые формируются в цифровом пространстве, в том числе в сфере электронного документооборота и электронной подписи. Установлено, что в условиях цифровой экономики актуальной тенденцией является совершение юридических действий в цифровых бизнес-экосистемах. Сформулированы основные характеристики нормативной базы, регламентирующей цифровое взаимодействие: функциональность, динамичность и гибкость, принципиальная новизна, гарантии доверия к цифровой бизнес-среде. Актуальной тенденцией цифрового взаимодействия является применение процедур онлайн-разрешения споров, которые должны отвечать надежным гарантиям прав человека.

SOLOVYANENKO, N.I.

CURRENT TRENDS IN LEGAL REGULATION AND PROTECTION OF RIGHTS IN THE FIELD OF DIGITAL INTERACTION OF PARTICIPANTS OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

Key words: sustainable development, legal regulation of the digital economy, electronic business, digital ecosystem, digital platform, electronic document, electronic signature, digital divide, online dispute resolution.

In accordance with the positions of the sustainable development strategy, the article analyzes the legal relations that are formed in the digital space, including in the field of electronic document management and electronic signature. It is established that in the conditions of the digital economy, the actual trend is the commission of legal actions in digital business ecosystems. The main characteristics of the regulatory framework regulating digital interaction are formulated: functionality, dynamism and flexibility, fundamental novelty, guarantees of trust in the digital business environment. An actual trend of digital interaction is the application of online dispute resolution procedures, which must meet reliable guarantees of human rights.

Предпринимательство принадлежит к числу основных движущих сил и глобальных приоритетов в области развития, которые были сформулированы в Декларации тысячелетия ООН и подтверждены в программном документе ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». Цифровая трансформация, основанная на использовании информационно-коммуникационных, цифровых, технологий в социально-экономической сфере, является мощным фактором эффективности предпринимательского сектора, повышения производительности, всестороннего экономического роста.

Следует указать на тесную взаимосвязь между устойчивым развитием, цифровой трансформацией и совершенствованием основных правовых институтов и конструкций, что неоднократно подчеркивалось как на международном уровне, так и на национальном, (например, в интеграционных объединениях государств, таких как ЕАЭС или ЕС, а также в государствах-членах данных объединений). В условиях цифровой экономики право играет собственную важную роль. По утверждению А.А. Рубанова, право обладает способностью ко всеохватывающему регулированию отношений, складывающихся в соответствующем обществе. Оно для того и создается, чтобы закреплять общественные отношения и активно воздействовать на них, способствуя их развитию или, наоборот, тормозя этот процесс [1, с.19]. Таким образом, «наряду с наращиванием научно-технического потенциала и преодолением цифрового разрыва, необходимо содействовать верховенству права на национальном и международном уровнях, усилить гарантии основных прав и свобод; обеспечивать всем равный доступ к правосудию; укреплять нормативно-правовые основы и повышать их согласованность, уважать права собственности и договорную дисциплину» [2].

Под воздействием цифровизации юридическая концепция предпринимательских отношений претерпевает структурные изменения: инновационное цифровое предпринимательство порождает цифровые способы совершения юридических действий в сфере бизнеса, а также в сфере коммуникации с государственным сектором. Результаты произведенного с позиций стратегии устойчивого развития анализа правовых связей и отношений, которые

реализуются субъектами предпринимательства в цифровом пространстве, свидетельствуют о том, что отличительной характеристикой юридических действий в сфере предпринимательства является их совершение в информационных системах, в том числе цифровых бизнес-экосистемах. Формирование подобных правоотношений отвечает задачам, поставленным в государственных документах РФ о стратегическом планировании, которые предусматривают развитие экосистемы цифровой экономики, понимаемой как «партнерство организаций, обеспечивающее постоянное взаимодействие принадлежащих им технологических платформ, прикладных интернет-сервисов, аналитических систем, информационных систем органов государственной власти РФ, организаций и граждан» [3].

Используемое в юридических и экономических исследованиях понятие «экосистема бизнеса» или «предпринимательская экосистема» получило широкое распространение в научном и деловом мире» [4; 5, с. 212-221]. Понятие «экосистема» является заимствованием из биологии, означающим биологическую систему, состоящую из сообщества живых организмов, среды их обитания и системы связей для энергетического обмена между ее участниками. Представители экономической науки применяют термин «экосистема» в силу определенной схожести функций, структуры, принципов также по отношению к экономической жизнедеятельности. Концепция «цифровой бизнес-экосистемы» была сформирована путем присоединения к понятию «бизнес-экосистема» определения «цифровая» с целью новой интерпретации социально-экономического развития, активизируемого применением информационно-коммуникационных технологий». В нормативных и стратегических документах, регламентирующих соответствующие вопросы в рамках международных организаций региональной экономической интеграции, например ЕАЭС, цифровая экосистема определяется как открытая устойчивая система, включающая субъектов: физических лиц, юридических лиц, виртуальных субъектов, а также связи и отношения этих субъектов в цифровой форме на базе сервисов цифровой платформы» [6]. К цифровым бизнес-экосистемами принадлежат «экосистема Сбера», трансграничные цифровые экосистемы, формируемые на пространстве ЕАЭС, национальная платформа «Цифровое сельское хозяйство» и ряд других. Вместе с тем в состав цифровой экосистемы, по мнению ряда ученых, целесообразно также включить «цифровую культуру, цифровое сознание (в том числе цифровое правосознание), цифровые ценности и цифровое общество в целом» [7].

Установление правовых связей и отношений субъектов бизнеса в цифровой среде (в том числе в цифровых экосистемах), осуществление ими юридических действий производится посредством электронных, или цифровых, документов. Юридическое значение цифровых документов, по общему правилу, зависит от результатов удостоверения подлинности и подписания таких документов электронной (цифровой) подписью. Правовые конструкции «электронный документ» и «электронная (цифровая) подпись» юридически тесно взаимосвязаны.

На современном этапе необходимо обозначить нарастающую зависимость юридических действий в сфере бизнеса от инфраструктуры и услуг информационно-коммуникационных технологий, усугубляющаяся пандемией COVID-19. Вместе с тем необходимо назвать правовые проблемы, которые связаны с так называемым цифровым разрывом «digital divide», а также фрагментарными и неясными правовыми институтами и конструкциями, которые сдерживают широкое использование цифровых решений в предпринимательской деятельности».

В этой связи представляется, что правовые институты и практика нормотворчества должны быть по возможности оперативно обновлены и адаптированы к цифровизации. Целесообразно формулировать основные условия, которым должна отвечать нормативная база, регламентирующая цифровое взаимодействие, в том числе в рамках цифровых экосистем, а также правовые отношения, которые они генерируют: во-первых, она должна быть функциональной, а не сугубо структурной (последнее характерно для российского законодательства об информации или законодательства об электронной подписи): во-вторых, регулирование должно быть динамичным и гибким, отвечающим динамизму цифровой экосистемы; в-третьих, поскольку многие из существующих сегодня регулятивных подходов и конструкций устарели, целесообразно использовать подход «с чистого листа», создавая новые правила, не воздвигающие искусственные барьеры для цифровой трансформации бизнеса или повышающие затраты на ее осуществление.

При формулировании принципов и подходов, равно как и проектировании моделей правового регулирования цифрового взаимодействия в сфере предпринимательства необходимо

учитывать сложившуюся мировую практику нормотворчества, в основе которой заложена идея о том, что юридическое признание электронных документов и подписей, является ключевым элементом в построении цифрового взаимодействия, в том числе в трансграничном режиме. Благоприятная правовая среда для цифрового коммерческого взаимодействия должна гарантировать, что контракты, заключенные дистанционно по электронным каналам, действительны и имеют юридическую силу, как и заключенные на бумаге.

Формирование модельного правового режима, а также единообразных правил, регламентирующих электронное взаимодействие в коммерческих правоотношениях, входит в круг задач Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ). В числе разработанных ЮНСИТРАЛ международных документов следует назвать Конвенцию ООН «Об использовании электронных сообщений в международных договорах»; Типовой закон ЮНСИТРАЛ «Об электронной торговле»; Типовой закон ЮНСИТРАЛ «Об электронной подписи»; Типовой закон ЮНСИТРАЛ «Об электронных передаваемых записях» и ряд других. Предлагается также опираться на такие общепризнанные правовые принципы как «недискриминация», «функциональная эквивалентность», «технологическая нейтральность». Принцип недискриминации гарантирует, что «документ не будет лишен юридической силы, действительности или исковой силы только на том основании, что он создан в электронной форме». Этот принцип является «минимальным базовым условием», которое должна включать любая нормативная или договорная конструкция, касающаяся электронного взаимодействия. Принцип функциональной эквивалентности утверждает, что электронные сообщения могут исполнять ту же юридическую роль, что и документы на бумаге. Соблюдение данного принципа предполагает выполнение электронными сообщениями тех же функций, которые выполняются такими конструкциями, характерными для традиционной бумажной системы, как: «письменность», «оригинал», «подпись». Принцип технологической нейтральности предусматривает, что нормативные акты не должны содержать требования использования определенных технологий для придания электронному взаимодействию правовых последствий. Правила нейтральности направлены на то, чтобы любое будущее развитие в русле технического прогресса могло осуществляться без специальной законодательной работы». Цифровое взаимодействие в коммерческих правоотношениях рассматривается в исследовательском и законотворческом проекте ЮНСИТРАЛ, посвященном разработке Типового закона об использовании и трансграничном признании управления идентификационными данными и достоверительных услуг. Цифровизация торговых процессов и обеспечение беспрепятственного электронного обмена документами в области трансграничной торговли закреплены в Рамочном соглашении ЭСКАТО об упрощении трансграничной безбумажной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В настоящее время обозначены актуальные тенденции в области правового регулирования цифрового взаимодействия, в том числе в сфере документооборота, такие как: формирование правового режима разнообразных сервисов в сфере электронного документооборота (так называемых сервисов доверия); появление новых видов правовых отношений и понятий, которых не было в период активного создания соответствующей нормативной правовой базы: электронный образ документа, визуализация электронного документа и электронной подписи, конвертация и миграция электронных документов; внедрение инноваций, которые коренным образом меняют юридический ландшафт применения электронных документов, как то: введение в правовой оборот электронных машиночитаемых документов (машиночитаемый документ о полномочиях), цифровых трехмерных моделей объектов интеллектуальной собственности; облачного сервиса в сети интернет, облачной квалифицированной электронной подписи; официальной доставки электронных документов (сертифицированной электронной почты) и ряда других.

На основе анализа новейших законодательных преобразований в сфере правового регулирования электронного взаимодействия можно сделать вывод о продвижении цифровых документов и документооборота в качестве основного способа совершения юридических действий в экономической и социальной сфере. Данная тенденция значительно усилилась в связи с объективной необходимостью осуществлять «бесконтактное» взаимодействие в условиях пандемии. Что касается юридических отношений с использованием документооборота «на бумаге», не отвечающих потребностям цифровой коммуникации, и трудно осуществляемым в

период «локдауна», то они рассматриваются в современном нормотворчестве, скорее, как исключение.

В этой связи следует констатировать необходимость разработки подходов к решению не только правотворческой, но и доктринальной, научной, задачи, заключающейся в создании актуальной правовой концепции и обновлении базовых характеристик правового режима цифрового документа. При создании указанной концепции следует исходить из глубинного характера изменений в сфере права, в том числе в трактовке юридических фактов, методах совершения юридических действий, вызванных цифровизацией, а не только концентрировать внимание на самих высоких технологиях. При формировании понятийного аппарата и нормативных положений, формирующих правовой режим цифровых (электронных) документов и процедуры их применения, следует в первую очередь учитывать юридическую сущность документа вообще, и электронного документа в частности, а также провести различия между технологическими правилами цифрового взаимодействия (техническими и эксплуатационными требованиями, применяемыми к процедурам создания, получения и отправки, использования, хранения или ликвидации электронных документов) и собственно юридическими нормами, устанавливающими, в том числе критерии правового признания электронных документов и подписей. Как известно, действие права состоит в регулировании общественных отношений».

В качестве примера можно привести подходы к созданию правовых моделей общественных отношений, целью которых является признание той или иной технологии в качестве юридически значимой электронной подписи. В настоящее время можно обозначить три различные модели регулирования. Первая модель основана на предписывающем, императивном, подходе, который признает юридически действительным только один тип электронной подписи – защищенные цифровые подписи, которые основаны на определенном методе шифрования и созданы в соответствии с обязательными процедурами. В качестве преимущества данного подхода рассматривается повышение общественного доверия к электронным подписям. Однако защищенные цифровые подписи и обязательные процедуры, обеспечивая максимальную степень надежности, тем не менее, являются дорогостоящими и обременительными для многих видов деятельности, в частности для контрактов между частными юридическими и физическими лицами. Вторая модель опирается на диспозитивный подход, который позволяет сторонам выбирать по своему усмотрению технологию электронной подписи, которая соответствует их потребностям, и придает любым технологиям равную юридическую силу. Данный подход является «технологически нейтральным». Однако данный подход не признает, что некоторые технологии, действительно, более безопасны, чем другие, и могут обеспечить большую надежность цифрового взаимодействия. Третья модель признает юридическое значение всех технологий электронной подписи, но предоставляет определенные юридические преимущества, или презумпции только безопасным цифровым подписям и, подобно императивному подходу, формулирует требования к таким подписям, а также правила поведения сторон. Ряд государств (в том числе Российская Федерация в Федеральном законе об электронной подписи) развили этот подход, чтобы предоставить частным лицам большую свободу в применении цифровых подписей с помощью технологий, которые они предпочитают.

В этой связи необходимо особо указать, что при разработке и гармонизации понятий и категорий цифровой экономики, таких как «цифровой документ», «электронный документ», «машиночитаемый документ», «электронное сообщение», «цифровая подпись», «электронная подпись», «электронная идентификация и аутентификация» и ряда других, а также соответствующих правовых моделей и конструкций следует также принимать во внимание выводы выдающихся ученых правоведов советского периода, утверждавших, что «в управлении обществом далеко не полностью используется все богатство правового инструментария, все тонкости юридической техники... Создание такой модели требует использования результатов не только естественных, технических, экономических и других наук, на основе которых принимается решение, но и данных юридической науки, определяющих законы построения модели, критерии эффективности той или иной правовой формы» [8, с.4-5].

В числе актуальных юридических тенденций цифрового взаимодействия необходимо назвать применение цифровых процедур и инструментов онлайн-разрешения споров. В случае возникновения спора между сторонами онлайн-сделки законодательство должно предусматривать

инструменты для его разрешения. Традиционные судебные механизмы могут быть неадекватны для разрешения споров, когда, например, покупатели и продавцы находятся в разных государствах. Онлайн-механизмы разрешения споров через публичные или частные платформы, предлагают недорогую и быструю процедуру разрешения споров между сторонами онлайн-транзакции. Организация экономического сотрудничества и развития рекомендует внедрять онлайн-механизмы разрешения споров, которые не налагают на клиентов расходов, несоразмерных стоимости рассматриваемой претензии. Онлайн-механизмы разрешения споров характеризуются использованием электронных коммуникаций и других информационно-коммуникационных технологий «без необходимости физического присутствия на заседании или слушании». Электронная коммерция является благоприятным полем для развития такого механизма, учитывая низкую стоимость продаваемых товаров и растущий объем трансграничных сделок. Онлайн-механизм разрешения споров требует технологического посредника (платформу), который генерирует, отправляет, получает, хранит и обменивается данными, обеспечивая безопасность данных.

В «Руководящих принципах Комитета министров Совета Европы по механизмам онлайн-разрешения споров в гражданских и административных судебных разбирательствах» [9] отмечается, что разработчики онлайн-механизмов разрешения споров (будь то государственных или частных), возможно, недостаточно осведомлены о том, что такие механизмы должны сопровождаться надежными гарантиями прав человека. При этом подчеркивается необходимость обеспечения совместимости таких механизмов с ключевыми принципами справедливого судебного разбирательства и эффективного средства правовой защиты. Названный механизм должен быть направлен на повышение эффективности судопроизводства, позволяя сторонам участвовать без физического присутствия в суде и, насколько это возможно, упрощая весь процесс. Онлайн-механизм разрешения споров должен быть легко понятным, доступным и удобным для пользователя, и кроме того - разработан и внедрен в соответствии с признанными на международном уровне техническими стандартами. Стороны должны быть проинформированы о том, как он работает, как подать заявление, как отслеживать ход разбирательства и как получить доступ к решениям. Использование механизма онлайн-разрешения споров не должно быть невыгодным для сторон или давать несправедливое преимущество одной из сторон. Стороны должны быть уведомлены, когда предполагается, что их дело будет рассмотрено с привлечением механизма искусственного интеллекта. Процедуры онлайн-разрешения споров должны обеспечивать справедливость, чтобы процедуры онлайн-разрешения споров обеспечивали независимый и беспристрастный судебный процесс, а сторонам разбирательства было разрешено представлять доказательства таким образом, чтобы не ставить их в невыгодное положение по отношению к другой стороне. Стороны должны иметь возможность изложить свою точку зрения и оспорить доказательства, представленные другими сторонами. Подчеркивается обязательность прозрачных процедур онлайн-разрешения споров. Должны быть приведены достаточные основания для решений, принятых с использованием онлайн-разрешения споров, в частности решений, принятых с привлечением механизмов искусственного интеллекта. Сам факт того, что решение является результатом онлайн-разрешения споров, не должен препятствовать его исполнению. В тех случаях, когда законодательство допускает чисто автоматизированные решения, такие решения должны быть открыты для рассмотрения судьей. Уровень кибербезопасности продуктов, услуг и процессов, используемых в процедурах онлайн-разрешения споров, следует считать достаточным, когда предусмотрены меры защиты от несанкционированного доступа к конфиденциальным данным и нежелательного изменения или удаления данных, а также меры защиты от мошенничества с личными данными сторон. Вместе с тем необходимо обеспечить техническую возможность доступа к системе и содержащимся в ней данным для тех лиц, которые должны иметь доступ. Аутсорсинг технологии, используемой в процедурах онлайн-разрешения споров, не должен приводить к обработке персональных данных в коммерческих целях. Простота использования механизмов онлайн-разрешения споров должна быть в достаточной степени проверена до внедрения последних. Судебные органы, юристы и другие соответствующие заинтересованные стороны должны активно участвовать в их разработке. Непрерывный мониторинг и своевременная модернизация, обеспечивающих безопасность,

справедливость, эффективность и другие стандарты качества, должны быть включены в жизненный цикл всех таких систем.

При осуществлении юридических действий в цифровых экосистемах одной из главных правовых задач, требующих решения, является создание таких правовых категорий и конструкций, которые обеспечивают доверие к цифровой бизнес-среде. В этой связи на законодательном уровне закреплена юридическая модель цифрового пространства доверия и цифровых доверенных услуг. Вместе с тем правовая конструкция цифровой инфраструктуры доверия требует дальнейшей разработки.

Литература и источники

1. Рубанов А.А. Теоретические основы международного взаимодействия национальных правовых систем. М.: Наука, 1984 г.
2. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 27 июля 2015 года. Аддис-Абебская программа действий третьей Международной конференции по финансированию развития (Аддис-Абебская программа действий) // URL:https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv_development.shtml.
3. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.
4. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года».
5. A New Regulatory Framework For The Digital Ecosystem. // GSMA2016_Report_New_RegulatoryFrameworkForTheDigitalEcosystem_ExecSummary_English.pdf.
6. Дорошенко С. В., Шеломенцев А. Г. Предпринимательская экосистема в современных социо-экономических исследованиях // Журнал экономической теории. 2017. № 4.С. 212-221.
7. Актуальные проблемы предпринимательского права: учебник / Ершова И. В., Андреева Л. В., Беседин А. Н. и др. М., 2021.
8. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М.: Юрид. литература, 1974.
9. Guidelines of the Committee of Ministers of the Council of Europe on online dispute resolution mechanisms in civil and administrative court proceedings // https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=0900001680a2cf96

References and Sources

1. Rubanov A.A. Teoreticheskie osnovy mezhdunarodnogo vzaimodejstviya nacional'nyh pravovyh sistem. M.: Nauka, 1984 g.
2. Rezolyuciya, prinyataya General'noj Assambleej OON 27 iyulya 2015 goda. Addis-Abebskaya programma dejstvij tret'ej Mezhdunarodnoj konferencii po finansirovaniyu razvitiya (Addis-Abebskaya programma dejstvij) // URL:https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv_development.shtml.
3. Ukaz Prezidenta RF ot 9 maya 2017 g. № 203 «O Strategii razvitiya informacionnogo obshchestva v Rossijskoj Federacii na 2017–2030 gody» // SZ RF. 2017. № 20. St. 2901.
4. Reshenie Vysshego Evrazijskogo ekonomicheskogo soveta ot 11 oktyabrya 2017 g. № 12 «Ob Osnovnyh napravleniyah realizacii cifrovoj povestki Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza do 2025 goda».
5. A New Regulatory Framework For The Digital Ecosystem. // GSMA2016_Report_New_RegulatoryFrameworkForTheDigitalEcosystem_ExecSummary_English.pdf.
6. Doroshenko S. V., Shelomencev A. G. Predprinimatel'skaya ekosistema v sovremennyh socio-ekonomicheskikh issledovaniyah // ZHurnal ekonomicheskoy teorii. 2017. № 4.S. 212-221.
7. Aktual'nye problemy predprinimatel'skogo prava: uchebnik / Ershova I. V., Andreeva L. V., Besedin A. N. i dr. M., 2021.
8. Hal'fina R. O. Obshchee uchenie o pravootnoshenii. M.: Yurid. literatura, 1974.
9. Guidelines of the Committee of Ministers of the Council of Europe on online dispute resolution mechanisms in civil and administrative court proceedings // https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=0900001680a2cf96

СОЛОВЯНЕНКО НИНА ИВАНОВНА - кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора предпринимательского и корпоративного права, Институт государства и права РАН (spp@igpran.ru).
SOLOVYANENKO, NINA I. – Ph.D. in Law, Senior Research Fellow, Business and Corporate Law Department, Institute of State and Law RAS (spp@igpran.ru).

УДК 346.546.1

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-1-119-125

ГАВРИЛОВА Ю.А., ГАВРИЛОВА В.Д. КОНКУРЕНЦИЯ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: ОТЕЧЕСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ЭПОХУ ДЕВАЛЬВАЦИИ ЦЕННОСТЕЙ И ГЛОБАЛЬНЫХ РИСКОВ

Ключевые слова: конкуренция, цифровая среда, глобальные риски, ценности, правовое регулирование.

Изучаются новые цифровые формы и методы конкуренции в отечественном правовом пространстве, особенности влияния глобальных рисков на систему ценностей и правовое регулирование конкуренции в российском обществе. Российская Федерация развивается в период смены традиционных экономических укладов и технологий, цифровизации экономики и государственного управления, внедрения программно-технических средств в общественную жизнь. Новая цифровая реальность изменяет ценности основы российского общества и ставит человека лицом к лицу перед вопросами обеспечения контроля Интернет-среды, военной, финансовой, социальной и личной кибербезопасности. Российское государство должно заботиться о национальных интересах и одновременно укреплять позиции в мировом экономическом и политическом пространстве, сохранять престиж и авторитет. В связи с тем, что ценности определяют цели и задачи развития государства, направляют мотивацию и установки поведения личности, следует признать, что традиционная система ценностей, основанная на нравственных императивах, частично девальвируется и нуждается в особой правовой охране и защите. К числу глобальных рисков, влияющих на систему ценностей российского общества и человека, можно отнести создание превосходящих возможности человека искусственных интеллектуальных машин, риск контроля больших данных, цифровое неравенство и цифровую неграмотность населения, социальную незащищенность, ограничение или

утрату цифрового суверенитета страны. Авторы приходят к выводу, что отечественная модель правового регулирования конкуренции в цифровой среде нуждается в совершенствовании с учетом глобальных рисков, вызванных ценностными и технологическими трансформациями российского общества.

GAVRILOVA, Yu.A., GAVRILOVA, V.D.
COMPETITION IN THE DIGITAL ENVIRONMENT: DOMESTIC MODEL OF LEGAL REGULATION IN THE ERA OF DEVALUATION OF VALUES AND GLOBAL RISKS

Keywords: competition, digital environment, global risks, values, legal regulation.

New digital forms and methods of competition in the domestic legal space, the peculiarities of the impact of global risks on the value system and legal regulation of competition in Russian society are studied. The Russian Federation is developing in a period of changing traditional economic patterns and technologies, digitalization of the economy and public administration, and the introduction of software and hardware into public life. The new digital reality changes the value foundations of Russian society and puts a person face to face with the issues of ensuring control of the Internet environment, military, financial, social and personal cybersecurity. The Russian state should take care of national interests and at the same time strengthen its position in the global economic and political space, preserve prestige and authority. Due to the fact that values determine the goals and objectives of the development of the state, guide the motivation and attitudes of individual behavior, it should be recognized that the traditional value system based on moral imperatives is partially devalued and needs special legal protection and protection. The global risks affecting the value system of Russian society and man include the creation of artificial intelligent machines that exceed human capabilities, the risk of big data control, digital inequality and digital illiteracy of the population, social insecurity, restriction or loss of digital sovereignty of the country. The authors conclude that the domestic model of legal regulation of competition in the digital environment needs to be improved taking into account the global risks caused by the value and technological transformations of Russian society.

Стремительное развитие цифровых технологий формализует и стандартизирует жизнь человека, как творческого существа, носителя и выразителя культурной памяти и прогресса общества. Борьба между формализацией, механизацией и духовной, нравственной свободой личности становится ключевым показателем сложности и многоплановости современных социально-экономических процессов. Если раньше конкуренция рассматривалась как стимулирующее условие роста экономики, интенсивного развития экономических отношений, то сегодня конкуренция требует широкого мировоззренческого понимания в качестве неизбежного элемента глобального миропорядка. Существенно изменяющиеся форматы конкуренции затрагивают уже не только материальную, производственную, технологическую, но и бытовую, культурную, ментальную сферы людей.

Процесс унификации мировой политико-правовой и культурно-идеологической надстройки, запущенный современными глобализационными механизмами, встречает активное и многостороннее сопротивление со стороны индивидов, регионов, отдельных народов и этнических сообществ. Единое монопольное видение мира сквозь призму глобальных ценностей требует критического анализа и учета национальной идентичности, культурного разнообразия народов. Отсюда имеют место два крупных процесса, одновременно протекающих на разных уровнях и в нескольких плоскостях: монополизация, представленная как ценностная унификация и экономико-правовая консолидация мирового порядка, обеспеченные влиянием техники и технологий, и конкуренция, выраженная через концепты свободы, творчества человека, духовного выбора и культурного плюрализма народов.

Конкурентная среда в экономике, политике, сфере правового регулирования дигитализируется и должна быть проанализирована на предмет совмещения общепланетарного и культурно своеобразного, человеческого и технического, ценностного и утилитарного. Устойчивость и безопасность правового и социального развития Российского государства в современном цифровом мироустройстве в первую очередь зависят от решения сформулированных задач. Конкуренция в традиционном человеческом обществе базируется на признании и уважении достоинства соперников, их законных интересов, нравственных принципов и правил коммуникации. Гуманистические моральные ценности известны большинству людей, так как на их основе строится фундамент любого общества: К ним относятся честь, порядочность, милосердие, справедливость; добро; совесть; правда и др. Моральные ценности, пожалуй, никогда еще не подвергались массовой сплошной ревизии, как в эпоху цифровизации. Пересмотр традиционной нравственной регулятивной системы происходит спонтанно, но зачастую и целенаправленно.

Все более интенсивно свои претензии на доминирование в ценностной системе общества заявляют новые параметры жизни современного человека - ускоренные темпы развития, прагматизм и комфорт, монетизация, глобальность, чрезмерная гибкость и взаимозаменяемость

цифровых стандартов (в противовес их жесткому нормированию), высочайшая конкуренция патентоспособности цифровых товаров, удобство и функциональная привлекательность, транспарентность и др. Именно здесь, на наш взгляд, существует глобальный риск подмены всей системы традиционных моральных ценностей исключительно экономико-технологическими ценностями, выступающими как концентрированное выражение основных характеристик цифрового общества: «эффекта масштаба и отдачи от него, сетевых внешних эффектов и роли данных» [1, с. 44].

Цифровая дискриминация и отсутствие цифрового доступа к Интернету могут превратить функционирование политической системы в новую контролируемую политическую «матрицу». В данном случае на базе технических усовершенствований демократии мы рискуем получить новую систему политического управления, основанную на «многоголосии». Причем обсуждение сложных социальных проблем и принятие решений будет характеризоваться поверхностным взглядом, простым нажатием на кнопку «проголосовать», усилением популистского или радикального контента. Подобного рода цифровая простота и монополизация политического пространства предлагаются вместо устоявшихся конкурентных политических механизмов и электронных медиа, функции которых по многоканальному доведению до сведения граждан общественно значимой информации оказываются неактуальными [2, с. 184].

Безусловно, необходим определенный пересмотр моделей конкуренции и монополии в цифровой среде, так как под влиянием новейших технологических достижений хозяйственные стратегии бизнеса изменяются существенно раньше, чем эти процессы фиксирует правовой и социально-экономический мониторинг. Тем не менее, можно оценивать актуализированные модели сетевого и цифрового поведения хозяйствующих субъектов в терминах стимулирования или устранения конкуренции, имея в виду, что устаревшие формы ведения предпринимательской деятельности в цифровой среде сами по себе потеряют значимость [3, с. 66].

В Российской Федерации разработан 5-й антимонопольный пакет поправок в Федеральный закон «О защите конкуренции» № 135-ФЗ от 26.07.2006 (далее – Закон о защите конкуренции). Номер законопроекта – ID 02/04/03-18/00079428. Данный законопроект подготовлен ФАС России (далее – ФАС) и представлен для обсуждения в Правительство РФ. Он направлен на регламентацию новых сегментов конкуренции в цифровой среде и, соответственно, новых видов злоупотреблений со стороны транснациональных (и не только) «цифровых» корпораций. Признается, что рост экономической концентрации и власти в руках сильнейших IT- компаний может привести к монополизму на рынке цифровых услуг и нарушению прав потребителей. Каждая страна мира решает обозначенные проблемы по-разному, поэтому обсуждается отечественная модель правового регулирования на новых цифровых рынках.

Законопроект вводит новые понятия: «цифровая платформа», «сетевой эффект», «доверенное лицо (внешний эксперт)», призванные отражать современные реалии цифровой конкуренции. Данные понятия имеют экономический и технологический генезис; известны в экономике и информатике; но при применении в правовой сфере нуждаются в формализации и опосредовании с помощью юридических критериев, что выглядит достаточно трудной задачей. В этой связи закономерным является отрицательное заключение Минэкономразвития России (МЭР) по оценке регулирующего воздействия законопроекта на развитие конкуренции. МЭР считает, что предложенные ФАС России понятия являются неопределенными по правовому содержанию. В частности, понятие цифровой платформы не используется в законодательстве РФ и ЕврАзЭС. Порочными являются почти все отдельные элементы этого понятия:

- 1) «инфраструктура взаимодействия»;
- 2) «хозяйствующие субъекты-продавцы и покупатели» (оптовая или розничная торговля);
- 3) «организация и обеспечение взаимодействия» - сводятся ли они к заключению сделок или, например, к предоставлению информации о стоимости товаров и услуг;
- 4) «взаимозаменяемые услуги».

Безусловно, с частью оценки МЭР вполне можно согласиться по причине новизны предложенного регулирования. Однако следует выступить в поддержку законопроекта в другой части. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» № 149-ФЗ от 27.07.2006 (Закон об информации) также использует отдельные формулировки: «владелец сайта и (или) страницы сайта в сети "Интернет", «владелец

информационной системы», «владелец программы для ЭВМ». Все эти явления представляют собой ту или иную инфраструктуру, которая используется для экономической цифровой коммуникации. В качестве компромисса можно было бы предложить универсальное понятие информационной системы, предусмотренное Законом об информации.

В заключении МЭР имеется ссылка на невозможность в представленном варианте законопроекта определить границы рынка «взаимозаменяемых услуг» цифровой платформы и долю указанных услуг. Между тем правовое регулирование обращения запрещенной или ограниченной в доступе информации предполагает охват потребителей, находящихся на территории РФ (ст. ст. 10.3 – 10.6 Закона об информации). Отсюда логично, что рынок взаимозаменяемых услуг цифровой платформы – это вся территория РФ, так как именно она находится под юрисдикцией Российского государства.

Само по себе понятие взаимозаменяемых цифровых услуг имеет определенную экономическую и правовую логику и применяется, в частности, в законодательстве о контрактной системе и закупках отдельных видов юридических лиц. Они трактуются как услуги, однородные по потребительским целям, обладающие аналогичными функциональными, техническими и качественными характеристиками, допускающими незначительные отклонения и позволяющими их использовать без ущерба для качества и основных потребительских свойств услуги.

Применительно к услугам, оказываемым на рынке цифровых платформ, взаимозаменяемость может проявляться в: а) наличии двух и более информационно-технологических сервисов, между которыми можно переключиться в процессе технического или программного сбоя системы; б) наличии двух или более способов совершения одних и тех же юридически значимых действий. Отсутствие альтернативных сервисов, позволяющих выполнить аналогичные (идентичные) функции платежа, регистрации, бронирования или иного подтверждения или отказа от товара, работы, услуги со всей очевидностью означает отсутствие выбора и нарушение конкуренции. При этом цифровая монополия не может быть отнесена к естественным монополиям, где обеспечение конкурентных процедур невозможно по определению или нецелесообразно в силу прямого указания закона.

Законопроект ФАС предусматривает, что не является нарушением Закона о защите конкуренции владение хозяйствующим субъектом одной или несколькими сходными (взаимозаменяемыми) цифровыми платформами, выручка от деятельности которой (которых) за последний календарный год не превышает 400 млн. рублей.

Согласимся с МЭР, что обоснованные сложности и сомнения вызывает формулировка о «сходных (взаимозаменяемых) цифровых платформах», которыми может владеть одно лицо. В случае с взаимозаменяемыми услугами вариант их описания и сравнительной оценки кажется более реалистичным, в то время как формулировка о владении несколькими взаимозаменяемыми платформами имеет значение лишь для оценки монопольного положения субъекта на рынке, ведь субъект может действовать на этом рынке консолидированным образом и (или) через дробление на несколько платформ. Предлагается ввести формулировку «действуя самостоятельно или через контролируемые юридические лица ...» или иную подобную по смыслу.

Отдельные критические замечания высказаны в заключении МЭР на законопроект по поводу содержащегося в нем понятия «сетевой эффект». В экономических науках сетевые эффекты могут быть прямыми (повышающими цену товара по мере роста его потребления) и косвенными (привлекающими внимание потребителя дополнительным функционалом и т.п.). МЭР утверждает, что законодательство РФ и ЕврАзЭС не дает определений системообразующим дефинициям: «группа потребителей», «потребительская ценность товара» и т.д., вследствие чего затруднительно дать юридическое определение «сетевому эффекту». Однако такие аналогичные определения имеются в Законе РФ «О защите прав потребителей» № 2300-1 от 07.02.1992: «свойства товара», «надлежащее качество товара», «безопасность товара», «информация о товарах и изготовителях...», «группа потребителей», «неопределенный круг потребителей» и т.п. (ст. ст. 10, 40 и 45). В данном случае целесообразно обратиться к терминологии данного закона для целей применения в законодательстве о защите конкуренции.

На наш взгляд, проблема состоит в потенциале использования сетевых эффектов непосредственно в процессе исследования конкурентных рынков. Сетевой эффект как экономический признак цифровой монополистической деятельности не обязательно должен

автоматически становится юридическим признаком в законе. Это связано с трудностями объективного определения (расчета) сетевого эффекта в юридически спорной ситуации. Здесь совершенно не принимается во внимание инновационный аспект выхода на рынок. Более того, в Законе о защите конкуренции уже указано, что установление или поддержание цены на инновационную продукцию является допустимым, хотя цифровая инновация дает конкурентное преимущество с неизмеримым эффектом масштаба. Что же касается «существенности» количества сделок, совершаемых на соответствующей цифровой платформе как показатель монополистической конкуренции со стороны цифровой платформы, то законопроект критериев такой существенности правда не содержит.

Закон об информации использует формулировки «количества пользователей в сутки, которые имеют доступ к информационным системам»: 1 млн., 500 тыс. и 100 тыс. пользователей (ст. ст. 10.4 – 10.6). Однако эти количественные показатели подвержены динамической оценке. Снижение порогового значения массового доступа пользователей к информационным системам в течение 3 месяцев может являться основанием для подачи заявления владельца информационной системы об исключении его из специальных реестров, а в течение 6 месяцев – и при отсутствии заявления. Указанный правовой режим распространяется на новостных агрегаторов, владельцев аудиовизуальных сервисов и социальные сети. Вопрос об основаниях и условиях применимости этих правовых режимов ко всем конкурирующим цифровым платформам, если иметь в виду предлагаемое распространение на них понятия информационной системы, в значительной мере определяется дискрецией законодателя. Тем не менее, пока таких оснований мы не находим. Главным аргументом мы считаем положение, при котором количество сделок на цифровой платформе априори уже включено в расчет доли рынка, годовой выручки и активов компании, которые формируются за счет этих многочисленных сделок. К тому же цели применения закона – регулирование и защита информации; защита конкуренции, – разные.

Законопроект ФАС предусматривает, что доминирующим положение цифровой платформы на рынке реализуемых услуг может быть признано, если она занимает долю на рынке таких услуг более 35 % и с помощью создаваемых сетевых эффектов может устранять, затруднять доступ на рынок другим хозяйствующим субъектам или иным образом оказывать решающее влияние на общие условия обращения товаров данного рынка. МЭР отмечает, что «решающее влияние» является оценочной формулировкой, которая интерпретируется исключительно на усмотрение ФАС.

При этом еще раз отметим, что под данное понятие не подпадает цифровая платформа, годовая выручка которой от деятельности не превышает 400 млн. руб. Возможно, что превышение порога в 400 млн. руб. – это и есть косвенно подразумеваемое «решающее влияние», но тогда его нужно выразить в законе более определенно.

Наряду с этим ч.1 ст. 28 Закона о защите конкуренции дополняется проектируемым полномочием ФАС давать предварительное согласие на сделки между цифровой платформой и объектом его экономической концентрации с акциями, долями (правами) или имуществом по цене, превышающей 7 млрд. руб. С этой суммой не согласны эксперты, поскольку она не отражает эффекты масштаба и ускоренные темпы развития рынков цифровых товаров. Тем не менее, это вопрос оценки прагматической целесообразности и учета национальных особенностей развития в цифровой среде.

Проведенный анализ опровергает высказанные в литературе позиции, что традиционные критерии оценки конкуренции в цифровой среде не состоятельны [4, с. 48]. Напротив, как нам представляется, дело не в самих критериях, которые сохраняются (доля рынка, годовая выручка от деятельности, суммарная стоимость активов), а в порядке их расчета и применения относительно новых конкурентных цифровых рынков. Причем понятие сетевого эффекта должно указываться в качестве средства доказывания цифрового монополизма и только в той мере, в какой оно отражает специфику предпринимательской деятельности в виртуальной среде. Самостоятельный юридический признак сетевого эффекта сам по себе нецелесообразен.

Представленная позиция рассматривается взвешенной, поскольку даже на рынке стандартных товаров весьма тонкой является грань между конкурентными и антиконкурентными моделями поведения, в частности, на публичных торгах, в оптовой дистрибуторской торговле [5, с. 42]. Вследствие этого важно учесть неравенство в доступе к цифровым технологиям вообще и в

частности в руках цифровых монополистов и предусмотреть законодательные гарантии защиты конкуренции в цифровой экономике [6, с. 287].

Отдельно стоит упомянуть тему цифровых алгоритмов и искусственного интеллекта. Современная эпоха формулирует большой вызов по поводу возможности использования антимонопольного законодательства для регулирования конкуренции в этой узкой области [7, с. 49]. Алгоритмы позволяют системам искусственного интеллекта генерировать, обрабатывать и хранить, передавать большие данные, в том числе персональные данные граждан и коммерческие данные организаций, которыми не способен оперировать человек одновременно в памяти. Однако данные отношения могут быть включены в правовое поле. На рынке всегда существует выбор между свободным и лицензионным программным обеспечением. Наличие альтернативных технологических платформ и сервисов, позволяющих переключаться друг на друга или использовать один вместо другого, - вот что необходимо для обеспечения минимальных конкурентных условий. При принятии решения искусственным интеллектом требуется человеческий контроль относительно существа и правовых последствий принятого решения. Следовательно, в понятие входит и антимонопольный контроль за применением таких алгоритмов.

По вопросу больших данных и их возможного негативного влияния на конкурентную цифровую среду можно говорить о двух подходах. В одном варианте большие данные – это неизбежный вызов современности, и с ним нужно научиться жить и работать. В другом – это потенциальные злоупотребления со стороны их обладателей. Владелец данных имеет возможность контроля за предпочтениями, интересами и побудительными мотивами потребительского поведения (корзина товаров, а в случае сговора с другими владельцами – это высокая вероятность нарушения конкуренции). И очевидно, что большие данные – это инструмент завоевания рыночной власти. Поэтому акцент необходимо делать на выяснении причинно-следственных связей между обладанием такими благами и результатами хозяйственной деятельности на рынке цифровых продуктов. Если эти результаты детерминированы правами на большие данные и наносят ущерб конкурентам, то в действие должны вступать общие антимонопольные механизмы.

Необходимо принимать во внимание, что цифровая среда должна быть подчинена общему правовому режиму стимулирования конкуренции и противодействия теневым хозяйственным связям: упрощение открытия бизнеса, снижение налогов и иные экономические льготы [8, с. 614]. Актуален этот вопрос для развития инновационных конкурентоспособных производств внутри страны и за пределами её территории, например, наноиндустрии [9, с. 593].

Правильно отмечено в литературе, что визуализация открытости, гибкости и предсказуемости привлекает много разных пользователей к цифровым платформам. Однако за внешним удобством может скрываться монополизм: выбирайте только единственное наше, потому что это удобно. Но направлено ли такое положение дел на службу человеку? Думается, что доступная информационная среда и развитая правовая база в сфере информационно-коммуникационных технологий позволят сделать действительный выбор в пользу удобства цифровых технологий для решения социально-экономических проблем человека [10, с. 599].

Цифровизация предлагает новую шкалу ценностей и, вместе с тем, порождает новые вызовы и угрозы. Отечественная модель правового регулирования конкуренции на новых цифровых рынках должна защищать, прежде всего, такие же принципы честной, открытой, порядочной и разумной конкуренции, как и на обычных товарных рынках. Отступление от подобных морально обоснованных хозяйственных практик имеет результатом формирование монополистической конкуренции и исключительных монополий. Мы должны беречь и охранять систему традиционных нравственных ценностей как мировоззренческую основу устойчивого, безопасного и конкурентного развития Российского государства в целях обеспечения социальной солидарности.

Литература и источники

1. Егорова М.А., Кожевина О.В., Кинев А.Ю. Правовая защита конкуренции в условиях формирующихся цифровых рынков // Lex russica (Русский закон). 2021. № 2(171).
2. Шабаль П., Беков К.Б. Институциональная конкуренция в век прямой цифровой демократии // Вестник Карагандинского университета. Серия: История. Философия. 2020. Т. 99. № 3.
3. Розанова Н.М. Конкуренция и монополия в цифровую эпоху // Общественные науки и современность. 2021. № 1.
4. Петров А.В. Сетевые эффекты и недобросовестная конкуренция на рынках цифровых платформ: дело Avito против Auto.ru // Предпринимательское право. 2020. № 4.

5. Варламова А.Н. Проблемы конкуренции в торговом обороте // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2021. № 1.
6. Богданов Е.В. Защита конкуренции в сфере цифровой экономики // *Цифровая экономика: тенденции и перспективы развития: Сборник тезисов докладов национальной научно-практической конференции: в двух томах, Москва, 22–23 октября 2020 года*. М.: Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 2020.
7. Кирей Ю. В. Алгоритмы и конкуренция в цифровой экономике // *Журнал предпринимательского и корпоративного права*. 2020. № 3(19).
8. Russkova, E., & Kopylova, Yu. (2018). Priority directions and methods of the counteraction to the informal economy in the regions of Russia. In Russkova E. G. (ed.) *Proceedings of the International Scientific Conference "Competitive, Sustainable and Secure Development of the Regional Economy: Response to Global Challenges"*. CSSDRE 2018 / *Advances in Economics, Business and Management Research*. Paris: Atlantis Press. Vol. 39.
9. Inshakova, E., Inshakova A., & Ryzhenkov, A. (2019). Standardization and certification in nanoindustry of the Russian Federation: economic and legal aspects in the context of neoindustrialization. In Tikhonovich E. and Batmanova V. (ed.) *Proceedings of the Volgograd State University International Scientific Conference "Competitive, Sustainable and Safe Development of the Regional Economy"*. CSSDRE 2019 / *Advances in Economics, Business and Management Research*. Paris: Atlantis Press. Vol. 83.
10. Averina, I., Buyanova M., & Kalinina, A. (2019). Digitalization of regional economy in the conditions of industrial revolution 4.0. In Tikhonovich E. and Batmanova V. (ed.) *Proceedings of the Volgograd State University International Scientific Conference "Competitive, Sustainable and Safe Development of the Regional Economy"*. CSSDRE 2019 / *Advances in Economics, Business and Management Research*. Paris: Atlantis Press. Vol. 83.

References and Sources

1. Egorova M.A., Kozhevina O.V., Kinev A.Yu. *Pravovaya zashchita konkurencii v usloviyah formiruyushchihsvy cifrovyyh rynkov // Lex russica (Russkij zakon)*. 2021. № 2(171).
2. SHabal' P., Bekov K.B. *Institucional'naya konkurenciya v vek pryamoj cifrovoj demokratii // Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filosofiya*. 2020. T. 99. № 3.
3. Rozanova N.M. *Konkurenciya i monopoliya v cifrovuyu epohu // Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2021. № 1.
4. Petrov A.V. *Setevye efekty i nedobrosovestnaya konkurenciya na rynkah cifrovyyh platform: delo Avito protiv Auto.ru // Predprinimatel'skoe pravo*. 2020. № 4.
5. Varlamova A.N. *Problemy konkurencii v torgovom oborote // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 2021. № 1.
6. Bogdanov E.V. *Zashchita konkurencii v sfere cifrovoj ekonomiki // Cifrovaya ekonomika: tendencii i perspektivy razvitiya: Sbornik tezisev dokladov nacional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii: v dvuh tomah, Moskva, 22–23 oktyabrya 2020 goda*. М.: Rossijskij ekonomicheskij universitet imeni G.V. Plekhanova, 2020.
7. Kirej Yu. V. *Algoritmy i konkurenciya v cifrovoj ekonomike // Zhurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava*. 2020. № 3(19).
8. Russkova, E., & Kopylova, Yu. (2018). Priority directions and methods of the counteraction to the informal economy in the regions of Russia. In Russkova E.G. (ed.) *Proceedings of the International Scientific Conference "Competitive, Sustainable and Secure Development of the Regional Economy: Response to Global Challenges"*. CSSDRE 2018/ *Advances in Economics, Business and Management Research*. Paris: Atlantis Press. Vol. 39.
9. Inshakova, E., Inshakova A., & Ryzhenkov, A. (2019). Standardization and certification in nanoindustry of the Russian Federation: economic and legal aspects in the context of neoindustrialization. In Tikhonovich E. and Batmanova V. (ed.) *Proceedings of the Volgograd State University International Scientific Conference "Competitive, Sustainable and Safe Development of the Regional Economy"*. CSSDRE 2019 / *Advances in Economics, Business and Management Research*. Paris: Atlantis Press. Vol. 83.
10. Averina, I., Buyanova M., & Kalinina, A. (2019). Digitalization of regional economy in the conditions of industrial revolution 4.0. In Tikhonovich E. and Batmanova V. (ed.) *Proceedings of the Volgograd State University International Scientific Conference "Competitive, Sustainable and Safe Development of the Regional Economy"*. CSSDRE 2019 / *Advances in Economics, Business and Management Research*. Paris: Atlantis Press. Vol. 83.

ГАВРИЛОВА ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат юридических наук, доцент, кафедра философии и теории права Волгоградского государственного университета (gavrilova_ua@volsu.ru).

ГАВРИЛОВА ВИОЛЕТТА ДМИТРИЕВНА – студентка Института права Волгоградского государственного университета
GAVRILOVA, YULIA A. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Associate Professor of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University.

GAVRILOVA, VIOLETTA D. – Student, Institute of Law, Volgograd State University (SPD-201_252364@volsu.ru).

УДК 338.2

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-1-125-129

КУДРЯВЦЕВА Л.В., БЫЗОВА Е.А.
**АНТИМОНОПОЛЬНЫЙ КОМПЛАЕНС: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ**

Ключевые слова: конкуренция, антимонопольное законодательство, антимонопольный комплаенс, система обеспечения соответствия, хозяйствующие субъекты.

Свобода конкуренции играет большую роль в обеспечении стабильности рыночных отношений. Важнейшим инструментом регулирования является антимонопольная политика. В работе исследована природа и значение института антимонопольного комплаенса для российской правовой системы, выявлены ее недостатки, намечены ориентиры совершенствования. Отмечено, что с внедрением в практику процедур предупреждения и предостережения положение коммерсантов улучшилось, поскольку использование таких мягких мер дало своеобразный шанс на исправление нарушений. В число обстоятельств, при которых возможно применение данных инструментов, было введено и наличие антимонопольного комплаенса, и сегодня предупреждения и предостережения активно используются как мера ответственности при выявлении деяния, образующего состав административного правонарушения. М Польза системы для предпринимателей налицо. Однако при этом актуализируется риск формального подхода к разработке комплаенса и использованию его лишь в целях избежания наказания.

KUDRYAVTSEVA, L.V., BYZOVA, E.A.
ANTIMONOPOLY COMPLIANCE: LEGAL REGULATION AND APPLICATION PRACTICE

Key words: competition, antimonopoly legislation, antimonopoly compliance, compliance system, business entities.

Freedom of competition plays an important role in ensuring the stability of capitalist relations. The most important regulatory tool is the antimonopoly policy. The paper examines the nature and importance of the institute of antimonopoly compliance for the Russian legal system, identifies its shortcomings, and outlines guidelines for improvement. It is noted that with the introduction of warning and warning procedures into practice, the position of merchants has improved, since the use of such mild measures has given a kind of chance to correct violations. Among the circumstances under which it is possible to use these tools, the presence of antimonopoly compliance was also introduced, and today warnings and cautions are actively used as a measure of responsibility in identifying an act that constitutes an administrative offense. M The benefits of the system for entrepreneurs are obvious. However, this actualizes the risk of a formal approach to the development of compliance and its use only in order to avoid punishment.

Свобода конкуренции – один из важнейших правовых принципов социально-экономической жизни, закрепленный в Конституции России и гарантированный ею. Данное положение, совместно с иными, содержится в статье 8 [1]. Конкуренция представляет собой соперничество хозяйствующих субъектов по поводу производства и сбыта результатов своей экономической деятельности, ограничивающее одностороннюю возможность каждого из них воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем рынке. Конкуренция дает возможность предпринимателям увеличивать собственную прибыль путем самостоятельной координации производственного и реализационного процессов без административного принуждения [2, с. 101]. В результате, достигается удовлетворение потребительского запроса. Поэтому можно с уверенностью говорить о том, что конкуренция является неотъемлемым элементом здоровой и эффективной капиталистической экономической системы.

Однако, как и любая система, конкуренция не является самодостаточной и нуждается в государственном регулировании [3, с. 75]. Действенным его инструментом является антимонопольная политика. Монополизацию экономики можно назвать угрозой национальной безопасности государства, поскольку отсутствие конкуренции обуславливает торможение научно-технического прогресса и консервацию существующих технологических моделей и процессов, снижение инвестиционной привлекательности [4, с. 84].

Довольно прогрессивным элементом антимонопольной политики является антимонопольный комплаенс. В зарубежной практике он уже давно пользуется популярностью как экономико-правовой институт и корпоративная программа. Большое значение данный институт играет в Бразилии, Австралии, Великобритании, Индии, Италии, странах ЕС [5, с. 46].

Антимонопольный комплаенс стал новеллой и российского антимонопольного законодательства, когда в 1 марта 2020 года Федеральным законом № 33-ФЗ были внесены изменения в закон «О защите конкуренции» [6]. Статьей 9.1 обновленного закона было предусмотрено введение системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства (комплаенса) – корпоративной программы, включающей в себя совокупность экономических и организационных мер, направленных на предупреждение нарушений антимонопольного законодательства посредством снижения риска произвола исполнителя и, как следствие, риска наложения антимонопольных санкций [7].

Несмотря на относительно недавнее введение в российскую правовую систему, комплаенс уже приобрел популярность и вызвал бурные обсуждения среди корпоративных юристов. Причина - неизученная юридическая природа института, применение которого на практике вызывает много вопросов.

По своей правовой природе данная программа носит характер локального правового акта. Фундамент системы обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства составляют следующие принципы: во-первых, заинтересованность руководства в эффективном функционировании антимонопольной программы в организации; во-вторых, регулярность оценки рисков антимонопольных правонарушений; в-третьих, необходимость для эффективности антимонопольного комплаенса обеспечения его открытости и прозрачности, а также непрерывности действия.

Ясность в функционирование системы антимонопольного комплаенса была внесена разъяснением ФАС России от 02.07.2021 № 20, в котором были сформулированы общие положения о его организации, методические рекомендации для разработки документа, требования к его составлению, определен порядок направления и рассмотрения соответствующих материалов в ФАС, а также множество рекомендаций по оценке организацией рисков нарушения антимонопольного законодательства, реализации антимонопольных мер и т.д. [8].

Раскроем содержание антимонопольного комплаенса. Его структурными элементами, согласно ст. 9.1 ФЗ «О защите конкуренции», являются: требования к порядку проведения оценки рисков нарушения антимонопольного законодательства; комплекс мер, снижающих риски правонарушений, меры по контролю за функционированием системы внутреннего обеспечения соответствия, порядок ознакомления работников с внутренним актом, а также сведения о должностном лице, ответственном за функционирование системы. Данный перечень положений не является исчерпывающим. Обобщая изложенное, можно заключить, что в данной системе учитываются публичная и непубличная политика по вопросам нарушения антимонопольного законодательства, торгово-сбытовая политика, планы-графики по обучению и аттестации сотрудников, процедуры мониторинга антимонопольных процессов на предприятии, планы действий при повышенных рисках антимонопольных правонарушений и т.п. После разработки внутреннего акта хозяйствующий субъект имеет право отправить его ФАС для проверки на соответствие законодательству. В течение тридцати дней после направления регулятор проводит проверку акта и составляет заключение о его соответствии или несоответствии антимонопольным требованиям.

В настоящее время антимонопольный комплаенс укоренился и успешно функционирует во многих российских компаниях. Таковыми являются, например, МТС и М.видео. Особенно интересным считаем случай Уралкалия [9]. Данная компания занимает доминирующее положение на рынке карналлита обогащенного. В начале прошлого десятилетия компания ощутила потребность в технологической модернизации. Финансирование модернизации требовало неподъемных затрат, в связи с чем было принято решение об увеличении стоимости продукта. Действиям по увеличению цены карналлита обогащенного предшествовал целый ряд согласительных процедур. Были проведены встречи с представителями потребителей, привлечены специалисты в области аудита и финансового анализа. Результаты экономической экспертизы по проверке соответствия используемого механизма ценообразования требованиям законодательства подтвердили правомерность планируемых действий. Однако ФАС на основании частной жалобы все же провела предметную проверку. Перед антимонопольной службой стоял вопрос о целесообразности увеличения цены за счет инвестиционных расходов вместо использования амортизационных запасов. Руководство компании представило соответствующие документы, подтверждающие правомерность своих действий. Благодаря этому антимонопольная служба приняла решение о прекращении дела.

Значение института антимонопольного комплаенса для российской правовой системы и экономических отношений стоит рассматривать прежде всего с точки зрения тех последствий, которые он влечет. С одной стороны, он полезен для самого регулятора, поскольку внедрение системы обеспечения соответствия повышает правовую культуру хозяйствующих субъектов, а значит, снижает криминогенность сферы и рабочую нагрузку на антимонопольные органы. С другой стороны, внедрение системы выгодно и для самих предпринимателей.

В КоАП РФ есть целый ряд составов правонарушений антимонопольного законодательства: нарушение порядка ценообразования; ограничение конкуренции органами власти, органами местного самоуправления; нарушение законодательства об организованных торгах; и так далее [10, с. 187]. За данные составы правонарушений КоАП РФ предусматривает штраф или дисквалификацию [11]. Перечень правонарушений не исчерпывается административными проступками: УК РФ содержит в себе состав «ограничение конкуренции», санкцией за который будет штраф, принудительные работы, лишение свободы с ограничением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью [12]. Кроме того, к нарушителю возможна подача гражданско-правового иска о возмещении вреда (реальных убытков и упущенной выгоды).

Однако в связи с относительно недавним внедрением предупреждения и предостережения положение коммерсантов улучшилось, поскольку использование таких мягких инструментов дало своеобразный шанс на исправление нарушений [13]. В число обстоятельств, при которых возможно применение данных инструментов, было введено и наличие антимонопольного комплаенса. Поэтому на данный момент предупреждения и предостережения активно используются как мера ответственности при выявлении деяния, образующего состав административного правонарушения. Польза системы для предпринимателей налицо.

Однако при всех положительных факторах существуют и негативные. Во-первых, при всем многообразии разъяснений, все же наблюдается их недостаточность. В европейских странах данная проблема разрешается силами специалистов в области защиты конкуренции. Считаем, что экспертное сообщество – более гибкая и мобильная структура, способная на оперативное реагирование изменений антимонопольной практики. Также вероятным негативным последствием является риск формального подхода к разработке комплаенса и использованию его лишь в целях избежания наказания. Это ставит под вопрос целесообразность существования института системы обеспечения соответствия для антимонопольных правоотношений, поэтому полагаем необходимым доработку действующего законодательства.

В настоящее время существует множество ее вариантов. Прежде всего, отметим, что добровольный порядок согласования антимонопольной программы с антимонопольной службой несостоятелен, поэтому мы выступаем за его обязательность. Зарубежная практика предлагает различные способы легализации. Так, в Бразилии действует система сертификации внутренних антимонопольных актов. В одних странах сертификацию осуществляют независимые, аккредитованные организации (объединения юристов и финансовых аналитиков). В других это делают официальные представители государства – ведомственные органы. В целом, данный порядок действует и в РФ. Считаем, что лишь компетентная проверка, проведенная государственной структурой, позволяет говорить о добросовестном подходе организации к формированию антимонопольной политики, а значит только в этом случае она может рассчитывать на послабления при привлечении к ответственности.

Литература и источники

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. Мамиев Ч.М. Правовая природа понятия «Конкуренция» в РФ // Проблемы экономики и юридической практики. 2011. №6.
3. Дружинин С.В. Свобода конкуренции как объект уголовно-правовой охраны // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. №2 (44).
4. Аляутдинова М.С., Толкачева С.В. Государственное антимонопольное регулирование и защита конкуренции // Таврический научный обозреватель. 2016. №6 (11).
5. Кванина В.В. Антимонопольный комплаенс и его правовая природа // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2019. №1.
6. Федеральный закон "О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» от 01.03.2020 № 33-ФЗ.
7. Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 № 135-ФЗ.
8. Разъяснение ФАС России от 02.07.2021 № 20 «О системе внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства» (утв. протоколом Президиума ФАС России от 02.07.2021 № 4).
9. Абдульменов А., Пружанский В. Процедура комплаенса при установлении цен: случай из практики // Конкуренция и право. 2015. № 5.
10. Погуляева М.В. Классификация составов административных правонарушений в области антимонопольного законодательства // Молодой ученый. 2019. № 46 (284).
11. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ.
12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ.
13. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон "О защите конкуренции" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 06.12.2011 № 401-ФЗ.

References and Sources

1. Konstitucija Rossijskoj Federacii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 (s uchetoм popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ) // Rossijskaya gazeta. 1993. 25 dekabrya.
2. Mamiev Ch.M. Pravovaya priroda ponyatiya «Konkurenciya» v RF // Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki. 2011. №6.
3. Druzhinin S.V. Svoboda konkurencii kak ob"ekt ugovolno-pravovoj ohrany // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. 2018. №2 (44).
4. Alyautdinova M.S., Tolkacheva S.V. Gosudarstvennoe antimonopol'noe regulirovanie i zashchita konkurencii // Tavrisheskij nauchnyj obozrevatel'. 2016. №6 (11).
5. Kvanina V.V. Antimonopol'nyj komplajens i ego pravovaya priroda // Vestnik YUUrGU. Seriya: Pravo. 2019. №1.
6. Federal'nyj zakon "O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon «O zashchite konkurencii» ot 01.03.2020 № 33-FZ.
7. Federal'nyj zakon «O zashchite konkurencii» ot 26.07.2006 № 135-FZ.
8. Raz'yasnenie FAS Rossii ot 02.07.2021 № 20 «O sisteme vnutrennego obespecheniya sootvetstviya trebovaniyam antimonopol'nogo zakonodatel'stva» (utv. protokolom Prezidiuma FAS Rossii ot 02.07.2021 № 4).
9. Abdul'menov A., Pruzhanskij V. Procedura komplajensa pri ustanovlenii cen: sluchaj iz praktiki // Konkurenciya i pravo. 2015. № 5.
10. Pogulyaeva M.V. Klassifikaciya sostavov administrativnyh pravonarushenij v oblasti antimonopol'nogo zakonodatel'stva // Molodoy uchenyj. 2019. № 46 (284).
11. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 30.12.2001 № 195-FZ.
12. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ.
13. Federal'nyj zakon «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon "O zashchite konkurencii" i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» ot 06.12.2011 № 401-FZ.

БЫЗОВА ЕКАТЕРИНА АНДРЕЕВНА - студентка юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина (kt.bzv@mail.ru).

KUDRYAVTSEVA, LARISA V. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of International Private and Business Law, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin.

BYZOVA, EKATERINA A. - student of the Faculty of Law, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin.

УДК 633.854.78:631.559 (470.620)

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-1-129-134

**КОПЫЛОВА М.Д., ЗАВГОРОДНЯЯ Л.Е., РЯБЧЕНКО А.Г.
БАНКРОТСТВО ТРАНСПОРТНЫХ КОМПАНИЙ**

Ключевые слова: признаки банкротства транспортных компаний, злоупотребления при несостоятельности, поведение участвующих в банкротстве лиц, виды, классификация.

В статье изучен институт банкротства транспортных компаний. Определены понятие, признаки, виды, обозначены ключевые проблемы изучения данного института. Сформировано системное представление о теоретико-практической составляющей банкротства транспортных компаний. Отмечается, что транспортная компания может быть признана банкротом исключительно после невыполнения договорных обязательств на протяжении трехмесячного срока. Вместе с тем, кредиторы, осознавая всю сложность на практике получить денежные средства от банкротного предприятия, зачастую дают дополнительное время предпринимателю на разрешение возникших проблем. Авторы поддерживают мнение о том, что при банкротстве перевозчика более рационально применять процедуру внешнего управления, нежели финансовое оздоровление. При наиболее рациональном течении банкротства, внешнее управление оканчивается заключением мирового соглашения и, как следствие, списанием подавляющей части долговых обязательств.

**KOPYLOVA, M.D., ZAVGORODNAYA, L.E., RYABCHENKO, A.G.
BANKRUPTCY OF TRANSPORT COMPANIES**

Key words: concept, signs of bankruptcy of transport companies, abuse in case of insolvency, behavior of persons involved in bankruptcy, types, classification.

The institution of bankruptcy of transport companies has been studied. The concept, signs, types are defined, the problems of this institution are indicated. A systematic representation of the theoretical and practical component of the bankruptcy of transport companies has been formed. It is noted that a transport company can be declared bankrupt only after failure to fulfill contractual obligations for a three-month period. At the same time, creditors, realizing the difficulty in practice of obtaining funds from a bankrupt enterprise, often give additional time to the entrepreneur to resolve the problems that have arisen. The authors support the opinion that in case of bankruptcy of a carrier, it is more rational to apply the external management procedure than financial recovery. In the most rational course of bankruptcy, external management ends with the conclusion of a settlement agreement and, as a result, the cancellation of the vast majority of debt obligations.

Под транспортной деятельностью понимается работа, направленная на оказание особого рода услуг, которая находит свое выражение в перемещении пассажиров, багажа, грузов в пространственной плоскости. Предпринимательская деятельность в области транспортных перевозок предполагает, среди прочего, осуществление достаточно сложного комплекса мероприятий, связанных с ее правовым обеспечением.

В данном контексте мы полагаем, что транспортную деятельность целесообразно разделять на следующие разновидности:

- транспортную вспомогательную деятельность, которая, как правило, опосредована договорами по эксплуатации подъездного пути, фрахтования транспортного средства;
- транспортную перевозочную деятельность, которая осуществляется договорами перевозки грузов;
- деятельность по уборке и подаче вагонов;
- деятельность по буксировке плотов, судов, других плавучих объектов;
- ледокольную проводку судов.

Понятие транспортного договора находит свое нормативное отражение как в договорах перевозки, так и иных соглашениях, связанных с перемещением багажа, пассажиров, грузов, носящих вспомогательный характер.

При реализации транспортной деятельности необходимо учитывать роль и значение нетранспортной деятельности, носящей вспомогательный характер. Под ней понимаются мероприятия, которые никак не связаны напрямую с перемещением багажа, пассажиров, груза. Можно обозначить следующие ее направления:

- погрузочные и разгрузочные работы на транспорте;
- организация транспортного процесса;
- транспортно-экспедиционная деятельность;
- аренда железнодорожных вагонов и т.д.

В этой области соглашения находят свое отражение в договорах, не относящиеся к транспортным - на погрузку-разгрузку, экспедиции, на формирование транспортных локаций, аренды и так далее.

Деятельность в области транспорта находит свое отражение через отношения, которые различны по своей природе:

- отношения публичного характера в области организации транспортной работы, что и отражает их публично-правовой характер;
- образуемые между лицами транспортные отношения, которые осуществляются ими при организации транспортной работы, признаваемые предметом регулирования гражданско-правового характера.

Транспортные отношения обладают свойствами предпринимательских, так как всегда стороной указанных отношений являются индивидуальные организации или же транспортные компании. Их ключевой целью является периодическое извлечение прибыли в области оказания различных услуг в исследуемой области. Услуги предоставляются различными видами транспорта – морским, железнодорожным, автомобильным и многими другими. Более того, транспортная деятельность учитывает, как специфику перевозок, так и некоторые особенности перевозок в местном и смешанном сообщении.

Учитывая сущность целеполагания при рассмотрении любого вопроса, можно заметить, что транспортная деятельность включает в себе физическое перемещение материальных объектов. Они могут быть абсолютно различными по своему существу в плане свойств (твердыми, жидкими, и даже газообразными). Однако важно отметить один нюанс. «Транспортировка» – указанный термин включает в себя далеко не все аспекты, связанные с физическим перемещением. Перевозка, с точки зрения юридической науки, – возмездная и эквивалентная доставка багажа, пассажиров, грузов. Она абсолютно во всех случаях производится согласно договорам перевозки, которые заключаются между грузоотправителем и перевозчиком (пассажиром и грузополучателем).

Несколько слов хочется сказать о факторах, влияющих на процесс перемещение объектов (грузов и т.д.). Ключевым фактором является то, что перемещение объектов при применении транспортных средств происходит с целью обеспечения субъективных нужд. Мы уверены, что в обозначенной ситуации говорится о транспортировке пассажира, груза, багажа.

На основании сказанного следует резюмировать следующий тезис. Перевозка – это обязательство со всеми ее признаками и особенностями, а возникающие в связи с этим соглашения именуется в научных работах «транспортными».

Конституция разграничивает полномочия федеральных и региональных органов власти. Можем заметить, что пути сообщения и федеральный транспорт отнесены Основным законом к прямому ведению федерации, между тем любые проблемы по формированию транспортных отношений являются следствием из практикующихся правовых коллизий в вопросе разграничения правового регулирования данной сферы деятельности между федерацией и ее субъектами.

Перечислим основные нормативные акты в части транспортного законодательства:

- закон о железнодорожном транспорте в РФ [1],
- закон о транспортной безопасности [2],
- закон о дорожной деятельности [3],
- Воздушный кодекс РФ [4] и другие.

Для всестороннего рассмотрения любой деятельности первоначально стоит исследовать нормативную основу. В области транспорта рассматриваемый вид регулирования осуществляется на региональном и федеральном уровне. Но, пожалуй, направление деятельности, конечно, задают акты Правительства РФ и подконтрольные ему министерства.

На органы исполнительной власти возложено множество функций. Указанные органы имеют множество структурных подразделений, проводящих работу по реализации его компетенций. Следует учитывать полномочия Правительства РФ в области законотворческой деятельности по регулированию разнообразных областей общественной жизни. Законом о Правительстве РФ [6] регламентируется внешнеэкономическая деятельность. Однако, это происходит исключительно в международном взаимодействии. Инновационная деятельность поддерживается исполнительными органами – Закон о науке [7]. Определенные обязательства

возлагаются на публично-правовые образования. Для улучшения финансово-экономического состояния необходимо улучшение уровня жизни населения. Постановление № 1172 [8] призвано его обеспечить. Правительственные подразделения обязаны: предоставлять, во-первых, консультационную, во-вторых, поддержку информационного характера, в-третьих, спрос на продукцию при инновационных разработках, в-четвертых, экспорт, в-шестых, целевые программы.

Правительство РФ, осуществляющее исполнительную власть в государстве, имеет множество целей и задач. Каждое направление его деятельности обеспечивается федеральными органами исполнительной власти. Обращая внимание на транспортную деятельность, стоит упомянуть такой орган управления как Министерство транспорта РФ, являющееся подведомственным Правительству РФ структурой и осуществляющее множество полномочий. Все они закреплены в Положении о Министерстве транспорта РФ [9].

Предпринимательская деятельность в области перевозок различными видами транспорта признается достаточно сложной. Это связано с высокой конкуренцией динамично изменяющихся законов и правил, ростом цен на топливную энергетику, а также множеством иных проблемных аспектов, являющихся причиной закрытия предприятий, а также во многих случаях банкротством транспортных компаний.

По мнению Оборина М.С., в последнее время примерно в 1,5 раза увеличилось количество обанкротившихся транспортных компаний [10, с. 6]. Мы думаем, что это связано во-многом с пандемией, вызванной распространением коронавирусной инфекции, поскольку множество государств попросту ограничили въезд на свою территорию. После признания банкротом, конечно, происходит продажа имущества указанных предприятий, а полученные средства направляются на оплату долговых обязательств.

Арбитражный суд выступает единственным органом государственной власти, который имеет полномочия на признания предприятий банкротом. Банкротство транспортной компании, как и процедура несостоятельности вообще, – это сложная и длительная процедура, которая требует некоторого времени. Иными словами, указанная процедура достаточно неприятна ни для должника, ни для кредиторов, поскольку они не могут вернуть свои денежные средства очень продолжительное время. Говоря о сроках, следует отметить, что транспортная компания может быть признана банкротом исключительно после невыполнения договорных обязательств на протяжении трехмесячного срока. Следовательно, любой рационально рассуждающий предприниматель осуществляет меры, направленные на избежание указанной процедуры.

Свою специфику имеет процедура несостоятельности отдельного юридического лица, осуществляющего деятельность в области транспорта. В ситуации, когда кредитором является учреждение банка, тогда вместо денежных средств, выданных владельцу признанной банкротом организации, у них появится возможность получить движимое и недвижимое имущество организации. Сказанное достаточно выгодно для транспортных организаций, которые обладают автопарком и большим техническим оборудованием. Здесь может быть произведена реализация автотранспортных средств, и погашение задолженности за счет вырученных денег.

Неграмотное управление в подавляющем большинстве случаев предшествует процедуре банкротства. После понимания того, что экономическое положение организации становится «шатким», кредиторы получают правовую возможность направить заявление в арбитражный суд. После принятия заявления кредиторы могут защитить свои права исключительно в рамках исследуемой процедуры.

Кредиторы, осознавая всю сложность на практике получить денежные средства от банкротного предприятия, зачастую дают дополнительное время предпринимателю на разрешение возникших проблем. На практике банкротство инициируется в двух направлениях: реальное и фиктивное. Реальное банкротство – это итог неграмотно построенного управления. Оно, как правило, наступает в ситуации, когда владелец попросту не имеет возможности разрешить ситуацию с выплатой, и вынужден попросту закрыть имеющуюся организацию. Исключительно в данной ситуации можно говорить о наступлении банкротства. Считаем достаточно важным изложить причины, приводящие к такой ситуации в организации:

- нерациональные ошибки при управлении организацией;
- осложнившуюся ситуацию на транспортном рынке;

– конкурентов.

В большинстве ситуаций высокая конкуренция приводит транспортные компании до банкротства. Например, какая-либо новая организация, которая появилась в маленьком городе, может по заниженным ценам оказывать соответствующие услуги. Все остальные организации в такой ситуации окажутся попросту в невыгодном положении после чего у них может наступить кризис, который приведет к ликвидации организации.

Фиктивное банкротство применяется, как правило, с целью отложить на некоторый период времени выплату контрагентам долговых обязательств. Фиктивное банкротство в России запрещено на законодательном уровне, если правоохранительным структурам получится доказать факт действия должника исключительно в корыстных целях. Наиболее банальная и рядовая ситуация фиктивного банкротства – это попытка признать должника банкротом с целью неисполнения обязательств. Такая ситуация достаточно выгодна, если сэкономленные средства существенно выше общей стоимости имущества определенного предприятия [11].

Процедура банкротства берет свое начало с момента направления в арбитражный суд заявления о признании должника банкротом. Как правило, такой деятельностью занимаются либо непосредственно владелец, либо кредиторы. Наиболее рациональным вариантом является соблюдение всех законодательных положений и практических рекомендаций при инициации банкротного процесса.

Во-первых, после принятия судом соответствующего заявления свое начало берет процесс наблюдения. Причем на таком этапе следует добиться сохранения в транспортной компании материальных ценностей. Это связано с тем, что предприниматели предпринимают попытки сокрытия имущественной массы, зачастую которой являются автотранспортные средства. В связи с этим арбитражный суд предпринимает все возможные законодательные средства.

Во-вторых, оздоровление – это следующий по очередности этап, который дает возможность провести согласование уполномоченного лица (управляющего). Его обязанностью является принятие необходимых мер с целью восстановления платежеспособности компании. Такое положение приносит выгоду как кредиторам, так и собственникам компании. С арбитражным судом и советом кредиторов осуществляется согласование управляющим тех или иных решений. Цахаев К.Н. отмечал, что такое указание закона препятствует управляющему принимать быстрые и рискованные действия, направленные на принесение дополнительных денежных средств транспортной организации [12, с. 7]. Но если управляющий совершит в таком действии ошибку, то кредиторы могут вообще не получить компенсации.

В-третьих, при принятии всех возможных мер со стороны управляющего, которые не увенчались успехом, у кредиторов появляется возможность завершить процедуру наблюдения. В такой ситуации свое начало берет конкурсное производство. Здесь осуществляется распродажа активов предприятия. Иными словами, для транспортной компании сказанное значит – все имущество: автотранспорт, недвижимость, мебель реализуются в процедуре торгов. Средства от реализации направляются на закрытие долговых обязательств кредиторов.

По мнению Полещук Т.А., в банкротстве транспортной организации (перевозчика) наиболее рационально применять процедуру внешнего управления, нежели финансовое оздоровление [13, с. 2]. Под внешним управлением понимается процедура банкротства, в рамках которой судебный орган власти прекращает истребование долговых обязательств, которые появились до введения банкротной процедуры. Однако организация продолжает осуществлять свою деятельность, получать прибыль, платить по текущим платежам на протяжении 3-х лет. Зачастую у предприятия-банкрота имущество находится в лизинге. В этой связи следует учитывать, что в рамках банкротства должнику очень невыгодно производить изъятие предмета лизинга, поскольку после него организация обязана будет вернуть платеж и прибыль должника.

Во внешнем управлении происходит отстранение руководства организации судебным органом власти, после чего предприятие-банкрот возглавляет уполномоченное лицо (арбитражный управляющий). Достаточно распространенной является практика, при которой арбитражный управляющий не осуществляет руководство банкротным предприятием. Более того, зачастую данное уполномоченное лицо попросту заключает соглашения, направленные на сдачу в аренду транспортных средств и иные действия. Иными словами, арбитражный управляющий

перекладывает ответственность на иных лиц с целью нахождения средств на оплату текущей деятельности, а также с целью выкупа залогового имущества.

Финансовое оздоровление применяется несколько реже, в отличие от внешнего управления. В данной процедуре руководитель продолжает осуществлять управленческие функции. Однако, такая ситуация менее выгодна процедуры внешнего управления. В случае благоприятного стечения событий при наиболее рациональном течении банкротства, внешнее управление оканчивается заключением мирового соглашения и, как следствие, списанием подавляющей части долговых обязательств. Стоит отметить, что мировое соглашение в области банкротства отличается от гражданско-правовой согласовательной процедурой. В первом случае необходимо согласие исключительно мажоритарных кредиторов, во-втором же, необходимо согласие всех участников.

При достижении согласия с мажоритарными кредиторами выгодно внешнее управление завершать заключением мирового соглашения. В этом случае происходит списание существенной части долговых обязательств. Если такое согласие достичь не получается, более того, цели внешнего управления никак не достигнуты, то в такой ситуации имущество банкрота находит свою реализацию на публичных торгах в соответствии с законодательством о банкротстве.

Таким образом, процедура банкротства транспортной компании подчинена общим правилам. Нами рассмотрены основные положительные и отрицательные аспекты правоприменения. Стоит отметить, что при соблюдении всех нами перечисленных положений есть реальный шанс повысить правовую культуру участников рассматриваемых правоотношений.

Литература и источники

1. О железнодорожном транспорте в Российской Федерации: Федеральный закон № 17-ФЗ от 10 января 2003 г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/#dst0.
2. О транспортной безопасности: Федеральный закон от 09.02.2007 № 16-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/#dst0.
3. Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 08.11.2007 N 257-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/#dst0.
4. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 N 60-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/#dst0.
5. О Правилах дорожного движения: постановление Правительства РФ от 23.10.1993 N 1090 (ред. от 31.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/#dst0.
6. О Правительстве Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_742112.
7. О науке и государственной научно-технической политике: Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_983112.
8. О полномочиях федеральных органов исполнительной власти в области государственной поддержки инновационной деятельности: Постановление Правительства РФ от 16 ноября 2012 г. № 1172 // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/#dst0.
9. Об утверждении Положения о Министерстве транспорта Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 30.07.2004 N 395 (ред. от 29.11.2021) // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_742112.
10. Оборин М.С. Банкротство как риск и инструмент превентивного реагирования в предпринимательской деятельности // Наука и право. 2019. № 2.
11. Коломоец Д.А., Рябченко А.Г. Признаки преднамеренного и фиктивного банкротства в современной правовой конъюнктуре // Научное обеспечение агропромышленного комплекса. Сборник статей по материалам 76-й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2020 год. В 3-х частях. Отв. за выпуск А.Г.Кошаев. Краснодар, 2021. С 242-245.
12. Цахаев К.Н. Банкротство предприятий // Молодой ученый. 2022. № 5.
13. Полещук Т.А. Банкротство юридических лиц в России // Наука и право. 2021. № 9.

1. O zheleznodorozhnom transporte v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon № 17-FZ ot 10 yanvarya 2003 g. [Elektronnyj resurs] // SPS «Konsul'tantPlyus». – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/#dst0.
2. O transportnoj bezopasnosti: Federal'nyj zakon ot 09.02.2007 № 16-FZ (red. ot 11.06.2021) // SPS «Konsul'tantPlyus». – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/#dst0.
3. Ob avtomobil'nyh dorogah i o dorozhnoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 08.11.2007 N 257-FZ (red. ot 02.07.2021) // SPS «Konsul'tantPlyus». – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/#dst0.
4. Vozdushnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 19.03.1997 N 60-FZ (red. ot 02.07.2021) // SPS «Konsul'tantPlyus». – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/#dst0.
5. O Pravidlah dorozhnogo dvizheniya: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 23.10.1993 N 1090 (red. ot 31.12.2020) // SPS «Konsul'tantPlyus». – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/#dst0.
6. O Pravitel'stve Rossijskoj Federacii: Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 06.11.2020 № 4-FKZ // SPS «Konsul'tantPlyus». – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_742112.
7. O nauke i gosudarstvennoj nauchno-tekhicheskoj politike: Federal'nyj zakon ot 23.08.1996 № 127-FZ (red. ot 02.07.2021) // SPS «Konsul'tantPlyus». – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_983112.

8. O polnomochiyah federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti v oblasti gosudarstvennoj podderzhki innovacionnoj deyatel'nosti: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 16 noyabrya 2012 g. № 1172 // SPS «Konsul'tantPlyus». – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/#dst0.
9. Ob utverzhdenii Polozheniya o Ministerstve transporta Rossijskoj Federacii: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 30.07.2004 N 395 (red. ot 29.11.2021) // SPS «Konsul'tantPlyus». – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_742112.
10. Oborin M.S. Bankrotstvo kak risk i instrument preventivnogo reagirovaniyav predprinimatel'skoj deyatel'nosti // Nauka i pravo. 2019. № 2.
11. Kolomoec D.A., Ryabchenko A.G. Priznaki prednamerenного i fiktivного bankrotstva v sovremennoj pravovoj kon'yunkture // Nauchnoe obespechenie agropromyshlennogo kompleksa. Sbornik statej po materialam 76-j nauchno-prakticheskoy konferencii studentov po itogam NIR za 2020 god. V 3-h chastyah. Otv. za vypusk A.G.Koshchayev. Krasnodar, 2021. S 242-245.
12. Sahaev K.N. Bankrotstvo predpriyatij // Molodoj uchenyj. 2022. № 5.
13. Poleshchuk T.A. Bankrotstvo yuridicheskikh lic v Rossii // Nauka i pravo. 2021. № 9.

РЯБЧЕНКО АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВИЧ – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина (ag.ruabchenko@gmail.com)

КОПЫЛОВА МАРИЯ ДМИТРИЕВНА – магистрант, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина (kopylova98@mail.ru)

ЗАВГОРОДНЯЯ ЛИДИЯ ЕВГЕНЬЕВНА – магистрант, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина (lidiyaaa.z@gmail.com)

RYABCHENKO, ALEXANDER G. – Doctor of Historical Sciences, Ph.D. in Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin (ag.ruabchenko@gmail.com).

KOPYLOVA, MARIYA D. – Master's degree student, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin

ZAVGORODNAYA, LYDIA E. – Master's degree student, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin.

УДК 347.682

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-1-134-139

АЛЕКСИКОВА О.Е., МЕЛЬНИК Е.А., МАЛЯВКИНА Н.В., ЯСТРЕБОВ А.Е.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА НАСЛЕДСТВЕННОГО ДОГОВОРА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ключевые слова: наследственные отношения, основания наследования, наследственный договор, наследодатель, наследники, наследство.

В статье анализируются правовые особенности нового для российской правовой системы наследственного-правового института – наследственного договора. Авторами затронуты наиболее актуальные проблемы толкования и реализации норм действующего гражданского законодательства о наследственном договоре как самостоятельном основании наследования, предложены отдельные рекомендации по совершенствованию механизма регулирования исследуемых наследственно-договорных отношений. В частности, авторы считают более верным использовать для обозначения одной из сторон наследственного договора не понятие «наследодатель», а понятия «отчуждатель» или «потенциальный наследодатель». Отдельной нормой предложено уточнить правовой статус душеприказчика, как исполнителя наследственного договора, с учетом специфики этого основания наследования. Авторы особо подчеркивают необходимость обеспечения защиты интересов не только наследодателя, но и самих наследников.

ALEKSIKOVA, O.E., MEL'NIK, E.A., MALYAVKINA, N.V., YASTREBOV, A.E.
CURRENT PROBLEMS OF THE FORMATION OF THE INSTITUTE OF THE INHERITANCE CONTRACT IN MODERN RUSSIA

Key words: hereditary relationship, grounds of inheritance, inheritance contract, testator, heirs, heritage.

The article analyzes the legal features of the new for the Russian legal system inheritance legal institute - inheritance contract. The authors touched upon the most pressing problems of interpretation and implementation of the current civil law on the inheritance contract as an independent basis for inheritance and offered individual recommendations for improving the mechanism for regulating the investigated inheritance-contractual relations. In particular, the authors consider it more correct to use to designate one of the parties to the inheritance agreement not the concept of "testator", but the concept of "alienator" or "potential testator". A separate rule is proposed to clarify the legal status of the executor as an executor of the inheritance contract, taking into account the specifics of this basis of inheritance. The authors especially emphasize the need to ensure the protection of the interests of not only the testator, but also the heirs themselves.

На сегодняшний день наследование выступает одним из важнейших способов приобретения российскими гражданами имущества в собственность. В действующем отечественном законодательстве выработан достаточно действенный механизм регламентации наследственных отношений, предполагающий приобретение имущества в собственность по различным основаниям наследования: завещанию, наследственному договору и закону (ст. 1111 Гражданского кодекса РФ [1] (далее – ГК РФ)). Однако следует отметить, что второе названное нами основание наследования является новым для российской правовой системы, несмотря на то что подобные договорные конструкции были известны еще римскому наследственному праву [2, с. 74]. Отечественные дореволюционные цивилисты, в частности, К.П. Победоносцев, Г.Ф. Шершеневич и др. также обращали пристальное внимание на данную проблему. Однако большинство ученых того времени отвергало возможность формирования данного правового института, считая, что данный вид договора противоречит правилам о завещательной воле.

Естественно, что это сказывалось на законодательном подходе к решению вопроса об определении оснований наследования. Поэтому до недавнего времени таких оснований в отечественном законодательстве было только два – завещание и закон.

Обращаясь к зарубежному опыту регулирования наследственных отношений, мы обнаруживаем, что институт наследственного договора уже длительное время существует и достаточно развит во многих странах, относящихся к романо-германской правовой семье (Австрии, Венгрии, Германии, Франции, Швейцарии и т.д.), а также в ряде стран, входящих в состав англо-саксонской правовой семьи (Англия, США и т.д.). Родоначальником наследственного договора, как основания наследования, все же считается Германия, которая еще в XIX веке рассматривала данный вид договора как разновидность завещания. Впоследствии наследственный договор был закреплен в Германском Гражданском уложении как самостоятельное основание наследования.

В современной России проблема, связанная с необходимостью закрепления на законодательном уровне института наследственного договора, как самостоятельного основания наследования, была поднята только в 2013 году. Однако законопроект, содержащий нормы о введении данного института наследственного права, был отозван Правительством РФ. И только 26 мая 2015 года, инициированный П.В. Крашениниковым и рядом других депутатов-разработчиков, очередной законопроект поступил в Государственную Думу РФ. Но и в этот раз идея законодательного урегулирования отношений, возникающих из наследственного договора, была подвергнута серьезной критике. Правительство РФ в своем официальном отзыве не поддержало данную инициативу.

В июле 2018 года институт наследственного договора все же получил законодательное закрепление [3], при этом начало действия норм о наследственном договоре датируется только июнем следующего года. Таким образом, уже более двух лет в современной российской правовой системе реализуются нормы, регламентирующие отношения наследования, возникающие из наследственного договора, который составил определенную «конкуренцию» существующему уже способу распоряжения имуществом на случай смерти человека – завещанию (п. 1 ст. 1118 ГК РФ). Но, несмотря на такие законодательные нововведения, до сих пор в ученой среде разгораются жаркие дискуссии относительно данной правовой конструкции, возможности и необходимости ее существования и практического применения. Так, одни ученые полностью поддерживают подход современного законодателя, другие же, наоборот, считают преждевременным введение данного правового института в отечественный гражданский оборот, либо вообще полностью отрицают возможность существования такого третьего основания наследования [4, с. 83-84].

В принципе, дискуссионность данного вопроса небезосновательна. Анализ норм действующего в данной правовой области законодательства укрепляет нас во мнении, что на сегодняшний день отсутствует четкий, понятный всем, действенный и эффективный механизм регулирования отношений, возникающих из наследственного договора, что является основанием для возникновения споров, недопониманий, а также неправильности или многозначности трактовки и применения соответствующих гражданско-правовых норм. Одной из причин возникновения дискуссий в указанной правовой области, на наш взгляд, является двойственность правовой природы наследственного договора. С одной стороны, он имеет наследственно-правовой характер, поскольку обозначен как одно из оснований наследования, в связи с чем к нему должны применяться нормы наследственного права, а с другой – обязательственно-правовой или договорный характер, поскольку он представляет собой соглашение сторон (наследодателя и наследников), порождающее для них определенные обязательства, а поэтому обуславливающее применение к нему общих норм о договорах и обязательствах.

Говоря об обязательственно-правовом характере данных отношений, следует затронуть одну важную, на наш взгляд, проблему. Поскольку наследственный договор – это соглашение, то, исходя из общих положений действующего гражданского законодательства о договоре, оно является основанием установления, изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей. При этом в гражданском праве применяются такие важные классификации договоров как: взаимные и односторонние (с точки зрения распределения прав и обязанностей между сторонами) и возмездные и безвозмездные (по критерию опосредуемого договором характера перемещения материальных благ). При детальном анализе норм о наследственном

договоре мы обнаруживаем отсутствие в данных договорных отношениях взаимных прав и обязанностей, наличие которых обуславливалось бы заключением такого договора. Так, у наследодателя отсутствует прямая обязанность передать имущество наследникам, поскольку переход прав на имущество будет происходить только после его смерти. Заключая договор, он лишь берет на себя некое «обещание» предать после своей смерти указанные в договоре права. Исполнение же этой обязанности возлагается на иных лиц. Однако эта обязанность может быть и не исполнена, если к моменту открытия наследства у наследодателя не окажется никакого имущества. Что же касается обязанностей наследников, то, как вытекает из закона, их установление в договоре не является обязательным, то есть они могут и отсутствовать. То есть может возникнуть такая правовая договорная конструкция, в которой ни у одной из сторон не будет никаких обязанностей, что противоречит смыслу договорного права.

Более того, в приведенной ситуации возникают договорные отношения, которые порождают практически те же правовые последствия, что и завещание. Тогда не совсем понятна позиция законодателя о введении нового основания наследования. Указанная законодательная недоработка, как нам кажется, может быть устранена путем закрепления на законодательном уровне императивного требования о возложении на наследников обязанностей, как имущественного, так и неимущественного характера, исполнение которых должно быть осуществлено уже при жизни наследодателя.

Продолжая характеристику наследственного договора, следует остановить свое внимание на таком важном и необходимом для любого договора элементе как стороны. Одна из сторон законодателем четко определена и названа – это наследодатель. Однако использование данного термина для обозначения этой стороны наследственного договора видится не совсем правильным. Обусловлен данный вывод тем, что наследодателем человек становится только после его смерти (либо объявления его судом умершим). Именно поэтому для обозначения субъекта завещательных отношений законодатель использует понятие «завещатель», что вполне оправдано и понятно. Поэтому считаем более верным использовать для обозначения этой стороны наследственного договора не понятие «наследодатель», а понятия «отчуждатель» или «потенциальный наследодатель». Такое разграничение понятий позволит более четко определить разные по содержанию и времени возникновения отношения наследования.

Переходя к характеристике второй стороны рассматриваемых договорных отношений, следует отметить, что для ее обозначения законодатель использует такие понятия как: «сторона наследственного договора», «участвующие в наследственном договоре лица». При этом, определяя наследственный договор, законодатель для обозначения этой стороны использует следующую словесную конструкцию «любое из лиц, которые могут призываться к наследованию». Далее же законодатель, используя отсылочный прием, отправляет нас к ст. 1116 ГК РФ, не уточняя при этом ее конкретных норм. Это позволяет нам прийти к выводу, что любые субъекты гражданского права могут быть второй стороной данных договорных отношений. В то время, как возможность участия в данных договорных отношениях физических лиц не вызывает никаких сомнений, относительно других субъектов такого сказать нельзя. Так, в числе юридических лиц, которые могут призываться к наследованию, указан также и наследственный фонд. Однако учитывая тот факт, что указанное юридическое лицо может быть создано только после смерти наследодателя, не ясно как данный субъект может быть стороной наследственного договора, который заключается при жизни потенциального наследодателя. Особый интерес представляют и такие наследники как Российская Федерация, субъекты РФ и муниципальные образования. Как нам видится, их участие на стороне наследников при заключении такого договора хотя и теоретически допустимо, но представляется практически невозможным, поскольку любые договорные отношения строятся на выражении воли участвующих в них сторон. В данной же ситуации не ясно, каким образом это будет реализовано. Поэтому считаем не совсем корректной и точной прямую отсылку законодателя к ст. 1116 для определения второй стороны наследственного договора.

Кроме этого, вызывает некое недоумение использование законодателем при определении второй стороны данных отношений словосочетания «любые лица». Поскольку наследственный договор является сделкой, то одним из важнейших требований, которое должно быть соблюдено при ее совершении, – это наличие у ее субъектов способности к участию в ней, другими словами,

наличие у них необходимого объема дееспособности. Причем дееспособность указанных лиц должна быть только полной, поскольку нормативно установлен запрет участия представителя на любой стороне наследственного договора при его заключении (п. 3 ст. 1118 ГК РФ). Поэтому и наследодатель, как сторона данных договорных отношений, также должен обладать полной дееспособностью. И хотя данное требование напрямую не установлено в статье, регламентирующей данные отношения, исходя из общего законодательного установления о применении к наследственному договору правил о завещании, можно смело утверждать, что наследодатель, заключая соответствующий договор, должен быть полностью дееспособным, как это напрямую указано в отношении завещателя. Поэтому, в целях предотвращения каких бы то ни было спорных моментов, считаем необходимым императивно закрепить в ст. 1140.1 ГК РФ требование о полной дееспособности обеих сторон указанных договорных отношений.

Интересной также представляется используемая в анализируемой нами статье формулировка потенциальных наследников, то есть тех, к кому после смерти наследодателя перейдет наследство, – «пережившие наследодателя стороны договора» и «пережившие третьи лица». Тем самым законодатель четко обозначил, что переход наследственных прав произойдет к указанным в договоре лицам только в случае, если они к моменту открытия наследства будут живы, в противном случае, как следует из буквального толкования данной нормы, происходит прекращение их наследственных прав, причем без перехода к другим наследникам.

Важным законодательным требованием, которое должно соблюдаться при заключении любого гражданско-правового договора, – достижение договаривающимися сторонами соглашения по всем его существенным условиям. Не является исключением и наследственный договор, из легального определения которого следует, что в качестве таких условий в данном случае выступают:

- во-первых, условия, определяющие круг наследников;
- во-вторых, условия, определяющие порядок перехода прав на наследство.

Однако формулировка второго, обозначенного законодателем, существенного условия видится нам не совсем корректной, поскольку порядок перехода прав на имущество наследодателя после его смерти, согласно содержанию п. 1 ст. 1110 ГК РФ, – это само наследование. Другими словами, налицо терминологическая подмена, что, на наш взгляд, впоследствии может привести к возникновению серьезных проблем в правоприменительной практике. Считаем более верным здесь говорить о распоряжениях наследодателя, в которых и будет отражен конкретный порядок перехода наследства.

Условия о душеприказчике, то есть исполнителе наследственного договора, а также условия, устанавливающие не противоречащие закону отдельные обязанности участвующих в наследственном договоре лиц, которые могут призываться к наследованию, по совершению каких-либо действий как имущественного, так и неимущественного характера, не названы законодателем в числе существенных, но определены как возможные для данных договорных отношений.

Анализируя первое выделенное нами условие, следует заметить, что законодательно душеприказчик определен как исполнитель завещания. То, что указанный субъект может быть исполнителем наследственного договора нигде в действующем законодательстве не сказано. Более того, в ст.ст. 1134–1135 ГК РФ закреплены нормы, достаточно подробно определяющие правовой статус только исполнителя завещания. В связи с этим считаем целесообразным в отдельной норме уточнить правовой статус душеприказчика, как исполнителя наследственного договора, с учетом специфики этого основания наследования.

Интересен тот факт, что в числе обязанностей второй стороны рассматриваемого нами договора по совершению в пользу наследодателя определенных действий имущественного или неимущественного характера законодатель называет и возможность исполнения завещательных отказов или завещательных возложений. Однако в этой норме не уточняется, когда такие распоряжения должны быть исполнены. Но мы помним, что одной из характерных особенностей рассматриваемого нами основания наследования является возможность возложения на потенциальных наследников различного рода обязанностей, которые исполняются, в первую очередь, при жизни наследодателя. Исходя же из существа и правовой природы указанных особых завещательных распоряжений, их исполнение возможно только после смерти наследодателя, причем теми наследниками, которые приняли наследство. В связи с чем исполнение таких

распоряжений в период жизни потенциального наследодателя будет противоречить нормам действующего законодательства.

Одна из наиболее характерных отличительных черт наследственного договора проявляется в том, что будущие наследники, участвуя непосредственно в данных договорных отношениях, уже при жизни потенциального наследодателя знают судьбу наследственного имущества. Таким образом, указанное основание наследования, по сравнению с наследованием по завещанию, имеет своей целью не только защиту интересов наследодателя, но и самих наследников. Однако при более детальном рассмотрении норм, регламентирующих отношения, возникающие из наследственного договора, можно обнаружить ряд положений, которые не только не защищают вторую сторону данного договора, а в ряде случаев ущемляют права потенциальных наследников.

Прежде всего, речь идет о предоставленной потенциальному наследодателю возможности в период действия договора, то есть при его жизни, распоряжаться указанным в договоре наследственным имуществом, что нашло закрепление в п. 12 ст. 1140.1 ГК РФ. Причем законодатель закрепляет данное право, как безусловное, императивно указывая на то, что, если в договоре будет предусмотрено условие о невозможности распоряжения наследодателем указанным в данном соглашении имуществом, то такой договор будет недействительным, а точнее – ничтожным. Более того, в законодательстве ничего не сказано о последствиях таких действий наследодателя, в результате которых к моменту открытия наследства объем изначально указанного в договоре наследственного имущества может быть значительно уменьшен, либо его вообще не будет в наличии. В таких ситуациях наследодатель не несет никакой ответственности перед наследниками, как это предусмотрено для случаев, когда потенциальный наследодатель отказывается от наследственного договора в одностороннем порядке (п. 10 ст. 1140.1 ГК РФ).

Ничего не сказано в законодательстве и о необходимости информирования наследников о таких действиях наследодателя. Безусловно, закрепление права наследодателя свободно распоряжаться принадлежащим ему имуществом в полной мере соответствует принципам осуществления и защиты права собственности. Но другая сторона данных договорных отношений (наследники), как нам представляется, ставится в очень невыгодные для нее условия, поскольку может возникнуть ситуация, когда наследники, исполняя добросовестно в течение всей жизни их наследодателя возложенные на них наследственным договором обязанности, могут после смерти наследодателя оказаться без наследственного имущества из-за его отсутствия к моменту открытия наследства. Таким образом, защита интересов наследников в подобного рода ситуациях не гарантирована законодательно, а это противоречит сущности договорных отношений, в которых должны быть защищены равным образом права и интересы обеих сторон. Решение данной проблемы видится в законодательном закреплении обязанности наследодателя по наследственному договору осуществлять своим потенциальным наследникам, добросовестно исполняющим свои договорные обязательства, компенсационную выплату в случае отчуждения им указанного в договоре наследственного имущества. При этом размер такой выплаты должен устанавливаться исходя из стоимости отчуждаемого имущества, являющегося предметом данного договора, с учетом общей стоимости наследственного имущества и произведенных добросовестным наследником расходов в соответствии с установленными для него договором обязанностями. Считаем, это ни в коей мере не ущемит права потенциального наследодателя, как собственника имущества, но при этом защитит права и интересы потенциальных наследников.

Достаточно дискуссионной видится и закрепленная в п. 8 ст. 1140.1 ГК РФ норма, предоставляющая наследодателю право заключать с совершенно разными лицами отдельные наследственные договоры, предметом которых будет выступать одно и то же имущество. В этой связи интерес представляет законодательное установление о преимущественном положении самого первого из заключенных наследственных договоров. В отношении завещания закреплено совершенно иное правило, согласно которому приоритет при наличии нескольких завещаний будет иметь не первое, а, наоборот, последнее. Поэтому если рассматривать наследственный договор как институт наследственного права, то налицо законодательное противоречие. Если же усматривать в рассматриваемых нами договорных отношениях обязательственно-правовую природу, то подход законодателя становится более понятным и объяснимым, поскольку из общих норм договорного права следует преимущественное право на передаваемую по обязательству индивидуально-определенную вещь того кредитора, в пользу которого раньше возникло

обязательство (ст. 398 ГК РФ). Однако нормы о наследственном договоре все же расположены в третьей, а не во второй части ГК РФ, что дает нам основание говорить, что данные договорные отношения в большей степени имеют наследственно-правовую, а не обязательственно-правовую природу. А это означает, что регулирование таких отношений должно строиться в основном на нормах наследственного права. В связи с чем законодательное установление приоритета ранее заключенного наследственного договора противоречит ранее установленной в отношении завещания нормы о преимуществе последнего завещания.

Более того, указанное законодательное установление ставит в невыгодные условия тех потенциальных наследников, с которыми такой договор был заключен позже, но которые добросовестно исполняли свои договорные обязанности в отношении потенциального наследодателя. О возмещении наследодателем в подобного рода ситуациях причиненных убытков в законодательстве речи не идет. Поэтому считаем правильным установить на законодательном уровне приоритет последнего заключенного наследственного договора, тем более что это ни в коей мере не нарушит свободу волеизъявления наследодателя, а составление нового наследственного договора следует рассматривать как разновидность одностороннего отказа от наследственного договора со всеми вытекающими из этого последствиями. В этом случае будут законодательно защищены и права тех наследников, с которыми были ранее составлены наследственные договоры по поводу этого же имущества.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что к настоящему времени наследственный договор, как новое для российской правовой действительности основание наследования, не получил должной правовой регламентации. Данная правовая конструкция требует основательной законодательной проработки с учетом высказываемых в научной среде позиций и формируемой в данной правовой области судебной практики.

Литература и источники

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): федеральный закон от 26.11.2001 № 146-Ф (в ред. от 18.03.2019) // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552; 2019. № 12. Ст. 1224.
2. Шевчук С.С. Наследственный договор и его место в системе гражданско-правовых договоров // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2020. № 4 (49).
3. О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 19.07.2018 № 217-ФЗ // СЗ РФ. 2018. № 30. Ст. 4552.
4. Путилина Е.С., Гильяно А.А. К вопросу о новеллах гражданского законодательства об основаниях наследования: проблемы перспективы // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2020. № 2 (39).

References and Sources

1. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' tret'ya) [Civil Code of the Russian Federation (part three)]: fede-ral'nyy zakon ot 26.11.2001 № 146-F (v red. ot 18.03.2019) // SZ RF. 2001. № 49. St. 4552; 2019. № 12. St. 1224.
2. Shevchuk S.S. Nasledstvennyy dogovor i ego mesto v sisteme grazh-dansko-pravovykh dogovorov [Inheritance contract and its place in the system of civil-Danube-legal treaties] // Vestnik Sankt-Peterburgskoy yuridiche-skooy akademii [Bulletin of the St. Petersburg Law Academy]. 2020. № 4 (49).
3. O vnesenii izmeneniy v stat'yu 256 chasti pervoy i chast' tret'yu Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [On Amendments to Article 256 of Part One and Part Three of the Civil Code of the Russian Federation]: federal'nyy zakon ot 19.07.2018 № 217-FZ // SZ RF. 2018. № 30. St. 4552.
4. Putilina E.S., Gil'yano A.A. K voprosu o novellakh grazhdanskogo zakonodatel'stva ob osnovaniyakh nasledovaniya: problemy perspektivy [On the issue of civil law novelties on the grounds of inheritance: problems and prospects] // Akademicheskiy vestnik Rostovskogo filiala Rossiyskoy tamozhennoy akademii [Academic bulletin of the Rostov branch of the Russian Customs Academy]. 2020. № 2 (39).

АЛЕКСИКОВА ОЛЬГА ЕВГЕНЬЕВНА – кандидат юридических наук, доцент, кафедра гражданско-правовых дисциплин и социального обеспечения Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (aloe30@mail.ru).

МЕЛЬНИК ЕВГЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат юридических наук, доцент, кафедра гражданско-правовых дисциплин и социального обеспечения; Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (emel.1402@yandex.ru).

МАЛЯВКИНА НАТАЛИЯ ВАЛЕРЬЕВНА – кандидат юридических наук, доцент, кафедра конституционного, административного и уголовного права Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (nata-m-orel@mail.ru).

ЯСТРЕБОВ АЛЕКСЕЙ ЕГОРОВИЧ – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры конституционного, административного и уголовного права Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (yastrebov2008@yandex.ru)

ALEKSIKOVA, OLGA E. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Civil Law and Social Security, Central Russian Institute of Management, Branch of Ranepa (aloe30@mail.ru).

MEL'NIK, EVGENIYA A. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Civil Law and Social Security, Central Russian Institute of Management, Branch of Ranepa (emel.1402@yandex.ru).

MALYAVKINA, NATALIYA V. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Central Russian Institute of Management, Branch of Ranepa (nata-m-orel@mail.ru).

YASTREBOV, ALEXEY E. – Ph.D. in History, Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Central Russian Institute of Management, Branch of Ranepa (yastrebov2008@yandex.ru).

ВИЛЬДАНОВА М.М.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ «ЗЕЛЕНОГО» ФИНАНСИРОВАНИЯ И ИНЫХ «ЗЕЛЕННЫХ» ФИНАНСОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Ключевые слова: охрана окружающей среды, зеленое финансирование, зеленые облигации, проспект эмиссии облигаций, листинг на бирже, регулярное представление отчетности, «зеленое» отмывание незаконно добытых денежных средств.

Предметом рассмотрения в статье является анализ особенностей «зеленого» финансирования в разных странах, в том числе такого распространенного инструмента, как выпуск «зеленых» облигаций. Кратко описана история создания и эволюция института «зеленого» финансирования. Особый акцент сделан на регулировании правовых основ выпуска «зеленых» облигаций и особенностях их размещения. Показано, что Европейский стандарт «зеленые облигации» направлен на исключение возможности «зеленого» отмывания денег (greenwashing). Отмечается, что стратегия устойчивого финансирования для борьбы с изменением климата предполагает реализацию комплекса мер в следующих сферах: финансирование переходного периода; повышение инклюзивности малых и средних компаний; повышение устойчивости финансовой системы и разработка международных стандартов устойчивого финансирования наряду с поддержкой стран, являющихся партнерами ЕС. Автором анализируются также особенности обращения «зеленых» облигаций на российском рынке ценных бумаг. Показано, что основными фактическими направлениями развития «зеленых» проектов (таксономией, taxonometry) на территории Российской Федерации являются: обращение с отходами, энергетика, строительство и строительные материалы, промышленная техника, чистый транспорт, водоснабжение, водоотведение и органическое сельское хозяйство, а также мероприятия, связанные с ландшафтами, водой и биоразнообразием.

VILDANOVA, M.M.

SOME FEATURES OF GREEN FINANCING AND OTHER GREEN FINANCIAL INSTRUMENTS IN RUSSIA AND ABROAD

Key words: environmental protection, green financing, green financial instruments, green bonds, bond issue prospectus, listing on the stock exchange, risk factors, separate accounting of funds, regular reporting, greenwashing.

The subject of consideration in the article is the analysis of the features of "green" financing in different countries, including such a common instrument as the issuance of "green" bonds. The history of the creation and evolution of the institution of "green" financing is briefly described. Particular emphasis is placed on the regulation of the legal framework for the issuance of "green" bonds and the specifics of their placement. It is shown that the European standard "green bonds" is aimed at eliminating the possibility of "green" money laundering (greenwashing). It is noted that the strategy of sustainable financing to combat climate change involves the implementation of a set of measures in the following areas: financing of the transition period; increasing the inclusiveness of small and medium-sized companies; strengthening the resilience of the financial system and developing international standards for sustainable financing, along with support from EU partner countries. The author also analyzes the features of the circulation of "green" bonds in the Russian securities market. It is shown that the main actual areas of development of "green" projects (taxonomy, taxonometry) in the territory of the Russian Federation are: waste management, energy, construction and building materials, industrial equipment, clean transport, water supply, sanitation and organic agriculture, as well as activities related to landscapes, water and biodiversity.

Под «зеленым» финансированием в международном и российском праве понимаются инструменты финансирования, направленные на развитие «зелёной» экономики (облигационные займы, кредиты и др.). «Зелеными» проектами принято называть такие проекты, которые направлены на обеспечение сохранности природы, на производство и открытие альтернативных источников энергии, создание условий, снижающих негативное воздействие на изменения климата и т.п. Одним из наиболее привлекательных инструментов, используемых при реализации таких проектов, являются «зеленые» облигации, то есть ценные бумаги, которые выпускаются, чтобы привлечь инвестиции в целях улучшения экологической ситуации или хотя бы минимизации наносимого природе вреда.

Если обратиться к истории развития института «зеленых» облигаций, то следует отметить, что в 2007 году Европейским инвестиционным банком были выпущены первые «зеленые» облигации. Ввиду недостаточности правового регулирования на международном уровне возникали некоторые сомнения в том, что механизмы кредитования достаточны для обеспечения целевого использования средств финансирования на восстановление проблемной экологической среды. В целях совершенствования регламентации вопросов охраны природы в 2015 года в ходе Конференции по климату в Париже было подготовлено Парижское соглашение в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата, определяющие меры, направленные на снижение содержания углекислого газа в атмосфере с 2020 года. В выступлении на конференции Лорана Фабиуса, министра иностранных дел Франции, было отмечено, что этот «амбициозный и сбалансированный» план стал «историческим поворотным пунктом» на пути снижения темпов глобального потепления [1]. Парижское соглашение официально вступило в силу 4 ноября 2016 года. На сегодняшний день к соглашению присоединились свыше 190 стран и Евросоюз. По мере завершения своих национальных процедур утверждения продолжается присоединение других

стран к Парижскому соглашению. 21 сентября 2019 года в России было принято Постановление Правительства Российской Федерации от № 1228 «О принятии Парижского соглашения».

Среди инструментов «зеленого» финансирования существенное место занимают «зеленые» облигации («green» bonds), соответствующие международным стандартам Международной некоммерческой организации «Инициатива климатических облигаций» (Climate Bond Initiative, CBI). В 2014 году Международной ассоциацией рынков капитала (International Capital Market Association, ICMA) были опубликованы Принципы «зеленых» облигаций (Green Bonds principals). Первоначально предполагалось, что Принципы «зеленых» облигаций будут добровольно применяемыми стандартами. Однако со временем они стали основополагающим документом, которым было установлено распространение лучших практик раскрытия информации на рынке «зеленых» облигаций. В дальнейшем Принципы «зеленых» облигаций легли в основу не только выработки рекомендаций, но и создания национальных и региональных стандартов, регулирующих выпуск «зеленых» облигаций в разных странах.

Рекордный выпуск в 2016-2017 гг. «зеленых» облигаций был связан с ростом инноваций в сфере экологии и поддержкой правительств различных стран. Важным шагом в развитии «зеленого» финансирования стало создание в 2016 году Люксембургской «зеленой» биржи. Таким образом, была запущена первая специальная платформа для «устойчивых» ценных бумаг и эмитентов, способствующих финансированию низкоуглеродной и инклюзивной экономики.

В начале 2017 года во Франции был выпущен один из первых государственных «зеленых» облигаций («des obligations vertes») в сумме 9 миллиардов евро на 3 года для финансирования экологических проектов. В этот же период времени государственные (суверенные) «зеленые» облигации были также выпущены в Польше и на Фиджи. Если обратиться к французскому опыту развития «зеленого» финансирования, то следует отметить, что «зеленые» облигации выпускаются во Франции в последнее пятилетие в значительном количестве энергетическими и иными предприятиями, а также публичными образованиями. На сегодня во Франции нет особого правового регулирования на уровне французского законодательства для «зеленых» облигаций, а применяется прямое регулирование актами ЕС.

1 июля 2019 года старая Директива ЕС 2003/71 о проспектах эмиссии была отменена. Вместо нее был принят новый Регламентом ЕС 2017/1129 «О публикации проспекта при публичном предложении или допуске ценных бумаг к торгам на регулируемом фондовом рынке, а также об отмене Директивы ЕС 2003/71» (далее – Регламент ЕС 2017/1129) [2]. В отличие от директивы, которую должны были бы перенести все государства-члены ЕС во внутреннее законодательство, регламент имеет прямое действие во всех государствах-членах ЕС без необходимости в дополнительных национальных имплементационных актах, за исключением определенных положений, касающихся, среди прочего, объема и исключения из нового режима, назначение компетентных органов, их полномочия и режим санкций. В соответствии с Регламентом ЕС 2017/1129 основная цель проспекта эмиссии состоит в раскрытии информации для защиты прав инвесторов и формирования у них суждения по предполагаемым проектам. В частности, это должна быть информация об активах и обязательствах, прибыли и убытках, финансовом состоянии эмитента, а также о перспективе его деятельности. Кроме того, должны быть предоставлены сведения о поручителях, если таковые участвуют в проекте.

Факторы риска представляются в ограниченном количестве категорий и в каждой категории должны быть представлены в порядке приоритета. Созданы два новых типа документов: первый, известный как «Универсальный регистрационный документ» (URD), направлен на ускорение процесса утверждения проспекта эмиссии для частых эмитентов; а второй - «Перспектив роста ЕС» касается процедур облегчения доступа к финансированию на рынках капитала.

В Регламенте ЕС 2017/1129 предусмотрен упрощенный режим раскрытия информации для вторичных выпусков. Положения регламента позволяют эмитентам, при определенных условиях, составлять упрощенный проспект (например, эмитентам, чьи ценные бумаги прошли процедуру допуска к торгам на регулируемом рынке непрерывно в течение как минимум последних 18 месяцев, и которые выпускают ценные бумаги, взаимозаменяемые с существующими ценными бумагами, выпущенные ранее).

Перспективы эмиссии должны быть утверждены компетентными органами государств-членов Союза, которые обязаны проинформировать Европейское управление по ценным бумагам

об утверждении проспекта и всех соответствующих дополнений. В принципе, проспекты эмиссии могут публиковаться только после утверждения, но при любых обстоятельствах до и не позднее начала публичного предложения или допуска соответствующих ценных бумаг к регулируемым торгам. При этом любая реклама, относящаяся к публичному предложению ценных бумаг или допуску к торгам на регулируемом рынке, должна содержать информацию о том, что проспект был опубликован или собирается быть опубликован, а также порядок получения проспекта инвесторами.

Безусловной новеллой является тот факт, что бумажные копии больше не нужно (если этого не требует инвестор). Допускается публикация проспекта эмиссии на следующих сайтах:

- сайт эмитента;
- сайт oferента или лица, запрашивающего допуск к регулируемым торгам;
- сайт финансовых посредников;
- сайт организатора торгов, на котором запрашивается допуск к торгам.

Утвержденный проспект эмиссии должен оставаться общедоступным в электронной форме в течение не менее 10 лет после его публикации на любом из вышеуказанных веб-сайтов.

Французский исследователь В. Мерсье [3, р. 39] отмечает следующие три особенности «зеленых облигаций»:

- эмитент принимает обязательство относительно того, что фонды, полученные от эмиссии, будут направлены на финансирование проектов, квалифицированных как «зеленые»;
- банки, обеспечивающие эмиссию, должны определять характер такого специфического финансирования как «зеленое», а эмитент обязан предоставлять отчетность, подтвержденную независимыми специалистами;
- аудиторы обязаны осуществлять периодическую проверку целевого назначения «зеленых» облигаций и обнародовать соответствующую информацию.

Важным вкладом в развитие экологического кредитования стал Регламент ЕС 2020/852 от 18 июня 2020 года «О создании условий, благоприятствующих долгосрочным инвестициям и изменяющий регламент (ЕС) 2019/2088» называемый «Регламент о Таксономии» [4], в котором даются критерии для определения «зеленых» облигаций, а также того, является ли экономическая деятельность долгосрочной в области окружающей среды. Такие подходы важны для становления устойчивого экономического роста.

По мнению французского ученого П. Тома [5], основными недостатками, устранению которых необходимо уделить особое внимание, являются следующие:

- в большинстве случаев эмитенты определяют «зеленость» их проектов; таким образом, нельзя исключить «зеленого» отмывания незаконно полученных денежных средств, что может перевернуть зарождающийся рынок;
- риски дефолтов из-за недостаточной прозрачности рынка;
- недостаточная защищенность инвесторов от отмывания («greenwashing») и иных связанных с этим факторов.

06 июля 2021 года Европейская комиссия опубликовала новый европейский стандарт «зеленых» облигаций. Среди документов, содержащих меры, направленные на улучшение финансирования перехода к устойчивой экономике: Стратегия устойчивого финансирования для борьбы с изменением климата; Европейский стандарт «зеленых» облигаций и Делегированный акт относительно раскрытия информации о степени стабильности финансовыми и нефинансовыми компаниями [6].

Стратегия устойчивого финансирования для борьбы с изменением климата предполагает реализацию комплекса мер в следующих сферах: финансирование переходного периода; повышение инклюзивности малых и средних компаний; повышение устойчивости финансовой системы и разработка международных стандартов устойчивого финансирования наряду с поддержкой стран, являющихся партнерами ЕС.

Европейский стандарт «зеленые облигации» направлен на исключение возможности «зеленого» отмывания денег (greenwashing).

При этом облигации должны соответствовать следующим требованиям:

- все средства, собранные за счет выпуска облигаций, должны быть направлены на проекты, соответствующие Таксономии ЕС;

ПРАВО

- обязательна детальная отчетность для того, чтобы была достигнута полная прозрачность распределения поступлений от облигаций;

- все «зеленые» облигации должны проверяться внешним экспертом в целях соответствия финансируемых проектов Таксономии ЕС;

- чтобы обеспечить качество и надежность оказываемых услуг, обеспечение защиты прав инвесторов установлено правило, согласно которому внешние эксперты, предоставляющие услуги эмитентам «зеленых» облигаций, должны быть зарегистрированы в Европейском управлении по рынкам ценных бумаг и быть под его контролем.

В Делегированном акте изложены требования к финансовым и нефинансовым организациям, заключающиеся в предоставлении инвесторам информации об экологических характеристиках их активов, включая сведения о капитальных и операционных расходах, связанных с экологической устойчивостью. Предполагается, что Делегированный акт будет представлен на рассмотрение Европейского парламента и Совета Европейского Союза.

С учетом указанных принципов международного регулирования для развития «зеленого» финансирования в России создана следующая правовая база:

- Постановление Правительства Российской Федерации от 21 сентября 2021 года №1587 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе, «зеленого») развития и требований к системе верификации проектов ускоренного развития в Российской Федерации» (далее – Постановление о критериях проектов «зеленого» развития);

- Постановление Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2019 года № 541 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским организациям на возмещение затрат на выплату купонного дохода по облигациям, выпущенным в рамках реализации инвестиционных проектов по внедрению наилучших доступных технологий и (или) на возмещение части затрат на уплату процентов по кредитам, полученным в российских кредитных организациях, а также в международных финансовых организациях, созданных в соответствии с международными договорами, в которых участвует Российская Федерация, на реализацию проектов по внедрению наилучших доступных технологий» (далее – Постановление о субсидиях);

- Положение Банка России от 19 декабря 2019 года №706 -П «О стандартах эмиссии ценных бумаг» (далее-Стандарты эмиссии);

- Положение Банка России от 27 марта 2020 года №714-П «О раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг» (далее –Положение о раскрытии информации);

- Методологические документы по финансовым инструментам, направленным на финансирование «зеленых» проектов, разработанные Министерством экономического развития Российской Федерации и Государственной корпорацией развития «ВЭБ.РФ»;

- правила организованных торгов, правила допуска к организованным торгам и правила листинга ПАО «Московская Биржа», утвержденные Наблюдательным советом, а также соответствующие документы иных бирж и т.д.

В Постановлении о критериях проектов «зеленого» развития при разработке национальной таксономии и стандартов учтены национальные приоритеты и ведущие международные практики. Таксономия проектов состоит из: таксономии «зеленых» проектов, включающая проекты, которые в соответствии с международной практикой признаются «зелеными», и таксономии адаптационных проектов, касающейся проектов, направленных на адаптацию экономики к изменению климата, но не признаваемых явным образом «зелеными» согласно международным стандартам. При этом «зеленые» проекты должны соответствовать одновременно всем принципам, предъявляемым к такого рода проектам, а главное требование к адаптационным проектам – не противоречить экологическим приоритетам страны и соответствовать хотя бы одному или нескольким направлениям развития.

Основными фактическими направлениями развития «зеленых» проектов (таксономией, taxonomy) на территории Российской Федерации являются: обращение с отходами, энергетика, строительство и строительные материалы, промышленная техника, чистый транспорт, водоснабжение, водоотведение и органическое сельское хозяйство, а также мероприятия, связанные с ландшафтами, водой и биоразнообразием.

В качестве критериев соответствия «зеленых» проектов в области обращения с отходами установлены, к примеру, следующие критерии при утилизации отходов с получением энергии – для новых объектов – соответствие показателям ресурсной и энергетической эффективности согласно информационно-техническому справочнику по наилучшим доступным технологиям «Утилизация и обезвреживание отходов термическими способами» (ИТС 9-2020). Таким образом, стандартизируются процессы отнесения проектов к «зеленым».

В отношении адаптационных проектов, например, критерием при обработке и захоронении твердых коммунальных отходов является соответствие показателям ресурсной и энергетической эффективности согласно информационно-техническому справочнику по технологиям «Размещение отходов производства и потребления» (ИТС 17 – 2016). При этом количество обработанных отходов составляет 100%. Из изложенного следует установление дополнительных критериев соответствия конкретных адаптационных проектов экологическим требованиям.

В Стандартах эмиссии вопросам особенностей решения о выпуске и (или) программы «зеленых» облигаций посвящена Глава 65.

В частности, сделан акцент на нижеследующих условиях и сведениях, которые могут содержаться в решении о выпуске облигаций:

- информация об использовании денежных средств, полученных от размещения облигаций, на цели, связанные с финансированием проектов, направленных на охрану окружающей среды и положительное воздействие на экологию;
- процедуры отбора и критериев оценки «зеленых» проектов;
- описание предполагаемого порядка использования денежных средств;
- информация о том, как политика эмитента соотносится с его стратегией в области устойчивого развития;
- сведения о порядке выявления рисков возникновения возможных негативных последствий, связанных с реализацией того или иного проекта;
- сведения об организации, включенной в перечень верификаторов ВЭБ.РФ или иных уполномоченных организаций, включая Международную ассоциацию рынков капитала, Международную некоммерческую организацию "Инициатива климатических облигаций" и др.
- иные сведения по усмотрению эмитента.

В решении о выпуске облигаций может содержаться описание последствий невыполнения условий о целевом использовании денежных средств. Например, нецелевое использование средств может повлечь за собой возникновение права требования досрочного погашения облигаций. В решении о выпуске также может быть предусмотрена обязанность раскрытия информации, обязанность предоставления отчетности и т.д. Следует особо отметить, что не подлежат регистрации такие выпуски облигаций или программы облигаций, в решении о выпуске или в программе которых есть указание на то, что это «зеленые облигации», а требования стандартов не выполняются.

В Положении о раскрытии информации особый акцент делается на раскрытии информации об идентификации ценных бумаг с использованием слов «зеленые облигации» и детальном описании проектов, включая сведения об имеющихся нарушениях международных принципов и стандартов в сфере экологии и (или) «зеленого» финансирования при реализации проекта, для финансирования и (или) рефинансирования которого будут направлены денежные средства от размещенных облигаций.

Согласно Постановлению Правительства Российской Федерации о субсидиях Министерство промышленности и торговли Российской Федерации предоставляет субсидии в пределах бюджетных ассигнований и лимитов бюджетных обязательств. Субсидия юридическому лицу, реализующему инвестиционный проект с привлечением денежных средств, полученных от размещения облигаций в российской валюте, предоставляется в размере 60% суммы фактически понесенных и документально подтвержденных затрат на выплату купонного дохода по «зеленым» облигациям. Субсидия юридическому лицу, реализующему инвестиционный проект с привлечением кредита, полученного в российской валюте, предоставляется в размере 60 % базового индикатора, рассчитанного в соответствии с нормативными правовыми актами Российской Федерации в случае, если процентная ставка по полученному кредиту превышает или равна базовому индикатору. Если процентная ставка по кредиту меньше базового индикатора, то

возмещение осуществляется из расчета 60 % от размера затрат юридического лица, реализующего проект с привлечением кредита, на уплату процентов по кредиту.

Распоряжением Правительства Российской Федерации №3024-р от 18 ноября 2020 года Государственная корпорация развития «ВЭБ.РФ» (далее – «ВЭБ.РФ») была определена в качестве методологического центра по финансовым инструментам устойчивого развития. «ВЭБ.РФ» начал осуществлять стандартизацию системы «зеленого» финансирования и требований к системе верификации проектов.

В Методологических документах по финансовым инструментам, направленным на финансирование «зеленых» проектов, существенное внимание уделено следующим ключевым элементам «зеленых» облигаций:

1). Обязательные требования по порядку использования денежных средств. В эмиссионных документах должен быть описан порядок использования денег от размещения ценных бумаг на реализацию «зеленых» проектов, экологическая польза от которых подлежит оценке эмитентом.

2). Эмитент обязан иметь задокументированный процесс отбора проектов, на которые будут направляться средства от выпуска «зелёных» облигаций. При принятии решений об отборе должны быть учтены, прежде всего, следующие основные аспекты:

- ожидаемые экологические эффекты;

- оценка того, как цели, на которые предполагается направить денежные средства от выпуска ценных бумаг, соотносятся со стратегией, политикой и процессами эмитента, связанными с экологической устойчивостью и др.

3). Управление средствами. Эмитент должен вести обособленный учет средств, привлеченных от размещения ценных бумаг, и отчитываться на регулярной основе перед инвесторами об их использовании. Эмитент обязан информировать инвесторов о возможном порядке временного размещения неиспользованных средств.

4). Эмитент обязан предоставлять ежегодно информацию об использовании средств (в том числе, описание сущности проектов, на которые были направлены денежные средства с указанием суммы средств, и ожидаемое воздействие проектов на окружающую среду).

При этом эмитентам рекомендуется осуществлять независимую оценку в отношении процедуры выпуска «зеленых» облигаций путем предоставления заключения независимых экспертов, проверки и сертификация.

Крайне существенна роль «ВЭБ.РФ» в становлении зеленого финансирования в России. «ВЭБ.РФ» является одним из методологов и координаторов «зеленого» финансирования «ВЭБ.РФ» осуществляет процесс отбора организаций для их включения в перечень верификаторов финансовых инструментов устойчивого развития в соответствии с Требованиями к системе верификации проектов устойчивого развития (в том числе, «зеленого»), утвержденными Постановлением о критериях проектов «зеленого развития».

Организациям, подающим заявки в «ВЭБ.РФ» на включение в перечень верификаторов, необходимо подтвердить соответствие требованиям к верификаторам в части наличия:

- минимального срока ведения деятельности – 1 год;
- отсутствия задолженности по налогам;
- утвержденных процессных документов и наличия эффективных бизнес-процессов;
- организационной структуры, позволяющей осуществлять верификацию;
- утверждения методологии верификации финансовых инструментов;
- достаточного опыта проведения оценок и положительной деловой репутации;
- наличия экспертов необходимой квалификации.

«ВЭБ.РФ» не только осуществляет методологическое и координационное руководство проектами, но и инвестирует сам в «зеленые» проекты. Как отметил И.И. Шувалов, председатель «ВЭБ.РФ», на Гайдаровском форуме «около 40% кредитного портфеля «ВЭБ.РФ» можно отнести к «зеленому» финансированию» [7].

Ряд крупнейших российских банков также принимают активное участие в финансировании «зеленых» проектов. Так, Газпромбанк (Акционерное общество) предоставил ПАО «Газпром нефть» целевой кредит в размере 15 миллиардов рублей в рамках проекта по экологической модернизации Омского нефтеперерабатывающего завода.

В соответствии с Таксономией Сбербанка, «зелеными» кредитами признаются такие кредиты, которые одновременно удовлетворяют следующим условиям: а) денежные средства идут на капитальные затраты, требуемые для реализации «зеленого» проекта, включая приобретение основных средств; б) операционные расходы безусловно связаны с реализацией самого «зеленого» проекта. При этом размер административно-хозяйственных расходов не должен превышать 15% от общего объема привлекаемых денежных средств.

На российском рынке финансирование «зеленых» проектов осуществляется путем кредитования, перекредитования и через депозитные схемы. Используются также механизмы выдачи «зеленых» гарантий.

Долгое время на биржах в России не было торгов «зелеными» облигациями, так как не был сформирован порядок их категоризации. Многие компании были заинтересованы в выпуске «зеленых» облигаций для осуществления проектов в области энергоэффективности и возобновляемой энергетики, но не имели возможности реализовать свои планы. На сегодня указанная преграда преодолена.

В 2018 году в ПАО «Московская биржа» был размещен первый выпуск «зеленых» облигаций. Эмитентом выступило ООО «Ресурсосбережение ХМАО», которое финансирует проекты по комплексной переработке твердых коммунальных отходов на основе концессионных соглашений. Привлеченные средства должны быть направлены на развитие технологий безотходного производства.

В ПАО «Московская биржа» создан сектор устойчивого развития, включающий сегмент «зеленых» облигаций. Для включения в этот сегмент ценные бумаги должны получить так называемый статус «зеленых» облигаций и соответствовать Принципам «зеленых» облигаций, принципам Международной ассоциации рынков капитала либо Международной некоммерческой организации «Инициатива климатических облигаций».

Наиболее крупные выпуски «зеленых» облигаций были осуществлены ОАО «РЖД», которое поднялось на четвертое место в рейтинге ESG, составляемом международным агентством RAEX- Europe. Всего у ОАО «РЖД» есть 3 выпуска «зеленых» облигаций: на 500 млн. евро, 250 млн. швейцарских франков и 100 млрд. рублей [8].

Важным событием в российской экономике стало принятое в ноябре 2021 года ПАО «Московская биржа» решение о включении в Сегмент «зеленых» облигаций Сектора устойчивого развития биржевых зеленых облигаций ПАО «Сбербанк России» (процентных неконвертируемых бездокументарных с централизованным учетом прав). Облигации соответствуют принципам Международной ассоциации рынков капитала.

Постепенно к оценке рисков устойчивого развития, в том числе климатических, привлекаются страховые компании. Принципы устойчивого страхования (Principles for Sustainable Insurance, PSI) были определены в 2012 году в рамках работы организаций ООН. Но на сегодняшний день немного российских страховщиков занимаются таким видом страхования.

Соблюдение принципов устойчивого страхования предполагает инкорпорирование вопросов ESG в процесс принятия решения в самих юридических лицах, а также обеспечение осведомленности их клиентов в отношении экологических рисков. Под ESG понимаются экологические, социальные и управленческие факторы различных процессов, которые подлежат учету при принятии решений об инвестировании.

Страховые компании одновременно являются инвесторами и принимают на себя риски страхования. Из этого следует, что есть плюсы от применения ESG-принципов как в их страховой, так и инвестиционной деятельности.

Страховые компании в России начали внедрять принципы ESG в свою деятельность через соблюдение принципов страховщиком и путем включения в политику перестрахования. К факторам ESG, которые влияют на стандарты андеррайтинга, могут относиться: изменение климата, деградация экосистем, антропогенные риски для здоровья и т.д.

При этом сложно объяснимым является то, что лишь некоторые страховые организации, такие как, например, ООО «ВТБ Страхование», АО «Группа Ренессанс Страхование», предусматривают программы о снижении собственного воздействия на окружающую среду (экономия электроэнергии, ограничение использования пластиковых пакетов, бумаги и т.д.).

Новым элементом международной практики стали также сертификаты на возобновляемую энергию (renewable energy certificates), которые представляют собой финансовые инструменты, используемые на разных рынках для развития добычи экологически чистой энергии. Как правило, сертификаты выпускаются номиналом 1 МВтч и содержат информацию о типе генерации, мощности и месте ее размещения, а также об органе, который их выдал. Это распространенный инструмент учета («гарантии происхождения», Guarantees of Origin) возобновляемых источников энергии, включая, энергию вод, морей и океанов; энергию ветра, солнечную энергию, геотермальную энергию и др. Производитель энергии подает энергию в электрическую сеть и соответствующий сертификат может быть продан на рынке. Цены на сертификаты устанавливаются в зависимости от спроса и предложения, так как сертификат не имеет денежного номинала. Погашение сертификата на возобновляемую энергию происходит, как правило, по факту выполнения его держателем обязательств по квотам в установленном в законе порядке.

Для гармонизации «гарантий происхождения» создана Европейская система сертификации электроэнергии (European Electricity Certificate System, EECES), которая позволяет осуществлять трансграничную торговлю на оптовом рынке.

В 2022 году в России планируется запуск электронной площадки по торговле «зелеными» сертификатами. Правовая природа таких сертификатов законодательно пока не определена. На российском рынке нет полных аналогов зарубежных «зеленых сертификатов», а возможность удовлетворить потребности в безуглеродной электроэнергии реализуется в основном через заключение двусторонних договоров на оптовом рынке электроэнергии.

Вместе с тем, с нашей точки зрения, возможно проведение организованных торгов на срочном рынке с такими инструментами и рассмотрение «зеленых» сертификатов в качестве базисных активов производных финансовых инструментов. Согласно Указанию Банка России от 16 февраля 2015 года № 3565-У «О видах производных финансовых инструментов» (далее – Указание) базисными активами производных финансовых инструментов являются ценные бумаги, товары, валюта, биологические и (или) химические показатели состояния окружающей среды, уровень инфляции, официальная статистическая информация и т.д. В пункте 6 Указания предусмотрено, что договор, являющийся производным финансовым инструментом (далее – ПФИ), может содержать условия, не предусмотренные в этом нормативном документе для определения видов ПФИ. Таким образом, «зеленые» сертификаты могут быть базисным активом ПФИ так как нет противоречий принципам, изложенным в Указании, а также отсутствуют какие-либо прямые запреты законодательства.

Наряду с предоставляемыми субсидиями государства для динамического развития «зеленого» рынка в России необходима более активная государственная поддержка. Российские коммерческие банки довольно давно предлагают смягчить регулирование по кредитам, которые предоставляются с учетом ESG-принципов. В частности, по их мнению, было бы целесообразно снизить риск-вес в 50% и резервирование по ESG – кредитам, что несомненно существенно скажется на формировании ключевых нормативов банков. Но регулирующие органы оценивают риски и полагают, что пока не стоит вводить стимулирующее регулирование, которое, по их мнению, может привести к негативным последствиям.

Востребованность «зеленых» инструментов физическими лицами в России не большая. Класс «ответственных» инвесторов пока находится на стадии формирования. В таких условиях внедрение ESG-практик для российских компаний на сегодняшний день скорее является вопросом имиджа. Эти инструменты интересны преимущественно банкам, управляющим компаниям и пенсионным фондам, покупающим их в институциональные или ESG-портфели.

Кроме того, в литературе иногда обращается внимание на то, что некоторые российские аналитики скептически настроены к «зеленому» финансированию, поскольку вложения в экологические проекты скорее воспринимаются как своего рода благотворительность, так как рентабельность компаний, участвующих в экологических проектах, довольно низкая [9, с. 353].

Исходя из вышеизложенного, сказать что-то более определенное относительно развития института «зеленых» инструментов в России несколько затруднительно.

Вместе с тем, при определении основных направлений развития экономики в Российской Федерации необходимо учитывать международные тенденции сокращения инвестиций в промышленность, которая наносит или может нанести вред окружающей среде, сокращения

ресурсозатратных методов производства, также повышения налоговой нагрузки для «грязных» отраслей промышленности и наряду с этим создание условий, в частности льгот при осуществлении «зеленого» финансирования.

Литература

1. Презентация Парижского соглашения по климату как мера решения проблем в сфере экологической безопасности// MyPresentation.ru@ya.ru
2. Регламент 2017/1129 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О публикации проспекта при публичном предложении или допуске ценных бумаг к торгам на регулируемом фондовом рынке, а также об отмене Директивы 2003/71» // [http:// www.consultant.ru](http://www.consultant.ru).
3. Mercier, V. La crédibilité des green bonds nécessite un encadrement normatif du marché // Bulletin Joly Bourse, 2017, janvier – février.
4. Règlement (UE) 2020/852 du Parlement Européen et de Conseil du 18 juin 2020 sur l'établissement d'un cadre visant favoriser les investissement durables et modifiant le règlement (UE) 2019/2088 // Journal officiel de l'Union Européenne 22.6.2020.
5. Thomas, P. Nature juridique des green bonds// Revue bancaire et financier. 2015. №6. Novembre étude 22.
6. Европейская комиссия опубликовала новый европейский стандарт зеленых облигаций// <http://ec.europa.eu>
7. Информационный бизнес блог «Зеленый свет финансам – на ПМЭФ-2021 обсудили вопросы перехода к «зеленой» экономике // <https://vk.com/@businessstopinfo-rss-1615599562-689386664>.
8. Финансовые новости: статьи, оценки, аналитика мирового финансового рынка// <https://www.fnanz.ru>.
9. Ермакова Е.П. Развитие правовых основ «зеленого» финансирования в России, ЕС и Китае// Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2020. Т.24. №2.

References and Sources

1. Prezentaciya Parizhskogo soglasheniya po klimatu kak mera resheniya problem v sfere ekologicheskoy bezopasnosti// MyPresentation.ru@ya.ru
2. Reglament 2017/1129 Evropejskogo parlamenta i Soveta Evropejskogo Soyuza «O publikacii prospekta pri publichnom predlozhenii ili dopuske cennyh bumag k torgam na reguliruемом fondovom rynke, a takzhe ob otmene Direktivy 2003/71» // [http:// www.consultant.ru](http://www.consultant.ru).
3. Mercier, V. La crédibilité des green bonds nécessite un encadrement normatif du marché // Bulletin Joly Bourse, 2017, janvier – février.
4. Règlement (UE) 2020/852 du Parlement Européen et de Conseil du 18 juin 2020 sur l'établissement d'un cadre visant favoriser les investissement durables et modifiant le règlement (UE) 2019/2088 // Journal officiel de l'Union Européenne 22.6.2020.
5. Thomas, P. Nature juridique des green bonds// Revue bancaire et financier. 2015. №6. Novembre étude 22.
6. Evropejskaya komissiya opublikovala novyj evropejskij standart zelenyh obligacij// <http://ec.europa.eu>
7. Informacionnyj biznes blog «Zelenyj svet finansam – na PMEФ-2021 obsudili voprosy perekhoda k «zelenoj» ekonomike // <https://vk.com/@businessstopinfo-rss-1615599562-689386664>.
8. Finansovyе novosti: stat'i, ocenki, analitika mirovogo finansovogo rynka// <https://www.fnanz.ru>.
9. Ermakova E.P. Razvitie pravovyh osnov «zelenogo» finansirovaniya v Rossii, ES i Kitae// Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2020. T.24. №2.

ВИЛЬДАНОВА МАРИНА МИХАЙЛОВНА – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (vildanovamarina@mail.ru).
VILDANOVA, MARINA M. – Ph.D. in Law, Lead Researcher, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (vildanovamarina@mail.ru).

УДК 347.73

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-1-148-154

БОЧКАРЕВА Е.А., ВОРОНЕНКО Е.В.
ТРАНСФОРМАЦИЯ ФИНАНСОВО-КОНТРОЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Ключевые слова: финансовый контроль, правоотношения, цифровизация, трансформация, цифровые технологии, право на информацию.

В статье представлен обзор цифровых инструментов и технологий, используемых для организации и проведения финансово-контрольных мероприятий. Рассмотрены информационные системы, личные кабинеты и реестры, задействованные в разноплановых мероприятиях по организации и осуществлению финансово-контрольной деятельности. Сделан вывод о том, что функционирующие в этой сфере правоотношения неоднородны: одни из них непосредственно возникают по поводу той или иной цифровой технологии (инструмента), в других же цифровой продукт не является объектом правоотношения и носит вспомогательное значение. Констатируются проблемы реализации права субъектов финансово-контрольного правоотношения на информацию, обусловленные встречной обязанностью сохранения ее конфиденциальности.

BOCHKAREVA, E. A., VORONENKO, E. V.

TRANSFORMATION OF FINANCIAL AND CONTROL LEGAL RELATIONS IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION

Key words: financial control, legal relations, digitalization, transformation digital technologies, the right to information.

The article provides an overview of digital tools and technologies used to organize and conduct financial control activities. The information systems, personal cabinets and registers involved in various activities for the organization and implementation of financial and control activities are considered. It is concluded that the legal relations functioning in this area are heterogeneous: some of them directly arise in relation to a particular digital technology (instrument), while in others the digital product is not an object of legal relationship and has an subsidiary meaning. The problems of realization of the right of subjects of financial and control legal relationship to information, conditioned by the reciprocal obligation to maintain its confidentiality, are noted.

Значимым фактором, детерминирующим трансформацию правосубъектности органов финансового контроля, стала *цифровизация*. Определим ее как процесс внедрения в деятельность

ПРАВО

субъектов финансово-контрольных правоотношений различных цифровых технологий, позволяющих осуществить качественные преобразования в реализации контрольно-надзорных функций, и обеспечить эффективное взаимодействие всех субъектов контрольных мероприятий. Результатом цифровизации является цифровая трансформация, которая состоит в наступлении конкретных социально-значимых результатов от применения цифровых технологий в финансово-контрольных и сопряженных с ними мероприятиях. Примером может быть цифровой профиль гражданина, представляющий собой совокупность цифровых записей о гражданине, содержащихся в информационных системах государственных органов и организаций, проактивные (упреждающие, действующие на опережение) мероприятия, например – финансовый мониторинг, налоговый мониторинг, банковский пруденциальный контроль и поведенческий надзор, а также аудит эффективности.

Обзор цифровых технологий и инструментов финансового контроля.

Цифровые технологии – это технологии, использующие электронно-вычислительную аппаратуру для записи кодовых импульсов в определенной последовательности и с определенной частотой [1]. Исследователи указывают на спровоцированные цифровыми технологиями риски обеспечения режима законности и модернизацию налогов-контрольных процедур [2], обосновывают необходимость надлежащей легализации автоматизированных процессов налогового администрирования как гарантии обеспечения конституционных прав и свобод [3].

Процессы цифровизации бюджетной деятельности стимулируют внедрение IT-инструментов в область бюджетного контроля в целях обеспечения законности в сфере государственных закупок, межбюджетного финансирования, а также предоставления субсидий и бюджетных инвестиций частным субъектам. Широко инновационные технологии применяются в бюджетном планировании, а также в целях вовлечения представителей гражданского общества в бюджетный процесс и реализации принципа транспарентности бюджетной деятельности.

Проанализировав апробированные в сфере публичных финансов информационные ресурсы, обобщим некоторые, наиболее типичные, цифровые технологии и инструменты, задействованные при осуществлении различных видов и форм финансового контроля (таблица 1). При этом отметим, что предлагаемая авторами типизация цифровых технологий и инструментов не является исчерпывающей.

Таблица 1.

Цифровые инструменты финансового контроля

Группа	Инструменты	Основные субъекты правоотношений
Информационные системы	<p>Государственная интегрированная информационная система управления общественными финансами «Электронный бюджет» http://budget.gov.ru/epbs/faces/page_home?_adf.ctrl-state=1cy3mk8tc_4&regionId=45</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Правительство РФ • Министерство финансов РФ • Федеральное казначейство • государственные органы • органы местного самоуправления • органы управления государственными внебюджетными фондами • государственные и муниципальные учреждения и юридические лица • индивидуальные предприниматели, крестьянские (фермерские) хозяйства, получающие средства из бюджетов бюджетной системы • физические и юридические лица, использующие информацию, размещаемую на едином портале бюджетной системы Российской Федерации.
	<p>Государственная автоматизированная информационная система «Управление» https://gasu.gov.ru/</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Участники стратегического планирования • уполномоченные лица государственных внебюджетных фондов, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, государственных корпораций, государственных компаний, автономной некоммерческой организации «Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации», государственных и муниципальных учреждений; • уполномоченные лица иных юридических лиц в случае исполнения этими юридическими лицами государственного (муниципального) задания на оказание государственных (муниципальных) услуг (выполнение работ).

ПРАВО

	<p>Система мониторинга государственных и муниципальных закупок https://minfin.gov.ru/ru/performance/contracts/purchases/</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Министерство финансов РФ • Федеральное казначейство РФ • орган исполнительной власти субъекта РФ по регулированию контрактной системы в сфере закупок • орган муниципального образования по регулированию контрактной системы в сфере закупок • участники контрактной системы в сфере закупок.
	<p>Государственная информационная система для размещения информации о проведении государственного (муниципального) финансового аудита (контроля) в сфере бюджетных правоотношений https://portal.audit.gov.ru/#/</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Счетная палата РФ • органы государственного (муниципального) финансового аудита (контроля) • палаты Федерального Собрания РФ; Администрация Президента РФ; законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов РФ; представительные органы муниципальных образований; Правительство РФ, высшие исполнительные органы государственной власти субъектов РФ, местные администрации (исполнительно-распорядительные органы муниципальных образований); Министерство финансов РФ, финансовые органы субъектов РФ, финансовые органы муниципальных образований. • федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления, государственные (муниципальные) учреждения, наделенные бюджетными полномочиями главных распорядителей бюджетных средств, главных администраторов доходов бюджетов, главных администраторов источников финансирования дефицита бюджетов; органы управления государственными внебюджетными фондами РФ и территориальными государственными внебюджетными фондами • иные государственные и муниципальные учреждения; государственные корпорации и государственные компании, государственные и муниципальные предприятия • иные объекты аудита (контроля).
	<p>Информационно-аналитическая система удаленного проведения внешнего государственного аудита (контроля) Счетной палаты (ИАС УВГА) https://portal.eskigov.ru/nfap/software/424</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Счетная палата РФ • органы государственного (муниципального) финансового аудита (контроля) • палаты Федерального Собрания РФ; Администрация Президента РФ; законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов РФ; представительные органы муниципальных образований; Правительство РФ, высшие исполнительные органы государственной власти субъектов РФ, местные администрации (исполнительно-распорядительные органы муниципальных образований); Министерство финансов РФ, финансовые органы субъектов РФ, финансовые органы муниципальных образований • федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления, государственные (муниципальные) учреждения, наделенные бюджетными полномочиями главных распорядителей бюджетных средств, главных администраторов доходов бюджетов, главных администраторов источников финансирования дефицита бюджетов; органы управления государственными внебюджетными фондами РФ и территориальными государственными внебюджетными фондами • иные государственные и муниципальные учреждения; государственные корпорации и государственные компании, государственные и муниципальные предприятия, иные объекты аудита (контроля)
<p style="text-align: center;">Личные кабинеты</p>	<p>Личный кабинет налогоплательщика https://lkfl2.nalog.ru/lkfl/login</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Федеральная налоговая служба РФ • налогоплательщики: <ul style="list-style-type: none"> - физические лица - индивидуальные предприниматели; - плательщики налога на профессиональный доход (самозанятых) - юридические лица - налогоплательщики-иностранцы организации

ПРАВО

	<p>Личный кабинет участника закупок https://zakupki.gov.ru/auth/welcome</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Федеральное казначейство РФ • Федеральная антимонопольная служба РФ • участники контрактной системы в сфере закупок.
	<p>Личный кабинет участника информационного обмена https://www.cbr.ru/lk_uio/</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Центральный Банк (Банк России) • кредитные организации, филиалы кредитных организаций • некредитные финансовые организации, операторы платежных систем и операторы услуг платежной инфраструктуры, не являющиеся кредитными организациями • операторы иностранных платежных систем через их обособленные подразделения на территории Российской Федерации • саморегулируемые организации в сфере финансового рынка, саморегулируемые организации актуариев
	<p>Личный кабинет для подотчетных организаций и лиц https://portal.fedsfm.ru/account/choice?ReturnUrl=%2f</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Росфинмониторинг • лизинговые компании • организации федеральной почтовой связи, • организации и индивидуальные предприниматели, осуществляющие скупку, куплю-продажу драгоценных металлов и драгоценных камней, ювелирных изделий из них и лома таких изделий, • организаторы азартных игр, операторы лотерей • организации и индивидуальные предприниматели, оказывающие посреднические услуги при осуществлении сделок купли-продажи недвижимого имущества, • операторы по приему платежей • коммерческие организации, заключающие договоры финансирования под уступку денежного требования в качестве финансовых агентов • операторы связи, имеющие право самостоятельно оказывать услуги подвижной радиотелефонной связи • адвокаты нотариусы и лица, осуществляющих предпринимательскую деятельность в сфере оказания юридических или бухгалтерских услуг
Реестры	<p>Реестр жалоб, плановых и внеплановых проверок, их результатов и выданных предписаний https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/aggregate-feedback.html</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Федеральная антимонопольная служба РФ • участники контрактной системы в сфере закупок.
	<p>Реестр обязательств банка перед вкладчиками https://www.asv.org.ru/financial-institutions/for-banks/banks_check</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Центральный Банк (Банк России) • Государственная корпорация «Агентство по страхованию вкладов» • банковские кредитные организации • вкладчики
	<p>Реестр финансовых организаций, обязанных взаимодействовать с уполномоченным по правам потребителей финансовых услуг https://www.cbr.ru/registries/123-fz/</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Центральный банк (Банк России) • страховые организации • микрофинансовые организации • ломбарды • кредитные потребительские кооперативы • кредитные организации • негосударственные пенсионные фонды

Как видим, использование тех или иных цифровых инструментов обуславливает многообразие финансово-контрольных правоотношений, в которые вступают разностатусные субъекты – органы публичной власти, хозяйствующие субъекты, физические лица.

Представляется, что вполне правомерно говорить о двух особых группах финансово-контрольных правоотношений, возникновение которых связано с применением «цифры». Первая группа – это правоотношения, возникающие по поводу цифровой технологии (инструмента). Отметим, что ученые, анализируя проблемы трансформации правоотношений в условиях цифровизации, в качестве объектов последних рассматривают Интернет, цифровые платформы, искусственный интеллект, и др. [4]. В нашем случае примером может служить закрепленное в Федеральном законе «О деятельности по приему платежей физических лиц, осуществляемой платежными агентами» полномочие налоговых органов проводить проверки соблюдения платежными агентами обязанностей по применению контрольно-кассовой техники с фискальной

памятью и контрольной лентой [5]. Вторая группа – правоотношения, в которых субъекты реализуют комплекс принадлежащих им юридических прав и обязанностей с помощью цифровых технологий. Например, подача декларации посредством кабинета налогоплательщика. Здесь цифровые технологии и инструменты играют вспомогательную, обеспечительную роль.

Информационное значение финансового контроля и проблемы защиты данных в условиях цифровизации.

Эффективный финансовый контроль является индикатором качества управленческой деятельности. Он «...показывает степень соответствия поставленных управленческих целей степени состояния объекта управленческой деятельности и его потенциальных возможностей для внутренней трансформации в том направлении, которое было определено управленческими целями» [6]. В этой связи важно отметить информационное значение финансового контроля, выводящее его за рамки только лишь финансовой деятельности. В частности, защита информационной безопасности в финансовой сфере правовыми средствами предполагает поиск баланса интересов кредитных организаций, их клиентов, налоговых и иных органов государственной власти, других лиц, претендующих, в силу различных обстоятельств, на доступ к тем или иным конфиденциальным сведениям.

Это подтверждается материалами судебной практики. Так, например, с отказом налоговых органов предоставить информацию о счетах и транзакциях обанкротившихся клиентов сталкиваются арбитражные, а равно – финансовые управляющие, приступившие к выполнению своих обязанностей. При этом суды занимают противоположные позиции по вопросу о праве указанных лиц на доступ к сведениям, с одной стороны, необходимым управляющим для выполнения своей миссии, а с другой – защищенных грифом «тайна».

В частности, Арбитражный суд Волго-Вятского округа оставил без изменения решения нижестоящих судов, признавших неправомерным отказ налогового органа в предоставлении финансовому управляющему копий налоговых деклараций должников, сведений о видах и суммах налогов, уплаченных, а также подлежащих уплате, о проверках и их результатах, и др. В своем решении суд подчеркнул, что данные сведения, составляющие налоговую тайну, необходимы «для принятия финансовым управляющим решения об обжаловании сделок должника по выбытию имущества (имущественных прав) с целью поступления денежных средств в конкурсную массу должника и удовлетворения требований кредиторов, а также для проверки наличия признаков преднамеренного и фиктивного банкротства» [7].

Арбитражный суд Московского округа, рассматривая в чем-то похожий спор, но с участием пенсионного фонда и по поводу персональной информации застрахованных лиц – субъектов банкротного дела, пришел к аналогичному выводу о том, что «арбитражному управляющему предоставлено право запрашивать необходимые сведения, в том числе составляющие служебную, коммерческую и банковскую тайну; запрошенные конкурсным управляющим у пенсионного фонда документы являются информацией, при отсутствии которой невозможно надлежащим образом исполнить обязанности конкурсного управляющего, предусмотренные действующим законодательством, и предпринять все необходимые меры в рамках процедуры банкротства должника» [8]. Однако Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа посчитал правильными выводы судов об обоснованности отказа налоговой инспекции в предоставлении конкурсному управляющему сведений о доходах должника и удержанных суммах налогов, согласившись с тем, что «Перечень информации, которую финансовый управляющий имеет право получать ...определен в статьях 20.3 и 213.9 Закона о банкротстве и является исчерпывающим. При этом указание на возможность финансового управляющего истребовать сведения, составляющие налоговую тайну, в законе отсутствует» [9].

Получается, что предоставлять сведения о себе должен сам должник, а финансовый управляющий может обратиться к нему с таким требованием. И вот только в случае отказа должника предоставить необходимую информацию финансовому управляющему, у последнего появляется право подать в арбитражный суд ходатайство об истребовании доказательств. Таким образом, обращаться в налоговую инспекцию за сведениями о должнике, составляющими налоговую тайну, управляющий не имеет права.

Равным образом, с позиции буквального толкования законодательных положений, был разрешен спор о штрафе банка за отказ от предоставления Управлению Федеральной

антимонопольной службы информации о наличии банковских транзакций по счетам клиента. Арбитражный суд Северо-Западного округа оставил без изменения решения судов и отказал в жалобе антимонопольному органу, указав на то, что действующее законодательство не содержит положений, обязывающих банк представлять в антимонопольный орган по его мотивированному требованию документы и сведения, составляющие банковскую тайну, и «суды первой и апелляционной инстанций пришли к правомерному выводу об отсутствии у Банка обязанности исполнять направленный запрос антимонопольного органа, вследствие чего указали на отсутствие в его действиях состава административного правонарушения, предусмотренного частью 5 статьи 19.8 КоАП РФ» [10].

Приведенные примеры свидетельствуют о необходимости конкретизации действующего законодательства в части положений, устанавливающих объем сведений, составляющих финансовую тайну, и круга субъектов, имеющих право на доступ к таким сведениям.

Завершая, отметим, что под влиянием цифровизации в структуре финансово-контрольных (налоговых, бюджетных, банковских и т.д.) правоотношений появляются новые элементы, возникает потребность выработки адекватных механизмов правового регулирования [11], обуславливающая актуальность системного исследования цифровых технологий и инструментов финансового контроля.

Литература и источники

1. Государственный стандарт РФ ГОСТ Р 33.505-2003 «Единый российский страховой фонд документации. Порядок создания страхового фонда документации, являющейся национальным научным, культурным и историческим наследием» (утв. постановлением Госстандарта РФ от 29 июля 2003 г. № 255-ст). М.: ИПК Издательство стандартов, 2003.
2. Тимошенко В.А. Цифровизация процессов и чипирование товаров в налоговом администрировании // Право и экономика. 2019. № 7. С. 66-71.
3. Овчарова Е.В. Административная процедура налогового контроля в механизме правового регулирования // Труды Института государства и права РАН. 2019. № 2. С. 137-158.
4. Танимов О. В. Трансформация правоотношений в условиях цифровизации // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 2. С. 11-18. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.111.2.011-018.
5. Федеральный закон от 03.06.2009 № 103-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «О деятельности по приему платежей физических лиц, осуществляемой платежными агентами» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 23. Ст. 2758.
6. Селюков А.Д. Факторы, обуславливающие принцип эффективности финансового контроля // Образование и право. 2017. № 1. С. 39.
7. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 05.03.2020 № Ф01-8762/2020 по делу № А82-8719/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.12.2019 № Ф05-19318/2019 по делу № А40-5993/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 07.11.2019 № Ф02-5314/2019 по делу № А19-7444/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 12.03.2020 № Ф07-1619/2020 по делу № А56-74329/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Бочкарева Е.А. Цифровизация финансового контроля как фактор сбалансированного функционирования бюджетной системы государства // Бюджетная система государства в условиях развития цифровой экономики: правовые и экономические аспекты: Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 29-30 ноября 2019 г. М.: РГУП. 2020. С. 342-351.

Literature and Sources

1. Gosudarstvennyj standart RF GOST R 33.505-2003 «Edinyj rossijskij strahovoj fond dokumentacii. Poryadok sozdaniya strahovogo fonda dokumentacii, yavlyayushcheysya nacional'nym nauchnym, kul'turnym i istoricheskim naslediem» (utv. postanovleniem Gosstandarta RF ot 29 iyulya 2003 g. № 255-st). M.: IPK Izdatel'stvo standartov, 2003.
2. Timoshenko V.A. Cifrovizaciya processov i chipirovanie tovarov v nalogovom administrirovanii // Pravo i ekonomika. 2019. № 7. S. 66-71.
3. Ovcharova E.V. Administrativnaya procedura nalogovogo kontrolya v mekhanizme pravovogo regulirovaniya // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. 2019. № 2. S. 137-158.
4. Tanimov O. V. Transformaciya pravootnoshenij v usloviyah cifrovizacii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2020. T. 15. № 2. S. 11-18. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.111.2.011-018.
5. Federal'nyj zakon ot 03.06.2009 № 103-FZ (red. ot 27.12.2019) «O deyatel'nosti po priemu platyezhej fizicheskikh lic, osushchestvlyaeмой platěžnymi agentami» // Sbranie zakonodatel'stva RF. 2009. № 23. St. 2758.
6. Selyukov A.D. Faktory, obuslovlivayushchie princip effektivnosti finansovogo kontrolya // Obrazovanie i pravo. 2017. № 1. S. 39.
7. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Volgo-Vyatskogo okruga ot 05.03.2020 № F01-8762/2020 po delu № А82-8719/2019 // SPS «Konsul'tantPlyus».
8. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 19.12.2019 № F05-19318/2019 po delu № А40-5993/2019 // SPS «Konsul'tantPlyus».
9. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Vostochno-Sibirskogo okruga ot 07.11.2019 № F02-5314/2019 po delu № А19-7444/2019 // SPS «Konsul'tantPlyus».
10. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Severo-Zapadnogo okruga ot 12.03.2020 № F07-1619/2020 po delu № А56-74329/2019 // SPS «Konsul'tantPlyus».
11. Bochkareva E.A. Cifrovizaciya finansovogo kontrolya kak faktor sbalansirovannogo funkcionirovaniya byudzhetnoj sistemy gosudarstva // Byudzhetaj sistema gosudarstva v usloviyah razvitiya cifrovoj ekonomiki: pravovye i ekonomicheskie aspekty: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Moskva, 29-30 noyabrya 2019 g. M.: RGUP. 2020. S. 342-351.

БОЧКАРЕВА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА - доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой административного и финансового права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Краснодар) (finansyst@mail.ru).

ВОРОНЕНКО ЕЛЕНА ВАЛЕНТИНОВНА - старший преподаватель кафедры административного и финансового права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Краснодар) (elena.voronenko23@yandex.ru).

ВОШКАРЕВА, ЕКАТЕРИНА А. - Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Administrative and Financial Law of the North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice (Krasnodar).

VORONENKO, ELENA V. - Senior Lecturer of the Department of Administrative and Financial Law of the North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice (Krasnodar).

УДК 347.73

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-1-154-157

ВОЛКОВА В.В.

НЕЗАВИСИМАЯ ПРОВЕРКА КАК МЕРОПРИЯТИЕ В РАМКАХ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УПОЛНОМОЧЕННОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОРГАНА

Ключевые слова: аудит, налоговая сфера, независимая проверка, законодательное регулирование, информационное обеспечение.

Автором затрагиваются вопросы, связанные с практикой применения независимых проверок финансовой деятельности в рамках такого явления при контроле за её осуществлением, как налоговый аудит. Внимание обращается на то, что в настоящий момент указанный вид реализации независимых проверочных мероприятий имеет ряд недостатков. Отчасти это связано с тем, что само понятие «налоговый аудит» не имеет должного правового закрепления в действующем законодательстве. Также отсутствует необходимая нормативно-правовая поддержка по части его организации и проведения. Некоторые вопросы независимого аудита в нашей стране не получили качественной правовой опоры, и, как следствие, современная экономическая конъюнктура в вопросе обеспечения безопасности вышеуказанных сведений еще не получила должного развития, а потому большая часть поднадзорных организаций не спешат раскрывать всю информацию о своей деятельности даже приглашенным аудиторам, поскольку никто не дает гарантий того, что предоставляемая для аудита информация не будет использована против её собственника.

VOLKOVA, V.V.

INDEPENDENT VERIFICATION AS ACTIVITIES WITHIN THE FRAMEWORK OF CONTROL AND SUPERVISORY ACTIVITIES OF THE AUTHORIZED FEDERAL BODY

Key words: audit, tax sphere, independent audit, legislative regulation, information support.

The author touches upon issues related to the practice of using independent audits of financial activities within the framework of such a phenomenon of control over its implementation as a tax audit. The author draws attention to the fact that at the moment this type of implementation of independent verification activities has a number of shortcomings. This is partly due to the fact that the very concept of "tax audit" does not have proper legal consolidation in the current legislation, as well as does not have the necessary legal support for its organization and conduct. Some issues of independent audit in our country do not have high-quality legal support and, as a result, the current economic situation in the issue of ensuring the security of the above information has not yet received proper development, and therefore most of the supervised organizations are in no hurry to disclose all information about their activities even to invited auditors, since no one gives guarantees that the information provided for the audit will not be used against its owner.

В соответствии с требованиями п. 3 ст. 1 Федерального закона от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» (далее - Закон об аудите) [1], аудит причисляют к независимым проверкам бухгалтерской (финансовой) отчетности организации, направленным на определение её достоверности. Между тем в практической деятельности данный вид проверки может не только включать в себя указанный аспект оценки со стороны независимых аудиторов, но и затрагивать такие факторы бухгалтерской и финансовой деятельности организации, как проверка принятия управленческих решений по части распоряжений материальными ресурсами по конкретным направлениям, корректирование документального сопровождения финансовой отчетности, а также независимый анализ экономического состояния организации с учетом перспектив её дальнейшего развития.

Несмотря на то, что указанный вид проверки не представляется новым при реализации финансового контроля большинства организаций, на практике по-прежнему имеют место случаи, которые свидетельствуют о необходимости законодательного совершенствования деятельности институтов независимых проверок – как по части внесения изменений в действующие нормы, так и в вопросах разработки совершенно новых положений (представлений) о порядке применения принципов контрольного регулирования финансовой деятельности коммерческих организаций.

Проблемы государственного и независимого аудита крайне разнообразны. К примеру, одной из основных проблем успешной реализации такого контроля является проблема методологического обеспечения государственного аудита и финансового контроля в нашей стране. В частности, эта проблема отчетливо проявляется в контексте исследования и оценки современного состояния финансовых отношений в целом [2, с. 241].

Однако наиболее серьезной современной проблемой при организации и проведении независимого аудита следует признать вопрос его недостаточного развития в процессе обеспечения контроля системы налогового учета. Стоит отметить, что предприятия, прежде всего, по причине сложности устройства и особенностей функционирования налоговой системы Российской Федерации, вынуждены прибегать к независимой (внешней) проверке (налоговому аудиту), которая, как показывает практика, нередко демонстрирует обильные нарушения в области ведения налогового и бухгалтерского учета. Этими же проверками затрагиваются вопросы исчисления и уплаты налогов и сборов как в бюджет, так и внебюджетные фонды.

Стоит отметить, что само понятие налогового аудита, отраженное в специальном документе – Методике аудиторской деятельности [3], в соответствии с положениями которой указанный вид проверки финансовой деятельности учреждения (организации) рассматривается в качестве выполнения специального аудиторского задания со стороны аудиторской организации, не имеет официального правового закрепления в качестве отдельного специализированного направления финансового аудита, что, как следствие, порождает у исследователей немало вопросов относительно того, каким именно образом указанный вид аудита должен осуществляться правильно. Часть данных вопросов адресована законодателям, которых укоряют в некорректности представленной формулировки, а также необходимости её дополнения указанием на то, что сам по себе налоговый аудит не может представлять собой отдельное направление аудита и является всего лишь частью его – дополнительной услугой. Другими исследователями данная точка зрения опровергается, основанием к чему является утверждение для выделения налогового аудита, прежде всего по причине его сложности и заведомой правовой обособленности, в отдельное направление.

Отчетливой тенденцией к данным преобразованиям стала законодательная инициатива о внесении в Налоговый кодекс РФ (далее по тексту – НК РФ) [4] новой главы 25 под названием «Налог на прибыль организаций». В соответствии с данными введениями возможность признания налогового аудита в качестве дополнительной услуги была исключена. Именно согласно требованиям, изложенным в указанной главе, на организации была возложена обязанность раздельного учета бухгалтерии и налоговой отчетности, что сделало налоговый аудит самостоятельным направлением независимого контроля.

Другой проблемой реализации налогового аудита стало то, что услуги аудиторских фирм, а также индивидуальных аудиторов в нашей стране по-прежнему не имеют столь широкого распространения, как, например, в западной практике. Как правило, к таким услугам прибегают учреждения и организации, на которые обязанность подвергать собственную налоговую отчетность внешним проверкам возлагается вследствие императивных требований законодательства. Так, согласно данным статистики, за 2020 год доля проаудированных предприятий в стране, сделавших это самостоятельно (вне графика проведения проверочных мероприятий), не превысила более 9 процентов [2, с. 242]. В свою очередь, в Китае роль независимых проверок в сфере бизнес-развития только за прошедший год увеличилась на треть [5, с.44]. Причиной такого положения дел является то, что сформированная в нашей стране система налогового аудита имеет существенные отличия от международной. В частности, последняя нацелена на контроль за расходом материальных ресурсов, выявление нарушений в сфере ведения бухгалтерского учета, а также соответствие такого ведения установленным стандартам международной финансовой отчетности, в то время как отечественный проверочный комплекс в налоговой сфере сводится к установлению и снижению налоговых рисков организаций.

Все эти факты свидетельствуют о слабости законодательного подхода в определении сущности налогового аудита в системе организации независимых проверок финансовой и бухгалтерской отчетности. Что особо характерно, в настоящее время органами государственной статистики не ведется учет (а соответственно, и не публикуются сведения) данных о функциональности независимых проверочных мероприятий по линии налогового аудита. Это, с одной стороны, негативно сказывается на эффективности развития системы общего аудита в целом, с другой - не позволяет расширить возможности аудиторных субъектов по части рекламы собственных услуг, а также последствий их важнейшей функции – объективной оценки финансового состояния организации и его налоговой состоятельности. Что касается законодательной позиции, то здесь стоит подчеркнуть, что в приведенной Методике налоговый

аудит определяется в качестве специального задания, в то время как в Федеральном законе «Об аудиторской деятельности» понятие «налоговый аудит» отсутствует вовсе.

Наряду с уже приведенными аспектами стоит выделить еще и то, что именно активное внедрение налогового мониторинга и неуклонная цифровизация отношений между налогоплательщиками и налоговыми органами представляет из себя одну из проблем развития налогового аудита в нашей стране. Требования налоговых органов к организации внутреннего налогового контроля в целях осуществления налогового мониторинга возрастают, поскольку его невозможно проводить, если само качество учета (не только налогового, но и бухгалтерского) не может это позволить. Данные предпосылки ставят глобальные задачи перед службой внутреннего контроля в сфере налогообложения. Цифровизация, современные технологии, электронный обмен информацией между налоговыми органами разных стран существенно ограничивает использование различных юрисдикций, которые работают с низким налогообложением. То, что раньше было скрыто от налоговых органов, теперь становится явным. Цифровизация - вещь двоякая, так как она помогает каким-то организациям скрыть некую информацию, но в ту же очередь помогает налоговым органам выявить полную картину, увидеть, что действительно происходит, и принять соответствующие меры.

Сюда можно отнести и вопрос искренней заинтересованности в налоговом аудите со стороны самих организаций. В настоящее время, благодаря ведению «серой» бухгалтерии, сведения, которые поступают к внешним (независимым) аудиторам от самих компаний по большей степени являются ложными и, следовательно, суть такой проверки сводится на «нет», при условии, что организация сама не имеет цели получить качественную услугу и тем самым понять истинное состояние дел относительно движения средств налогообложения. Как отмечает исследователь А.М. Петров, стремление к качественному аудиту - это, прежде всего, стремление подконтрольных организаций к финансовой транспарентности, и в особенности к открытости по части предоставления (распространения) сведений, содержащихся в самом акте аудиторской проверки (аудиторском заключении). Сегодня компании неохотно идут на то, чтобы оглашать результаты таких проверок, тем самым скрывая некоторые сведения о собственных налоговых рисках. В результате мы не можем понять, насколько налоговый аудит эффективен. Отдельно стоит сказать, что правила проведения аудиторских проверок у организаций разные, что не только нарушает логику процесса, но и может навредить интересам тех организаций, которые таким проверкам подвергаются [6, с. 36].

Действительно, кризис налогового нигилизма продолжается. Реальность такова, что при обращении в какое-либо учреждение для проведения независимой налоговой проверки организациям необходимо предоставлять практически полную отчетность по налоговой нагрузке и её исполнению. С учетом, что современная экономическая конъюнктура в вопросе обеспечения безопасности вышеуказанных сведений не достаточна эффективна, большей части поднадзорных организаций попросту невыгодно раскрывать всю информацию о своей деятельности даже приглашенным аудиторам, поскольку никто не дает гарантий того, что предоставляемая для аудита информация не попадет в чужие руки. Все то, что было сказано ранее, безусловно, связано с этикой бухгалтеров и аудиторов. И это тоже очень важный вопрос. Бухгалтеры и аудиторы должны быть очень осмотрительными при раскрытии информации и обязаны обращать пристальное внимание на то, как предоставляют ту или иную информацию другие. У многих присутствует боязнь раскрыть какую-либо лишнюю информацию в отчетности. Это происходит не только в нашей стране, но и в других государствах. Например, Совет по международным стандартам бухгалтерской этики выпустил версию кодекса этики для профессиональных бухгалтеров. Основным изменением в нём стало установление приоритета общественных интересов над узко профессиональными стандартами поведения.

В свою очередь, некоторыми исследователями, рассматривающими вопросы защиты и определения мер ответственности за разглашение, к примеру, корпоративной информации со стороны различных должностных лиц, предлагается внести субъектов независимых проверок финансовой деятельности в список тех, кто может нести такую ответственность в соответствии с действующим (в том числе и уголовным) законодательством, а в дальнейшем и быть лишенным права на осуществление профессиональной деятельности при условии, что именно его действия

стали следствием её утечки. С учетом указанного положения дел в сфере использования внешнего налогового аудита данная идея не кажется такой уж нелогичной.

Таким образом, мы видим, что несмотря на попытки отечественных правоприменителей выделить такое явление, как «налоговый аудит», в отдельное направление аудиторской деятельности, в том числе и путем введения в действие в нашей стране Международных стандартов и принципов аудита [7], должного нормативно-правового закрепления указанный аспект так и не получил. Федеральный закон «Об аудиторской деятельности» не раскрывает понятие налогового аудита, и что самое главное, не выделяет его основные принципы, а также этапы и методику проведения. Попытка раскрыть указанное понятие в «Методике налогового аудита» была признана не совсем удачной, так как данный акт нельзя отнести к нормативным правовым и, соответственно, сослаться на него, как на действующий источник. Как показывает практика, это формирует необходимость законодательного закрепления рассмотренного явления и разработки методической и нормативной базы для его успешного функционирования. Настоящие меры позволили бы существенно расширить возможности использования налогового аудита в контроле финансовой деятельности учреждений и предприятий, а также повысить роль независимого аудита в нашей стране, к примеру, в тех случаях, когда это необходимо для развития отрасли и его более активному использованию со стороны тех же правоохранителей.

Литература и источники

1. Федеральный закон от 30.12.2008 N 307-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об аудиторской деятельности» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // СЗ РФ. 05.01.2009. N 1. ст. 15.
2. Шешеня Е.С., Алимов С.А. Проблемы методологического обеспечения государственного аудита и финансового контроля в РФ // Цифровизация экономики и образования: новые технологии в условиях пандемии: материалы Международного конкурса научных работ бакалавров, магистров и специалистов, Орёл, 27 ноября 2020 года. Орёл: Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 2021. С. 241-244.
3. Методика аудиторской деятельности «Налоговый аудит и другие сопутствующие услуги по налоговым вопросам. Общение с налоговыми органами» (одобрена Комиссией по аудиторской деятельности при Президенте РФ 11.07.2000 Протокол N 1). // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28966/ (дата обращения: 16.02.2022).
4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть третья) от 05.08.2000 N 117-ФЗ (ред. от 29.11.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // СЗ РФ. 07.08.2000. N 32. ст. 3340.
5. Пылаева А. С. Система налогового аудита в КНР // Налоги. 2021. № 6. С. 44-45.
6. Петров А.М. Интеграционные процессы при ведении учета расчетов и налогового планирования в сфере услуг. М.: ООО "Издательство "Спутник+", 2020. 198 с.
7. Информационное сообщение Минфина России от 21.12.2016 N ИС-аудит-11 «О Международных стандартах аудита»// URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209618/b8c41a713f9eb6a5eb655b539a06a795d64aa259/

Literature and Sources

1. Federal'nyj zakon ot 30.12.2008 N 307-FZ (red. ot 30.12.2021) «Ob auditorskoj deyatel'nosti» (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2022) // SZ RF. 05.01.2009. N 1. st. 15.
2. Sheshenya E.S., Alimov S.A. Problemy metodologicheskogo obespecheniya gosudarstvennogo audita i finansovogo kontrolya v RF // Cifrovizaciya ekonomiki i obrazovaniya: novye tekhnologii v usloviyah pandemii: materialy Mezhdunarodnogo konkursa nauchnyh rabot bakalavrov, magistrrov i specialistov, Oryol, 27 noyabrya 2020 goda. Oryol: Orlovskij gosudarstvennyj universitet imeni I.S. Turgeneva, 2021. S. 241-244.
3. Metodika auditorskoj deyatel'nosti «Nalogovyy audit i drugie soputstvuyushchie uslugi po nalogovym voprosam. Obshchenie s nalogovymi organami» (odobrena Komissiej po auditorskoj deyatel'nosti pri Prezidente RF 11.07.2000 Protokol N 1). // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28966/ (data obrashcheniya: 16.02.2022).
4. Nalogovyy kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraya) ot 05.08.2000 N 117-FZ (red. ot 29.11.2021) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2022) // SZ RF. 07.08.2000. N 32. st. 3340.
5. Pylaeva A. S. Sistema nalogovogo audita v KNR // Nalogi. 2021. № 6. S. 44-45.
6. Petrov A.M. Integracionnye processy pri vedenii ucheta raschetov i nalogovogo planirovaniya v sfere uslug. M.: ООО "Izdatel'stvo "Sputnik+", 2020. 198 s.
7. Informacionnoe soobshchenie Minfina Rossii ot 21.12.2016 N IS-audit-11 «O Mezhdunarodnyh standartah audita». // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209618/b8c41a713f9eb6a5eb655b539a06a795d64aa259/ (data obrashcheniya: 17.02.22).

ВОЛКОВА ВИКТОРИЯ ВЛАДИМИРОВНА - кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Северо-Кавказского филиала Российского университета правосудия (г. Краснодар).

VOLKOVA, VICTORIA V. – Ph.D. in Law, Associate Professor of Northern Caucasian branch of Russian state university of justice (c. Krasnodar) (www.truba.ru@mail.ru)

УДК 347.7

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-1-157-163

ФАРИКОВА Е.А.

СУБЪЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ И АУДИТА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ключевые слова: финансовое право, государственный финансовый контроль, государственный аудит, Счетная палата РФ, контрольно-счетные органы, Федеральное казначейство.

В статье рассматриваются основы правового статуса субъектов государственного финансового контроля и аудита в современной России. В рамках исследования охарактеризованы полномочия Счетной палаты РФ, как основного субъекта государственного

финансового контроля и аудита в России, а также контрольно-счетных органов субъектов РФ и Федерального казначейства. Рассмотрены актуальные проблемы правового регулирования статуса субъектов государственного финансового контроля и аудита. Отмечается, что правовое регулирование государственной контрольной деятельности в сфере финансов на современном этапе требует совершенствования, поскольку на законодательном уровне отсутствует четкая система государственного финансового контроля, а имеющиеся нормативно-правовые акты устанавливают различные пределы контроля в области формирования и движения финансовых ресурсов страны. Подчеркнуто, что правовая основа государственного финансового контроля и аудита требует совершенствования, поскольку из норм современного законодательства невозможно сделать однозначный вывод о соотношении данных терминов. Также в современном законодательстве не дается единообразная легальная дефиниция рассматриваемых понятий, что существенно затрудняет определение их содержания и пределов. Обоснован вывод о том, что приоритетным направлением правового регулирования отношений в сфере государственной финансово-контрольной деятельности должно стать создание структурированной законодательной базы государственного финансового контроля.

FARIKOVA, E.A.

SUBJECTS OF STATE FINANCIAL CONTROL AND AUDIT IN MODERN RUSSIA

Key words: financial law, state financial control, state audit, Accounting Chamber of the Russian Federation, control-accounting authorities, Federal Treasury.

The article considers the basics of the legal status of subjects of state financial control and audit in modern Russia. During the research, the powers of the Accounts Chamber of the Russian Federation as the main subject of state financial control and audit in Russia, as well as the control-accounting authorities of the subjects of the Russian Federation and the Federal Treasury have been characterized. The relevant problems of legal regulation of the status of subjects of state financial control and audit are considered. It is noted that the legal regulation of state control activities in the field of finance at the present stage requires improvement, since at the legislative level there is no clear system of state financial control, and the existing legal acts establish various limits of control in the field of formation and movement of the country's financial resources. It is emphasized that the legal basis of state financial control and audit needs to be improved, since it is impossible to draw an unambiguous conclusion about the relationship between these terms from the norms of modern legislation. Also, modern legislation does not provide a uniform legal definition of the concepts under consideration, which significantly complicates the definition of their content and limits. The conclusion is substantiated that the priority direction of legal regulation of relations in the sphere of state financial and control activities should be the creation of a structured legislative framework for state financial control.

Современные тенденции развития экономики и права обуславливают значимость и необходимость совершенствования базовых аспектов государственного управления. Основой управления в любом современном государстве является контроль. К настоящему времени сформировалось два основных подхода относительно определения содержания государственного контроля. Согласно широкому подходу, государственный контроль представляет собой управленческую контрольную деятельность государства в целом. В соответствии с узким подходом, государственный контроль понимается как административная контрольная деятельность, т.е. деятельность исполнительных органов государственной власти. Следует отметить, что государственный контроль не ограничивается лишь деятельностью органов исполнительной власти, что ярко проявляется на примере государственного финансового контроля.

Государственный финансовый контроль и аудит – одно из важнейших направлений государственного управления в экономической и правовой сфере на современном этапе. Значимостью контроля финансовых явлений и процессов со стороны государства обусловлена необходимость упорядочивания и четкого регулирования соответствующих правоотношений, поскольку от эффективности финансового контроля во многом зависит общее экономическое благосостояние государства. Особенную актуальность вопросы финансового контроля и аудита обрели в период распространения во всем мире новой коронавирусной инфекции (COVID-19), поскольку пандемия существенно повлияла на экономическую сферу общества не только в России, но и за рубежом, что потребовало принятия дополнительных мер, направленных на регуляцию финансово-правовых отношений. Вопросы государственного финансового контроля и аудита с точки зрения права заслуживают особого внимания, поскольку в России как правовом государстве (ст. 1 Конституции РФ [1]) основой государственного финансового контроля и аудита являются нормы права, посредством которых устанавливаются пределы, формы, виды, меры финансового контроля, а также компетенция государственных органов, уполномоченных осуществлять контрольную деятельность в области финансов.

Правовое регулирование государственной контрольной деятельности в сфере финансов на современном этапе требует совершенствования, поскольку на законодательном уровне отсутствует четкая система государственного финансового контроля, а имеющиеся нормативно-правовые акты устанавливают различные пределы контроля в области формирования и движения финансовых ресурсов страны.

Чтобы обозначить круг субъектов государственного финансового контроля и аудита, для начала необходимо определить, что представляет собой государственный финансовый контроль и аудит. Как правило, при характеристике государственного финансового контроля в российском законодательстве имеется в виду бюджетный контроль. Иными словами, в современном законодательстве отражается узкий подход к пониманию содержания и пределов государственного финансового контроля. Так, глава 26 БК РФ [2] определяет основы государственного финансового контроля, т.е. раскрывает его виды, объекты, методы осуществления, а также закрепляет полномочия органов государственного финансового контроля. Исходя из данного подхода, в научной литературе государственный финансовый контроль определяется как «деятельность специально уполномоченных контрольных органов, регулируемая законодательством, в целях обеспечения законности, целесообразности, эффективности формирования, распределения и использования бюджетных средств» [3, с. 152].

В то же время в современной науке отражается и широкий подход к пониманию государственного финансового контроля, при котором последний не ограничивается рамками лишь бюджетного контроля. С точки зрения широкого подхода, государственный финансовый контроль рассматривается как «деятельность, осуществляемая в соответствии с законодательством Российской Федерации, специальными органами и уполномоченными лицами, направленная на законное, эффективное и безопасное распределение и использование финансовых ресурсов органами государственной власти, юридическими и физическими лицами, с целью пресечения финансовых нарушений, а также обеспечения безопасности государства и граждан» [4, с. 247]. Таким образом, при подобном понимании содержания государственного финансового контроля в него включены такие отрасли, как бюджетный контроль, налоговый, валютный контроль и др.

Разнообразие точек зрения на предмет содержания и пределы государственного финансового контроля обусловлено, в первую очередь, несовершенством правового регулирования, поскольку законодательство не отражает единообразное понимание государственного финансового контроля с точки зрения различных отраслей и подотраслей права (финансового, бюджетного, налогового, валютного и др.).

С одной стороны, так или иначе бюджетный контроль затрагивает все смежные сферы финансовой системы, поскольку, например, налоговый контроль имеет конечной целью соблюдение законодательства о налогах и сборах для своевременного поступления денежных средств в соответствующие бюджеты страны. То же касается таможенного контроля, так как таможенные платежи обеспечивают поступление денежных средств в бюджет. С другой стороны, контроль в каждой конкретной сфере (бюджетной, налоговой, таможенной и др.) накладывает существенный отпечаток на механизм контрольной деятельности посредством разного правового регулирования, различного субъектного состава финансово-контрольных правоотношений, неодинаковых процедурных аспектов осуществления финансового контроля. Иными словами, в любом случае определение границ финансового контроля и точного круга субъектов его осуществления имеет важное значение для создания правовой определенности в данном вопросе.

Несмотря на существование разных подходов, в рамках настоящего исследования мы будем придерживаться узкого подхода к определению понятия государственного финансового контроля, который в большей мере урегулирован нормами бюджетного законодательства. С позиции такого подхода, круг субъектов государственного финансового контроля ограничен законодателем (ст. 157 БК РФ): Счетная палата РФ, контрольно-счетные органы субъектов РФ, Федеральное казначейство, а также иные органы государственного финансового контроля в структуре органов исполнительной власти субъектов РФ.

В законодательстве и юридической науке также используется понятие «государственный финансовый аудит». Актуальность данного термина возросла в связи с преобразованием правовой основы деятельности Счетной палаты РФ как основного государственного органа в области финансового контроля. Так, в 2013 г. был принят новый Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» [5] (далее – Закон № 41-ФЗ), в соответствии с которым Счетная палата РФ признается постоянно действующим высшим органом внешнего государственного аудита (контроля). В новом законе основным термином, используемым в отношении Счетной палаты РФ, стал аудит: финансовый, стратегический, аудит эффективности и

др. Из содержания ч. 1 ст. 1 Закона № 41-ФЗ следует, что понятия «контроль» и «аудит» используются законодателем как взаимозаменяемые и синонимичные. В то же время необходимо отметить, что в науке обосновываются иные подходы к соотношению указанных понятий.

По мнению Э.О. Басанговой, государственный аудит представляет собой один из видов государственного финансового контроля, имеющим свое специфическое содержание и направленное на решение особых, исключительных задач, а именно на формирование рекомендаций, направленных на устранение нарушений и повышения результативности деятельности проверяемого субъекта [6, с. 38].

С точки зрения В.А. Матвеевой и А.А. Розиной, «государственный аудит можно рассматривать как форму государственного финансового контроля, проводимого с целью оценки результатов деятельности организации в части расходования бюджетных средств» [7, с. 131]. По мнению Н.С. Столярова, если государственный финансовый контроль подразделяется на внутренний и внешний, то государственный аудит следует понимать как внешний государственный финансовый контроль [8, с. 13].

Таким образом, в науке государственный аудит, как правило, относят к разновидностям или формам государственного финансового контроля. Однако и данное утверждение подвергается критике со стороны ряда ученых. Так, Т.П. Хребтова считает, что аудит некорректно определять как вид контроля, поскольку их приоритетно отличает два признака: целеполагание (государственный финансовый контроль направлен на установление соответствия фактического исполнения субъектом управления задачи, поставленной объектом управления, а государственный аудит направлен не просто на предоставление информации, а на оценку деятельности объекта аудита); конечный потребитель (при государственном финансовом контроле это только государственные органы законодательной и исполнительной власти, а при государственном аудите – также гражданское общество) [9, с. 294].

В целом, можно констатировать, что правовая основа государственного финансового контроля и аудита требует совершенствования, поскольку из норм современного законодательства невозможно сделать однозначный вывод о соотношении данных терминов. Также в современном законодательстве не дается единообразная легальная дефиниция рассматриваемых понятий, что существенно затрудняет определение их содержания и пределов. Многие авторы для решения общих проблем правового регулирования отношений в сфере государственного финансового контроля и аудита предлагают разработать и принять специальный Закон «О государственном финансовом аудите (контроле) в Российской Федерации» [10, с. 52].

Тем не менее, большинство ученых сходятся в том, что государственный аудит следует рассматривать именно как часть государственного финансового контроля. Принимая во внимание современную правовую регламентацию деятельности государства в сфере финансового контроля, данная тенденция не является бесосновательной, поскольку такой вывод следует из многих законодательных положений (в частности, при систематическом толковании норм БК РФ и Закона № 41-ФЗ).

Субъекты государственного финансового контроля, как уже упоминалось выше, указаны в ст. 157 БК РФ, согласно которой к ним относится Счетная палата РФ. Создание Счетной палаты РФ как высшего контрольного органа в финансовой сфере было обусловлено присоединением России в 1995 г. к Лимской декларации 1977 г. [11]. Таким образом, создание в нашей стране высшего контрольного органа в сфере финансов является результатом следования международным рекомендациям и стандартам государственного управления. В то же время нельзя не учитывать, что при формировании новых подходов к организации управления в России необходимо учитывать экономические, социальные, а также культурные особенности и правовые традиции нашей страны. Как пишет Л.В. Комарова, модернизация, происходящая в России на современном этапе развития, может быть описана как многоуровневый асинхронный процесс, сопровождающийся конфликтами интересов [12, с. 22].

Правовой статус современной Счетной палаты РФ сводится к тому, что она является органом государственной власти, который «контролирует только ту часть экономических и финансовых отношений, в которых участвует Российская Федерация как публично-властное образование и при этом используются принадлежащие Российской Федерации имущественные

ресурсы» [13, с. 17]. Этим Счетная палата РФ отличается от субъектов так называемого «частного» аудита, который не распространяется на публичную сферу.

Несмотря на длительное существование Счетной палаты РФ как основного субъекта государственного финансового контроля (аудита), многие вопросы правового характера остаются неразрешенными. В частности, до сих пор нельзя однозначно сказать, какое место Счетная палата РФ занимает в системе органов государственной власти. Традиционно считается, что Счетная палата РФ не относится ни к одной из триады ветвей власти в России [14, с. 11]. С одной стороны, согласно ч. 1 ст. 2 Закона № 41-ФЗ, Счетная палата РФ подотчетна Федеральному Собранию РФ. Более того, в соответствии с ч. 2 ст. 4 Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ «О парламентском контроле» [15], Счетная палата РФ участвует в осуществлении парламентского контроля. С другой стороны, несмотря на участие Счетной палаты РФ в осуществлении парламентского контроля и подотчетность данного органа парламенту, относить Счетную палату РФ к органам законодательной власти не представляется корректным. Счетная палата РФ не имеет законодательных полномочий, а потому не соответствует главному критерию законодательной ветви власти.

Ряд ученых считают, что реальное положение Счетной палаты РФ и некоторых других государственных органов в системе органов государственной власти свидетельствует о необходимости выделения отдельной ветви власти – контрольно-надзорной [16, с. 101]. Между тем, полагаем, что данное предложение противоречит не только общепринятой концепции разделения государственной власти на три ветви, но и конституционно-правовым основам, принятым в современной России. Определяя правовой статус Счетной палаты РФ, можно предположить, что она является государственным органом с особым статусом и компетенцией, не относящимся ни к одной из трех ветвей власти.

Круг субъектов государственного финансового контроля не ограничивается лишь Счетной палатой РФ. На уровне субъектов РФ контрольно-финансовые функции осуществляют органы специальной компетенции регионального уровня. В соответствии с ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» [17] (далее – Закон № 6-ФЗ), контрольно-счетный орган субъекта РФ представляет собой постоянно действующий орган внешнего государственного финансового контроля, образованный законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта РФ. Следует отметить, что в названном законодательном положении не используется понятие «аудит», в отличие от Закона № 41-ФЗ. Вместе с тем, в ч. 1 ст. 9 Закона № 6-ФЗ среди полномочий контрольно-счетного органа субъекта РФ указано на проведение аудита в сфере закупок товаров, работ и услуг. В связи с этим в литературе подчеркивается, что контрольно-счетный орган субъекта РФ является субъектом, непосредственно осуществляющим государственный аудит [18, с. 219].

Место Счетной палаты РФ и контрольно-счетных органов субъектов РФ в системе государственного финансового контроля определяется как внешний финансовый контроль (ч. 2 ст. 265 БК РФ). Второй важной составляющей государственной финансовой контрольной деятельности выступает внутренний контроль. Субъектом государственного внутреннего финансового контроля в соответствии с ч. 1 ст. 157 и ст. 265 БК РФ выступает Федеральное казначейство. Федеральное казначейство входит в структуру органов исполнительной власти в качестве федеральной службы и осуществляет различные полномочия, установленные Правительством РФ [19]. Несмотря на самостоятельность компетенции Федерального казначейства, некоторые его полномочия пересекаются с функциями Счетной палаты РФ. Оба указанных органа осуществляют контроль за исполнением бюджета, а также за целевым использованием межбюджетных трансфертов. В литературе дублирование полномочий субъектов государственного финансового контроля оценивается как негативный фактор, который препятствует рациональному и экономному расходованию бюджетных средств [20, с. 254].

На основании изложенного можно констатировать, что современная система государственного финансового контроля (аудита) в целом нуждается в совершенствовании. Одним из приоритетных направлений правового регулирования отношений в сфере государственной финансово-контрольной деятельности должно стать создание

структурированной законодательной базы государственного финансового контроля. Современное законодательство содержит множество норм, посвященных финансовому контролю, которые не сформированы в единую стройную систему, чем затрудняется понимание основ государственного финансового контроля, в том числе определение круга его субъектов. Анализ действующего законодательства позволяет сделать несколько выводов: во-первых, государственный финансовый контроль понимается в узком значении как преимущественно бюджетный контроль; во-вторых, государственный финансовый контроль и государственный аудит соотносятся как целое и часть, т.к. государственный аудит является одной из форм государственного внешнего финансового контроля; в-третьих, субъектами государственного финансового контроля (аудита) выступают две основные группы уполномоченных органов государственной власти: Счетная палата РФ и контрольно-счетные органы субъектов РФ (субъекты внешнего контроля – государственного аудита); Федеральное казначейство и органы исполнительной власти субъектов РФ, осуществляющие государственный финансовый контроль (субъекты внутреннего контроля). При этом субъектами государственного финансового контроля (аудита) являются не только органы исполнительной власти, но и государственные органы, обладающие особым статусом (Счетная палата РФ и контрольно-счетные органы субъектов РФ).

Литература и источники

1. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. от 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/. (дата обращения: 20.01.2022).
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 29.11.2021 г.) // Российская газета. 1998. 12 августа.
3. Костицына В.В. Понятие, виды государственного финансового контроля // Моя профессиональная карьера. 2020. Т. 2. № 8.
4. Трибунцев Н.А. Определение и сущность понятия «государственный финансовый контроль» // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 34.
5. О Счетной палате Российской Федерации: Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ (ред. от 30.04.2021 г.) // Российская газета. 2013. 10 апреля.
6. Басангова Э.О. Государственный финансовый контроль и аудит: сравнительно-правовая характеристика // Юриспруденция, государство и право: актуальные вопросы и современные аспекты: сборник статей VI Международной научно-практической конференции. Пенза: Наука и просвещение, 2021.
7. Матвеева В.А., Розина А.А. Сравнительная характеристика понятий «государственный контроль», «государственный надзор», «государственный аудит» и «ревизия» // Теоретические и прикладные вопросы экономики, управления и образования: сборник статей Международной научно-практической конференции. Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2020.
8. Столяров Н.С. Финансовый контроль и финансовый аудит: тождество или различие? // Актуальные проблемы социально-экономического развития России. 2009. № 4.
9. Хребтова Т.П. Сущность и содержание государственного финансового аудита // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2021. № 3 (840).
10. Пономаренко К.С. Финансово-правовое регулирование системы государственного аудита (контроля) в Российской Федерации // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 1.
11. Лимская декларация руководящих принципов контроля от 1977 г. // ИПС «Гарант». – URL: <https://internet.garant.ru/#/document/2570738/paragraph/17/doclist/4768/>. (дата обращения: 21.01.2022).
12. Комарова Л.В. Социальное регулирование макролокальных геоэкономических систем: социально-философский анализ. Автореф. дисс. ... докт. филос. наук. Краснодар, 2012.
13. Шаповалов М.А., Роньжина О.В. Комментарий к Федеральному закону от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» (постатейный). М.: Гарант, 2014.
14. Усатов Д.Н. Конституционно-правовые основы деятельности государственных контрольно-счетных органов в Российской Федерации. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006.
15. О парламентском контроле: Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ (ред. от 02.07.2021 г.) // Российская газета. 2013. 14 мая.
16. Кравцова Е.А. О целесообразности выделения контрольно-надзорной ветви власти при формировании постиндустриального общества // Вестник БелЮИ МВД России. 2014. № 2-1.
17. Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 6-ФЗ (ред. от 01.07.2021 г.) // Российская газета. 2011. 11 февраля.
18. Коростелев Д.А. Конституционно-правовая модель регулирования государственного аудита в субъекте Российской Федерации // Вестник АКСОП. 2011. № 3 (18).
19. О Федеральном казначействе: Постановление Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 703 // Российская газета. 2004. 8 декабря.
20. Полтавец О.Н. Проблемы организации и осуществления финансового контроля в Российской Федерации // Молодежный научный потенциал в юриспруденции XXI века: от теории к практике: сборник статей III Всероссийской межвузовской студенческой научно-практической конференции. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2020.

References and sources

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii, prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. (s izm. ot 01.07.2020 g.) // SPS «Konsul'tantPlyus». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/. (data obrashcheniya: 20.01.2022).
2. Byudzhetyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 31 iyulya 1998 g. № 145-FZ (red. ot 29.11.2021 g.) // Rossijskaya gazeta. 1998. 12 avgusta.

3. Kosticyna V.V. Ponyatie, vidy gosudarstvennogo finansovogo kontrolya // Moya professional'naya kar'era. 2020. T. 2. № 8.
4. Tribunec N.A. Opredelenie i sushchnost' ponyatiya «gosudarstvennyj finansovyj kontrol'» // Innovacii. Nauka. Obrazovanie. 2021. № 34.
5. O Schetnoj palate Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 5 aprelya 2013 g. № 41-FZ (red. ot 30.04.2021 g.) // Rossijskaya gazeta. 2013. 10 aprelya.
6. Basangova E.O. Gosudarstvennyj finansovyj kontrol' i audit: sravnitel'no-pravovaya harakteristika // Yurisprudence, gosudarstvo i pravo: aktual'nye voprosy i sovremennye aspekty: sbornik statej VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Penza: Nauka i prosveshchenie, 2021.
7. Matveeva V.A., Rozina A.A. Sravnitel'naya harakteristika ponyatij «gosudarstvennyj kontrol'», «gosudarstvennyj nadzor», «gosudarstvennyj audit» i «reviziya» // Teoreticheskie i prikladnye voprosy ekonomiki, upravleniya i obrazovaniya: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Penza: Penzenskij gosudarstvennyj agrarnyj universitet, 2020.
8. Stolyarov N.S. Finansovyj kontrol' i finansovyj audit: tozhdestvo ili razlichie? // Aktual'nye problemy social'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii. 2009. № 4.
9. Hrebtova T.P. Sushchnost' i sodержanie gosudarstvennogo finansovogo audita // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki. 2021. № 3 (840).
10. Ponomarenko K.S. Finansovo-pravovoe regulirovanie sistemy gosudarstvennogo audita (kontrolya) v Rossijskoj Federacii // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. 2016. № 1.
11. Limsкая декларация руководящих принципов контроlya ot 1977 g. // IPS «Garant». – URL: <https://internet.garant.ru/#/document/2570738/paragraph/17/doclist/4768/>. (data obrashcheniya: 21.01.2022).
12. Komarova L.V. Social'noe regulirovanie makrolokal'nyh geoekonomicheskikh sistem: social'no-filosofskij analiz. Avtoref. diss. ... dokt. filos. nauk. Krasnodar, 2012.
13. SHapovalov M.A., Ron'zhina O.V. Kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 5 aprelya 2013 g. № 41-FZ «O Schetnoj palate Rossijskoj Federacii» (postatejnyj). M.: Garant, 2014.
14. Usatov D.N. Konstitucionno-pravovye osnovy deyatel'nosti gosudarstvennyh kontrol'no-schetnyh organov v Rossijskoj Federacii. Avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk. CHelyabinsk, 2006.
15. O parlamentskom kontrole: Federal'nyj zakon ot 7 maya 2013 g. № 77-FZ (red. ot 02.07.2021 g.) // Rossijskaya gazeta. 2013. 14 maya.
16. Kravcova E.A. O celesoobraznosti vydeleniya kontrol'no-nadzornoj vetvi vlasti pri formirovanii postindustrial'nogo obshchestva // Vestnik BelYUI MVD Rossii. 2014. № 2-1.
17. Ob obshchih principah organizacii i deyatel'nosti kontrol'no-schetnyh organov sub"ektov Rossijskoj Federacii i municipal'nyh obrazovaniy: Federal'nyj zakon ot 7 fevralya 2011 g. № 6-FZ (red. ot 01.07.2021 g.) // Rossijskaya gazeta. 2011. 11 fevralya.
18. Korostelev D.A. Konstitucionno-pravovaya model' regulirovaniya gosudarstvennogo audita v sub"ekte Rossijskoj Federacii // Vestnik AKSOR. 2011. № 3 (18).
19. O Federal'nom kaznachestve: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 1 dekabrya 2004 g. № 703 // Rossijskaya gazeta. 2004. 8 dekabrya.
20. Poltavec O.N. Problemy organizacii i osushchestvleniya finansovogo kontrolya v Rossijskoj Federacii // Molodezhnyj nauchnyj potencial v yurisprudence XXI veka: ot teorii k praktike: sbornik statej III Vserossijskoj mezhdvuzovskoj studencheskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. M.: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 2020.

ФАРИКОВА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА - кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права СКФ ФГБОУВО «РГУП», г. Краснодар. (farikova.ekaterina@yandex.ru)

FARIKOVA, EKATERINA A. – Ph.D. in Law, Associate Professor of Administrative and Financial Law of the NCB «RSUJ», Krasnodar. (farikova.ekaterina@yandex.ru)

УДК 347.27

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-1-163-166

КУКАРСКАЯ К.В.

ОТКРЫТИЕ ЭСКРОУ СЧЕТА, КАК ГАРАНТИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ЗАСТРОЙЩИКОМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПЕРЕД УЧАСТНИКОМ ДОЛЕВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Ключевые слова: эскроу-счет, бенефициар, депонент, эскроу-агент, ипотечный кредит.

В статье рассмотрены вопросы защиты прав участника долевого строительства перед застройщиком с введением в законодательство эскроу счетов. Методология исследования – диалектический метод, логический метод, системный метод. Показано, что договор счета-эскроу является разновидностью договора банковского счета, что отражается в пункте 4 статьи 860.7 Гражданского кодекса Российской Федерации. Сторонами договора выступают: депонент (покупатель), бенефициар (продавец, застройщик) и эскроу-агент (банк). Поскольку договор является трехсторонним, он подписывается всеми сторонами, а изменения договора происходят по общему правилу на основании соглашения всех сторон. Для того, чтобы минимизировать расходы депонента, который приобретает жилье на кредитные средства, автор предлагает начислять проценты на денежные средства покупателя-заемщика до ввода объекта в эксплуатацию и регистрации права собственности, а после эти денежные средства направить на погашение ипотеки.

KUKARSKAYA, K.V.

OPENING AN ESCROW ACCOUNT AS A GUARANTEE OF FULFILLMENT BY THE DEVELOPER OF OBLIGATIONS TO THE PARTICIPANT OF SHARED CONSTRUCTION

Keywords: escrow account, beneficiary, depositor, escrow agent, mortgage loan.

The article deals with the protection of the rights of a participant in shared construction before the developer with the introduction of escrow accounts into the legislation. Research methodology - dialectical method, logical method, system method. It is shown that the escrow account agreement is a type of bank account agreement, which is reflected in paragraph 4 of Article 860.7 of the Civil Code of the Russian Federation. The parties to the agreement are: the depositor (buyer), the beneficiary (seller, developer) and the escrow agent (bank). Since the contract is tripartite, it is signed by all parties, and changes to the contract occur as a general rule based on the agreement of all parties. In order to minimize the expenses of a depositor who purchases housing with credit funds, the author proposes to accrue interest on the funds of the buyer-borrower before putting the facility into operation and registering ownership, and then use this money to pay off the mortgage.

В целях гарантии исполнения обязательств застройщика перед участниками долевого строительства в Федеральный закон от 27.06.2019 № 151-ФЗ введена статья о счетах-эскроу.

Договор счета-эскроу является разновидностью договора банковского счета, что отражается в пункте 4 статьи 860.7 Гражданского кодекса Российской Федерации. Сторонами договора выступают: депонент (покупатель), бенефициар (продавец, застройщик) и эскроу-агент (банк). Эскроу-агент является стороной, которая не имеет предвзятого отношения ни к депоненту, ни к бенефициару [1, с. 135; 2, с. 11]. Но для сторон эскроу-агент в лице банка становится гарантом, проводящим правовую экспертизу и отвечающим за качество исполнения обязательств сторон [3]. При этом договор является трехсторонним и соответственно подписывается всеми сторонами. Изменения договора происходят по общему правилу на основании соглашения всех сторон. Специфика расторжения договора счета эскроу регулируется статьей 860.10 ГК РФ [4, с. 572].

Попробуем разобрать ипотечную сделку, связанную с покупкой недвижимости с помощью эскроу-счетов.

На первичном рынке покупки недвижимости, при заключении договора долевого участия, покупатель начинает свой алгоритм действий с выбора квартиры и подписания договора с застройщиком. Одним из существенных условий данного вида договора, с учетом внесенных изменений в законодательство, является условие проведение расчетов через эскроу-счет. Покупатель подает заявку для получения кредита, и если заявка будет одобрена, то заключается кредитный договор. Далее открывается эскроу-счет для размещения первоначального взноса и кредитных средств. Но счет будет открыт только после регистрации ипотеки в силу закона в государственном органе. Когда застройщик завершит строительство, и получит все необходимые документы, а именно: технический и кадастровые паспорта, разрешение на ввод объекта в эксплуатацию, то после этого он подписывает с покупателями акты приема-передачи. Получив документы от застройщика, покупатель регистрирует право собственности, после чего застройщик передает документы в банк, и когда документы проверены, банк перечисляет денежные средства на счет застройщика.

Схема приобретения квартиры на вторичном рынке с использованием кредитных средств немного проще, так как исключается застройщик. Покупатель подает заявку в банк для получения кредита. Банк со своей стороны проверяет все стороны сделки: потенциального заемщика, продавца, и только после этого принимает решение о предоставлении кредита. Для получения продавцом денежных средств согласно договору купли-продажи необходимо представить в банк документы, подтверждающие прошедшую регистрацию права собственности покупателя.

В чем же заключаются плюсы использования эскроу-счетов, с чем связана необходимость на законодательном уровне вводить обязательным использование эскроу-счетов?

В первую очередь это вызвано необходимостью защитить интересы депонента, так как практика показывает печальную историю, когда покупатели, особенно дольщики, остаются без денежных средств и жилья. А так они получают гарантию, что средства находятся на счету, доступ к которому застройщик (бенефициар) получает только после регистрации права собственности покупателя (депонента). Для эскроу-агента установлен запрет на перечисление денежных средств третьим лицам, только депоненту или бенефициару. В законодательство вводится статья о возмещении по счету эскроу до 10 миллионов рублей по договорам долевого участия. При отзыве лицензии у банка страховая возмещает денежные средства, но тоже до 10 миллионов.

Повысились требования к банкам. Открывать эскроу-счета могут не все кредитные организации, а только те, которые соответствуют определенным критериям [5]. Банки должны соответствовать критериям, установленными Постановлением Правительства от 18.06.2018 № 697 [6]. Открытие эскроу-счета для получения ипотечного кредита происходит бесплатно. Ранее заключали договор аренды банковской ячейки или открывали аккредитив, что является более затратным. Но в случае отзыва лицензии, если деньги находятся в банковской ячейке, возвращается вся сумма, в отличие от других способов расчета.

Ряд ученых придерживается мнения, что такой договор счета эскроу является перспективным способом исполнения обязательств в данных правовых отношениях, и повышает ответственность сторон, дисциплинируя и депонента, и бенефициара. Застройщик фактически теряет самостоятельность и ведет отчетную деятельность перед эскроу-агентом [7].

Ранее в России были испробованы и страхование гражданской ответственности застройщика, и специально-правовой Фонд защиты прав граждан – участников долевого строительства, но обманутых дольщиков не становилось меньше.

Для многих граждан введение эскроу-счетов является перспективой в будущее, так как опыт не накоплен, судебная практика формируется, и однозначный вывод можно сделать только спустя время.

Но, как и любая система, все имеет недостатки или не решенные вопросы.

Скорее всего данный механизм приведет к повышению цен на жилье, так как застройщик не будет иметь дополнительного финансирования для строительства, и ему нужно будет иметь свои средства или брать кредитные, что существенно поднимет цены. Более того снизится конкуренция у застройщиков, некрупные компании вынуждены будут уйти с рынка или присоединится к более крупным. Снижение количества новостроек, снизит количество объектов недвижимости для ипотечного кредитования, что способствует повышению цен на рынке недвижимости.

Ограничен круг выбора банков, так как для кредитных организаций предъявляются требования о соответствии определенным критериям. Если застройщик берет кредит у банка, то банк может обязать брать ипотечный кредит по договорам долевого строительства только у него, и банков-партнеров, что ограничит круг выбора банков для заемщика, и соответственно возможность выбора лучших условий для себя.

Более того у банка, как у эскроу-агента, появляется необходимость проводить экспертизу документов застройщика и анализировать финансовые риски в строительной сфере.

Но как верно отмечают Васькин В.В., Матвеев А.Г., на данный момент в современном мире банкам отведена ведущая роль во внедрении гражданско-правовых механизмов, позволяющих безопасно проводить сделки, и обеспечивать интересы всех сторон сделки при купле-продаже недвижимости.

Согласно действующему законодательству, проценты по эскроу счетам не начисляются. Денежные средства получается просто хранятся на эскроу-счете, никто ими не может пользоваться – ни застройщик, ни дольщик, ни банк.

Подведем итог, основных моментов, связанных с нововведением в законодательстве, которые могут возникнуть на практике:

- цена на недвижимость увеличится;
- выбор банков ограничен, что связано с повышенными требованиями предъявляемым к банкам, которые имеют право открывать эскроу-счета;
- число застройщиков сокращается, что обусловлено тем, что застройщик должен строить на свои денежные средства или брать кредитные, плюс к застройщикам тоже предъявляются определенные требования, такие как опыт ввода объектов в эксплуатацию не менее 10 тысяч кв. м., не менее 20% собственных средств и др.;
- размещенные средства на эскроу-счете застрахованы на сумму до 10 миллионов, что гарантирует возврат суммы участника долевого строительства в этих пределах;
- депонент, который приобретает жилое помещение с использованием кредитных средств, в случае банкротства застройщика или расторжения договора долевого участия в строительстве по причинам, указанным в законе, возвращает только сумму с эскроу-счета, а кредит, который ему был предоставлен для покупки недвижимости должен быть возвращен им в полном объеме вместе с процентами, что накладывает дополнительные расходы на депонента-заемщика. В итоге, депонент не приобретает квартиру, а расходы несет.

По вышеизложенным вопросам, связанными с положительными и отрицательными сторонами введения эскроу-счетов, большинство юристов такие как Катвицкая М.Ю., Хамов А.Ю. и др., сходятся во мнении по ключевым моментам.

Хлебников П. добавляет, что существуют такие недостатки, как отсутствие возможности открыть совместный эскроу-счет, нет возможности перенаправить деньги с эскроу-счетов на покупку другого жилья, если деятельность застройщика приостановят.

На наш взгляд, чтобы минимизировать расходы депонента, который приобретает жилье на кредитные средства, возможно было бы начислять проценты на денежные средства покупателя-заемщика до ввода объекта в эксплуатацию и регистрации права собственности, а после эти денежные средства направить на погашение ипотеки в силу закона. Или, как вариант, если застройщик строит с кредитными средствами, то полученные проценты с эскроу-счета направить

на погашение его ипотеки, что позволит ему снизить расходы и не увеличить стоимость жилья для депонентов.

Таким образом, представляется возможным сделать вывод, что существующая система не совершенна. И для бенефициара, и для депонента в ней есть свои нюансы. Единственный участник этих правоотношений, для которого все складывается без рисков, - это эскроу-агент.

Литература и источники

1. Новикова Н.А. Перспективы эскроу-счетов в российском законодательстве // Научный диалог. 2013. № 7(19).
2. Коневина Ю.Л. юридическая конструкция условного депонирования (эскроу) // Вопросы экономики и права. 2013. №8.
3. Хлебников П. Эскроу. Реформа строительства и ипотеки // Жилищное право. 2019. № 7. С. 87-96.
4. Байбак В.В., Иванов О.М., Карпетов А.Г. и др. Заем, кредит, факторинг, вклад и счет: постатейный комментарий к статьям 807-860.15 Гражданского кодекса Российской Федерации // отв. ред. А.Г. Карпетов. М.: М-Логос, 2019.
5. Катвицкая М.Ю. Новые правила для застройщиков и покупателей: эскроу-счет в долевом строительстве // Право и экономика. 2019. №5. С. 58-62.
6. СЗ РФ. 2018. № 27. Ст. 4066; 2019. № 1. Ст. 52.
7. Хлапова Е.С. Применение эскроу-счета в долевом строительстве // Актуальные вопросы развития юридической науки и практики в современных условиях: Материалы международной научно-практической конференции (г. Новосибирск, 5-7 апреля 2017 г.): Сб. науч. Ст. / Под ред. М.Н. Рахваловой. Новосибирск: НГТУ, 2017. С. 453-455.

References and Sources

1. Novikova N.A. Perspektivy eskrou-schetov v rossijskom zakonodatel'stve // Nauchnyj dialog. 2013. № 7(19).
2. Konevina Yu.L. yuridicheskaya konstrukciya uslovnogo deponirovaniya (eskrou) // Voprosy ekonomiki i prava. 2013. №8.
3. Hlebnikov P. Eskrou. Reforma stroitel'stva i ipoteki // Zhilishchnoe pravo. 2019. № 7. S. 87-96.
4. Bajbak V.V., Ivanov O.M., Karpetov A.G. i dr. Zaem, kredit, faktoring, vklad i schet: postatejnyj kommentarij k stat'yam 807-860.15 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii // otv. red. A.G. Karpetov. M.: M-Logos, 2019.
5. Katvickaya M.Yu. Novye pravila dlya zastroyshchikov i pokupatelej: eskrou-schet v dolevom stroitel'stve // Pravo i ekonomika. 2019. №5. S. 58-62.
6. SZ RF. 2018. № 27. St. 4066; 2019. № 1. St. 52.
7. Hlapova E.S. Primenenie eskrou-scheta v dolevom stroitel'stve // Aktual'nye voprosy razvitiya yuridicheskoy nauki i praktiki v sovremennyh usloviyah: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Novosibirsk, 5-7 aprelya 2017 g.): Sb. nauch. St. / Pod red. M.N. Rahvalovoj. Novosibirsk: NGTU, 2017. S. 453-455.

КУКАРСКАЯ КСЕНИЯ ВЛАДИМИРОВНА, аспирант, Российский государственный социальный университет (РГСУ).
KUKARSKAYA, KSENIA V. - Ph.D. student, Russian State Social University (kukarskaya@mail.ru).

УДК 347.77

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-1-166-172

ШЕРЕМЕТЬЕВА Н.В., ГОМЗЯКОВА Е.М.

**НАИМЕНОВАНИЕ МЕСТА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ТОВАРОВ ИЛИ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ
УКАЗАНИЕ?**

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, исключительное право, средства индивидуализации, указания происхождения товаров, наименования мест происхождения товаров, географический объект, географические указания.

Отношения в сфере интеллектуальной собственности регулируются гражданским законодательством. В статье рассматривается специфика правового регулирования таких объектов интеллектуальной собственности как наименование места происхождения товаров и географического указания, Предпринята попытка определить целесообразность законодательного расширения средств индивидуализации. Рассмотрены подходы правоведов к сопоставлению таких объектов интеллектуальной собственности как наименование места происхождения товаров и нового для российского законодательства объекта - географического указания. Обоснован вывод о том, что с появлением в отечественном законодательстве понятия «географическое указание», была оформлена более простая процедура получения исключительных прав на географическое указание, что стимулирует производителя. Внесение в гражданское законодательство России нормы о географическом указании устранило ряд бюрократических барьеров.

SHEREMETYEVA, N.V., GOMZYAKOVA, E.M.
DESIGNATION OF ORIGIN OF GOODS OR GEOGRAPHICAL INDICATION?

Key words: intellectual property, exclusive right, means of individualization, indications of goods origin, appellation of origin, geographical object, geographical indication.

Relations in the field of intellectual property are regulated by civil law. The article discusses the specifics of the legal regulation of such objects of intellectual property as the name of the place of origin of goods and geographical indications. An attempt is made to determine the feasibility of legislative expansion of means of individualization. The approaches of lawyers to the comparison of such objects of intellectual property as the name of the place of origin of goods and a new object for Russian legislation - a geographical indication are considered. The conclusion is substantiated that with the appearance in the domestic legislation of the concept of "geographical indication", a simpler procedure for obtaining exclusive rights to a geographical indication was formalized, which stimulates the manufacturer. The introduction of the norm on geographical indication into the civil legislation of Russia eliminated a number of bureaucratic barriers.

В современном обществе наименования места происхождения товаров (НМПТ) и географические указания (ГУ) следует считать специфическими характеристиками товаров, привязанными особым образом к региональной географической среде. Указанное обстоятельство активно используется местными экономиксами в качестве эффективного инструмента для получения конкурентного преимущества и увеличения сбыта производимой в данной местности

продукции. Повышение спроса на региональный продукт повышает престиж производителей данной местности, развивает национальные экономики за счет экспорта продукции, отличающейся в лучшую сторону из-за особых свойств, связанных с производством именно в данном регионе. Указанные свойства являются своего рода гарантией качества, которого невозможно достичь в другом регионе. ГУ и НМПТ являются механизмом защиты правообладателей. Указанные объекты интеллектуальной собственности (ИС) юридически фиксируют связь товара, обладающего особыми свойствами, с территорией географического объекта, чем обеспечивают его узнаваемость и, как следствие, способствуют поддержке отечественных производителей, развитию производства и туризма, созданию новых рабочих мест [1, с. 4].

Средства индивидуализации способствуют развитию конкуренции на рынках товаров и услуг, защищают потребителей от введения в заблуждение в отношении продукции или производителя, а также служат эффективным механизмом стимулятором торговых отношений.

В России в настоящее время значительное внимание уделяется «региональным брендам», к которым следует относить и средства индивидуализации (СИ). Как отмечает В. Каменева рыночные преобразования, происходящие в РФ в последние десятилетия, создают объективные предпосылки для реформ правового регулирования в сфере использования и охраны результатов интеллектуальной деятельности [2, с. 59]. Правовая охрана ИС, наряду с различными видами творчества, каждому гражданину гарантируется статьей 44 Конституции РФ [3].

До последнего времени отечественное гражданское законодательство не регламентировало правовой режим ГУ, в отличие от многих зарубежных стран, имеющих продолжительную историю правовой охраны указанного объекта. В настоящее время в Гражданском Кодексе РФ (ГК РФ) отсутствует однозначное определение интеллектуальной собственности. Вплоть до 2019 года ГК РФ содержал перечень охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (ИД) и приравненных к ним СИ (статья 1225). Правовым регулированием охватывалось НМПТ, правовая охрана которых была впервые введена в 1992 году [4].

П.В. Каменева отмечает, что российское законодательство признавало лишь один объект ИС - продукцию, происходящую с определенной территории НМПТ. С внесением изменений в статьи 1 и 231 Федерального закона от 22.11.1995 № 171-ФЗ [5] и вступлением их в силу с 27 июля 2020 г. географические указания обрели легитимный статус.

Следует отметить неоднозначное отношение российских правоведов к новому институту. В данной работе предпринята попытка рассмотреть основные позиции исследователей в отношении географического указания и наименования места происхождения товара.

При создании данной статьи применялись сравнительно-правовой, логический методы научного познания, а также методы анализа, синтеза и формализации, позволившие достаточно всесторонне исследовать объективные факторы внедрения института правовой охраны географического указания, охарактеризовать степень его эффективности и экономической целесообразности в сопоставлении с наименованиями мест происхождения товаров.

Обращаясь к истории происхождения термина можно обнаружить, что впервые понятие «географическое указание» был предложен Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС) в 70-х годах XX века при разработке международного договора. По замыслу авторов он должен был охватить все обозначения, указывающие на место географического происхождения товара. Предметом разрабатываемого договора должны были стать обозначения, индивидуализирующие товары, произведенные в определенном регионе и специфически связанные с ним своими качествами и свойствами. При этом обозначения, независимо от свойств товара должны были указывать на место происхождения. Ввиду широкого толкования термин ГУ не получил легального распространения. Договор также не был принят из-за отсутствия четких критериев охраноспособности географических указаний [1, с. 50].

В сравнении с такими средствами индивидуализации, как фирменное наименование или товарный знак географическое указание обладает более давней историей. Правовая охрана мест происхождения товара начала осуществляться с 1891 года Мадридским Соглашением. Указанный акт обеспечивал защиту странам-участницам знаков для товаров и услуг, зарегистрированных в стране происхождения. В 1925 году, в Гааге в тексте появились понятия «указание происхождения» и «наименование мест происхождения», включающие в себя свойства

специфические товара, связанные с происхождением. Позднее, в 1958 году под эгидой ВОИС Лиссабонским соглашением было введено понятие страны происхождения, как страны с территорией, составившей «наименование места происхождения, которое дало изделию его репутацию». Соглашение закрыло правовой пробел для попыток применения синонимичных понятий («вид», «марка», «тип» и др.) при указании места происхождения и позволило осуществлять его международную регистрацию в упрощенном порядке [6, с. 89].

Правовая охрана географического указания на региональном уровне появилась в рамках Европейского Союза (ЕС) в 1992 году [7] в 2020 году в ГК РФ появился новый объект охраны средств индивидуализации - географическое указание. Указанный объект идентифицирует происхождение товара на определенной территории в форме хотя бы одной из стадий производства, его характеристики определяются особенностями региона. К характеристикам следует относить особенности товара, а также его связанную с географическим регионом репутацию в глазах потребителей [8, ст. 1516].

На бытовом уровне за географическое указание принимают обозначение на товарах, произведенных в какой-либо географической местности и обладающих специфичными свойствами или репутацией, характерными для данного региона. Обычно ГУ используются для сельхозпродукции, вин, ремесленных поделок.

Действующая редакция ст. 1516 ГК РФ определяет ГУ как: «обозначение, которое идентифицирует происходящий с территории географического объекта товар ...». Согласно ст. 1516 ГК РФ правовая охрана предоставляется ГУ, которое: идентифицирует происхождение товара с определенным регионом; увязывает характеристики товара географической местностью, на которых реализуется минимум одна стадия производства; данная стадия является существенной при образовании свойств изделия. Характеристики производимого товара должны быть определенным образом связаны с его географическим происхождением. На упоминаемой территории должна осуществляться одна из существенных, формирующих свойства товара, стадий производства. ГУ выражается только в словесной форме и обладать различительным характером, в случае утраты которого оно может трансформироваться в родовое понятие. Э. А. Шахназарова иллюстрирует такую трансформацию на примере обозначений «Champagne» и «Chablis». В стране происхождения они рассматриваются как ГУ для товаров из провинции Шампань и винодельческого региона Шабли. В других странах указанные обозначения признаются родовыми понятиями и используются для товаров, не связанных с вышеупомянутыми французскими территориями. Согласно международному Соглашению ТРИПС что географические указания, ставшие родовым понятием, правовой охране не подлежат. Например, ГУ, являющееся историческим названием вина и созвучное сорту винограда, произрастающего на территории другой страны – участницы Соглашения ТРИПС, также не подпадает под охрану, Примером такого родового названия может служить название вина «бордо», производимого из калифорнийского винограда [1, с. 51].

Для получения правовой охраны ГУ необходима государственная регистрация, которую осуществляют физические лица, юридические лица, ассоциации или объединения в соответствии с законодательством, действующим в стране происхождения товара. После получения соответствующего свидетельства правообладатель использует ГУ в своей деятельности любым законным способом. Лица, не зарегистрировавшие географическое указание, не имеют права его использования, даже если товар был произведен при остальных равных условиях. Использование синонимичных фраз, таких как «род», «тип», «подобный» и др. способны ввести потребителя в заблуждение и являются незаконными. Такими же являются сходные обозначения, например, одинаковые по звучанию, но различные по написанию омофоны. Обозначенные сходным до степени смешения товары являются контрафактными. После регистрации ГУ предприниматель получает возможность распоряжаться исключительными правами на ГУ: отчуждение, предоставление или переход к другим лицам. Наличие на этикетке словесного обозначения «зарегистрированное географическое указание» или «зарегистрированное ГУ» свидетельствует о правовой охране ГУ, действительной в течение 10 лет с момента подачи заявки на регистрацию географического указания в ФОИВ. Срок действия свидетельства может продлеваться правообладателем каждые 10 лет, при условии, что он производит товар с соответствующими ГУ

характеристиками. Для этого необходимо подать заявление в ФОИВ и документально подтвердить качество производимого товара. Количество продлений законом не ограничено [2, с. 60].

Помимо сложностей с дифференциацией ГУ от родового понятия, существует проблема с различением географического указания и наименования места происхождения товара. М.В. Лабзин отмечает, что указанные объекты легко спутать друг с другом. НМПТ «Нарзан» означает, что все стадии производства находятся в регионе, на территории которого существует источник с одноименным названием, аналогично НМПТ «Вологодское масло» указывает на местность, на которой продукт полностью производится. Для географического указания похожих товаров согласно п. 1 ст. 1516 ГК РФ достаточно на данной территории осуществлять лишь одну стадию [9]. Правовед прогнозирует уход производителей от регистрации НМПТ к ГУ по причине более простой процедуры регистрации для последнего объекта ИС.

А.П. Рабец выделяет основные особенности географических указаний. Рассматривая НМПТ как частный случай географического указания, она отмечает, что наименование места применяется для обозначения товара со специфическими характеристиками, зависящими от характерных для данного региона природных или социальных параметров. В большинстве случаев определяющим фактором для качества или специфики товара является именно географическая среда, реже - человеческий фактор (ЧФ). Наименование места происхождения товара предполагает, что на территории географического объекта реализуются все без исключения стадии производства [8, ст. 1516], начиная с поставки сырья и его переработки, заканчивая выпуском товара. Таким образом, закон предусматривает максимально прочную связь товара с географической местностью. Отдельной особенностью НМПТ является то, что оно всегда выражается в словесной форме.

Особенностями географического указания по мнению А.П. Рабец являются: наличие связи с местом происхождения в виде репутации, качества или иной характеристики. Связь с географической местностью менее прочная - достаточна реализации в регионе одного из этапов производства, при условии, что он оказывает определяющее влияние на формирование характеристик товара [8, ст. 1516]. Сравнивая вышеприведенные требования к швейцарским часам, для регистрации ГУ достаточно одного производства большинства компонентов на географической территории (фактор качества) или сборки и контроля (фактор репутации). Внешней отличительной особенностью ГУ является то, что оно может быть выражено как в словесной, так и графической и иной форме. НМПТ, так и ГУ обладают близкими по составу и правовой природе, соответственно, функциями и обозначениями и принадлежат к средствам, свидетельствующим о происхождении изделий в определенном географическом регионе. Анализируя понятия «географические указания» и «наименование места происхождения товара» А.П. Рабец делает вывод, что они соотносятся как род и вид должны именоваться как квалифицированные средства индивидуализации.

М.В. Савельева считает, что введение в 2020 году в ГК РФ института географического указания позволяет различать средства индивидуализации ИС, связанные с указанием места происхождения. К специфическим особенностям НМПТ она относит участие при создании продукции товара человеческого фактора, а также осуществление всех стадий производства в пределах определенной географической территории [6, с. 90].

В.И. Еременко отмечает, что, начиная с 1992 года по 2021 год, в России было зарегистрировано 236 НМПТ. На основании указанных данных ряд правоведов делают вывод, что система охраны НМПТ в России «потерпела крах». В. И. Еременко полагает, что указанный вывод не учитывает специфику НМПТ, рассматривающего объект ИС как уникальный штучный продукт. При этом отмечается, что, несмотря на более упрощенную регистрацию ГУ значительного разрыва по количеству зарегистрированных географических указаний и наименований мест производства товара не наблюдается. Так, по данным ВОИС в 2018 году было зарегистрировано ГУ: Канада – 835; США – 779; Турция – 398; Иран – 385; Индия – 330; Аргентина – 108; Япония – 90; Бразилия – 68; Казахстан – 47 [10, с. 77].

По мнению М.В. Лабзина ГУ – является «недоНМПТ», поскольку географическое происхождение влияет на особые свойства товара могут лишь в какой-то значительной степени, а не исключительно, как это определяется наименованием места происхождения товара. Отдельные случаи ГУ могут в достаточной степени соответствовать НМПТ. Он приводит пример с

производством швейцарских часов, которые согласно европейским требованиям могут считаться таковыми при одновременном выполнении ряда условий: разработка, сборка товара осуществляется в Швейцарии; на компоненты местного производства приходится не менее 50% общей стоимости; не менее 60% стоимости часов добавлено в Швейцарии; и окончательный контроль его качества выполнен в указанной стране [9].

А.Н. Климова отмечает, отсутствие института ГУ создавало значительные проблемы международной правовой охраны как географического указания, так и наименования места происхождения товара. С появлением в отечественном правовом поле ГУ у производителей появилась возможность более либеральной регистрации своих товаров. По данным Роспатента количество заявок на государственную регистрацию НМПТ в 2019 году составило 100, в то время как заявок на регистрацию товарных знаков 66707 [11, с. 65].

М.А. Салтыков в своей работе [12, с. 22] делится размышлениями о неоднозначности правовой природы НМПТ и дополнении КГ РФ понятием географическое указание. При исследовании указанных обозначений он обращается к таким документам как Лиссабонское соглашение, ТРИПС и ГК РФ. Анализ определений НМПТ и ГУ, приведенный в вышеуказанных документах, по мнению М.А. Салтыкова, позволяет утверждать, что указание на географический объект является более широким понятием, чем на его наименование. Для примера приводится ссылка на «любой автомобиль/легковой автомобиль» [12, с. 22]. Рассматривая НМПТ как частный случай географического указания, как видовое соотношение по содержанию обозначений, он критически относится к введению в ГК РФ последнего понятия, аргументируя свои доводы тем, что статья 1516 ГК РФ в совокупности уже регулировала ГУ.

В.И. Еременко полагает позицию М.А. Салтыкова несостоятельной, а равнозначность понятий ГУ и НМПТ преувеличенной. Существуют принципиальные различия: первое подтверждает лишь связанные с местом происхождения товара репутацию и качество, тогда как второе описывает уникальность товара, произведенного на указанной географической территории. В переводе правовых терминов на более понятный бытовой уровень В.И. Еременко соотносит НМПТ и ГУ как высокую моду с добротным ширпотребом [10, с. 79]. Включение же географического указания в ГК РФ он рассматривает как расширения понятия НМПТ.

А.Н. Климова рассматривает включение географического указания в правовое поле РФ с положительной стороны. До введения института географического указания регистрация НМПТ сопровождалась для граждан и организаций рядом сложных бюрократических процедур. Так, в обязательном порядке в заявке должен быть представлен такой документ, как заключение уполномоченного федерального органа исполнительной власти (ФОИВ), удостоверяющее особые свойства товара. С отменой указанного пункта, связанного со сложностью получения предпринимателями такого документа, процедура регистрации ГУ значительно упростилась. Ожидается, что новелла расширит возможности товаропроизводителей при получении правовой охраны в виде географического указания [11, с. 66].

Отмечается также тот факт, что до введения географических указаний существовали проблемы проблема международной правовой охраны ГУ и НМПТ. Международная регистрация вышеуказанных объектов СИ регулируется рядом международных соглашений, участником которых РФ не является. Барьером для участия в соглашениях служило отсутствие правового регулирования ГУ в российском законодательстве. С включением объекта в правовое отечественное поле данный барьер устраняется и позволяет РФ в перспективе присоединиться к международным актам.

А.П. Рабец полагает включение законодателем ГУ в группу средств индивидуализации своевременным и обоснованным, поскольку ГУ, как и другие обозначения товаров, должны быть «истинными и не вводить в заблуждение потребителей» [4, с. 148]. При этом средства индивидуализации должны максимально соответствовать значению, установленному в ГК РФ. Отечественная судебная практика содержит примеры попыток зарегистрировать местом происхождения товара «Российскую Федерацию», что Верховным Судом РФ было признано неправомерным [13]. Практическое значение новеллы может заключаться в том, законом предусматривается взаимопреобразование НМПТ в ГУ, равно как и заявок на указанные понятия [5, ст. 1522.1].

Т.С. Яценко отмечает, что на еще стадии разработки законопроекта реакция российского юридического сообщества на появление в законодательстве нового объекта охраны ИС была неоднозначной. ГК РФ имел к тому времени регулятор правовой охраны средств индивидуализации в виде НМПП [14, с. 38]. Кроме того, в действующем ФЗ от 26.07.2006 № 135-ФЗ содержался ряд положений, запрещающих недобросовестную конкуренцию, связанную с интеллектуальной деятельностью. Тем не менее, закон [5] в 2020 вступил в силу и ГУ обрели официальный статус. В новой редакции ГК РФ правообладатель ГУ не является монополистом. Т.С. Яценко считает этот момент положительным, т.к. он предоставляет другим предпринимателям в законном порядке обладать исключительным правом и при этом производить товары с географическим указанием 8, ст. 1518]. В своем исследовании [14, с. 33] она приводит факты: охрана ГУ регулируется в мире законодательствами 122 стран. Социологические опросы показали, в условиях развития генномодифицированной продукции все больше потребителей готовы платить за гарантию на товар, произведенный по традиционным технологиям. Усматривая в модификации продукта риск для собственного здоровья, потребитель в денежном эквиваленте готов платить за репутацию. Особенно данный фактор проявляется в экономиках с развитой туристической отраслью. В странах, богатых экологическими и генетическими ресурсами (природными, климатическими, человеческими) охрана ГУ позволяет извлекать из них реальную прибыль [14, с. 33].

Таким образом, понятие географическое указание, как новый объект охраны средств индивидуализации, появился в результате активного обсуждения вопроса российским правовым сообществом. Международный опыт правовой охраны ГУ показал коммерческую полезность указанного объекта. С появлением ГУ в отечественном законодательстве упрощается процедура получения исключительных прав на географическое указание, что стимулирует производителя. Внесение в гражданское законодательство РФ нормы о географическом указании устраняет ряд бюрократических барьеров, препятствующих участию нашей страны в Женевском акте Лиссабонского соглашения и не позволяющих в должной мере обеспечивать правовую охрану средств индивидуализации на международном уровне [15].

Литература и источники

1. Шахназарова Э.А. Охрана средств индивидуализации, содержащих указание на географическое происхождение товаров, в международном частном праве. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2019.
2. Каменева П.В. Географическое указание - новый объект интеллектуальной собственности // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2020. № 2(32). С. 59-62.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
4. Рабец А.П. О некоторых аспектах правовой охраны географических указаний в качестве новых объектов интеллектуальных прав // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. Т. 21. № 2. С. 140-151.
5. О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 1 и 23.1 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции»: Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 230-ФЗ (последняя редакция)[Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_330028/.
6. Савельева М.В. Правовое регулирование нового объекта интеллектуальной собственности - «географическое указание» // Современные тенденции развития частного права, исполнительного производства и способов юридической защиты: Материалы VI всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 27 ноября 2020 года. СПб.: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2020. С. 88-91.
7. Об охране географических указаний и наименований местных сельскохозяйственных продуктов и продовольственных товаров: Постановление Совета ЕЭС № 2081/92 от 14.07.1992 г. [Электронный ресурс]// WIPO IP Portal. – Режим доступа: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/1412>.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 11.06.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022)[Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/.
9. На страже виски и сыра: зачем нужно географическое указание [Электронный ресурс]//Портал Право.Ru.– Режим доступа: <https://pravo.ru/story/224417/>.
10. Еременко В.И. О введении правовой охраны географического указания // Государство и право. 2021. № 1. С. 72-80.
11. Климова А.Н. Наименование места происхождения товара и географическое указание: актуальные вопросы гражданско-правового регулирования// Всероссийская науч.-практич. конференция на тему: Современные тенденции развития гражданского законодательства и цивилистического процесса. Казань, 2021. С. 63-67.
12. Салтыков М.А. Правовая охрана географического указания в рамках пункта 1 статьи 1516 ГК РФ // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2016. № 7. С. 17-22.
13. Определение Верховного Суда РФ от 22 апреля 2016 г. № 304-КГ15- 17805 по делу № А03-24423/2014[Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: по подписке.

14. Яценко Т.С. Трудности правовой охраны российских географических указаний за рубежом // *Хозяйство и право*. 2019. № 10(513). С. 32-40.
15. Шереметьева Н.В. Актуальные вопросы правовой охраны географического указания // *Балтийский гуманитарный журнал*. 2020. Т. 9. № 4(33). С. 372-374.

References and Sources

1. Shahnazarova E.A. Ohrana sredstv individualizacii, soderzhashchih ukazanie na geograficheskoe proiskhozhdenie tovarov, v mezhdunarodnom chastnom prave. Diss. ... kand. ist. nauk. M., 2019.
2. Kameneva P.V. Geograficheskoe ukazanie - novyj ob'ekt intellektual'noj sobstvennosti // *Vestnik Taganrogskogo instituta upravleniya i ekonomiki*. 2020. № 2(32). С. 59-62.
3. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) [Elektronnyj resurs] // SPS «Konsul'tantPlyus». – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
4. Rabec A.P. O nekotoryh aspektah pravovoj ohrany geograficheskikh ukazanii v kachestve novyh ob'ektov intellektual'nyh prav // *Aziatsko-tihookeanskij region: ekonomika, politika, pravo*. 2019. Т. 21. № 2. С. 140-151.
5. O vnesenii izmenenij v chast' chetvertuyu Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii i stat'i 1 i 23.1 Federal'nogo zakona «O gosudarstvennom regulirovanii proizvodstva i oborota etilovogo spirta, alkohol'noj i spirtosoderzhashchej produkcii i ob ogranichenii potrebleniya (raspitiya) alkohol'noj produkcii»: Federal'nyj zakon ot 26 iyulya 2019 g. № 230-FZ (poslednyaya redakciya)[Elektronnyj resurs] // SPS «Konsul'tantPlyus». – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_330028/.
6. Savel'eva M.V. Pravovoe regulirovanie novogo ob'ekta intellektual'noj sobstvennosti - «geograficheskoe ukazanie» // *Sovremennye tendencii razvitiya chastnogo prava, ispolnitel'nogo proizvodstva i sposobov yuridicheskoi zashchity: Materialy VI vsrossijskoj nauchno-prakticheskoi konferencii, Sankt-Peterburg, 27 noyabrya 2020 goda*. SPb.: Sankt-Peterburgskij institut (filial) VGUYU (RPA Minyusta Rossii), 2020. С. 88-91.
7. Ob ohrane geograficheskikh ukazanii i naimenovanij mestnyh sel'skohozyajstvennyh produktov i prodovol'stvennyh tovarov: Postanovlenie Soveta EES № 2081/92 ot 14.07.1992 g. [Elektronnyj resurs]// WIPO IP Portal. – Rezhim dostupa: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/1412>.
8. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' chetvertaya) ot 18.12.2006 N 230-FZ (red. ot 11.06.2021) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2022)[Elektronnyj resurs] // SPS «Konsul'tantPlyus». – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/.
9. Na strazhe viski i syra: zachem nuzhno geograficheskoe ukazanie [Elektronnyj resurs]//Portal Pravo.Ru.– Rezhim dostupa: <https://pravo.ru/story/224417/>.
10. Eremenko V.I. O vvedenii pravovoj ohrany geograficheskogo ukazaniya // *Gosudarstvo i pravo*. 2021. № 1. С. 72-80.
11. Klimova A.N. Naimenovanie mesta proiskhozhdeniya tovara i geograficheskoe ukazanie: aktual'nye voprosy grazhdansko-pravovogo regulirovaniya// *Vserossijskaya nauch.-praktich. konferenciya na temu: Sovremennye tendencii razvitiya grazhdanskogo zakonodatel'stva i civilisticheskogo processa*. Kazan', 2021. С. 63-67.
12. Saltykov M.A. Pravovaya ohrana geograficheskogo ukazaniya v ramkah punkta 1 stat'i 1516 GK RF // *Patenty i licenzii. Intellektual'nye prava*. 2016. № 7. С. 17-22.
13. Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 22 aprelya 2016 g. № 304-KG15- 17805 po delu № A03-24423/2014[Elektronnyj resurs] // SPS «Konsul'tantPlyus». – Rezhim dostupa: po podpiske.
14. Yacenko T.S. Tрудности правовой охраны российских географических указаний за рубежом // *Hozyajstvo i pravo*. 2019. № 10(513). С. 32-40.
15. Sheremet'eva N.V. Aktual'nye voprosy pravovoj ohrany geograficheskogo ukazaniya // *Baltijskij gumanitarnyj zhurnal*. 2020. Т. 9. № 4(33). С. 372-374.

ШЕРЕМЕТЬЕВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА - старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

ГОМЗЯКОВА ЕКАТЕРИНА МИХАЙЛОВНА - студентка Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

SHEREMETYEVA, NATALIA V. - Senior Lecturer, Department of Civil Law Disciplines, Vladivostok State University of Economics and Service (sheremetyeva@mail.ru).

GOMZYAKOVA, EKATERINA M. - student of Vladivostok State University of Economics and Service (gomzyakova@mail.ru).

УДК 347.66

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-1-172-175

КОНЧАКОВ А.Б., МАГЕРЧУК В.А.
К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТАХ И НАСЛЕДОВАНИИ
ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК

Ключевые слова: товарный знак, исключительное право, наследование исключительного права на товарный знак, субъекты исключительного права на товарный знак.

Статья посвящена исследованию общественных отношений, связанных с переходом исключительного права на товарный знак в порядке наследования к лицам, не названным в законе в качестве обладателей исключительного права на товарный знак. Анализируются вопросы возможного обладания плательщиками налога на профессиональный доход исключительного права на товарный знак. Предлагаются возможные варианты решений выявленных проблем правового регулирования путем дополнения норм гражданского кодекса Российской Федерации нормами, связанными с закреплением в качестве субъекта исключительного права на товарный знак плательщика налога на профессиональный доход, а также норм, связанных с порядком наследования исключительного права на товарный знак Российской Федерацией, субъектами Российской Федерации, муниципальными образованиями и физическими лицами.

KONCHAKOV, A.B., MAGERCHUK, V.A.
ON THE ISSUE OF SUBJECTS AND INHERITANCE OF THE EXCLUSIVE RIGHT TO A TRADEMARK

Key words: trademark, exclusive right, inheritance of the exclusive right to a trademark, subjects of the exclusive right to a trademark.

The article is devoted to the study of public relations related to the transfer of the exclusive right to a trademark by inheritance to persons not named in the law as holders of the exclusive right to a trademark. The issues of the possible possession by payers of the professional income tax of the exclusive right to a trademark are analyzed. Possible solutions to the identified problems of legal regulation are proposed by supplementing the norms of the Civil Code of the Russian Federation with norms related to the consolidation as a subject of the exclusive right

to a trademark of a payer of professional income tax, as well as norms related to the order of inheritance of the exclusive right to a trademark by the Russian Federation, subjects of the Russian Federation, municipalities and individuals.

Законодательное закрепление права регистрации товарного знака на имя физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность в Российской Федерации, произошло в 1992 г. в Законе Российской Федерации «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» от 23.09.1992 г. № 3520-1 [1]. Это, в свою очередь, привело к трансформации и усложнению сферы коммерческих отношений.

С отмеченного момента прошло почти 30 лет. Актуальность исследования обусловлена спорной правоприменительной практикой в делах о переходе исключительного права на товарный знак от одного лица к другому. Поскольку выявляются несовершенства механизма правового регулирования отношений в сфере наследования исключительного права на товарный знак и его перехода, открывается необходимость совершенствования гражданского законодательства через преобразование положений, регулирующих отношения в данных сферах.

Для исследования вопросов, связанных с возникновением, осуществлением и прекращением исключительного права на товарный знак, представляется необходимым определить круг возможных обладателей исключительного права на товарный знак. Так согласно ст. 1478 Гражданского кодекса Российской Федерации [2] обладателями исключительного права на товарный знак могут быть юридические лица и индивидуальные предприниматели. В соответствии п. 1 ст. 1233 Гражданского кодекса Российской Федерации обладатели исключительного права на средство индивидуализации вправе распоряжаться таким средством любым не противоречащим закону способом. Исключительное право может переходить от одного лица к другому, том числе и в порядке наследования, так как исключительное право на товарный знак является имущественным правом.

Возможны ситуации, когда исключительное право на средство индивидуализации в порядке наследования переходит к субъектам, не являющимися индивидуальными предпринимателями или юридическими лицами. Такими субъектами могут быть:

- 1) публично-правовые образования;
- 2) физические лица, не обладающие статусом индивидуального предпринимателя.

Рассмотрим ситуацию, в которой, в порядке наследования, к Российской Федерации, субъекту Российской Федерации или муниципальному образованию перешло исключительное право на товарный знак. Ст. 1477 Гражданского кодекса Российской Федерации определяет товарный знак как обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Согласно ст. 124 Гражданского кодекса Российской Федерации, Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и другие муниципальные образования выступают в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с юридическими лицами, если иное не вытекает из закона или особенностей данных субъектов. Поэтому справедливо было бы предположить, что и публично-правовые образования, могут быть обладателями исключительного права на товарный знак.

С одной стороны, очевидно, что Российская Федерация, субъекты Российской Федерации или муниципальные образования в силу своей правовой природы не являются товаропроизводителями. С другой стороны, они вправе создавать унитарные предприятия, которые могут быть товаропроизводителями. Производимые такими предприятиями товары могут индивидуализироваться с помощью товарного знака. В соответствии со ст. 2 Федерального закона «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» от 14.11.2002 г. № 161-ФЗ [3] унитарные предприятия вправе от своего имени приобретать и осуществлять имущественные права, следовательно, могут обладать и исключительным правом на товарный знак.

Возникает вопрос, какие правомочия могут быть реализованы публично-правовые образования в отношении исключительного права на товарный знак.

По нашему мнению, исключительное право на товарный знак, перешедшее в порядке наследования, как по завещанию, так и по закону к публично-правовому образованию, должно быть отчуждено публично-правовым образованием непосредственным товаропроизводителям, которыми могут быть, в том числе и унитарные предприятия, в порядке и сроке, установленном законом. В связи, с чем представляется возможным установить норму, в соответствии с которой публично-правовое образование не позднее одного года с момента приобретения

исключительного права, обязано распорядиться таким правом в пользу субъектов, осуществляющих производство и (или) продажу товаров, для индивидуализации которых предназначен товарный знак.

Рассмотрим вторую ситуацию, в которой в порядке наследования исключительное право на товарный знак перешло к физическому лицу, не осуществляющему предпринимательскую деятельность. Данное лицо законодатель также не включил в субъектный состав обладателей исключительного права на товарный знак. С одной стороны, такое решение, с позиции законодателя, понятно и обосновано, поскольку товарный знак существует для индивидуализации товаров исходя из п. 1 ст. 1477 Гражданского кодекса Российской Федерации. А физическое лицо вправе реализовывать товары без образования юридического лица в качестве систематической деятельности, направленной на извлечение прибыли только с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя согласно п. 1 ст. 23 Гражданского кодекса Российской Федерации. Однако возможно возникновение ситуации, когда в состав наследства входит исключительное право на товарный знак, а наследником является физическое лицо, не являющееся индивидуальным предпринимателем.

Пленум Верховного суда в постановлении от 29.05.2012 г. № 9 (ред. от 24.12.2020 г.) «О судебной практике по делам о наследовании» [4] предпринял попытку разъяснить вопрос перехода исключительного права в порядке наследования к физическому лицу: при наследовании исключительного права на товарный знак физическим лицом, не зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя, наследник обязан произвести его отчуждение не позднее 12 месяцев со дня открытия наследства. Содержание пункта 85 рассматриваемого постановления аналогично п.1 ст. 238 Гражданского кодекса Российской Федерации, применение которого не допустимо в соответствии с п. 3 ст. 1227 Гражданского кодекса Российской Федерации. Содержание данного пункта состоит в том, что положения второго раздела (п. 1 ст. 238 Гражданского кодекса Российской Федерации содержится во втором разделе Гражданского кодекса Российской Федерации) не применяются к интеллектуальным правам, если иное не установлено шестым разделом Гражданского Кодекса Российской Федерации (для товарных знаков иные правила не установлены на данный момент). Из данного пункта следует, что нормы о вещных правах не применимы к исключительному праву на товарный знак. Указанное постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации не является источником права, а действующее законодательство не устанавливает срока, в течение которого исключительное право должно быть отчуждено, следовательно, вопрос в настоящее время открыт.

Считаем, срок в один год является рациональным и достаточным для получения лицом соответствующего статуса либо распоряжения исключительным правом в пользу другого лица, обладающего необходимым и достаточным статусом. В связи, с чем представляется возможным дополнить ст. 1241 Гражданского кодекса Российской Федерации (переход исключительного права к другим лицам без договора) п. 2: «Если в порядке наследования к лицу перешло исключительное право, которое не может ему принадлежать, это право должно быть отчуждено им в течение одного года с момента перехода такого исключительного права». Такое дополнение, по нашему мнению, могло бы урегулировать вопросы наследования исключительного права на товарный знак Российской Федерацией, субъектами Российской Федерации, муниципальными образованиями и физическими лицами, не имеющими статуса индивидуальных предпринимателей.

Относительно недавно появилась еще одна категория физических лиц, не имеющих статуса индивидуального предпринимателя, но осуществляющая деятельность схожую с предпринимательской - «самозанятые». Закон не содержит определения понятия «самозанятый». Согласно Федеральному закону «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» от 27.11.2018 г. № 422-ФЗ [5] ими являются плательщики налога на профессиональный доход. В соответствии с п. 1 ст. 4 рассматриваемого Федерального закона плательщиками налога на профессиональный доход являются физические лица и индивидуальные предприниматели, перешедшие на специальный налоговый режим в порядке, который установлен данным Федеральным законом. То есть перечень лиц, которые могут применять специальный налоговый режим, является открытым,

однако при этом законом установлен перечень лиц, которые не могут применять такой налоговый режим, к числу таких лиц относятся:

- 1) лица, осуществляющие реализацию подакцизных товаров и товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации в соответствии с законодательством Российской Федерации;
- 2) лица, осуществляющие перепродажу товаров, имущественных прав, за исключением продажи имущества, использовавшегося ими для личных, домашних и (или) иных подобных нужд;
- 3) Лица, занимающиеся добычей и (или) реализацией полезных ископаемых;
- 4) Лица, имеющие работников, с которыми они состоят в трудовых отношениях;
- 5) Лица, оказывающие услуги по доставке товаров с приемом (передачей) платежей за указанные товары в интересах других лиц, за исключением оказания таких услуг при условии применения налогоплательщиком зарегистрированной продавцом товаров контрольно-кассовой техники при расчетах с покупателями (заказчиками) за указанные товары в соответствии с действующим законодательством о применении контрольно-кассовой техники;
- б) Налогоплательщики, у которых доходы, учитываемые при определении налоговой базы, превысили в текущем календарном году 2,4 миллиона рублей.

Физические лица, являющиеся плательщиками налога на профессиональный доход, при соблюдении указанных выше условий, могут осуществлять такие виды деятельности как выполнение работ, оказание услуг и реализация товаров своего изготовления.

Можно предположить, что физическое лицо, получившее статус плательщика налога на профессиональный доход, вправе продавать товары собственного производства без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. В связи с чем, представляется возможным предоставить право таким лицам индивидуализировать производимую продукцию с использованием товарного знака. Для этого предлагаем дополнить п. 1 ст. 1477 Гражданского кодекса Российской Федерации, изложив его в следующей редакции: «Обладателем исключительного права на товарный знак может быть юридическое лицо, индивидуальный предприниматель или плательщик налога на профессиональный доход».

Указанные выше изменения законодательства, по нашему мнению, могли бы способствовать более интенсивному развитию экономики Российской Федерации и уменьшению количества споров, связанных с приобретением, реализацией и переходом исключительного права на товарные знаки от одного лица к другому.

Литература и источники

1. Закон Российской Федерации от 23.09.1992 г. № 3520-1 «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992 г. № 42. Ст. 2322.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994 г. № 32. Ст. 3301.
3. Федеральный закон «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» от 14.11.2002 г. № 161-ФЗ // СЗ РФ. 2002 г. № 48. Ст. 4746.
4. Постановление Пленума ВС РФ от 29.05.2012 г. № 9 (ред. от 24.12.2020 г.) «О судебной практике по делам о наследовании» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012 г. № 7.
5. Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» от 27.11.2018 г. № 422-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. 27.11.2018 г.

References and Sources

1. Zakon Rossiyskoy Federatsii ot 23.09.1992 g. № 3520-1 «O tovarnykh znakakh, znakakh obsluzhivaniya i naimenovaniyakh mest proiskhozhdeniya tovarov» // Vedomosti SND RF i VS RF. 1992 g. № 42. St. 2322.
2. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 30.11.1994 g. № 51-FZ // SZ RF. 1994 g. № 32. St. 3301.
3. Federal'nyy zakon «O gosudarstvennykh i munitsipal'nykh unitarnykh predpriyatiyakh» ot 14.11.2002 g. № 161-FZ // SZ RF. 2002 g. № 48. St. 4746.
4. Postanovleniye Plenuma VS RF ot 29.05.2012 g. № 9 (red. ot 24.12.2020 g.) «O sudebnoy praktike po delam o nasledovanii» // Byulleten' Verkhovnogo Suda RF. 2012 g. № 7.
5. Federal'nyy zakon «O provedenii eksperimenta po ustanovleniyu spetsial'nogo nalogovogo rezhima «Nalog na professional'nyy dokhod» ot 27.11.2018 g. № 422-FZ // Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii <http://www.pravo.gov.ru>. 27.11.2018 g.

КОНЧАКОВ АЛЕКСАНДР БОРИСОВИЧ – старший преподаватель кафедры гражданского права Кубанского государственного аграрного университета им. Трубилина (abkk23@mail.ru)

МАГЕРЧУК ВИКТОРИЯ АЛЕКСЕЕВНА – студентка юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета им. Трубилина (vmagerchuk@mail.ru)

KONCHAKOV, ALEXANDER B. – Lecturer of the Department of Civil Law of the Kuban State Agrarian University named after Trublin (abkk23@mail.ru).

MAGERCHUK, VICTORIA A. – student of the Faculty of Law of the Kuban State Agrarian University named after Trublin.

ПОПОВА Л.И.
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: наследственное право, завещание, совместное завещание супругов, наследственный договор, наследование, очередность наследования, наследодатель, наследники.

В статье проводится сравнительный анализ законодательств Российской Федерации и некоторых зарубежных стран в сфере регламентирования наследственных отношений. Исследуется проблематика, имеющаяся в наследственных отношениях, возникающих как в рамках наследования по закону, так и в рамках наследования по завещанию, совместному завещанию супругов, наследственному договору. Автор предлагает пути решения указанных проблем. Автор анализирует проблемы в наследственных отношениях с практической точки зрения, моделируя возможные ситуации, в которых правоприменитель испытывает трудности в реализации им своих правомочий в связи с недоурегулированностью нормами права изучаемых отношений в области наследственного права. Отмечается важность того, чтобы правоприменитель понимал отличие наследственных дел и дел, связанных с реализацией наследственных прав. Так, наследственные дела рассматриваются в рамках искового производства и, как правило, их конечной целью является разрешение вопроса о составе наследственной массы, о том, кем должно быть принято наследство либо правомерность принятия наследства каким-либо лицом, а также рассмотрение вопроса о действительности завещания. Дела, связанные с реализацией наследственных прав, рассматриваются, как правило, в рамках особого производства.

POPOVA, L.I.
SOME PROBLEMS OF THE INHERITANCE LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

Key words: inheritance law, testament, joint will of the spouses, inheritance contract, inheritance, order of inheritance, testator, heirs.

The scientific article provides a comparative analysis of the legislation of the Russian Federation and some foreign countries in the field of regulation of hereditary relations. The problems that exist in hereditary relations arising both within the framework of inheritance by law and within the framework of inheritance by will, joint will of spouses, inheritance contract are investigated. The author suggests ways to solve this problem. The author analyzes the problems in inheritance relations from a practical point of view, modeling possible situations in which the law enforcer experiences difficulties in exercising his powers due to the lack of regulation of the studied relations in the field of inheritance law by the law. It is noted that the law enforcer understands the difference between inheritance cases and cases related to the implementation of inheritance rights. So, inheritance cases are considered within the framework of action proceedings and, as a rule, their ultimate goal is to resolve the issue of the composition of the estate, who should accept the inheritance or the legitimacy of accepting the inheritance by any person, as well as considering the validity of the will. Cases related to the implementation of inheritance rights are considered, as a rule, within the framework of special proceedings.

1. Краткий сравнительный анализ правопорядков Российской Федерации и зарубежных стран в области регулирования наследственных отношений.

В начале исследования актуальных, имеющихся на данный момент проблем наследственного права Российской Федерации, необходимо обозначить некоторые моменты наследственного права, присущие как российскому законодательству, так и законодательствам отдельных зарубежных государств. Так, в большинстве правовых систем государств мира в системе наследственного права имеются два основные, главные порядка регулирования общественных отношений, существующих в указанной сфере жизни. Первый порядок выражен в наследовании по закону. Второй заключается в наследовании, существующем в рамках субъективной воли участников таких отношений и выраженном в обязательной форме для легитимности выражения воли участников наследственных отношений, то есть в наследовании, базирующемся не на основании закона, а на основании завещания либо наследственного договора, последний элемент по своей правовой природе является достаточно близким к завещанию и, как можно понять из слога повествования, нововведением в законодательстве.

Стоит отметить, что первый порядок регулирования общественных отношений в области наследования некоторые ученые относят к условному. Связано это с тем, что при отсутствии заранее согласованной воли участника наследственных отношений будет применяться наследование по закону, то есть порядок, обязательный государством, если же участник наследственных отношений выразит свою волю в распределении имущества, принадлежащего ему на праве собственности, определённым им лицам, то уже будет начинать действовать безусловный порядок: наследование по завещанию. Таким образом, первый порядок предписан государством в силу закона, второй ступает в силу при выраженной воли субъекта гражданского оборота [1, с. 49].

В зарубежных государствах их правовая системам дает четко закреплённое место наследственного права, а именно определяет его как подотрасль частного права, которая, в свою очередь, предстает перед правоприменителями в качестве объема правовых норм, основной

задачей которых является регулирование отношений в разрезе перехода прав и обязанностей умершего лица к другим участникам гражданского оборота, определенных силой закона.

Важно, что наследственному праву присуща разнородность, выражающаяся в его характеристике и определяющая особенности наследственного права в соответствии с применяемыми зарубежными странами правовыми системами. Так, к системе наследственного права европейских континентальных государств относятся, например, Германия, Франция, также существуют страны, применяемые для регулирования общественных отношений в области наследования англо-американскую правовую систему. Помимо двух перечисленных правовых систем имеется мусульманское право, являющееся специфичным регулятором общественных отношений, так как оно базируется, в первую очередь, на нормах религиозных актов (Корана) и других нормах шариатских правил [2, с. 422].

В связи с достаточно сильным влиянием римского частного права на наследственное право европейских континентальных государств наследственное право данных государств не позволило не оставить след влияния римского частного права, выражающегося в очередности наследования по закону, а именно по закону участниками первой очереди наследования являются кровные родственники, а после вступает в наследство супруг наследодателя. Данный факт отличает наследственное право европейских государств от наследственного права Российской Федерации, в котором супруг наследодателя имеет преимущественное право вступления в наследство перед кровными родственниками умершего. Как видно, в Российской Федерации отдается предпочтение супругу в рамках наследования, а в европейских континентальных государствах кровным родственникам умершего. На наш взгляд, порядок первой очереди наследования, определенный в Российской Федерации, является более правильным. Гражданский кодекс Российской Федерации и Семейный кодекс Российской Федерации создают условия для пережившего супруги, при которых он имеет право на получение по наследству половины имущества наследодателя, являющегося при этом их совместно нажитым.

Имеет смысл отметить отличия правопорядков Франции и Российской Федерации в области регулирования отношений по признанию наследников недостойными. Так, в правопорядке Франции акцент ставится на наличие следующих обстоятельств, при которых наследник признается недостойным: совершение им убийства или покушения на убийство наследодателя, заведомо ложное обвинение им наследодателя в совершении убийства, умалчивание факта совершения в отношении наследодателя убийства, последнее обстоятельство является основополагающим для признания наследника недостойным, если наследник достиг возраста совершеннолетия на момент обнаружения им указанного факта. Исходя из перечисленного выше, законодатель Франции в отличие от законодателя Российской Федерации в области регулирования наследственных отношений о признании наследника недостойным придает значимость уголовно-правовому аспекту.

Интересным для изучения и анализа является мусульманское наследственное право. Так, например, особенностью мусульманского права в области наследования имущества по воли наследодателя при его жизни является то, что наследодатель не имеет права завещать все свое имущество только одному ребенку или иному лицу, оставив всех своих или часть своих детей без наследства, то есть мусульманским правом презюмируется обязательное выделение наследодателем имущества каждому своему ребенку, если речь идет о наследовании по завещанию. Такое закрепленное правило в мусульманском праве является достаточно справедливым, в связи с этим можно поставить вопрос о его закреплении в законодательстве Российской Федерации. Такого рода введение позволит Российской Федерации стать еще более демократичным, правовым государством.

Итак, проведя краткий сравнительный анализ правопорядков Российской Федерации и зарубежных стран в области регулирования наследственных отношений можно непосредственно перейти к анализу проблем наследственного права, имеющихся в настоящее время в Российской Федерации.

2. Актуальные проблемы в области наследования по закону в Российской Федерации.

Проблемы, лежащие в наследовании по закону, заключаются в основном в установлении родственных связей наследодателя с наследниками. Установление указанных связей обусловлено положениями российского законодательства, которое гласит, что при отсутствии волеизъявления

наследодателя в наследство вступают родственники умершего разной к нему близости родства, следовательно, при таком положении важно определить, как сами родственные связи, так и близость их наследодателю. В случае, когда наследнику (заявителю) необходимо установление, удостоверение факта его родства с наследодателем для вступления его в наследство и получения им свидетельства о праве на наследство, такое лицо обращается в суд. Суд, в свою очередь, в установленном порядке определяет или опровергает обозначенный выше факт родства наследника к наследодателю и делает вывод: имеются ли основания в итоге для выдачи обратившемуся лицу свидетельства о праве на наследство либо нет. На практике наследники зачастую обращаются в суд для установления родства с наследодателем по следующим причинам: утрата документов, подтверждающих факт родства и невозможность их восстановления посредством повторного обращения в органы ЗАГСа, в документах отражаются неточные либо ошибочные записи ЗАГСа, при этом заявителю отказывает орган ЗАГСа исправлять данные неточности, ошибки.

При разрешении судом указанных выше вопросов обратившихся потенциальных наследников суд руководствуется общими положениями гражданского законодательства, регулирующими очередность наследования по закону. При игнорировании судом общих положений об очередности наследников возможно возникновение противоправности как со стороны суда, так и со стороны потенциальных наследников, обратившихся в суд. Например, в суд обратились лица с целью установления родственных связей с наследодателем в порядке второй очереди, однако после смерти наследодателя имеются наследники первой очереди, не являющиеся недостойными наследниками, не отказавшиеся от принятия наследства. Так, если суд будет учитывать общие положения об очередности наследования, то первые его действия будут заключаться в том, чтобы исключить факт наличия наследников очередей, имеющих до очереди, к которой относится непосредственно заявитель. При установлении наличия наследников очередей выше, чем обратившееся в суд лицо, установление факта родства обратившегося лица с наследодателем не будет иметь юридического значения в области наследования. Следовательно, если суд не учтет данное положение, то помимо процессуальных издержек, будет выявлена противоправность со стороны заявителя и способствование противоправности со стороны суда. Нередко, когда суды допускают такого рода ошибки. Для того чтобы избежать таких ошибок судам необходимо при рассмотрении указанных дел совершать следующие процессуальные действия: истребовать от заявителя, в том числе такие документы, как: справку от нотариуса, в ведении которого находится наследственное дело (в наследственном деле указана информация о наследодателе, наследниках, принявших наследство); справку из жилищной организации, разъясняющую, кто фактически проживал с наследодателем, кто был прописан с наследодателем в недвижимом имуществе, последняя справка имеет значение для установления лиц, принявших наследственную массу, а также в целом для установления круга наследников.

Важно, чтобы правоприменитель понимал отличие наследственных дел и дел, связанных с реализацией наследственных прав. Так, наследственные дела рассматриваются в рамках искового производства и, как правило, их конечной целью является разрешение вопроса о составе наследственной массы, о том, кем должно быть принято наследство либо правомерность принятия наследства каким-либо лицом, а также рассмотрение вопроса о действительности завещания. Дела, связанные с реализацией наследственных прав, рассматриваются, как правило, в рамках особого производства. Стоит отметить, что, по мнению Э.М. Мурадьян, на практике необходимость в рассмотрении дел, связанных с реализацией наследственных прав, наступает, когда наследственное дело открыто нотариусом и у нотариуса возникают вопросы по наследственному делу, которые не могут быть решены без участия суда, из-за чего нотариус не имеет возможности завершить рассмотрение по существу имеющегося наследственного дела [3, с. 172].

Особое производство, в рамках которого происходит рассмотрение дел, связанных с реализацией наследственных прав, имеет важное практическое значение для наследственных правоотношений, в которых возникают вопросы о таких юридических фактах, как установление родства, признание отцовства, нахождение наследника на иждивении у наследодателя. В продолжении рассмотрения значимости особого производства для наследственного права можно отметить такой пробел в законодательной сфере, как отсутствие специального лица помимо деятельности нотариуса, на которое была бы возложена обязанность по определению круга наследников, а также по поиску имеющихся наследников, не знающих о том, что открыто

наследственное дело и что по очередности они имеют право на вступление в наследство после смерти наследодателя. С другой стороны можно расширить круг прав и обязанностей нотариуса, возложив на него установление круга наследников и их поиск. Основные затруднения в связи с предложенным изменением в законодательство является вопрос финансирования либо специального лица, либо нотариуса по решению указанного вопроса. Можно предположить, что из-за вопроса финансирования законодатель до настоящего времени оставляет обозначенную нами проблему нерешенной.

Таким образом, в области наследования по закону в Российской Федерации остается достаточное количество вопросов, которые до сих пор не решены. Нерешение их законодателем посредством внесения изменений в нормативные правовые акты либо выработка новых норм создает для правоприменителей и суда проблемы, из-за которых на практике затягивается процесс рассмотрения наследственного дела.

3. Проблемы, связанные с применением в Российской Федерации института «совместное завещание супругов» и наследственного договора.

С 1 июня 2019 года в Российской Федерации законодатель ввел новые формы наследования, среди которых была введена такая форма наследования, как совместное завещание супругов. Введение совместного завещания супругов позволило гражданам расширить их возможности в области распоряжения имуществом, принадлежащим им на праве собственности, в случае их смерти.

В.П. Крашениников при введении законодателем совместного завещания супругов отмечал, что вводимый на тот момент времени институт совместного завещания супругов уже применялся в разных европейских странах на протяжении долгого времени, следовательно, законодатель при решении вопроса о внедрении совместного завещания супругов в законодательную базу Российской Федерации руководствовался опытом зарубежных стран, не применяя правовую инновацию. При этом, по мнению В.П. Крашениникова, законодатель учел, как положительный, так и отрицательный опыт зарубежных стран по вопросу применения совместного завещания супругов на практике, так как в некоторых зарубежных странах, где был введен такого рода институт, после непродолжительного времени с момента закрепления совместного завещания супругов, его эффективное использование на практике так и не свершилось [4]. В настоящее время можно наблюдать, что, не смотря на учтенный Российской Федерацией опыт зарубежных стран в области правоприменения совместного завещания супругов, имеется ряд проблем по правоприменению анализируемой нами новой формы наследования.

Для начала необходимо отметить, какие новые аспекты привнес в гражданский оборот с момента своего введения институт «совместное завещание супругов». Так, до введения анализируемой формы наследования имеющееся завещание позволяло выразить волю только одного лица, совместное завещание супругов предоставляет возможность двум лицам совместно выразить свои волеизъявления по вопросу распоряжения имуществом. На основании обычного завещания порядок вступления в наследство был следующим: в связи со смертью одного из супругов, сначала решался вопрос о разделе совместно нажитого имущества супругов, а после о распределении оставшейся наследственной массы между наследниками. С введением института совместного завещания супругов порядок вступления в наследство стал более простым, так супруги в совместном завещании заблаговременно распределяют наследственную массу между наследниками, исключая выдел доли пережившему супругу из их совместно нажитого имущества.

Имеет смысл дать краткую характеристику совместному завещанию супругов, а именно соблюдению определенных условий, при которых совместное завещание супругов будет легитимным. Так, при составлении совместного завещания волеизъявления супругов, выраженные в их совместном завещании должны быть общими и не должны друг другу противоречить, так как при наличии противоречий волеизъявлений супругов совместное завещание не будет иметь юридической значимости. Вторым условием легитимности совместного завещания является обязательное обращение супругов к нотариусу для составления совместного завещания. Как уже отмечалось выше в аспекте волеизъявлений супругов в их совместном завещании, также важно взаимное усмотрение супругов в вопросе распределения совместно нажитого имущества между наследниками. Содержание совместного завещания супругов не должно противоречить нормам

Гражданского кодекса Российской Федерации в области регулирования отношений, связанных с обязательной долей в наследстве и запретом наследования недостойными наследниками.

Стоит отметить, что при произошедших изменениях в семье, например, при признании брака недействительным либо при расторжении брака совместное завещание автоматически утрачивает силу с момента наступления упомянутых событий. Интересен момент, при котором один супруг отказывается от совместного завещания после его составления, в случае наличия указанного действия одним супругом совместное завещание также теряет свою юридическую значимость и тем самым утрачивает юридическую силу. Кроме этого, супруг имеет право изменить в своей части совместное завещание, в таком случае нотариус обязан уведомить об этом другого супруга, при этом на нотариуса возлагается лишь обязанность в вопросе уведомления супруга без раскрытия характера внесенных изменений другим супругом в совместное завещание. Отметим, что переживший супруг имеет право после составления совместного завещания заключать новые завещания. Более всего вызывает дискуссию как среди практикующих юристов, так и среди научного сообщества правомочие пережившего супруга отменять совместное завещание. При наличии такого правомочия у пережившего супруга, по мнению некоторых ученых, институт совместного завещания супругов становится юридически бессмысленным [5]. При наличии указанного правомочия у пережившего супруга другие наследники с правовой точки зрения не защищены в имущественном аспекте. Следовательно, возникает проблема правовой незащищенности других наследников, для избегания такой ситуации предлагается внести корректировки в нормы права, регулирующие рассматриваемые общественные отношения. Корректировки заключаются в том, чтобы определить рамки правомочия пережившего супруга в области отмены совместного завещания, например, указать срок, в течение которого переживший супруг имеет право отменить совместное завещание; в каком объеме он может это сделать.

Могут возникать ситуации, когда наследники, согласно совместному завещанию, уже юридически закрепили за собой определенную полагающуюся им часть наследственной массы, но после перерегистрации переживший супруг отменяет совместное завещание. В таком случае возможно предложить следующее: совместное завещание не должно иметь обратной силы, то есть имущество, которое наследники уже перерегистрировали на себя согласно совместному завещанию и до момента отмены его пережившим супругом, уже не будет перераспределяться вновь между наследниками, если переживший супруг решит отменить совместное завещание. При внесении такого изменения в имеющиеся нормы права, регулирующие общественные отношения в вопросе совместного завещания, институт совместного завещания супругов становится справедливым и по истине правовым. Перечисленные предложения в вопросе правомочия отмены пережившим супругом совместного завещания являются только нивелирующими элементами возможности ущемления правового положения других наследников. Полноценным решением проблемы ущемления правового положения других наследников будет являться аннулирование правомочия пережившего супруга отменять совместное завещание. В конце анализа обозначенной проблемы необходимо отметить, что при составлении совместного завещания супругов учитываются их волеизъявления, носящие совместный, общий характер, следовательно, когда умирает один из супругов, переживший супруг в априори самостоятельно не может отменять совместное завещание, так как при отмене будет учитываться только волеизъявление пережившего супруга, что не может быть правильным и логичным, так как для волеизъявления одного лица в области распоряжения им своим имуществом в наследственных отношениях имеется простое завещание. Стоит отметить, что при отмене совместного завещания пережившим супругом, будет нарушаться правовое положение умершего супруга в области распределения наследственной массы между наследниками. Следовательно, при составлении совместного завещания, они должны лишаться возможности по отдельности отменять такого рода завещание; отменять его после смерти одного из супругов; заключать после смерти или при жизни одного из супругов простое завещание, предметом которого будет то же имущество, которое указано в их совместном завещании, такое положение делает институт совместного завещания супругов более устойчивым и практически применимым.

Имеет смысл также обозначить еще одно нововведение законодателя в области наследования, связанного с волеизъявлением гражданина, таким нововведением является наследственный договор, являющийся альтернативным вариантом простому завещанию.

Наследственный договор представляет собой соглашение между наследодателем и наследниками, посредством которого наследодатель определяет переход прав на свое имущество в случае своей смерти. Также наследодатель в наследственном договоре вправе указывать душеприказчика и возлагать исполнение на наследников совершения ими определенных действий, указанных наследодателем, в случае смерти последнего, в том числе возлагать на них исполнение завещательных отказов или завещательных возложений.

По мнению таких ученых, как Е.А. Белоотченко, Е.Ю. Филиппова, введение законодателем наследственного договора в гражданский оборот существенно развивает наследственное право [6, 7]. Другие же ученые, например, О.Е. Алексикова, считает, что наследственный договор, не являясь самостоятельным правовым институтом, противоречит по своей правовой природе завещанию. При этом завещание, совместное завещание супругов и наследование по закону являются самостоятельными правовыми институтами [8].

Итак, перейдем к рассмотрению проблем, связанных с применением наследственного договора. Так, проблемой наследственного договора является следующий момент: до настоящего времени в гражданском законодательстве не регламентировано: имеет ли право наследодатель, заключив наследственный договор, в последующем обратиться к нотариусу с намерением составить завещание. Кроме того, остается нерешенным вопрос о том, отменяет ли заключенный наследственный договор составленное до его заключения завещание наследодателя. Также не урегулирован вопрос в области правомочия наследодателя отстранять в наследственном договоре наследников от получения после его смерти наследства.

Важно отметить, что и без введения наследственного договора завещание имеет ряд преимуществ в вопросе распоряжения наследодателем наследственной массой. Однако, как и в использовании любых правовых средств правоприменитель на практике сталкивается с рядом проблем в вопросе применения завещания. Так, имеется неопределенность и сложность в определении действительности завещания, когда в один день наследодателем было составлено и подписано несколько завещаний. Можно спроецировать такую ситуацию: гражданин утром составил и оформил у нотариуса завещание, в течение дня произошли определенные жизненные обстоятельства, в результате которых наследодатель изменил свое решение в вопросе распоряжения своим имуществом на случай своей смерти, решив обратиться к другому нотариусу с намерением составить и оформить новое завещание, изменяющее содержание предыдущего завещания в кругу наследников. Сделав два юридических действия в один день, на следующий день наследодатель умирает, составив днем ранее два завещания, разнящиеся содержанием в определении круга наследников. После смерти наследодателя открывается срок для вступления в наследство и между наследниками возникает спор о том, в соответствии с каким завещанием должно происходить распределение наследственной массы, так как завещания, составленные завещателем в один день, датируются одной и той же датой. Следовательно, возникает вопрос, какое из двух составленных завещаний является последним, действительным и, как результат, имеет реальную юридическую силу [9]. Согласно нормам права, регулирующим наследственные отношения, наследодатель вправе отменять, изменять ранее составленные им завещания в любое время без объяснения причин такого изменения, отмены, при этом только последнее составленное завещание наследодателем будет иметь юридическую силу. В последнем составленном завещании наследодатель имеет право, как указывать, какие условия предыдущего завещания были изменены последним составленным им завещанием, так и не указывать это и вообще не упоминать о том, что до этого им уже было составлено завещание и оформлено у нотариуса. Так, если наследодатель не отражал информацию о предыдущем завещании в новом составленном им завещании, и при этом завещания были составлены в один день, то определить какое из завещаний было составлено позже почти не представляется возможным, так как в завещаниях и в регистрационных реестрах нотариусов не указывается точное время составления и заверения завещания. Определить точное время составления, заверения завещания возможно только посредством записи камер видеонаблюдения, то есть когда наследодатель обращался к нотариусу, либо посредством свидетельских показаний, то есть показаний лиц, которые находились в момент приема нотариусом наследодателя, обратившегося к нотариусу с намерением составить завещание. Доказывание и подтверждение действительности завещания возможно без обращения в суд, когда наследники предоставили доказательства, свидетельствующие о действительности завещания, и у

нотариуса при изучении представленных ему доказательств не возникло вопросов в их бесспорности и достоверности. Если же нотариус затрудняется дать однозначную правовую оценку доказательствам, то наследникам необходимо будет обратиться в суд. Следующий этап: если суд, изучив представленные наследниками доказательства о действительности завещания и признании его последним, не приходит в своих выводах к однозначному решению, то итогом рассмотрения дела будет решение суда о признании обоих завещаний недействительными и, как следствие, указание наследникам на вступление в наследство в порядке наследования по закону в соответствии очередностью наследников.

Проанализировав проблему действительности завещания при составлении наследодателем нескольких завещаний в один день без указания в последующем завещании о ранее составленном и заверенном у нотариуса завещании, предлагается следующее для решения обозначенной проблемы: необходимо закрепить в законодательстве Российской Федерации норму, обязывающую наследодателя составлять и заверять свои завещания только у одного нотариуса; обязательно в каждом последующем завещании указывать на факт составления предыдущего завещания и прописывать, что предыдущее завещание аннулируется полностью или в части в связи с составлением и заверением нового завещания; помимо даты составления, заверения у нотариуса завещания обязательно указывать точное время данных юридических действий. Внеся перечисленные изменения в законодательство Российской Федерации, регулирующее наследственные отношения по вопросу завещания, на практике можно будет исключить как количество неоднозначных ситуаций в определении действительности завещания, так и, как результат этого, ущемления правового и имущественного положения наследников.

Подводя итоги рассмотрению и анализу некоторых проблем, имеющих в настоящее время в наследственном праве Российской Федерации, следует отметить, что в начале статьи для понимания значимости наследственного права в жизни каждого гражданина, а также для детального анализа проблематики наследственных отношений, был дан краткий сравнительный анализ правопорядков Российской Федерации и зарубежных стран в области регулирования наследственных отношений. После чего исследовались непосредственно проблемы наследственного права в рамках российского правопорядка. Проблемы изучались как в рамках наследования по закону, так и в рамках наследования по завещанию, совместному завещанию супругов и наследственному договору. Проанализировав поднятые автором проблемы наследственного права, были предложены пути их решения, посредством которых, по мнению автора, произойдет усовершенствование законодательства в области регулирования наследственных отношений.

Литература и источники

1. Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. А.Л. Маковского, Е.А. Суханова. М.: Юристъ, 2012.
2. Мурадян Э.М. Нотариальные и судебные процедуры. М.: Юристъ, 2006.
3. Рыбакова С.А. Сравнительный анализ наследственного права России и ряда зарубежных стран // Марийский юридический вестник. 2014. № 4. Т. 1.
4. Российская газета - Федеральный выпуск № 117 (7875), 2019 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2019/05/30/pavel-krashennnikov-o-novyh-formah-nasledovaniia.html>.
5. Потенциальные проблемы исполнения совместных завещаний и наследственных договоров // ГАРАНТ.РУ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/article/1282860/>.
6. Белоотченко Е.А. Наследственный договор в рамках реформирования российского наследственного права // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 1. С. 122-129.
7. Филиппова С.Ю. Наследственный договор: зарубежный опыт и перспективы появления в гражданском праве Российской Федерации // Российская юстиция. 2015. № 1. С. 6-9.
8. Алексикова О.Е. Перспективы развития институтов наследственного договора и совместного завещания супругов в российском наследственном праве // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. № 1. С. 231-237.
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 г. Москва «О судебной практике по делам о наследовании» // Российская газета. 2012. № 127.

References and Sources

1. Kommentarii k chasti tret'ej Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii / pod red. A.L. Makovskogo, E.A. Suhanova. M.: YUrist", 2012.
2. Murad'yan E.M. Notarial'nye i sudebnye procedury. M.: Yurist", 2006.
3. Rybakova S.A. Sravnitel'nyj analiz nasledstvennogo prava Rossii i ryada zarubezhnyh stran // Marijskij yuridicheskij vestnik. 2014. № 4. T. 1.
4. Rossijskaya gazeta - Federal'nyj vypusk № 117 (7875), 2019 g. – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://rg.ru/2019/05/30/pavel-krashennnikov-o-novyh-formah-nasledovaniia.html>.
5. Potencial'nye problemy ispolneniya sovmestnyh zaveshchaniy i nasledstvennyh dogovorov // GARANT.RU. – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.garant.ru/article/1282860/>.
6. Belootchenko E.A. Nasledstvennyj dogovor v ramkah reformirovaniya rossijskogo nasledstvennogo prava // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. 2017. № 1. S. 122-129.

7. Filippova S.Yu. Nasledstvennyj dogovor: zarubezhnyj opyt i perspektivy povyleniya v grazhdanskom prave Rossijskoj Federacii // Rossijskaya yusticiya. 2015. № 1. S. 6-9.
8. Aleksikova O.E. Perspektivy razvitiya institutov nasledstvennogo dogovora i sovместnogo zaveshchaniya suprugov v rossijskom nasledstvennom prave // Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk. 2017. № 1. S. 231-237.
9. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 29 maya 2012 g. № 9 g. Moskva «O sudebnoj praktike po delam o nasledovanii» // Rossijskaya gazeta. 2012. № 127.

ПОПОВА ЛАРИСА ИВАНОВНА – кандидат юридических наук, доцент Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина (larisa_popova67@mail.ru)

POPOVA, LARISA I. – Ph.D. in Law, Associate Professor of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin.

УДК 347.515.1-053.6(470)

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-1-183-187

КУПИРОВА Ч.Ш.

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РЕАЛИЗАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ РОДИТЕЛЯМИ СВОИХ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ

Ключевые слова: детско-родительские отношения, несовершеннолетний родитель, права несовершеннолетних, обязанности несовершеннолетнего родителя, правосубъектность несовершеннолетнего родителя.

Статья затрагивает некоторые вопросы реализации несовершеннолетними родителями своих прав и обязанностей, актуальность которых в условиях динамично меняющегося мира не вызывает сомнений. К сожалению, статистические данные ВЦИОМ свидетельствуют, что несовершеннолетние родители, несмотря на достаточно продуманную правовую регламентацию их статуса в гражданском и семейном законодательствах, не в полной мере надлежащим образом осуществляют свои права и обязанности в положении родительства. Изучение особенностей правосубъектности отдельных категорий несовершеннолетних родителей позволило автору выделить проблемы реализации ими своих прав и обязанностей в современном гражданском обороте. Показано, что несовершеннолетние родители, которые находятся в браке, автоматически приобретают гражданскую дееспособность (п.2 ст.21 ГК РФ) и гражданскую процессуальную дееспособность (п. 2 ст. 37 ГПК РФ). Молодые родители, вступившие в брак, полностью дееспособны и тем самым полноценно участвуют в гражданском обороте. Семейный статус как бы предопределяет для них более выигрышную позицию в сравнении с лицами, не состоящими в браке. В случае же рождения детей у несовершеннолетних лиц, не состоящих в брачных отношениях, их объем дееспособности является лишь частичным.

CUPIROVA, Ch. Sh.

ON THE PECULIARITIES OF THE EXERCISE BY MINOR PARENTS OF THEIR RIGHTS AND OBLIGATIONS IN MODERN CIVIL AFFAIRS

Key words: child-parental relations, minor parent, rights of minors, obligations of minor parent, legal personality of minor parent.

The article addresses some issues of the exercise by minor parents of their rights and obligations, the relevance of which in a dynamically changing world is undeniable. Unfortunately, VTsIOM statistics show that under-age parents, despite a sufficiently well-defined legal regulation of their status in civil and family law, do not fully and adequately exercise their rights and obligations in the status of parenthood. The study of the characteristics of the legal personality of certain categories of minor parents allowed the author to distinguish the problems of the realization of their rights and obligations in the modern civil circulation. It is shown that underage parents who are married automatically acquire civil capacity (clause 2, article 21 of the Civil Code of the Russian Federation) and civil procedural capacity (clause 2, article 37 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation). Young parents who have entered into marriage are fully capable and thus fully participate in civil circulation. Marital status, as it were, predetermines a more advantageous position for them in comparison with unmarried persons. In the case of the birth of children by minors who are not married, their legal capacity is only partial.

Детско-родительские отношения издревле привлекают внимание исследователей ввиду из высокой общественной значимости для каждой семьи и общества в целом. Особенности гражданской и семейной правосубъектности несовершеннолетних родителей обусловлены их возрастом, который вполне объясняет их недостаточную осведомленность о нормах действующего семейного законодательства, регламентирующего права и обязанности по воспитанию своего ребенка.

Изучение теоретических основ института правового положения несовершеннолетних родителей показывает двойственность их правовой природы: с одной стороны, они являются родителями, которые в своем возрасте уже имеют определенный объем прав и обязанностей по отношению к своим детям, а с другой – сами являются детьми. Несовершеннолетние родители сталкиваются с огромным количеством трудноразрешимых проблем, напрямую вытекающих из их социальной незрелости, низкого уровня правовой неграмотности и иных объективных причин, обусловленных малолетством.

Действующий Семейный кодекс Российской Федерации включает в себя специальный раздел «Права и обязанности родителей» [1], в котором определены права несовершеннолетних и как детей, и как родителей. Законодательно урегулированы права и обязанности родителей как личные неимущественные, так и имущественные. Тем не менее, анализ правоприменительной

практики свидетельствует о том, что множество аспектов, вытекающих из надлежащей защиты прав, а также интересов несовершеннолетних родителей и их детей остаются за пределами семейно-правового регулирования. Все участники семейно-правовых отношений имеют ряд семейных правоспособностей, но их наличие не считается обязательным условием для участия в семейно-правовых отношениях.

Анализ материалов правоприменительной практики органов опеки и попечительства, судебной и нотариальной практики в сфере защиты имущественных прав несовершеннолетних, а также актов прокурорского реагирования позволяет исследователям условно выделить следующие категории лиц, не достигших совершеннолетия, но приобретших статус родителей.

В первую категорию можно включить несовершеннолетних родителей, не достигших шестнадцати лет и не состоящих в браке. Семейное законодательство детально конкретизирует, что «ребенку несовершеннолетних родителей, не состоящих в браке до достижения ими шестнадцатилетнего возраста, может быть назначен опекун, который будет воспитывать ребенка вместе с его несовершеннолетними родителями» (п.2 ст. 62 СК РФ) [1]. Анализ практики органов опеки и попечительства подтверждает позицию законодателя такими данными: практически в 90% случаев такими опекунами становятся родители самих «молодых» родителей, что дает возможность помогать новоиспеченным родителям в воспитании их ребенка. Если же такого опекуна в родной семье нет по объективным причинам, то на помощь в решении рассматриваемого вопроса приходят компетентные органы по защите и охране детства.

Ко второй категории относятся несовершеннолетние родители, которые так же, как и в первой группе, не состоят в браке, но им уже есть шестнадцать лет. В отличие от первой группы, объем правосубъектности указанных лиц возрастает: несовершеннолетние родители имеют все родительские права и обязанности. Они сами в силу законодательных установлений должны надлежащим образом заниматься воспитанием своих детей, заботиться об их физическом и психическом здоровье, обеспечить установленный уровень образования и учет их индивидуальных потребностей, стоять на защите их прав и интересов перед третьими лицами и т.д. В данную группу включаются и эмансипированные в установленном судебном порядке несовершеннолетние лица, достигшие шестнадцати лет. Такое законодательное признание их статуса дает несовершеннолетнему родителю возможность принятия самостоятельных решений о совершении сделок без постоянного разрешения законных представителей, то есть полностью включает их в гражданский оборот. Новоиспеченный родитель, будучи дееспособным, в полном объеме реализует свои родительские права и обязанности с учетом интересов своего потомства.

В отдельную категорию можно выделить несовершеннолетних родителей, без привязки к возрасту, но состоящих в зарегистрированных брачных отношениях. В отношении таких несовершеннолетних родителей действующее семейное законодательство не дает прямых указаний. Однако анализ положений действующего Семейного кодекса РФ позволяет утверждать, что такие лица имеют весь объем родительских прав и обязанностей. В тоже время к данной категории лиц будут принадлежать и иные несовершеннолетние родители, которые ранее состояли в зарегистрированном брачном союзе и которые не состоят в нем на данный момент с другим родителем ребенка.

В современных условиях российской действительности все чаще на широкое обсуждение общественности юридическим сообществом выносится вопрос о правовом статусе несовершеннолетних родителей. Данное социальное явление, на наш взгляд, не является случайным, поскольку сегодня наблюдается рост рождений от несовершеннолетних родителей.

Официальное закрепление правового статуса несовершеннолетних родителей содержится в статье 62 СК РФ, что соответствует современным конституционным закреплениям и положениям международных актов по защите материнства и детства. Детско-родительские отношения по рассматриваемой статье напрямую регулируют и защиту прав несовершеннолетних родителей. В Семейном кодексе Российской Федерации нет специальных норм, устанавливающих рождение ребенка у несовершеннолетних родителей. Закон в п. 3 статьи 62 закрепляет, «что при установлении факта рождения ребенка от несовершеннолетнего применяются общие правила главы 10 СК РФ» [1]. Толкование данных положений позволяет утверждать, что согласие законных представителей таких родителей не требуется.

Признание материнства и отцовства несовершеннолетними родителями, включая их собственно установление и оспаривание, входит в объем правосубъектности данных лиц. Тем не менее, анализ материалов судебной практики, научные исследования по данной проблематике, опыт работы органов опеки и попечительства и системы нотариата по защите имущественных прав несовершеннолетних родителей, позволяет утверждать о наличии разных точек зрения по определению правовой природы родительских прав несовершеннолетних.

Общеизвестно, что несовершеннолетние родители, которые находятся в браке, автоматически приобретают гражданскую дееспособность (п.2 ст.21 ГК РФ) и гражданскую процессуальную дееспособность (п. 2 ст. 37 ГПК РФ). Молодые родители, вступившие в брак, полностью дееспособны и тем самым полноценно участвуют в гражданском обороте, совершая предусмотренные законодательством сделки. Семейный статус как бы предопределяет для них более выигрышную позицию в сравнении с лицами, не состоящими в браке. В случае же рождения детей у несовершеннолетних лиц, не состоящих в брачных отношениях, их объем дееспособности лишь частичный, то есть они вправе совершать большее число имущественных сделок лишь с согласия опекуна. «Этим достигается баланс интересов между личностью и государством и между другими субъектами правоотношений» [2, с. 14].

На сегодняшний день в цивилистической науке дискуссионным является вопрос о правовой природе категории «родительские права». Профессор А.И. Пергамент утверждает, «что под этим термином понимается не вся совокупность возникших прав и обязанностей, а право на личное воспитание ребенка и вытекающие из этого права правомочия» [3, с. 20].

Исследователь В.А. Рясенцев в данной группе прав выделяет ряд подгрупп: «права и обязанности по воспитанию и образованию детей (очерчивая ряд полномочий в области воспитания несовершеннолетних); права и обязанности родителей по защите прав и интересов детей; право родителей на защиту родительских прав; право родителей давать ребенку имя и менять его до достижения ребенком четырнадцатилетнего возраста» [4, с. 69].

По мнению профессора Ю.Г. Долгова, «родительские правоотношения относятся к числу сложных семейно-правовых отношений, включающих в себя различные по характеру права и обязанности, которые можно разделить на несколько групп: по материальному обеспечению, по воспитанию, другие права и обязанности родителей и детей» [5, с. 44].

Объемные правомочия по воспитанию родителями своих детей определены законодательно; так, в частности, забота об их здоровье, психическом, физическом и нравственном развитии представляется основной родительской обязанностью по смыслу пункта 1 статьи 63 СК РФ [1]. Вполне обоснованным представляется вопрос: могут ли новоиспеченные несовершеннолетние матери и отцы, не состоящие в браке, в шестнадцатилетнем возрасте или те, которые состоят в браке, независимо от того, сколько им лет, выполнять надлежащим образом эти обязанности? Так, по нашему мнению, для того, чтобы дать своему ребенку правильное воспитание в рамках устоявшихся в обществе традиционных ценностей, проявить заботу о его здоровье, нужно быть самому, в каком-то смысле, зрелым, рационально оценивающим свое поведение. Более того, социальная и психологическая зрелость не имеет ничего общего с тем, состоит ли человек в браке или нет. Представляется более разумной мысль, это такое отношение зависит от возраста и уровня развития субъекта.

Психологи в своих исследованиях нашли подтверждение тому, что «социальная зрелость определяется как способность юноши и девушки самостоятельно решать свою судьбу - выбирать профессию, место учебы, работы, принимать решение о браке без согласия родителей». Другими словами, обоснованное и разумное поведение подростка, его понимание степени и важности сделок, совершаемых в гражданском обороте, правильная оценка правовых последствий, говорят о психологической зрелости. Но также, по нашему мнению, та же самая психологическая зрелость может и не совпадать с в полном объеме с социальной зрелостью, так как она наступает позже и поэтому ее тяжелее оценить.

Нельзя не отметить, что действующее образовательное законодательство также закрепляет, что родители выступают первыми педагогами своих детей и «обязаны заложить основы физического, нравственного и интеллектуального развития личности ребенка» [6]. Как показывает практика органов опеки и попечительства, в подавляющем большинстве случаев молодые родители, еще сами будучи детьми, никоим образом не могут исполнять данную обязанность. Им

чаще всего приходится решать более насущные проблемы, связанные с жизнеобеспечением своих детей (приобретение товаров первой необходимости, лекарственных препаратов и др.), в связи с чем, несмотря на имеющиеся формы государственной поддержки семей с детьми, им приходится подыскивать деятельность, приносящую хотя бы небольшой заработок или доход.

Представляется вполне оправданной позиция Л.Б. Максимович, которая полагает, что «беременная девочка-подросток, находящаяся в состоянии растерянности и боязни из-за сложного положения, не способна к самостоятельному принятию решений, поскольку оказалась в нетипичной для своего возраста ситуации, усугубленной отсутствием необходимого жизненного опыта и способности противостоять чужому давлению» [7, с. 119]. Разумеется, такое состояние молодой мамы может повлиять и на рациональное совершение ряда сделок, что требует более тщательного изучения.

Рассмотренные жизненные случаи все же позволяют констатировать, что не все родители-подростки не могут надлежащим образом в требуемых государством и обществом пределах выполнять свои родительские обязанности. «Представляется, что данный вопрос нуждается в пристальном внимании законодателя» [8, с. 68]. Уровень интеллектуального и нравственного развития, возраст, поддержка своих родителей и ближайших родственников, условия жизнеобеспечения и иные показатели существенно влияют на их способность быть полноценными родителями. Также следует признать и тот факт, что четырнадцатилетние и семнадцатилетние матери, по сути, являются двумя принципиально разными субъектами, с разным уровнем развития и жизненными ценностями и ориентирами, так как разница в этом возрасте превышает три года.

Однако, по мнению большинства исследователей, если родитель и ребенок разлучаются, то родительские обязанности сами по себе остаются, но возможность воспитывать ребенка как бы каждый день уменьшается в объеме, реализуется не в полной мере. В этом случае родительское право на преимущественное воспитание ребенка перед третьими лицами, как отмечает Н.М. Савельева, «трансформируется в право на общение с ребенком, право участвовать в его воспитании, решении вопросов его образования» [9, с. 43].

Анализ положений действующего законодательства об участии несовершеннолетних родителей в современном гражданском обороте, включая их сделкоспособность, позволяет говорить о том, что их семейный статус как бы предопределяет и их объем дееспособности. В личной неимущественной сфере не закреплено никаких ограничений на осуществление детско-родительских отношений и в ситуации раздельного проживания родителя с ребенком. Однако это не отменяет действие общего запрета: «родитель, с которым проживает ребенок, не должен препятствовать общению ребенка с другим родителем, если такое общение не причиняет вред физическому и психическому здоровью ребенка, его нравственному развитию» (п.1 ст. 66 СК РФ) [1]. «Если же в семье нарушаются права ребенка, государство заинтересовано в пресечении нарушений такого рода» [10, с. 38].

Таким образом, отдельные вопросы реализации несовершеннолетними родителями своих прав в условиях современного гражданского оборота актуальны для исследователей.

Литература и источники

1. Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ (в ред. от 02.07.2021) // СЗ РФ. 1996. №1. Т.16.
2. Семенова И.Ю. Действие правовых стимулов и ограничений в регулировании личных прав и обязанностей супругов // Право и государство: теория и практика. 2011. №3(75). С. 14-20.
3. Пергамент А.И. Основания возникновения и сущность родительских прав // Право. 2016. №12. С. 20-21.
4. Рясенцев В.А. Семейное право // Право. 2017. №4. С. 68-71.
5. Долгов Ю.Г. Охраняемые законом интересы супругов, родителей и несовершеннолетних детей в семейном праве Российской Федерации // Правда. 2016. №9. С. 44-45.
6. Федеральный закон РФ «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (в ред. от 01.03.2022) // СЗ РФ. 2012. №53 (часть I). Ст.7598.
7. Максимович Л.Б. Материнство и отцовство: эволюция правового регулирования // Семейное право России. 2016. №4. С. 118-120.
8. Семенова И.Ю. Особенности медиации в семейных отношениях // Oeconomia et Jus. 2018. № 3. С. 63-70.
9. Савельева Н.М. Правовое положение ребенка в Российской Федерации: гражданско-правовой и семейно-правовой аспекты // Правда. 2017. №1. С. 43-45.
10. Семенова И.Ю. Лишение родительских прав как объект семейно-правового регулирования // Марийский юридический вестник. 2017. №2 (21). С. 38-40.

References and Sources

1. Semejnij kodeks RF ot 29.12.1995 № 223-FZ (v red. ot 02.07.2021) // SZ RF. 1996. №1. T.16.
2. Semenova I.Yu. Dejstvie pravovyh stimulov i ogranichenij v regulirovanii lichnyh prav i obyazannostej suprugov // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2011. №3(75). S. 14-20.

3. Pergament A.I. Osnovaniya vzniknoveniya i sushchnost' roditel'skikh prav // Pravo. 2016. №12. S. 20-21.
4. Ryasencev V.A. Semejnoe pravo // Pravo. 2017. №4. S. 68-71.
5. Dolgov Yu.G. Ohranyaemye zakonom interesy suprugov, roditel'ej i nesovershennoletnih detej v semejnom prave Rossijskoj Federacii // Pravda. 2016. №9. S. 44–45.
6. Federal'nyj zakon RF «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» ot 29.12.2012 № 273-FZ (v red. ot 01.03.2022) // SZ RF. 2012. №53 (chast' I). St.7598.
7. Maksimovich L.B. Materinstvo i otcovstvo: evolyuciya pravovogo regulirovaniya // Semejnoe pravo Rossii. 2016. №4. S. 118–120.
8. Semenova I.Yu. Osobennosti mediacii v semejnyh otnosheniyah // Oeconomia et Jus. 2018. № 3. S. 63-70.
9. Savel'eva N.M. Pravovoe polozhenie rebenka v Rossijskoj Federacii: grazhdansko-pravovoj i semejno-pravovoj aspekty // Pravda. 2017. №1. S.43-45.
10. Semenova I.Yu. Lishenie roditel'skikh prav kak ob"ekt semejno-pravovogo regulirovaniya // Marijskij juridicheskij vestnik. 2017. №2(21). S.38-40.

КУПИРОВА ЧУЛПАН ШЕУКАТОВНА – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Чувашский государственный университет (chupan27@bk.ru).

CUPIROVA, CHULPAN SH. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Criminal Law, Chuvash State University.

УДК 349.3

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-1-187-191

АФАНАСЬЕВ М.А., МИШИНА Н.В., КУРТЫНОВ И.В.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ (ПЕРСОНИФИЦИРОВАННЫЙ) УЧЕТ И ВЫПЛАТА ПОСОБИЙ ПО БЕЗРАБОТИЦЕ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ: НОВОВВЕДЕНИЯ В ЗАКОНЕ И ПРАКТИКА

Ключевые слова: безработица, пособия, пандемия, COVID-19, учет безработных.

В статье изучены такие актуальные вопросы как выплата пособий по безработице в период пандемии, порядок их начисления и актуализированные способы их получения, принимая во внимание неблагоприятную эпидемиологическую обстановку не только в РФ, но и в мире. К сожалению, неблагоприятная ситуация, возникшая в каждой стране, в связи с распространением такого заболевания как COVID-19, диктует новые правила для реализации в том числе социальных гарантий, принятых на себя государством, независимо от экономических и иных проблем, которые возникают в различные времена. Авторы рассмотрели, как изменился порядок получения пособия по безработице в период пандемии, насколько данный порядок поможет гражданам, нуждающимся в таком пособии, получить его в упрощенном порядке.

AFANASYEV, M.A., MISHINA, N.V., KURTYNOV, I.V.

INDIVIDUAL (PERSONALIZED) ACCOUNTING AND PAYMENT OF UNEMPLOYMENT BENEFITS DURING THE PANDEMIC: INNOVATIONS IN LAW AND PRACTICE

Key words: unemployment, benefits, pandemic, COVID-19, registration of the unemployed.

This article examines such topical issues as the payment of unemployment benefits during the pandemic, the procedure for their accrual and updated ways of obtaining them, taking into account the unfavorable epidemiological situation not only in the Russian Federation, but also in the world. Unfortunately, such an unfavorable situation that has arisen in every country, due to the spread of such a disease as COVID-19, dictates new rules for the implementation, including social guarantees, assumed by the state, regardless of the economic and other problems that arise at different times. Therefore, let's consider how the procedure for receiving unemployment benefits has changed during the pandemic, to what extent such an order will help citizens in need of such benefits to teach them in a simplified manner.

В начале пандемии COVID-19 остро встал вопрос о минимизации административных и технологических барьеров для работников, которые потеряли работу и нуждаются в получении материальной поддержки, но прийти в государственные органы (службу занятости) из-за карантинных ограничений не могут.

Федеральный закон от 24.04.2020 № 136-ФЗ «О внесении изменений в статьи 2 и 11 Федерального закона «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования» предоставил Правительству РФ в 2020 г. право определения особенностей и сроков предоставления необходимых данных об осуществлении трудовой деятельности зарегистрированных лиц в соответствующие подразделения ПФР. Кроме того, по смыслу данного закона, его положения касались передачи соответствующих сведений о трудоустройстве или прекращении трудовых отношений в онлайн режиме при соблюдении определенных сроков. Данные изменения первоначально было принято решение применять на территории с 2021 г., но с учетом сложной эпидемиологической обстановкой и необходимости соблюдения необходимых ограничительных мер, его действие вводилось с 15.04.2021 г. В этой связи, у граждан отпала необходимость предоставлять трудовые книжки непосредственно в центры занятости, поскольку сведения о стаже могут быть предоставлены как уполномоченными органами, так и самим заявителем в рамках электронного документооборота.

С учетом изложенного, можно сделать вывод, что, как установлено Постановлением Правительства РФ от 8 апреля 2020 г. № 460 «Об утверждении временных правил регистрации граждан в целях поиска подходящей работы и в качестве безработных, а также осуществления социальных выплат гражданам, признанным в установленном порядке безработными» (п. 6), на

работодателя возложена обязанность предоставления в ПФР информацию как о заключении трудового договора, так и его расторжении, не позднее одного рабочего дня, после издания соответствующего приказа/распоряжения. Предоставление подобного рода отчетности касается также и любых иных решений, а также документации, подтверждающих оформление трудовых отношений, в том числе и путем электронного документооборота. Так, к примеру, существует механизм получения заявления от гражданина о регистрации его в качестве безработного через официальный портал «Работа в России», а сведения о трудовой деятельности такого гражданина запрашивается Центром занятости по СМЭВ непосредственно в Пенсионном фонде

С января 2021 г. вся трудовая деятельность фиксируется в электронном формате, в связи с чем на Пенсионный фонд возложен контроль за соблюдением законодательства по персонифицированному учету работающих граждан, как администратора системы персонифицированного учёта. С учетом сложившейся экономической ситуации, с целью контроля динамики рынка труда, наличие или отсутствие злоупотреблений в сфере трудового законодательства вышеназванным нормативным актом устанавливается специальный порядок, а также сроки, когда такие сведения должны быть представлены в территориальные органы Пенсионного фонда Российской Федерации, возлагая таким способом на работодателей обязанность в более короткие сроки предоставлять отчетность в отношении работников. Изменение сроков связано с необходимостью оперативного контроля за занятостью населения в условиях распространения COVID-19 и углубления связанного с этим экономического кризиса, что является положительным аспектом для граждан, вынуждено прекративших свою трудовую деятельность из-за кризисных явлений и обращающихся за назначением пособия по безработице в центры занятости. Последние, в свою очередь, получили возможность оперативно осуществлять выплаты.

Каких-либо иных мер по дополнительному законодательному урегулированию по принятым нормам ФЗ от 24.04.2020 № 136-ФЗ не требуется. Однако возникает актуальный вопрос о том, что, в случае законодательного закрепления со стороны государства такого механизма как безработица, главной целью закона ставится не возврат граждан, не имеющих работу, в сферу занятости, а ограничение формальной материальной поддержки в виде выплаты пособия по безработице. В таком случае, безусловно, гражданам, обладающим статусом безработных, гарантируется выплата не ниже прожиточного минимума. Однако если посмотреть официальные данные Центра занятости, такой размер пособия по безработице до наступления пандемии являлся крайне низким. При этом надо учитывать, что многие граждане, лишившиеся работы, не обращались в Центры занятости по различным причинам. Иногда, к сожалению, ввиду отсутствия желания получить информацию о том, что такой Центр не только выплачивает пособия, но и оказывает содействие по трудоустройству, а также по переобучению, профессиональной переподготовке, происходит формальное занижение статистических данных о количестве безработных на территории РФ. Такой вывод основан и на том, что, в связи с повышением размера пособия по безработице, также выросло количество официально зарегистрированных безработных граждан (согласно официальной статистике с 4 % до 6,1 % по всей территории РФ).

При этом, чтобы со стороны государства выполнить обязательства по социальной поддержке, в том числе такой категории граждан, которые лишились работы и заработка, а также по поддержке рынка труда, был упрощен процесс регистрации в качестве безработных. Так, например, в период пандемии появилась достаточно удобная услуга - если пройти регистрацию «Работа в России», через официальную платформу Госуслуги, то гражданину даже не надо предоставлять документы, связанные с работой (трудовую книжку, приказ об увольнении, среднем заработке и т.д.), так как все эти сведения собираются в порядке электронного документооборота. Заявителю достаточно заполнить электронное заявление и резюме. Остальная нужная информация будет собрана Центром занятости в течении десяти дней, в течении которого заявителю предложат пройти онлайн-собеседование в случае подбора подходящей вакансии. В случае, если работа для кандидата не будет найдена, гражданина признают официально безработным.

Однако не следует забывать, что в период пандемии, у центров занятости первоочередной задачей становится оказание содействия гражданам в трудоустройстве, профессиональной поддержке, а у последних – обязанность незамедлительно реагировать на такие предложения в получения работы.

В целом, рассматривая получение социальных услуг в цифровом виде, нужно признать, что на сегодняшний день цифровизация затрагивает не только все личное пространство, но прочно закрепляется в сферах общественной жизни. Не обошло внедрение электронного документооборота и область социальных услуг.

Существует множество определений цифровизации. Но при единообразном подходе следует все-таки исходить из такого понятия как этап активной реализации той или иной информации в области оказания или предоставления социальных услуг через цифровые механизмы. Это осуществляется в различных формах с целью получения гражданами жизненно необходимых потребностей, что с помощью цифровых технологий это лишь делает социальные услуги более доступными, в том числе на различных этапах оказания такой помощи.

Хотелось бы обратить внимание, что активное внедрений интернет технологий, а также доступность и прозрачность в работе государственных и муниципальных структур является одним из важных факторов и показателей развития современного общества. Хорошая доступность информации через Интернет, которая осуществляется в соответствии с действующим законодательством, в частности, является необходимостью для лиц, нуждающихся в социальной поддержке. На информационных ресурсах имеется вся необходимая информация, а именно: актуальные программы по мерам поддержки, консультационные формы поддержки, которые осуществляются в режиме онлайн, иные меры помощи.

Если говорить о самом распространенном виде реализации социальных услуг, предоставления информации о самых их актуальных видах, то здесь безусловно необходимо обратить внимание на Интернет сервисы, поскольку принимается во внимание скорость и легкость размещения необходимых данных о таких услугах, категории лиц, имеющих право на ту или иную помощь или поддержку и как ее получить в упрощенном порядке. К таким сервисам можно отнести: услуги по консультированию необходимыми специалистами, в том числе в режиме онлайн, подбору конкретной социальной поддержки или помощи, в случае необходимости выбора специалиста для ускорения решения проблемы, требующего незамедлительной обращения внимания на конкретного человека, оказания содействия по получению электронных услуг и др.

Однако надо понимать, кто является целевой аудиторией для получения социальных услуг с помощью интернет сервисов, использования цифровых сервисов. Поскольку категория граждан, нуждающиеся в получения социальной помощи и услуг, является очень разноплановой (при этом различия заключаются как в возрасте, так и в возможностях пользоваться цифровыми методами), здесь следует обратить внимание на профессиональный уровень сотрудников Центров «Мои документы» (многофункциональных центров), которые оказывают содействие в получении гражданами различных необходимых видов социальной помощи, в случае их обращения, поскольку непосредственно оказывают содействие в электронном документообороте в ведомственных организациях, что значительно упрощает оформление и предоставление социальных услуг в день обращения и получения необходимой информации заявителя по нужным вопросам. В этой связи, нельзя не отметить высокий уровень и информационную открытость в межведомственной работе с гражданами именно органов социальной защиты населения.

Одновременно, известно, что, в случае возникновения каких-либо споров, проблем при реализации прав на социальную поддержку или получение социальных услуг с помощью цифровых возможностей Институт Уполномоченного по правам человека реализует такой важный механизм, как защита прав граждан как во внесудебном порядке, так и непосредственно в судах. Для многих категорий граждан, особенно оказавшихся в тяжелой жизненной ситуации, социально не защищенных, такой Институт является неким посредником, помощником во взаимодействии с государственными органами, в том числе с помощью цифровых технологий, применяя электронный документооборот. При этом надо учитывать, что самым известным и часто используемым фактором при взаимодействии граждан с определенными ведомствами (в том числе, государственными органами, в которые реализуются социальная поддержка), являются безусловно социальные интернет сети.

Хотелось бы обратить внимание, что в социальные сферы очень прочно стали внедряться такие инновации, как практическая работа различных департаментов в рамках межведомственной работы в социальной сфере для решения как раз актуальных и значимых задач населения, где именно такая нуждаемость проявляется очень ярко. При этом выявляются самые острые и

необходимые потребности населения. Это, например, безработица, проблемы миграции, трудоустройство трудоспособного молодого населения, а также иных лиц, желающих себя реализовать, насущные демографические вопросы и проблемы, проблемы транспортной доступности и экологии в жизненно важных направлениях.

Главными факторами инноваций в области социальных услуг является именно такое направление, которое нацелено на достижение и получения социальных благ, которые отвечают полностью основным потребностям населения. При этом все то, что внедряется, должно отвечать требованиям новизны, современности и не быть формально существующим, а характеризоваться доступностью в получении и оказании реальной помощи нуждающимся в такой помощи гражданам. Данные обстоятельства будут отвечать всем этим критериям при активном взаимодействии с ведомствами и госорганами, чья работа непосредственно связана с оказанием социальных услуг.

Использование социальных инноваций в социальной сфере проявляется, например, через цифровизацию социально-медицинских услуг, которые активно реализуются не только государственными организациями, но и частными компаниями. Например, самым ярким решением в данном направлении является именно предоставление медицинских услуг населению, особенно социально незащищенным гражданам.

Технически это можно сделать через приложения в часах, ноутбуках, где есть программа «Здоровье», которая предоставляет возможность вносить необходимые сведения для мониторинга, в том числе в критической ситуации, если с человеком случилась проблема на улице. Для некоторых версий гаджетов есть возможность наблюдать электронное ЭКГ. Также можно еще привести в пример такие приложения, которые компенсируют звук и изображения, для лиц с проблемами слуха и зрения. Самой популярной платформой в данном случае является «Яндекс», которая, благодаря специальному программному обеспечению, помогает слабослышащим или глухим людям общаться с другими людьми, переводя письменную и устную речь.

И конечно, стоит обратить внимание на такое приложение, как «Smooth», которое помогает маломобильной группе населения, представители которой не могут самостоятельно передвигаться (им выбираются специальные маршруты, где также доступны специально оборудованные пешеходные зоны или общественный транспорт).

Также нельзя не отметить такие приложения, которые помогают людям ориентироваться по времени приема лекарства, соблюдению времени и качества питания, а также адаптироваться в повседневной жизни лицам, страдающим аутизмом или эпилепсией, диабетом и иными тяжелыми заболеваниями.

Нельзя не обратить внимание на реализацию возможности получения услуг на развитие такой современной системы как ЕГИССО (единой государственной информационной системы социального обслуживания), принимая во внимание наличие системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ). В процессе реализации указанных программ, формируется вся необходимая информация о нуждаемости человека в той или иной помощи, а впоследствии подбирается перечень жизненно важных услуг, периодичность их назначения и порядок получения таких услуг.

Таким образом, на сегодняшний день, вопрос цифровизации социальных услуг является современным способом поддержки со стороны государства нуждающихся граждан, что является юридически значимыми событиями в правовом обществе.

Литература и источники

1. Распоряжение Правительства РФ от 20 февраля 2021 г. № 431-р «Об утверждении Концепции цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты РФ, на период до 2025 г.» // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400288029/>.
2. Официальный сайт Департамента труда и социальной защиты населения // <https://dszn.ru/>
3. Закон РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» // <https://base.garant.ru/10164333/>
4. Постановление Правительства РФ от 8 апреля 2020 г. № 460 «Об утверждении Временных правил регистрации граждан в целях поиска подходящей работы и в качестве безработных, а также осуществления социальных выплат гражданам, признанным в установленном порядке безработными» // <https://base.garant.ru/73868554/>
5. Постановление Правительства РФ от 27 марта 2020 г. № 346 «О размерах минимальной и максимальной величин пособия по безработице на 2020 год» // <https://base.garant.ru/73816518/>
6. Осуществление социальных выплат гражданам, признанным безработными, в период пандемии // <http://ivo.garant.ru/#/document/77398983/paragraph/1:0>

References and Sources

1. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 20 fevralya 2021 g. № 431-r «Ob utverzhdenii Konceptii cifrovoj i funkcional'noj transformacii social'noj sfery, otnosyashchejsya k sfere deyatel'nosti Ministerstva truda i social'noj zashchity RF, na period do 2025 g.» // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400288029/>.
2. Oficial'nyj sajt Departamenta truda i social'noj zashchity naseleniya// <https://dszn.ru/>
3. Zakon RF ot 19 aprelya 1991 g. № 1032-1 «O zanyatosti naseleniya v Rossijskoj Federacii»// <https://base.garant.ru/10164333/>
4. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 8 aprelya 2020 g. № 460 «Ob utverzhdenii Vremennyh pravil registracii grazhdan v celyah poiska podhodyashchej raboty i v kachestve bezrobotnyh, a takzhe osushchestvleniya social'nyh vyplat grazhdanam, priznannym v ustanovlennom poryadke bezrobotnymi» // <https://base.garant.ru/73868554/>
5. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 27 marta 2020 g. № 346 «O razmerah minimal'noj i maksimal'noj velichin posobiya po bezrobotice na 2020 god» // <https://base.garant.ru/73816518/>
6. Osushchestvlenie social'nyh vyplat grazhdanam, priznannym bezrobotnymi, v period pandemii // <http://ivo.garant.ru/#/document/77398983/paragraph/1:0>

АФАНАСЬЕВ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ – кандидат юридических наук, доцент, Московский международный университет; Институт международного права и экономики им. А. С. Грибоедова (m_afanasev@mail.ru).

МИШИНА НАТАЛЬЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА - доктор политических наук, профессор кафедры истории, теории государства и права и международного права, профессор кафедры юриспруденции Московского международного университета, академик Российской муниципальной академии

КУРТЫНОВ ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ - кандидат юридических наук, доцент, Московский международный университет, РАНХиГС при Президенте РФ, полковник полиции в отставке.

AFANASYEV, MIKHAIL A. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Moscow International University, Griboyedov Institute of International Law and Economics (m_afanasev@mail.ru).

MISHINA, NATALYA V. - Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of History, Theory of State and Law and International Law, Professor of the Department of Jurisprudence, Moscow International University, Academician of the Russian Municipal Academy.

KURTYNOV, IGOR V. - Ph.D. in Law, Associate Professor, Moscow International University, RANEPА under the President of the Russian Federation; Retired Police Colonel.

УДК 368.914.2

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-1-191-196

ЯКОВЕНКО Н.А.

НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПЕНСИОННЫЕ ФОНДЫ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В РОССИИ

Ключевые слова: негосударственные пенсионные фонды, пенсионное обеспечение, обязательное социальное страхование, накопительные пенсии, добровольное пенсионное страхование.

В статье анализируются понятия негосударственных пенсионных фондов, дополнительного пенсионного обеспечения, накопительной пенсии. Автор уделяет внимание основам законодательного регулирования указанных институтов, проводит их теоретический анализ, а также обозначает перспективы развития системы добровольного пенсионного обеспечения в России и характеризует ряд сдерживающих факторов, препятствующих их полноценному развитию. По итогу анализа зарубежных систем добровольного пенсионного страхования, автор приходит к выводу, что преимущества НПФ как рыночного пенсионного института могут быть реализованы при соблюдении следующих условий: наличие детально разработанной законодательной базы, государственные механизмы управления и контроля, системы и процедуры согласования деятельности различных субъектов правоотношений в этой сфере.

YAKOVENKO, N.A.

NON-STATE PENSION FUNDS: DEVELOPMENT PROSPECTS IN RUSSIA

Key words: non-state pension funds, pension provision, compulsory social insurance, funded pensions, voluntary pension insurance.

The article analyzes the concepts of non-state pension funds, additional pension provision, funded pension. The author pays attention to the basics of legislative regulation of these institutions, conducts their theoretical analysis, and also outlines the prospects for the development of the voluntary pension system in Russia and characterizes a number of constraints that impede their full development. Based on the analysis of foreign systems of voluntary pension insurance, the author comes to the conclusion that the advantages of the NPF as a market pension institution can be realized subject to the following conditions: the presence of a detailed legislative framework, state management and control mechanisms, systems and procedures for coordinating the activities of various subjects of legal relations in this area.

Негосударственные пенсионные фонды (далее - НПФ) – сравнительно новый для России финансовый институт, с помощью которого происходит расширение возможностей для самостоятельного формирования гражданами будущих пенсий, что отвечает современным тенденциям развития общества. Роль данного института в последнее время стремительно возрастает, что связано как с аккумуляцией НПФ значительных финансовых ресурсов, так и с развитием негосударственного пенсионного обеспечения и переходом к накопительной пенсионной системе в системе обязательного пенсионного страхования. В основе негосударственного обеспечения граждан заложен принцип долгосрочного накопления средств, поступающих на личные счета граждан в виде их взносов и отчислений работодателей, а также доход от инвестиций пенсионных активов НПФ. Негосударственная пенсия – весомая доплата к страховой или государственной пенсии, позволяющая обеспечить более высокий уровень жизни.

Развитие негосударственного пенсионного обеспечения началось в первой половине XX века. Первое время в нем принимали участие наемные работники и граждане с достаточно высоким уровнем доходов, которые в соответствии с законодательством не подлежали обязательному пенсионному страхованию. Постепенно в процесс по дополнительному формированию пенсии подключились работники со средним уровнем дохода и заработной платы [1]. Действующая в данный момент пенсионная система не создает стимула для повышения уровня официального дохода, так как это недостаточно эффективно отражается на размере будущей пенсии. В существующих экономических условиях наиболее действенным механизмом социальной защиты и повышения уровня жизни пенсионеров представляется развитие негосударственного пенсионного обеспечения. Пенсионная система, представленная государственными и негосударственными пенсионными институтами, выступает в качестве основного элемента социального обеспечения граждан, основной целью, которой является формирование комфортного финансового положения граждан в преклонном возрасте.

Деятельность НПФ регулируется Федеральным законом от 7 мая 1998 г. № 75-ФЗ «О негосударственных пенсионных фондах» (далее - Законом об НПФ), согласно которому под НПФ понимается организация, исключительной деятельностью которой является негосударственное пенсионное обеспечение, в том числе досрочное негосударственное пенсионное обеспечение, и обязательное пенсионное страхование [2]. Работа ведется фондом на основании разрешения - лицензии на осуществление деятельности по пенсионному обеспечению и пенсионному страхованию.

Ю.Ю. Финогенова, исследуя понятие НПФ, придерживается легального определения, и формулирует его сущность на основе содержания и характера деятельности фонда, которая заключается в аккумулировании средств на дополнительное пенсионное обеспечение [3, с. 71]. В.И. Чугунов определяет НПФ более развернуто, уточняя виды деятельности НПФ по накоплению и инвестированию денежных средств, осуществления пенсионных выплат и других операций по обеспечению повышенного уровня дополнительного негосударственного пенсионного обеспечения [4, с. 31]. В свою очередь, К.М. Тулепбаев указывает, что НПФ не что иное, как особый экономический субъект, реализаций функций которого основана на страховых принципах. В сферу ответственности фонда входит решение вопросов социального (пенсионного) обеспечения граждан путем аккумулирования денежных средств и их использования их для последующих выплат [5, с. 95].

Пенсионная реформа, проведенная в России в 2002 г., предусматривала создание системы пенсионного обеспечения, которая основана на многоуровневом подходе к формированию пенсии. Первый уровень образуют базовые пенсии, второй – страховые (трудовые) и третий – негосударственные пенсии. Пенсионные выплаты будет состоять из государственных и дополнительных, негосударственных поступлений, формируемых за счет различных пенсионных программ предприятий, организаций, административно-территориальных образований, личного пенсионного страхования граждан, производящих накопление денежных средств в страховых компаниях или НПФ.

В результате проведенных реформ, изменениям подверглась форма деятельности НПФ. Если раньше НПФ действовали как некоммерческие организации, то в настоящее время их организационно-правовая форма изменена на акционерные общества.

НПФ призваны выполнять в обществе важные социальные и экономические функции. Во-первых, НПФ выступает в качестве социального института, предоставляя людям возможность самостоятельно обеспечить себе более высокий уровень жизни в пенсионном возрасте, чем тот минимальный уровень удовлетворения потребностей, который гарантирует государство. Во-вторых, НПФ выполняет роль финансового института, так как аккумулирует и инвестирует пенсионные взносы, а полученный доход распределяет среди участников фонда.

На основании отмеченного выше можно сделать вывод, что НПФ оказывают влияние, как на социальную сферу общества, так и на экономическую.

К социальным функциям НПФ можно отнести:

- обеспечение достойного уровня жизни для граждан пенсионного возраста;
- сохранение покупательской способности пенсионеров;

- предотвращение негативных социальных последствий снижения уровня доходов населения;

- формирование рабочих мест.

К экономическим функциям относятся:

- инвестиционная - согласно Федеральному закону от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» под инвестицией, понимаются денежные средства, ценные бумаги, иное имущество, вкладываемые в объекты предпринимательской и иной деятельности в целях получения прибыли [6]. НПФ осуществляют свою инвестиционную деятельность через инвестиционные портфели фонда - активы, сформированные за счет средств пенсионных накоплений;

- перераспределительная – доход, который получил НПФ в результате размещения пенсионных резервов, распределяется на пенсионные счета между всеми вкладчиками и участниками;

- аккумулятивное финансирование – НПФ в соответствии с возложенными на него обязанностями и функциями определяет направления, порядок и условия размещения пенсионных резервов. Размещение пенсионных резервов возможно как самостоятельно фондом, так и через управляющие компании;

- преумножение вложений – увеличение размера пенсионных накоплений в НПФ за счет их размещения в управляющие компании либо за счет своих инвестиций.

Таким образом, негосударственный пенсионный фонд – это социально экономический институт, функционирующий в рамках пенсионной системы, деятельность которого направлена на сохранение и преумножение аккумулятивного пенсионного капитала посредством инвестирования пенсионных средств с помощью управляющих компаний либо путем прямого инвестирования в целях обеспечения прироста пенсионных вложений и увеличения выплат граждан при выходе на пенсию.

Важная роль негосударственных пенсионных фондов заключается не только в предоставлении услуг в сфере дополнительного пенсионного обеспечения, но и в обеспечении инвестиционных потребностей реального сектора экономики путем перераспределения свободных финансовых ресурсов субъектов хозяйствования и населения.

Большое значение для успешного развития негосударственного пенсионного обеспечения в России имеет изучение зарубежного опыта по данному вопросу, а также его адаптация к отечественным условиям осуществления социальной политики. Следует отметить, что в развитых странах 60% пенсий формируется за счет частных сбережений, профессиональных пенсионных систем и дохода от работы, а 40% – из государственного сектора через системы обязательного социального страхования по старости и инвалидности и через систему социальной помощи.

При всем разнообразии видов пенсионного обеспечения в мире все они основываются на двух базовых моделях пенсионного обеспечения – Бисмарка и лорда Бевеиджа. Основными характерными чертами пенсионной системы по модели Бисмарка, являются:

- главенствующая роль института обязательного пенсионного страхования, общая доля которого составляет более 60% всех пенсионных накоплений;

- определение размера пенсионных выплат направлено на замещение заработной платы в достаточно высоком процентном соотношении (65-75%);

- дополнительное добровольное пенсионное страхование имеет вспомогательное значение;

- наличие страховых услуг по системе обязательного пенсионного страхования.

Для модели Бисмарка характерны демократичные способы и методы управления, прозрачность и определенность всех финансовых поступлений и расходов, некоммерческий характер деятельности страховых компаний, которые строго контролируются с помощью государственных, правовых и финансовых механизмов. Таким образом, в исследуемой модели преобладает регулируемое законодательством обязательное пенсионное страхование. Традиционным примером функционирования пенсионной системы по указанной модели является Германия, где более 2/3 населения в возрасте от 15 до 65 лет застрахованы в системе ОПС, а размер выплат составляет около 65% от общего объема, производимых всеми другими пенсионными институтами [7, с. 187].

Среди государств, использующих как основу построения системы пенсионного обеспечения модель лорда Бевериджа, можно выделить Японию, США, Великобританию, Канаду. В пенсионных системах, действующих по модели Бевериджа, пенсионные выплаты распределяются по трем уровням:

1) базовые государственные пенсии, формируемые за счет обязательной уплаты взносов организаций-работодателей и работников, которые предназначены для всех пенсионеров в одинаковом размере (около 20% от средней заработной платы). Они призваны гарантировать прожиточный минимум пенсионера;

2) профессиональные пенсии, уплачиваемые на добровольной основе, которые формируются за счет увеличенных взносов работодателей и работников, которые после 40 лет страхового стажа составляют примерно 50-65% средней заработной платы в последние годы перед выходом на пенсию;

3) индивидуальные добровольные пенсионные институты, которые формируют средства за счет накоплений частных НПФ и страховых организаций [7, с. 188].

Таким образом, различие двух вышеназванных моделей пенсионных систем кроется в степени государственного участия в формировании пенсии. Модель Бисмарка ставит цель максимально сохранить доход гражданина после выхода на пенсию. Традиционная модель лорда Бевериджа имеет цель обеспечить основные жизненные потребности пенсионеров. Исследуя статистические данные о размере накоплений НПФ в иностранных государствах в процентном соотношении к валовому национальному продукту (далее – ВВП), можно прийти к выводу, что, начиная с 1970 г., данные институты, накапливая значительные финансовые средства, стали значимыми и активными участниками национальных финансовых систем, а также всего мирового инвестиционного процесса, а кроме того важным элементом системы пенсионного обеспечения. Средства пенсионных фондов в таких государствах, как Швейцария, Нидерланды, Великобритания составляют около половины к размеру ВВП.

Построение эффективной пенсионной системы во многом зависит не только от государства, но и от совместных усилий бизнеса и самих граждан.

При действующей системе пенсионного обеспечения большинство граждан в России получают пенсию, которая значительно ниже их среднего дохода в период трудовой деятельности. В настоящее время размер пенсии в РФ чуть больше 20% от средней заработной платы по стране. В связи с этим, государство поощряет граждан самих формировать денежные накопления на будущую пенсию. Достижение высокого уровня замещения пенсией утраченного заработка или дохода, и обеспечение достойного уровня жизни пенсионеров крайне затруднительно без личного участия граждан.

Предназначение НПФ заключается в создании возможностей для более полного удовлетворения потребностей как работников, так и работодателей, а также неработающих граждан и государства в формировании финансовых источников для полноценного пенсионного обеспечения застрахованных лиц.

Е.В. Сургутскова выделяет следующие преимущества негосударственного пенсионного обеспечения:

– доступность негосударственного пенсионного обеспечения каждому человеку, даже если он на протяжении своей жизни не работал по трудовому договору и не делал отчислений в социальные фонды. В настоящее время государство гарантирует физлицам, не имеющим официального страхового (трудового) стажа, только социальную пенсию. Такой гражданин будет иметь возможность увеличить пенсию за счет взносов в НПФ;

– взносы на пенсионное обеспечение в НПФ могут поступать как от самого страхователя, так и иных лиц: супруга (супруги), детей, иных родственников, и даже работодателя;

– негосударственное пенсионное обеспечение не заменяет пенсию, формируемую государством, а также не зависит от тех условий, которые необходимы для получения пенсии за счет средств обязательного пенсионного страхования. За счет средств НПФ выплачивается накопительная пенсия;

– накопительную пенсию могут наследовать родственники страхователя, в то время как страховую пенсию унаследовать нельзя [8, с. 142].

Обеспечение населения пенсиями является одной из самых значительных социальных гарантий государства. Эта гарантия непосредственно затрагивает интересы более 30% населения, а косвенно и все население [9, с. 292].

В позитивном ракурсе перспективы развития негосударственных пенсионных фондов в России возможны по следующим направлениям:

1) негосударственные пенсионные фонды в дальнейшем будут усиливать свои позиции на фондовом рынке;

2) негосударственные пенсионные фонды будут занимать место стабильных и надежных институтов в рыночной экономике;

3) государство будет стимулировать развитие негосударственных пенсионных фондов в системе обязательного пенсионного страхования.

Однако, при сохранении финансовых рисков и неблагоприятных экономических условий, а также невысокой продолжительности жизни значительной части населения, НПФ рискуют стать лишь вспомогательным механизмом обеспечения пенсионных прав некоторых граждан страны, кто может себе это позволить.

Одним из составляющих современной пенсионной системы должно быть государственное стимулирование участия работодателей и граждан в системе частного (негосударственного) пенсионного обеспечения.

Несмотря на то, что законодательством предусмотрены гарантии сохранности пенсионных накоплений граждан, одним из основных рисков, препятствующих развитию НПФ является низкий уровень доверия граждан частным организациям в сфере пенсионного обеспечения.

На развитии негосударственного пенсионного обеспечения в России также сказываются низкий уровень заработной платы, с которой работники добровольно могут направлять взносы на пенсионные накопления, недостаточно привлекательные условия вложения денежных средств в НПФ, отсутствие навыков самостоятельной заботы о своем будущем пенсионном обеспечении.

Для дальнейшего совершенствования НПФ необходимы следующие условия:

– привлечение дополнительных финансовых источников, которые бы сократили разрыв между доходами трудоспособного населения и размером пенсии. Для этого нужны действенные механизмы стимулирования работников и работодателей к формированию пенсионных накоплений в НПФ.

– повышение уровня доверия населения к системе негосударственного пенсионного обеспечения, информационная поддержка на основе повышения пенсионной грамотности населения.

– создание благоприятного налогового климата, отказ от подоходных налогов с взносов и инвестиционного дохода.

– развитие инфраструктуры рынков НПФ и системы долгосрочного страхования жизни граждан. Для эффективного развития инфраструктуры необходимы следующие меры: принятие дополнительных мер, обеспечивающих открытость и прозрачность рынков НПФ для всех лиц, принимающих в них участие; развитие и совершенствование законодательной основы; повышение квалификации специалистов, работающих на рынках НПФ и услуг по страхованию жизни в долгосрочной перспективе.

Все эти меры будут эффективны только при условии роста уровня жизни граждан и их доходов, что позволит повысить вложения в систему негосударственного пенсионного обеспечения. Кроме того, необходимо продолжить развитие цифровизации процедур установления и реализации прав граждан на пенсионное обеспечение с учетом развития электронных сервисов и межведомственного электронного взаимодействия с возможностью автоматизации данного процесса. Основной целью внедрения этих механизмов будет снижение расходов, не связанных непосредственно с пенсионными выплатами.

Таким образом, преимущества НПФ как рыночного пенсионного института могут быть реализованы при соблюдении следующих условий: наличие детально разработанной законодательной базы, государственные механизмы управления и контроля, системы и процедуры согласования деятельности различных субъектов правоотношений в этой сфере.

Литература и источники

1. Заргарян И.В. Пенсионное обозрение: электронный журнал. 2010. № 3 (июль – сентябрь) // URL: <http://pensionobserver.ru> (Дата обращения 12.03.2022 г.)

2. Федеральный закон от 7 мая 1998 г. № 75-ФЗ «О негосударственных пенсионных фондах» (в ред. от 21 декабря 2021 г.) // СЗ РФ. 1998. № 19. Ст. 2071.
3. Финогенова Ю.Ю. Пенсионное страхование. пособие. М.: Изд-во ГОУ ВПО «РЭА им. Г.В. Плеханова», 2010.
4. Чугунов В.И. Совершенствование механизма инвестирования пенсионных резервов как фактор развития негосударственных пенсионных фондов // Финансы и кредит. 2014. № 12(588).
5. Тулепбаев К.М. Методологические и исторические основы развития системы пенсионного обеспечения // Казахстан-Спектр. 2003. № 1.
6. Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» (в ред. от 30 декабря 2021 г.) // СЗ РФ. 1999. № 9. Ст. 1096.
7. Долженкова Г.Д. Право социального обеспечения: конспект лекций. М.: Издательство: Юрайт, 2011.
8. Сургутскова Е.В. Основные проблемы негосударственных пенсионных фондов и перспективы негосударственного пенсионного обеспечения в России. // Вестник Югорского государственного университета. 2015. № 38.
9. Мачульская Е.Е., Горбачева Ж.А. Право социального обеспечения: учеб. пособие. М.: Юристъ, 2010.

References and Sources

1. Zargaryan I.V. Pensionnoe obozrenie: elektronnyj zhurnal. 2010. № 3 (iyul' – sentyabr') // URL: <http://pensionobserver.ru> (Data obrashcheniya 12.03.2022 g.)
2. Federal'nyj zakon ot 7 maya 1998 g. № 75-FZ «O negosudarstvennyh pensionnyh fondah» (v red. ot 21 dekabrya 2021 g.) // SZ RF. 1998. № 19. St. 2071.
3. Finogenova Yu.Yu. Pensionnoe strahovanie. posobie. M.: Izd-vo GOU VPO «REA im. G.V. Plekhanova», 2010.
4. Chugunov V.I. Sovershenstvovanie mekhanizma investirovaniya pensionnyh rezervov kak faktor razvitiya negosudarstvennyh pensionnyh fondov // Finansy i kredit. 2014. № 12(588).
5. Tulepbaev K.M. Metodologicheskie i istoricheskie osnovy razvitiya sistemy pensionnogo obespecheniya // Kazahstan-Spektr. 2003. № 1.
6. Federal'nyj zakon ot 25 fevralya 1999 g. № 39-FZ «Ob investicionnoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii, osushchestvlyaej v forme kapital'nyh vlozhenij» (v red. ot 30 dekabrya 2021 g.) // SZ RF. 1999. № 9. St. 1096.
7. Dolzhenkova G.D. Pravo social'nogo obespecheniya: konspekt lekcij. M.: Izdatel'stvo: Yurajt, 2011.
8. Surgutskova E.V. Osnovnye problemy negosudarstvennyh pensionnyh fondov i perspektivy negosudarstvennogo pensionnogo obespecheniya v Rossii. // Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 38.
9. Machul'skaya E.E., Gorbacheva Zh.A. Pravo social'nogo obespecheniya: ucheb. posobie. M.: Yurist", 2010.

ЯКОВЕНКО НИНА АЛЕКСАНДРОВНА - кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Оренбургского института (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

YAKOVENKO, NINA A. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Labor Law and Social Security Law Orenburg Institute (Branch) of The Kutafin Moscow State Law University (ninelkrutova@list.ru).

УДК 347.97

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-1-196-200

САВЕНКОВА М.И.

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ
В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ**

Ключевые слова: суды общей юрисдикции, судебная система, деятельность судов, правосудие, судопроизводство.

Статья рассматривает отдельные аспекты деятельности судов общей юрисдикции в настоящее время. Анализируются вопросы кадрового, технического и материального обеспечения и оценки качества деятельности судов общей юрисдикции. Отражены основные положения зарубежных систем оценки качества деятельности судов. Отмечается, что на сегодняшний день суды общей юрисдикции функционируют достаточно активно, однако, существует ряд существенных моментов, нуждающихся в доработке. Система критериев и показателей эффективности функционирования судебной системы должна быть однозначно модернизирована, необходимо внести такие изменения, которые способствовали бы достоверности и полноте отражённых характеристик, и параметров дел, а также своевременно выявляли и прогнозировали степень потери эффективности, что позволит вовремя устранить причины и поднять эффективность. Дополнительное внимание государству стоит обратить на кадровые, технические и финансовые вопросы. Предложены пути и средства для устранения выявленных проблем в деятельности системы судов общей юрисдикции.

SAVENKOVA, M.I.

THE TOPICAL ISSUES OF THE ACTIVITIES OF COURTS OF GENERAL JURISDICTION IN RUSSIA

Key words: courts of general jurisdiction, judicial system, activity of courts, justice, legal proceedings.

The article examines certain aspects of the activities of courts of general jurisdiction at the present time. There are analyzed the issues of personnel, technical and material support and assessment of the quality of activities of courts of general jurisdiction. The main provisions of foreign systems for assessing the quality of the activities of courts are reflected. It is noted that today the courts of general jurisdiction are functioning quite actively, however, there are a number of significant points that need to be improved. The system of criteria and indicators of the effectiveness of the functioning of the judicial system should be unambiguously modernized, it is necessary to make such changes that would contribute to the reliability and completeness of the reflected characteristics and parameters of cases, as well as timely identify and predict the degree of loss of efficiency, which will allow timely elimination of the causes and increase efficiency. Additional attention to the state should be paid to personnel, technical and financial issues. The ways and means are proposed to eliminate the identified problems in the activities of the system of courts of general jurisdiction.

На сегодняшний день процесс развития Российского государства характеризуется активным интересом общества к системе судов. На основании статьи 1 Конституции Российской Федерации Россия является правовым государством, в котором механизму государственной, а точнее судебной, защиты отведено особое место [1].

Судебная система Российской Федерации достаточно обширна и включает в себя суды различной иерархии и назначения, однако, наиболее значимой является система судов общей юрисдикции. Из всех судов, входящих в судебную систему, она имеет наибольшее количество звеньев и рассматривает преобладающее количество споров, а по ряду вопросов выступает единственным возможным арбитром.

Система судов общей юрисдикции в России и её состояние на протяжении последних нескольких десятков лет являются наиболее активно обсуждаемыми темами. В дискуссиях учеными затрагиваются вопросы иерархии, внутреннего взаимодействия звеньев системы. Вопросы кадрового и финансового характера, обеспечения деятельности судов общей юрисдикции и иные не менее важны для должного, грамотного и рационального обеспечения правосудия. Однако, на наш взгляд, вопрос, связанный с деятельностью судов общей юрисдикции и повышением качества их работы, является наиболее значимым, так как при грамотном обеспечении работы аппарата суда непременно будет улучшено и качество осуществляемого правосудия.

В научных кругах в настоящее время возникают активные споры о ходе и влиянии судебной реформы на деятельность судов общей юрисдикции. Одни, например, Е.В. Красилова, А.Р. Байсултанов считают, что судебная реформа прошла достаточно успешно и быстро, после чего суды стали эффективно функционировать. Однако другие правоведы, к примеру, А.А. Дроздова, Н.С. Казаков придерживаются обратной позиции и считают, что реформа, не успев начаться, стала неким тормозом в развитии судебной системы, в целом, и судов общей юрисдикции - в частности. Суды стали недостаточно компетентными в своей деятельности. Всё чаще вынесенные решения являются недостоверными, неэффективными [2, с. 158]. При этом, если проанализировать текущую ситуацию в сфере оценки критериев деятельности системы судов общей юрисдикции, то можно заметить, что суды федерального уровня до сих пор используют советские стандарты показателей деятельности суда, разработанные еще в СССР [3, с. 135].

Если обратиться к истории советского правосудия, то можно выяснить, что подобные вопросы начали рассматриваться в конце 1960-х годов и занималась этим наука квалиметрия. С помощью данной дисциплины возможно выражать качество объекта исследования лишь количественным показателем. Использование данного метода подсчета эффективности деятельности судов общей юрисдикции в сегодняшних реалиях, на наш взгляд, нерационально и имеет несколько значительных недостатков:

- качественные показатели почти не используются, весь подсчёт основан на количественных данных;
- системные связи не берутся в расчёт;
- данный метод даёт характеристику лишь отдельным элементам деятельности судов общей юрисдикции, отбросив другие;
- основой является описание движения судебных дел;
- целью выступает контрольная функция;
- нет ориентира на потребности людей как участников судебного разбирательства [4, с. 30].

По своей сути, такая система направлена исключительно на оценку изменений статистических показателей внутри самой системы, что, на наш взгляд, не является верным. Имея в приоритете количественный показатель, судья будет стараться рассмотреть как можно больше дел, не вникая в их суть, а лишь стараясь более быстро вынести решение, что ведёт к частым судебным ошибкам и появлению неверной судебной практики, а также влечёт за собой возможные проблемы со здоровьем у сотрудников аппарата суда, вызванные переутомлением и хронической усталостью.

На сегодняшний день в судах общей юрисдикции нет четкого «плана» по рассмотрению дел. Однако если проанализировать судебную статистику за последние несколько лет, то на одного судью к рассмотрению приходится примерно 76 дел и материалов в месяц. При этом основная нагрузка приходится на судей мировых судов, как на нижестоящую ветвь системы судов общей юрисдикции [5, с. 143]. Достаточно часто реальное количество дел, рассматриваемых судьей, значительно выше. Просто данная информация редко когда отражается в статистических документах.

На наш взгляд, более целесообразным будет ввести в систему оценки каждого дела, как это

делает Страсбургский суд. Данное нововведение положительно скажется не только на работе судов общей юрисдикции и их аппарата, а на судебной системе России в целом, значительно повысит уровень доверия населения суду и правосудию. Не менее важным будет и изучение мирового опыта в вопросах улучшения качества деятельности судов общей юрисдикции. Например, достаточно популярной является система оценки качества деятельности судов, разработанная в США в 1987 году, получившая название Стандарты эффективности судебного процесса. Данные Стандарты содержат в себе 75 критериев судопроизводства и 22 стандарта, направленных на повышение уровня эффективности деятельности судов [6, с. 193]. Помимо Стандартов, в США активно используются и действуют «Правила судов», которые также направлены на повышение качества работы судебных органов [7, р. 14].

Не менее интересным образом организована система оценки качества судебной деятельности и в Нидерландах. Система обеспечения качества работы судов здесь состоит из 5 элементов: независимость и беспристрастность, своевременность судебных процедур, обучение и проверка знаний и у судей и их аппарата, общение с участниками судопроизводства и качество мотивирования решения [8, с. 68]. И всё это объединено в систему под названием «Правосудие Q», которая неразрывно переплетена с судебными законодательными актами страны [9]. Помимо этого, для улучшения оценки качества деятельности суда Нидерланды оценивают и деятельность аппарата судов общей юрисдикции, сюда входят, например, оценка поведения судьи на заседании, правильность примененных норм права, вербальное и невербальное общение судьи с участниками процесса, их анкетирование и так далее.

Данные примеры ещё раз подтверждают необходимость и целесообразность больших изменений в системе оценки качества деятельности судов общей юрисдикции России. Эту систему необходимо, как минимум, значительно расширить, добавив в неё более обширный список критериев оценки на основании положительного опыта зарубежного судопроизводства. Более удобным форматом для этого, на наш взгляд, будет создание отдельного нормативного правового акта федерального уровня, который объединит имеющуюся базу и приобретённый опыт, а также конкретизирует спорные и двоякие моменты, существующие сегодня в рассматриваемой области, что значительно улучшит деятельность судов и их судебной системы.

Следующим, не менее важным вопросом, связанным с деятельностью судов общей юрисдикции, является вопросы кадрового обеспечения. На сегодняшний день в большинстве судов существует проблема нехватки сотрудников. Из-за большой нагрузки на аппарат мало кто стремится стать судьей, помощником или секретарем судебного заседания. Из-за этого на имеющихся сотрудников увеличивается нагрузка, что может привести к ухудшению качества правосудия и деятельности суда, а помимо этого к болезням на фоне переутомления и стресса кадрового состава.

На наш взгляд, для разрешения данной проблемы необходимо уменьшить нагрузку на составы судов посредством, во-первых, увеличения времени рассмотрения дел и материалов, во-вторых, увеличения заработной платы секретарей судебного заседания и помощников судьи, так как из-за маленькой оплаты труда на эти должности чаще всего идут работавшие выпускники ВУЗов, не имеющие опыта работы и навыков, но и они не остаются надолго. Поможет в решении проблемы загруженности судей и их аппарата введение резервных судебных ставок, временных судей. Учитывая иностранный опыт, при должном финансировании данное нововведение помогло бы решить указанную проблему. Также необходима возможность передавать дела из более загруженных судов в менее загруженные, так как, например, в основном нагрузка судей небольшого города намного меньше, чем судьи, который осуществляет правосудие в городе федерального значения. Эти изменения помогут не только решить кадровый вопрос, но и улучшить качество правосудия и судебной системы.

В 2006 году в жизнь судов общей юрисдикции вошла Государственная автоматизированная система «Правосудие» (далее ГАС «Правосудие»), которая кардинально изменила деятельность судебной системы. ГАС «Правосудие» стало одним из ярких примеров реализации в России концепции электронного государства, которая подразумевала создание целого ряда автоматизированных систем, целью которой является обеспечение прозрачности работы аппарата суда и обеспечение доступа населения к информации о деятельности судебного органа [10, с. 71]. Данная система весьма удобна в использовании, быстро и оперативно способна предоставить

доступ к нужному делу, судебной практике и материалам, получить выписку. Сотрудники аппарата суда обязаны регулярно обновлять и предоставлять актуальную информацию о ходе и движении дела. Однако, как любая автоматизированная система, ГАС «Правосудие» нуждается в добавлении и скачивании обновлений, устранении технических ошибок и неисправностей, в такие моменты работа системы приостанавливается, что фактически полностью парализует работу суда и его аппарата на неопределённый промежуток времени, так как вся документация отражена и сохранена в ГАС «Правосудие».

На наш взгляд, необходимо создать резервную копию системы, которая будет содержать в себе информацию, идентичную информации в ГАС «Правосудие», и работать в моменты отключения государственной автоматизированной системы для того, чтобы в это время не происходил «простой» работы, не нарушались права граждан и принципы судопроизводства.

Следующей, не менее важной проблемой является финансирование судов общей юрисдикции. Денежные ассигнования судебный орган получает напрямую из государственной казны. Однако чаще всего того бюджета, который выделяется, судам не хватает. В связи с тем, что почти постоянно происходит рост цен на товары и услуги, деньги, отведённые на реализацию деятельности судов, заканчиваются раньше следующих поступлений. На этой почве сотрудникам аппарата приходится обеспечивать себя самостоятельно материально-техническими средствами, например, канцтоварами, бумагой для печати, нередко и компьютерами, однако, это случается чаще в тех судах, которые находятся в небольших населённых пунктах. Большая часть денежных средств уходит на оплату почтовых услуг, так почти вся документация направляется судами по средствам почтовой связи.

На наш взгляд, денежные средства должны распределяться между судами, исходя из их загруженности, территориального расположения, количества сотрудников аппарата. В этом случае у судов общей юрисдикции не будет в большинстве своём постоянного дефицита денежных средств.

Подведя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день суды общей юрисдикции функционируют достаточно активно, однако, существует ряд существенных моментов, нуждающихся в доработке. Система критериев и показателей эффективности функционирования судебной системы должна быть однозначно модернизирована, необходимо внести такие изменения, которые способствовали бы достоверности и полноте отражённых характеристик, и параметров дел, а также своевременно выявляли и прогнозировали степень потери эффективности, что позволит вовремя устранить причины и поднять эффективность. Дополнительное внимание государству стоит обратить на кадровые, технические и финансовые вопросы, так как без должного кадрового, денежного и технического обеспечения работа судов общей юрисдикции достаточно затруднительна и проблематична, что непосредственно сказывается на качестве принимаемых решений и правосудии в целом.

Литература и источники

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6–ФКЗ, от 30.12.2008 № 7 – ФКЗ, от 05.02.2014 № 2–ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
2. Байсултанов А.Р., Азизова В.Т. К вопросу о месте судебной власти в системе разделения властей // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2019. № 2. С. 156-160.
3. Курочкин С.А. Критерии и показатели эффективности гражданского судопроизводства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 3.
4. Большакова В.М. Генезис становления и развития судебной системы Российской Федерации в конце XX - начале XXI века: институциональные и нормативные характеристики // Право и политика. 2021. № 3. С. 26-36.
5. Ципий Д.В. Место мирового судьи в судебной системе Российской Федерации // Вопросы студенческой жизни. 2021. № 1 (53). С. 142-145.
6. Васильев С.Л., Дроздова А.Д. Судебная система и судебное правотворчество в России // Образование и право. 2020. № 2. С. 192-196.
7. Von Mehren A. T., Murray P. L. Law in the United States. New York: Cambridge University Press, 2007.
8. Авдеев М.Ю. Правозащитная функция судебной власти и повышение эффективности судебной системы в России // Право и управление. 2021. № 1. С. 68-72.
9. «О составе судов и организации судебной системы Нидерландов»: закон от 18.04.1827 [Электронный ресурс] // URL: https://www.legislationline.org/download/id/5091/file/Netherlands_law_judicial_system_1827_am2008_ru.pdf (дата обращения 25.01.2022).
10. Казаков Н.С. Доступность правосудия в условиях пандемии // Вопросы студенческой науки. 2021. № 1 (53). С. 70-73.

References and Sources

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 (s uchetoм popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008 № 6–FKZ, ot 30.12.2008 № 7 – FKZ, ot 05.02.2014 № 2–FKZ, ot 01.07.2020 № 11–FKZ) // SZ RF. 2020. № 11. St. 1416.
2. Baj Sultanov A.R., Azizova V.T. K voprosu o meste sudebnoj vlasti v sisteme razdeleniya vlastej // YUridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. № 2. S. 156-160.
3. Kurochkin S.A. Kriterii i pokazateli effektivnosti grazhdanskogo sudoproizvodstva // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. 2020. № 3.
4. Bol'shakova V.M. Genezis stanovleniya i razvitiya sudebnoj sistemy Rossijskoj Federacii v konce XX - nachale XXI veka: institucional'nye i normativnye harakteristiki // Pravo i politika. 2021. № 3. S. 26-36.
5. Cipij D.V. Mesto mirovogo sud'i v sudebnoj sisteme Rossijskoj Federacii // Voprosy studencheskoj zhizni. 2021. № 1 (53). S. 142-145.
6. Vasil'ev S.L., Drozdova A.D. Sudebnaya sistema i sudebnoe pravotvorchestvo v Rossii // Obrazovanie i pravo. 2020. № 2. S. 192-196.
7. Von Mehren A. T., Murray P. L. Law in the United States. New York: Cambridge University Press, 2007.
8. Avdeev M.Yu. Pravozaщitnaya funkciya sudebnoj vlasti i povyshenie effektivnosti sudebnoj sistemy v Rossii // Pravo i upravlenie. 2021. № 1. S. 68-72.
9. «O sostave sudov i organizacii sudebnoj sistemy Niderlandov»: zakon ot 18.04.1827 [Elektronnyj resurs] // URL: https://www.legislationline.org/download/id/5091/file/Netherlands_law_judicial_system_1827_am2008_ru.pdf (data obrashcheniya 25.01.2022).
10. Kazakov N.S. Dostupnost' pravosudiya v usloviyah pandemii // Voprosy studencheskoj nauki. 2021. № 1 (53). S. 70-73.

САВЕНКОВА МАРИЯ ИГОРЕВНА - аспирант кафедры конституционного, административного и уголовного права Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (m.usinova5@yandex.ru).

SAVENKOVA, MARIA I. – Ph.D. student of the Department of Constitutional, Administrative and Criminal Law of the Central Russian Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

БАРКОВА Э.В.

ОРГАНИЧЕСКИЙ СИНТЕЗ КУЛЬТУР КАК ВОЗМОЖНОСТЬ НЕВОЗМОЖНОГО: К ЭКОФИЛОСОФСКОМУ ПРОЧТЕНИЮ «ЗАПАДНО-ВОСТОЧНОГО ДИВАНА» ГЕТЕ

Ключевые слова: связь, жизнесохраняющая функция, «Западно-восточный диван» Гете, экофилософия, органический синтез культур, целостность, перспективы планетарного бытия, Земля-экосистема

Переоткрытие картины мира в контексте экофилософии предполагает отбор и исследование тех культурных текстов, в основе которых лежат идеи утверждения и развития Жизни как ценности бытия, включая произведения, не попадавшие долгое время в центр внимания исследователей и систему образования. В этой связи актуализируется проблема связей настоящего с прошлым с точки зрения детерминации из будущего, и прежде всего, проблема возможности не механической «состыковки», а органической связи неповторимых культурных миров, живущих в своем внутреннем пространстве-времени. Несоединимые в рамках формально-логических систем мышления эти уникальные миры, однако, могут соединиться. Как возможно такое соединение несоединимого показано на материале «Западно-восточного дивана» Гете. Это произведение - первый в истории мировой культуры опыт осуществления содержательного западно-восточного литературно-культурного синтеза. В статье анализируются истоки его создания, методологический потенциал в эко-культурном контексте проблем современности. Сделан вывод о том, что не любые субъекты, но лишь носители высокой образованности могут стать проводниками востребованной сегодня жизнесохраняющей направленности и органических связей, востребованных в целях формирования целостно-планетарного пространства культуры, совершенствующей человека.

BARKOVA, E.V.

ORGANIC SYNTHESIS OF CULTURES AS THE POSSIBILITY OF THE IMPOSSIBLE: TO THE ECO-PHILOSOPHICAL READING OF GOETHE'S "WEST-EAST SOFA"

Key words: connection, life-preserving function, Goethe's "West-Eastern Divan", ecophilosophy, organic synthesis of cultures, integrity, prospects for planetary existence, Earth-ecosystem

The rediscovery of the picture of the world in the context of ecophilosophy involves the selection and study of those cultural texts, which are based on the ideas of affirming and developing Life as a value of being, including works that have not been in the focus of attention of researchers and the education system for a long time. In this regard, the problem of the connections between the present and the past is actualized from the point of view of determination from the future, and above all, the problem of the possibility of not a mechanical “docking”, but an organic connection of unique cultural worlds living in their own internal space-time. These unique worlds, which are not connected within the framework of formal-logical systems of thought, can, however, be connected. How such a connection of the incompatible is possible is shown in Goethe's West-Eastern Divan. This work is the first experience in the history of world culture in the implementation of a meaningful Western-Eastern literary and cultural synthesis. The article analyzes the origins of its creation, methodological potential in the eco-cultural context of contemporary problems. It is concluded that not any subjects, but only carriers of high education can become conductors of the life-saving orientation and organic connections that are in demand today, in demand in order to form a holistic planetary space of culture that improves a person.

Жизнь, как сознательное и целенаправленное творчество будущего в универсальной эволюции Земли и Вселенной, сегодня оказывается в зависимости от понимания ее самоценности всеми субъектами современного планетарного бытия. Сохранить ее высшие достижения, включая идеи и образы, которые в течение многих столетий истории человечества были созданы гениями - представителями всех народов и эпох, - не просто условие непрерывности трансляции информационного богатства нашей цивилизации, но возможность сохранения Земли как целостного сложноорганизованного уникального Экомира во всем многообразии его био- и культуро-экосистем. Более того, поскольку и само бытие Земли - часть неизмеримо более обширного пространства, то и сложившееся во Вселенной подвижное равновесие в условиях экстремума социального времени на нашей планете зависит от энергии, включая энергию мыследеятельности и направленность целей субъектов. Как никогда раньше сегодня актуализируются развиваемые экофилософией идеи философии космизма, раскрывшей взаимозависимости бытия человека и космических процессов, идеи ноосферы В.И. Вернадского, показавшей роль необходимых для дальнейшего устойчивого развития цивилизации связей [2].

Однако, как и многие другие проблемы философии, проблема универсальных связей в последние десятилетия воспринималась скорее абстрактно-схоластически, а ее проработка велась главным образом в контексте решения прикладных этико-деловых и межкультурных коммуникаций, и потому не включала в себя фундаментальный смысл взаимозависимости человеческой деятельности и гомеостаза бытия Экосистемы Земли в целом.

Между тем, интерпретированная в логике экофилософии проблема связей включает в качестве одного из своих элементов рефлексию границ, в т.ч. между разными субъектами, культурными мирами, цивилизационными установками, интересами, задачами. Но каждый субъект – как индивидуальный, так и коллективный, будь то организация, нация, страна, континент – формирует, транслирует, бережет свои собственные цели и задачи, в основе которых

лежат его основания, традиции и архетипы [3]. Возможно ли – с учетом напряженности и степени разрывов связей – восстановить границы как географического, так и психологически-культурного пространства? И как возможно сегодня развитие не плюралистически-дробного, а органически-целостного мировидения и мироотношения?

При первом приближении кажется, что различия (и потому противоречия) между субъектами оказываются настолько жесткими, что границы между ними есть только демаркационные линии их разграничения, что они непроходимы, т.е. уже настолько жестко разделили социальные, культурные и географические пространства, что поворота к формированию интеграционных процессов быть не может.

С другой стороны, именно философия открывает и альтернативное значение границ, которое несет противоположный смысл - пространства связей, интеграции субъектов, как и всех развивающихся явлений и процессов мира. Восхождение именно к этому смыслу сегодня оказывается задачей, важной самым главным отношением, ориентирующем на поиск путей сближения, а в перспективе органического синтеза *жизнесохраняющих* культурных ценностей.

Подчеркнем, органический синтез, по определению, не только не совпадает, но в известном смысле противоположен как простому суммативному единству, характерному для плюралистической картины мира, так и единству, складывающемуся на технико-технологической основе, что характерно, например, для политологического мышления. Действительно, как отмечает В.П. Сударев: «цель геополитики – изучение возможностей активного воздействия государства на окружающую среду в интересах военно-политической, экономической, экологической безопасности. ... При этом *контроль над пространством* – главное средство обеспечения государственных интересов». [4, с. 6].

Поэтому не институты политики и экономики с их регулятивными инструментами, а институты культуры, которые могут расцвести только на основе саморегуляции, т.е. аналога самой жизни, выходят в центр жизнесохраняющего мировоззрения. А потому судьба Экомира Земли, как и содержание его пространственно-временного континуума в будущем оказывается в зависимости от уровня самосознания и масштаба культуры современного человечества как субъекта своего Эко-Дома, от полифункционального понимания связывающих культурные миры границ и творческой энергии, в т.ч. исследователей, к освоению органического синтеза культур как возможности невозможного.

Целям формирования такого масштаба субъекта соответствует только «оптика» экофилософского исследования, методологически ориентированная на сохранение и совершенствование Эко-мира Земли как родного Дома человечества со всем его био- и культурно-разнообразием. Под экофилософией мы понимаем выходящее за пределы анализа лишь системы «общество-природа» направление знания, включающего в свой предмет эко-антропологические, социально- и культурно-экологические исследования, восходящие в своем анализе бытия к философии космизма и опыту высших достижений всех культур мира, в которых открывается связь конечного с бесконечным, вечного с временным в жизнесохраняющем измерении [5].

Такие связи спонтанно складывались и в прошлом, существуют они и сегодня, и в концептуальном пространстве философии они могут быть открыты как в горизонтально-пространственном, но и во вертикально-временном измерениях культуры, т.е. быть представленными как формами органического синтеза культур и разных регионов, и разных веков.

В свете этого обращение к творчеству великого немецкого поэта, философа-Просветителя, драматурга, крупного ученого и общественного деятеля XVIII века Иоганна Вольфганга Гёте (1749-1832) и его «Западно-восточному дивану» [6]. как высокому образцу востребованного сегодня типа мышления, на основе которого в действительности оказалось возможным то, что с точки зрения формальной логики кажется совершенно невозможным – органический синтез культур Европы XVIII века и средневековой Азии XIV века. Опираясь на художественно-культурный опыт других стран, прежде всего, родной Германии, а также Франции, Италии и Англии, Гете продолжил и поднял на новый уровень идеи эпохи европейского Просвещения.

По-видимому, не только о «Страданиях юного Вертера», но, прежде всего, о «Западно-восточном диване» можно сказать словами Т. Манна: «казалось, будто читатели всех стран втайне, неосознанно только и ждали, чтобы появилась книжка какого-то еще неизвестного молодого немецкого бюргера и произвела переворот, открыв выход скрытым чаяниям целого мира» [7, с.

226]. А потому сегодня в свете новейших тенденций важно пере-открыть смысл «Западно-восточного дивана» - главного поэтического произведения позднего Гете и показать его как первый в истории мировой культуры состоявшийся благодаря творчеству гения и одного из самых образованных людей своего и не только своего исторического времени, реальный западно-восточный литературно-культурный органический синтез культур, ставший одним из крупных достижений в наследии человечества. Кроме того, это произведение сегодня может быть представлено как общая модель востребованного сегодня в аспекте развития экофилософии, экологии человека, культуры и природы направления гуманитарно-научного поиска.

Прежде всего, подчеркнем, что, начиная с ранних этапов развития культуры, сохранилось множество документов путешественников, ученых, художников, торговцев, дипломатов с описаниями увиденных ими чужих земель и их «чудес», открытий, находок, включая рассказы о достижениях в области художественно-эстетической жизни. Наступившая, однако, эпоха становления капитализма внесла в этот процесс нечто принципиально новое: реакцией на грабительскую политику европейских колонизаторов, их жестокость в отношении жителей завоеванных колоний и появившуюся тогда же апологетическую литературу – процесс, который завершился созданием колониального романа, появились и публицистические и художественные тексты иного рода. В них звучал голос тех представителей европейской культуры, которые выражали чувство протеста, охватившего их стыда за преступления Запада на Востоке. Однако до «Западно-восточного дивана» Гете это были произведения, героями которых были либо идеализированные благородные индийцы или индейцы, благодетельные и наивные дикари, либо литературные персонажи Востока, на которых переносились идеалы эпохи Просвещения, тогда как сам Восток оставался красивой, но все же внешней картинкой-декорацией, необходимой авторам для изложения собственных идей. Вспомним в этой связи, например, «Персидские письма» Монтескье или «восточные» произведения Вольтера.

Вне сомнения, исключительна роль в подготовке философского мышления и типа мировидения Гете, как и всего современного представления о целостности мировой культуры, немецкого просветителя, учителя и предшественника поэтов-романтиков Гердера и его Сборника «Голос народов», где впервые были собраны песни многих народов, а их анализ дан – и тоже впервые – с точки зрения принципа историзма. Т.ч. в известном смысле сама идея осмысления пространства дружелюбной встречи культур на основе органических связей в XVIII веке как бы уже «вита в воздухе».

Правда, Европа XVIII века «не спешила» формировать органические связи с Востоком, открывая для себя сокровища его культур. Знакомство шло не активно, и «первое издание «Западно-восточного дивана» (1819) Гете, произведения, которое знакомило европейского читателя с именами Фирдоуси, Хафиза, Саади, Руми, Аттара, Низами – корифеев средневековой восточной классики, не было распродано еще и перед первой мировой войной» [8, с. 459]. Только с конца 60-х годов XIX века интерес европейцев стал распространяться со скоростью степного пожара, охватив и другие страны Европы и Америки

В условиях ориентированного на традиции с их границами общекультурно-европейского мышления гениальное осуществление в написанном в течение пяти лет с 1814 по 1819 год Сборнике лирически-жизнелюбивых стихотворений «Западно-восточный диван» – бесспорно, личное достижение Гете. Позднее Г. Гейне о нем скажет: «Волшебное чувство наслаждения жизнью вложил Гете в эти стихи, и они так легки, так блаженны, так похожи на дыхание, так воздушны, что удивляешься, как нечто подобное мыслимо на немецком языке» [9, с. 359].

По-видимому, стимулом к этой работе стало знакомство Гете в 1814 году с «Диваном», т.е. собранием стихотворений, персидского поэта XIV века Хафиза, который был переведен на немецкий язык. Лирика Хафиза, - по мысли немецкого биографа Гете К.О.Конради, - отличалась точностью в передаче оттенков чувств и тонким переходом к духовности, жизнерадостной прямолинейностью и прозрачностью мысли, поднимающейся до высоких обобщений, мощностью земного начала и субъективным ощущением божественного» [10, с.427].

Однако Гете воспринял не только красоту языка и способность поэта чувствовать «аромат» и притягательные черты восточной поэзии с ее интуициями, чувство-знанием ценности любви и понимания природы. В этом произведении он впервые создал принципиально новый тип произведения, в котором решена трудно решаемая и сегодня проблема – самоопределения

личности, нации, страны в пространстве полилогов многоликого мира, или проблема самосохранения и развития самосознания человека как субъекта своей культуры и носителя своего мировидения.

Поэтому так важен опыт Гете, который смело поднял соответствующие эофилософскому видению Жизни главные смысло-жизненные вопросы осмысления места и самоопределения человека в мире. Согласимся, в силу этого, с оценкой С.В. Тураева: «По масштабности картины мира, широте поэтического видения, охватывающего разные грани действительности, «Диван» справедливо ставят в один ряд с «Фаустом» [11, с. 62].

Сегодня каждый человек – независимо от континента или страны и сегодня оказывается перед постановкой той же проблемы – какой должна быть позиция человека культуры в эпоху глобализации. Как, с одной стороны, не раствориться в пространстве чужой культуры и ее ценностей, не стать «межкультурной» личностью, утрачивающей собственное лицо, свою индивидуальность и неповторимость, а с другой, не абсолютизировать ценности своей цивилизации как единственно высокой, а потому не смотреть снисходительно или, тем более, агрессивно на представителей других культур.

Гете – как немецкий поэт и мыслитель искренне, открыто, энергично любил и блестяще знал немецкую культуру, немецкий народ: «Не считайте меня равнодушным... Германия бесконечно дорога и моему сердцу. Нам лично остается пока каждому, в меру его талантов, его призвания, его положения трудиться над воспитанием своего народа, над укреплением и распространением этого воспитания во всех направлениях, и наверху, и внизу, чтоб он не отставал от других народов» [12]. Однако его изучение носило остро критический характер, позволяя сравнивать и показывать неравномерность в проявлениях национальных традиций в разных видах творчества. Так, он критически оценивает современную ему немецкую литературу, полагая, что ее главная слабость заключается в том, что ей недостает национального содержания. Но «в статье «О немецком зодчестве» (1773) прославляет немецкую готику, видя в ней одну из плодотворных национальных традиций, и с уважением называет имена немецких мастеров эпохи Возрождения» [7, с. 223]. И атмосфера, в которой он рос, казалось бы, не способствовала развитию личности, выходящей за пределы достаточно узкого, принятого в его среде мировоззрения. По словам А.В. Луначарского, в доме, где вырос Гете, царил «изумительный уют», ... «от этих комнат, окон, обстановки веет довольством, какой-то закругленной законченностью, где ничто не говорит об избытке и роскоши, но нет никаких следов или намеков на бедность» [9, с. 356]. И нужна была гениальность, а, кроме того, большая работа по изучению, – сначала философии Спинозы, потом культур Древней Греции, Италии, творчества Шекспира, Байрона, Пушкина, которому он послал свое перо; еще неизвестного на своей Родине французского писателя Стендаля, – чтобы сформировать собственный общекультурный «стержень», позволивший оценить стихи поэтов Востока.

В этой связи нельзя не обратить внимание и на влияние на него и французского Просвещения. Интересно, что «Система природы» Гольбаха разочаровала его, поскольку по его словам: «в этой скучной атеистической полутьме» исчезли и земля и небо. Не принимает он метафизику, под которой понимает умозрительность, схематизм представлений, противопоставляя ей «живое знание». Однако это «не отражается на его высокой оценке Дидро, имя которого он называет в одном ряду с Руссо «Они направляли нас, заставляли нас держаться ближе к природе» [7, с. 223]. Иначе говоря, Гете отмечает у Дидро и Руссо не то, что их разделяет, а, прежде всего, то, что их объединяет – их роль в борьбе за сближение культуры и искусства с жизнью.

Интересно, что уровень знаний Востока Гете был настолько совершенным, что позволил сегодня – вероятно, представителю исламского мировоззрения, – поставить «новый вопрос, над которым следует подумать ученым: «А не был ли Гёте мусульманином?» [16]. Вероятно, мусульманином Гете все же не был, но масштаб его знаний Запада и Востока – основа встречи достойных друг друга культур – впечатляет. Глубокое проникновение в смыслы и символы Корана, Авесты, иранской классической поэзии, творчество арабского поэта Омара, индийского поэта Калидаса, газелей Хафиза, Саади – основа стихотворного западно-восточного синтеза, который Гете дополнил приложением «Статьи и примечания к лучшему уразумению Западно-восточного дивана». В примечаниях Гете – ученый-культуролог, исследователь, а в «Диване» – поэт.

«Как исследователь, Гете сумел сказать много нового и глубокого о характерных чертах восточной поэзии, прежде всего классической поэзии на фарси, хафизовских стихов, но еще больше, чем раскрывает нам в «Примечаниях» Гете-исследователь, угадывает в «Диване» Гете-поэт» [13, с. 573-574]. По словам самого Гете, в Примечаниях он наблюдает как зритель, рассказывающий о внешней стороне, многообразии, символике цветов, орнаментальности сравнений, метафор, формальных особенностях поэзии. Тогда как – и это главное – как поэт, Гете, по точному слову И.С. Брагинского: *«творческий продолжатель высших достижений восточной, и прежде всего фарсиязычной, поэтики...»*. В этом смысле наиболее глубокая разгадка характера восточной поэзии в сопоставлении ее с пластикой классической античной скульптуры дана в стихотворении «Песнь и изваяние» [14, с. 574].

Пусть из глины грек творит,
Движим озарением,
И восторгами горит
Пред своим творением, -
Нам милей глядеть в Евфрат,
В водобег могучий,
И рукою поводить
В глубине текучей [15, с. 15].

Отчетливо-ясной, завершенной в своей гармонии пластике культуры Древней Греции Гете противопоставил внутренне изменчивую, зыбкую стихию иносказательных смыслов и многозначности слова в восточной поэтической культуре.

Лишь на первый взгляд можно предположить, что Запад и Восток могут быть таким образом представлены как простая суммативная целостность, что в «Диване» «западное – это содержание, а восточное – его форма, игра намеками и иносказаниями. На самом деле это не так. Что касается формы «Дивана», то в ней не меньше западного, чем восточного: система стихосложения, элементы народной немецкой песни, западные образцы, в том числе из античной мифологии» [14, с. 577]. И также много в содержании – восточного, о чем свидетельствуют его образы и идеи, в которых Гете раскрывает свой идеал жизни, человека, смысла бытия.

И проснется жизнь, и в недрах
Вспыхнет жидущая сила,
Чтобы все цвело и пахло,
Что Земля в себе носила. [15, с. 18]

Более того, он показывает, что мир неизмеримо сложнее, противоречивее, чем он виделся его предшественникам и современникам – мыслителям и поэтам эпохи Просвещения. «Гете сохраняет приверженность просветительскому оптимизму и одновременно углубляет картину мира, осваивая опыт романтиков» [11, с. 63]. В примечаниях к «Дивану» Гете отметил те черты, характерные для персидских поэтов, с которыми была связана более глубокая, лишенная одномерности мышления Нового времени картина мира. «Не задумываясь, соединяют эти поэты возвышенные и ничтожные картины, - манера, к которой нам не легко привыкнуть» [11, с. 63].

Таким образом, «Западно-восточного диван» Гете – свидетельство того, что не любые связи могут стать проводниками востребованной сегодня органической целостности культуры, ее жизнесохраняющей направленности, совершенствующей человека и Экомир Земли культуры [20]. Творческое продолжение высоких традиций культуры возможно на основе экофилософского осмысления связей культур и соответствующего ему самоопределения в сложном аксиологическом пространстве. Но оно требует основательных и конкретных знаний, образованности – условия отбора обладающих миротворческим и жизнеутверждающим ресурсом достижений, сохранения уважительно-ученической позиции по отношению к вершинам достигнутого всеми народами и во все времена как основы формирования органически целостного культурного пространства.

Литература и источники

1. Гете И.В. Герман и Доротея // <https://www.rulit.me/books/istoriya-vsemirnoj-literatury-t-5-read-346749-2.html>
2. Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. С. 235-244.
3. Баркова Э.В. Экофилософская картина мира в историко-персонологическом освоении культурного наследия // Сахаровские чтения 2020 года: экологические проблемы XXI века. материалы 20-й международной научной конференции. В 2 частях. Минск, 2020. С. 7-10.

4. Сударев В.П. Геополитика в западном полушарии в начале XXI века: учеб. пособие. М.: МГИМО–Университет.2012. 128 с.
5. Баркова Э.В. Экорациональность в освоении целостности бытия: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ. 2020. 130 с.
6. Гете И.В. Западно-восточный диван. М.: Наука.1988. 896 с.
7. Тураев С.В. Немецкая литература// История Всемирной литературы. Т.5. М.: Наука. 1988. 784 с.
8. Османов З.Г. Литературы Средней Азии и Казахстана // История Всемирной литературы. Т.6. М.: Наука, 1989.
9. Артамонов С.Д., Гражданская З.Т. История зарубежной литературы XVIII века. Уч. пос. М.: Гос. учебно-педагогич. изд-во, 1956. 488 с.
10. Конради К.О. Гете. Жизнь и творчество. Т.2 / Пер. с нем. М.: Радуга. 1987. 648 с.
11. Тураев С.В. Немецкая литература Т.6. // История Всемирной литературы Т.6. М: Наука, 1989. С. 36-79.
12. Цит по: Роллан Ромен. Спутники / пер. с фр. Л. и А. Соболевых; Предисл. Ив. Анисимова «Ромэн Роллан и мировая культура». М: Гослитиздат, 1938. 304 с.
13. Аюпова Д.И. Синтез Запада и Востока в «Западно-восточном диване» Гёте // Молодой ученый. 2014. № 7 (66). С. 621-623.
14. Брагинский И.С. Западно-восточный синтез в «Диване» Гете // Гете И.В. Западно-восточный диван. М.: Наука, 1988. С. 572-600.
15. Гете И.В. Западно-восточный диван. М.: Наука.1988. 896с.
16. Баркова Э.В. Введение в экофилософию: избр. Тр. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2021. 407 с.

References and Sources

1. Gete I.V. German i Doroteya // <https://www.rulit.me/books/istoriya-vsemirnoj-literatury-t-5-read-346749-2.html>
2. Vernadskij V.I. Neskol'ko slov o noosfere // Vernadskij V.I. Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie. М.: Nauka, 1991. S. 235-244.
3. Barkova E.V. Ekofilosofskaya kartina mira v istoriko-personologicheskom osvoenii kul'turnogo naslediya // Saharovskie chteniya 2020 goda: ekologicheskie problemy XXI veka. materialy 20-j mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. V 2 chastyah. Minsk, 2020. S. 7-10.
4. Sudarev V.P. Geopolitika v zapadnom polusharii v nachale XXI veka: ucheb. posobie. М.: МГИМО–Университет.2012. 128 s.
5. Barkova E.V. Ekoracional'nost' v osvoenii celostnosti bytiya: monografiya. Volgograd: Izd-vo VolGU. 2020. 130 s.
6. Gete I.V. Zapadno-vostochnyj divan. М.: Nauka.1988. 896 s.
7. Turaev S.V. Nemeckaya literatura// Istoriya Vsemirnoj literatury. Т.5. М.: Nauka. 1988. 784 s.
8. Osmanov Z.G. Literaturny Srednej Azii i Kazahstana // Istoriya Vsemirnoj literatury. Т.6. М.: Nauka, 1989.
9. Artamonov S.D., Grazhdanskaya Z.T. Istoriya zarubezhnoj literatury XVIII veka. Uch. pos. М.: Gos. uchebno-pedagogich. izd-vo, 1956. 488 s.
10. Konradi K.O. Gete. Zhizn' i tvorchestvo. Т.2 / Per. s nem. М.: Raduga. 1987. 648 s.
11. Turaev S.V. Nemeckaya literatura Т.6. // Istoriya Vsemirnoj literatury Т.6. М: Nauka, 1989. S. 36-79.
12. Cit po: Rollan Romen. Sputniki / per. s fr. L. i A. Sobolevyh; Predisl. Iv. Anisimova «Romen Rollan i mirovaya kul'tura». М: Goslitizdat, 1938. 304 s.
13. Ayupova D.I. Sintez Zapada i Vostoka v «Zapadno-vostochnom divane» Gyote // Molodoy uchenyj. 2014. № 7 (66). S. 621-623.
14. Braginskij I.S. Zapadno-vostochnyj sintez v «Divane» Gete // Gete I.V. Zapadno-vostochnyj divan. М.: Nauka, 1988. S. 572-600.
15. Gete I.V. Zapadno-vostochnyj divan. М.: Nauka.1988. 896s.
16. Barkova E.V. Vvedenie v ekofilosofiyu: izbr. Tr. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2021. 407 s.

БАРКОВА ЭЛЕОНОРА ВЛАДИЛЕНОВНА – доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (barkova3000@yandex.ru).

BARKOVA, ELEONORA V. – Doctor of Philosophy, Department of history and philosophy, Plekhanov Russian University.

УДК 339.56(470+510)

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-1-206-214

РАУ ИОГАНН

ЯЗЫК, МОРАЛЬ И СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

Ключевые слова: авторитет, аллюзии, вербальность, вина, закон, контроль, лингвистика политики, авторитарная личность, подчинение, риторические вопросы, эмоции, язык политики, дискурс, заблуждение, компромисс, ложь, метаязык.

В статье рассматриваются вопросы профессионального умения ораторов доносить свои мысли до аудитории путем смещения акцентов на ту или иную тематику, умения регулировать эмоциональную составляющую выступлений, использование жестов и аллегорий, правильно распределять и применять патриотическую риторику. В частности, автор констатирует, что ключевым понятием в понимании добровольного подчинения правящей силе является «авторитет». Он во всех отношениях между людьми играет большую роль, но в особенности в отношениях масс к руководящей силе. Под авторитетом мы понимаем устойчивое уважение к определенной личности или инстанции в силу их достижений или воспитания и традиций. При этом достижения могут быть и мнимыми, населению внушенными. Авторитетом может быть и политическая партия, и тайная организация, и часть бюрократии, и определенный закон, и государство в целом. За авторитетом признается право требовать. Люди чувствуют себя авторитету обязанным потому, что он снимает с них ответственность и потому, что он может поощрить или наказать.

RAU, JOHANNES

LANGUAGE, MORALITY AND SOCIAL PHILOSOPHY OF POLITICAL SPEECHES

Key words: authority, allusions, verballity, guilt, law, control, linguistics of politics, authoritarian personality, subordination, rhetorical questions, emotions, language of politics, discourse, delusion, compromise, lie, metalanguage.

The article deals with the issues of professional ability of speakers to convey their thoughts to the audience by shifting the emphasis on a particular topic, the ability to regulate the emotional component of speeches, the use of gestures and allegories, correctly distribute and apply patriotic rhetoric. In particular, the author states that the key concept in understanding voluntary submission to the ruling power is "authority". It plays a great role in all relations between people, but especially in the relations of the masses to the guiding force. By authority we mean enduring respect for a certain person or authority by virtue of their achievements or upbringing and traditions. At the same time, achievements can be imaginary, inspired by the population. The authority can be a political party, and a secret organization, and part of the bureaucracy, and a certain law, and the state as a whole. Authority recognizes the right to demand. People feel obliged to authority because it relieves them of responsibility and because it can reward or punish.

1. Политические выступления и их эмоциональная оценка.

Чувственная оценка любых событий и происшествий происходит бессознательно, полубессознательно, иногда сознательно, но всегда такие оценки неотъемлемы от жизни человека, как живого существа. Они, как и любая заложённая природой в человека способность, сами по себе не добры и не злы. Другое дело – наше знание этой способности и возможностей ее контролировать: она способна в форме эмоций «зашкаливать», выходить из-под контроля даже у самой уравновешенной личности [1].

Особенно ярко чувственная оценка выражается в эмоциях (лат. *emoveo*, т. е. «возбуждаю», «волную»). Лишь редкие люди способны полностью, всегда и везде контролировать свои эмоции, регулировать их внешнее проявление или вызывать их в себе искусственно. Общая психология насчитывает у человека более 500 эмоций, из которых только некоторые являются базовыми (любовь, ненависть, печаль, гнев, страх, удивление, гнев и др.), а остальные – второстепенными [2, с. 9; 3, с. 20]. Эмоции выражаются как вербально (лексика, фразеология, междометные единицы, порядок слов, интонация и др.) так и не вербально (мимика, жесты, поведенческие реакции /головой, телом, частями тела/, внешние физиологические изменения, направление взгляда). Важно в общении и то, что вербально, с помощью языка можно не только выражать, называть и описывать свои эмоции, но можно их и скрывать, симулировать и имитировать.

Эмоции, характер их проявления существенно определяют отношение другого человека, группы людей и всего общества к нам. Очевидно и то, что эмоциональная (эмотивная) бедность политика, неумение эмоционально воздействовать на зрителя, слушателя или читателя являются существенным недостатком [4, с. 3; 5, с. 266]. В последние десятилетия стало стремительно развиваться такая отрасль знания как лингвистика языка политики, которая занимается изучением использования ресурсов языка, как средства борьбы за политическую власть и манипуляции сознанием противника и общественным сознанием.

Эмотивность наиболее значима, как мы полагаем, при осуществлении следующих пяти функций языка политики:

1. Функция укрепления приверженности к системе, которая осуществляется, главным образом, через ритуальное использование символов. В языке политиков символы способны вызывать сильные эмоциональные реакции, которые соединяют историческую гордость, оживляют память о прошлой славе, «поднимают дух» у аудитории.

2. Функция социальной солидарности и групповой идентичности, сплоченности данного сообщества людей, укрепления чувства «своих». В данном случае эмотивность знака служит фактором политической интеграции на желательной для выступающего платформе.

3. Функция социально-политической ориентации. Формируя картину политической реальности в сознании граждан, эмоции заполняют возможные пробелы в их политических знаниях, отчасти компенсируя дефицит информированности в этой области.

4. Мобилизационная функция. Эмоция выступает как мотив, импульс к действию. Эмоция появляется тогда, когда человек устанавливает наличие или отсутствие соответствия между событиями, ситуациями и своими желаниями, интересами или потребностями. Эмоционально маркированное несоответствие заряжает гражданина энергией, высвобождает в нем дополнительные силы в стремлении устранить это несоответствие.

5. Агональная (соревновательно-агрессивная) функция. В дискуссиях с конкретным противником нередко помогает взять верх изрядная доля вербальной агрессивности, базирующаяся на соответственных эмоциях [6, с. 315; 7, с. 64-65].

Уже этот краткий перечень показывает, что эмоции проявляются на всех уровнях и во всех формах политической активности, играют важную роль в ее успешности. Но главное, конечно, не в высказывании или выказывании своих эмоций, а в способности этих эмоций влиять на окружающих в нужном для политика направлении, способствовать поддержке его гражданами-избирателями. Оратору необходимо иметь представление об эмоциональном настроении аудитории или большинства присутствующих, или лидирующей группы и явных лидеров. Характер эмоционального обращения и его эффективность прямо зависят от верности такого представления. Вероятность того, что объекты обращения примут точку зрения оратора, усилится. Необходимо иметь в виду, что переполненная эмоциями речь, эмоциональный «нажим» на аудиторию или

отдельного слушателя часто оказываются более эффективными, чем логическая аргументация. Эмоциональный «нажим» действует быстро, а логическая аргументация требует много большего времени, которого у оратора, как правило, нет [8, с. 68-69].

Эмоции, дошедшие до адресатов, влияют в устных выступлениях на выбор политических предпочтений слушателей (зрителей) не в меньшей степени, чем рациональное осознание проблемы. Часто люди первоначально принимают решение под влиянием эмоций, а затем уже ищут рассудочного объяснения для своего решения. В то же время не следует забывать, что цель выступления политика – передать аудитории суть его содержания, а не сопровождающие выступление эмоции. Один из выходов из этого противоречия – обращение оратора к событиям, вызывающим у большинства аудитории нужные эмоции, совпадающими с таковыми у выступающего [9, с. 156]. Помогает эффективности эмоционального компонента выступления и создание нужного для него эмоционального фона (визуального, музыкального, пространственно-архитектурного и др.). Говоря кратко, к выступлению надо не только готовиться, но и готовить его. На эмоциональности выступлений сказывается не только их тематика, уровень и характер авторитета выступающего, но и его речевые особенности. Насыщенность эмоциональными элементами подбоает выступлениям на митингах или предвыборных дебатах, а в письменной форме – лозунгам.

В политических дискуссиях проявляются чаще всего отрицательные эмоции (неудовольствие, возмущение, запугивание, печаль, гнев, ярость, недоумение и др.) для выражения которых хорошо пользоваться соответствующими оппоненту средствами: метафорами, иронией, сарказмом, мягким юмором, аллюзиями (намекami на всем известное содержание, связанное со смешным, неприятным или даже позорным для оппонента событием или поступком), отобранной фразеологией (например, повтор конструкций с «не» плюс глагол»: не построили, не выиграли, не преодолели и т. п.). В среднем сила переживаний отрицательных эмоций, как предвестников опасности или неприятностей, выше, чем положительных. Порою оратор озвучивает свое недовольство и возмущение главным образом восклицаниями, при помощи которых создается впечатление искренней озабоченности и тревоги. Однако и восклицаниями не стоит злоупотреблять, так как речь может превратиться в сплошной крик, что для политика не солидно. Большой эмоциональный эффект оказывают уместно поставленные риторические вопросы, заостряющие внимание аудитории на поставленную проблему.

Известно, что и отрицательные, и положительные эмоции заразительны. Выражение политиком непоколебимого оптимизма, надежды, уверенности, гордости за страну, любви к ней, враждебности к недругам Родины могут способствовать зарождению или укреплению таких чувств у слушателей. Важно, чтобы с помощью средств метаязыка у слушателей не возникало сомнений в искренности оратора, и чтобы он не слишком часто повторялся.

2. Дискурс в политических выступлениях.

Теперь рассмотрим некоторые аспекты логической аргументации политических соперников по спорному вопросу с тем, чтобы показать, что эта сфера политической жизни, в отличие от эмоциональной, доступна вполне только для теоретически подготовленных слушателей. В переводе с латинского «дискурс» означает «хождение туда и сюда», т. е. переход с одного аргументированного мнения на другое аргументированное мнение и обратно. В данном понимании дискурса речь идет об аргументативной проверке в диалоге спорных высказываний о том, что есть и что должно было бы быть (Ist- oder Soll – Aussagen) [10; 11, с. 264-271].

Каждый знающий себе цену политик понимает ценность открытого диалога с соперником и оппозицией: люди, даже самые умные и опытные, имеют способность заблуждаться, а то и лгать, и диалог дает возможность показать это на примере оппонента. При этом отношение к оппоненту явно заблуждающемуся, не знающему истины, должно быть иным, чем к тому, который явно лжет, утверждает сознательно неправду. Используя средства метаязыка (мимика, жесты, движения головой или всем телом, нарочитая направленность взгляда, тон и темп речи) оратор легко может выказать отличия этих отношений к оппоненту. В дискурсе цель проверки – отыскать некое согласие на основе соблюдения правил рассудка и разума между спорящими. Правила эти, в отличии от интересов, предполагаются у всех людей одинаковыми. Если рассудок и разум, правила их применения, логика у всех тождественны, то понимание аргументации противника, а, стало быть, и компромисс возможен. Каждое высказывание человека, находящегося в здравом

уме, связано с претензией на значимость (Geltungsanspruch). Так, если врач рекомендует способ лечения, то претензия значимости – выздоровление. Если человек дает обещание, то претензия значимости – он не обманет, не забудет, выполнит свое обещание [12, s. 734, 740].

Далеко не каждое такое высказывание дает себя подтвердить или опровергнуть с помощью аргументов. Высказывание верно или ошибочно, а аргументов еще нет. Применимость дискурса оправдана и может быть результативна и в трактовке универсальных истин о том, что есть (Ist-Aussagen) и о том, что должно было бы быть (Soll – Aussagen). Например: «Все люди смертны» и «Ты не должен убивать». Консенсус по этим истинам всегда возможен в силу их чрезвычайно отвлеченности, абстрактности (о какой смерти идет речь? - о биологической?, о духовной?, об информационной?; о каком убиении идет речь? - во время войны?, по ходу самозащиты?, когда враги убивают твоих детей?) [13, s. 97].

Имеются не только универсальные истины, но и универсальные правила ведения дискурса.

1. Участники дискурса имеют равные права и возможности в начале дискурса, во время его протекания и в его завершении. Не может быть дискурса с интеллектуально или политически «разновесными» участниками («herrschaftsfreien Diskurs»). Не может муха участвовать в дискурсе наравне с орлом. Говорить, общаться, обмениваться мнениями можно с любым разумным человеком, но не любой может быть участником дискурса.

2. Участники дискурса исходят из возможности достичь консенсуса на основе аргументации, не оскорбляющей личность участника.

3. Участники дискурса говорят на одном языке (без переводчика) и придерживаются единых правил логики и грамматики [14, s. 60]. В этой связи заметим, что нам удалось присутствовать при знаменитом выступлении Ю. Хабермаса на философском факультете МГУ (1965 г.), где с ним дискутировал известный советский философ Т. Ойзерман. Оба владели немецким языком, но «язык философских понятий» у них отличался фундаментально. Поэтому дискурса из этой встречи и диалога не получилось.

Тем не менее, так как эти правила на практике почти невозможно соблюсти полностью (sie sind kontrafaktisch) – это скорее идеалы дискурса. Если в политическом дискурсе компромисс и консенсус недостижимы, а конкретный определенный результат для практических действий необходим, приходится любому политику применять, если его ресурсы достаточны, волевое решение, т. е. применить силу авторитета личного, партийного, государственного и др. В рамках закона, разумеется. Без применения силы в любом обществе даже самому гуманному и деликатному политику в определенных обстоятельствах не обойтись [15, s. 206].

3. Понятия справедливость и право в выступлениях политиков.

Вне сопоставления с правом слово «справедливость» понимается обычно в двух смыслах.

1. Ею обозначают добродетель, т.е. этическое поведение, настроенность, в соответствии с которыми человек действует «хорошо» в понимании субъекта поведения. Это справедливость в так сказать субъективном смысле. У тех, кто этику понимает как учение о добродетелях, о положительных моральных качествах личности, справедливость рассматривается как высшее из этих качеств.

2. Сложнее становится ответить на это вопрос, когда справедливость понимается вне учения о добродетелях, когда ее рассматривают как принцип, на основании которого выстраивается масштаб оценки нравственных, правовых, социальных и политических норм поведения человека. Здесь справедливость характеризует оценочно не как внутренний, субъективный мир личности (мораль), а как объективно фиксируемое поведение человека (нравственность). Различение морали и нравственности с необходимостью вытекает из того, что человек далеко не всегда делает то, что думал, что намеревался, что считает правильным, что надо сделать «по совести» и т. д. В народной мудрости не зря говорится, что человека надо судить по его делам, а не по словам и намерениям.

При втором понимании справедливости две точки зрения имеют особое значение: 1. Признание возможности юридического равенства людей, т. е. равенства по закону; 2. Действие законов распространяется равно на все и на всех, как отдельных лиц, так и группы людей.

От норм законов, которые считаются справедливыми, ожидается, что они одинаково распространяются, хотя бы в принципе, в равной степени на всех. Если это ожидание исполняется, т. е. нормы для всех применяются одинаково, то это не гарантирует действительного равенства

потому, что люди разные и различны их жизненные ситуации: один умен, активен, с сильной волей, а другой – наоборот. Один имеет семерых детей, а другой – ни одного и т. д. Само собою возникает вопрос: возможна ли справедливость без равенства людей, но с равенством их прав, с равенством для них норм и законов, возможностей? С точки зрения юридической – да, с точки зрения моральной и нравственной – нет. Равенство правильнее понимать как «равенство в рамках здравого смысла», признавая невозможность полного, даже юридического, равенства. Сложная и противоречивая жизнь любого, даже самого правового и демократического общества, заставляет предоставлять отдельным личностям или группам людей особые права и привилегии (умалчивать истину, правду или попросту врать; неприкосновенность на время или на всю жизнь и др.). Некоторые права, обязанности и посты могут быть дадены людям с особыми способностями, отсутствующими у большинства других людей. Например, способность руководить имеется далеко не у всех, и далеко не все могут в должной степени ей обучиться. Но, обольщенные возможностями, даваемыми ею, мучимые непомерными амбициями, рвутся к ней многие, хотя есть и такие, которые осознают свою неспособность к исполнению властных функций и отказываются от должностей и постов. Оратору-политику часто задают вопросы о справедливости и в тех случаях, когда нарушены элементарные права вопрошающего, иногда, когда его совесть говорит – нет справедливости. Как сетовал Сальери «Все говорят: нет правды на Земле. Но правды нет – и выше» [16, с. 35]. Не отвечать на такие всегда злободневные вопросы нельзя.

Если для некоторых существуют особые права, то справедливым будет гарантировать им соблюдение этих прав. В целом же при такой позиции справедливо все то, что соответствует действующему праву, закону. Только такая справедливость объективно контролируема и доказуема. Можно принять и более неопределенное, предельно отвлеченное от конкретной ситуации в обществе и государстве положение, согласно которому справедливость есть принцип, гарантирующий право личности на свободу в рамках существующего права и законов. Другой отвлеченный принцип гласит, что справедливо все, что полезно одновременно и для данного человека, и для общества в целом. И, наконец, одно из новейших за последние 50 лет определения справедливости гласит: принцип справедливости требует, учитывая все неустранимые социальные и экономические неравенства, предоставлять наименее удачливым в этой ситуации наибольшую общественно-государственную помощь [17-23].

Мы полагаем, что, с точки зрения политического подхода, наиболее правильным является понимание справедливости как соответствия действующим праву и законам.

4. О послушании или добровольном рабстве.

Сравнение послушания с рабством может шокировать, но в общественной жизни бывает нередко, что первое незаметно перетекает во второе. Знаменитый римский философ и государственный деятель Боэций (Boethius) Аниций Мандий Северин (480-524) вопрошал: «... как это может быть, что так много людей, так много общин, так много городов, так много народов выносят власть одного единственного тирана, у которого нет другой власти, кроме той, которую они за ним признают; который имеет только столько силы им навредить, сколько они готовы вынести; который не сможет принести им зла, если они выступят против» [24, s. 37]. Далее Боэций писал: «Первое основание того, что люди добровольно соглашаются на рабство заключается в том, что они рождены как рабы и как таковые воспитаны. Из этого основания следует следующее: люди под властью тиранов становятся вялыми духовно и с изнеженной волей» [24, s. 54]. Действительно ли рождение в рабстве и воспитание в рабстве являются главным в добровольном подчинении большинства населения страны тиранам, авторитарным руководителям или господствующей партии? Может быть во времена Боэция так и бывало, ныне же такое объяснение звучит наивно. Между тем, угнетение целых народов отдельными тиранами или их группой или партиями, целенаправленное уничтожение меньшинств, их языка, религии и культуры в целом – все это в течении веков развития цивилизации не исчезло, но приняло еще большие масштабы.

Возможно ли общество без послушания и подчинения, обязательных для отдельных его частей. Вопрос риторичен. Дети, служащие, солдаты, полицейские, члены спецслужб, непослушные или не подчиняющиеся приказам ослабляют общественное целое. Некоторые исследователи разделяют моральные и неморальные послушания и подчинения. Моральные соответствуют вашим личным моральным ценностям, неморальные – не соответствуют [25, s. 98]. Если вы в силу вашей профессии или должности должны выполнять указания или приказы

неукоснительно и точно, а ваша мораль говорит, что это нехорошо, то вы должны, несмотря на очевидные для других людей общественные необходимости, отказаться от выполнения указания или приказа даже под угрозой увольнения или иного наказания. Во имя сохранения своей личной моральной чистоты, проявите гражданское мужество. Это, мол, куда важнее, чем заботы о семье и прокормлении детей. Автор полагает, вероятно, что все морально чистые люди способны быть героями и в мирное время. Наивно такое предположение даже для военного времени.

Другой исследователь рассуждает более трезво: он пишет о том, что многие люди, если не большинство, не желают принимать решений, для которых их компетенции явно не хватает. И нести ответственность за такие решения они перекалывают с чистой совестью руководство и принятие решений, ответственности за них на других [26, s. 139, 212, 227].

С ориентацией на личную совесть, как на окончательного (совесть, мол, не ошибается) судью, общественные коллизии в СМИ нередко представляют людей, выполняющих свой служебный долг (солдат, полицейских и др.), чудовищами, извергами (Scheusale), что чудовищно несправедливо, если такие люди не нарушают законов и, нередко, рискуют собственным здоровьем или жизнью.

Люди, послушные по служебному долгу, не являются научной проблемой. Таковой являются целые общества. Подчиняющиеся безропотно, за редкими исключениями отдельных личностей или их групп, тиранам, авторитарным идеологиям и руководителям. Одной из попыток решения этой проблемы являются биологизаторские концепции общества, объясняющие указанное послушание инстинктивным поведением людей, в инстинктивном перекалывании ответственности на тех, кто отдает приказы [27, s. 339-348; 28, s. 539, 548].

Ссылки на то, что послушание может тренироваться оправданы применительно только к малым группам специально обучаемых людей, но не к целым нациям или совокупности народов. Ключевым понятием в понимании добровольного подчинения правящей силе является «авторитет». Он во всех отношениях между людьми играет большую роль, но в особенности в отношениях масс к руководящей силе. Под авторитетом мы понимаем устойчивое уважение к определенной личности или инстанции в силу их достижений или воспитания и традиций. При этом достижения могут быть и мнимыми, населению внушенными. Авторитетом может быть и политическая партия, и тайная организация, и часть бюрократии, и определенный закон, и государство в целом. За авторитетом признается право требовать. Люди чувствуют себя авторитету обязанными потому, что он снимает с них ответственность и потому, что он может поощрить или наказать. Авторитета не только признают, уважают, но и побаиваются. А о последнем мечтают большинство руководителей.

Сила воздействия авторитетов в любом обществе связана и с тем, что в нем имеются в значительном количестве личности с «авторитарным характером». Имеется и гипотеза, согласно которой в «среднем классе» современного буржуазного общества, которое всегда еще считалось наиболее прочной опорой западной демократии, таких личностей большинство. Решительные противники авторитаризма – это «верхи» и «низы», а не средний класс, которому просто не надо мешать работать по твердым правилам [29]. На что же опираются такие гипотезы? На том простом факте, что все социально-правовое устройство современных демократических (не авторитарных) государств предполагает наличие таких личностей, как большинства в обществе [30].

Решение принять ответственность на себя или возложить ее на других – центр проблемы послушания, добровольного подчинения другим. Ответственность неразрывно связана с возможностью вины: не бывает такого ответственного руководителя, который не делал бы и ошибок.

5. Некоторые популярные идеи об особенностях современного общества, к которым мог бы отсылаться оратор-политик.

Не отрицая самостоятельности политологии, укажем на теоретические источники ее, которыми являются не только труды по политике, государству, их взаимоотношению и взаимодействию с обществом (в особенности с обществом гражданским, когда оно возникло), но и история, социология, философия истории, господствующая в обществе религия, идеология и народная культура. В целом же мы согласны с мнением Аристотеля о том, что по своей значимости для сохранения целостности общества политика является и высшей наукой, и высшим искусством.

В выступлениях ораторов важен не столько показ своей эрудированности в вопросах общей истории, сколько в истории своего народа, своей страны, своего государства, наиболее распространенных в нем религий, народной культуры и мудрости (знание народных традиций, обычаев, пословиц, поговорок, преданий и сказаний). Своей компетентностью в области особенностей истории страны, ее культуры, социального и государственного устройства оратор вызывает у слушателей обобщающее ощущение – это свой, ему можно начать доверять.

И новейшие данные из общей истории полезны к использованию оратором. Всего за несколько десятилетий на рубеже прошлого и нынешнего столетия, когда история укрепилась как самостоятельная прикладная наука, объем знаний о древности и средневековье в Европе и Средней Азии увеличился в разы. Новые данные заставили усомниться в концептуальных обобщениях теоретиков Просвещения. И благородные идеи свободы, равенства и братства всех людей стали восприниматься, после того как прояснилось, что даже элементарная правовая форма равенства нереализуема в полной степени, как митинговые лозунги.

Мы не желаем обижать великих мыслителей того времени, но указываем на то, что их представления о человечестве были ограничены знаниями того времени и идеологией евроцентризма, непотопляемого и по сей день. Между тем, при взгляде на карту мира, при учете индустриальных, научных и информационных достижений и потенциалов отдельных регионов человечества, при учете того, что без притока не европейского населения Европа стареет и опустевает (Германия – яркий тому пример) евроцентризм смешон и не случайно заменяется американоцентризмом. Но, как говорится, хрен редьки не слаще. И на это надо обращать внимание аудитории, большая часть которой не осведомлена в толковании этих часто употребляемых в СМИ слов.

Ныне эти определения замещаются другими, более неопределенными по содержанию терминами, которые дают широкий простор для разнообразных, порою взаимоисключающих, толкований, но ничего не объясняют: «глобализация», «вестернизация» и подобные, весьма модные в СМИ [31]. Во всех указанных в этой ссылке трудах проводилась не научная, а вполне пропагандистская идея, о том, что нарисованному в них «объективному процессу» современной мировой истории нет и не может быть альтернативы. Эту якобы безальтернативность не плохо оратору хотя бы косвенно упомянуть, указывая на то, что независимая страна не идет слепо по избранному глобалистами маршруту, имеет значительные возможности идти особым путем в соответствии со своими интересами и волей своего народа.

К тому же с 90-х годов прошлого века авторитетными учеными (Д. Родрик, С. Сассен, Дж. Уильямсон, А. Ратман, Дж. Бхагвати, Р. Финдли) было показано, что то, что называют «глобализация», наблюдается в мире веками и не есть новое мировое явление последних десятилетий. А что же есть? А есть, говорит ряд других авторов «европеизация мира», имея ввиду Западно-Европейский мир (ЕС, США, Англия, Канада, Австралия, Новая Зеландия) и полагая, что все остальное огромное человечество только и ждет такой «европеизации». Большинство стран этого человечества лучше траву будут есть, чем жить по нормам повседневности этой «европеизации» (мужчины у которых жены тоже мужчины; женщины, у которых «мужья» тоже женщины; появление людей с неопределенным полом («оно») или «меняющемся» полом; или компания христианских феминисток за то, чтобы и Бог не назывался «Он» или «Она», а гендерно нейтрально; мэры европейских столиц или министры крупнейших государств ЕС (Франция, Германия), показывающиеся на телеэкранах со своими мужьями-мужчинами... В мире люди сотнями миллионов умирают от голода, а тут такая «бесовщина», государственно поддерживаемая ЕС и всем Западом.

Оратору можно использовать эти данные при характеристике попыток всемирной «европеизации» или «вестернизации». А если оратор – представитель исламской, православной или католической церкви, то уместно упомянуть, что упомянутая выше «бесовщина» прямо нарушает наказания священных книг Корана и Библии.

Сегодня в лекционных курсах, пособиях и учебниках России, Казахстана и других постсоветских Республик порой проскакивают термины «постбуржуазное общество», «посткапиталистическое общество», «постпредпринимательское общество», «постцивилизационное общество», «постисторическое общество» и др. И все эти «пост-» претендуют на пояснение сути современного этапа всемирной истории. И это еще не все: «технотронное общество» Бжезинского,

«общество знаний» Дракера, «информационное общество» Масуду, «программируемое общество» Турена и др. Знать о них оратору надо, но не для объяснений и не для демонстрации собственной эрудиции, а скорее для критики выборочно [32, с. 10].

Не понимая насколько различаются истории, культура, менталитет населения различных стран, могучая научная держава США всюду пожинала негативные результаты навязывания своего образа жизни. Вьетнам, Ближний Восток, Афганистан, Сирия, Ливия, Тунис – всюду они сами или с помощью союзников по НАТО приносили вместо обещанных демократии и процветания развал, разброд и шатания. А, может быть, ученые-обществоведы в Америке толковые и правительство не прислушивается их умным советам? – Думается, что и это часть, хотя и не главная, истины.

В любом случае, сегодня нарастает опасение перед дилетантизмом, распространяющемся в политических кругах евро- и америко-центристов. Так, они полагали, что в Афганистане, где не было функционирующего центрального правительства, отсутствовало правовое государство и средний класс, где подавляющая часть населения была безграмотной и знало только одну «идеологию» - ислам, можно внедрить силой западноевропейскую демократию. Другой пример дилетантизма правящей элиты Германии - президентские выборы в России, когда за пост боролись Ельцин, Горбачев и знаменитый тогда генерал Лебедь, где вся пресса в стране предсказывала несомненную и сокрушительную победу Горбачева. Пришлось, поражаясь такой неосведомленности о настроении избирателей в России, написать письмо Институт Востока (Гамбург) и предсказать, что Горбачев получит не более 2% голосов. Таких примеров можно было бы привести за последние 20 лет десятки. Чего только стоят единогласные утверждения тогдашних немецких СМИ о том, что при Саакашвили Россия напала на Грузию, а не Грузия на российских миротворцев. Это сообщали буквально все средства массовой информации (радио, телевидение, интернет, печать). В те годы радиальная немецкая оппозиция выставляла на митингах лозунг «Lügenpresse» («Лживая пресса»). Лозунг этот, так возмущивший проправительственные партии и журналистов, был еще «деликатен»: на деле речь шла о всех СМИ.

Обращение внимания аудитории на этот дилетантизм может помочь оратору привлечь слушателей на свою сторону.

Нередко оратор вызывает иронию у слушателей попыткой изобразить некое событие судьбоносным, каковым оно на деле не является, а упоминание о нем скрывает банальное желание транслировать собственное понимание важности исторического отрезка в жизни своей страны. Патриотизм свой показывать оратору надо, но до известных пределов, с тем, чтобы его не заподозрили в неискренности или некомпетентности. Не повторение одних и тех же фраз, а демонстрация своих знаний и понимания страны, ее народа и культуры, интересов страны говорит о патриотизме оратора.

Образованным людям известно, что подлинный смысл исторической эпохи познается не ее современниками, а их внуками. Они то и оценят представителями светлых и честных голов своих, что было судьбоносным, а что – заблуждением, лицемерием и пропагандой.

Литература и источники

1. Шахновский В.И. Эмоции как объект исследования в лингвистике // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9.
2. Грекова В.Е. Психолингвистический подход к определению базовых эмоций // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». 2009. №1.
3. Табурова С.К. Эмоциональный уровень мужской и женской языковой идентичности ... (по материалам пленарных дебатов Бундестага). М., 1999.
4. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. Учебное пособие. М., 2008.
5. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М., 2008.
6. Sprache im Konflikt. Zur Rolle de Sprache in sozialen, politischen und militärischen Auseinandersetzungen. Berlin/New York, Hrsg. Ruth Reither, 1995.
7. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М., 2004.
8. Русский язык за рубежом. 2012. № 1.
9. Стернин И.А. Практическая риторика. М., 2006.
10. Ketner M./Apel K.-O. (Hrsg.) Zur Anwendung der Diskursethik in Politik, Recht und Wissenschaft. Frankfurt am Main 1992.
11. Enzyklopädie Philosophie. In 2 Bänden. Hamburg, Felix Meiner Verlag, 1999. Bd.1.
12. Apel K.- O. Auseinandersetzungen in Erprobungen transzendentalpragmatischen Ansatzes. Frankfurt am Main, 1998.
13. Burckhart H. Diskursethik – Diskursanthropologie – Diskursethik. Würzburg, 1998.
14. Habermas Jurgen. Die Einbeziehung des Anderen. Frankfurt am Main 1996, S. 60
15. Alexy R. Recht, Vernunft, Diskurs. Frankfurt am Main, 1995.
16. Пушкин А. С. Маленькие трагедии. Моцарт и Сальери. М.: «Дет. Лит.», 1977.
17. Christoph Lumer. Gerechtigkeit // Enzyklopädie Philosophie, Haburg, Felix Meiner Verlag, 1999. Band 1, S. 464-470.

18. Barry B. F. Treatise on Social Justice. Vol. 2: Justice as Impartiality (Oxford 1995) // D. Bimbacher/N. Hoester. Texte zur Ethik. München 1984.
19. Hoffe O. Politische Gerechtigkeit. Frankfurt am Main, 1989.
20. Lumer Cr. Intergenerationelle Gerechtigkeit. In: R. Mokrosch/A. Regenbogen (Hg.): Was heißt Gerechtigkeit? Donauwörth 1999.
21. Marx K. Kritik des Gothauer Programms. In: Marx K./F. Engels. MEW, Band 19.
22. Rawls J. Ein Entscheidungsverfahren für die normative Ethik Grundsatz 2a (1975). S. 38f, 67f, 336f. In: D. Bimbacher/N. Hoester. Texte zur Ethik. München 1984, S. 218 – 221, 222- 229.
23. Trapp R. W. „Nichtklassischer“ Utilitarismus. Frankfurt am Main 1988, S. 23-25.
24. De la Boetie, E. Discours de la servitude volontaire on contr'un. Genf, 1987.
25. Grün G. Menschen, Tiere, Wissenschaften. Territorialität, Aggression In: «psychosozial», 1997, Heft 1 (Nr. 67).
26. Huemer P., Schurz G. Unterwerfung – über den destruktiven Gehorsam. Wien, 1990.
27. Schurz G. Gehorsamsbereitschaft als Instinktrelukt. In: Huemer/Schurz (Hrsg.). Wien, 1990.
28. Max Frisch. Dienstbüchlein. In: H. Meyer (Hrsg.). Gesammelte Werke. Frankfurt/M. 1976, Bd. VI.2.
29. Adorno Th., und andere. Die unmoralische Persönlichkeit. Frankfurt am Main 1995.
30. Apel K.O. Diskurs und Verantwortung. Frankfurt am Main, 1988.
31. Дарлинг Ф. Вестернизация Азии. М., 1980.
32. Иноземцев В. Пришествие метафизической эпохи // Независимая газета. 2008. 22 мая.

РАУ ИОГАНН – доктор философии, профессор; Научный форум по международной безопасности при Академии штабных офицеров Бундесвера (Гамбург) и Академии защиты Отечества (Вена).

RAU, JOHANNES - Doctor of Philosophy, Professor; Scientific Forum on International Security at the Academy staff officers of the Bundeswehr (Hamburg) and the Academy of defending the Homeland (Vienna) (rau100@mail.ru).

УДК 130.3

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-1-214-219

ПОПОВ С.И., ПОПОВА Н.С., ПОРХАЧЕВ В.Н. МАТЕРИАЛИЗМ, ИДЕАЛИЗМ И ПОСТИЖЕНИЕ ЯВЛЕНИЙ КУЛЬТУРЫ

Ключевые слова: материализм, идеализм, отражение, культура, психоанализ, модернизм.

Рассматривается методологический потенциал материализма и идеализма как решений «основного вопроса философии» в советской философии. Материализм и идеализм задают модель «отражения» объективной реальности (соответственно, материи или идеи). Тем самым они могут выступать в качестве методологических платформ постижения явлений культуры, но только в случае, если культурный универсум структурирован, упорядочен, как это имеет место в эпоху модернизма. В противном случае модель «отражения» не работает. Актуальной оказывается модель «разгадывания», «расшифровки», истолкования, присущая психоанализу и герменевтике.

**POPOV, S.I., POPOVA, N.S., PORKHACHEV, V.N.
MATERIALISM, IDEALISM AND COMPREHENSION OF CULTURAL PHENOMENA**

Key words: materialism, idealism, reflection, culture, psychoanalysis, modernism.

The methodological potential of materialism and idealism as solutions to the "basic question of philosophy" in Soviet philosophy is considered. Materialism and idealism provide a model of "reflection" of objective reality (respectively, matter or idea). Thus, they can act as methodological platforms for understanding cultural phenomena, but only if the cultural universe is structured, ordered, as is the case in the era of modernism. Otherwise, the "reflection" model does not work. The model of "solving", "deciphering", interpretation inherent in psychoanalysis and hermeneutics turns out to be relevant.

Как известно, советская философия именовала себя «материализмом» – «диалектическим» и «историческим». В том и в другом случае имелась в виду общая позиция, занимаемая данной версией «любви к мудрости» по так называемому «основному вопросу философии». Немалое место в деятельности диалектических и исторических материалистов занимали критика и опровержение «идеализма» – альтернативной позиции по обсуждаемому вопросу. Впрочем, идеалисты в этом вопросе выступили не меньшими ортодоксами, чем их философские визави. Двадцатый век несколько смягчил непримиримость спорщиков, прежде всего – материалистов. Известная дискуссия о статусе идеального в советской философии [1], казалось, давала надежду на некую конвергенцию позиций и, самое главное, свидетельствовала о способности материализма развиваться.

Интенция работы заключается в выявлении методологического потенциала «основного вопроса философии» (центральной темы «любви к мудрости» в советском исполнении). Может ли материализм (равно как и идеализм) выступить моделью, платформой для постижения явлений культурной реальности («второй природы»)? Чем обусловлены актуальность и популярность несовместимого ни с материализмом, ни с идеализмом герменевтического, «психоаналитического» подхода к постижению культурных явлений? Цель исследования: понять современную тенденцию в постижении явлений культурной, художественной реальности. Материалы и методы исследования: категориально-понятийный аппарат диалектико-

материалистической философии, герменевтической и психоаналитической методологий в гуманитаристике.

Материализм и идеализм – два известных принципиальных подхода и две крайности в решении так называемого «основного вопроса философии», который имеет две составляющих – онтологическую и гносеологическую. Онтологически он формулируется так: что является субстанцией мира (лежит в основе мира, жизни, человека и т. д.)? Материализм утверждает, что основу мира образуют сугубо материальные процессы, изменения. Духовное в мире, человеку является эпифеноменом материального, то есть производно от него. Идеализм утверждает, что мир, человек в своей основе – дух; материальное же есть различные (и более низкие) формы инобытия духа. Проходя через них, дух познает себя, «приходит к себе» истинному, становится в направлении от абстрактного к конкретному.

В гносеологическом разрезе материализм и идеализм различаются пониманием генезиса знания. Материалистической позиции соответствует сенсуалистская гносеология: всякое знание есть результат чувственного восприятия и мысленного отражения сознанием субъекта внешних объектов. Сознание при этом пассивно и, в принципе, вторично. Столь крайняя позиция, впрочем, редко встречается в истории философии. Идеализму присуща рационалистическая гносеология: не всякое знание есть результат отражения. Есть так называемые «врожденные идеи», не проистекающие из опыта, а пребывающие в уме изначально. Сознание может само генерировать знание, а готовое знание не является копией всегда единичных актов чувственного опыта. Сознание, таким образом, – активная сторона в познавательном процессе.

Взгляды всех материалистов (с античности – до К. Маркса и Ф. Энгельса и современных ученых-естественников) не слишком отличаются друг от друга. Умеренные материалисты, к которым можно отнести современных философов, признают относительно самостоятельное бытие духовного: феномены сознания (смыслы) несводимы к нейрохимическим, то есть материальным процессам в мозгу, как полагали «вульгарные материалисты» XVIII - XIX вв., поскольку такое сведение ничего в феноменах сознания не объясняет.

В идеализме различаются объективная и субъективная ветви. Объективные идеалисты (Платон, Г. Гегель) наделяют объективным бытием духовное, которое более реально, чем телесное. Духовное в человеке (мысли, образы, понятия) – проявление объективного духовного вне человека (Абсолютной идеи). Субъективный идеализм (Дж. Беркли, Д. Юм) сомневается в существовании чего-либо – как вещей, так и идей – вне сферы опыта. Теоретически возможна – в истории философии к ней близок И. Фихте – крайняя форма субъективного идеализма – солипсизм, который ограничивает бытие сознанием познающего субъекта: все существует только в моем сознании.

На вопрос – кто из считающих себя идеалистами или материалистами более прав – видимо, нельзя ответить однозначно: правы и те, и другие. В онтологическом плане здравому смыслу ближе (с известными ограничениями относительно сведения сознания к его носителю – мозгу) материалистическая позиция: нет никаких оснований считать материальный мир только видимостью и проявлением чего-то нематериального. Напротив, в области гносеологии более прав идеализм: познавая, мы действительно обобщаем, познаем общее вещей (оно предшествует многообразным актам восприятия, позволяет их сравнивать), так что можно говорить об особом усмотрении (интуиции) общего, об активности сознания.

Обсуждая решения «основного вопроса философии», считаем нужным отметить следующее. Материализм кажется само собой разумеющейся и здоровой позицией, рассуждать о которой и скучно, и излишне. Идеализм же выглядит экстравагантно, противоречит здравости и вызывает любопытство: что в нем такого, что способно заставить людей здравых и разумных становиться «идеалистами»?

Несмотря на то, что философское обоснование идеализма (в работах Ф. Шеллинга и Г. Гегеля) относится к XIX в., сам этот взгляд на мир появился много раньше, поскольку вполне сопрягается с религиозностью – с установкой религии видеть высший принцип нематериальным и отдельным от мира, известного нам из опыта. Рефлексия над данной установкой позволяет, как кажется, выявить три центральных допущения. Во-первых, что в основе материальной деятельности и материальной вещи лежит, предшествуя им, некий идеальный по-своему реальностному статусу замысел (чертеж, план, проект и т.д.). Это положение кажется здравым и

не требует особых доказательств. Во-вторых, положение, что у мира в целом тоже есть (был) план, замысел, проект. Данное положение кажется небесспорным. Наконец, в-третьих, положение, что мысль может существовать сама по себе, без носителя мысли, как чистая идеальность. В этом моменте идеализм вызвал и вызывает, как кажется, больше всего несогласия и нападков – нам трудно такое вообразить, ничто в нашем опыте о такой возможности вроде бы не свидетельствует. Идеализм в этом своем моменте как бы «забегает вперед» рацию, вплотную примыкая к миропониманию, свойственному религии.

Внутренняя и органичная связь идеализма с религией оказывается философски продуктивной. По сравнению с материализмом, идеализм не ограничивается констатациями форм бытия, обращаясь к их истокам и Замыслу, лежащему в начале мира. Этим идеализм способствует более глубокому изучению и пониманию мира, его структурных связей, чем то, которое может предложить материализм. Именно идеализму удалось объяснить механизм эволюции природы – через внутреннюю необходимость самопознания (и постольку – саморазвития) лежащей в основе мира идеи. Материализму в данном случае остается только отметить усложнение форм органического мира со временем. Большая глубина идеалистического объяснения имеет место и в области чисто философской – в гносеологии. Позиция материализма здесь крайне незатейлива: познавательный акт – это пассивный процесс «отражения» действительности, где мое сознание подобно «зеркалу». Идеализм (в его «субъективной» версии) идет гораздо дальше, полагая познание активным процессом [конструирования действительности] и пытаюсь понять «работу» нашего сознания через аналогию с производственным цехом (с его окном для поставки «сырья» – чувственных впечатлений, «станочными линиями» – познавательными способностями, выдачей готовой «продукции» – положений науки). Понимание человеческой деятельности в результате сильно обогащается.

Могут ли решения «основного вопроса философии» выступить методологическими предпосылками при осмыслении познавательного процесса вообще и актов постижения культурной реальности? Материализм в указанных обстоятельствах использует метафору «отражения»: познание видится как «отражение» объективно существующей материальной действительности. Такой подход равно применялся к естественнонаучному и гуманитарному познанию. В последнем случае в понимании явлений культуры, науки, искусства акцентируется роль «материальных» начал: уровня развития производительных сил, социального контекста – отношений, возникающих между людьми в процессе производства, образа жизни, повседневных обстоятельств. Понятие «материального», как видим, сильно расширяется до значения «внешнего» по отношению к теоретическому и, особенно, «субъективному». При этом принцип детерминации «внутреннего» «внешним не составляет исключительной привилегии советского материализма. Так, «социология знания» полагает последнее зависимым от обстоятельств его исторического и социального «размещения»: согласно К. Манхейму, общество обуславливает не только возникновение, но и содержание человеческих идей (за исключением математики и части естествознания) [2, с. 226]. Эта мысль почти совпадает с познавательной установкой советского материализма: привычно думать, что социальные обстоятельства («материя жизни») порождают сюжеты в искусстве, например, в живописи: портреты ударников труда в СССР, думается, должны были делать такое обуславливание явным. С другой стороны, нельзя не заметить ограниченности концепта «отражения»: «ударник труда» – настолько сложное смысловое образование, возможное в сугубо специфическом духовно-историческом контексте, что вообразить его «отражением» некоего объективно существующего Ударника Труда (по аналогии с объективно существующим камнем или деревом) – сложно.

В любом случае искусство на Западе после Второй мировой войны (особенно в лице абстракционизма) перестает быть «отражением» «материальной» реальности и явно становится мучительным процессом выражения (усмотрения) некоей идеи. Дж. Поллок, метавший краску на горизонтально лежащий холст, хотел этим выразить некое новое состояние мира, и ту же процедуру пытался осилить Барнет Ньюман, годами пытаюсь изобразить вертикальную красную линию. Некоторые художники с годами меняли позиции. Гелий Коржев, представитель «сурового стиля» в советской живописи, поначалу писавший героические будни ударников труда как «материалист», вдруг пишет работу «Беседа» (Ленин и Слепой), позиционирующую его скорее в качестве символиста, пытающегося изобразить всю «боль» русской судьбы. Эти примеры

показывают, что искусство может быть отражением, как материального, так и идеального. И в данном отношении материализм и идеализм оказываются равновеликими платформами постижения культурно-художественной реальности, что выглядит парадоксально.

Концепт непосредственной восприимчивости («отражения») субъектом объекта сегодня критикуется [3]. Он не выдерживает некоторых «проверок» (например, преломление света водной средой искажает формы и пропорции физических тел), как правило, случайных, локальных. Тем не менее, как мы знаем сегодня, познание (а так, и раньше, и сейчас именовали и именуют, прежде всего, науки о природе, естествознание) в качестве способа связи человека и мира является крайне непростым, не непосредственным, а обставленным обширной совокупностью искусственных условий предприятием. Иными словами, мы познаём мир через модели.

Не оформленное логически почитание природы как благого или как злобного начала удобно рассматривать как господство «нулевой» (донаучной) познавательной модели, в рамках которой мир (природа и общество) понимался как храм, – читаем у историка науки Ю. Чайковского [4, с. 10]. Исторически первая *научная* познавательная модель возникает во времена Высокого Средневековья в европейской схоластике. Схоластика, будучи культурой книги, понимала познание как разгадывание замысла Творца: мир выступает как текст, а познание – как чтение, расшифровка. Эта (знаковая) познавательная модель в XVI – XVII веках в естествознании была сменена механистической моделью, представлявшей мир как механизм, автомат. Однако в гуманитарном познании схоластическая, знаковая модель оказалась и успешной, и долгоживущей. Идея рассматривать мир, культуру, человека как «текст» в явном виде обозначила себя в философской герменевтике и психоанализе, а в неявном – в искусстве.

При всех претензиях профессионалов – психиатров и философов – в адрес классического фрейдовского психоанализа несомненным остается, по меньшей мере, одно достижение последнего: психоанализ привлек внимание к феноменам, которые мы понимаем как «культурные», в отличие от «природных». Фрейд «клинически» конкретизировал мысль Ф. Ницше (о природе морали), что некоторые вещи суть не то, за что себя выдают; что многие сопровождающие нашу жизнь явления означают обратное, противоположное тому, чем они кажутся. Именно у Фрейда (недаром он ставил психоанализ в один ряд с естественными науками) данная идея воспринимается в предельно очищенном от логических, метафизических и историософских спекуляций виде.

Зашифрованность сообщений, с которой имеет дело психоанализ, свойственна явлениям культуры, а не природы. Нелепо подозревать в неидентичности себе природные феномены; у них, конечно, есть свой «цикл подлинности» (вследствие старения), но значить что-то другое, чем они есть, они могут только при условии включенности в особый искусственный контекст (например, роза, изображенная на гербе «розенкрейцера»). Но человек живет в мире искусственности, которой часто подчиняет даже естественные объекты. Экзистенциально важные человеку любовь, признание, предназначение – таковы, что заставляют не воспринимать, но разгадывать. Они никогда не даны как вещи, в своей непререкаемой подлинности, а всегда только как шифры, знаки, допускающие не одно толкование. Французский семиолог Ролан Барт вполне справедливо говорит, что любовные коллизии неизъяснимы феноменологически, не переводятся однозначно на язык здравого смысла. Происходят они исключительно в сознании влюбленного субъекта, а потому в них нет вещей помимо знаков, фетишей, шифров, перекодированием которых влюбленный и занимается до изнеможения [5, с. 193]. Но такие же точно шифры посылает и культура вообще, представляя собой как бы коллективное сознание, которому соответствует своя сфера неопределенности – коллективное бессознательное.

В историко-культурный контекст психоаналитическую терминологию удачно ввел философ Борис Гройс, подметивший странное сходство характеристик (с ними согласится любой «западник»), данных России Петром Чаадаевым, с фрейдовским описанием бессознательного. Россия в качестве бессознательного воплощает здесь опасное состояние недоцивилизованности, символизируя бесформенность, хаотичность, спонтанность порывов, несдержанную агрессивность в сочетании с детской наивностью в противоположность упорядоченности, оформленности, рационалистичности и какой-то ветхой мудрости и налаженности Запада-сознания [6, с. 54]. При этом культурно-исторические символизации бессознательного и сознания таковы, что первое выступает сущностью, второе – явлением; для бессознательного характерны

почти бесконечные возможности, сознание отмечено печатью необходимости и ограниченности. Психоаналитическая же, а по сути, герменевтическая терминология является естественным выражением синдрома подозрительности, с какой мы всматриваемся в культурные феномены, не давая себя обмануть их внешнему. Возникшая подозрительность как раз и свидетельствует, что перед нами культурный феномен, где внешность не просто не совпадает с сущностью (как убеждены философы-агностики), а «подсовывает» ее противоположность, обязательно нас обманывает. Видимость моральной нормы не должна вводить в заблуждение относительно ее генеалогической сущности, замешанной на страхе наказания и расплаты (Ф. Ницше) [7]. Так работа сна умело выбирает условия, чтобы превратить страшное предчувствие в исполнение желания, сходный механизм З. Фрейд угадывает и в религиозном творчестве человечества, порождающего образ бога из тоски по отцу и страха перед отцом [8, с. 106]. Апелляции к «бессознательному», которое может стать явным только приняв завуалированный, сублимированный то есть в принципе противоположный сущности вид, исключительно удачно, на наш взгляд, иллюстрируют амбивалентность, неподлинность, обманчивость как сущностные черты «слишком человеческого», каковое и есть культура. Термин «культура» не обозначает некий независимый объект, а представляет собой собирательное понятие, объединяющее характерные признаки ряда явлений, сопровождающих нашу жизнь, которые явно отличаются от естественных феноменов своей знаковой природой, отсылающей к чему-то иному и даже противоположному, нежели предъявлено для обозрения. Такое определение «культурного», не отменяя и не оспаривая другие, позволяет подчеркнуть его онтологическое отличие от «природного».

Причем здесь «материализм» и «идеализм» как решения «основного вопроса философии»? Как мы видели, явления культуры вполне постигаемы и без герменевтических процедур и «психоаналитического шаманизма». Последние явно привносятся в арсенал гуманитаристики в XX веке и, по всей видимости, актуальны именно с этого времени.

По нашему мнению, выбор в пользу материализма (равно как и выбор в пользу альтернативного ему идеализма) на деле есть выбор в пользу *модернизма* с его презумпцией порядка и структурности культурного универсума. Последние предполагают господство причинных связей, детерминизма, расчета, прозрачности, осознанности и сознательности, последовательности, ответственности, долга и пр. В мире модернизма нет никакого «бессознательного» и не нужны «хитрости» психоанализа (может быть, поэтому он в СССР и не прижился). Его герменевтические и «магические» методы оказались актуальными в мире, утратившем структурность. Таковым он стал на Западе после двух мировых войн и с тех пор символически «лежит в руинах»; последние (символ бесструктурности) нельзя постигать систематическим образом. Вот тут на сцену и выходят герменевтика, психоанализ с их презумпцией хаоса, «ризомы» (непрерывной ткани без конца и начала), подобию, аллюзий, оговорок, обмолвок, намеков, смутных желаний, сновидений и подозрений. Когда художник-абстракционист изображает хаос – изображает ли он действительность? На наш взгляд – нет: хаос изобразить нельзя. Изображает ли он *идею хаоса*? Это сложный вопрос – существует ли идея хаоса. На наш взгляд, таковой идеи не существует, поскольку идея – уже есть *форма*, следовательно, порядок. Остается предположить, что художник-абстракционист действует в мире, лишенном системы координат, в мире, где нет бинарных оппозиций, где «значительное и пустяковое, умное и глупое, красивое и некрасивое, оригинальное и пошло-стереотипное, нормальное и патологическое, возвышенное и низменное» смешаны и больше не имеют значения [9, с. 17].

Основываясь на вышеизложенном, можно утвердительно ответить на вопрос о методологическом потенциале решений «основного вопроса философии»: материализм и идеализм равно состоятельны в изучении явлений культуры, задавая модель «отражения» культурой некоторой пред-данной реальности и позволяя систематически изучать произведение культуры (искусства) со ссылкой на эту структурированную, упорядоченную «реальность» – материальную или идеальную.

Современная (постсовременная?) ситуация в культуре и искусстве (появление абстрактного искусства, персонажей, утративших способность различать реальное и фантомное, доброе и злое, разумное и безумное, смысл и бессмыслицу) позволяет квалифицировать новую художественную реальность как хаос, бесструктурность. Эту художественную реальность уже нельзя понять как

«отражение» материального или идеального и приходится «разгадывать», отправляясь от того, что сама она «говорит» – как правило, завуалировано, загадочно, смутно, обманчиво. Поэтому актуальными оказываются герменевтические, психоаналитические процедуры: подозрение, предположение инаковости показанного скрытому существу, намеки, бесконечные аллюзии и отсылки к уже явленному и т.п.

Литература и источники

1. Рахматуллин Р.Ю. Проблема идеального в советской философии // Вестник Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Серия: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 6. С. 109-117.
2. Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.
3. Порус В.Н. Эпистемология: некоторые тенденции // Вопросы философии. 1997. № 2. С. 93-111.
4. Чайковский Ю.В. Картины мира и познавательные модели // Экология и жизнь. 2006. № 4.
5. Барт Р. Фрагменты речи влюбленного. М.: Ad Marginem, 1999.
6. Гройс Б. Поиск русской национальной идентичности // Вопросы философии. 1992. № 1.
7. Ницше Ф. К генеалогии морали [Электронный ресурс] / Ф. Ницше. – URL: lib.ru/NICSHE/morale.txt.
8. Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Сумерки богов / Сост. А.А. Яковлева. М.: Политиздат, 1990.
9. Якимович А.К. Тоталитаризм и независимая культура // Вопросы философии. 1991. № 11.

References and Sources

1. Rahmatullin R.Yu. Problema ideal'nogo v sovetskoj filosofii// Vestnik Sev. (Arktich.) feder. un-ta. Seriya: Gumanit. i soc. nauki. 2018. №6. S.109-117.
2. Manhejm K. Ideologiya i utopiya // Manhejm K. Diagnostika nashego vremeni. M.: Yurist, 1994.
3. Porus V.N. Epistemologiya: nekotorye tendencii // Voprosy filosofii. 1997. № 2. S. 93-111.
4. Chajkovskij Yu.V. Kartiny mira i poznavatel'nye modeli // Ekologiya i zhizn'. 2006. № 4.
5. Bart R. Fragmenty rechi vlyublennogo. M.: Ad Marginem, 1999.
6. Grojs B. Poisk russkoj nacional'noj identichnosti // Voprosy filosofii. 1992. № 1.
7. Nicshe F. K genealogii morali [Elektronnyj resurs] / F. Nicshe. – URL: lib.ru/NICSHE/morale.txt.
8. Frejd Z. Budushchee odnoj illyuzii // Sumerki bogov / Sost. A.A. Yakovleva. M.: Politizdat, 1990.
9. Yakimovich A.K. Totalitarizm i nezavisimaya kul'tura // Voprosy filosofii. 1991. № 11.

ПОПОВ СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Кемеровского государственного медицинского университета (popov.si@kemerovogea.ru).

ПОПОВА НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА – кандидат искусствоведения, доцент кафедры Кемеровского государственного института культуры (bublikova2007@yandex.ru).

ПОРХАЧЕВ ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Кемеровского государственного медицинского университета (porhach@mail.ru).

POPOV, SERGEY I. - Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Culturology, Kemerovo State medical University.

POPOVA, NATALYA S. - Ph.D. in Art History, Associate Professor, Department of Culturology, Philosophy and Art History, Kemerovo State University of Culture.

PORKHACHEV, VASILIJ N. - Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Culturology, Kemerovo State medical University.

УДК 341:343.3:111.1

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-1-219-223

МАЛОВ А.В., МАКАТОВ З.В. К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА

Ключевые слова: международный терроризм, источники терроризма, насилие, политическая власть, мировое сообщество.

Статья посвящена анализу источников международного терроризма. Утверждается онтологическая укорененность насилия в социуме, включая терроризм, выступающий компенсацией социальной разнородности и способом защиты социальной группы, стремящейся, как правило, к сохранению своей культурной идентичности и прибегающей к террору в случае невозможности или неспособности использовать политические методы борьбы. Делается вывод об эскалации терроризма в условиях глобализации мирового пространства и необходимости проведения плановой политики, направленной на защиту прав меньшинств, сохранение культурного и языкового многообразия. В статье утверждается, что политическое решение проблемы международного терроризма предполагает, в первую очередь, совершенствование координационных структур мирового сообщества, развитие политического диалога, нацеленного на достижение компромиссов по всем спорным вопросам.

MALOV, A.V., MAKATOV, Z.V.

TO THE ISSUE OF INTERNATIONAL TERRORISM SOURCES

Key words: international terrorism, sources of terrorism, violence, political power, world community

The article is devoted to the analysis of the sources of international terrorism. The author asserts the ontological rootedness of violence in society, including terrorism, which acts as a compensation for social heterogeneity and a way of protecting a social group that, as a rule, seeks to preserve its cultural identity and resorts to terror in case of impossibility or inability to use political methods of struggle. The conclusion is made about the escalation of terrorism in the context of the globalization of the world space and the need for a planned policy aimed at protecting the rights of minorities, preserving cultural and linguistic diversity. The article argues that a political solution to the problem of international terrorism involves, first of all, the improvement of the coordination structures of the world community, the development of a political dialogue aimed at reaching compromises on all controversial issues.

Поиск онтологических оснований международного терроризма, как формы насильственного разрушения социального устройства, приводит к необходимости ответа на «вечные» философские вопросы соотношения добра и зла, насилия и ненасиления, хаоса и порядка. Гегель писал, что «Бог не способен победить свое собственное порождение» [1, с. 206], имея в виду материальную злую стихию мира, которую Бог создал для испытания своей сущности, то есть для того, чтобы: упорядочивая ее, подчиняя своей власти, он мог с большей полнотой воплотить свое бытие. Ницше, провозглашая свое знаменитое: «Бог умер, да здравствует человек!», видел природу зла и насилия в исчезновении Бога, как организующего начала. И. Ильин связывал причины насилия с несовершенством мироздания. Претендовать на окончательность и полноту выводов по данной проблеме значит заявить о смерти самой философской науки.

Оставив в стороне этические аспекты проблемы, отметим, что общество также невозможно представить как без порядка, так и без хаоса. Более того, девиации (флуктуации, мутации) выступают неотъемлемыми условиями существования любой системы (социальной, физической или биологической) [2, с. 12]. Можно утверждать, что социальное насилие и терроризм, как форма его проявления, – неотъемлемый элемент социального бытия. Как пишет Жан Бодрийар, терроризм не просто характерен для нормального состояния социального, но и «становится своего рода симптомом или наиболее ярким олицетворением особого состояния социального, а именно его катастрофы и крушения всех репрезентаций, на которые социальное опиралось» [3, с. 66-67].

Международный терроризм, с одной стороны, является следствием возникновения *мировой социальности*, с другой – признаком того, что и эта относительно новая глобальная реальность обладает теми же проблемами, что и реальность отдельно взятого социума.

Постмодернизм в социологии и криминологии конца XX века приходит к выводу: сама социальная реальность девиантна [4, с. 246]. Развитие мира невозможно без разрушения, включая деструкцию социальных сообществ и отношений. Человеческое общество разнородно, оно обладает своеобразной разницей потенциалов, которая и является одним из важнейших условий его развития. Компенсацией социальной разнородности в обществе выступают насилие и терроризм, как его форма.

Неравномерность развития систем (в нашем случае - государств) является определяющим фактором возникновения напряженности как на межсистемном, так и внутрисистемном уровне. Более развитая система, имея тенденцию к укрупнению и структурному усложнению, включает в сферу своих интересов (экономических, политических и иных) различные субъекты, игнорируя их собственные интересы. Подвергнутая воздействию система реагирует на внешнюю экспансию, проявляя открытое или скрытое сопротивление, или входит в более развитую систему как ее часть [5, с. 125]. Если доминантная система по какой-либо причине не может подавить противодействие, а эксплуатируемая система обладает достаточными внутренними ресурсами и организацией, скрытое сопротивление затягивается и переходит в форму террора по отношению к подавляющей системе или ее представителям, вне зависимости от того, станут ли жертвами официальные лица или простые граждане.

Важным источником международного терроризма является характерная для сегодняшнего мира существенная культурная асинхрония, породившая проблему межкультурных коммуникаций. Различия в ценностных ориентациях между развитыми странами и странами «третьего мира» чрезвычайно велики. Кроме того, стремление защитить внутреннюю культуру, отстоять национальные интересы настолько гипертрофированно, что отдельные страны в межгосударственных отношениях возвращаются к «праву сильного», пренебрегая при этом уже имеющимися элементами мирового права, либо прибегают к террористическим методам их обеспечения.

По мнению А. Ахиезера в мире, в результате возникновения открытого общества, сложилось два типа суперцивилизаций – традиционная и либеральная, для отношений которых характерно противоречивое единство, взаимопроникновение и взаимоотталкивание, достигающие высокой степени напряженности [6, с. 21].

Активный традиционализм в странах закрытого общества вступает в прямую конфронтацию с новыми ценностями, применяя все возможные методы вплоть до терроризма. Специфика закрытого общества проявляется в том, что слабость своего потенциала оно пытается компенсировать крайностями методов. Данный процесс носит объективный характер. Механизмы

самосохранения в традиционном обществе укрепляются до такой степени, что они не дают возможности реагировать на новые вызовы времени, ориентируясь исключительно на традиционные ценности, защита которых осуществляется по известному принципу: цель оправдывает средства.

Крайне опасной для мира в целом и столь же благодатной для эскалации международного терроризма является утверждение, что любая нация (или «народ»), имеющая свою культуру, имеет тем самым и право на собственное государство. Бьюкенен, в частности, оценивает данную идею как крайне опасную, считая, что повод для этнических конфликтов, имеющих разрушительный потенциал, существует в абсолютном большинстве государств [7]. Действительно, проблема национального самоопределения несет огромный разрушительный потенциал. Национальные образования вряд ли могут претендовать на полное понимание своих проблем со стороны титульной нации или «центра». Понятно, на чьей стороне будет сила, а на чьей – неумное желание ее преодолеть любыми методами.

С. Хантингтон считает, что будущее человечества определяется грядущим конфликтом между цивилизациями, в основе которого будет их духовное противостояние [8]. Участившиеся международные террористические акты в данном контексте – лишь преддверие великой битвы, участники которой пока только обозначают свою грядущую тактику, подписывая своеобразный протокол о намерениях. Собственно, социальные истоки международного терроризма определяются невозможностью его существования без опоры на конкретную социальную базу, т.е. на конкретные группы, слои населения. В рамках мирового сообщества таковыми могут считаться и целые народы, оставшиеся в стороне от основного вектора цивилизационного развития. Массовое обнищание, маргинализация и люмпенизация являются характерными чертами социального положения масс в XX веке и в начале нового тысячелетия. Этот процесс характерен и в целом для России, особенно в Северокавказском регионе, где среди населения национальных образований в конце XX века было наибольшее число безработных, наблюдался наибольший распад экономической инфраструктуры.

Возникновение социальной базы международного терроризма тесно связано с процессами, имеющими место в национальной и мировой экономике.

Среди экономических источников, прямо или косвенно способствующих эскалации международного терроризма, достаточно упомянуть сверхприбыли мировой криминальной экономики. В одном наркобизнесе, тесно связанном с международным терроризмом, ежегодный объем операций достиг 500 млрд, долларов еще 30 лет назад. Отсутствие официальной статистики по данному вопросу позволяет только предполагать современные масштабы наркоторговли.

С учетом того, что в условиях пандемии незаконный оборот наркотиков в мире, в том числе и в России, вырос в десятки раз [9, с. 10], можно утверждать, что международный терроризм приобрел дополнительный финансовый ресурс.

На стыке экономических и социокультурных источников международного терроризма находится крестовый поход массовой культуры, уничтожающий национальную культурную самобытность и встречающий на своем пути естественное сопротивление, рано или поздно перерастающее в террористические акты.

Политические истоки международного терроризма тесно связаны с экономическими. Международный терроризм неотделим от политической сферы, от управления социальными, экономическими, правовыми, военными и иными национальными или транснациональными процессами. В широком смысле данного понятия он является криминальным инструментом решения политических вопросов, имеющих, как правило, своей целью реализацию определенных экономических интересов: контроль над ресурсами, рынками сбыта, отдельными территориями и т.д. Помимо этого терроризм является эффективным способом борьбы за политическую власть, за ее удержание (пример – режим талибов в Афганистане).

Международный терроризм, как средство достижения политических целей насильственным образом, – явление достаточно новое и, увы, по всей видимости, прочно вошедшее в ткань политического бытия мирового сообщества. Оценивая тенденции в развитии международной обстановки и международных отношений, Тейлор Сейболт констатирует, что вооруженные конфликты будут сопровождать нас и в обозримом будущем [10, р. 27].

Надежда на избавление от политического насилия занимала и занимает достойное место

среди многочисленных социальных иллюзий конца XX – начала XXI века. Тот очевидный факт, что история цивилизации неразрывно связана с развитием форм и средств, ростом масштабов насильственных действий, увеличением числа его жертв, зачастую просто игнорируется.

Международный терроризм, как форма политического насилия, имеет очевидные перспективы уже потому, что ведущее место в глобальном мире будет, по всей видимости, принадлежать не традиционным межгосударственным и внутригосударственным конфликтам, а «экстрасистемным» («extra-systemic» conflicts), когда то или иное «правительство действует за пределами собственной территории против другого правительства или неправительственной группы, которые могут также действовать на значительном удалении от их территории или основных баз» [10, pp. 10-11, 29]. Одним словом, будущее у международного терроризма есть. Что касается его прошлого, политических истоков международного терроризма, то еще Цицерон усматривает в политике, соответствующий человеку способ борьбы, называя грубую силу видом борьбы «диких животных». Вместе с тем, и он оправдывает переход к насильственным неправым действиям, если человек лишен возможности эффективно использовать первый, т.е. политический способ борьбы [11, с. 442].

Весьма характерно, что в политической и социологической мысли само государство рядом исследователей воспринимается как источник терроризма. Проводя параллель между источниками терроризма вообще и международного терроризма, как его разновидности, подобная аналогия на основе очевидной тенденции к глобализации мира, созданию единого мирового сообщества, обладающего властными регулятивами, сходными с властными регулятивами отдельных государств, предполагается допустимой.

Насилие – основа любой, даже самой «либеральной» власти. Государство, как система, с максимальной эффективностью использует внутренние ресурсы для сохранения своей устойчивости, противодействуя терроризму и иным видам неправомерного насилия, направленным на его разрушение. Терроризм, направленный против него, всегда остаётся лишь ответом. Гегелевское «Сила... это отношение, в котором каждая сторона есть то же, что и другая сторона» [1, с. 237] подчеркивает, что в противостоянии государства и личности терроризм являет собой объективную форму противодействия действию. Кардинальным способом решения проблемы терроризма может быть один – полное уничтожение политических, правовых и иных властных институтов, что само по себе абсурдно.

Терроризм – следствие не политической власти вообще, а власти несовершенной. Власть, с позиции Т. Парсонса, это «способность системы обеспечивать исполнение её элементами принятых обязательств, направленных на реализацию коллективных целей» [12, р. 308]. Терроризм появляется там, где политика оказывается бессильной, проявляя неумение идентифицировать и нежелание, неспособность решать проблемы социального неравенства, национальных интересов или религиозных убеждений. Так одной из насущных проблем, служащих лакмусовой бумажкой политической состоятельности мирового сообщества, является проблема сецессии.

Международное сообщество должно предпринимать меры для того, чтобы уменьшить ее привлекательность. К их числу можно отнести развитие более эффективной защиты прав меньшинств, сохранение культурного и языкового многообразия, поощрение различных форм внутригосударственной автономии и т.д. Проблема сецессии лишь одна из комплекса проблем, стоящих перед мировым сообществом проблем, решение которых далеко не всегда реализуется мирным путем.

Само демократическое общество с его уважением гражданских прав личности становится все более уязвимым для международного терроризма. Террористы могут свободно перемещаться по территории наиболее развитых стран мира, приобретать и применять в своих преступных целях современное оружие, различные химические вещества и технические средства. Поэтому естественным является опасение, что при проведении очередных своих акций международный терроризм, обладающий огромными финансовыми ресурсами, получит доступ и к оружию массового поражения. Очевидный минус демократического государства – партнерские отношения с гражданами, признание приоритета гражданских свобод, ослабление социально-правового контроля. В этой связи государство становится менее защищенным перед терроризмом, игнорирующим правовые и политические нормы и признающим лишь грубую силу. Выход – в

дальнейшем совершенствовании антитеррористического законодательства, способного реагировать на новые вызовы нелегитимного насилия. Однако здесь экстремизм и наиболее опасная его форма - терроризм как явления более мобильные, перманентно меняющие свои формы, всегда опережают законодательные меры по борьбе с ними.

В целом, решение проблемы международного терроризма на глобальном политическом уровне безусловно предполагает, в первую очередь, совершенствование координационных (управленческих, властных) структур мирового сообщества, включая Контртеррористическое управление ООН. Однако в современных условиях роста конфронтации между Востоком и Западом данная перспектива выглядит весьма туманной.

Литература и источники

1. Гегель Г. Наука логики: В 3-х тт. М.: Мысль, 1972. Т.3.
2. Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: «Юридический центр Пресс», 2004. 520 с.
3. Бодрийар Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екатеринбург: Издательство уральского университета, 2000. 115 с.
4. Головин Н.А., Козловский В.В. Интервью с профессором Н. Луманом // Проблемы теоретической социологии: сб. науч. ст. / Под ред. А.О. Боронова. СПб.: Петрополис, 1994. С. 236-248.
5. Евсеев С.Н. Мировое сообщество: конфронтация и конвергенция // Рабочие тетради по компаративистике // Гуманитарные науки, философия и компаративистика. СПб.: Сайт Web-кафедра философской антропологии, 2003. С.124-127.
6. Ахиезер А.С. Как «открыть» закрытое общество. М.: Магистр, 1997. 40 с.
7. Бьюкенен А. Сецессия: Право на отделение, права человека и территориальная целостность государства. М. Рудомино, 2001. 239 с.
8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева. Ю. Новикова. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 603 с.
9. Фалалеев М. На острие иглы // Российская газета. 2020. 29 июня. № 139(8193).
10. Conflicts in the 21st Century // Lucia Annunziata, Marta Dassu (eds). Roma: Aspen Institute Italia. 2002. 190 p.
11. Хофмайстер Х. Теория террористической войны // Homo philosophans. Сборник к 60-летию профессора К.А. Сергеева. Вып. 12. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С.439-452.
12. Parsons T. Sociological Theory and Modern Society. New York, 1967. 564 p.

References and Sources

1. Gegel' G. Nauka logiki: V 3-h tt. M.: Mysl', 1972. T.3.
2. Gilinskiy YA. Deviantologiya: sociologiya prestupnosti, narkotizma, prostitucii, samoubijstv i drugih «otklonenij». SPb.: «Yuridicheskij centr Press», 2004. 520 s.
3. Bodrijar Zh. V teni molchalivogo bol'shinstva, ili konec social'nogo. Ekaterinburg: Izdatel'stvo ural'skogo universiteta, 2000. 115 s.
4. Golovin N.A., Kozlovskij V.V. Interv'y u s professorom N. Lumanom // Problemy teoreticheskoy sociologii: sb. nauch. st. / Pod red. A.O. Boronova. SPb.: Petropolis, 1994. S. 236-248.
5. Evseev S.N. Mirovoe soobshchestvo: konfrontaciya i konvergenciya // Rabochie tetradi po komparativistike // Gumanitarnye nauki, filosofiya i komparativistika. SPb.: Sajt Web-kafedra filosofskoj antropologii, 2003. C.124-127.
6. Ahiezer A.S. Kak «otkryt'» zakrytoe obshchestvo. M.: Magistr, 1997. 40 s.
7. B'yukenen A. Secessiya: Pravo na otdelenie, prava cheloveka i territorial'naya celostnost' gosudarstva. M. Rudomino, 2001. 239 s.
8. Hantington S. Stolknovenie civilizacij / Per. s angl. T. Velimeeva. YU. Novikova. M.: OOO «Izdatel'stvo AST», 2003. 603 s.
9. Falaleev M. Na ostrie igly // Rossijskaya gazeta. 2020. 29 iyunya. № 139(8193).
10. Conflicts in the 21st Century // Lucia Annunziata, Marta Dassu (eds). Roma: Aspen Institute Italia. 2002. 190 p.
11. Hofmajster H. Teoriya terroristicheskoy vojny // Homo philosophans. Sbornik k 60-letiyu professora K.A. Sergeeva. Vyp. 12. SPb: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2002. C.439-452.
12. Parsons T. Sociological Theory and Modern Society. New York, 1967. 564 p.

МАЛОВ АЛЕКСЕЙ ВИКТОРОВИЧ - кандидат философских наук, доцент (alexmatd@mail.ru).

МАКАТОВ ЗУРАБ ВАЛЕРЬЕВИЧ - кандидат философских наук, старший преподаватель Академии гражданской защиты МЧС России (makatov85@inbox.ru).

MALOV, ALEXEY V. – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor.

МАКАТОВ, ZURAB V. - Ph.D. in Philosophy, Civil Defence Academy EMERCOM of Russia, Assistant Professor.

УДК 1(091):177.9

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-1-223-229

КОСТИН П.А.

ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СОВЕТСКОГО ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА НА РУБЕЖЕ 1980-Х-90-Х ГГ.

Ключевые слова: ответственность, партийно-государственный аппарат, Советский Союз, союзная республика, СЭВ, ОВД, история, предательство, катастрофа.

Исследование проблемы ответственности советского партийно-государственного аппарата рассматривается в качестве одной из составляющих комплексного философско-исторического исследования парадигмы ответственности и ее роли в нашей стране. Анализируется проблема безответственного, предательского отношения части руководителей СССР к друзьям, сторонникам и помощникам Москвы в странах ОВД и СЭВ, в республиках бывшего СССР, в Центре. Предательство частью руководства СССР патриотического большинства партийно-государственного аппарата нашей страны и стран-союзниц рассматривается в качестве одной из причин крупнейшей геополитической катастрофы второй половины XX века.

Key words: responsibility, party-state apparatus, Soviet Union, union republic, Comecon (Council for Mutual Economic Assistance), Warsaw Treaty Organization, history, betrayal, catastrophe.

The study of the problem of responsibility of the Soviet party and state apparatus is considered as one of the components of a comprehensive philosophical and historical study of the paradigm of responsibility and its role in our country. The problem of the irresponsible treacherous attitude of some of the leaders of the USSR towards friends, supporters and assistants of Moscow in the countries of Warsaw Treaty Organisation and the Comecon, in the republics of the former USSR, in the Center is analyzed. The betrayal by part of the leadership of the USSR of the patriotic majority of the party and state apparatus of our country and the allied countries is considered as one of the causes of the largest geopolitical catastrophe of the second half of the 20th century.

Одним из важнейших измерений парадигмы социальной ответственности является философско-историческое измерение. Социальная ответственность принадлежит к числу факторов, определяющих течение исторического процесса. Особую важность приобретает фактор социальной ответственности в кризисные, тем более катастрофические периоды существования общества, государства. Таким, к примеру, был период всеобъемлющего социально-экономического, политического, культурного кризиса, приведшего к распаду второй по своему значению державы середины - конца XX века – Советского Союза.

Последние 30 лет в России и за рубежом (прежде всего, в Китае) с различной интенсивностью идет процесс философско-исторического осмысления данной геополитической катастрофы. К наиболее актуальным вопросам, на который до сих пор не получено однозначного, юридически оформленного ответа, относится вопрос об ответственности за наступившие, вследствие завершения процесса так называемой «перестройки», крайне негативные последствия для абсолютного большинства граждан бывшего СССР и тех, кто был рожден во многих бывших советских республиках после 1991-1992 гг. Необходимо провести тщательный объективный философско-исторический анализ содержания парадигмы социальной ответственности в условиях позднего Советского Союза и ее крушения, в том числе, для того, чтобы учесть уроки прошлого и, по крайней мере, избежать в будущем повторения шагов, образно говоря, приведших Советское государство к пропасти.

Важнейшим стабилизирующим элементом, основным субъектом в структуре отношения социальной ответственности в СССР и в его странах-союзниках до середины 80-х гг. был партийно-государственный аппарат. Именно по нему, прежде всего, по его человеческому капиталу, наносились основные удары с самого начала периода «ускорения» и «перестройки». Перед тем, как были ликвидированы партийные и государственные структуры в СССР, в европейских странах ОВД и СЭВ, а также в МНР, был проведен подлинный разгром кадрового потенциала этих структур. Разгром «изнутри» партийно-государственного аппарата, ведущего субъекта – носителя социальной ответственности, обусловил события, потрясшие впоследствии почти все постсоветское пространство.

В литературе, вышедшей в последние десятилетия, подробно и скрупулезно рассмотрены основные составляющие процесса так называемых «чисток» в партийно-государственном аппарате, которые проводились по инициативе и под руководством Горбачева. В центре внимания исследователей – перемены в ЦК КПСС. Первыми из состава Политбюро ЦК КПСС были выведены Г.В. Романов, Н.А. Тихонов, В.В. Гришин, позднее – А.А. Громыко, В.И. Долгих, М.С. Соломенцев, В.М. Чебриков и др., ряд кандидатов в члены Политбюро и секретарей ЦК КПСС. За несколько лет Горбачевым было изгнано 85% состава ЦК КПСС. В состав Политбюро ЦК КПСС были включены лица, которых сегодня в литературе причисляют к агентам западных спецслужб.

В данном контексте отметим, что попытки скомпрометировать с помощью слухов, сплетен, позднее, шумихи в СМИ и т.д. некоторых ответственных представителей партийно-государственного руководства в глазах народа в смутное время «перестройки» нередко были весьма результативными. В последующем, с большим опозданием, реальность «открыла глаза» многим нашим согражданам. Так, например, в общественном сознании радикально изменился к лучшему образ оболганного бывшего Члена Политбюро ЦК КПСС, Первого секретаря МКГ КПСС, дважды Героя Социалистического Труда, кавалера четырех орденов Ленина, В.В. Гришина, который, в отличие от своих обвинителей, не только не стяжал неправедными путями колоссальных сумм денег, но и после отставки откровенно нуждался в средствах, и ушел из жизни

25 мая 1992 года, находясь в Пресненском районном отделе социального обеспечения, где должен был переоформить пенсию.

Произошли также внезапные, опасные, сокрушительные перемены в руководстве республиканских компартий и государственных органов. Авторитетные, надежные, социально ответственные лидеры-организаторы, поддерживавшие единство и целостность, относительно нормальное функционирование огромной страны, были без каких-либо разумных оснований выброшены со своих постов. Усугубляло негативные последствия то, что скоропалительно назначаемые преемники были, преимущественно, не подготовлены к работе на ключевых, наиболее ответственных постах в стране. Им не хватало политической воли, кругозора, знаний, опыта. Этот процесс не мог не затронуть союзные и многие автономные республики. «На местах» подобные действия быстрее приводили к более негативным результатам, чем в Центре, что, помимо прочего, способствовало дискредитации союзного Центра в глазах «периферии».

Например, уже в декабре 1986 года был отправлен в отставку Первый секретарь Коммунистической партии Казахстана (1960-62, 1964-1986) трижды Герой Социалистического Труда, кавалер 8 орденов Ленина, академик АН Казахской ССР Д.А. Кунаев. Его «преемник» Г.В. Колбин не продержался на посту и трех лет. 6 февраля 1987 г. был переведен в Москву Первый секретарь ЦК КПБ Н.Н. Слюньков, а его преемник Е.Е. Соколов покинул свой пост менее, чем через 4 года. 28 сентября 1989 г. был снят со своего поста Первый секретарь ЦК КПУ дважды Герой Социалистического Труда, кавалер 8 орденов Ленина В.В. Щербицкий. Спустя десятилетия, нельзя не признать, что эта дата – один из самых черных дней в истории Советской Украины. Изгнание Владимира Васильевича Щербицкого открыло дорогу к власти на Украине врагам не только Советского государства, но и самой Украины, противникам единства и дружбы народов.

Путь к капитуляции и гибели огромного государства занял несколько лет. Почти во всех союзных республиках к середине 1980-х годов сложились значительные по численности социальные группы, лояльно относившиеся к власти Москвы. Пользуясь поддержкой Центра, они являлись проводниками важнейших политических решений союзного руководства, выполняли его главные поручения. Друзья и помощники союзного Центра были надежной опорой единого социалистического государства «на местах». Бесспорно, каркасом Советского Союза являлась Коммунистическая партия, включавшая в свой состав Коммунистические партии союзных республик (за исключением РСФСР, которой до 1990 г. было отказано в праве на формирование собственной партии; созданная летом 1990 г. КП РСФСР уже не могла располагать и не располагала реальной властью). Именно по группам лояльных помощников и друзей Москвы в союзных республиках был нанесен удар, организованный «оборотнями» из Политбюро ЦК КПСС.

Наиболее показательный характер имела цепь событий, происходивших в самом «слабом звене» Советского Союза – республиках Прибалтики. Многим казалось, что Хельсинкское соглашение 1975 г. (Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе) поставило точку в вопросе о территориальной принадлежности Советской Прибалтики. За эти иллюзии пришлось дорого заплатить.

Сигналами к началу разрушительных процессов в Прибалтике послужили визиты Горбачева в феврале 1987 года в Латвию и Эстонию, причем в Таллине он выступил на XX съезде Ленинского комсомола Эстонии. Общеизвестно, что последовало за этим. Беспрепятственно были созданы так называемые «Народные фронты» и оппозиционные партии. Москва реально никак не противодействовала принятию Верховными Советами прибалтийских республик деклараций о суверенитете. В планы предателей из Политбюро ЦК КПСС вписывались роспуск и запрет Коммунистических партий республик Прибалтики (перед началом процесса демонтажа Советской власти Коммунистическая партия Латвии насчитывала более 172 тысяч человек, Коммунистическая партия Литвы – более 190 тысяч человек, Коммунистическая партия Эстонии – более 106 тысяч человек). Венцом «прибалтийской» политики, проводимой «перевертышами» из Политбюро, стало незаконное признание независимости Латвии, Литвы и Эстонии в сентябре 1991 года Государственным Советом СССР во главе с Горбачевым.

Особого внимания заслуживает предательская деятельность Горбачева и его подручных, направленная на стимулирование межнациональных конфликтов в южных республиках бывшего СССР, начиная с конфликта в Нагорном Карабахе.

В основе отмеченных процессов лежал демонтаж КПСС. Так, в частности, по свидетельству М.С. Соломенцева, в 1988 г. были созданы «комиссии по идеологии, по организационным, экономическим, аграрным, международным и другим вопросам, причем каждую из них должен был возглавить член Политбюро. Естественно, такая реорганизация мотивировалась задачами улучшения деятельности ЦК КПСС. Однако на самом деле здесь преследовалась и другая цель: создание комиссий автоматически похоронило Секретариат ЦК. В результате в апреле 1989 года на пленуме ЦК КПСС было снято с работы 110 человек, избранных лишь три года назад с подачи самого Горбачева на XXVII съезде. К власти пришли те, кто возвысился в процессе горбачевских чисток. Очевидно, что развала СССР старые кадры Горбачеву не позволили бы, именно это и предопределило чистки» [18].

В 1985-88 гг. были сняты с должностей почти все министры, заведующие отделами ЦК КПСС, секретари обкомов и горкомов КПСС, ВЛКСМ, председатели облисполкомов, горисполкомов, заменен руководящий состав многих научных, образовательных организаций, учреждений культуры. Например, к 1989 г. в Президиуме Совета Министров СССР только 2 человека (Н.И. Рыжков и И.С. Силаев) работали с 1985 г., остальные были назначены позднее, среди Председателей Советов Министров союзных республик не было никого, кто работал бы в этой должности до 1986 г. Только 2 Министра СССР (Н.С. Конарев, В.Г. Чирсков) находились в должности более 5 лет. За исключением А.И. Камшалова, все Председатели Государственных комитетов СССР были назначены в 1988-89 гг. Абсолютное большинство Первых заместителей и Заместителей Министров и Председателей Государственных комитетов СССР работали в своей должности только с 1986-88 гг.

После провокации с участием М. Руста был осуществлен разгром руководящих структур Вооруженных Сил СССР, социальная ответственность которых характеризовала далеко не только «профессиональную» деятельность Советской Армии и Военно-Морского Флота, защищавших наше Отечество (Вооруженные Силы выполняли и свои прямые обязанности, и решали ряд социально значимых «мирных» задач в таких отраслях, как строительство, транспорт, сельское хозяйство и т.д.). Несомненно, Министр обороны СССР, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, участник Великой Отечественной войны, Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза С.Л. Соколов мог воспрепятствовать, в какой-либо мере, осуществлению злодейских планов Горбачева и его зарубежных хозяев.

Отмеченный демонтаж системы социально ответственного управления страной, ломка существовавших структур управления вступили в решающую, заключительную фазу после XIX всесоюзной конференции КПСС и первых Съездов народных депутатов СССР.

Помимо разгрома вертикали власти в СССР, преданы были руководители и сотрудники партийного и государственного аппарата стран-союзниц, безусловно и ответственно относившиеся к Советскому Союзу, отстаивавшие наши общие интересы.

17 декабря 1987 г. сторонник дружбы и сотрудничества с Советским Союзом Густав Гусак по указанию из Политбюро ЦК КПСС был отправлен в отставку с поста Генерального секретаря ЦК КПЧ. 10 декабря 1989 г. он перестал быть Президентом ЧССР. В феврале 1990 г. его исключили из КПЧ. 24 ноября 1989 г. был снят с поста Генерального секретаря ЦК КПЧ преемник Г. Гусака Милош Якеш.

В мае 1988 года пленум ЦК ВСРП по сигналу из Политбюро ЦК КПСС отправил в отставку одного из наиболее авторитетных политических деятелей Социалистического содружества Яноша Кадара и ряд членов Политбюро ВСРП. Затем в 1989 г., незадолго до ухода из жизни, Я. Кадар был снят с поста Председателя ВСРП и исключен из ЦК ВСРП. Преемник Я. Кадара Карой Гросс был снят с поста на XIV съезде ВСРП 7 октября 1989 года.

В июле 1989 г. вынужден был уйти с постов Председателя Государственного Совета ПНР и Первого секретаря ЦК ПОРП Войцех Ярузельский, друг нашей страны, сражавшийся с нацистами в годы Великой Отечественной войны в составе Войска Польского, спасший Польшу в начале 1980-х годов. В конце 1980-х Москва абсолютно безответственно способствовала ускорению направленных против нее процессов в крупнейшей стране распадающегося Социалистического содружества. 22 декабря 1990 г. В. Ярузельский ушел с поста Президента Республики Польша, власть в стране захватили антисоветские силы.

Предательство ГДР – одно из самых чудовищных деяний Горбачева и его сторонников. В октябре 1989 года был отправлен в отставку Генеральный секретарь ЦК СЕПГ, Председатель Государственного Совета ГДР и Национального Совета обороны ГДР Эрих Хонеккер. В 1992 г. помещенный в берлинскую тюрьму «Моабит», а затем представший перед судом, он был отпущен лишь 13 января 1993 г. и умер 29 мая 1994 года в Чили. Его преемник Эгон Кренц были обречен. Он потерял власть уже в декабре 1989 года, когда была расформирована СЕПГ, а впоследствии 4 года провел в заключении. Были преданы Горбачевым и арестованы Председатель Совета министров ГДР Вилли Штоф, министр государственной безопасности ГДР генерал Эрих Мильке, министр национальной обороны ГДР Хайнц Кесслер, заместитель министра национальной обороны ГДР, начальник Главного штаба Национальной Народной Армии и заместитель Главнокомандующего Объединёнными силами стран-участниц организации Варшавского договора Фриц Штрелец, бывший начальник Главного управления разведки Министерства государственной безопасности ГДР Маркус Вольф, секретарь ЦК СЕПГ, Гюнтер Миттаг, Председатель Правления Объединения свободных немецких профсоюзов ГДР Гарри Тиш и многие другие друзья нашей страны.

В ноябре 1989 г. по указанию из Москвы был снят со всех постов друг Советского Союза Генеральный секретарь ЦК БКП, Председатель Государственного совета Народной Республики Болгарии Тодор Живков. 13 декабря 1989 г. его деятельность осудил пленум ЦК БКП. Т. Живков был помещен под домашний арест, его освободил Верховный суд Болгарии только в 1996 г.

В декабре 1989 г. произошла кровавая смена власти в СРР. Меру участия Горбачева и его приближенных в этих событиях еще предстоит установить. Многие исследователи (например, Ф. Лукьянов) указывают на важную роль советского руководства в устранении Н. Чаушеску.

Оставшись без какой-либо поддержки Горбачева в марте 1990 г. распустил Политбюро ЦК МНРП и ушел в отставку с постов Генерального секретаря ЦК МНРП и Председателя Президиума Великого Народного Хурала МНР один из выдающихся государственных деятелей Монголии Жамбын Батмунх.

Исследование проблемы ответственности руководителей СССР рубежа 80-х - 90-х гг. прошлого столетия перед нашими союзниками является одной из составляющих философско-исторического исследования проблемы ответственности [6, 7].

Сегодня ни один объективный исследователь не сомневается в том, что часть советского руководства во главе с Горбачевым тайно перешла на сторону врагов СССР и повела наше государство навстречу позорной капитуляции и гибели. Примечательно, что ни один из виновников в уничтожении Советского Союза не понес никакой ответственности за свое участие в уничтожении государства, которое было осознано позднее патриотической [12] общественностью как крупнейшая геополитическая катастрофа второй половины XX века. Политические лидеры рубежа 1980-х-1990-х гг., носители так называемого «нового мышления» - субъекты политической власти [10, 11, 20], чья деятельность привела к лавине бедствий на «постсоветском» пространстве, остались и, вероятно, останутся совершенно безнаказанными. Напротив, те представители партийно-государственного аппарата, которые в полном соответствии с советским законодательством, с принесенными клятвами или со взятыми на себя в иной форме обязательствами пытались способствовать сохранению СССР, подверглись беспощадной, преимущественно, неправосудной расправе. Это, как правило, не встречало никаких возражений или, тем более, активного противодействия со стороны Горбачева и его приближенных.

Может ли современная Россия рассчитывать на привлечение старых или новых союзников, если общеизвестно, что те, кто предал верных нам союзников и друзей за рубежами СССР и в республиках бывшего Советского государства не понесли за это ни малейшей ответственности? Потенциальные союзники современной России, скорее всего, хорошо помнят, как Москва поступила со своими верными друзьями и помощниками и, в том числе, поэтому не спешат сегодня в ее «объятия». Какова вероятность того, что в будущем Москва останется верна моральным, социально-гуманитарным обязательствам и будет соблюдать принципы ответственности [2, 3], долга, дружбы по отношению к соратникам и союзникам, если предательство союзников и друзей, совершенное во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг., не осуждено по закону и виновные в нем до сих пор не наказаны?

После ликвидации Организации Варшавского договора, Совета Экономической Взаимопомощи, структур Коммунистической партии Советского Союза, ВЛКСМ и т.д. наша страна оказалась не готова к резкому обострению внутривнутриполитических [15, 18, 23], социально-экономических [1, 9, 13, 16], внешнеполитических, социокультурных [5, 8, 17], религиозных, в том числе, религиозно-этнических [14, 15, 19], экологических [4, 21] и других [17] проблем и прекратила свое существование. Одной из главных причин крушения ОВД, СЭВ, СССР был разгром «изнутри» главного стабилизирующего фактора, одного из основных субъектов социальной ответственности – партийно-государственного аппарата, осуществленный под руководством Горбачева. Это предательство не должно было остаться безнаказанным для тех, кто организовал крупнейшую геополитическую катастрофу второй половины XX века, трагические последствия которой проявляются вплоть до сегодняшнего дня.

Литература и источники

1. Абрамова А.В. Система выгод и затрат в экономике как признание этико-экологических принципов // Тульское образовательное пространство. 2020. №3. С.79-81.
2. Баркова Э.В. Философия ответственности, гуманитарное знание и духовная безопасность // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции (Грозный, 1-3 декабря 2017 г.). Махачкала: ЧГПУ, 2017.
3. Баркова Э.В. Философско-онтологический статус категории ответственности в экофилософской картине мира // Право и практика. 2018. №3. С.194-200.
4. Безвесельная З.В. Некоторые направления и задачи развития философской мысли на пороге экологического кризиса // Право и практика. 2020. №1. С.190-194.
5. Гусейнов Ф.И. Сознание человека информационного общества // Личность в условиях глобальных социокультурных трансформаций цифрового информационного общества: сборник статей по итогам Международной научной конференции 2 декабря 2020 года; сборник статей. М.: РУСАЙНС, 2021. С. 46-49.
6. Ивлева М.И. Концепция онтологического статуса субъекта в университетской философии в России в конце XIX – начале XX в.в. // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2012. №8. С.28-35.
7. Ивлева М.И. О спиритуалистической концепции свободы личности // Социально-гуманитарные знания. 2008. №6. С.317-323.
8. Киндзерская М.А., Ахмедова М.М., Конова Е.Ю. Комплекс мер по сохранению культурно-исторического наследия в современной России // Современные фундаментальные и прикладные исследования. 2011. №3. С.15-16.
9. Малахова Е.В. Проблема личной и социальной ответственности в информационном обществе // Личность в условиях глобальных социокультурных трансформаций цифрового информационного общества: сборник статей по итогам Международной научной конференции 2 декабря 2020 года; сборник статей. М.: РУСАЙНС, 2021. С. 139-144.
10. Мамедова Н.М. Проблема универсалий в культуре // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2014. №203. С.56-61.
11. Мармазова Т.И. Философско-политический анализ функций политики сквозь призму цивилизационного дискурса // Право и практика. 2020. №1. С.179-184.
12. Новикова Е.Ю., Галухин А.В. Экономический патриотизм как мировоззрение // Социально-гуманитарные знания. 2020. №5. С.171-175.
13. Понизовкина И.Ф. Информационная революция: достижения и противоречия в науке // Социально-гуманитарные знания. 2018. №9. С.26-32.
14. Рузанов С.А., Соколов М.В. К вопросу истории общественно-политического движения в Российской Федерации в 1991 – 1999 гг. // Социально-гуманитарные знания. 2020. №5. С.164-170.
15. Савинченко Т.И. Этические аспекты формирования многоэтничного государства России в процессе территориального расширения // Российская идентичность: социокультурный контекст: сборник научных статей по итогам Международной научной конференции 15 ноября 2019 г. М.: РУСАЙНС, 2019. С.200-204.
16. Самсин А.И., Пономарев М.А. Философия управления: учебное пособие / под ред. М.Н. Кулапова. М.: РУСАЙНС, 2017.
17. Скатерщикова А.В. Индивидуализм в современном обществе: традиции и перспективы // Социально-гуманитарные знания. 2019. №9. С.58-64.
18. Соломенцев М.С. Зачистка в Политбюро. Как Горбачев убирал «врагов перестройки». М.: Эксмо. Алгоритм. 2011.
19. Фоменко М.В. Место толерантности в системе ценностей формирующейся личности // Российская идентичность: социокультурный контекст: сборник научных статей по итогам Международной научной конференции 15 ноября 2019 г. М.: РУСАЙНС, 2019. С.243-246.
20. Яблочкина И.В., Рузанов С.А. Отечественная история: учебник / под общ. ред. И.В. Яблочкиной. М.: ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2017.
21. Barkova E., Ivleva M., Buzskaya O., Buzskij M. Ecology of culture in the space of social and humanitarian knowledge // Proceedings of the 2017 2nd International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities. 2017. S. 12-15.

References and Sources

1. Abramova A.V. Sistema vygod i ztrat v ekonomike kak priznanie etiko-ekologicheskikh principov // Tul'skoe obrazovatel'noe prostranstvo. 2020. №3. S.79-81.
2. Barkova E.V. Filosofiya otvetstvennosti, gumanitarnoe znanie i duhovnaya bezopasnost' // Gumanitarnoe znanie i duhovnaya bezopasnost': sbornik materialov IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Groznyj, 1-3 dekabrya 2017 g.). Mahachkala: CHGPU, 2017.
3. Barkova E.V. Filosofsko-ontologicheskij status kategorii otvetstvennosti v ekofilosofskoj kartine mira // Pravo i praktika. 2018. №3. S.194-200.
4. Bezvesel'naya Z.V. Nekotorye napravleniya i zadachi razvitiya filosofskoj mysli na poroge ekologicheskogo krizisa // Pravo i praktika. 2020. №1. S.190-194.

5. Gusejnov F.I. Soznanie cheloveka informacionnogo obshchestva // Lichnost' v usloviyah global'nyh sociokul'turnyh transformacij cifrovogo informacionnogo obshchestva: sbornik statej po itogam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 2 dekabrya 2020 goda; sbornik statej. M.: RUSAJNS, 2021. S. 46-49.
6. Ivleva M.I. koncepciya ontologicheskogo statusa sub'ekta v universitetskoj filosofii v Rossii v konce XIX – nachale XX v.v. // Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova. 2012. №8. S.28-35.
7. Ivleva M.I. O spiritualisticheskoy koncepcii svobody lichnosti // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2008. №6. S.317-323.
8. Kindzerskaya M.A., Ahmedova M.M., Konova E.Yu. Kompleks mer po sohraneniyu kul'turno-istoricheskogo naslediya v sovremennoj Rossii // Sovremennye fundamental'nye i prikladnye issledovaniya. 2011. №3. S.15-16.
9. Malahova E.V. Problema lichnoj i social'noj otvetstvennosti v informacionnom obshchestve // Lichnost' v usloviyah global'nyh sociokul'turnyh transformacij cifrovogo informacionnogo obshchestva: sbornik statej po itogam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 2 dekabrya 2020 goda; sbornik statej. M.: RUSAJNS, 2021. S. 139-144.
10. Mamedova N.M. Problema universalij v kul'ture // Nauchnyj vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta grazhdanskoj aviacii. 2014. №203. S.56-61.
11. Marmazova T.I. Filosofsko-politicheskij analiz funkcij politiki skvoz' prizmu civilizacionnogo diskursa // Pravo i praktika. 2020. №1. S.179-184.
12. Novikova E.Yu., Galuhin A.V. Ekonomicheskij patriotizm kak mirovozzrenie // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2020. №5. S.171-175.
13. Ponzovkina I.F. Informacionnaya revolyuciya: dostizheniya i protivorechiya v nauke // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2018. №9. S.26-32.
14. Ruzanov S.A., Sokolov M.V. K voprosu istorii obshchestvenno-politicheskogo dvizheniya v Rossijskoj Federacii v 1991 – 1999 gg. // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2020. №5. S.164-170.
15. Savinchenko T.I. Eticheskije aspekty formirovaniya mnogoetnichnogo gosudarstva Rossii v processe territorial'nogo rasshireniya // Rossijskaya identichnost': sociokul'turnyj kontekst: sbornik nauchnyh statej po itogam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 15 noyabrya 2019 g. M.: RUSAJNS, 2019. S.200-204.
16. Samsin A.I., Ponomarev M.A. Filosofiya upravleniya: uchebnoe posobie / pod red. M.N. Kulapova. M.: RUSAJNS, 2017.
17. Skatershchikova A.V. Individualizm v sovremennom obshchestve: tradicii i perspektivy // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2019. №9. S.58-64.
18. Solomencev M.S. Zachistka v Politbyuro. Kak Gorbachev ubiral «vragov perestrojki». M.: Eksmo. Algoritm. 2011.
19. Fomenko M.V. Mesto tolerantnosti v sisteme cennostej formiruyushchejsya lichnosti // Rossijskaya identichnost': sociokul'turnyj kontekst: sbornik nauchnyh statej po itogam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 15 noyabrya 2019 g. M.: RUSAJNS, 2019. S.243-246.
20. Yablochkina I.V., Ruzanov S.A. Otechestvennaya istoriya: uchebnik/ pod obshch. red. I.V. Yablochkinoy. M.: FGBOU VO «REU im. G.V. Plekhanova», 2017.
21. Barkova E., Ivleva M., Buzskaya O., Buzskij M. Ecology of culture in the space of social and humanitarian knowledge // Proceedings of the 2017 2nd International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities. 2017. S. 12-15.

КОСТИН ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ – старший преподаватель кафедры истории и философии Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (pkostin5@mail.ru).

KOSTIN, PETR A. – Senior Lecturer, Department of history and philosophy, Plekhanov Russian University.

УДК 332.05

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-1-229-234

МАРКИН М.О., ФОМЕНКО М.В.

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО НА ПРОБЛЕМУ ДУХОВНОСТИ ЧЕЛОВЕКА И ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, религия, советский период, экзистенциализм, антропоцентризм, либерализм, материалистический социализм, монархизм

Творческое наследие Ф.М. Достоевского всегда вызывало особый интерес, причем отношение к его личности и взглядам было тесно связано с господствующей идеологией. Традиционно принято считать, что писатель имел особую сочувственную позицию к «униженным и оскорбленным», он был гуманистом и непревзойденным знатоком глубин человеческой души. В советский период его религиозность вызвала негатив, но при этом подчеркивалось его революционное прошлое. Взгляды писателя, нашедшие отражение в художественных произведениях, теснейшим образом связаны с личным опытом и социальными процессами, в которых ему пришлось жить. В ранний период творчества и после каторги Достоевский затрагивает проблемы «маленьких людей», поднимает вопросы отчужденности человека в обществе; у него неизменно присутствует религиозная проблематика. Происходящие социальные преобразования отражаются в размышлениях о судьбе России, отношении к монархизму, либерализму как поддержке прав и свобод человека на основе христианской этики. Он выступает сторонником всеобщего «русского социализма» во имя Христова.

MARKIN, M.O., FOMENKO, M.V.

EVOLUTION OF F. M. DOSTOEVSKY'S VIEWS ON THE PROBLEM OF HUMAN SPIRITUALITY AND THE SOCIETY'S TRANSFORMATIONS

Key words: F.M. Dostoevsky, religion, Soviet period, existentialism, anthropocentrism, liberalism, materialistic socialism, monarchism

The creative legacy of F.M. Dostoevsky has always aroused special interest, but the attitude to his personality and views was closely linked with the prevailing ideology. It has traditionally been considered that the writer had a special compassionate attitude towards the "humiliated and insulted", he was a humanist and an unsurpassed connoisseur of the depths of the human soul, in the Soviet period his religiosity causes a negative, but at the same time his revolutionary past was emphasized. The writer's views, reflected in his works of art, are closely connected with his personal experience and the social processes in which he had to live. In the early period of his work and after hard labor, Dostoevsky touches on the problems of "little people", raises issues of alienation of a person in society, he always has religious issues. The ongoing social transformations are reflected in reflections on the fate of Russia, the attitude to monarchism, liberalism as support for human rights and freedoms based on Christian ethics. He is a supporter of universal "Russian socialism" in the name of Christ.

Вопрос о значимости классиков русской литературы в развитии духовной культуры нашей страны, её общественной мысли давно решён однозначно: писатели ушедших эпох повлияли на жизнь общества – таков самый общий консенсус на сегодняшний день. Тем не менее, проблема толкования их идей не закрыта и закрыта быть не может, поскольку субъективному восприятию,

личным взглядам или предвзятому отношению слишком просто исказить изначальную волю писателя. К тому же, иносказательность художественного языка даёт достаточно пространства для встраивания практически любого автора в существующую конъюнктуру. Подобное неоднозначное явление не обошло стороной и Фёдора Михайловича Достоевского, одного из известнейших прозаиков и драматургов Золотого Века. Ещё при жизни взгляды на его творчество разнились вплоть до полярно противоположных: от гениального психолога и мыслителя до больного человека. В Советской России, несмотря в основном на негативное отношение власти к писателю, его литературный гений признавался многими деятелями искусства, конечно, с оговоркой на его реакционную и идеалистичную природу. В школьную программу советских времён автор был включён только дважды: в 1921 году (практически идентично программе дореволюционной гимназии) и в начале 1970-х годов [1, с. 29-30]. В настоящее время Достоевский не только твёрдо закрепился в программе 9-11-х классов, но и продвигается, как «препаратор человеческой души», образцовый христианин, государственный, русский патриот и антилиберал.

Бесспорно, писатель получает пропорциональные своему таланту почести. Однако следует учитывать особенности исторического периода и личной биографии, когда происходит формирование и вызревание его идей. Воззрения мыслителей обладают важными индивидуальными особенностями и теряют свой контекст, когда их сводят лишь к отдельным характеристикам. Поэтому рассмотрение философии Достоевского стоит начать с обращения к ранней биографии, так как именно детство закладывает основы личности, во многом определяет мировоззрение и поведение человека. Для писателей это особенно актуально, так как художественная литература завязана на образах, а в сознании ребёнка преобладает именно образное мышление, которое впечатывает в бессознательное волнующие события, впоследствии всплывающие и находящие отражение в литературных героях, их характере, поведении. Временами детские годы незаслуженно игнорируются, позволяя излишним упрощениям просочиться в массовое восприятие образа. В нашем случае, таким контекстом выступает религиозность Фёдора Михайловича, иногда ошибочно приписываемая его пребыванию на каторге. Известно, что Достоевский вырос в патриархальной семье и изначально был воспитан в религиозном духе. Позднее, повзрослев, он не соглашался с атеистическими настроениями В.Г. Белинского [2]. Даже самое первое воспоминание писателя, по его словам, было о вечерней молитве в кругу семьи [3, с. 59]. Безусловно, травмирующий опыт пребывания на каторге способствовал усилению религиозности зрелого Достоевского, и теперь его творчество накрепко стало связано с образом Христа. Тяга к психологизму и описанию жизни бедных людей также взяла своё начало в детстве Фёдора Михайловича, когда семейство Достоевских жило в больнице для бедных, которой управлял отец будущего писателя.

Ранние произведения, написанные до ссылки, довольно редко вспоминаются в контексте его взглядов, в то время как они представляют собой интереснейшую возможность сравнить два периода жизни писателя. «Бедные Люди» – первый роман Фёдора Михайловича, заложил традиционные для прозаика темы психологии маленьких людей, их ежедневные переживания и желание помочь другим беднякам, даже в ущерб себе. В то же время, роман ощутимо задевает тему социальной несправедливости, для позднего Достоевского несвойственную. Главный герой, Макар Девушкин, считает: «...всякое состояние определено Всевышним на долю человеческую. Тому определено быть в генеральских эполетах... а такому-то безропотно и в страхе повиноваться» [4]. В романе явно выражено сочувствие бедным, показывается, до какого жалкого состояния духа нищета может довести достойного человека [5, Т. 1, с. 520].

В то же время, повести «Двойник» и «Белые Ночи» отражают ещё одну важную для Достоевского тему – изоляцию человека от общества, разрушительное влияние отчуждённости. Доподлинно неизвестно, был ли писатель знаком с немецкой классической философией до ссылки (вскоре после её окончания он писал брату с просьбой выслать ему труды Канта и Гегеля) [2], однако события повестей могут быть проанализированы через призму отчуждения. Это философское понятие, прежде всего в немецкой мысли, означает превращение человека из субъекта в объект посредством воздействия на него превосходящей силы. Через социально-экономическое понимание отчуждения советской критикой описаны изолированность Голядкина и эскапизм безымянного Мечтателя [6, Т. 1, с. 528]. По своей сути, это является материалистическим взглядом на мысль автора-идеалиста. Надо понимать, что критика тех лет

временами излишне полагалась на рассмотрение литературы через её классовый характер, однако схожие мысли выражались и другими мыслителями. Так, В.Н. Майков писал: «"Двойник" развертывает перед вами анатомию души, гибнущей от сознания разрозненности частных интересов в благоустроенном обществе» [7], а сам Достоевский в опубликованных в 1847 году фельетонах «Петербургская летопись» упоминает «мечтателей» (мечтателем также зовётся главный герой Белых Ночей) как собирательный образ части его современников. Писатель говорит: «Коль неудовлетворен человек, коль нет средств ему высказаться и проявить то, что получше в нем, то сейчас же и впадает он в какое-нибудь самое невероятное событие» [8], говоря тем самым о пагубном влиянии на человека невозможности самореализации [6].

Другое доказательство существования полемики о социальном неравенстве в ранних произведениях прозаика можно найти в его поздних воспоминаниях. В них Достоевский признавал большое влияние на свою молодость произведений французской писательницы Жорж Санд, представительницы утопического социализма. Фёдор Михайлович с иронией замечал недалёковидность правительства, не препятствовавшего печати романов Санд в 30-40-е годы XIX века, в то время, как во Франции они были запрещены [9, с. 75]. Вскоре после выхода «Двойника» Достоевский также познакомился с Михаилом Петрашевским, известным своими социалистическими взглядами, и вошёл в его кружок, что доказывает его сочувствие к названным идеям. Можно предположить, что это сочувствие выражалось в произведениях молодого автора. Ещё одним косвенным подтверждением этому служит крайне негативная реакция консервативных критиков на ранние повести писателя. Такими литературными деятелями как Ф.В. Булгарин и С.Т. Аксаков критиковался не только слог (что вполне заслуженно), но и поверхностность мысли автора, - сегодня это звучит совершенно неубедительно и с большой вероятностью является идеологическим конфликтом критика и писателя.

Несмотря на вышесказанное, молодой Достоевский никогда не был сторонником радикализма – именно умеренность его взглядов указывается среди причин конфликта с Белинским, воплощавшим собой воинствующий материалистический социализм в России тех лет [10, с. 236-237]. Достоевский не только являлся сторонником утопического «мирного» социализма, но никогда и не отрекся от своих христианских убеждений. Так, например, в своём рассказе 1848 года «Честный вор» писатель призывал читателей следовать заветам Христа, который «нас всех больше себя возлюбил» [10, с. 238]. Тем не менее, ранние взгляды писателя ощутимо отличаются от современной его интерпретации. Позднее его творчество также будет существенно другим, хотя уже в несколько ином ключе.

В 1849 году, вскоре после начала «Мрачного семилетия», петрашевцы были арестованы, приговорены к смертной казни. Но казнь была только инсценировкой, всех сослали в Сибирь. Достоевский получил восемь лет каторги за недонесение и чтение знаменитого «Письма Белинского к Гоголю», запрещённого в те годы. В «Дневниках писателя» спустя много лет он напишет, что пройти через заключение ему помогла Библия, и из не определившегося ещё «искателя истины в человеке» он стал глубоко религиозным, а его идеалом на всю оставшуюся жизнь будет Иисус Христос. Отсюда и происходит известная фраза Достоевского об истине вне Христа: «...если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше бы хотелось оставаться со Христом, нежели с истиной» [11, Т. 15, с. 96]. При этом мыслитель вовсе не отказался от отдельных идей утопического социализма, всё так же разделял идеал общества со счастьем отдельного человека. Бесспорно, на каторге Достоевский переосмыслил место религии в своей жизни, идея Христа не заменила прежние взгляды писателя, но заставила пересмотреть подход к ним. Впоследствии он напишет: «Я не про здания церковные теперь говорю... Я говорю про неустанную жажду в народе русском, всегда в нем присущую, великого, всеобщего, всенародного, всебратского единения во имя Христово... Вот наш русский социализм!» [8, Т. 27, с. 18-19]. В этом плане также показательна его характеристика Жорж Санд, которую он назвал «одной из самых полных исповедниц Христовых», пусть и неосознанной [8, Т. 23 с. 37]. Стоит также упомянуть, что писатель крайне ценил социалистическую критику нарождавшегося капитализма и буржуазного общества.

Ссылка изменила мировоззрение Достоевского: теперь поиск земной истины уступил первенство поиску проявлений божественного в земном. Никуда не исчез психологизм и изучение «маленького человека», однако в каждой новой работе писателя неизменно стали возникать

размышления о Боге и человеке, как его подопечном. Положительные герои, зачастую, приходили к вере или утверждались в ней [12, с. 191-192]. Частым негативным образом стал атеист – недалёкий и самовлюблённый, как Лебезятников или Ракитин, либо, наоборот, человек высокого ума, но из-за отсутствия веры разочаровавшийся во всём, как Ставрогин (гедонизм, неизбежно ведущий к нигилизму) или Иван Карамазов. Любой из типажей атеистов в произведениях Достоевского не мог хорошо закончить свой путь, а порой не имел пути вовсе.

Такое положение вещей в творчестве писателя восходит, как ни странно, не к идеям прошлого, но к идеям будущего, к его последнему произведению «Братья Карамавы», к философии экзистенциализма XX века. Сибирские годы, проведённые с Библией, убедили писателя в необходимости веры, как нравственного ориентира, однако на вопрос, почему именно вера необходима человеку, он развёрнуто ответил только в финальном романе. По Достоевскому, мир без Бога приводит человека к мысли о вседозволенности, так как ограниченное по времени бытие человека без вечной жизни не имеет смысла, а наличие вседозволенности способствует неизбежному разрушению личности. Экзистенциализм, почерпнувший идею абсурдности бытия именно у Достоевского, подвел к вопросу о смысле жизни: бытие абсурдно и человек сознательно выбирая цель своего существования, упорядочивает его тем или иным образом. Писатель считал, что именно православная религия, вера в Христа придает осмысленность и направленность жизни, наполняя ее глубоким нравственным содержанием [13, с. 138].

Идеи либерализма и материалистического социализма рассматривались Фёдором Михайловичем как деструктивные, прежде всего из-за их негативного, пренебрежительного отношения к религии и антропоцентризму. Тем не менее, отрицание религии не означало, что это единственно определяющий признак социализма, и Фёдор Михайлович, как было указано выше, даже после каторги сохранял лояльность некоторым социалистическим идеям. Однако, вопрос религии являлся критикой самого учения, в то время, как сам писатель имел претензии и к их последователям. Важнейшим понятием в мировоззрении Достоевского было «лакейство мысли», присущее, по его мнению, современным приверженцам этих взглядов. Лакей чужой мысли не имеет развитого мышления, неспособен сформировать собственное мнение, а потому пользуется исключительно плодами чужих умозаключений, понимая их поверхностно и, таким образом, дискредитируя эти мысли. «Лакейство мысли» в той или иной форме появляется во всех романах «Великого пятикнижия», кроме, пожалуй, «Подростка», и делает его постоянным мотивом творчества писателя.

Фёдор Михайлович отрицал либерализм и, отчасти признавая социализм, придерживался единственной их альтернативы в XIX веке – монархизма. Он принадлежал к течению почвенников – своеобразный вариант позиции между славянофилами и западниками, сформировавшийся в 60-е годы, и предполагавший объединение образованной части общества и народа в общем движении, направленном на развитие страны под началом монарха. Предполагалось, что такое объединение позволит России добиться наибольших успехов в противостоянии с бездуховным и меркантильным Западом. Почвенники равно признавали здоровые начала славянофильства (самобытность и традиции) и западничества (развитие промышленности и заимствование отдельных элементов западной культуры), и так же равно отвергали их идеологическую замкнутость, деление на «своих» и «чужих» внутри страны. Учитывая ранние взгляды прозаика, почвенничество вполне могло стать синтезом его старых утопично-социалистических симпатий и монархической системы управления под влиянием религии [14].

Из вышесказанного могло сложиться впечатление, что творчество «раннего» Достоевского отличается от «позднего», которому были свойственны и патриотизм, и государственность, и религиозность, и антилиберализм. Но идея о «лакействе мысли» – своеобразный обоюдоострый клинок, а потому сводить взгляды писателя к однозначному одобрению государственной власти нельзя. Мы часто слышим, что «злой гений наш» был христианином, государственным, патриотом и антилибералом, но при этом не уточняется, что он был сторонником демократичной монархии, когда правитель ценит, прежде всего, народные свободы и един со своими подданными; он был патриотом, осознающим удручающее положение российского общества, противником атеизма и лакейства современных ему либералов, и ярым сторонником идей о непоколебимости прав и свобод человека. Достоевский склонялся к тому, что существующий в России строй верен в своей основе, однако критиковал его практическую сторону, считал неверным приложение

правильных идей. Неоднократно он высказывал мысли о глубоких изъянах современного ему общества в своих «Дневниках писателя» [2; 15], романах и рассказах [8; 11], показывал трудный путь личного поиска религиозной духовности, за что многие современники его порицали, он ругал лакеев мысли, догматично делящих мир на «своих» и «чужих».

Однако своего пика, окончательного объединения и оформления все эти мысли достигли только «Братьях Карамазовых». Здесь, помимо привычной для Достоевского полемики с социалистами и либералами, были и критика вредных устоев церкви (старец Ферапонт), и обличение государственной системы ценностей (исповедь старца Зосимы), и разложение общества (Карамазовы), и возможность отрыва церкви от своей истинной задачи. Последнее было выражено писателем в форме романа в романе – «Легенда о Великом Инквизиторе», по мнению многих современников, списанном с Константина Победоносцева, с которым писатель вел активную переписку. На это указывает не только внешнее сходство Победоносцева с описанием Великого Инквизитора, но также и неоднозначные взгляды обер-прокурора на место религии в государстве. Помимо этого, временами встречается использование эпитета «Инквизитор» по отношению к Победоносцеву. Несмотря на наличие других прототипов, параллели между ними проводились как в XIX, так и в XX веке [8, Т. 15, с. 457], что в единстве с персонажами Зосимы и Ферапонта формирует тенденцию к критике церковных устоев Достоевским. Вполне естественен поворот мысли писателя в сторону обличения официальной церкви, и если бы он прожил немного дольше, то вполне смог лично наблюдать схожий поворот, совершенный к концу жизни Львом Толстым.

В свою очередь, и мысль о лакействе ума нашла свое завершённое выражение в «Братьях Карамазовых». Отобразена она была совершенно неприкрыто в образе настоящего лакея – Смердякова, чьё слепое следование идеям Ивана привело к отцеубийству, а затем и к самоубийству, – и то, и другое нашло воплощение, как в буквальном смысле, так и в духовном. В противовес взглядам Ивана и его лакея, Достоевский поддерживал позицию почвенничества, сочетавшую как консервативность (соборность, религиозно-этическую основу общества, сближение «образованного общества» с народом), так и прогрессивность (развитие торговли и промышленности, свобода личности и печати). Одновременно происходило обличение буржуазности западного общества, наряду с критикой материализма. Что касается либерализма, неоднозначность термина сыграла с Достоевским злую шутку. Выступая против современных ему либералов, он указывал: «... вместо того чтоб стать свободнее, связали себя либерализмом как веревками», стали рабами стремления к свободе. Сетую, что «в обществе нашем мало-помалу совершенно исчезает понимание о том, что либерально, а что вовсе нет» [15, с. 316], писатель считал себя либералом, при этом подчеркивая значение идей о правах и свободах человека, и без отрыва от христианской этики. Только в таком контексте можно рассматривать Свободу.

Таким образом, говорить о проблематике Достоевского, о выводах, к которым он приходит, игнорируя его мысль о познании действительности, недопустимо: следовать самостоятельности суждения, способности не прислуживать чужой мысли, а сформировать свою на основе прочитанного и познанного. Разумеется, это относится и к оценке взглядов самого писателя, здесь также работают принципы стремления к истине и непредвзятого суждения.

Великий гений Ф.М. Достоевского, видимо, и заключается в том, что он вызывает интерес современников, магически притягивает своими произведениями, завораживает глубиной проникновения в сущность души, извлекает из нее скрытые тайны, учит сопереживать, сострадать, любить, но главное – думать. Как истинный классик, он своим творчеством преодолел границы государств, стран, культур, верований и времени – Достоевский интересен и изучаем по всему миру, поднятые им проблемы вечны, ибо они о человеке, его сущности. В 1905 году в письме к Е.М. Мухиной И. Анненский написал: «Читайте Достоевского, любите Достоевского, если можете, а не можете, браните Достоевского, но читайте по-русски его и по возможности только его...» [16, с. 474]. Произведения Федора Михайловича направлены персонально на каждого читателя, они трудны и проникновенны, затрагивают самое сокровенное.

Литература и источники

1. Павловец М.Г. Что читали советские школьники. Как проводили уроки литературы наши родители, бабушки и дедушки, какие книги их заставляли читать - и зачем это было нужно // Библиотечное дело. 2017. № 20 (302). С. 27-32.
2. Достоевский Ф.М. Дневник писателя (1873-1881). СПб: Лениздат, 2001. 735 с.
3. Сараскина Л.И. Достоевский: Жизнь замечательных людей. М.: Молодая Гвардия, 2011. 825 с.
4. Нечаева В.С. Ранний Достоевский 1821-1849. М.: «Наука», 1979. 287 с.

5. Фридендер Г.М. Примечания // Ф.М. Достоевский. Полное собрание сочинений в тридцати томах / под ред. Г. М. Фридендера. Л.: Наука, 1972. Т.1.
6. Соломина Н.Н. Примечания // Ф.М. Достоевский. Полное собрание сочинений в тридцати томах / под ред. А.С. Долинина и Е.И. Кийко. Л.: Наука, 1972.
7. Майков В.Н. Литературная критика. Нечто о русской литературе в 1846 году // [Электронный ресурс] / URL: <https://arheve.com/read/maykov-vn/nechto-o-russkoy-literature-v-1846-godu-2/9065> // (Дата обращения 07.02.2022).
8. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах / под ред. Г. М. Фридендера. Л.: Наука, 1972.
9. Кийко Е.И. Достоевский и Жорж Санд // Acta Litteraria Academiae Scientiarum Hungaricae, 1982. Т. 24 (1-2). P. 65-85.
10. Кийко Е.И. Белинский и Достоевский об утопическом социализме // [Электронный ресурс] / URL: http://lib2.pushkinskiydom.ru/Media/Default/PDF/Dostoevsky/Materialy/T_14/22_Kijko_234.pdf // (Дата обращения 07.03.2022).
11. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1989-1996.
12. Фоменко М.В., Мармазова Т.И., Угрюмова М.В., Фоменко С.А. Исторический анализ проблемы становления категории "Абсолютное" в русской религиозной философии XI-XVIII веков (доуниверситетский период) // Право и практика. 2021. № 1. С. 185-194.
13. Fomenko M.V., Marmazova T.I. Linguophilosophical views on the nature of the language' cultural code // Право и практика. 2021. № 3. С. 137-141.
14. Спивак Павел. О монархизме Ф.М. Достоевского // [Электронный ресурс] / URL: <https://proza.ru/2018/01/05/2038> // (Дата обращения 17.03.2022).
15. Достоевский Ф.М. Дневник Писателя 1876. М.: Издательство RUGRAMЯ, 2018. 544 с.
16. Анненский И. Избранное. М.: «Правда», 1987.

References and Sources

1. Pavlovec M.G. Chto chitali sovetskie shkol'niki. Kak provodili uroki literatury nashi roditeli, babushki i dedushki, kakie knigi ih zastavlyali chitat' - i zachem eto bylo nuzhno // Bibliotchnoe delo. 2017. № 20 (302). S. 27-32.
2. Dostoevskij F.M. Dnevnik pisatelya (1873-1881). SPb: Lenizdat, 2001. 735 s.
3. Saraskina L.I. Dostoevskij: Zhizn' zamechatel'nyh lyudej. M.: Molodaya Gvardiya, 2011. 825 s.
4. Nechaeva V.S. Rannij Dostoevskij 1821-1849. M.: «Nauka», 1979. 287 s.
5. Fridlender G.M. Primechaniya // F.M. Dostoevskij. Polnoe sobranie sochinenij v tridcati tomah / pod red. G. M. Fridlendera. L.: Nauka, 1972. T.1.
6. Solomina N.N. Primechaniya // F.M. Dostoevskij. Polnoe sobranie sochinenij v tridcati tomah / pod red. A.S. Dolinina i E.I. Kijko. L.: Nauka, 1972.
7. Majkov V.N. Literaturnaya kritika. Nечto o russkoj literature v 1846 godu // [Elektronnyj resurs] / URL: <https://arheve.com/read/maykov-vn/nechto-o-russkoy-literature-v-1846-godu-2/9065> // (Data obrashcheniya 07.02.2022).
8. Dostoevskij F.M. Polnoe sobranie sochinenij v tridcati tomah / pod red. G. M. Fridlendera. L.: Nauka, 1972.
9. Kijko E.I. Dostoevskij i ZHorzh Sand // Acta Litteraria Academiae Scientiarum Hungaricae, 1982. Т. 24 (1-2). P. 65-85.
10. Kijko E.I. Belinskij i Dostoevskij ob utopicheskom socializme // [Elektronnyj resurs] / URL: http://lib2.pushkinskiydom.ru/Media/Default/PDF/Dostoevsky/Materialy/T_14/22_Kijko_234.pdf // (Data obrashcheniya 07.03.2022).
11. Dostoevskij F.M. Sobranie sochinenij v 15 tomah. L.: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1989-1996.
12. Fomenko M.V., Marmazova T.I., Ugryumova M.V., Fomenko S.A. Istorijskij analiz problemy stanovleniya kategorii "Absolyutnoe" v russkoj religioznoj filosofii XI-XVIII vekov (douniversitetskij period) // Pravo i praktika. 2021. № 1. S. 185-194.
13. Fomenko M.V., Marmazova T.I. Linguophilosophical views on the nature of the language' cultural code // Pravo i praktika. 2021. № 3. S. 137-141.
14. Spivak Pavel. O monarhizme F.M. Dostoevskogo // URL: <https://proza.ru/2018/01/05/2038> // (Data obrashcheniya 17.03.2022).
15. Dostoevskij F.M. Dnevnik Pisatelya 1876. M.: Izdatel'stvo RUGRAMYA, 2018. 544 s.
16. Annenskij I. Izbrannoe. M.: «Pravda», 1987.

МАРКИН МАКСИМ ОЛЕГОВИЧ – студент, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова.

ФОМЕНКО МАРИНА ВИКТОРОВНА – кандидат философских наук, доцент, кафедра истории и философии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (maryfom@mail.ru).

MARKIN, MAXIM O. - Student, Plekhanov Russian University of Economics (max17markin@mail.ru)

FOMENKO, MARINA V. – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of History and Philosophy, Plekhanov Russian University of Economics (maryfom@mail.ru).

УДК 103.3

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-1-234-237

БЕЗВЕСЕЛЬНАЯ З.В. ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ

Ключевые слова: антропоцентризм, глубинная экология, экологизм, экологический кризис, экофилософия, экологическое мышление, экологическая мудрость.

В статье рассматривается роль духовного начала в процессе формирования экологической культуры в стране и мире. Современная цивилизация нуждается в серьезном переосмыслении и преобразовании на основе экологического мировоззрения. Это мировоззрение станет основой для принципиальных изменений в экономической и политической областях, новый смысл должен обрести научно-технический прогресс. Уважение и любовь к окружающему миру, экологическая духовность явятся гармонизирующей силой создания обществ, ориентированных на единство человека и природы. Это требует серьезного осмысления вопросов о месте человека в мире. Статья посвящена анализу философских предпосылок формирования экологического мировоззрения.

BEZVESELNAYA, Z.V.

HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS FOR THE FORMATION OF ECOLOGICAL CULTURE IN RUSSIA

Key words: anthropocentrism, deep ecology, ecology, ecological crisis, ecophilosophy, ecological thinking, ecological wisdom.

The author seeks to substantiate the role of the spiritual principle in the process of formation of ecological culture in the country and the world. Modern civilization needs a serious rethinking and transformation based on an ecological outlook. This worldview will become the basis for

fundamental changes in the economic and political fields, scientific and technological progress must acquire a new meaning. Respect and love for the surrounding world, ecological spirituality will be the harmonizing force for the creation of societies oriented towards the unity of man and nature. This requires a serious reflection on the place of man in the world. The article is devoted to the analysis of the philosophical prerequisites for the formation of an ecological worldview.

Throughout the history of philosophy, the question of the place of man in the world and the relationship of man to the world has been defined as central. Reflecting the needs of a person at specific stages of the development of society throughout the history of philosophy, the subject of its research is changing. Modern societies, steadily progressing in the production sector, have come into conflict with nature, threatening the disappearance of not only man, but all life on our planet. Therefore, today there is no topic more important than man and nature. It is safe to say that in relation to this topic, all the rest are secondary. K. Popper wrote: "In my opinion, the greatest scandal in philosophy is that while the natural world is dying everywhere around us - and not only the natural world - philosophers continue to discuss, sometimes cleverly, and sometimes not, the question of whether this world exists" [1, p. 46].

It must be admitted that at the beginning of the 21st century, philosophy in its statements about the essence and purpose of man still strictly follows the traditions of Christian (mainly Western) philosophy, which developed in the Middle Ages and was supplemented at the dawn of capitalism with ideas about man as a conqueror of nature, some kind of creative force, surpassing everything around. However, this old philosophy does not correspond to the changed circumstances of a global scale and requires serious rethinking, primarily from the point of view of anthropology and the doctrine of society [2, pp. 190-194]. Serious criticism of the opposition between man and nature in Christianity in the 19th century was given by F. Engels in *Dialectics of Nature*. He believed that only a complete revolution in the existing mode of production and, together with it, in the social system, could become a condition for overcoming the existing consumer attitude to nature and the destructive impact on it: "And the more this becomes a fact, the more people will again be not only to feel, but also to be aware of one's unity with nature, and the more impossible will be that ... unnatural idea of the opposition between ... man and nature, which ... has received the highest development in Christianity" [3, p. 496]. As you can see, F. Engels takes positions that consider Christianity as a source of opposition between man and nature, a violation of harmony in the relationship between them, while socio-natural unity, from the point of view of Marxist theorists, has a political and economic conditionality. At the end of the 20th century, the Norwegian ecologist and philosopher A. Ness, who undertook a critical analysis of the Bible regarding the relationship between man and nature, came to the conclusion that the Bible does not contain provisions on the relationship of man to the world, and emphasized that it was the Christian Church that created the worldview basis of the modern ecological crisis [See: 4]. To overcome this situation, the efforts of environmental science alone are clearly not enough, since it cannot tell us anything about the meaning of human presence in the world, as well as the content of environmental ethics.

A radical rethinking of philosophical anthropology must necessarily take place in the direction of abandoning the principle of anthropocentrism and developing the principles of ecologism and biospheric egalitarianism. It will not be possible to protect the planet from the destructive impact of man solely by legal and technological methods. What we need is not episodic environmental measures, or even a system of environmental protection measures, but a fundamental change in the type of society. The most important condition for the worldview of the new society should be the rejection of the consumer attitude to the planet and space, as well as the realization that the Earth is alive and everything on it has a sacred right to life.

Environmental problems are the result of a deep spiritual crisis that has gripped humanity in recent decades. Humanistic ideals have been replaced by the values of unbridled consumption, fragmentation and momentism, which have nothing to do with human wisdom. It is no coincidence that the philosophical (and religious) substantiation of the goals of scientific and technological progress and the endless increase in production is absent today. Philosophical analysis is also required by the idea of scientific and technological progress as the embodiment of human creative potential, and the growth of consumption as the goal of the development of modern societies, and the spiritual lag of humanity from its own scientific and technological achievements.

The principle of anthropocentrism, starting from the New Age, adapted the idea of infinite progress and became its ideological basis. Progress today is a value in itself. However, where is the philosophical

(and religious) substantiation of the humanistic value of scientific and technological progress? In practice, the principle of anthropocentrism, accepted as a dogma, has led to discrimination of nature and animals.

We are called upon to show the destructiveness of this principle in the modern era and the need to replace it with the principle of a humane attitude towards everything that exists in the world.

The central place in the new philosophy is occupied by the problem of man. To realize the world as a whole, to stop separating oneself from nature, to determine one's place in the ecosystem and, as a result, to achieve harmony with the world - this is the goal that the new philosophy sets for every person.

Changes in the relationship between society and nature must begin with a change in the consciousness of the individual. This requires the individual efforts of everyone and, at the same time, helps to overcome individualism. The goal is to expand human consciousness to an ecocentric one. To do this, a person needs an appropriate worldview. Such a worldview is already spontaneously taking shape and is accepted by many enlightened people. Also, ecocentric trends in recent decades are clearly manifested in contemporary art - music and painting.

Is the formation of such a worldview a difficult task for philosophy? Apparently not, since it existed in many ancient societies and exists today in the Buddhist eco-philosophy of wholeness, harmony and unity. "Calm in the one" - this is the basic principle of Indian philosophy.

The philosophical substantiation of the principle of ecologism and biospheric egalitarianism in the twentieth century was given by representatives of deep ecology [See: 5]. But the prerequisites for the formation of this principle are also contained in other philosophical systems, both Western and domestic.

Speaking about the philosophy of modern times, it is necessary to point out the anthropological views of J.-J. Rousseau, who argued that man is a natural being. But the basis for the formation of ecological consciousness was laid by B. Spinoza, who in his research came to the conclusion about the immanence of God and Nature [See: 6]. Man, according to Spinoza, is a part of nature, and not its crown or the center of the universe [See: 7, pp. 323 - 324.]. F. Schelling also had a significant impact on philosophical anthropology, considering the evolution of nature from a purely natural being to a spiritual one. Through the philosophy of nature, Schelling came to objective idealism, having developed a new type of dialectics - the objective dialectics of nature [See: 8.]. The main idea of Schelling's philosophy of nature was poetically expressed by the remarkable Russian poet F.I. Tyutchev, who had much contact with the great German philosopher:

"Not what you think, nature:
Not a cast, not a soulless face -
It has a soul, it has freedom,
It has love, it has language."

Throughout its development, Russian philosophy was characterized by admiration for nature, which found its expression in the ecological ethics of V.S. Solovyov. According to Solovyov's philosophical ecology, the process of interaction between man and nature has three stages. The first stage is the forcible removal from nature of everything that a person considers necessary, the drying up and depletion of lands as a result of predatory inept land use; helplessness of man in opposition to the elements. The second stage is a reasonable seizure, but also a violent one. The third stage is the complete cessation of violence against nature. "Without love for nature, it is impossible for nature itself to carry out the moral organization of material life," the philosopher wrote [9, pp. 311-312]. Blindness of man in relation to nature is stated (but not analyzed) by N.F. Fedorov in his *Philosophy of the Common Cause*. Apparently, it was N.V. Fedorov stands at the origins of noospheric thinking. Environmental focus has also the teaching of S.N. Bulgakov, set forth in the work "Philosophy of Economics" [See:10]. The author of the "Philosophy of Economics" continues to develop V.S. Solovyov's paradigm of socio-natural relations based on the recognition of the essential unity of man and the natural environment. In contrast to the Marxist position, S.N. Bulgakov, in his approach to the problem of interaction between society and nature, relies on the natural philosophical thesis about their unity, or identity, which, in his opinion, is alien to political economy. Berdyaev considers the problem of the formation of a new, Christian economic attitude to nature in Bulgakov's "Philosophy of Economics" as one of the aspects of the formation of a new religious consciousness. Historian of philosophy V.V. Zenkovsky emphasizes its cosmological orientation. According to Zenkovsky, the problem of anthropology in Bulgakov's philosophy recedes into the background: a person "dissolves" in the natural, cosmic whole.

The theme of the relationship between man and nature sounds especially clearly in the works of N.A. Berdyaev. The significance and relevance of Berdyaev's conclusions regarding the dependence of

man on technology has not been adequately assessed to this day. Technology separates man from nature and man falls into technical-machine dependence. Man becomes an instrument of production and the thing is placed above man. For Berdyaev, technology means a crisis of humanity. Berdyaev emphasized that the deep essence of a person suffers from this, it becomes empty. And most of all suffer people endowed with a "spark of God." "What is the main danger that a machine brings with it to a person, a danger that has already been fully revealed? I don't think it was a danger primarily to the spirit and spiritual life. Machinery and technology inflict terrible defeats on the spiritual life of man, and above all on emotional life, human feelings. The mental-emotional element is dying out in modern civilization" [See:11]. Man loses the natural rhythm of life. The life of an organism is slower compared to the ever-accelerating pace and aspiration to the future of technical civilization. Thus, man loses his connection with nature, placing between her and himself an artificial environment of technical tools. Berdyaev sees the future of mankind as very difficult, since a person will never give up science and technology, which in themselves are neither good nor bad. It all depends on what meaning the person himself gives to his inventions.

"Philosophy is the word of nature, the word of the mystery of the world, the word of life." According to P.A. Florensky, analytical or rationalistic worldview is not enough to comprehend the riddle of nature. Florensky criticizes the mechanistic opposition of man and nature, the consideration of nature through its constituent parts, which is characteristic of European rationalism, and insists on understanding nature as the embodiment of spirituality. Setting the task of forming integral knowledge, Florensky speaks of knowledge as comprehension. The comprehended nature shows its face, its individuality, which is impossible to know with the help of modern methodology. Florensky raised the question of the mystical and aesthetic comprehension of nature as an individuality, which includes scientific knowledge about the general (the synthesis of cognition and knowledge) [See:12].

In the article offered to readers, it is not possible and does not aim to analyze from the point of view of ecocentrism and environmentalism the works of all domestic philosophers who laid the foundations of ecological thinking. Moreover, even a detailed analysis of the philosophical teachings chosen for this study in the framework of a separate article is impossible.

At the same time, on the basis of this study, we can conclude that Western and Russian philosophy, while remaining generally anthropocentric, over the past century and a half has laid a solid foundation for the transformation of traditional philosophy, as well as the formation of an ecological worldview of the future, the central principle of which should become ecocentrism. In this regard, I would like to note the role of domestic philosophy. Russian philosophers perspicaciously discerned the emerging trend of changes in the nature of the relationship between man and nature and gave a theoretical analysis of the essence of these changes. For contemporary philosophers, this should be the reason for updating the study of the domestic philosophical heritage from the standpoint of environmentalism and ecocentrism [13].

References and Sources

1. Popper Karl R. Objective knowledge. evolutionary approach. M.: Editorial URSS, 2002 (in Russian).
2. Bezveselnaya Z.V. Some Directions and Tasks of the Development of Philosophical Thought on the Threshold of the Ecological Crisis // Law and Practice. No. 1, 2020. Pp. 194-198 (in Russian).
3. Marx K., Engels F.//Complete set of works, V. 20 (in Russian).
4. Naess, A. Ecology, Community and Lifestyle: Outline of an Ecosophy. Translated by D. Rothenberg. Cambridge. Cambridge University Press, 1989.
5. Peter R., Rothenberg D. Wisdom in the open Air: The Norwegian Roots of Deep Ecology. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993.
6. Spinoza B. Theological and political treatise // Selected works; in 2 vols. V. 2. M., 1957 (in Russian).
7. Spinoza. Treatise on the improvement of the mind// Selected works. In 2 vol. M., 1957. V. 2 (in Russian).
8. Schelling F. V. I. Works: in 2 volumes. V. 1. M.: Thought, 1987 (in Russian).
9. Soloviev V.S. Justification for goodness. M.: Respublika, 1996 (in Russian).
10. Bulgakov S.N. Philosophy of economy. Moscow: Yurayt, 2019 (in Russian).
11. Berdyaev N.A. Man and Machine // Questions of Philosophy. 1989. No. 2. Pp. 147-162 (in Russian).
12. Florensky P.A. At the watersheds of thought. Ways and focus (instead of a preface)// Works in 2 volumes. M.: Publishing house "Pravda", 1990. V. 2 (in Russian).
13. Barkova E.V. On the study of the worldview foundations of ecophilosophy // Bulletin of the Oryol State University. Series: New Humanities Research. 2013. No. 1 (30). pp. 180-186 (in Russian).

БЕЗВЕСЕЛЬНАЯ ЗОЯ ВЛАДИМИРОВНА – кандидат философских наук, доцент Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (enzoaya@yandex.ru)

BEZVESELNAYA, ZOYA V. – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor of the Plekhanov Russian Economic University.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ПРАВО И ПРАКТИКА

Ежеквартальное издание

Учредители:

АНО «Научно-исследовательский институт истории,
экономики и права»
НО «Кубанская коллегия адвокатов адвокатской палаты
Краснодарского края»

Издательство

АНО «Научно-исследовательский институт истории, экономики и права»

119192, Москва, Мичуринский проспект, 16, к.267

E-mail: info@helri.com. Официальный сайт: www.helri.com

Тел. +7 (495) 227-24-13

Подписано в печать 28.03.2022г.

Формат 64x92/8 Тираж 500 экз. Заказ № 5